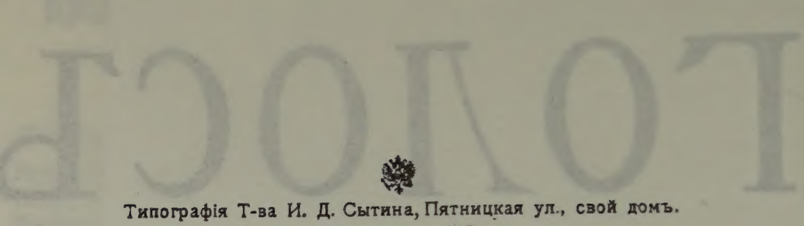
ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи
А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

№ 6. Іюнь. 1913.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва.—1913.

Printed in Switzerland

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

II. Воспоминанія:

III. Матеріалы:

IV. Обзоръ журналовъ:

V. Критика и библіографія:

Стр.

VI. Некрологъ:

VII. Хроника:

VIII. Романъ:

IX. Рисунки.

Юстиніанъ и крупное землевладѣніе сенатской знати.

(Страница изъ исторіи борьбы импер. правительства съ феодализирующими теченіями въ имперіи VI в.)

Странная участь постигла тотъ моментъ европейской исторіи, который обозначается обычно рубрикой: Византія. Въ то время какъ другіе «отдѣлы» ея, т.-е. исторіи романскихъ и германскихъ странъ успѣшно, съ интересомъ и энергіей разслѣдовались и изучались съ соціальной точки зрѣнія, въ эту область такъ называемой Византійской имперіи изслѣдовательская работа проникала и слабо и урывками, такъ что до сихъ поръ въ полной привычной сохранности остаются тѣ старинныя представленія о Византіи, византійщинѣ, какъ о царствѣ деспотизма, лицемѣрія, духовнаго застоя, какъ о тысячелѣтнемъ «живомъ мертвецѣ», которыя отвлеченно - антитетически были вычерчены раціоналистами XVIII вѣка и раскрашены знаменитымъ англійскимъ историкомъ Гиббономъ [1]). До сихъ поръ устойчиво держится и самый терминъ: Византія, византійскій, несмотря на полное отсутствіе за нимъ какихъ бы то ни было историческихъ основаній и смысла. До сихъ поръ «исторія Византіи» изображается въ видѣ скучнаго альманаха дворцовыхъ смутъ, безпорядочной смѣны царей и царицъ, религіозныхъ столкновеній и войнъ безъ конца. Словно этотъ историческій процессъ проходилъ безъ участія народа или общества, словно успѣхи въ пониманіи задачъ историческаго познанія заколдованнымъ образомъ не могутъ коснуться именно этого тридесятаго царства — Византіи. И развѣ не характерна самая возможность появленія въ наши дни такого допотопнаго и по содержанію и по пріемамъ труда, какъ «Исторія Византіи» проф. Юліана Кулаковскаго [2]).

Обыкновенно пытаются найти хотя бы отчасти объясненія такого своеобразнаго состоянія «византійской» исторіи въ скудости и

---

[1]) Гиббонъ. «Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи».

[2]) Юліанъ Кулаковскій. «Исторія Византіи», т. I—II. Кіевъ, 1911—1912 г.

неразработанности ея источниковъ, въ слабости интереса къ ней, какъ чужому прошлому, со стороны историковъ всѣхъ національностей. Думается, однако, что если такія объясненія въ состояніи *до нѣкоторой степени* удовлетворить и успокоить относительно неразвѣданности сравнительно позднихъ моментовъ даннаго историческаго процесса, то едва ли они могутъ быть приняты относительно самаго начала отдѣльнаго существованія Восточной имперіи.

I.

Это — имперія VI в., «эпоха» императора Юстиніана, которую считаютъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ и интересныхъ историческихъ моментовъ, какъ бы «соединяющимъ судьбы древняго и новаго міра». Но вѣдь и здѣсь въ общемъ все еще господствуютъ точки зрѣнія стародавняго Гиббона. Здѣсь, въ грандіозной картинѣ возстановленія въ новой силѣ всемірной Римской имперіи, все сводится къ всеобъемлющей и необыкновенно планомѣрной дѣятельности крупнѣйшаго изъ императоровъ, ее заполняетъ собой все накрывающая, подобно необъятному куполу его святой Софіи, личность Юстиніана. Этотъ чудесный выходецъ изъ темной провинціальной, даже полуварварской массы, достигнувъ престола, сумѣлъ твердо усвоить себѣ двѣ огромныя идеи, какъ бы завѣщанныя традиціей великаго мірового прошлаго: римскую идею вселенской монархіи и христіанскую идею царства Божія. Объединеніе обѣихъ въ одну теорію и проведеніе второй черезъ посредство свѣтскаго государства составляетъ своеобразіе концепціи, которая и стала сущностью политической доктрины такъ наз. византизма. Оружіемъ собиралъ Юстиніанъ утраченныя части всемірной имперіи, общимъ закономъ скрѣплялъ возсоединяемое государство, единой вѣрой и правымъ поклоненіемъ истинному Богу накрывалъ скрѣпленное зданіе.

Таковы обычныя представленія царствованія Юстиніана, строющіяся, главнымъ образомъ, на основаніи законодательныхъ памятниковъ (особенно, новеллъ) этого императора и трудовъ самаго важнаго изъ современныхъ ему историковъ Прокопія изъ Кесаріи (его «Войнъ» и «Построекъ»). Въ этомъ легко убѣдиться, взявъ новѣйшую, по своимъ размѣрамъ, казалось бы, исчерпывающую монографію о времени Юстиніана крупнаго французскаго византиниста Ш. Диля [1]). Если затѣмъ и присоединяются обыкновенно указанія на «оборотную» сторону дѣятельности великаго императора, главнымъ образомъ, на непосильное напряженіе податныхъ рессурсовъ населенія, на односторонне-фискальный духъ его режима, на рискованность его внѣшней политики, то все же представленіе остается неестественнымъ и мертвеннымъ. Величіе Юстиніана кажется не-

---

[1]) Ш. Диль. «Юстиніанъ и византійская цивилизація въ VI в.».

убѣдительнымъ, и во всемъ изображеніи мы такъ и не видимъ того, чѣмъ мы уже привыкли теперь интересоваться въ научно-исторической работѣ, что считаемъ основнымъ моментомъ, изъ котораго выясняются прочія стороны жизни: не видимъ *общества* Римской имперіи VI в. съ его группировками, движеніями и борьбой различныхъ его частей, отраженіемъ или выраженіемъ которыхъ лишь и могла стать правительственная дѣятельность даже самаго выдающагося государя.

Правда, въ данномъ случаѣ налицо еще одинъ своеобразный источникъ, открытый и ставшій извѣстнымъ собственно очень давно, еще въ XVII в., но только въ послѣднее время переставшій вызывать сомнѣнія и подозрѣнія. Увѣренное теперь и внимательное пользованіе имъ въ значительной степени позволило поколебать шаблонную схему неожиданнаго величія Юстиніана. Думается, однако, что не это важно, а другое, именно то, что разумѣемый мною источникъ помогаетъ проникнуть хотя бы отчасти въ общественную жизнь имперіи VI в. и прійти къ нѣкоторымъ любопытнымъ заключеніямъ.

Источникъ этотъ — небольшое сочиненіе, какъ теперь безповоротно доказано, того же Прокопія изъ Кесаріи, подъ названіемъ «Анекдоты» (Anecdota), т.-е. «не предназначенное къ изданію» или, какъ обычно его называютъ: «Тайная исторія» (Historia Arcana). Съ самаго момента открытія этого памятника хранителемъ Ватиканской библіотеки Алеманномъ въ XVII в. вокругъ него загорается жестокая борьба. Завзятые легисты, знатоки и поклонники римскаго права, дорожившіе свѣтлой памятью Юстиніана, придававшіе большое значеніе тѣмъ сочиненіямъ Прокопія, которыя поддерживали славу создателя Corpus Juris какъ великаго монарха-завоевателя и верховнаго руководителя Церкви, враждебно встрѣтили открытый Алеманномъ памятникъ. Они приняли появленіе его за вызовъ со стороны такъ называемыхъ куріалистовъ, папскихъ круговъ, въ которыхъ всегда были тенденціи унизить Юстиніана и поставить подъ сомнѣніе самое его православіе. Въ своемъ предисловіи къ первому изданію «Анекдотовъ» Алеманнъ не скрываетъ, что опубликованіе такого писанія должно быть очень не по сердцу юристамъ. Дѣйствительно, на Алеманна съ разныхъ сторонъ посыпались обвиненія въ оскорбленіи всѣхъ государей и королей, а «Тайная исторія» представлялась однимъ изъ venena Vaticana.

Такимъ образомъ, это небольшое сочиненіе привлекло къ себѣ необыкновенное вниманіе, и около него разгорается долгая, вѣковая борьба, пережившая и тѣхъ, кто ее началъ, т.-е. легистовъ и куріалистовъ. Съ одной стороны, все напрягались и углублялись попытки доказать, что трактатъ, изданный Алеманномъ, не болѣе, какъ поддѣлка, что нѣтъ основаній приписывать его извѣстному Прокопію, автору «Войнъ» и «Построекъ», что если это не

хитрая мистификація Алеманна, то самъ онъ могъ стать жертвой такого подлога, совершоннаго раньше. Съ другой стороны, все настойчивѣе повторялись аргументы за подлинность «Тайной исторіи», намѣченные еще ея издателемъ: ссылки на нее, какъ на произведеніе Прокопія, у писателя X в.—Свиды, и сходства языка «Тайной исторіи», съ языкомъ несомнѣнныхъ сочиненій Прокопія.

Переходя постепенно въ руки уже безпристрастныхъ историковъ и филологовъ, вопросъ о подлинности «Тайной исторіи» и о Прокопіи, какъ ея авторѣ, обсуждается и разслѣдуется и въ теченіе еще всего XIX в. За это время удалось разыскать еще нѣсколько списковъ трактата, что значительно переставляло и весь вопросъ. Мысль о «ватиканской отравѣ» пришлось оставить, и изслѣдователи, даже безусловно отрицательно относившіеся къ нему, старались показать лишь, что Прокопій, авторъ «Войнъ» и «Построекъ», не могъ быть авторомъ «Анекдотовъ». Несомнѣнная прекрасная освѣдомленность автора въ событіяхъ и жизненномъ складѣ имперіи VI в., страстность тона, обиліе намековъ на что-то, хорошо извѣстное предполагаемому читателю, заставили и позднѣйшихъ отрицателей-критиковъ признать въ этомъ авторѣ—современника бичуемыхъ имъ лицъ и событій. Нѣмецкій историкъ Ранке[1]) и совсѣмъ недавно, русскій византинистъ Димитріу [2]), пытались показать нецѣльность «Тайной исторіи», какъ политическаго памфлета, составленнаго изъ нѣсколькихъ кусковъ различной окраски. При этомъ допускалось, что сюда могли войти и какія-нибудь замѣтки Прокопія, но на ряду съ этимъ слышны голоса различныхъ группъ, враждебныхъ правительству Юстиніана и его ближайшихъ сотрудниковъ, а начальныя главы, направленныя противъ Велисарія, похожи на злобную выходку приверженцевъ другого генерала Нарсеса, соперника Велисарія. Всѣ эти куски потомъ были запаяны вмѣстѣ и накрыты авторитетнымъ именемъ Прокопія. Отсюда цѣлый рядъ несообразностей и противорѣчій внутри «Тайной исторіи».

Изслѣдованія Дана [3]) и сравнительно недавніе пересмотры вопроса о подлинности «Анекдотовъ», произведенные Б. Панченко [4]) и Гаури [5]), слѣдуетъ признать исчерпывающими. Предпринятое Даномъ кропотливое сравнительное разслѣдованіе «Тайной исторіи» и извѣстныхъ трудовъ Прокопія по языку и способамъ выраженія — привело его къ установленію даже не близости, а очевиднаго тождества языка этихъ произведеній, которое совершенно исключаетъ и мысль о поддѣлкѣ. Осторожное и вдумчивое, сравнительное же изученіе кругозора, основныхъ взглядовъ и вкусовъ «Тайной

---

[1]) Ranke, «Weltgeschichte», IV.

[2]) Въ Лѣтописи Ист.-филол. общества при Новоросс. унив. 1894 г., т. II.

[3]) Dahn, «Procopius v. Caesarea». 1865,

[4]) Б. Панченко. «О Тайной исторіи» «Прокопія», Спб., 1896 г.

[5]) Haury—«Procopiana, 1892 и Zur Beurteilung des Procopius», 1896.

исторіи» и сочиненій Прокопія, произведенное Панченкомъ, обнаруживаетъ при рѣзкой разницѣ въ ихъ содержаніи, настроеніяхъ и тенденціяхъ, безусловную одинаковость политическихъ, философскихъ, моральныхъ, религіозныхъ и соціальныхъ воззрѣній и даже предразсудковъ авторовъ «Войнъ» и «Анекдотовъ», такъ что только изъ упрямства можно не увидать въ нихъ одно и то же лицо.

Сближеніе и сліяніе этихъ авторовъ становится особенно убѣдительнымъ послѣ установленія признаковъ несомнѣнно близкаго знакомства автора «Тайной исторіи» съ сочиненіями Прокопія, т.-е. провѣрки ссылокъ первой на тѣ или иныя мѣста послѣднихъ. А въ такомъ случаѣ выдвигается впередъ вопросъ о времени составленія «Тайной исторіи». Эти вопросы неопровержимо разрѣшены Гаури въ его «Procopiana», чѣмъ закрывается и весь вѣковой споръ. Гаури доказалъ, что «Тайная исторія» была написана не къ 559 г., какъ думали раньше, а уже къ 550 г., когда Прокопій опубликовалъ семь книгъ своихъ «Войнъ». Настроеніе историка въ этотъ моментъ обнаруживается изъ послѣднихъ главъ «Войнъ». Походы на Западъ, предпринятые съ такимъ римско-патріотическимъ подъемомъ духа, начинаютъ складываться все неудачнѣе. Промахи и ошибки Велисарія въ Италіи, безучастное отношеніе какъ будто охладѣвшаго Юстиніана крушили свѣтлыя надежды такого патріота, какимъ былъ Прокопій. Въ его душѣ накапливается разочарованіе и горечь, и ему кажется, что имперія на краю гибели. Онъ готовъ былъ уже излить свое раздраженіе въ офиціозномъ трудѣ, но не рѣшился и для себя изложилъ все это въ замѣткахъ, которыя, конечно, не предполагалъ обнародовать немедленно. Здѣсь, будучи самъ съ собой, онъ далъ волю своему гнѣву, раздраженію и страстности своей натуры. Онъ отводилъ здѣсь душу, а не изслѣдовалъ, и потому не старался быть разборчивымъ въ матеріалѣ. Не то, чтобы онъ выдумывалъ и писалъ завѣдомую ложь, но онъ охотно заносилъ безъ провѣрки различнаго сорта сплетни, пущенныя злыми языками и про Юстиніана и про ближайшихъ къ нему лицъ. Передавая ихъ со свойственнымъ ему риторическимъ паѳосомъ, онъ невольно допускалъ и преувеличенія, и перекраску, и въ безразличныхъ фактахъ видѣлъ нѣчто зловѣщее и роковое.

Такое объясненіе происхожденія «Анекдотовъ» надо признать исчерпывающимъ, тѣмъ болѣе, что при немъ исчезаютъ всѣ хронологическія противорѣчія, которыя раньше оставались непонятными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается и опредѣленная точка зрѣнія на «Анекдоты», какъ на историческій источникъ, которымъ можно, наконецъ, воспользоваться. Подъ накипью раздраженія, за искаженіями мстительной ненависти, въ злобно-безпощадной карикатурѣ, можно разсмотрѣть фактическую основу. Но, можетъ-быть, самымъ важнымъ и цѣннымъ для историка и является именно самое это ненавистно-раздраженное настроеніе «Тайной исторіи»: въ немъ

слышны отзвуки живой, разжигающей страсти борьбы. «Тайная исторія» оказывается окрашенной въ опредѣленный соціально-политическій цвѣтъ и чрезвычайно выпукло выражаетъ интересы одной изъ наиболѣе видныхъ боровшихся общественныхъ группъ. Аристократизмъ автора, и притомъ не напускной, не отвлеченный, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ говоритъ отъ лица сословія или общественной группы, которую считаетъ «величайшей частью Римской имперіи». Это, какъ онъ выражается, ἡ σύγκλητος βουλή, «синклитъ», сенаторское сословіе, о которомъ у Прокопія необыкновенно высокія представленія. Называя различныхъ лицъ и дѣятелей своей эпохи, онъ никогда не забываетъ отмѣтить, принадлежитъ или нѣтъ данный человѣкъ къ составу этой почтенной корпораціи, и на основаніи этого судитъ объ его достоинствахъ и недостаткахъ. Одинъ изъ сенаторовъ, въ санѣ патрикія, пришедшій къ императрицѣ Өеодорѣ за денежнымъ пособіемъ, произноситъ цѣлую патетическую рѣчь о высотѣ и достоинствѣ сенаторства... «Сенаторы — носители народнаго богатства и главная опора могущества имперіи. Ихъ разореніе является разореніемъ государства; ихъ приниженіе является разрушеніемъ могущества имперіи». «Поэтому,—признается Прокопій въ другомъ мѣстѣ,—Юстиніанъ и Өеодора и казались, какъ мнѣ, такъ и большинству изъ нашихъ, не людьми, а гибельными чудовищами», потому что въ дѣятельности этого правительства, какъ самое отвратительное пятно, выдавалось систематическое разрушеніе великой и честнѣйшей корпораціи, которое двигало къ гибели и всю Римскую имперію.

Такимъ образомъ, «Тайная исторія» раскрываетъ царствованіе Юстиніана какъ критическій моментъ, какъ время обостренія борьбы правительства съ образовавшейся въ государствѣ аристократіей особаго рода, съ сенаторскимъ сословіемъ.

II.

Слѣдуетъ принять въ соображеніе, что уже къ серединѣ IV в. сенаторское сословіе (ordo senatorius) перестаетъ совпадать съ составомъ сената, какъ государственнаго учрежденія. Развивавшійся все больше абсентеизмъ членовъ сената заставилъ императорское законодательство санкціонировать то, что было создано жизнью. Конституція 443 г. (Өеодосія II) офиціально освобождала оба низшихъ ранга сенаторовъ отъ несенія служебныхъ обязанностей. Сенатъ фактически состоялъ теперь только изъ однихъ сановныхъ illustres — «сіятельствъ». Прочіе (clarissimi и respectabiles), числясь имперскими сенаторами, превращаются въ провинціальную землевладѣльческую знать, пополняясь и изъ состава вообще крупныхъ земельныхъ собственниковъ, т.-е. верхнихъ слоевъ муниципальной знати. Въ обладаніи этого круга сенаторскихъ фамилій по-

степенно скапливаются огромныя массы земель, расширяясь и на счетъ разорявшихся поссессоровъ-куріаловъ, и на счетъ земель фиска и патримонія, которыя императорское правительство въ своихъ интересахъ раздавало и въ наслѣдственную аренду богатымъ представителямъ знати, и въ пожалованія высшимъ сановникамъ. Свидѣтельства современныхъ писателей: Амміана Маркеллина объ этихъ «patrimonia sparsa per orbem», св. Кипріана о помѣстьяхъ на цѣлыя провинціи, Сидонія Аполлинарія и многихъ другихъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что еще, можетъ-быть, въ IV вѣкѣ земельный фондъ монархіи въ значительной степени передвинулся въ руки сенаторской знати. Есть свѣдѣнія о томъ, что еще Константинъ, перенося столицу имперіи на Босфоръ, привлекалъ сюда сенаторовъ, надѣляя ихъ огромными земельными пространствами въ Понтѣ и Малой Азіи. Съ усиленіемъ варварскихъ нашествій западные магнаты искали спасенія на Востокѣ, и правительство охотно испомѣщало ихъ на колоссальныхъ доменахъ въ малоазіатскихъ областяхъ, поскольку земледѣльческая культура здѣсь была развита сравнительно слабо. Позднѣе именно Малая Азія и сдѣлалась магнатскимъ центромъ Восточной имперіи.

Но особенно важно обратить вниманіе на то, что эти крупныя владѣнія сенаторовъ, по большей части подходившія подъ типъ такъ называемыхъ сальтусовъ, являлись «экзимированными», какъ и императорскіе домены. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію и объясняется тѣмъ, что имѣнія сенаторовъ, имѣвшихъ свое «origo» въ общей родинѣ — Римѣ, не входили въ составъ никакой изъ civitates. Юридическіе тексты поэтому и настаиваютъ на томъ, чтобы «a curialibus terris senatoria gleba giscreta sit».

Само же правительство, государство, когда ему все труднѣе становилось справляться со всѣми подробностями управленія мѣстной жизнью, радостно находило въ крупномъ экзимированномъ, т.-е. независимомъ отъ мѣстнаго муниципальнаго управленія, землевладѣльцѣ какъ бы готовый общественный органъ, которымъ оно могло воспользоваться въ своихъ административныхъ цѣляхъ. На него и возлагаются права и обязанности фискальнаго агента и полицейской власти. Автономный въ хозяйственномъ отношеніи магнатъ, надѣленный и аттрибутами административной власти надъ населеніемъ своихъ земель, превращается въ значительную политическую силу, которой нетрудно было все болѣе эмансипироваться отъ воздѣйствія центра. Эти потенты, динаты (potentes, δυνατοί) постепенно присвоиваютъ себѣ все новыя государственныя функціи: они фактически освобождаются отъ податей и облагаютъ подвластное населеніе своихъ имѣній оброками и барщинами. Для обороны отъ внѣшнихъ враговъ они организуютъ цѣлыя частныя арміи, такъ называемыя ойкіи изъ рабовъ, кліэнтовъ и наемныхъ варваровъ. Исходя изъ даннаго имъ права представлять

на судъ живущихъ у нихъ людей, они все рѣшительнѣе захватываютъ и право суда надъ ними. Крупные господа чувствуютъ себя и распоряжаются въ V в. какъ настоящіе державцы, что такъ характерно выразилъ блаж. Августинъ въ письмѣ къ одному изъ нихъ: «Tu — possessor, ille — imperator; tu in fundo — ille in regno» [1]).

На этой почвѣ развивается и своеобразный институтъ патроцинія, патроната — перехода подъ покровительство и подъ частную власть магната и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлыхъ общинъ, и даже городовъ, поскольку umbra potentium являлась надежнымъ убѣжищемъ для всѣхъ, когда общественная безопасность переставала находить офиціальныхъ охранителей. Это, несомнѣнно, феодализирующіе процессы, въ V в. съ одинаковой силой развивавшіеся и на западѣ и на востокѣ имперіи [2]).

Рано или поздно государство въ лицѣ правящей власти должно было почувствовать въ потентахъ своихъ конкурентовъ и враговъ. Правда, среди тревогъ и опасностей отчаянной защиты имперіи отъ варваровъ ему было трудно обойтись безъ посредства мѣстныхъ владыкъ, а потому оно и не идетъ сразу на какія-либо рѣшительныя мѣры. Но уже съ конца IV в. императорское законодательство начинаетъ такъ сказать мелкую войну съ сенаторской знатью; только борьба эта направляется противъ косвенныхъ, особенно коловшихъ глаза, послѣдствій того ненормальнаго положенія, какое заняли въ имперіи крупные привилегированные землевладѣльцы. Императорскія конституціи запрещаютъ насильственные захваты земель, содержаніе частныхъ армій, постройку частныхъ тюремъ (carceres privati), а главное — патроциніи [3]). Тѣ же мотивы мы застаемъ и въ законодательствѣ Юстиніана: они лишь начинаютъ звучать здѣсь напряженнѣе и настойчивѣе. Возьмемъ для примѣра, изъ цѣлаго рода новеллъ, 30-ю, о проконсулѣ Каппадокіи. «Мы узнали,—читаемъ мы здѣсь,—что въ провинціи творится нѣчто невообразимое, такъ что частичными поправками здѣсь уже дѣлу помочь нельзя. Простые управляющіе потентовъ (но мы краснѣемъ отъ стыда!) съ поразительной дерзостью расхаживаютъ въ сопровожденіи цѣлыхъ отрядовъ служителей и челяди, и безъ стыда, безъ совѣсти грабятъ. Мы даже удивляемся, какъ сами наши подданные до сихъ поръ терпятъ это засилье... До насъ доходятъ многочисленныя жалобы духовенства, женщинъ на захваты ихъ собственности. Но и наши земли тоже растащены въ частныя руки»... Особенное вниманіе законодательства Юстиніана въ этой сферѣ

---

[1]) Augustini Epist. 66.

[2]) Cod. Theodos. XI, 24; XII, I, 146. Cp. Augustini Epist. 96, Salviani De gubern. Dei V, 8; Sidon. Apollin. Ep. III, 11.

[3]) Cod. J. I. VIII, 4; I. IX, 12; Nov Valentin. III, 8.

сосредоточено на особыхъ «титулахъ» или «санидахъ», которые ставились на земляхъ для обозначенія того, что онѣ въ силу патроцинія перешли подъ власть кого-нибудь изъ магнатовъ. Путемъ наложенія ихъ, очевидно, и расширялось крупное сенаторское землевладѣніе. Хотя еще въ началѣ V в. (судя по кодексу Юстиніана) императорское правительство объявляло право ставить титулы своей прерогативой и такимъ образомъ лишь за собой оставляло возможность расширять свое казенное землевладѣніе, притягивая подъ свой патронатъ окрестныя земли и селенія, однако власть не располагала средствами предупреждать злоупотребленія и нарушенія въ этой области со стороны крупныхъ владѣльцевъ. Запреты оставались только на бумагѣ, и Юстиніану пришлось считаться, повидимому, съ повсемѣстнымъ распространеніемъ частновладѣльческихъ титуловъ. По крайней мѣрѣ въ общей инструкціи областнымъ начальникамъ отъ 535 г. онъ особенно настойчиво указываетъ, какъ на одну изъ главнѣйшихъ ихъ функцій, на безпощадное искорененіе такихъ титуловъ. Онъ грозитъ за это, особенно раздражающее его, правонарушеніе конфискаціей имущества и публичнымъ преданіемъ позору, чтобы «эти люди (читаемъ мы въ указѣ понтійскому модератору) поняли, наконецъ, что не дозволяется обижать нашихъ подданныхъ». Конечно, такія сердобольныя фразы, подчеркиваемыя въ новеллахъ заботы о благѣ и интересахъ несчастной, угнетаемой мелкоты, пожалуй, и лицемѣріе. И въ сущности, иные мотивы руководятъ императоромъ въ его раздраженно-суровыхъ предписаніяхъ. Онъ ихъ и не скрываетъ, завершая почти каждое свое административное порученіе неизмѣннымъ указаніемъ: «Пусть такой-то особенно тщательно заботится о благоустройствѣ казенныхъ и императорскихъ имуществъ, которыя повсюду расхищены, расхватаны и доведены до ужаснаго состоянія».

Не ясно ли, что въ формѣ борьбы съ нарушеніемъ правительственныхъ привилегій, подъ маской защиты мелкой и казенной собственности отъ незаконныхъ захватовъ посредствомъ наложенія титуловъ, со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, законодательствомъ Юстиніана предпринятъ былъ походъ противъ расширенія магнатскаго землевладѣнія. Правительство, въ качествѣ собственника казенныхъ земель, стремилось лишить своего, ставшаго уже опаснымъ, конкурента средства этого расширенія, оставляя его исключительно своей привилегіей. Исходя изъ такихъ законныхъ основаній, оно и облегчало себѣ то увеличеніе императорскихъ доменовъ на счетъ крупнаго частнаго землевладѣнія, которое тоже въ широкихъ уже размѣрахъ совершалось при Юстиніанѣ. Историки этой эпохи — Агаѳій [1]), Эвагрій [2]), повѣствуютъ о кураторахъ императорскихъ

---

[1]) Agathii Schol, Περὶ Ἰουστινιανοῦ βασιλείας». Изд. Teubner, 1871.

[2]) Эвагрія, «Церк. исторія въ Patr. grecque», v. 86.

имѣній, перетягивавшихъ частныя земли въ свои вѣдомства. Насколько это движеніе было сильно именно при Юстиніанѣ, показываетъ и новелла императора Тиберія отъ 578 г., вызванная многочисленными жалобами крупныхъ владѣльцевъ всѣхъ областей на несправедливые захваты ихъ земель управляющими дворцовыхъ имѣній.

Въ такомъ случаѣ становятся понятными и рѣзкія заявленія «Тайной исторіи» о томъ, что Юстиніанъ присвоивалъ себѣ всѣ лучшія земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ большую цѣнность и прочія обвиненія этого источника, направленныя противъ Юстиніана, какъ демона-разрушителя сенаторскаго землевладѣнія. Борьба правительства съ аристократіей приняла, очевидно, серьезный оборотъ. Случайныя до тѣхъ поръ столкновенія сгущаются въ своего рода систематическую войну по всѣмъ пунктамъ.

III.

Въ объясненіи этого крупнаго и важнаго по своимъ послѣдствіямъ явленія едва ли возможно, конечно, удовлетвориться огульной ссылкой на личную безчеловѣчность Юстиніана, къ которой пытается свести все дѣло Прокопій въ «Тайной исторіи». Слѣдуетъ поискать болѣе дѣйствительныхъ мотивовъ вспыхивающей борьбы. И концы ихъ можно найти въ той же «Тайной исторіи», которая, помимо своего сенаторскаго аристократизма, пропитана еще и своеобразнымъ націонализмомъ. Авторъ все время подчеркиваетъ, что онъ римлянинъ, что его задача — описать несчастія, постигшія при Юстиніанѣ римскій народъ. Этотъ римскій народъ, римлянъ, государство которыхъ погубилъ Юстиніанъ, богатства которыхъ онъ расхитилъ, Прокопій противополагаетъ всѣмъ другимъ племенамъ-варварамъ. Онъ очень строгъ и придирчивъ въ этомъ различеніи и не считаетъ римлянами и многія племена, входившія въ населеніе имперіи. Но для насъ важно то, что Прокопій упрямо противополагаетъ самого Юстиніана римскому народу и государству римлянъ, и не только его, но и его предшественника Юстина. Съ какимъ чваннымъ презрѣніемъ онъ отчеканиваетъ: «Такъ обстояли дѣла у римлянъ съ Юстиномъ»,—«такъ губилъ Юстиніанъ римлянамъ ихъ имперію». Это для него, носителя высшей римской культуры, люди посторонніе, варвары: «Юстинъ даже подписать бумаги не умѣлъ, чего никогда прежде *у насъ* не бывало». Юстиніанъ самъ писалъ рѣшенія, но языкъ, осанка, образъ мыслей, порядки, — все у него варварское, все выдаетъ сына иллирійскаго мужика. Предшественникъ Юстина — Анастасій, былъ настоящій императоръ, уважавшій законы и лучшихъ людей, сберегавшій средства своего народа.

Прокопій нѣсколько разъ повторяетъ, что онъ излагаетъ не свою личную точку зрѣнія, но что *такъ* именно относились къ Юстиніану *«всѣ мы»*, т.-е. «синклитъ», οἱ λόγιμοι τῶν Ῥωμαίων сенаторская знать, повидимому, довольно значительная группа магнатскихъ домовъ, считавшихъ себя «истинно-римской» основой имперіи, смотрѣла на себя какъ на собственника, хозяина государства и населенія, опираясь на свое почти княжеское землевладѣніе. Это — черты, которыхъ не замѣтно въ настроеніи представителей той же имперской знати въ IV, да и въ началѣ V столѣтія. Нѣсколько странный подъемъ запоздалаго національзма, политическая претенціозность охватываютъ и сплачиваютъ ихъ только наканунѣ VI в. и именно въ Восточной имперіи. Здѣсь въ V в. идетъ не менѣе жестокая, чѣмъ на Западѣ, борьба съ варварами, которая организуется, какъ и на Западѣ., съ помощью варварскихъ же силъ. На этой почвѣ для отпора все усиливавшимся на Балканскомъ полуостровѣ готамъ имперія принуждена была такъ сказать предоставить руководящую роль незамѣнимому въ военномъ отношеніи малоазіатскому народцу исаврамъ... Не останавливаясь на выясненіи вопроса, почему выдвинулись именно въ V в. исавры, примемъ въ соображеніе, что они входили въ составъ населенія имперіи, но въ своихъ горныхъ, неприступныхъ гнѣздахъ оставались въ достаточной мѣрѣ автономными. Теперь исавры стали составлять лучшую часть войска, ихъ вожди заняли видныя военныя, а потомъ и гражданскія должности. Наконецъ въ лицѣ Зенона они заняли и императорскій престолъ. Послѣ устраненія готской опасности — съ выходомъ Теодориха въ Италію — въ имперіи, главнымъ образомъ, въ оттиснутой сенаторской средѣ, поддержанной и населеніемъ Константинополя и другихъ большихъ городовъ, поднимается противоисаврійская реакція, переливающаяся въ настоящее національное движеніе, направившееся и противъ преобладанія варварскихъ элементовъ вообще. Вступленіе на престолъ «прирожденнаго римлянина» Анастасія, «украшеннаго царской доблестью, свободнаго отъ корыстолюбія и другихъ страстей», и было торжествомъ сплотившейся въ своего рода политическую партію старо-римской аристократіи имперскихъ сенаторовъ-магнатовъ, усилившейся за V вѣкъ на Востокѣ благодаря «титулованной» иммиграціи сюда изъ западныхъ, занятыхъ германцами, странъ. Царствованіе Анастасія было золотымъ вѣкомъ столбовыхъ потентовъ и динатовъ, опиравшихся на свои автономныя вотчины-княжества, становившихся и политически руководящей силой въ государствѣ. Воспоминанія объ «истинно-римскомъ» правленіи Анастасія мелькаютъ и въ «Тайной исторіи», выступающей отъ лица всего «синклита». Но, повидимому, этотъ «синклитскій» кругъ не въ состояніи былъ надолго сохранить дружной сплоченности, и разошедшіяся линіи принуждены были допустить воцареніе иллирійскаго «варвара» — Юстина.

Все, что они могли сдѣлать, это встрѣтить новое правительство съ неудовольствіемъ. Передъ правительствомъ же Юстиніана, опиравшимся, какъ свидѣтельствуютъ Прокопій и Іоаннъ Лидъ [1]), на новыхъ, темнаго происхожденія дѣльцовъ, не связанныхъ со старыми традиціями, стояла весьма опредѣленная оппозиція, успѣвшая организоваться, главнымъ образомъ, въ такъ называвшихся «цирковыхъ партіяхъ». Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что иниціатива въ столкновеніи и борьбѣ исходила не со стороны правительства Юстиніана, а отъ оппозиціоннаго магнатства, подготовлявшаго, опираясь на свои крупныя состоянія, революціонную попытку 532 года, знаменитый бунтъ «Ника».

Если вдуматься въ нѣсколько безпорядочно и сплеча набросанныя сообщенія «Тайной исторіи», то можно разглядѣть, что Юстиніанъ въ ударахъ, наносимыхъ имъ крупному землевладѣнію сенаторской знати, выступалъ и какъ владѣлецъ государственныхъ и императорскихъ имуществъ и какъ носитель государственной власти. Захваты правительствомъ и его агентами крупныхъ состояній сенаторовъ, по указаніямъ «Тайной исторіи», производились различными путями. То это было вмѣшательство въ наслѣдованіе, при отсутствіи завѣщанія умершаго магната, когда императоръ объявлялъ себя автономнымъ наслѣдникомъ, какъ произошло съ состояніемъ Эвдаймона (comes rei privatae) или препосита Эвфрата. А по смерти знатнаго сенатора Зенона и еще двоихъ сенаторовъ Юстиніанъ овладѣлъ ихъ имуществами на основаніи завѣщаній, которыя считались подложными. То захватъ проводился въ видѣ «дара»—donatio, конечно, вынужденнаго или подложнаго... При этомъ, конечно, вспоминается указъ Юстиніана отъ 537 г., объявлявшій, что дары частныхъ лицъ императору не нуждаются въ обычныхъ формальностяхъ и протоколахъ. Третьимъ и безусловно самымъ любопытнымъ способомъ разгрома крупныхъ владѣній Прокопій называетъ ложныя обвиненія, приводившія къ конфискаціи. Вѣдь и законодательные памятники царствованія Юстиніана обнаруживаютъ особую склонность этого императора именно къ такому роду наказаній: конфискація примѣняется очень широко: прежде всего за преступленія противъ государства, а затѣмъ и за такія уголовныя, которыя по своей важности приравнены къ политическимъ: грабежъ и насиліе, похищеніе дѣвицъ и монахинь, преступленія противъ Церкви, отпаденія въ ереси, противоестественные пороки. «Тайная исторія», перечисляя обвиненія, взводившіяся Юстиніаномъ на гонимыхъ сенаторовъ, любопытнымъ образомъ называетъ именно тѣ же самыя, но, конечно, здѣсь рѣшительно указывается, что самыя обвиненія были ложными. И въ цѣлой вереницѣ конфискацій вотчинъ и богатствъ самыхъ видныхъ пред-

[1]) Johannis Lydi, De magistratibus».

ставителей сенаторскаго сословія, подчеркивается сознательное, систематическое разрушеніе этого сословія и его крупныхъ состояній. Пересматривая ряды этихъ ударовъ правительства, какъ ихъ можно собрать изъ сочиненій Прокопія, а отчасти и др. хроникъ, все болѣе убѣждаешься въ политической подкладкѣ безконечныхъ столкновеній и судебныхъ процессовъ.

Изъ нихъ, конечно, выдѣляются массовыя колоссальныя конфискаціи послѣ знаменитой революціонной попытки «Ника» 532 г. «Тайная исторія» своеобразно хочетъ видѣть въ этомъ мятежѣ и послѣдовавшемъ «великомъ царскомъ террорѣ» искусственно вызванное и раздутое самимъ правительствомъ возмущеніе съ цѣлью однимъ разомъ произвести земельную экспропріацію всего якобы крамольнаго сенаторскаго сословія. Весьма возможно, что въ такомъ объясненіи есть односторонность, раздраженное преувеличеніе, но общая тенденція правительства Юстиніана схвачена едва ли невѣрно. Судя по описанію борьбы цирковыхъ партій: прасиновъ и венетовъ у того же Прокопія и по свидѣтельствамъ и другихъ источниковъ, вражда партій и мятежъ 532 г. стояли въ связи съ недовольствомъ весьма значительной группы сенаторскихъ фамилій правительствомъ Юстиніана: во вспыхнувшей революціи, въ попыткѣ повалить Юстиніана, около провозглашеннаго мятежными кругами анти-императора Гипатія сплотилась какъ разъ вся наиболѣе видная сенаторская знать. И великій царскій терроръ, постигшій эти круги, повидимому, имѣлъ реальныя основанія.

Опредѣленное впечатлѣніе послѣ этого производятъ и приводимые дальше Прокопіемъ многочисленные примѣры разгрома Юстиніаномъ при участіи императрицы Ѳеодоры отдѣльныхъ особо крупныхъ земельныхъ состояній. Захвачены были колоссальныя владѣнія Зенона, внука императора Анѳемія, сенаторовъ Таціана, Демесѳена, Гиляра, которыхъ Прокопій называетъ самыми видными членами сенаторскаго класса, затѣмъ Діонисія изъ Ливана, Іоанна, крупнѣйшаго богача Эдессы. Слѣды политической борьбы могутъ быть обнаружены и въ цѣломъ рядѣ религіозныхъ процессовъ, направлявшихся косвенно къ отобранію земельныхъ богатствъ. Таково, несомнѣнно, дѣло Амантія, виднаго придворнаго сановника, обвиненнаго искусственно въ неуважительномъ отношеніи къ патріарху. Въ иныхъ случаяхъ къ конфискаціи правительство подходило и стариннымъ путемъ процесса laesae majestatis. Такъ сломлены были большія вотчины родственниковъ императора Анастасія; такъ разрушено было почти владѣтельно-княжеское положеніе знаменитаго Велисарія. Всматриваясь, наконецъ, въ имена осужденныхъ и подвергнутыхъ конфискаціи въ «великомъ гоненіи противъ эллиновъ», какъ оно описано въ лѣтописи Ѳеофана [1]),

[1]) Theophanis Chronicon.

и замѣчая здѣсь сплошь земельныхъ магнатовъ-сенаторовъ: Македонія, экс-префекта Асклепіодота, Пегасія «со чады», патрикія Фоку, квестора Ѳому, естественно предположить и подъ этимъ процессомъ опредѣленную подкладку.

Всѣ приведенныя выше извѣстія, находящія, какъ видѣли мы, отголоски и въ новеллахъ — въ своей суммѣ, вмѣстѣ съ наличностью такого сочиненія; какъ сама «Тайная исторія», думается, съ достаточной убѣдительностью вырисовываютъ царствованіе Юстиніана въ чертахъ своего рода критическаго момента, времени, когда бурно вспыхнула давно подготовлявшаяся борьба между двумя противоположными силами: церковно-бюрократическимъ, императорскимъ правительствомъ и сенаторской знатью, опиравшейся на свое автономное княжеское землевладѣніе.

Но феодализирующія теченія уже глубоко и прочно внѣдрились въ общественную жизнь имперіи къ VI в. Крупное землевладѣніе, какъ экономическая плоскость расчлененія, стало надежно возобладавшей хозяйственной формой. Борьба съ носителями его, съ социальной группой, занявшей ненормальное положеніе въ государствѣ на такой основѣ, представляла огромныя трудности для правительства. Но даже если разгромъ сенаторской аристократіи, уничтоженіе ея громадныхъ вотчинъ-княжествъ и удались въ извѣстной мѣрѣ Юстиніану, то это еще не означало собой полной побѣды централизирующей государственности. Имперія не могла уже существовать безъ крупнаго землевладѣнія и крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ необходимыхъ своихъ органовъ: у правительства не оказывалось въ распоряженіи достаточныхъ средствъ для руководства жизнью подданныхъ безъ посредства этой вспомогательной силы. Бюрократическія орудія, при всемъ напряженіи ихъ энергіи, оказывались все болѣе негодными. Разрушать крупную собственность и содѣйствовать образованію средняго и мелкаго землевладѣнія было невозможно: для этого и въ составѣ общества имперіи не оказывалось подходящихъ элементовъ, и старыя традиціи имперіи, чуждыя демократизма, держали правительство вдали отъ возможности такого курса.

IV.

Въ результатѣ этой борьбы, рѣшительно веденной Юстиніаномъ черезъ все долгое царствованіе, крупное землевладѣніе, какъ хозяйственная форма со всѣми его характерными для поздней имперіи чертами — осталось. Только оно стало передвигаться на иной, социальный составъ носителей, оно начало переходить въ иныя руки, казавшіяся пока правительству покорными и вѣрными. То были церкви и монастыри.

Царствованіе Юстиніана какъ разъ обычно и считается золотымъ вѣкомъ основанія и роста монастырей [1]). И самъ онъ въ своихъ новеллахъ не разъ высказываетъ свой взглядъ на монастыри, монашескую жизнь, которая «приводитъ человѣка въ непосредственное соприкосновеніе съ Богомъ, превращаетъ его въ рыцаря созерцанія, парящаго превыше всѣхъ мірскихъ заботъ»[2]). Юстиніанъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ, что развитіе монашества является и прекраснымъ примѣромъ и *отличной политикой*: онъ сознательно, не только изъ набожности, но и для укрѣпленія государства, беретъ на себя поддержку этихъ «чистыхъ рукъ и святыхъ душъ» [3]), содѣйствуетъ учрежденію монастырей, регламентируетъ уставы ихъ жизни, обезпечиваетъ для нея матеріальныя средства, устанавливаетъ привилегіи духовенства.

Въ 536 г. въ самомъ Константинополѣ насчитывалось уже до 70 однихъ мужскихъ монастырей, но и позднѣе Юстиніанъ не переставалъ воздвигать новые, соперничая въ этомъ съ императрицей Ѳеодорой. Внѣ столицы—въ Палестинѣ, Сиріи, Месопотаміи, Исавріи, Арменіи, на Синаѣ, въ Африкѣ,—всюду идетъ монастырское строительство.

Соотвѣтственно этому напряженію созидательно-монастырской горячки совершался, внѣ всякаго сомнѣнія, и другой важный процессъ, на который я и хочу обратить вниманіе: быстрое накопленіе въ обладаніи церквей и монастырей крупныхъ состояній, сложеніе крупнаго монастырскаго землевладѣнія. Самъ по себѣ этотъ процессъ вполнѣ ясенъ: въ тревожное время, при своеобразномъ пониманіи набожности, многія крупныя состоянія перетягивались подъ монастырскій кровъ, при чемъ въ качествѣ мотивовъ сплетались здѣсь и желаніе спасти душу, и боязнь правительственной экспропріаціи, и избавленіе отъ тяжелыхъ податей и повинностей. Но любопытно то, что такое скопленіе національнаго богатства въ обладаніи духовныхъ общинъ не могло, конечно, входить прямо въ интересы казны и государства: монастыри отнимали подданныхъ у имперіи и лишали ее земель, нужныхъ для обработки, лишали все большей доли доходовъ, поскольку Церковь была изъята отъ несенія многихъ государственныхъ повинностей. А между тѣмъ въ законодательствѣ Юстиніана явно выражена тенденція къ охраненію и увеличенію церковно-монастырской собственности, и недвижимыя имущества, переданныя монастырю, объявляются вѣчной и неприкосновенной собственностью той общины, которая ихъ

---

[1]) *Knecht*, Die Religionspolitik Justinians I, 1896; *Nissen*, Die Regelung des Klosterwesens im Romaeerreiche, 1898; *Marin*, Les Moines de Constantinople, 1897.

[2]) Nov. 5.

[3]) Nov. 133.

получила. Отчужденіе какихъ бы то ни было церковныхъ владѣній влечетъ самыя суровыя кары, а всякій договоръ такого рода объявляется ничтожнымъ и не имѣющимъ силы [1]).

Вѣдь если императоръ и считалъ себя, какъ главу Церкви и намѣстника Божія, верховнымъ собственникомъ церковныхъ владѣній и монастырей, все-таки онъ не избѣгалъ опасности образованія въ имперіи новой могучей силы, которая легко могла превратиться въ анти-государственную. Это заставляетъ предполагать особые расчеты, которыми руководилось правительство Юстиніана, такъ рѣшительно создавая и упрочивая монастырское землевладѣніе. И можетъ быть, не будетъ ошибкой, если мы здѣсь примкнемъ къ объясненіямъ «Тайной исторіи» Прокопія, которая опредѣленно усматриваетъ въ этомъ мѣру, направленную къ разоренію старой сенатской знати съ ея княжескими вотчинами старо-римскаго экзимированнаго типа. Конечно, нѣтъ необходимости сводить все дѣло, какъ Прокопій, исключительно къ личному воздѣйствію Юстиніана. Правильнѣе было бы увидѣть въ этомъ первые признаки складывающагося антагонизма между духовенствомъ и частью свѣтскаго общества на почвѣ имущественныхъ интересовъ, при чемъ правительство считаетъ для себя болѣе выгоднымъ склониться на сторону перваго. Въ 13-ой главѣ «Тайной исторіи» находимъ мы такія любопытныя соображенія: «Казалось, что вѣра Юстиніана во Христа жива и крѣпка, но и это было только на погибель подданныхъ. Вѣдь духовнымъ онъ дозволялъ безпрепятственно чинить всякія насилія надъ мірянами и даже радовался, когда они разоряли окрестное населеніе, полагая, что это дѣло благочестивое. Въ тяжбахъ такого рода онъ считалъ справедливымъ, если кто-нибудь, ссылаясь на свое священство, захватывалъ непринадлежащее ему и выигрывалъ дѣло. И самъ онъ, захватывая незаконно имущество и живыхъ и мертвыхъ и посвящая его какой-либо церкви или монастырю, прикрывался маской благочестія, чтобы имѣть основаніе никогда не возвращать отобраннаго тѣмъ, кто потерпѣлъ насиліе».

Подводя итоги разсмотрѣнной полосы дѣятельности императора Юстиніана, опиравшагося на бюрократію, мы имѣемъ основаніе констатировать болѣе или менѣе полный успѣхъ рѣшительнаго натиска на старую аристократію, которая уже не оправлялась отъ этого «великаго царскаго террора». Сенаторскія вотчины, похожія на княжества, разбиваются и о нихъ затихаетъ рѣчь въ пoслѣюстиніановскомъ законодательствѣ. Поднимающаяся позднѣе аристократія такъ наз. «властелей» складывалась уже изъ иныхъ со-

---

[1]) Cod. Just. I, 3, 57; Nov. 5, 123, 67, особ. 7.

ціальныхъ элементовъ. Въ этомъ смыслѣ характерно одно признаніе самого Юстиніана въ новеллѣ 537 г. De ordine senatus, именно, что число сенаторовъ, не засѣдающихъ въ сенатѣ, почти сошло на нѣтъ. Законодатель скромно объясняетъ такое оскудѣніе тѣмъ, что усиленная государственная дѣятельность требовала привлеченія многихъ лицъ къ дѣйствительной службѣ. Но оказывалось, что и въ сенатѣ образовалось много пустыхъ мѣстъ, которыя Юстиніану пришлось заполнять вновь пожалованными въ сенаторы *съ пособіями отъ казны.*

Вмѣстѣ съ тѣмъ царствованіе Юстиніана приходится считать временемъ образованія въ имперіи крупнаго церковно-монастырскаго землевладѣнія, строившагося, какъ косвенно можно заключить изъ переписки папы Григорія Великаго [1]), по типу автономныхъ сальтусовъ. Ростъ и укрѣпленіе этихъ пользовавшихся всякими изъятіями, самоуправляющихся территорій, выбивавшихся изъ-подъ вліянія и центральной власти, и епископовъ, лишавшихъ государство служебныхъ и рабочихъ силъ, приводятъ къ концу VII в. къ тому, что чуть не половина земельныхъ имуществъ въ имперіи оказывается въ безвозвратномъ обладаніи церковныхъ учрежденій. Такое положеніе вещей могло грозить прямо существованію государства. Съ начала VIII в. императорское правительство, подъ давленіемъ осложнившихся войнъ, и начинаетъ съ нимъ борьбу, принявшую формы знаменитаго иконоборчества.

К. Успенскій.

---

[1]) Monumenta Germaniae, изд. Эвальда и Гартмана. См. *Mommsens*, Die Bewirtschaftug der Kirchengüter unter P. Gregor I. *Beaudouin.* Les grands domaines dans l'empire Romain.

Факты и легенды въ біографіи Ѳ. Г. Волкова.

(Къ стопятидесятилѣтію со дня смерти.)

Странная судьба постигла память объ этомъ талантливомъ русскомъ самородкѣ, сыгравшемъ, несомнѣнно, крупную роль въ исторіи отечественнаго театра. Никто изъ современниковъ Ѳедора Григорьевича Волкова не оставилъ о немъ никакихъ подробныхъ фактическихъ свѣдѣній и, несмотря на то, что кругъ знакомства его былъ очень широкъ среди выдающихся представителей образованнаго общества того времени (здѣсь можно назвать такія имена, какъ Сумароковъ, Фонвизинъ, Вас. Майковъ, Козицкій и сподвижникъ Волкова Дмитревскій), девять лѣтъ спустя послѣ его смерти знаменитый Н. И. Новиковъ, составитель перваго «словаря о россійскихъ писателяхъ», можетъ сообщить только самыя скудныя біографическія данныя и съ грустью отмѣтить, что его стихотвореній «ни у кого не могъ отыскать».

Затѣмъ на канвѣ, данной Новиковымъ, въ послѣдующее столѣтіе вырастаютъ цѣлыя легенды, которыя придаютъ образу Волкова какой-то сказочный обликъ. Всѣ эти сплетенія «былей и небылицъ» повторяются изъ устъ въ уста, переходятъ на страницы учебниковъ и словарей. Въ теченіе долгаго времени ни одинъ изъ фактовъ жизни Волкова не былъ точно установленъ (даже дата и мѣсто рожденія указывались различно [1]), многое и до сихъ поръ представляется невыясненнымъ и загадочнымъ. Многое же постепенно уясняется, становится безспорнымъ, благодаря стараніямъ историковъ драмы и театра. Среди такихъ изслѣдованій должна быть поставлена на первое мѣсто работа знатока нашего древняго театра

---

[1]) Считался родиной Волкова Ярославль («Отечествен. Записки» 1822 года № 32 и 1823 г. № 35), но Новиковъ еще указывалъ Кострому. Фактическій документъ, говорящій въ пользу Костромы, напечатанъ въ «Яросл. Губ. Вѣд». 1870 г. №№ 30 и 31, перепечатанъ въ «Ежегодникѣ Импер. Театровъ», сезонъ 1895 и 1896 г., прил. 1, стр. 82—88. Карабановъ «Основ. Рус. Театра». Спб. 1849, стр. 21, днемъ рожденія считаетъ 2 января 1729 г.; Энцикл. словарь Плюшара, т. XI, стр. 353,—2 февраля, но откуда ими взяты свѣдѣнія—неизвѣстно. Новиковъ указываетъ 9 февраля — дата принимаемая большинствомъ біографовъ.

П. О. Морозова, давшаго строго-научную біографію Волкова [1]); правда, въ ней сказывается чрезмѣрная осторожность и нельзя согласиться съ выводомъ, что «историческій», а не миѳическій Волковъ является «основателемъ не русскаго театра вообще, а русскаго частнаго провинціальнаго» [2]). Тѣмъ не менѣе и послѣ работы Морозова, можно сказать его же словами, «нѣтъ, кажется, такой нелѣпости, которая не подхватывалась бы людьми, писавшими о театрѣ, и не повторялась бы ими съ убѣжденіемъ, какъ несомнѣнный фактъ» [3]). Дѣло въ томъ, что почтенный историкъ не всегда излагаетъ тѣ основанія, по которымъ данное свѣдѣніе является несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, и невѣрные факты вновь и вновь неоднократно повторяются, а иногда и заучиваются, такъ какъ входятъ въ учебники исторіи литературы. Сбивчивое показаніе, догадка, намекъ, а иногда и просто опечатка или описка предшественниковъ Морозова становятся вновь достояніемъ историковъ театра, которые словно разсчитываютъ этимъ возвеличить заслуги талантливаго и энергичнаго піонера русской сцены. Съ другой стороны, не разъ поднимались протесты противъ вошедшаго въ обиходъ наименованія Волкова «основателемъ русскаго театра» [4]). Постараемся, еще разъ провѣривъ все, что написано о Волковѣ, дать его біографію, основываясь, главнымъ образомъ, на Новиковѣ, какъ на источникѣ всѣхъ дальнѣйшихъ біографій, и на документахъ, касающихся Волкова [5]), теперь напечатанныхъ.

Волковъ родился въ Костромѣ 9 февраля 1729 года. Его отецъ былъ костромскимъ купцомъ, какъ это видно изъ указа Бергъ-коллегіи. По смерти его мать вышла замужъ за ярославскаго купца Ѳедора Вас. Полушкина и переселилась съ нимъ на житье въ Яро-

---

[1]) «Ежегодникъ Импер. Театр.» сезонъ 1899—1900. «Юбилей русскаго театра».

[2]) Морозовъ. «Исторія Рус. Театра», стр. 6.

[3]) Ibid., стр. 4.

[4]) Морозовъ (ibid., стр. 6) этимъ именемъ называетъ пастора Грегори, Карабановъ — Сумарокова, и въ послѣднее время раздаются голоса противъ Волкова, какъ основателя русскаго театра (Статья Всеволодскаго въ «Еж. Импер. Театр.» 1912 г., VII).

[5]) Документы эти слѣдующіе: 1) О содержаніи комедіантовъ при корпусѣ; отношеніе Кабинета Ея Импер. Величества. 2) Требованіе бригадира А. П. Сумарокова. 3) Отвѣтъ корпуса Сумарокову. 4) Списокъ комедіантовъ, обучавшихся въ кадетскомъ корпусѣ 5) Прошеніе Ѳедора и Григорія Волковыхъ. 6) Реестръ Ѳ. Волкову; 1—6 напечатаны Карабановымъ. «Осн. Рус. Театра», стр. 98—109 7) Рапортъ кн. Н. Ю. Трубецкого. 8) «Камеръ-Фурьерскій» журналъ 1752, 12 и 13. 9) Указъ кн. Юсупову, подписанный барономъ Сиверсомъ. 10) Письмо кн. Юсупова барону Сиверсу. 11) Вѣдомость расходовъ Ѳ. и Г. Волковыхъ. Отрывки изъ документовъ (7—11) напечатаны бар. Дризеномъ «Матеріалы къ исторіи рус. театра». М. 1905, стр. 33—35. 12) Указъ Ея Импер. Величества, Самодержицы Всероссійской, изъ Государственной Бергъ-коллегіи въ Ярославскую провинціальную канцелярію. Напечатанъ Ярцевымъ. «Еж. Импер. Театровъ» 1895—1896. Прил. I.

славль. Преданье говоритъ, что Полушкинъ отправилъ своего пасынка въ Москву учиться въ Заиконоспасскую Академію [1]). Рядъ біографовъ путемъ различныхъ соображеній пытается опровергнуть это преданіе [2]), но большинство считается съ нимъ и не признаетъ опроверженій [3]). Думается все-таки, что слѣдуетъ принять лишь то, что онъ обучался въ Москвѣ музыкѣ и нѣмецкому языку, «на которомъ онъ говорилъ (впослѣдствіи) какъ природный нѣмецъ» [4]). Забѣлинъ дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что склонность къ театру открылась у него на праздничныхъ московскихъ спектакляхъ въ средѣ школьниковъ и молодыхъ подьячихъ [5]). Во всякомъ случаѣ, примемъ ли мы преданіе, разсказанное Шаховскимъ или же Новиковымъ, Волковъ изъ Москвы возвратился лѣтъ 13 или 14, такъ какъ въ 1743 году всѣ пасынки Полушкина (которыхъ, кстати сказать, было пятеро [6]), при чемъ Ѳедоръ былъ старшимъ) были уже въ Ярославлѣ [7]). Затѣмъ, какъ говоритъ Новиковъ, въ 1746 году онъ былъ отправленъ своимъ вотчимомъ въ Петербургъ, гдѣ онъ, несомнѣнно, могъ видѣть представленія какъ итальянской оперы, такъ и спектакли нѣмецкой труппы Аккермана. Представляется вопросъ, весьма существенный для опредѣленія сценической техники и репертуара Волкова, какое сценическое направленіе произвело на Волкова бо́льшее впечатлѣніе. Еще современники высказывали по этому поводу различное мнѣніе. Такъ, Новиковъ пишетъ: «Имѣлъ онъ прибѣжище къ итальянскимъ актерамъ, которые хотя и сами не весьма были далеки въ актерской должности, но г. Волковъ дошелъ, наконецъ, до познанія ея красотъ и тонкостей остротою своего разума и врожденной къ театру способности». Штелинъ [8]) же, не говоря ни слова о знакомствѣ Волкова съ итальянцами, пишетъ, что будто Волковъ въ Петербургѣ познакомился съ директоромъ нѣмецкаго театра Аккерманомъ, всегда ходилъ къ нему въ нѣмецкую комедію и въ Ярославлѣ устроилъ театръ въ подражаніе нѣмцамъ. И эти двѣ версіи продолжаютъ въ литературѣ о Волковѣ существовать до сихъ поръ. Академикъ Алексѣй Н. Веселовскій говоритъ, что «Волковъ всѣми свѣдѣніями своими объ

---

[1]) Преданіе это впервые приводится кн. А. А. Шаховскимъ. «Репер. рус. театра». 1840, № 6, стр. 3 и 4.

[2]) Горбуновъ, напримѣръ, «Полн. Собр. Соч.», изд. Маркса, т. II, стр. 278.

[3]) См. «Артистъ», 1892 г. № 22, стр. 118—119.

[4]) Новиковъ. «Опытъ».

[5]) Забѣлинъ. «Опытъ Изуч. Рус. Др.», стр. 454, т. II.

[6]) Указъ изъ Бергъ-коллегіи.

[7]) Предполагаютъ (изъ послѣднихъ біографовъ Ярцевъ и Горбуновъ), что за періодъ 1743—1746 жизни Волковъ находился подъ вліяніемъ нѣмецкаго пастора, состоявшаго при сосланномъ въ Ярославль Биронѣ; этотъ пасторъ могъ учить его нѣмецкому языку и музыкѣ.

[8]) «СПБ. Вѣстникъ». 1779 г., IV.

устройствѣ театральнаго дѣла, главнымъ одобреніемъ къ замыслу устройства ярославскаго театра былъ обязанъ тѣсной дружбѣ и указаніямъ даровитаго нѣмецкаго актера Аккермана, въ ту пору директора прекрасной нѣмецкой частной труппы»[1]). Извѣстно же, что въ репертуарѣ послѣдняго видное мѣсто занимали комедіи Мольера[2]). Если мы примемъ взглядъ Штелина, то естественно предположить, что Мольеръ заинтересовалъ Волкова, и что въ Ярославлѣ даются пьесы Мольера. Этотъ выводъ повторяется всѣми новѣйшими біографами[3]), при чемъ даже указывалась пьеса Мольера «Врачъ поневолѣ», будто бы игравшаяся въ Ярославлѣ[4]). Что касается послѣдняго извѣстія, то оно представляется намъ мало вѣроятнымъ. Несомнѣнно, комедія «Le médecin malgré lui» была извѣстна по-русски, но называлась она «Докторъ принужденный» или «О докторѣ битомъ». Переводъ же подъ названіемъ «Лѣкарь поневолѣ» дошелъ до насъ (въ печатномъ, правда, видѣ) лишь отъ 1788 года[5]). Но и увлеченіе Волкова Аккерманомъ невольно вызываетъ сомнѣніе. Извѣстны роскошь и блескъ итальянскихъ и французскихъ зрѣлищъ, которымъ особенно покровительствовала императрица, тогда какъ театръ нѣмецкій былъ вольный и не пользовался никакой извѣстностью (кромѣ Штелина, никто изъ современниковъ о немъ не говоритъ). Намъ представляется гораздо болѣе вѣроятнымъ мнѣніе другого историка[6]), основанное на Новиковѣ, что Волковъ въ Петербургѣ былъ увлеченъ итальянской оперой, и что «онъ перезнакомился съ итальянскими артистами, тщательно осмотрѣлъ само зданіе, здѣсь же онъ впервые ознакомился съ декламаціей или вообще съ театральной игрой, и такъ какъ здѣсь стояла опера, то, подражая речитативамъ, онъ усвоилъ себѣ игру нараспѣвъ, что впослѣдствіи въ его игрѣ почиталось большимъ недостаткомъ», и дѣйствительно, какъ теперь извѣстно, современники[7]), указывая, что стихи произносились до Дмитревскаго нараспѣвъ, добавляли: «Самъ г. Волковъ, заимствуя отъ итальянскихъ речитативовъ, несмотря на отличность игры своей, подверженъ былъ сему, несовмѣстному съ истиннымъ искусствомъ, пороку». Чтобы покончить съ вопросомъ о сценическихъ способностяхъ и пріемахъ игры Волкова, приведемъ еще одно свидѣтель-

---

[1]) А. Н. Веселовскій. «Западное вліяніе въ нов. рус. лит.». М. 1910, стр. 55.

[2]) Devrient. «Geschichte der deutschen Schauspielkunst». Berlin 1905. T. I, стр. 342.

[3]) Ярцевъ. «Основаніе и основатель рус. театра». Стр. 59.

[4]) Глинка. «Очерки жизни и избран. соч. Сумарокова». I, стр. 15.

[5]) Араповъ. «Лѣтопись» стр. 55 указываетъ постановку «Лѣкаря поневолѣ» въ 1759 году, но не извѣстно, откуда имъ взято это извѣстіе.

[6]) Забѣлинъ. «Опыты изуч. рус. древ. и исторіи», т. II, стр. 454.

[7]) Рукоп. Отдѣл. И. П. Б. Q XIV. 17 — выдержки приведены Всеволодскимъ. «Ист. театральн. образ. въ Россіи», т. I, стр. 185.

ство современника. Именно Штелинъ [1]) говоритъ, что Өедоръ Григорьевичъ «съ равной силой игралъ трагическія и комическія роли», и «настоящій его характеръ былъ бѣшеннаго», т.-е. больше всего ему удавались роли, гдѣ можно было проявить свой темпераментъ, «должно замѣтить, что онъ, невзирая на отмѣнность игры своей, не зналъ искусства декламаціи, искусства нужнѣйшаго для актера, которое уже было приведено въ лучшее совершенство славнымъ нашимъ трагикомъ Ив. Аө. Дмитріевскимъ».

Во всякомъ случаѣ, Волковъ, увлекшись въ Петербургѣ театромъ, по возвращеніи своемъ въ Ярославль принимается за устройство собственнаго театра. По смерти вотчима въ 1743 году Өедоръ Волковъ становится хозяиномъ и распорядителемъ всего имущества, какъ старшій въ семьѣ. Къ этому времени уже существовали многочисленные кружки молодежи, которые на толчокъ, данный свыше, «отвѣтили самостоятельнымъ движеніемъ, которое рано или поздно непремѣнно должно было привести къ устройству въ различныхъ мѣстностяхъ не только отдѣльныхъ спектаклей, но и болѣе или менѣе постоянныхъ театровъ» [2]).

И Волковъ собираетъ вокругъ себя сверстниковъ, которые образуютъ ядро его труппы. Это были — братъ его Григорій, Нарыковъ (знаменитый впослѣдствіи актеръ Дмитревскій), Соколовъ, Чулковъ и двое Поповыхъ. Сначала ими устраивается домашній, а затѣмъ и публичный театръ (при чемъ, по словамъ Новикова, «Өедоръ Григорьевичъ возымѣлъ прибѣжище къ зрителямъ» и съ ихъ помощью построилъ театръ, вмѣщавшій до тысячи человѣкъ). Неизвѣстно, когда открылись двери его, но, несомнѣнно, это было въ 1750 — 51 годахъ, такъ какъ лишь 21 декабря 1750 года было разрѣшено играть комедіи въ частныхъ домахъ [3]).

Неизвѣстенъ намъ и репертуаръ этого перваго провинціальнаго театра. Можно лишь высказать догадку, что здѣсь давались школьныя «дѣйства, столь распространенныя въ ту эпоху въ средѣ любознательной молодежи». Осторожный историкъ театра и драмы [4]), у котораго каждое слово взвѣшено, предполагаетъ, что это были пьесы изъ репертуара петровской «комедіальной палаты», вѣроятно, передѣлки популярныхъ повѣстей; возможно, что и пьесы изъ репертуара театра Грегори.

Біографы Волкова обыкновенно говорятъ о томъ, что здѣсь давались пьесы, имъ самимъ переведенныя съ итальянскаго и французскаго. И особенно часто повторяется, что Волковъ былъ переводчикомъ пьесъ Мольера, «которыя хранятся въ парижской библіотекѣ [5]).

---

[1]) «СПБ. Вѣст.» 1779 г., IV, 94.

[2]) Морозовъ, ibid., стр. 9.

[3]) Забѣлинъ, ibid., 456.

[4]) Морозовъ, ibid.

[5]) Ярцевъ, ibid., страница 95. Энциклопед. словарь Брокгауза и др.

Поучительно разсказать исторію возникновенія этой широко-распространенной легенды. Здѣсь особенно ярко видно, какъ описка можетъ послужить для созданія факта, съ которымъ приходится считаться. Въ 1858 году появилась въ Парижѣ статья р. Martinof'a «Les Manuscrips slaves de la Bibliothèque impérale de Paris», свѣдѣнія изъ которой повторены въ библіографическихъ запискахъ 1859 года [1]) въ статьѣ «Описаніе славянскихъ рукописей императорской парижской библіотеки». Здѣсь указывается, что въ библіотекѣ находятся восемь переводныхъ комедій Мольера и въ томъ числѣ переводы Волкова—«Школа женщинъ» (1754 г.) «L'Amour médecin» «Georges Dandin» (1757), Les précieuses ridicules, Le sicilien». Эти данныя дали возможность считать знаменитаго Ѳедора Волкова переводчикомъ пяти названныхъ комедій [2]). Это вызвало сомнѣніе людей [3]), интересовавшихся исторіей нашего театра. Горбуновъ потратилъ немало труда, провѣряя по каталогамъ Сопикова, Смирдина, драматическому словарю указанныя данныя и сопоставляя годы, которыми датированы переводы, съ годами Ѳедора Волкова, только что поступившаго въ корпусъ, заключаетъ, что переводчикомъ могъ быть другой Волковъ—Александръ, переведшій въ это время пьесу Ле-Грана «Новопріѣзжіе». И Горбуновъ оказался правъ: въ парижской библіотекѣ [4]), дѣйствительно, находятся переписанныя разными почерками второй половины XVIII вѣка восемь пьесъ, семь первыхъ — переводы комедій Мольера, какъ намъ удалось установить, вполнѣ совпадающіе съ печатными переводами тѣхъ же пьесъ, при чемъ только лишь про послѣднюю комедію «Сициліанецъ или любовь живописецъ» сказано, что это переводъ Александра Волкова. На первомъ и шестомъ мѣстѣ [5]) находятся комедіи L'Amour médecin и Les précieuses ridicules, неизвѣстно чьему перу принадлежащія, что

---

[1]) № 7, стр. 208 — 209.

[2]) Родиславскій. «Мольеръ въ Россіи», стр. 45.

[3]) Горбуновъ. Полное собр. соч. Издан. Маркса, стр. 278 и др.

[4]) Depart de mus., Slave, № 40.

[5]) Представляемъ описаніе данной рукописи: томъ въ четвертку, 462 листа.

№ I. Лл. 1 — 32. «Любовь докторъ», комедія въ трехъ актахъ Г. Мольера, переведена въ 1757 г. въ сентябрѣ.

№ II. Лл. 33—139 «Амфитріонъ», комедия сочинения Г. Молиера, переведена съ ѳранцузскова на Россійское языкъ П. С. (Свистуновымъ) въ Санктъ-Петербургѣ 1757 года».

№ 3. Лл, 140 — 272, комедія «Скупой» въ 5 действіяхъ г. Мольера переведена». (Переводъ Кропотова).

№ 4. Лл, 274—333. «Школа женъ», ком. въ 5 действіяхъ г. Мольера переведена 1754 году въ июле».

№ 5. Лл, 334—379. Комедія «Жоржъ Дандинъ или въ смятеніе приведенной мужъ», Г-дна Молера, въ 3 дѣйствіяхъ. Переведена сфранцузскова на русской языкъ въ 1757 году. Представлена на россійскомъ театрѣ 1758 года сентября 24 дня».

№ 6. Лл, 381—416. «Жеманныя щеголихи», комедія.

конечно, не даетъ никакого основанія приписывать ихъ основателю русскаго театра. Послѣдній переводъ, подъ названіемъ «Жеманныя щеголихи», вполнѣ совпадаетъ съ рукописнымъ текстомъ, хранящимся въ библіотекѣ московскаго Малаго театра, относительно котораго Родиславскій, основываясь на статьѣ О. Мартынова, высказывалъ предположенія о принадлежности его Ѳедору Волкову. Послѣ всего вышеизложеннаго это предположеніе отпадаетъ.

Въ 1751 году случайно посѣтилъ Ярославль сенатскій экзекуторъ Игнатьевъ, который заинтересовался предпріятіемъ Волкова и доложилъ о немъ генералъ-прокурору Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, который въ свою очередь доложилъ императрицѣ Елизаветѣ. Дальнѣйшую судьбу ярославцевъ представляется теперь возможнымъ изложить значительно подробнѣе, чѣмъ это было извѣстно біографамъ Волкова. Теперь сдѣлался достояніемъ печати рапортъ кн. Трубецкого отъ 3-го февраля 1752 г., хранящійся въ Госуд. Архивѣ Мин. Ин. д. [1]) Въ качествѣ существеннаго документа для судьбы нашего театра мы позволимъ себѣ его привести: «Минувшаго генваря 3-го ваше императорское величество всемилостивѣйше изустно указать мнѣ соизволили ярославскихъ купцовъ Ѳедора Волкова съ братьями, которые въ Ярославлѣ содержатъ театръ и играютъ комедіи и кто имъ для того еще потребенъ будетъ, привезти въ Санктъ-Петербургъ, и оной вашего императорскаго величества всемилостивѣйшій указъ мною въ сенатѣ записанъ, и означенные ярославцы Волковъ съ братьями и прочіе, всего двѣнадцать человѣкъ, сюды привезены, и при дворѣ вашего императорскаго величества объявлены, о чемъ вашему императорскому величеству чрезъ сіе всеподданнѣйше доношу». Этотъ документъ даетъ нѣсколько существенныхъ чертъ для судьбы ярославцевъ. Не говоря о томъ, что, слѣдовательно, всѣхъ ярославцевъ было 12 человѣкъ, а не 14 (какъ считали до обнародованія этого документа) устанавливается, что Волковъ прибылъ съ братьями (а не съ однимъ лишь съ братомъ Григоріемъ, какъ считали многіе), а главное устанавливается дата пріѣзда Волкова съ театромъ въ Петербургъ (а не въ Царское Село, какъ полагаетъ большинство біографовъ [2]). Теперь возможно установить и другую дату — перваго дебюта ярославцевъ и указать на пьесу, въ которой они дебютировали: это была не трагедія «Хоревъ», какъ

№ 7. Лл, 418—443. «Сициліанецъ или любовь живописецъ», комедія Г. Моліэра. Представлена впервой разъ на россійскомъ театре 1758 года сентября 24 дня. Переведена сфранцузскова языка Александромъ Волковымъ 1758 и генваря 20 дня. Въ Санктъ-Петербургѣ».

№ 8. Лл, 444—462. Комедія «Тресотиніусъ» (По замѣчанію проф. В. И. Рѣзанова «Парижскіе рукописные тексты сочиненій А. П. Сумарокова», СПБ. 1907 г., стр. 30. Текстъ, совпадающій съ печатнымъ).

[1]) Отд. XVII, 322.

[2]) Напр., Карабановъ, Серебренниковъ, Ярцевъ и др.

показываютъ всѣ лѣтописцы театра, а комедія св. Дмитрія митрополита московскаго «О покаяніи грѣшнаго человѣка». Это было 18 марта 1752 года [1]). При чемъ причина того, что долго медлили съ дебютомъ, заключалась, несомнѣнно, въ томъ, что пріѣхали они Великимъ постомъ, когда никакихъ спектаклей при дворѣ не было. По прибытіи актеровъ изъ Ярославля они были отправлены въ Смольный е. и. в. домъ, при чемъ «какъ кушаньемъ, такъ и питьемъ довольствовать» отъ е. и. в. вотчинной канцеляріи [2]).

До сихъ поръ повторялось, что по прибытіи въ Петербургъ, нѣкоторые изъ ярославцевъ: Волковы, Дмитріевскій и Поповъ были отданы въ кадетскій корпусъ «для обученія словеснымъ языкамъ и гимнастикѣ», при чемъ только нѣкоторые осторожные историки указываютъ, что братья Волковы были приняты въ корпусъ значительно позднѣе. На самомъ дѣлѣ требуется еще большее ограниченіе. Бар. Дризенъ указываетъ [3]), что ни Дмитревскій ни Поповъ ни въ какихъ документахъ даже не упоминаются, и встрѣчаются они лишь у одного Карабанова, который, вѣроятно, былъ введенъ въ заблужденіе вставками въ найденныхъ имъ документахъ. До 1754 года не было опредѣленія въ корпусъ никого изъ ярославцевъ. Указомъ объ опредѣленіи, подписаннымъ барономъ Сиверсомъ отъ 8 февраля 1754 г., сообщается кн. Юсупову, что «ея величество указала: находящихся въ Москвѣ россійскихъ комедіантовъ Ѳедора и Григорія Волковыхъ опредѣлить для обученія въ кадетскій корпусъ и содержать ихъ во всемъ противъ кадетовъ, подучить французскому и нѣмецкому языкамъ, танцовать и рисовать, смотря кто какой наукѣ охоту и понятіе оказывать будетъ, кромѣ экзерциції воинскихъ. Жалованье и содержаніе имъ производить въ годъ Ѳедору Волкову по 100 р., Григорію Волкову 50 р.» [4]).

Съ этого времени будущіе актеры упражнялись то въ нѣмецкомъ театрѣ на Большой Морской, то въ домѣ графа Головкина [5]), гдѣ въ ноябрѣ 1752 года былъ устроенъ театръ. Здѣсь играли разныя пьесы, но не публично [6]).

16 декабря 1752 года дворъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ пробылъ до 19 мая 1754 г. [7]) и за весь 1753 г. нѣтъ никакихъ извѣстій, касающихся петербургскихъ театровъ. Почтенный историкъ [8]) предполагаетъ, на основаніи переписки, обнародованной Караба-

---

[1]) «Камеръ-Фурьерскій» журналъ 1752 года.

[2]) «Архивъ Мин. Имп. Двора», 87, стр. 17.

[3]) Дризенъ. «Матеріалы», стр. 35. Однако Всеволодскій (223) считаетъ возможнымъ согласиться съ Карабановымъ.

[4]) Дризенъ. Матер. 35.

[5]) Всеволодскій, стр. 223.

[6]) Лонгиновъ. «Театръ въ Петербургѣ и Москвѣ», стр. 9.

[7]) «Кам.-Фурьерскій» журн. 1752, 1753 и 1754 гг.

[8]) Забѣлинъ, ibid, 459, за нимъ Ярцевъ, ibid, и Всеволодскій, ibid.

новымъ, гдѣ братья Волковы названы «московскими комедіантами», что Волковы въ это время были въ Москвѣ. Представляется возможнымъ это предположеніе подтвердить официальными документами, опубликованными бар. Дризенымъ [1]), кромѣ приведеннаго выше указа, гдѣ прямо названа Москва. Мы теперь знаемъ, что на слѣдующій же день послѣ указа «оные комедіанты отправлены отсюда сего 9 февраля, и отъ Москвы дс Санктъ-Петербурга прогоны выданы, а на выдачу жалованья послать имъ при семъ взятый изъ соляной конторы въ Санктъ-петербургское комиссаріатство вексель, выдачу (же) производить съ того времени, какъ они въ оную канцелярію явятся, и для того, когда они явятся, прислать въ кабинетъ извѣстіе». По какимъ-то причинамъ братья явились въ корпусъ въ разное время: Григорій Волковъ 26 февраля 1754 года, а Ѳедоръ 21 марта [2]).

Постараемся собрать все, что касается пребыванія братьевъ въ корпусѣ. Здѣсь представляется возможнымъ указать нѣкоторыя подробности, ставшія извѣстными за послѣднее время. Новиковъ сообщаетъ, что Волковъ, «будучи уже обученъ, упражнялся болѣе въ чтеніи полезныхъ книгъ для его искусства, въ рисованьи, музыкѣ и въ просвѣщеніи своего знанія всѣмъ тѣмъ, чего ему недоставало. Тамъ же, въ свободное отъ наукъ время, сдѣлалъ онъ самъ маленькій театръ, состоящій изъ куколъ, искусно имъ самимъ сдѣланныхъ; но онъ не имѣлъ удовольствія сего своего предпріятія довести до окончанія. Однимъ словомъ, въ бытность свою въ кадетскомъ корпусѣ употреблялъ онъ всѣ старанія выйти изъ онаго просвѣщеннѣйшимъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно». Эта цитата приводится почти всѣми біографами Волкова, хотя она требуетъ нѣкоторыхъ, однако, существенныхъ измѣненій.

Какъ видно изъ аттестатовъ корпуса отъ 1 іюля 1754 года [3]), какъ Ѳедоръ, такъ и Григорій Волковы учились въ корпусѣ наравнѣ съ другими, и слѣдовательно, Ѳедоръ не былъ уже обученъ, какъ пишетъ Новиковъ. Ѳедоръ Волковъ былъ по нѣмецкому языку «въ первоначальныхъ переводахъ нарочитаго знанія», по французскому «въ грамматическихъ правилахъ и деклинаціи посредственъ; понятенъ, прилеженъ, не безнадеженъ» въ итальянскомъ письмѣ, «пишетъ ѳоршрифты хорошо; прилеженъ и успѣха ожидать можно», фехтованніе—«хорошо», по танцамъ «зачинаетъ дѣлать миноветные па хорошо» (про Дмитріевскаго сказано, что онъ «миноветъ танцуетъ хорошо».)

Эти свѣдѣнія важны еще въ другомъ отношеніи, какъ совершенно справедливо полагаетъ Всеволодскій [4]): «устанавливается, что Ѳедоръ Волковъ, получившій «начальныя» знанія въ итальянскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ только въ корпусѣ, никакъ не

[1]) Дризенъ, ibid., 35.
[2]) Карабановъ. Основаніе русскаго театра, стр. 104.
[3]) Арх. 1 кад. корпуса.
[4]) Всеволодскій ibid, 228.

могъ переводить до того пьесы съ иностранныхъ языковъ, не говоря уже о переводахъ комедій Мольера, что нами опровергнуто выше.

Изъ прошенія братьевъ Волковыхъ, написаннаго подлинною Өедора Волкова рукою, мы видимъ, каковы были ихъ потребности. Өедоръ Волковъ выписываетъ «изъ Заморя» нѣсколько книгъ «театральныхъ и проспективическихъ» и, не имѣя на то свободныхъ денегъ, закладываетъ лисью епанчу и красный плащъ изъ сукна; теперь же съ наступленіемъ зимы проситъ выдать жалованье за весь 1756 годъ какъ для выкупа этихъ вещей, такъ и на то, чтобы «вновь покупкою исправиться». Сохранился также реестръ вещей, которыя нужны тому и другому брату. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе неприхотливость Өедора, который проситъ лишь самыя необходимыя вещи, тогда какъ братъ его нуждается и въ «пряжкахъ съ композиціей» и въ «двухъ парахъ чулковъ шелковыхъ» и 4-хъ томахъ Жилблаза на өранцузскомъ языкѣ» [1]).

Въ документахъ, обнародованныхъ за послѣднее время, находимъ еще дополненія характерныя для братьевъ. Григорій Волковъ пріобрѣтаетъ безконечное множество чулокъ и «тулупъ мерлушчатый» и епанчу, «томпаковыя туфли съ композиціей» и «безъ композиціи и только двѣ вещи, болѣе соотвѣтствующія положенію воспитанника: «дюгреневу грамматику» и скрипичныя струны. Старшій же братъ, какъ разъ наоборотъ, тратитъ меньше на уборъ, но зато не жалѣетъ денегъ «на выкупъ имѣющихся въ закладе ево книгъ», на покупку двухъ лексиконовъ французскихъ и грамматики, «шести печатныхъ трагедій», «клавикордъ и струнъ» и что, особенно важно, «зеркала для тражедіи і обученія жестамъ» (кстати сказать, самый большой расходъ — 10 рублей). Слѣдовательно, Волковъ не оставлялъ своей главной задачи и въ корпусѣ. Но принималъ ли Волковъ участіе въ спектакляхъ, устраивавшихся въ корпусѣ, и обучался ли онъ «тражедіи» у Мелиссино (какъ писалъ Карабановъ [2]) или у другихъ преподавателей декламаціи — Остервальда и Свистунова, которые преподавали это искусство «пѣвчимъ»,— остается невыясненнымъ, нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ, говорящихъ объ этомъ [3]). Но надо предполагать, что Сумароковъ не игнорировалъ Волкова и занимался съ нимъ, тѣмъ болѣе, что сохранилась книга, въ которой былъ напечатанъ «Синавъ и Труворъ», подаренная Сумароковымъ Волкову [4]).

Черезъ четыре года послѣ вызова Волкова изъ Ярославля, наконецъ, стало возможнымъ учредить театръ постоянный и общественный. То, что не могъ сдѣлать Петръ I, то удалось сдѣ-

---

[1]) Дризенъ. «Матеріалы», стр. 36 — 37, 286.

[2]) Карабановъ, стр. 27.

[3]) См. Всеволодскаго, стр. 224 — 230.

[4]) Книга принадлежитъ А. А. Бахрушину. На обложкѣ имѣется собственноручная помѣтка Ө. Волкова. «Театръ и Искусство», 1900, № 21.

лать его дочери. Созрѣла потребность въ театрѣ, появилась своя собственная литература, а главное, появилось нѣсколько человѣкъ, посвятившихъ себя этому дѣлу — появились «профессіоналы» и не «заѣзжіе комедіанты», а свои русскіе, на которыхъ правительство обратило вниманіе, позаботилось о довершеніи ихъ образованія и тогда стало возможнымъ издать знаменитый указъ объ учрежденіи русскаго театра подъ дирекціей бригадира Сумарокова, подписанный 30 августа 1756 года. И Волкова мы теперь встрѣчаемъ во званіи «придворнаго россійскаго актера». Наступаетъ самый темный періодъ жизни Волкова. Свѣдѣнія становятся все отрывочнѣе и отрывочнѣе. Неизвѣстны роли, въ которыхъ онъ выступалъ, а есть основаніе думать, что Волковъ особенно былъ замѣчателенъ какъ администраторъ. По крайней мѣрѣ, какъ только было разрѣшено учредить въ Москвѣ русскій придворный театръ (во второй половинѣ 1759 г. [1]), такъ туда былъ посланъ Волковъ съ Шумскимъ. Поѣздка Волкова въ Москву не принесла существенной пользы, такъ какъ Московскій театръ просуществовалъ всего три года, по выраженію Штелина «не долголѣтенъ былъ» [2]). Объясненіе этому мы найдемъ въ томъ, что Волковымъ были приглашены въ Петербургъ изъ Москвы [3]) знаменитая актриса Троепольская съ мужемъ и Мусинъ-Пушкина [4]). Такимъ образомъ, правильная жизнь Московскаго театра была нарушена.

Затѣмъ событія 1762 года застаютъ Волкова опять въ Петербургѣ. Это наименѣе выясненный моментъ въ біографіи Волкова. Существуетъ предположеніе, что Волковъ былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ ропшинской драмы [5])... Морозовъ [6]) говоритъ, что, «можетъ-быть, это подозрѣніе и наложило печать молчанія на уста современниковъ, такъ плохо сохранившихъ для насъ память о Волковѣ». Самъ Морозовъ считаетъ гораздо болѣе правдоподобнымъ, что здѣсь произошло смѣшеніе актера Волкова съ Дмитріемъ Волковымъ, извѣстнымъ кабинетъ-секретаремъ Петра III-го [7]).

---

[1]) «СПБ. Вѣстн., 1779., ч. IV, стр. 93.

[2]) «Рус. Ар.», 1870 г., стр. 1354, И. Новиковъ.

[3]) «СПБ. Вѣст.», 1779 г., IV, стр. 93.

[4]) «Рус. Арх.», 1870 г., стр. 1354.

[5]) В. А. Бильбасовъ. «Исторія Екатерины II.» Берл. т. II, 115. *Ред.*

[6]) «Еж. Имп. Т.», 1899 — 900., стр. 11—12.

[7]) Предположеніе не основательное. Въ «С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ» (1762 г., № 64) *Ѳедоръ* и Григорій Волковы были названы въ числѣ тѣхъ лицъ, которые «по ревности, для поспѣшенія народнаго, побудили самымъ дѣломъ ея величества сердце милосердное къ скорѣйшему принятію престола россійскаго и къ спасенію такимъ образомъ нашего отечества отъ угрожавшихъ оному бѣдствій». (*Рус. Ар.* 1864, стр. 403). Братья Волковы были произведены въ дворяне и обоимъ было пожаловано 700 душъ. Изъ сенатскаго указа видно, что это произведено въ Московскомъ уѣздѣ «изъ дворцовыхъ деревень». *Ред.*

Въ слѣдующемъ 1763 году мы опять видимъ Волкова въ Москвѣ, гдѣ онъ занятъ устройствомъ никогда невиданнаго въ Москвѣ громаднаго уличнаго маскарада, сочиненнаго Херасковымъ и Сумароковымъ, подъ названіемъ «Торжествующая Минерва». Не будемъ пересказывать содержаніе этого маскарада, такъ прекрасно разобраннаго Морозовымъ [1]), укажемъ лишь, какъ описываетъ его Болотовъ [2]). «Маскарадъ сей имѣлъ цѣлію своею осмѣяніе всѣхъ обыкновеннѣйшихъ между людьми пороковъ, а особливо мздоимныхъ судей, игроковъ, мотовъ, пьяницъ и распутныхъ и торжество надъ ними наукъ и добродѣтели: почему и названъ былъ «Торжествующею Минервою». И процессія была превеликая и предлинная: везены были многія и разнаго рода колесницы и повозки, отчасти на огромныхъ саняхъ, отчасти на колесахъ, съ сидящими на нихъ многими и разнымъ образомъ одѣтыми и что-нибудь представляющими людьми и поющими приличныя и для каждаго предмета сочиненныя сатирическія пѣсни. Передъ каждою такою раскрашенною, распещренною и раззолоченною повозкою, везомою множествомъ лошадей, шли особые хоры — гдѣ разнаго рода музыкантовъ, гдѣ разнообразно наряженныхъ людей, поющихъ громогласно другія веселыя и забавныя особаго рода стихотворенія, а индѣ шли огромные исполины, а индѣ удивительные карлы. И все сіе распоряжено было такъ хорошо, украшено такъ великолѣпно и богато и всѣ пѣсни и стихотворенія были пѣты такими пріятными голосами, что не иначе, какъ съ крайнемъ удовольствіемъ на все это смотрѣть было можно».

Организаторомъ и режиссеромъ всего этого маскарада былъ Ѳедоръ Волковъ, который сумѣлъ обучить болѣе четырехъ тысячъ людей, участвовавшихъ въ немъ, и самъ выступалъ въ балетѣ «Прибѣжище добродѣтели», программа котораго хранится въ собраніи А. А. Бахрушина въ Москвѣ. Волковъ простудился, разъѣзжая верхомъ на этомъ маскарадѣ, и четвертаго апрѣля 1763 года на тридцать пятомъ году жизни скончался.

«Сей мужъ былъ великаго обымчиваго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго разсужденія, и рѣдкихъ дарованій, украшенныхъ многимъ ученіемъ и прилежнымъ чтеніемъ наилучшихъ книгъ» [3]).

Другой современникъ, Фонвизинъ, также считаетъ его «мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ» [4]).

---

[1]) Морозовъ, ibid.

[2]) Болотовъ, т. II стр. 390.

[3]) Новиковъ, «Опытъ словаря».

[4]) Первое полн. собраніе сочиненій Фонвизина. Стр. 857

Третій современникъ, мнѣніе котораго о Волковѣ почему-то не приводится ни въ одной біографіи, Державинъ, говоритъ, что извѣстный уже намъ маскарадъ «сочиненіе знаменитаго по уму своему актера Өедора Григорьевича Волкова» [1]).

Любопытно, что всѣ отзывы единогласно указываютъ на умъ Волкова. Остается упомянуть еще объ одномъ преданіи, которое кажется возможно признать соотвѣтствующемъ истинѣ. Мы имѣемъ въ виду слѣдующія слова Новикова: «Сочиненія его весьма много имѣютъ остроты, а особливо ода «Петру Первому», великой достойна похвалы, и которая такъ же, какъ почти и всѣ прочія сочиненія, по смерти его утратились. Изъ его сочиненій остались извѣстными мнѣ только двѣ пѣсни: «Ты проходишь мимо кельи, дорогая», «Станемъ, братцы, пѣть старую пѣсню» и одна эпиграмма. До сихъ поръ во всѣхъ отдѣльныхъ біографіяхъ и даже въ «Русской поэзіи» Венгерова приводилась только эта эпиграмма.

«Всадника хвалятъ: хорошъ молодецъ!
Хвалятъ другіе: хорошъ жеребецъ!
Полно, не спорьте: и конь и дѣтина,
Оба красивы; да оба—скотина».

Теперь, благодаря В. В. Каллашу [2]), обѣ эти пѣсни возможно привести, онѣ перепечатаны во многихъ пѣсенникахъ конца XVIII и XIX вв., одинъ изъ варіантовъ ихъ мы и приведемъ [3]):

«Ты проходишь, дорогая,
Мимо кельи,
Мимо кельи, гдѣ чернецъ бѣдный
Горюетъ;
Гдѣ неволей добрый молодецъ
Постриженъ.
Ты сними съ меня, драгая,
Камилавку,
Ты сними съ меня, любезна,
Черну ряску;
Положи ко мнѣ на грудь ты
Бѣлу руку,
И пощупай, какъ трепещетъ
Мое сердце,
Обливаяся все кровью
Съ тяжкимъ вздохомъ:
Ты отри съ лица румяна
Горьки слезы,
И почувствуй сожалѣнье
Къ моей долѣ;

---

[1]) Сочиненія Державина, Изд. трет., т. VI, стр. 436.

[2]) Извѣстія отдѣл. рус. яз. и словес., т. VI, книга 3.

[3]) Собраніе образцовыхъ русск. сочиненій и переводовъ въ стихахъ, изданныхъ Общ. Люб. Отеч. Словесности», часть 2, стр. 282 — 83.

Не грѣхамъ моимъ прощенье
Умоляю,
Но чтобъ ты меня любила,
Мое сердце».

Какъ эта, такъ и слѣдующая [1]) пѣсни были положены на музыку.

«Станемъ братцы, пѣть старую пѣсню,
Какъ живали въ первомъ вѣкѣ люди,
О златые, золотые вѣки, } Повторяется послѣ
Въ васъ счастливо жили человѣки. } каждаго двустишія.
Землю въ части тогда не дѣлили,
Ни раздоровъ ни войны не знали;
Такъ какъ нынѣ солнцемъ всѣ довольны,
Такъ довольны были всѣ землею;
Злата, мѣди, серебра, желѣза
Не ковали ни въ ружья ни въ деньги;
Не гордились и не унижались,
Были равны всѣ и благодарны,
Всѣ свободны, всѣ были богаты,
Всѣ служили, всѣ повелѣвали;
Ихъ языкомъ сердце говорило,
И въ устахъ ихъ правда обитала.
На сердцахъ ихъ былъ законъ написанъ:
Самъ что хочешь, то желай другому.
Страхъ, почтенье неизвѣстны были,
Лишь любовь ихъ правила сердцами.
Такъ прямые жили человѣки,
Тѣ минули золотые вѣки»...

Помимо этихъ пѣсенъ въ «простонародномъ» духѣ, которыя остались послѣ Волкова [2]), Волкову принадлежитъ, по свидѣтельству одной современной рукописи [3]), по недоразумѣнію включенный Новиковымъ въ собраніе сочиненій Сумарокова, знаменитый «Хоръ къ превратному свѣту». Есть свидѣтельства [4]), правда не всѣми [5]) принимаемыя, что Волковъ сочинялъ и музыку. Такъ, сохранилась афиша отъ 27 ноября 1756 года о представленіи оперы «Танюша, или счастливая встрѣча», музыки актера Ѳ. Г. Волкова.

Мы постарались собрать все, что представляется безспорнымъ и возможнымъ (оговаривая все хоть нѣсколько сомнительное) относительно жизни Волкова. Полтораста лѣтъ прошло со смерти

---

[1]) Приводимъ по «Письмовнику» Курганова.

[2]) «Другъ Просвѣщенія», 1805, IV, стр. 85.

[3]) «Руск. Вѣст.» 1842 г., т. V, Отдѣлъ извѣстій и смѣси, стр. 23—28, см. такъ же «Исторію русск словесн.» Незеленова, подъ ред. В. В. Каллаша, стр. 209.

[4]) Родиславскій («Рус. Вѣд.», 1869 г. № 6, стр. 57), говоритъ, что онъ видѣлъ эту афишу, изъ коллекціи Носова, въ библіотекѣ Имп. СПБ. Театровъ. Любопытно, что ее нѣтъ въ «Хроникѣ Носова».

[5]) Горбуновъ не довѣряетъ подлинности этой афиши, 278.

его, но съ каждымъ годомъ становятся извѣстными все новые факты изъ жизни его, съ каждымъ годомъ исчезаютъ старыя легенды, окружавшія его имя, и есть надежда предполагать, что со временемъ біографія Волкова приметъ соотвѣтствующій дѣйствительности видъ и будетъ она полнѣе замѣтки Новикова, и историкъ, вспоминая смерть Волкова, сможетъ сказать больше, чѣмъ сказалъ Сумароковъ въ своей извѣстной элегіи къ г. Дмитревскому на смерть Волкова или В. Майковъ [1]), чью элегію, на кончину его почти забытую, мы приведемъ:

«Увидѣвши тебя повержениа судьбою,
Лежащи мертваго, безгласно предъ собою,
Вообразя, что всѣ мы смертны въ свѣтѣ семъ,
И постоянства нѣтъ ни малаго ни въ чемъ,
Давно ль, любезный другъ, съ тобою мы видались,
Давно ли дружбою взаимной наслаждались,
Давно ль ты мнѣ свои совѣты подавалъ
Давно ль я рѣчь твою пріятную внималъ?
Теперь изъ устъ твоихъ она ужъ не исходитъ;
Глаза, которые являли разумъ твой,
Закрылися навѣкъ ужасной смерти тьмой!
О бѣдный человѣкъ, разумна тварь и красна,
Колико ты умна, толико и несчастна».

*Владимиръ Филиппов*ъ.

---

[1]) Собр. сочин. СПБ, 1867 г., стр. 501.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

Біографическій очеркъ преимущественно по неизданнымъ матеріаламъ.

(Продолженіе.)

V.

Бесѣды съ Антонелли и послѣднія пятницы Петрашевскаго.

Около 10 марта 1848 г. наблюденіе за Петрашевскимъ было поручено д. с. с. Липранди. Въ запискѣ объ его дѣлѣ онъ говоритъ: «Нетрудно было узнать, что у него въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ бываютъ постоянныя по пятницамъ собранія [1]), на которыхъ, по выраженію простолюдиновъ, онъ *пишетъ новые законы*. Тогда уже я образовалъ настоящее наблюденіе за этими собраніями, и мнѣ приказано было непремѣнно проникнуть въ нихъ путемъ введенія какого-либо благонадежнаго лица». Такимъ агентомъ Липранди сдѣлался Петръ Дмитр. Антонелли, сынъ академика живописи Дмитрія Ивановича, родившійся въ январѣ 1825 г., въ 1835 г. поступившій въ 3 классическую гимназію, довольно посредственно окончившій въ ней курсъ въ 1844 г. и затѣмъ сдѣлавшійся студентомъ 1 отдѣленія филологическаго факультета по разряду восточной словесности. Липранди уговорилъ его оставить университетъ, что онъ и сдѣлалъ въ іюнѣ 1847 г. Антонелли, по офиціальному свидѣтельству, «послѣ должнаго испытанія и подготовки, оказался весьма способнымъ» на дѣло, ему предложенное, и «согласился принять его на себя, но съ условіемъ, чтобы имя его не сдѣлалось гласнымъ». Онъ опредѣленъ былъ въ январѣ 1848 г. канцелярскимъ чиновникомъ (съ жалованьемъ 130 руб. въ годъ) въ тотъ же департаментъ, гдѣ служилъ Петрашевскій, и ему удалось съ нимъ познакомиться. Слѣдуя даннымъ ему наставленіямъ, Антонелли сначала выказалъ недовѣріе Петрашевскому, давъ ему понять, «что его почитаютъ за *агента-вывѣдывателя*

---

[1]) Пятницы Петрашевскаго пользовались въ Петербургѣ широкою извѣстностью: Петровъ, мелкій чиновникъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, въ письмѣ къ знакомому 1 декабря 1848 г. называетъ въ числѣ удовольствій петербургской жизни: «проповѣди Нильсена, пропаганду Петрашевскаго», публичныя лекціи и фельетоны Плещеева.

(agent provocateur)». Это вызвало объясненіе, короче сблизившее ихъ, и Петрашевскій сталъ откровеннѣе говоритъ съ Антонелли. Тогда послѣднему приказали всякій разъ сообщать письменно «сущность ихъ разговора, стараясь при первой возможности записывать все, не упустивъ не только мысли, но и не проронивъ ни одного важнаго слова».

Только съ января 1849 г. начинаются донесенія Антонелли Липранди о всемъ, что онъ слышалъ отъ Петрашевскаго, котораго при этомъ онъ называетъ «извѣстнымъ лицомъ», а не по фамиліи. Съ самаго же начала оказывается, что Петрашевскій думаетъ не только о соціальныхъ преобразованіяхъ, но считаетъ необходимымъ и измѣненіе государственнаго строя и составленіе съ этою цѣлью тайнаго общества. Въ запискѣ Антонелли отъ 27 января 1849 года подъ заглавіемъ «Собственныя мнѣнія и слова одного извѣстнаго лица» (Буташевича-Петрашевскаго) онъ сообщаетъ слѣдующее:

«Одно правительство республиканское, представительное достойно человѣка, потому что и неприлично, и смѣшно существу, одаренному и разумомъ, и волею, и самопознаніемъ подчинять и тѣло свое, и душевныя способности произволу другого существа, отличающагося отъ него только самопроизвольнымъ деспотизмомъ. Всякій народъ долженъ управляться самъ собою, быть самъ властелиномъ, а не подчинять себя власти. И можетъ ли одинъ человѣкъ, имѣющій собственный интересъ, быть совершенно безпристрастнымъ къ интересамъ другихъ людей, совершенно ему противоположныхъ, можетъ ли даже онъ понимать интересы какого-нибудь класса людей, не принадлежа къ нему и имѣя съ нимъ совершенно разнородныя понятія. Да если бы онъ даже и соблюдалъ интересы своихъ подданныхъ, то и то только тѣхъ, которые были бы къ нему ближе и имѣли бы на него большое вліяніе, прочіе все же бы должны были страдать. — Сравните правительство С.-А. Штатовъ и наше, и вы убѣдитесь въ истинности моихъ мнѣній. Гдѣ можетъ быть хуже, неправильнѣй и утомительнѣе нашего судопроизводство? Сужденіе дѣлъ непремѣнно должно быть публичное, черезъ присяжныхъ... Гдѣ законы больше сбивчивы, безтолковы, противорѣчащи, какъ не у насъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ составить человѣкъ, принадлежащій совершенно къ другому классу, законъ для людей, которыхъ ни нуждъ, ни понятій, ни характера онъ не понимаетъ, да и понять не заботится. Изъ этого вы видите, что перемѣна правительства *нужна, необходима для насъ*, но перемѣнить его нужно не вдругъ, но дѣйствуя исподволь, приготовляя какъ можно осторожнѣе и вѣрнѣе средство къ возстанію *такимъ* образомъ, чтобы идея о перемѣнѣ правительства не заронилась бы въ головы двумъ, тремъ, десяти лицамъ, но утвердилась бы въ массахъ народа и казалась бы не *внушенной*, а естественно рожденной по положенію дѣлъ. — Дѣйствовать нужно на средній классъ людей, какъ имѣющихъ болѣе средствъ и болѣе причинъ быть недовольными. Высшій классъ..., естественно, имѣетъ и больше выгодъ, и удовлетворенной гордости при правительствѣ монархическомъ, потому,—говорилъ Петрашевскій Антонелли,—я и записался членомъ въ мѣщанское танцовальное общество, чтобы тамъ дѣйствовать на ремесленный классъ народа и привлекать его на нашу пользу. Уже не говоря (о томъ), что этотъ классъ многочисленъ самъ собою, но въ случаѣ нужды, каждый ихъ нихъ можетъ быть предводителемъ отъ 5 до 150 человѣкъ, совершенно ему преданныхъ и под-

властныхъ. — Впрочемъ, провести (т.-е. осуществить) эту «идею можно только или при перемѣнѣ властелина или уже воспользовавшись какимъ-нибудь необыкновеннымъ, непредвидѣннымъ случаемъ. Въ отношеніи раскольниковъ... должно дѣйствовать черезъ людей одного съ ними состоянія и, слѣдовательно, пользующихся ихъ особеннымъ довѣріемъ. Вообще дѣйствовать должно не только на отдѣльные слои общества, но и на отдѣльныя страны государства, напримѣръ, приготовивъ возстаніе на Кавказѣ, въ Польшѣ, въ Сибири...

«Общество должно составлять такимъ образомъ: собирать около себя людей въ маломъ числѣ и только такихъ, въ которыхъ вы совершенно увѣрились и опытомъ и продолжительнымъ временемъ. Идеи же свои внушать какъ можно большему числу людей, но такимъ образомъ, чтобы наводить ихъ только на нихъ и чтобы казалось, что эти идеи родились въ нихъ сами собою, безъ чьей-либо посторонней помощи... Такого рода внушенія и безопасны для васъ самихъ, и льстятъ ихъ самолюбію, и, слѣдовательно, имѣютъ больше успѣха. Набравъ такимъ образомъ черезъ внушеніе еще нѣсколько людей, стараться уже дѣлать изъ нихъ собранія не у себя, а у каждаго изъ нихъ отдѣльно. Поступая такимъ образомъ, не навлекаешь на себя подозрѣнія, а слѣдовательно, находишься дальше и отъ опасности быть открытымъ. Принимать у себя избранныхъ (нужно) такимъ образомъ, чтобы прислуга не знала ихъ фамилій. И наконецъ, въ обществѣ, когда встрѣчаются разногласія, быть иногда и на сторонѣ неправаго, чтобы не раздражить его самолюбія, но постоянной логикой все-таки привести его къ одному мнѣнію съ правымъ. Бояться должно особенно собственнаго своего письма, и если что-нибудь уже необходимо написать надо, то давать это переписывать другимъ, сохраняя оригиналъ у себя».

Петрашевскій пытался содѣйствовать Антонелли въ выработкѣ опредѣленнаго политическаго міросозерцанія; для этого онъ далъ ему «Dictionnaire politique. Encyclopedie du langage et de la science politiques rédigé par une réunion de députés, de publicistes et de journalistes avec une introduction par Garnier-Pagès. Publié par Duclerc et Pagnerre. (P. 1848, 3-me edit.), продиктовалъ списокъ 134 словъ, которыя Антонелли долженъ былъ перевести изъ этого словаря, и при этомъ дѣлалъ свои замѣчанія примѣнительно «къ нашему быту». Антонелли поспѣшилъ переписать этотъ списокъ для Липранди съ замѣчаніями Петрашевскаго по поводу нѣкоторыхъ словъ, такъ, напримѣръ: «association — слово особенно замѣчательное», «chef de partie» — на это слово Петрашевскій просилъ «обратить особенно вниманіе, развернуть самымъ подробнымъ образомъ», такъ какъ «мораль» его «особенно должна относиться къ намъ въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ», «constitution» — замѣчательно, «divan» — слово, по объясненію Петрашевскаго, «доказывающее присутствіе въ нашемъ правительствѣ болѣе деспотизма, нежели въ Турціи», «égalité — слово совершенно въ его вкусѣ», «Etats-Unis, Fédéralisme, Fédération, Fédérés — особенно замѣчательныя слова, какъ нить, на которой зиждятся всѣ его теоріи», «jury — по его словамъ, необходимо нужное для насъ», «prolétaire, prolétariat — идея, совершенно имъ усвоенная и приводимая имъ въ дѣйствіе во всѣхъ возможныхъ случаяхъ», «représentants, re-

présentants du peuple — просилъ развернуть идею пообширнѣе», «révolution — уже одно это слово, замѣченное имъ, достаточно, чтобы высказать его мнѣніе», «souveraineté, souveraineté du peuple— просилъ развернуть идеи этихъ словъ», «tiers-état — просилъ со вниманіемъ замѣтить и изучить», «république, Républiques-Américaines — идеи... совершенно ему родныя; всѣ его желанія, по крайней мѣрѣ, сколько можно видѣть изъ его разсужденій, клонятся къ тому, чтобы передѣлать наше правительство на манеръ Соединенныхъ Штатовъ и поставить его на ногу американскихъ республикъ, «comité» (вѣроятно, «Comité du salut public), «communauté» — «какъ вообще и другія подобныя сему слова, показываетъ его образъ мыслей». Кромѣ того, Петрашевскій далъ ему книги Токвиля «De la democratie en Amerique», A. Blanc «Histoire des conspirations et des executions politique, contenant l'histoire des sociétés secrètes (P. 1846), нѣсколько томовъ — «сочиненіе», по мнѣнію составителя одной офиціальной записки, «самое вредное, какое я когда-либо встрѣчалъ; Россія также помѣщена тутъ», Pelletan, «Histoire de trois journées de février» 1848, «Constitution de la république française, suivi de decret sur l'élection du président». (P. 1849). По внимательномъ прочтеніи всѣхъ этихъ книгъ, Антонелли долженъ былъ изложить «свои мысли съ примѣненіемъ къ нашему быту». Старанія Петрашевскаго развить Антонелли и дополнить его образованіе послѣдній со своей шпіонской точки зрѣнія объяснилъ желаніемъ имѣть «у себя разсужденіе, писанное рукою Антонелли» для того, чтобы «онъ могъ и его самого держать въ своихъ рукахъ, смѣло ознакомить со своими единомышленниками и ввести въ общество» [1]).

Увидѣвъ, что Антонелли, встрѣтившись съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ ему черкесовъ, дружески говорилъ съ ними, Петрашевскій пожелалъ этимъ воспользоваться и предложилъ начать среди нихъ пропаганду. Для этого онъ далъ ему словесное наставленіе [2])

---

[1]) Въ разговорѣ со студентомъ Толстовымъ Петрашевскій сказалъ объ Антонелли, въ присутствіи послѣдняго, что онъ «человѣкъ недоконченный, но что они, принявшись за него, сдѣлаютъ изъ него что-нибудь хорошее». Петрашевскій при всякомъ свиданіи побуждалъ Антонелли «скорѣе держать выпускной экзаменъ въ здѣшнемъ университетѣ», чтобы имѣть возможность опредѣлить его куда-нибудь учителемъ. «Какъ сверхъ того,—прибавляетъ Антонелли,—по всѣмъ моимъ соображеніямъ, у него должна быть очень значительная партія между студентами, то, я думаю съ первой же недѣли Великаго поста поступить въ университетъ» вольнослушателемъ. Эту мысль онъ сообщилъ Петрашевскому, который очень ей обрадовался и всячески старался поддержать его въ исполненіи этого намѣренія.

[2]) Диктуя списокъ словъ изъ энциклопедическаго словаря, онъ отмѣтилъ тѣ, которыя могли пригодиться съ этою цѣлью: «centralisation» онъ просилъ разъяснить для черкесовъ, «conscription, conseil, islamisme, orient», тоже для нихъ, «Turquie — для черкесовъ и для сравненія съ нами».

и поручилъ Антонелли составить записку такъ, чтобы «вкратцѣ изложена была общая идея... и потомъ особенно относительно горцевъ». Антонелли, набросавъ записку начерно, просилъ Петрашевскаго исправить ее, но тотъ изъ осторожности заставилъ самого Антонелли дѣлать поправки и дополненія, такъ что цѣлыя полустраницы писаны съ его словъ». Затѣмъ Петрашевскій совѣтовалъ «заставлять черкесовъ списывать своею рукою по частямъ, чтобы самъ Антонелли не могъ быть компрометированъ» и при этомъ прибавилъ: «Нужно только заронить въ ихъ головы эту идею, а тамъ она сама расцвѣтетъ и созрѣетъ». Записку эту агентъ Липранди доставилъ, разумѣется, ему, а не черкесамъ, съ поясненіемъ, что «черновое сочиненіе было прочитано» Петрашевскому «и потомъ уже, съ его словъ, распространено по его идеямъ».

Записка эта сохранилась; въ общей ея части мѣстами повторяются нѣкоторыя мысли Петрашевскаго о народномъ правленіи, которыя намъ уже извѣстны изъ приведеннаго выше донесенія Антонелли, но интересны и соображенія о связи личныхъ интересовъ съ общественными, и планъ государственнаго устройства страны черкесовъ послѣ переворота на Кавказѣ, предположеннаго Петрашевскимъ.

«Каждый человѣкъ есть частица цѣлаго общества людей, есть какъ бы вѣтка одного огромнаго дерева. Онъ безпрестанно долженъ находиться въ тѣсныхъ связяхъ съ своими ближними, и его отдѣльные интересы неразрывною нитью связаны съ интересами цѣлаго общества. Человѣкъ, естественно, стремится къ достиженію своего блага и счастья, благо же и счастье его совершенно зависитъ отъ блага и счастья цѣлаго общества. Хотя большая часть людей и основываетъ свое благополучіе на разрушеніи спокойствія своихъ ближнихъ, но подобный способъ достиженія собственныхъ интересовъ и ложенъ и непроченъ, потому что черезъ таковой способъ теряется кредитъ, и тогда человѣкъ долженъ поддерживать свое благоденствіе самъ собою, не имѣя подпоры въ своихъ ближнихъ. Между тѣмъ, если достиженіе интереса отдѣльнаго человѣка тѣсно связано съ достиженіемъ интересовъ его ближнихъ и, слѣдовательно, цѣлаго общества, тогда основаніе его счастья прочно и соблюденіе его интереса вѣрно, потому что тогда уже его отдѣльный интересъ становится вмѣстѣ и общимъ интересомъ. Итакъ, отъ благоденствія общества зависитъ и истинное благоденствіе каждаго человѣка отдѣльно, и слѣдовательно, общій интересъ долженъ служить ему какъ бы центромъ, къ которому стремились бы всѣ его отношенія.

«Въ прежнія времена, когда люди были еще въ невѣжествѣ, и слѣдовательно, не могли понимать ни собственнаго достоинства ни собственнаго блага, они принуждаемы были подчиняться власти сильнаго и предоставлять ему заботиться о ихъ собственномъ счастьѣ. Сильные, видя въ своей власти соблюденіе и достиженіе своихъ собственныхъ отдѣльныхъ интересовъ, старались держать имъ подвластныхъ людей въ невѣжествѣ и страхѣ, дабы распространеніемъ чрезъ образованіе новыхъ идей и понятій не нанести тѣмъ удара этой самой власти. Наконецъ, хотя впослѣдствіи времени образованіе понемногу и проникло во всѣ слои общества, но привычка имѣть надъ собою властелина вошла уже въ природу человѣка и скинуть съ себя эту обременительную тяжесть считалось даже смертнымъ грѣхомъ.

«Нынѣ, когда понятія людей просвѣтились, когда человѣкъ почувствовалъ собственное достоинство и вслѣдствіе того всю нелѣпость покорять и честь свою, и волю, и общеее благо интересамъ одного отдѣльнаго существа (пѣшки) [1]), онъ понялъ, что только одно правленіе народное, правленіе представительное, гдѣ бы сохранялись интересы каждаго отдѣльнаго класса людей и, слѣдовательно, каждаго человѣка отдѣльно, достойно его. Мысль, что общее благо есть истинное благо и каждаго отдѣльнаго члена общества, есть нынѣ уже аксіома»

Вотъ какъ должны были черкесы устроить управленіе своей страны по мысли Петрашевскаго въ передачѣ Антонелли:

«Верховное правленіе народа должно быть предоставлено совѣту, составленному изъ представителей племенъ подъ предсѣдательствомъ одного, избраннаго изъ ихъ же среды по большинству голосовъ. Представители должны быть избираемы изъ среды цѣлаго народа-племени и утверждаемы большинствомъ голосовъ. Совѣту предоставляется право заботиться о благахъ и нуждахъ цѣлаго народа, разсуждать о законахъ, о содержаніи войска, о мирѣ и войнѣ и, наконецъ, о всемъ, что касалось бы до общаго интереса всѣхъ племенъ вообще. Ему предоставляется право рѣшать распри между племенами, налагать на нихъ наборы войскъ и другія повинности, и рѣшенія его должны считаться священными. Для большей же вѣрности его дѣйствій всѣ внутреннія управленія племенъ должны доставлять ему свѣдѣнія чрезъ своихъ представителей о внутреннемъ ихъ состояніи и о существующихъ обычаяхъ. Главная цѣль совѣта — стремиться по возможности вводить вездѣ единообразныя узаконенія. Для скорѣйшаго хода дѣлъ должны быть устроены между племенами постоянныя сношенія въ родѣ нашей почтовой гоньбы. Наконецъ совѣщанія совѣта должны происходить публично, и присутствіе его находиться въ безопасномъ мѣстѣ.

«Внутреннее же управленіе каждаго племени особенно должно быть семейное, домашнее и основываться на законахъ, обычаяхъ и нравахъ народа, его составляющаго. Оно также должно состоять изъ совѣта представителей каждаго отдѣльнаго класса людей по выбору, и ему предоставляется власть судейская и исполнительная. Судопроизводство должно производиться публично черезъ присяжныхъ, основываясь на здравомъ смыслѣ законовъ и обычаевъ страны. Духовному классу предоставляется право заниматься дѣлами, до религіи только касающимися, отнюдь не вмѣшиваясь въ гражданское управленіе.

«Число представителей племенъ должно быть сообразно числу народа, примѣрно полагая на 15 тысячъ одного, продолженіе же времени ихъ управленія — три года.

«Таковое управленіе, самое простое, удобопонятное и человѣчное, влеклось бы естественно къ сохраненію интересовъ общихъ или общества и, слѣдовательно, къ сохраненію интересовъ каждаго человѣка отдѣльно. Такъ что отношенія каждаго человѣка къ правленію и отношенія правленія къ каждому человѣку въ особенности были бы общія и, слѣдовательно, служили бы центромъ, около котораго обращались бы всѣ интересы какъ общіе, такъ частные.

«Верховный совѣтъ долженъ внушать мысль, чтобы всѣ племена соединились и дѣйствовали общими силами и, наконецъ, чтобы племена, болѣе отдаленныя отъ театра дѣйствій, нежели племена пограничныя, помогали бы

---

[1]) Такъ, очевидно, назвалъ Петрашевскій людей, привыкшихъ покоряться волѣ одного.

этимъ послѣднимъ, какъ болѣе претерпѣвающимъ. Совѣтъ долженъ наблюдать за обученіемъ войска, вести болѣе регулярную и правильную войну, обратясь въ случаѣ нужды съ просьбою о помощи къ полякамъ, недовольнымъ Россіею, живущимъ во Франціи и другихъ государствахъ.

«Вообще черкесамъ должна быть внушаема мысль, что чрезъ подчиненіе себя русскому правительству они теряютъ свою самостоятельность, что страна ихъ, не дѣлаясь источникомъ богатствъ, которыя могли бы тамъ существовать чрезъ торговлю съ азіатскими и другими народами, дѣлается только путемъ, чрезъ который всѣ богатства будутъ проходить въ другія страны, и что, наконецъ, война Россіи съ Кавказомъ не есть желаніе народа, а только политика правительства, и что, слѣдовательно, съ перемѣною правительства въ Россіи должны перемѣниться и ихъ отношенія къ ней.

«Переворотъ на Кавказѣ полезенъ какъ въ общемъ человѣческомъ смыслѣ, такъ и въ ближайшемъ для насъ. Съ усиленіемъ сопротивленія на Кавказѣ потребуется усиленіе войска, налоговъ и, наконецъ, другихъ тягостей, которыя, естественно, всегда болѣе рождаютъ недовольныхъ, и, слѣдовательно, скорѣе въ массахъ возраждается идея объ улучшеніи правительства, и изъ этого ближе приводится къ цѣли общечеловѣческая идея о народномъ представительномъ правленіи» [1]).

Въ это же время (въ январѣ 1849 г.) Петрашевскій сказалъ Антонелли, что «цѣлость Россіи поддерживается только военною силою, и что когда эта сила уничтожится», или, по крайней мѣрѣ, ослабѣетъ, «то всѣ народы, составляющіе Россію, раздѣлятся на отдѣльныя племена, и что тогда Россія будетъ собою представлять нынѣшніе Соединенные Штаты Сѣверной Америки».

Антонелли спросилъ Петрашевскаго, не имѣетъ ли онъ поддержки въ Финляндіи, и получилъ отвѣтъ, что «интересы Финляндіи совершенно отдѣльны отъ нашихъ интересовъ, что она пользуется особыми правами, управляется собственными узаконеніями и при какомъ-нибудь движеніи у насъ сама, безъ поощренія, будетъ помогать нашимъ интересамъ, стараясь отдѣлиться и составить отдѣльное племя». Такимъ образомъ Петрашевскій не былъ централистомъ, какъ Пестель, а сочувствовалъ федеративному строю.

Въ концѣ февраля 1849 г. онъ сталъ разспрашивать Антонелли, какъ идетъ его пропаганда среди черкесовъ, и тотъ, уже достаточно сблизившись съ Петрашевскимъ, не видѣлъ болѣе надобности «передъ нимъ маскироваться съ этой стороны» и сказалъ ему, что, «не зная черкесовъ, живущихъ на Кавказѣ», онъ считаетъ невозможнымъ и «заикнуться о чемъ-нибудь подобномъ» тѣмъ изъ нихъ, которые находятся здѣсь при эскадронѣ въ виду ихъ преданности государю. «Хотя и пронесся слухъ о неудовольствіи ихъ на начальство», но это лишь относительно генерала Львова, котораго они, дѣйствительно, не жалуютъ. Петрашевскій высказался за то, чтобы теперь оставить черкесовъ въ покоѣ, а при удобныхъ обстоятель-

---

[1]) Антонелли пояснилъ, что «черновое сочиненіе было прочитано» Петрашевскому «и потомъ уже съ его словъ распространено по его идеямъ».

ствахъ [1]) «попробовать возмутить ихъ на мѣстѣ и тѣмъ отвлечь военныя силы». Любопытно, что ни слѣдственная, ни военно-судная комиссіи не коснулись предположеній Петрашевскаго относительно черкесовъ; быть-можетъ, это объясняется тѣмъ, что дѣло между Петрашевскимъ и Антонелли происходило по этому вопросу съ глазу на глазъ, и что полнаго довѣрія къ доносчикамъ люди военные, начиная съ самого имп. Николая, не питали, а записка о черкесахъ была написана рукою Антонелли.

Петрашевскій дѣлился съ Антонелли и общими соображеніями и политическими новостями. Такъ, въ половинѣ января 1849 г. онъ сказалъ: «Военная сила, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, непремѣнно должна уничтожиться или, по крайней мѣрѣ», до того ослабѣть, «что не можетъ быть опасной для внутренняго благоустройства государства. Уничтожиться же» или ослабѣть «она должна потому, что въ Германіи составляется конгрессъ, который, какъ говорятъ, для равновѣсія будетъ требовать уничтоженія въ государствахъ военной силы, удержавъ только національную гвардію для внутренняго спокойствія». Однако, повидимому, не замѣчая противорѣчія съ приведенными словами, Петрашевскій, если вѣрить Антонелли, продолжалъ: «Конечно, нашъ императоръ не согласится на это и будетъ отвѣчать вооруженной рукой, между тѣмъ какъ въ Европѣ только того и ждутъ. Если же этого и не случится, то, во всякомъ случаѣ, война неизбѣжна, и что онъ даже слышалъ о выступленіи нашихъ войскъ въ Галицію» [2]).

Когда во время разговора о черкесахъ въ концѣ февраля Антонелли замѣтилъ, что «очень бы недурно было забросить нѣсколько идей въ войско», то Петрашевскій отвѣчалъ ему: «При нашей дисциплинѣ это очень трудно сдѣлать», и кромѣ того, опасно, потому что, вообще говоря о военныхъ, — это народъ, по большей части, необразованный, съ какими-то странными, особенными понятіями и взглядомъ на вещи [3]), и что обладая какой-нибудь тайной, военный сейчасъ сдѣлаетъ себѣ изъ нея конька и будетъ на немъ выѣзжать передъ всѣми и каждымъ, и, наконецъ, это безполезно, потому что главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы идеи и желанія укоренились въ массахъ народа, а когда будетъ чего желать цѣлый народъ, тогда противъ него ничего не можетъ войско. — Сверхъ

---

[1]) У Антонелли сказано: «При какой-нибудь реакціи», можетъ быть въ смыслѣ противодѣйствія народа какимъ-нибудь мѣрамъ правительства, народнаго возстанія. Впрочемъ, Антонелли употреблялъ нѣкоторыя слова не въ надлежащемъ смыслѣ.

[2]) 1 мая 1849 г. въ вѣнской офиціальной газетѣ появилось извѣстіе, что имп. Николай согласился прійти на помощь австрійскому императору, а 4 іюня русскія войска уже вступили изъ Галиціи въ Венгрію. «Энциклопедическій Словарь Т-ва бр. Гранатъ», IX, 403.

[3]) Петрашевскій на допросѣ подтвердилъ эти слова.

того, войско трогать не только опасно, но и безполезно, потому что при первой же открывшейся кампаніи всѣхъ этихъ дураковъ и безъ того перебьютъ». Тутъ, вѣроятно, сказалось вліяніе Фурье, считавшаго армію и флотъ «національными паразитами» [1]), а кромѣ того, Петрашевскій, быть-можетъ, негодовалъ на военныхъ за то, что въ царствованіе Николая среди нихъ не возникло ничего подобнаго обществу декабристовъ. Если такъ, то онъ забывалъ, что въ кружкѣ, группировавшемся вокругъ него, были и офицеры, были также и другіе кружки преимущественно изъ военныхъ, хотя не соціалистическаго, а либеральнаго направленія [2]).

Антонелли сохранилъ отзывъ Петрашевскаго о декабристахъ:

«Заговоръ 14 декабря не могъ никакимъ образомъ имѣть успѣха потому, что главная его цѣль была извѣстна только очень малому числу дѣйствующихъ лицъ, между тѣмъ какъ другіе дѣйствовали наобумъ; этотъ заговоръ и лица, въ немъ участвовавшія, были уже извѣстны правительству, и ихъ и безъ того ожидало наказаніе; оттого они и дѣйствовали по поговоркѣ: «Авось лихая вывезетъ», и, наконецъ, случай къ исполненію представился такой соблазнительный, что можно было даже и при недостаточности средствъ надѣяться на успѣхъ. Но для вѣрнаго успѣха подобнаго рода предпріятій должно, чтобы распоряжающіяся лица старались сперва преодолѣвать самыя малыя препятствія, имѣть всегда успѣхъ въ самыхъ съ перваго взгляда незначительныхъ обстоятельствахъ, и такимъ образомъ пріобрѣтая мало-по-малу довѣріе и внушая всѣмъ и всякому необходимость новаго порядка вещей, они могутъ надѣяться на самый вѣрный, самый блистательный успѣхъ. Хотя правительство обладаетъ всѣми средствами поставить преграды подобнаго рода успѣхамъ, но масса всегда противъ правительства, и сверхъ того, когда этой массой будутъ распоряжаться люди, которые убѣждены въ своихъ мнѣніяхъ и имѣютъ полное довѣріе и другъ къ другу и къ своимъ дѣйствіямъ, то правительство никакими средствами не въ состояніи будетъ остановить общаго потока и необходимо должно будетъ покориться новому порядку вещей; но, главное, не нужно спѣшить, но должно дѣйствовать осторожно, исподволь и все полагать на время».

Одною изъ любимыхъ идей Петрашевскаго была пропаганда чрезъ учителей, а также и иными путями, въ учебныхъ заведеніяхъ; для этого, по его словамъ, сказаннымъ Антонелли, онъ старался помѣщать учителями въ разныя учебныя заведенія «своихъ приверженцевъ». Спрошенный по этому поводу на допросѣ, Петрашевскій заявилъ: «Показаніе Антонелли утверждаю. Пропаганду же разумѣю въ смыслѣ, мною изъясненномъ въ объясненіи, сдѣланномъ мною о соціализмѣ (см. ниже). Отъ желанія таковой пропаганды не отрицаюсь. Приверженцевъ никогда никакихъ не

---

[1]) Еще въ «Моихъ афоризмахъ» Петрашевскій указалъ на то, что при отношеніяхъ между народами, какъ между Штатами Сѣверной Америки, не было бы войнъ, и огромныя войска были бы не нужны.

[2]) Въ первые годы на пятницахъ Петрашевскаго бывалъ кавалергардъ Ховринъ; онъ бралъ также книги изъ библіотеки Петрашевскаго: читалъ Вольтера и «Contradictions économiques» Прудона.

имѣлъ, не желалъ ихъ имѣть и даже опасался чьей бы то ни было приверженности; но всякаго желалъ сдѣлать самостоятельнымъ и мнѣ равнымъ, человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ». Если вѣрить Антонелли, Петрашевскій говорилъ ему даже, что за преслѣдованія, которымъ подвергался въ лицеѣ, онъ старается мстить «тѣмъ же оружіемъ» (т.-е. чрезъ учителей), «какимъ и его поражали» [1].

Мы видѣли выше [2], что въ училищѣ правовѣдѣнія въ самомъ началѣ 1850-хъ годовъ не чувствовалось, въ отличіе отъ лицея, вліянія фурьеризма, однако въ концѣ предшествовавшаго десятилѣтія и здѣсь проявлялись признаки оппозиціоннаго настроенія. Петрашевскій живо интересовался тѣмъ, что творилось въ этомъ училищѣ. Въ первой половинѣ февраля 1849 г. у него съ Антонелли зашелъ разговоръ о томъ, что по слухамъ «кн. Гагаринъ и еще какіе-то два воспитанника училища правовѣдѣнія вели заграничную переписку». Петрашевскій сказалъ, что кн. Гагаринъ «никакой заграничной переписки не велъ, но, разговаривая со своими товарищами, выразился, что недурно было (бы), если бы китайскій императоръ, обладая такими огромными средствами, пошелъ бы войною на Россію и немного порастрепалъ нашего государя, другой же воспитанникъ изъ поляковъ прибавилъ, что кстати бы было въ это же время возстановить и Польшу. Этотъ разговоръ былъ переданъ гр. Орлову, и вслѣдствіе того кн. Гагарина и его товарища усадили въ карцеръ и хотѣли сдать въ солдаты, но принцъ Ольденбургскій вступился за нихъ, и эта исторія кончилась тѣмъ, что одинъ изъ нихъ долженъ былъ оставить училище правовѣдѣнія. Воспитанники училища..., желая узнать, кто выдалъ ихъ товарищей, и подозрѣвая уже давно одного Политковскаго, который разными поступками и тѣмъ, что, не получая ни отъ кого изъ своихъ родныхъ денегъ, очень часто имѣлъ въ карманѣ по 100 и 150 р. с., разломали его шкатулку и, дѣйствительно, нашли въ ней черновую доноса его на кн. Гагарина и нѣкоторые черновые эскизы характеровъ его товарищей».

Другія извѣстія о событіяхъ въ училищѣ правовѣдѣнія не вполнѣ совпадаютъ съ разсказомъ Петрашевскаго. Н. С. Голицынъ (бывшій директоромъ училища съ 15 янв. 1848 по 7 дек. 1849 г.) въ замѣткѣ, написанной гораздо позднѣе, такъ характеризуетъ одного изъ пострадавшихъ воспитанниковъ: Бѣ-скій [3]) — «юноша 16 лѣтъ, очень способный, отлично учившійся, прекрасныхъ ка-

---

[1]) Однажды Петрашевскій предложилъ Антонелли «поступить въ какое-нибудь учебное заведеніе съ цѣлью распространять тамъ идеи, по его словамъ, человѣчныя и даже предлагалъ ему «для этого свою протекцію и книги для чтенія, изъ которыхъ бы «онъ» могъ почерпнуть истинную методу преподаванія».

[2]) См. «Голосъ Минувшаго» № I, стр. 50.

[3]) А по воспоминаніямъ объ училищѣ правовѣдѣнія И. А. Тютчева — Бѣликовичъ («Рус. Стар.», 1885 г., т. 48, стр. 673).

чествъ души и сердца, но уроженецъ одной изъ сѣверо-западныхъ губерній, католикъ, очень восторженный политически польской идеей и неосторожно, какъ оказалось, ведшій на польскомъ языкѣ дневникъ свой, въ которомъ выражалъ сочувствіе Мѣрославскому», извѣстному польскому революціонеру; другой — «кн. Гагаринъ, русскій и православный, обвиненный будто бы въ дерзкихъ выраженіяхъ о государѣ во время общаго стола воспитанниковъ» [1]). Въ историческомъ очеркѣ 75-лѣтія училища правовѣдѣнія г. Сюзора это событіе отнесено къ концу 1848 г., но совершенно неправильно связано съ дѣломъ Петрашевскаго. «Два воспитанника 3-го класса, соотвѣтствующаго первому университетскому курсу, кн. Г. и польскій уроженецъ Б., разсуждая въ кафе-ресторанѣ Лерхе за обѣдомъ въ компаніи пяти товарищей о дѣлѣ Петрашевскаго» (оно началось лишь въ апрѣлѣ 1849 г. и окончилось въ концѣ его) «позволили себѣ высказать довольно рѣзкія сужденія по поводу отношенія къ нему правительства» [2]).

Въ историческомъ очеркѣ г. Сюзора находимъ еще два интересныя извѣстія о событіяхъ этого времени въ училищѣ правовѣдѣнія: «Въ 1848 г. воспитанникъ 5 класса училища... Ямондъ 2-ой, воротясь домой послѣ воскреснаго отпуска, объявилъ своимъ товарищамъ, что Франція болѣе не королевство, а республика, потому что парижане прогнали короля, а тронъ сожгли. За это Ямондъ безъ объясненій былъ исключенъ изъ училища». Затѣмъ, разсказавъ о расправѣ съ кн. Гагаринымъ и «польскимъ уроженцемъ Б.», Сюзоръ продолжаетъ: «Почти одновременно съ этимъ происшествіемъ у одного изъ воспитанниковъ училища были найдены какія-то вольнодумныя записки». Быть-можетъ, это извѣстіе потверждаетъ приведенныя выше [3]) слова Петрашевскаго, сказанныя Антонелли, что какой-то ученикъ училища правовѣдѣнія читалъ «какое-то сочиненіе его противъ правительства» [4]).

Слухи о сравнительно мягкомъ рѣшеніи участи двухъ воспитанниковъ училища правовѣдѣнія, кн. Гагарина и Б., оказались невѣрными, и скоро послѣ перваго разговора Петрашевскій сообщилъ Антонелли, что кн. Гагарина отправили солдатомъ (въ дѣйствительности юнкеромъ въ пѣхотный полкъ) на Кавказъ, а его

---

[1]) «Русская Старина», 1880 г., т. 29, стр. 126—127.

[2]) *Г. Сюзоръ.* «Ко дню 75-лѣтняго юбилея Имп. училища правовѣдѣнія 1835—1910». СПБ. 1910, стр. 38—39. Н. Голицынъ сообщаетъ, что доносчикъ Политковскій «былъ въ полномъ презрѣніи у товарищей и у начальства, скоро вышелъ изъ заведенія и скрылся для исторіи.» «Рус., Стар.», 1880 г., т. 29, стр. 127.

[3]) «Голосъ Минувшаго», 1913 г., № I, стр. 50.

[4]) Для сравненія упомяну, что студентъ университета Толстовъ читалъ въ мартѣ 1849 г. агенту Наумову «нѣкоторыя сочиненія Петрашевскаго по части экономической», такихъ тетрадокъ «Петрашевскаго или отъ Петрашевскаго» Толстовъ показывалъ Наумову нѣсколько; ихъ было болѣе 16.

товарища въ арестантскія роты въ Оренбургъ (въ дѣйствительности въ одинъ изъ литейныхъ батальоновъ, и онъ былъ убитъ въ 1853 г. при взятіи крѣпости коканцевъ Акъ-мечеть). Петрашевскій прибавилъ, что одному изъ воспитанниковъ было не болѣе 16 лѣтъ, осуждалъ государя за строгость наказанія и даже видѣлъ въ этомъ одно изъ доказательствъ сумасшествія императора Николая. Очень неуважительно отзывался онъ также въ разговорѣ со студентомъ Толстовымъ объ умѣ принца Ольденбургскаго, при чемъ въ запискѣ въ военно-судную комиссію мотивировалъ свой отзывъ о немъ тѣмъ, что принцъ велѣлъ въ наказаніе цѣлому классу спать безъ подушекъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Петрашевскій разсказалъ Антонелли о другомъ инцидентѣ въ училищѣ правовѣдѣнія съ ученикомъ Депрерадовичемъ: «Обо всѣхъ происшествіяхъ въ училищѣ государь приказалъ тотчасъ же ему докладывать, и потому и о происшествіи съ Депрерадовичемъ» (неизвѣстно какомъ) «ему было донесено... Депрерадовича взяли въ III отдѣленіе. По разборѣ дѣла гр. Орловъ донесъ государю, что въ этомъ училищѣ нѣтъ никакого заговора, но что между учениками существуетъ какая-то *интонація*» (Антонелли, быть-можетъ, переврaлъ слово «агитація»). «Вслѣдствіе этого и предшествовавшихъ происшествій на мѣсто бывшаго директора училища правовѣдѣнія Голицына временно назначенъ какой-то адъютантъ принца Ольденбургскаго съ приказомъ не щадить наказаній»... Онъ наказалъ розгами 8 человѣкъ, а гр. Орлову приказано было имѣть строгій «надзоръ надъ всѣми правовѣдами какъ вышедшими изъ училища, такъ и находящимися еще въ немъ». Дѣйствительно, гуманный директоръ училища кн. Голицынъ былъ уволенъ, директоромъ въ декабрѣ 1849 г. назначенъ бывшій рижскій полицмейстеръ А. Языковъ, и большинство гражданскихъ воспитателей училища были замѣнены военными.

Когда Антонелли спросилъ Петрашевскаго, какого онъ мнѣнія о правовѣдахъ, тотъ отвѣчалъ:

Вообще всѣ они «получаютъ въ училищѣ правовѣдѣнія знаніе законовъ очень плохое, образованіе самое недостаточное» для ихъ назначенія, «дѣлъ не понимаютъ вовсе, а между тѣмъ мечтаютъ о себѣ Богъ знаетъ что; если же между ними есть порядочные люди, то ихъ всѣхъ можно пересчитать по пальцамъ, но, несмотря на все это», подъ вліяніемъ духа времени, они инстинктивно ведутъ «чистѣйшую пропаганду, стараясь всѣ дѣйствія административной власти представлять публикѣ въ черномъ видѣ и, что всего важнѣе, стараясь на всякомъ шагу давать щелчки министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому и людямъ, которые пользуются его довѣренностью, особенно же генералу Липранди, какъ человѣку, у котораго на рукахъ дѣла особой важности. Важно же это потому, что вся власть исполнительная, полицейская и политическая, касающаяся до внутренняго состоянія Россіи, находится въ рукахъ этого человѣка (Перовскаго), и, выставляя его всегда... въ самомъ черномъ видѣ, они вселяютъ въ публикѣ къ нему недовѣріе, вооружаютъ ее противъ него и, слѣдовательно, лишая его возможности дѣйствовать съ должнымъ

успѣхомъ, приготовляютъ такимъ образомъ тотъ великій переворотъ, котораго всякій человѣкъ съ душою и честью и истинно человѣчными понятіями долженъ ожидать съ нетерпѣніемъ...[1]) Хотя важная часть административной власти находится также и въ рукахъ Киселева, но такъ какъ Киселевъ и своими мнѣніями и своими дѣйствіями не только не мѣшаетъ, но даже способствуетъ развитію общечеловѣчной идеи, то они не только оставляютъ его въ покоѣ, но, желая подавить Перовскаго, даже, если можно такъ выразиться, протежируютъ ему, зная, что и Перовскому и Киселеву, каждому косточку объ освобожденіи крестьянъ хочется обглодать на свой ладъ».

Относительно членовъ высшей администраціи въ Россіи Петрашевскій сказалъ Антонелли, что всѣ они «не на своихъ мѣстахъ», но все же дѣлалъ между ними большое различіе и раздѣлялъ ихъ на три разряда. Къ первому онъ причислялъ министра государственныхъ имуществъ Киселева, морского министра кн. А. С. Меншикова, министра иностранныхъ дѣлъ Нессельроде и министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, которыхъ считалъ умными людьми, ко второму — министровъ: военнаго Чернышева и народнаго просвѣщенія Уварова, «называя ихъ ни то ни се», и, наконецъ, къ третьему — министровъ: финансовъ Вронченко и путей сообщенія Клейнмихеля и оберъ-прокурора Синода Протасова, «отзываясь о нихъ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ»: относительно Блудова Петрашевскій сказалъ, «что онъ не изъ числа глупыхъ людей, но хорошій ли онъ человѣкъ или дурной — это другое дѣло». Объ А. Ѳ. Орловѣ Петрашевскій замѣтилъ, что графъ «никогда ничего не дѣлалъ и, желая казаться аристократомъ, едва ли и теперь чѣмъ занимается. Хотя всѣ его государственныя заслуги ограничиваются отравленіемъ (?) Дибича [2]) (?), но что со всѣмъ этимъ онъ долженъ быть человѣкъ хитрый, съ характеромъ возвышеннымъ и неспособнымъ на подлость». Онъ «сдѣлался intime государя», тѣмъ, что 14 декабря удержалъ гвардейскій конный полкъ «на сторонѣ императора» [3]), почему «теперь и занимаетъ такой важный постъ». О III отдѣленіи Петрашевскій выразился, «что подобное правительственное учрежденіе существуетъ только въ Россіи и, какъ двѣ капли воды, сходно съ орденомъ іезуитовъ, вооружая брата на брата, отца на сына, сына на отца. Это и тому подобныя учрежденія сдѣланы для того, чтобы подавить все умственное развитіе и тѣмъ охранить монархическую власть. Подобныя учрежденія не только подлость, но даже святотатство, потому что они развращаютъ нравственность человѣка». О гр. Панинѣ [4]) Петра-

---

[1]) Петрашевскій заявилъ слѣдственной комиссіи, что «никогда этого не говорилъ».

[2]) Въ дѣйствительности Дибичъ-Забалканскій умеръ 29 мая 1831 г. въ селѣ Клешовѣ близъ Пултуска отъ холеры.

[3]) Срав. *Шильдеръ*. «Имп. Николай I», 1903 г., т. I, стр. 286.

[4]) Викторъ Никитичъ (1801—1874 г.), министръ юстиціи.

шевскій сказалъ, что это «самый пустой человѣкъ» и къ тому же «совершенный дуракъ, хотя онъ и ученый человѣкъ..., книгоѣдъ, но здраваго смысла въ немъ нѣтъ ни на грошъ». Петрашевскій читалъ два или три предложенія его общему собранію (Сената), и хотя въ нихъ было много «ученыхъ положеній», но «не было ни соображенія ни здраваго смысла. Всѣ дѣйствія гр. Панина похожи на дѣйствія машины: когда ее хозяинъ толкаетъ, тогда она и дѣйствуетъ, и куда ее ни направятъ, туда она и стремится, сломя голову. Три человѣка—гр. Панинъ, Анненковъ [1]) и Сенявинъ [2]) безъ спора могутъ держать диспутъ, кто изъ нихъ глупѣе».

Въ одну изъ своихъ пятницъ Петрашевскій (прочтя передъ тѣмъ сочиненіе Гизо «Les moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France») говорилъ рѣчь, въ которой указывалъ, что тамъ, гдѣ есть «собирательное правительство» (единое министерство), оно руководствуется общимъ планомъ, у насъ же дѣйствія отдѣльныхъ министровъ противорѣчатъ другъ другу, и общаго плана, общей идеи у нихъ нѣтъ. Петрашевскій думалъ, что Сенатъ могъ бы быть учрежденіемъ весьма полезнымъ, но, какъ и декабристы, былъ очень низкаго мнѣнія объ его личномъ составѣ: «Вообще дѣйствія сената,—говорилъ онъ,—очень важны для развитія идей въ народѣ, потому что, обсуживая дѣла апелляціонныя, онъ имѣетъ всю возможность унижать власть административную», что «вездѣ и всегда было поводомъ къ революціямъ». Изъ числа сенаторовъ Петрашевскій считалъ дѣльными людьми только Ковалевскаго [3]) да, можетъ-быть, еще человѣкъ двухъ, прочіе же, по его словамъ, «не стоятъ ни гроша». «Сенаторы присутствуютъ въ собраніяхъ для того только, чтобы занимать мѣста, а не для того, чтобы обсуживать дѣла, и потому они не разбирая подписываютъ все, что имъ ни подложатъ. Сенаторами правительство назначаетъ такихъ людей, которые уже выжили изъ ума и которымъ пора положить зубы на полку... Когда не знаютъ, куда дѣвать человѣка, думаютъ, думаютъ, да и закричатъ: въ сенаторы его!» Уже изъ одного этого можно видѣть «всю глупость и негодность нашего правительства». О русскихъ законахъ и нашемъ судопроизводствѣ Петрашевскій, по словамъ Антонелли, былъ очень невысокаго мнѣнія: наши законы «очень многосложны, заключаютъ въ себѣ много повтореній, противорѣчій, однимъ словомъ, много лишняго и сверхъ того не имѣютъ системы. Оттого у насъ происходятъ всѣ прово-

---

[1]) Николай Николаевичъ (1799—1865 г.), членъ Государственнаго Совѣта и «бутурлинскаго» комитета для высшаго надзора за печатью.

[2]) Сенявиныхъ было два брата, оба сенаторы: Иванъ Григорьевичъ (1801 — 1851 г.), товарищъ министра внутр. дѣлъ, и Левъ Григор. (1805—1861 г.) товар. мин. иностран. дѣлъ («Руск. Біогр. Славарь, изд. Имп. Ист. Общ.»).

[3]) Вѣроятно Евграфъ Петровичъ, сенаторъ съ 1843 г.

лочки…, продолжительность дѣлъ и слишкомъ сложное дѣлопроизводство» [1]).

Петрашевскій жадно ловилъ разные слухи, иногда мало правдоподобные, и дѣлился ими съ Антонелли. Такъ, въ январѣ онъ сообщилъ ему, будто бы хотятъ обложить податью всѣхъ женщинъ, безъ различія состоянія, по 30 коп. сер. въ годъ, и что эта мѣра, въ случаѣ осуществленія, «будетъ имѣть большое вліяніе на идеи массъ народа, и тогда идею пауперизма можно будетъ пустить еще въ большій ходъ, потому что женщины будутъ имѣть право требовать права голоса на всѣхъ собраніяхъ сословій» [2]).

Въ томъ же мѣсяцѣ Петрашевскій сообщилъ, что, какъ онъ слышалъ отъ одного лица, проѣхавшаго черезъ Кіевъ и Харьковъ, много студентовъ тамошнихъ университетовъ содержится въ петербургской крѣпости. Петрашевскій имѣлъ свѣдѣнія, хотя и неточныя, о доносѣ (въ 1847 г.) студента Петрова на членовъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества въ Кіевѣ и говорилъ Антонелли, что, «несмотря на неуспѣхъ этого предпріятія, оно все-таки пустило корни въ Малороссіи, чему много способствовали сочиненія Шевченка, которыя разошлись въ томъ краю во множествѣ и были причиною сильнаго волненія умовъ, вслѣдствіе котораго и теперь Малороссія находится въ броженіи» [3]).

Во второй половинѣ января 1849 г. до Петрашевскаго дошелъ слухъ, будто бы правительство хочетъ закрыть всѣ университеты, кромѣ Петербургскаго и Московскаго. Нѣкоторыя правительственныя мѣры вызывали въ немъ радость, такъ какъ онъ ожидалъ отъ нихъ усиленія общественнаго недовольства. Въ разговорѣ о

---

[1]) «Напримѣръ, — говорилъ онъ,—эсли дѣло производилось въ низшей инстанціи и переводится въ высшую, то… нужно прописать не только смыслъ производства въ низшей инстанціи, но даже всѣ отзывы, всѣ мелочи, однимъ словомъ, все… отъ доски до доски». При переносѣ дѣла въ еще болѣе высшую инстанцію прописываютъ производство обѣихъ низшихъ инстанцій. Если дѣло возобновляется по апелляціи или «высшая инстанція поручитъ пересмотрѣть его низшей, опять начинается та же исторія, такъ что конца дѣла никогда не дождешься», и истецъ, можно сказать, навѣрное, всегда теряетъ двѣ трети своихъ интересовъ. Зная такой порядокъ, грѣшно жаловаться на чиновниковъ «за проволочку дѣлъ»: они «бѣдные труженики, которые никакъ не могутъ найти выхода изъ этого египетскаго лабиринта».

[2]) По словамъ Толя, ихъ общество много хлопотало о томъ, чтобы ввести въ собранія Петрашевскаго нѣсколько умныхъ женщинъ, такъ какъ черезъ нихъ, по мнѣнію Толя и Петрашевскаго, идеи скорѣе распространяются и усвоиваются.

[3]) На допросѣ Петрашевскій заявилъ, что объ этомъ никогда не говорилъ Антонелли. А послѣдній передавалъ въ своемъ донесеніи дошедшіе до Петрашевскаго невѣрные слухи о судьбѣ Шевченка, будто бы онъ «былъ сосланъ на Аландскіе острова на каторгу и тамъ убитъ ударомъ въ голову прикладомъ ружья», который нанесъ ему одинъ солдатъ «вѣроятно по приказанію высшаго начальства». О Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ см. мою статью въ «Русскомъ Богатствѣ», 1911 г.

закрытіи танцъ-классовъ Петрашевскій сказалъ Антонелли: «Поговариваютъ, будто государь хочетъ закрыть и всѣ клубы». Петрашевскій этому радовался, потому что всѣ тѣ, «которые убивали свое время въ подобнаго рода заведеніяхъ», начнутъ роптать, принуждены будутъ собираться «отдѣльными кружками» и «скорѣе нападутъ на общественныя идеи». Наконецъ тогда непремѣнно повсюду начнутся домашніе балы, «гдѣ не нужно будетъ языкъ держать на привязи».

Объ императорѣ Николаѣ Петрашевскій говорилъ Антонелли, что онъ будто бы страдаетъ душевною болѣзнью, что съ каждымъ днемъ его поступки становятся «несноснѣе и нестерпимѣе», и онъ все болѣе походитъ на Павла I. Въ видѣ доказательства мнимаго сумасшествія онъ разсказывалъ, вѣроятно по слухамъ, что «какой-то аудиторъ, встрѣтившись съ государемъ, снялъ шапку, вытянулся, однимъ словомъ отдалъ честь совершенно по формѣ, но при этомъ не такъ взглянулъ, что ли, на императора и за то былъ отданъ въ солдаты». Въ другой разъ «государь, встрѣтивъ какого-то студента, который не отдалъ ему честь, и, не видя около себя ни одного изъ полицейскихъ крючковъ, всегда таскающихся за нимъ, остановилъ какого-то мужика и приказалъ ему отвести студента на ближайшую гауптвахту. Мужикъ будто бы, безъ церемоніи схвативъ несчастнаго студента за шиворотъ..., стащилъ его на Адмиралтейскую гаупвахту. Дежурный офицеръ, видя въ этомъ происшествіи попраніе всякихъ правъ, не хотѣлъ было сначала брать студента, но, пославъ вѣстового справиться и узнавъ, что мужикъ дѣйствительно», сдѣлалъ это «по личному приказанію государя, наконецъ, принялъ его». Эти слухи, во всякомъ случаѣ, характеризуютъ отношеніе къ имп. Николаю того круга, въ которомъ вращался Петрашевскій. 27 ноября 1848 г. онъ писалъ шт.-кап. Кузьмину, находившемуся въ Ростовѣ (Ярославской губ.): «Карла Ивановича здоровье, говорятъ, поправилось вслѣдствіе удачи его оборотовъ съ Европою; но эти успѣхи временные, и кредитъ къ его лицу и конторѣ падаетъ все болѣе».

При такомъ настроеніи вѣрилось и тому, что велѣно «захватить такихъ-то пятнадцать человѣкъ при въѣздѣ ихъ въ Россію», такъ какъ они принадлежатъ къ тайному обществу, имѣющему цѣлью убійство коронованныхъ особъ, и что двоимъ изъ нихъ все же удалось пріѣхать въ Петербургъ, и ихъ усердно ищутъ.

Петрашевскій, видимо, мечталъ о революціи въ Россіи, но думалъ, что она возможна лишь послѣ продолжительной и обширной пропаганды. По поводу словъ Антонелли, что въ Москвѣ должны непремѣнно существовать партіи однихъ мнѣній «съ нами», онъ сказалъ, «что тамошніе жители придерживаются старинныхъ повѣрій и обычаевъ, но что со всѣмъ этимъ Москва не лишена» важнаго зна-

ченія, «какъ сердцевина всѣхъ сектъ и расколовъ, и что тамъ, дѣйствительно, есть много людей съ истинно человѣчными понятіями, но... лучшее мѣсто для всѣхъ предпріятій... Петербургъ, и если здѣсь что-нибудь произойдетъ», то оно «отзовется тотчасъ же» сначала въ Москвѣ, а потомъ и во всѣхъ концахъ Россіи, особенно же въ Малороссіи. Онъ часто говорилъ Антонелли, что «вовсе не старается быть героемъ какого-нибудь переворота, напротивъ, готовъ пожертвовать собою, но съ условіемъ, чтобы только укоренились его идеи». Петрашевскій хорошо зналъ, что за нимъ слѣдятъ. Вотъ что онъ разсказывалъ Антонелли: какой-то господинъ старался втереться въ ихъ общество, но, видя, что ему это не удается, хотѣлъ устроить имъ ловушку, предложивъ имъ, «что онъ будетъ вызывать духовъ, и чтобы они явились на это представленіе, но не иначе, какъ съ оружіемъ». Если бы мы исполнили это предложеніе, то захвативъ насъ, «могли бы уличить въ заговорѣ, въ тайномъ собраніи, потому что невозможно было повѣрить, чтобы люди образованные явились бы глядѣть духовъ и вѣрили бы подобной глупости». Поэтому Петрашевскій сказалъ этому господину, что они готовы принять его предложеніе, но что «если его духи вздумаютъ» имъ «сдѣлать какую-нибудь непріятность, то первый будетъ убитъ онъ. Съ тѣхъ поръ онъ болѣе не являлся». Затѣмъ какіе-то два человѣка въ теченіе двухъ недѣль ходили около его дома и выспрашивали у его прислуги и дворника о немъ и о людяхъ, его посѣщающихъ. Но дворникъ, его крѣпостной, преданъ ему и не видитъ тѣхъ, кто у него бываетъ, а прислуга его состоитъ изъ двухъ мальчишекъ, изъ которыхъ старшій очень глупъ, а второй «очень молодъ», чтобы что-нибудь понимать, и кромѣ того, они не знаютъ людей, его посѣщающихъ. Такъ ничего и не могли узнать о немъ. Наконецъ одинъ изъ этихъ господъ явился къ нему съ письмомъ и предложилъ заложить свое имѣніе, а Петрашевскій, заподозривъ его, сдѣлалъ ему очную ставку съ своимъ мальчишкой и, узнавъ, что это тотъ самый человѣкъ, который его разспрашивалъ, велѣлъ подать агенту шинель, сказавъ, что онъ дуракъ, и посовѣтовалъ тому, кто его подослалъ, выбирать людей поумнѣе. Какой-то господинъ предлагалъ Петрашевскому издавать журналъ, но, употребивъ выраженіе, что «журналъ есть политическій заговоръ, навелъ этимъ на себя подозрѣніе» и, дѣлая противорѣчивыя предложенія ему и Майковымъ (съ которыми Петрашевскій былъ знакомъ, которые учились также въ Петербургскомъ университетѣ и изъ которыхъ одинъ, поэтъ, недавно возвратился изъ Италіи) и другимъ его знакомымъ, былъ ихъ собраніемъ уличенъ. Оказалось, что предлагавшій вызывать духовъ желалъ поступить въ III Отдѣленіе Соб. Е. В. канц., но для этого долженъ былъ представить удостовѣреніе въ своихъ способностяхъ: ему предложено было изобличить Петрашевскаго, а когда это не удалось, онъ подговорилъ

того господина, который предлагалъ издавать журналъ [1]). Нельзя не удивляться, что, имѣя въ рукахъ всѣ эти доказательства надзора за нимъ тайной полиціи, Петрашевскій такъ довѣрился Антонелли, и еще болѣе удивительно, что это довѣріе нисколько не поколебалось даже и тогда, когда онъ узналъ отъ самого Антонелли, что тотъ не только знакомъ съ Липранди, но даже часто посѣщаетъ его, и наивно полагалъ, что ему удастся чрезъ Антонелли узнавать отъ Липранди важныя новости. Петрашевскій отозвался о Липранди какъ объ очень умномъ человѣкѣ, и сказалъ, что онъ занимается секретными дѣлами, а когда Антонелли сталъ его увѣрять, что онъ занятъ разборомъ раскольничьихъ сектъ и даже думаетъ уѣхать въ Молдавію хлопотать о дѣлахъ своей жены, то Петрашевскій сказалъ, что Липранди никогда не поѣдетъ въ Молдавію, а если и поѣдетъ, то по порученію правительства съ политическою цѣлью, а не по женинымъ дѣламъ. Редактора «Журнала Министерства Внутреннихъ дѣлъ» Н. И. Надеждина Петрашевскій назвалъ «ужаснымъ скотомъ и мерзавцемъ» и разсказалъ, что онъ «получилъ извѣстность, написавъ уставъ тайной полиціи, который и былъ принятъ въ руководство, и что въ послѣднее время онъ былъ тайнымъ посредникомъ разныхъ сношеній, подкуповъ и другихъ подлостей нашего правительства съ Молдавіею и Валахіею, и что для этого онъ и ѣздилъ недавно въ Молдавію» [2]). Петрашевскаго, видимо встревожило извѣстіе, которое сообщилъ ему Антонелли, что Липранди, кажется, собирается ѣхать въ Москву [3]), и онъ просилъ агента хорошенько узнать, прав-

---

[1]) Благодаря обширному знакомству Петрашевскаго въ чиновничьей средѣ, ему извѣстны были нѣкоторые секреты администраціи: такъ, онъ сказалъ студенту Толстову, что «можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ лицъ, записанныхъ въ Министерствѣ Финансовъ, которымъ или вовсе запрещенъ въѣздъ въ Россію, или которые при въѣздѣ въ нее должны быть задержаны».

[2]) По словамъ И. И. Панаева, Надеждинъ былъ человѣкъ, «не имѣвшій никакихъ твердыхъ убѣжденій».—«Печальнѣйшимъ эпизодомъ его біографіи,— говоритъ С. А. Венгеровъ,— является его дѣятельность по расколу. ...Надеждинъ явился выразителемъ самыхъ заскорузлыхъ взглядовъ, и все его изученіе привело къ вящшему уясненію «вредности» раскольническаго движенія. Поѣздка же къ австрійскимъ раскольникамъ-липованамъ ознаменовалась вещами прямо недостойными: Надеждинъ сблизился съ ними, сошелся по-пріятельски, а потомъ всѣ задушевные бесѣды выложилъ по начальству... У Надеждина ничего, кромѣ желанія исполнить волю начальства, не было, и вся его ученость пошла на новую аргументацію системы подавленія». «Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго» подъ редакціею и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова*. Спб. 1900 г., т. I, стр. 408—409. Срав. *М. К. Лемке*. «Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. Спб., 1908 г., стр. 462—464.

[3]) Быть-можетъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ вымысловъ, которые велѣно было сообщить Петрашевскому, чтобы удовлетворить его желаніе знать, что говорится въ домѣ Липранди. Въ другой разъ послѣдній далъ Антонелли будто бы для перевода на французскій языкъ свою статью (написанную въ

да ли это. Вѣроятно, вслѣдствіе этого сообщенія онъ поручилъ одному писцу своего департамента отправить въ Москву письмо за казенною печатью, чтобы «полиція не вздумала узнать» его содержаніе.

Осторожный въ однихъ случаяхъ, Петрашевскій былъ очень неостороженъ въ другихъ. Онъ разсказывалъ о многихъ своихъ выходкахъ противъ полицейскихъ чиновниковъ на гуляньяхъ и въ публичныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, одинъ случай на Екатерингофскомъ вокзалѣ, когда «онъ съ нѣкоторыми изъ своихъ пріятелей *возмутили* толпу и довели ее до того, что она даже употребила насиліе» противъ этихъ чиновниковъ. Онъ разсказывалъ этотъ случай въ доказательство, какъ легко это сдѣлать человѣку съ самымъ небольшимъ разсудкомъ. Что Петрашевскій не сомнѣвался въ предстоящей ему участи, что онъ сознательно жертвовалъ собою ради пропаганды своихъ идей въ обществѣ, видно изъ слѣдующихъ словъ его въ запискѣ, представленной имъ слѣдственной комиссіи: «Не разъ говорилъ я моимъ знакомымъ... что тайная полиція давно уже на меня пристально смотритъ, что, правый или виноватый, я долженъ ждать первый» отъ нея «захвата, что ихъ... можетъ постигнуть та же участь. Но потребность разумной бесѣды была такъ сильна, что заставляла пренебрегать этимъ, и они теперь дѣлятъ со мною непріятность заключенія. Вотъ торжество духа надъ матеріей. Если бъ не этотъ страхъ, то, вѣроятно, у меня недоставало бы средствъ принимать гостей» (т.-е. ихъ было бы такъ много). «Никто изъ нихъ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ можно было попасть въ крѣпость изъ-за того только, что двѣ идеи въ головѣ связно держатся, а на повѣрку вышло такъ... О, люди!.. О, времена!»

Несмотря на то, что Петрашевскій сблизился съ Антонелли и довѣрчиво разговаривалъ съ нимъ, онъ все же не приглашалъ его на свои пятницы, однако этотъ гнусный агентъ сумѣлъ проникнуть на нихъ и безъ приглашенія. 11 марта 1849 г., въ 10 часовъ вечера, онъ отправился къ Петрашевскому, о чемъ самъ разсказываетъ такъ: «Лѣстница была освѣщена ночникомъ, чего въ другіе дни я не замѣчалъ, и на окошкѣ, выходящемъ» на нее «изъ передней комнаты квартиры Петрашевскаго... стояла свѣча, вѣроятно, для того, чтобы замѣчать людей, которые будутъ приходить... Я сталъ такимъ образомъ, чтобы меня не было видно изъ окошка, и... позвонилъ. Двери открылъ мнѣ» самъ Петрашевскій «и какъ будто былъ пораженъ моимъ неожиданнымъ явленіемъ. Однако

1831 г.) о политическомъ состояніи княжествъ Молдавіи и Валахіи съ замѣчаніями на выработанный подъ руководствомъ Киселева и принятый валахскимъ собраніемъ регламентъ. Это, по словамъ агента, «имѣло большой успѣхъ» въ отношеніяхъ его съ Петрашевскимъ.

пригласилъ меня въ залу, гдѣ я нашелъ уже 10 человѣкъ гостей. Не желая показать, что я принимаю это собраніе за что-нибудь особенное, я старался не казаться любопытнымъ... Всѣ гости сидѣли кругомъ стола, на которомъ былъ собранъ чай и за которымъ хозяйничалъ Модерскій... Нѣкто Толь, котораго я уже разъ видѣлъ», взялъ Петрашевскаго подъ руку «и увелъ его въ кабинетъ». Черезъ нѣкоторое время Антонелли отправился туда же и, замѣтивъ «холодное выраженіе» на ихъ лицахъ, сталъ разсказывать имъ такія вещи, которыя заставили перемѣнить съ нимъ обращеніе, а Толь началъ даже откровенничать. «Возвратившись въ зало», продолжаетъ Антонелли, и замѣтивъ, что «нѣкоторые посматриваютъ на меня все еще исподлобья и поминутно то тотъ, то другой уводятъ» Петрашевскаго «въ кабинетъ и тамъ съ нимъ перешоптываются, я, желая пріобрѣсть довѣренность, подсѣлъ къ ихъ кружку» и разными разсказами заинтересовалъ собравшихся, «послѣ чего уже всѣ они были со мною очень ласковы». Черезъ полчаса Петрашевскій объявилъ, что Толь желаетъ о чемъ-то говорить.

Феликсъ Густавовичъ Толь еще зимою 1846 — 47 г. бывалъ у Петрашевскаго, на пятницы котораго ввелъ его Баласогло. Онъ окончилъ курсъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ съ званіемъ студента и былъ назначенъ въ мартѣ 1845 г. въ астраханскую гимназію учителемъ русской грамматики и географіи съ обязательствомъ прослужить въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія не менѣе восьми лѣтъ, но въ декабрѣ того же года былъ перемѣщенъ учителемъ въ финляндскій кадетскій корпусъ, а въ августѣ 1848 г. назначенъ учителемъ русскаго языка въ главное инженерное училище, что дало ему возможность возобновить посѣщеніе пятницъ Петрашевскаго. Кромѣ того, онъ преподавалъ исторію въ училищѣ военныхъ кантонистовъ.

Антонелли такъ передаетъ его рѣчь въ пятницу 11 марта: «О ненадобности религіи въ соціальномъ смыслѣ». Сначала онъ говорилъ о происхожденіи религіи и разбиралъ вопросъ, существуетъ ли въ людяхъ религіозное чувство. Затѣмъ сказалъ, по словамъ Антонелли, слѣдующее:

«Человѣкъ, чувствуя свое несовершенство, старается представить себѣ что-нибудь высшее, подобное ему по образу, но обладающее всѣми совершенствами въ высшей степени. Представляя себѣ подобное существо, человѣкъ ощущаетъ въ себѣ какое-то давленіе, какъ бы страхъ, чувство, которое» приходилось «испытывать каждому среди дикой страны лицомъ къ лицу съ какимъ-нибудь дивнымъ созданіемъ природы, напримѣръ, со скалою, составленною изъ множества камней, какъ будто чудомъ держащихся другъ за друга и покрытою пеленою какой-то... дикости, неприступности и вмѣстѣ съ тѣмъ величія. Это-то чувство давленія, страха и принимаютъ всѣ за религіозное чувство. Является человѣкъ съ свѣтлымъ, геніальнымъ умомъ», который «придаетъ фактивность» этому чувству страха, охватывающему массу народа

и «направляетъ его къ какой-нибудь цѣли»: «такимъ образомъ является религія» [1]). Тутъ является вопросъ, дѣйствуетъ ли этотъ человѣкъ изъ какихъ (нибудь) видовъ или изъ чистаго убѣжденія. Человѣкъ дѣйствуетъ рѣшительно изъ видовъ. Фактивная религія, дѣйствуя на мораль человѣка, не только не нужна въ соціальномъ смыслѣ, но даже вредна, потому что она подавляетъ развитіе ума и заставляетъ человѣка быть добрымъ и полезнымъ своему ближнему не по собственному его убѣжденію, а по чувству страха наказанія, слѣдовательно, она убиваетъ и нравственность» [2]).

Многіе возражали на рѣчь Толя, а онъ, въ свою очередь, опровергалъ ихъ. «Особенно много и краснорѣчиво, по словамъ Антонелли, говорили двое,—Ястржембскій и какой-то молодой человѣкъ [3]). Петрашевскій защищалъ мнѣніе Толя, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Рѣчь его вызвала аплодисменты. Всего на собраніи было 13 человѣкъ. Чтеніе началось въ двѣнадцатомъ часу, а разошлись всѣ въ третьемъ часу пополуночи.

Не мудрено, что Петрашевскій произнесъ горячую и краснорѣчивую рѣчь въ защиту доклада Толя: вопросы религіи издавна занимали его. Его обвиняли въ антирелигіозной пропагандѣ лицеистамъ; затѣмъ еще въ спискѣ темъ («Запасъ общеполезнаго») были, какъ мы видѣли, темы: 1) «Объ истинныхъ началахъ такъ

---

[1]) По словамъ Ястржембскаго, «Толь говорилъ о происхожденіи религіи отъ страха предъ внѣшнею природою и ея силами»; по словамъ Дурова, онъ «старался доказать, что религіозное чувство въ человѣкѣ есть слѣдствіе сознанія своей ничтожности передъ міромъ, его окружающимъ».

[2]) На допросѣ Толь показалъ, что его разсужденіе о происхожденіи религіи было изложеніемъ ученія Фейербаха, Баура и другихъ мыслителей. У него была найдена рукопись «Историческое разсужденіе о началѣ и развитіи народовъ», въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Религія, выработавшаяся изъ жизни самого народа, представляетъ ему авторитетъ въ лицѣ Бога..., Ормузда и Іеговы, Озириса; онъ низводитъ Бога на землю, заставляетъ Его изъ любви къ одному народу принять человѣческій образъ, говорить языкомъ, доступнымъ этому народу, создать для него кодексъ морали и государственной жизни. Прежде народъ не имѣлъ надобности въ этомъ потому, что безъ него тепло вѣрилъ въ своего Бога, братски любилъ своихъ ближнихъ, былъ равенъ имъ и свободенъ, значитъ обладалъ тѣмъ, чего, какъ прекрасной, но отдаленной мечты, добивается въ настоящую минуту вся Европа,—благосостояніемъ. Но вотъ это благосостояніе нарушено вторженіемъ чуждаго народа. Является сильный и слабый, изъ братьевъ люди дѣлаются членами кастъ, побѣжденный становится рабомъ, а слѣдовательно, льстецомъ, человѣкомъ безъ убѣжденій. Народъ гибнетъ. Нуженъ человѣкъ, который снова скрѣпилъ бы связь между человѣкомъ и природою. Такимъ образомъ явились въ критическую минуту: Ману, Будда, Зароастръ, неизвѣстный основатель египетской религіи, Моисей, Орфей, Гомеръ, Христосъ. Всѣ они старались подслушать таинственный голосъ минувшаго, повѣствовавшаго о философіи природы, всѣ старались отыскать ключъ къ морали, которой главными задачами было установленіе равенства, братства и свободы между людьми».

[3]) Порфирій Ламанскій, возражавшій, что страхъ не вездѣ былъ причиною зарожденія религіи, потому что были и такія религіи, въ которыхъ главную роль играли божества благодѣтельныя, а божества устрашающія играли роль только второстепенную.

называемой христіанской религіи или философіи» и 2) «Въ чемъ состоитъ религіозное чувство и отчего тяжело разставаться съ нимъ и съ вѣрою. («Соотвѣтствіе съ природою».) При первомъ же знакомствѣ съ Ханыковымъ Петрашевскій сказалъ: «Слѣпая вѣра въ Бога вредна, ибо она повергаетъ человѣка въ бездѣйствіе и косность. Разъ пробужденное сознаніе и разумъ требуютъ свободнаго проявленія и возможности публичной защиты, если въ лицѣ человѣка или общества ихъ подвергаютъ обвиненію». Мы видѣли, что въ письмѣ къ Тимковскому Петрашевскій называлъ Іисуса Христа «извѣстнымъ демагогомъ, нѣсколько неудачно кончившимъ свою карьеру», а Тимковскій заявилъ въ своемъ показаніи, что на собраніяхъ у Петрашевскаго услышалъ такія рѣчи о религіи, которыя сначала приводили его въ ужасъ, а потомъ совершенно поколебали въ немъ вѣру, въ которыхъ доказывали «недостовѣрность всѣхъ книгъ Св. писанія Ветхаго и Новаго завѣта, неподлинность ихъ и позднѣйшее происхожденіе». Антонелли донесъ о слѣдующихъ словахъ Петрашевскаго: «Религіи я не имѣю никакой, или, если хотите, принадлежу ко всѣмъ, впрочемъ, пишусь православнымъ». Модерскій, жившій въ квартирѣ Петрашевскаго, говоритъ въ своемъ показаніи, что онъ захотѣлъ перевоспитать его и началъ съ того, что сталъ разрушать его религіозныя вѣрованія. Модерскій продолжалъ ходить въ церковь и «молился, хотя рѣже, но ревностнѣе». Тѣмъ не менѣе «первыя искры, зароненныя» въ немъ «сомнѣніемъ во многомъ, что привыкъ считать святымъ, породили» въ немъ желаніе прочесть какое-то сочиненіе Вольтера; это еще болѣе поколебало его вѣрованія и побудило перестать исполнять христіанскіе обряды. Музыкантъ Серебряковъ, нанимавшій комнату отъ жильца въ домѣ Петрашевскаго и приглашенный имъ бывать у него, жаловался въ своемъ показаніи, что Петрашевскій сталъ смѣяться надъ тѣмъ, что онъ молится, говоря, что это простительно только дѣтямъ, что онъ расколотитъ лбомъ плиты въ церкви Покрова. И въ дневникѣ своемъ Серебряковъ писалъ, что «поневолѣ заразился» отъ Петрашевскаго «безвѣріемъ», а въ показаніи своемъ такъ отозвался объ обществѣ, посѣщавшемъ Петрашевскаго: «Тамъ не вѣрятъ въ религію Господа нашего Іисуса Христа, утверждаютъ, что Онъ простой человѣкъ... и что религія есть страхъ и трусость».

Во время слѣдующаго свиданія съ Антонелли Петрашевскій пригласилъ его бывать по пятницамъ и предлагалъ, когда онъ короче ознакомится съ характеромъ его собраній, «въ свою очередь словесно развернуть какую-нибудь идею». Толь такъ быстро сошелся съ Антонелли, который обѣщалъ ему доставить частные уроки, что они условились съ перваго апрѣля поселиться вмѣстѣ въ меблированной комнатѣ [1]). Петрашевскій, по наблюденіямъ Анто-

---

[1]) «Изъ записокъ г.-л. Кузьмина». «Рус. Стар.», 1895 г., № 2, стр. 160.

нелли, былъ расположенъ къ Толю болѣе чѣмъ къ другимъ, а тотъ говорилъ о Петрашевскомъ, что онъ «только для того и живетъ, чтобы осуществить свою идею».

Въ пятницу 18 марта Антонелли былъ, конечно, вновь у Петрашевскаго и насчиталъ 19 гостей, въ томъ числѣ новыми для него были Спѣшневъ, Ник. Ив. Кайдановъ, получившій воспитаніе въ лицеѣ, художникъ Бернардскій, молодой человѣкъ Михайловъ [1]), «кажется очень образованный», и Десбутъ (т.-е. Дебу, Desbout), служащій въ азіатскомъ департаментѣ (неизвѣстно который изъ братьевъ — Константинъ или Ипполитъ: они оба бывали у Петрашевскаго).

Рѣчь говорилъ Ястржембскій; по словамъ Антонелли, онъ старался въ ней дать понятіе о статистикѣ, какъ наукѣ чисто соціальной. Сперва опредѣлялъ, что такое наука, и раздѣлялъ всѣ науки на три класса — на естественныя, философскія и политическія. Статистику онъ относилъ къ разряду послѣднихъ и говорилъ, что по настоящему она не должна называться статистикою, а общественною, соціальною наукою, но такъ какъ великій князь (Михаилъ Павловичъ) велѣлъ въ приказѣ называть ее статистикою, то нечего дѣлать, нужно ее такъ и называть [2]). Насчетъ богословія онъ говорилъ, что это не наука, а какія-то бредни, вышедшія изъ монашескихъ клобуковъ [3]). «Затѣмъ онъ утверждалъ, что» понятія и идеи объ истинѣ общи всѣмъ людямъ». Опредѣляя, что такое государство, онъ задавался вопросомъ, имѣетъ ли оно цѣль, и при этомъ замѣтилъ, «что россійское государство имѣетъ цѣлью подчинить достоинство всѣхъ людей, его составляющихъ, выгодѣ и пользѣ одного. Онъ говорилъ также, что всѣ науки, и въ особенности статистика, показываютъ прямо на соціальное правленіе, какъ на наилучшее [4])». Ястржембскій часто ссылался на Прудона, но утверждалъ, что его понятіе объ обществѣ очень ограничено, и что человѣкъ долженъ стремиться составлять не какія-нибудь отдѣльныя общества, но одно цѣльное, которое соединило бы въ себѣ весь родъ человѣческій [5]). Антонелли донесъ, что «рѣчь Ястржембскаго была усѣяна солью на здѣшнее чиноманіе, на тайныхъ со-

---

[1]) Александръ Мих. Михайловъ, въ 1845 г. окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата.

[2]) Ястржембскій отрицалъ это не только въ своемъ показаніи, но и въ своихъ позднѣйшихъ печатныхъ воспоминаніяхъ. «Минувшие Годы», 1908 г., № 1, стр. 31.

[3]) И это Ястржембскій отрицалъ.

[4]) Ястржембскій отрицалъ это и сказалъ, что даже не понимаетъ этихъ словъ.

[5]) Ястржембскій, какъ пояснилъ въ своемъ показаніи, высказывалъ предположеніе, «что признаки отдѣльныхъ народностей соединятся въ одно (sic), будетъ общій языкъ, общія мѣры и т. д., по ученію Фурье».

вѣтниковъ, на государя, по его словамъ, богдыхана [1]), и вообще на все административное. Рѣчь была написана». Есть показаніе, что, желая назвать кого-нибудь дуракомъ, Ястржембскій говорилъ: «Дѣйствительный статскій совѣтникъ». Мнѣніе Дурова о томъ, что познанія Ястржембскаго въ области общественныхъ наукъ были не велики, подтверждается сдѣланнымъ имъ, по требованію слѣдственной комиссіи, изложеніемъ ученія коммунистовъ и соціалистовъ.

Въ пятницу 25 марта Антонелли насчиталъ у Петрашевскаго 17 гостей. Въ числѣ новыхъ для него посѣтителей онъ отмѣтилъ Достоевскаго, а изъ прежде бывшихъ узналъ фамиліи Плещеева, Д. Д. Ахшарумова (своего товарища по университету, находившагося въ то время въ институтѣ восточныхъ языковъ) и Серебрякова, чиновника, увлекавшагося музыкою, надъ религіозностью котораго Петрашевскій, какъ мы видѣли, постоянно подтрунивалъ. Антонелли засталъ у Петрашевскаго горячій споръ между Дуровымъ, съ одной стороны, и Баласогло, Филипповымъ, Кайдановымъ и художникомъ Берестовымъ—съ другой. Дуровъ доказывалъ, что нужно вооружать подчиненныхъ не противъ ихъ ближайшихъ начальниковъ, которые сами являются подчиненными, а противъ самаго корня, начала зла, которое заключается въ законѣ и государѣ. Напротивъ, остальныя лица, участвовавшія въ спорѣ, утверждали, что нужно вооружать подчиненныхъ противъ ихъ ближайшаго начальства и уже затѣмъ показать, что то, что происходитъ, зависитъ не отъ одной ближайшей власти, а отъ высшей и, «переходя такимъ образомъ отъ низшихъ къ высшимъ, наконецъ... ощупью довести и до самаго начала зла... У насъ въ Россіи не только простой народъ принимаетъ военнаго губернатора за какое-то всевышнее, всекарающее существо, предъ которымъ онъ благоговѣетъ и трепещетъ, но даже чиновники дрожатъ передъ своими начальниками отдѣленія», и про такого начальника, какой бы скотъ онъ ни былъ, даже въ отсутствіи его, боятся вымолвить дурное слово. «Какимъ же образомъ подобнымъ людямъ указывать прямо на начало зла? Они, замахавъ руками и заткнувъ уши, разбѣгутся отъ васъ прочь». При этомъ Филипповъ прибавилъ: «Наша система пропаганды есть наилучшая, и отступать отъ нея — значитъ отступать отъ возможности исполненія нашихъ идей». Потомъ Толь читалъ статью о началахъ религіи, написанную имъ въ томъ же духѣ, какъ и та, которую онъ читалъ ранѣе. Она вызвала большіе дебаты. Антонелли, отозвавъ въ сторону Петра-

---

[1]) Ястржембскій это рѣшительно отрицалъ и на слѣдствіи, и въ своихъ воспоминаніяхъ (стр. 28). Дѣевъ показалъ, что богдыханомъ назвалъ государя Петрашевскій, и послѣдній это призналъ, Модерскій же заявилъ, что они оба такъ называли его и что Ястржембскій скорѣе подражалъ Петрашевскому.

шевскаго, спросилъ его: для чего читаютъ у него «о такихъ вещахъ, которыя, кромѣ схоластическихъ споровъ и потери времени, ничего больше не могутъ произвести». Петрашевскій отвѣчалъ: «Напротивъ, я очень радъ такимъ спорамъ, они необходимы, потому что, согласивъ мнѣнія о началахъ, слѣдствія изъ нихъ должны проистечь непремѣнно единодушныя и единообразныя». Толь обѣщалъ, продолжать свои чтенія. Баласогло и Момбелли во многомъ не соглашались съ нимъ, но такъ же, какъ и онъ, признавали религію «ненужною въ соціальномъ смыслѣ для благосостоянія человѣчества».

Затѣмъ Баласогло прочелъ предисловіе къ вновь изданнымъ сочиненіямъ Хмельницкаго, написанное Дуровымъ [1]). Антонелли нашелъ, что «въ этомъ предисловіи, очень хорошо написанномъ, множество либеральныхъ идей. Все общество рукоплескало, много хохотало надъ нѣкоторыми выходками автора, который, впрочемъ, жаловался, что цензура очень многое не пропустила». Въ статьѣ Дурова «Нѣсколько словъ о Н. И. Хмельницкомъ» вовсе нѣтъ «множества либеральныхъ идей». Авторъ называетъ его «гражданиномъ», упоминаетъ, что онъ «жилъ еще въ эпоху *чинолюбія*», но и опредѣлившись на службу, сохранилъ «въ душѣ весь жаръ истиннаго поэта», не искалъ протекціи, «смотрѣлъ на службу какъ на широкое поле труда и пользы общественной», чрезвычайно любилъ чтеніе и въ послѣднее время ему особенно нравился Мишель Шевалье [2]): по словамъ Дурова, Хмельницкій «въ этомъ смѣльчакѣ инженерѣ нѣкоторымъ образомъ провидѣлъ благородное стремленіе цѣлой націи». Вотъ и всѣ «либеральныя идеи» въ статьѣ Дурова [3]). Послѣ чтенія ея Петрашевскій поблагодарилъ автора отъ имени всего общества и прибавилъ, что «всѣ должны писать въ подобномъ духѣ, потому что, хотя цензура вымараетъ 10, 20 мыслей, но хоть 5, да все-таки останутся».

Въ пятницу 1 апрѣля у Петрашевскаго было 19 гостей; изъ нихъ новыми для Антонелли оказался офицеръ генеральнаго штаба Кузьминъ, «который былъ 9 мѣсяцевъ во внутреннихъ губерніяхъ по дѣламъ службы», а «прежде постоянно посѣщалъ собранія» Петрашевскаго [4]), Ольдекопъ, Достоевскій, Кропотовъ и Головинскій—

---

[1]) Драматургъ Хмельницкій былъ родной дядя С. Ѳ. Дурова.

[2]) Авторъ многихъ сочиненій о соціализмѣ: первоначально сенъ-симонистъ, затѣмъ профессоръ-либералъ, защищавшій свободу торговли и въ 1848 г. писавшій противъ Луи-Блана.

[3]) Первоначально она была напечатана въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» 1848 г. №№ 8 и 9, а затѣмъ перепечатана въ первомъ томѣ «Полнаго собр. соч. Хмельницкаго», изд. А. Смирдина, 1849 г.

[4]) Впервые увидавъ здѣсь Антонелли, Кузьминъ такъ описываетъ его наружность: «Блондинъ, небольшого роста, съ довольно большимъ носомъ, съ глазами свѣтлыми, не то чтобы косыми, но избѣгающими встрѣчи, въ красномъ жилетѣ! Этотъ господинъ, судя по участію, какое принималъ онъ въ

«замѣчательное лицо, какъ по своему характеру, такъ и по твердости своихъ идей и широкому краснорѣчію». Онъ воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія, служитъ въ Сенатѣ и долженъ былъ скоро отправиться стряпчимъ въ Казань. Головинскій стремился стать со временемъ профессоромъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Въ этотъ вечеръ Петрашевскій говорилъ рѣчь на тему, какую реформу слѣдуетъ поставить на первую очередь: цензурную, крестьянскую или судебную [1]). По словамъ Антонелли, относительно свободы печати Петрашевскій говорилъ, что это «вопросъ первой важности», что эта свобода «можетъ принести много пользы какъ для образованности, такъ и для достиженія лучшаго, всѣми желаемаго правленія», но что будто бы она можетъ принести и много вреда. «Что существованіе цензуры хотя много и очень много стѣсняетъ возможность большаго развитія, но что вмѣстѣ съ тѣмъ оно приноситъ и ту пользу, что, вычеркивая всѣ нелѣпости изъ какого-нибудь сочиненія, она даетъ» ему «видъ дѣльный и порядочный». Если «въ нынѣшнемъ положеніи вещей цензура будетъ уничтожена, то явится множество людей, которые», руководствуясь «своими личными побужденіями и страстями, хотя и напишутъ множество книгъ дѣльныхъ и по своему слогу и краснорѣчію и хотя своимъ талантомъ заслужатъ мѣста въ исторіи литературы, но со всѣмъ этимъ будутъ служить и препоною къ развитію человѣчества и къ достиженію цѣли, имъ всѣмъ столь любезной» [2]). Самъ Петрашевскій былъ бы радъ введенію свободы печати и, если бы она осуществилась хотя бы на два дня, то, вѣроятно, воспользовался ею и что-нибудь напечаталъ, но тѣмъ не менѣе онъ «не отступитъ отъ своихъ идей и предубѣжденій». Въ пятницу 22 апрѣля Петрашевскій опять возвратился къ вопросу о цензурѣ. Онъ утверждалъ, что цензура «не можетъ мѣшать, что цензорамъ должно представлять всегда истину въ такомъ видѣ, чтобы они не могли принять» ее «за что-нибудь другое, какъ за истину; что всякій человѣкъ

разговорахъ, былъ не безъ образованія, либераленъ во мнѣніяхъ, но участіе его было по преимуществу вызывающее другихъ къ высказыванію». На вопросъ Кузьмина, кто это такой, Балосогло отвѣчалъ: «Это итальянчикъ Антонелли, способный только носить на головѣ гипсовыя фигурки... Вы знаете, что Михаилъ Васильевичъ расположенъ принять и обласкать каждаго встрѣчнаго на улицѣ» «Изъ записокъ г.-л. П. А. Кузьмина». «Рус. Стар.», 1895 г. № 2, стр. 158—159.

[1]) На эти три вопроса, по словамъ Петрашевскаго, «преимущественно обращаетъ вниманіе извѣстная часть образованнаго общества и у насъ и въ Западной Европѣ».

[2]) Въ спискѣ иностранныхъ книгъ, составленномъ Петрашевскимъ, находится, между прочимъ, сочиненіе Legrand d'Orleans «Le bien et le mal de la liberté de la presse». Если это сочиненіе было ему извѣстно, то не излагалъ ли онъ, быть-можетъ, въ своей рѣчи мнѣнія этого автора о нѣкоторыхъ вредныхъ съ его точки зрѣнія сторонахъ свободы печати? Къ сожалѣнію, этого сочиненія нѣтъ въ петербургскихъ библіотекахъ.

имѣетъ въ себѣ зародышъ истины и что, слѣдовательно, и цензоровъ можно пробудить отъ усыпленія, представляя истину за истину» и, что не можетъ быть, чтобы, когда весь свѣтъ принимаетъ $2 \times 2 = 4$, они одни говорили 5. Дуровъ же возражалъ Петрашевскому, что на цензоровъ должно дѣйствовать не убѣжденіямъ, а «обманомъ, воровски, такъ, чтобы изъ множества идей хоть одна да проскочила. Обязанность редактора журнала быть въ дружбѣ со всѣми цензорами и властями, имѣющими вліяніе на его журналъ, и тогда, какую бы статью онъ ни захотѣлъ помѣстить въ своемъ журналѣ, всякую пропустятъ».

Въ передачѣ Антонелли мнѣніе Петрашевскаго о цензурѣ возбуждаетъ недоумѣніе, но, очевидно, оно передано слишкомъ неполно. Вотъ какъ пересказываетъ его рѣчь Баласогло:

«Общій смыслъ ея былъ тотъ, что, сколько ни справедливы въ сущности жалобы писателей на цензуру, все-таки они сами на себя накликаютъ ея излишнія стѣсненія и строгости, именно тѣмъ, что, не зная ничего научнымъ образомъ, не изучивъ ничего предварительно, систематически и основательно, сами не умѣютъ дать себѣ отчета, о чемъ вопіютъ; а между тѣмъ вопіютъ рьяно и самоувѣренно, какъ будто они только одни и весь толкъ въ мірѣ. Эту рѣчь я помню такъ живо, хотя и не въ выраженіяхъ, а въ идеѣ, именно потому, что она мнѣ пришлась по сердцу. Надо знать, что между людьми науки и просто, такъ называемыми, литераторами, или еще ближе—беллетристами и фельетонистами, такая же вѣчная дружба, какъ у кошки съ собакой. Всѣ рѣчи Петрашевскаго, которыхъ, впрочемъ, было немного, почти до единой имѣли въ себѣ главною, прозрачною только для немногихъ цѣлью погладить противъ шерсти литераторовъ, которые, въ свою очередь, ославили его въ городѣ чуть не разбойникомъ, который днемъ рѣжетъ людей на улицѣ».

Барановскій утверждаетъ, что Петрашевскій сказалъ рѣчь о необходимости свободы печати. Головинскій подтвердилъ въ сущности показаніе Антонелли, но онъ, очевидно, не хотѣлъ искать непріятнаго для слѣдственной комиссіи смысла въ рѣчахъ Петрашевскаго тамъ, гдѣ этого можно было избѣжать. Затруднялись съ полною откровенностью высказывать свои мнѣнія о цензурѣ передъ слѣдственною комиссіею; это видно изъ того, что тотъ же Дуровъ, который на вопросъ комиссіи о словахъ Петрашевскаго сообщилъ, что онъ, «говоря о цензурѣ, находилъ, дѣйствительно, что она мѣшаетъ развитію мыслей», а говоря вообще о чтеніяхъ Петрашевскаго, признавалъ слова нѣкоторыхъ его гостей, «что отъ строгости цензуры литературы не существуетъ», когда пришлось объяснять сказанное имъ по этому предмету, далъ слѣдующее, конечно, неискреннее, объясненіе: «Цензора преслѣдуютъ болѣе фразы и слова, нежели самыя идеи, если только идеи вѣрны и ничьей личности не затрогиваютъ, а этого весьма достаточно для художественнаго произведенія. Если иногда случается, что цензоръ, не вникнувъ въ смыслъ вещи, черкаетъ статью, то мы имѣемъ полную воз-

можность объясниться съ нимъ лично, высказать ему, въ чемъ дѣло, и убѣдить его быть снисходительнѣе».

Чтобы не сдѣлать ложнаго вывода изъ словъ Антонелли о мнѣніяхъ Петрашевскаго, нужно помнить, что еще въ одномъ изъ раннихъ своихъ рукописныхъ набросковъ онъ указывалъ не необходимость «совершенной свободы книгопечатанія и отсутствія унизительной для разума человѣческаго цензуры, ужаснаго орудія угнетенія и деспотствованія». Нужно также имѣть въ виду, что въ тѣ пятницы, на которыхъ былъ Антонелли, Петрашевскій возбуждалъ вопросъ не о томъ, нужны ли введеніе гласнаго суда съ присяжными, освобожденіе крестьянъ и установленіе свободы печати, а только о томъ, въ какомъ порядкѣ должны быть осуществлены эти реформы. Петрашевскій на первое мѣсто ставилъ судебную реформу, Головинскій крестьянскую, а Ахшарумовъ полагалъ, что обѣ должны быть осуществлены одновременно, но ни для кого изъ нихъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ три реформы необходимы [1]).

На необходимость судебной реформы Петрашевскій, какъ мы видѣли, указывалъ еще въ раннихъ своихъ набросках, порицая «таинственные скрытые суды», внося въ свой «Запасъ общеполезнаго» тему «о необходимости отправленія суда открытымъ, а не инквизитивнымъ образомъ, о преимуществахъ открытыхъ судовъ передъ закрытыми». Въ пятницу 1 апрѣля 1849 г., по словамъ Антонелли, онъ сказалъ:

«Въ нашемъ запутанномъ, многосложномъ и съ предубѣжденіями судопроизводствѣ справедливость не можетъ быть достигнута, и если изъ тысячи примѣровъ и является одинъ, гдѣ она достигается, то это происходитъ какъ-то не нарочно, случайно. Одно судопроизводство возможно, гдѣ бы достигалась цѣль его, т.-е. справедливость,—это судопроизводство публичное—jury. Преступникъ, являясь на судъ» присяжныхъ, «видитъ передъ собою два начала... судью, начало, карающее зло, представителя правительства, и публику, входящую въ положеніе его и старающуюся въ немъ оправдать человѣка и обвинить обстоятельства, его окружавшія и служившія къ вовлеченію его въ преступленіе. Адвокатъ преступника—это каналъ, который проводитъ въ публику всѣ обстоятельства, окружавшія преступника до совершенія имъ преступленія и, наконецъ, доведшія его до самаго преступленія. (Присяжные — это изображеніе публики, на которыхъ отпечатываются всѣ ея интересы и которые въ отношеніи къ преступнику замѣняютъ публику). Изъ этого краткаго очерка каждый можетъ видѣть достоинства jury. Я не подтверждаю, продолжалъ Петрашевскій, чтобъ это было самое наилучшее судопроизводство, но, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту оно лучшее, со временемъ же, вѣроятно, дойдетъ до еще большаго совершенства. Изъ живущихъ въ Россіи, вѣроятно, почти каждому приходилось сталкиваться съ на-

[1]) Ср. «Изъ записокъ г.-л. П. А. Кузьмина», «Рус. Стар.», 1895 г., № 2, стр. 159. Кузьмину измѣнила память, когда онъ собщаетъ, что Петрашевскій ставилъ на этотъ разъ на первое мѣсто освобожденіе крестьянъ: срав. ibid, стр. 160.

шимъ судопроизводствомъ и, слѣдовательно, всякій чувствовалъ на себѣ его тягость. Поэтому, такъ какъ это вопросъ уже общій, перемѣна судопроизводства есть желаніе почти 60 милл. людей, т.-е. всѣхъ обитателей Россіи, то я его и поставляю вопросомъ первой важности и приглашаю всѣхъ и каждаго по мѣрѣ возможности къ осуществленію его всѣми возможными средствами и своею личною дѣятельностью и посредствомъ «внушеній», т.-е. пропаганды этой идеи [1].

Напротивъ, Головинскій ставилъ на первое мѣсто крестьянскій вопросъ, утверждая, что отъ дурного судопроизводства не столь многіе страдаютъ или, по крайней мѣрѣ, не столь многіе чувствуютъ необходимость преобразованія въ этой области вслѣдствіе равнодушія къ тѣмъ своимъ правамъ, которыя даютъ даже существующіе законы, и невѣжества — незнанія этихъ законовъ; многіе видятъ въ современномъ судопроизводствѣ личную выгоду, имѣя возможность или силою, или съ помощью протекціи, или посредствомъ денегъ добиться рѣшенія въ свою пользу. Петрашевскій возражалъ Головинскому, что достигнуть улучшенія судопроизводства гораздо легче, чѣмъ осуществленія крестьянской реформы. Равнодушіе уничтожится, «когда на собраніяхъ сословій будетъ внушаться мысль единства дѣйствія и показываться пути къ достиженію цѣли. Невѣжество уничтожится внушеніями всѣмъ и каждому необходимости знанія законовъ и толкованіемъ имъ этихъ самыхъ законовъ... Легче же достигнуть этого вопроса и ближе потому, что дѣйствовать тутъ возможно и должно законнымъ образомъ,—не надо требовать отъ правительства, но, напротивъ, нѣкоторымъ представителямъ... сословія всеподданнѣйше просить. И важность тутъ та, что правительство и отказавши и удовлетворивши просьбѣ поставитъ себя въ худшее положеніе. Отказавши въ просьбѣ сословію, оно вооружитъ его противъ себя,—и идея наша идетъ впередъ. Исполнивши просьбу, оно ослабитъ себя и дастъ возможность требовать большаго,—и все-таки идея наша идетъ впередъ».

Въ пятницу 15 апрѣля Петрашевскій опять говорилъ по вопросу о преобразованіи судопроизводства. Между прочимъ, онъ утверждалъ, что «перемѣны судопроизводтва можно достигнуть самымъ законнымъ образомъ, требуя отъ правительства такихъ вещей, въ которыхъ оно не можетъ отказать, сознавая ихъ справедливость». «Требуя одного за другимъ, можно дойти, наконецъ, и до всего»; если достигнуть «возможнаго совершенства судопроизводства», то «этимъ откроются глаза всѣхъ и на другіе вопросы. Главная наша забота должна состоять въ томъ, чтобы внушать всѣмъ и каждому (необходимость) требовать различныхъ перемѣнъ у правительства совершенно справедливыхъ и совершенно законнымъ образомъ».

---

[1]) Головинскій въ своемъ показаніи заявилъ, что предъявленное ему изложеніе сказаннаго Петрашевскимъ «не вѣрно», и самъ передалъ сущность его мнѣнія о поставленіи на первую очередь вопроса о реформѣ судопроизводства, но онъ не внесъ существенныхъ поправокъ въ изложеніе мнѣнія Петрашевскаго сдѣланное Антонелли.

Головинскій вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ Петрашевскаго относительно необходимости добиваться перемѣны судопроизводства законнымъ порядкомъ и, «дѣйствуя... болѣе всего на повѣренныхъ и указывая имъ прежде всего на право присутствія при рѣшеніи дѣлъ, при чемъ прочиталъ и указъ 1831 г., дающій это право». Ястржембскій вообще защищалъ мнѣніе Петрашевскаго [1]).

Къ мнѣніямъ Петрашевскаго и другихъ о крестьянскомъ вопросѣ я возвращусь ниже. Теперь же остановлюсь на томъ, что извѣстно о послѣднихъ пятницахъ Петрашевскаго—8, 15 и 22 апрѣля.

На собраніи 8 апрѣля по случаю пасхальной недѣли было очень мало гостей—всего 9 человѣкъ; между прочимъ, присутствовалъ Н. С. Кашкинъ, служившій въ азіатскомъ департаментѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, у котораго зимою 1848—49 г. происходили особыя собранія съ цѣлью изученія соціализма и коммунизма и особенно ученія Фурье. Рѣчей въ этотъ вечеръ не было, но Ястржембскій и Петрашевскій сдѣлали нѣкоторыя замѣчанія о сочиненіяхъ Фурье и Прудона. О произведеніяхъ перваго они, по словамъ Антонелли, отзывались «съ громкою похвалою», только Петрашевскій выражалъ сожалѣніе, что Фурье пишетъ «слишкомъ пространно». Прудона же они частью «хвалили», частью «бранили». Зашла рѣчь о Ламартинѣ, котораго они рѣзко порицали, не признавая въ немъ таланта государственнаго дѣятеля, не считая даже его порядочнымъ человѣкомъ. Они бранили также Journal des Débats, находя, что его «разсужденія до чрезвычайности пошлы и даже подлы» [2]).

Ястржембскій, между прочимъ, сказалъ, что «онъ полякъ душою и тѣломъ, что за свободу Польши готовъ позволить выпустить себѣ всю кровь по каплѣ, но если бы онъ былъ увѣренъ, что самостоятельность Польши вредна развитію общечеловѣчной идеи, то первый бы однимъ взмахомъ отрубилъ ей голову». Во время слѣдствія онъ отрицалъ точность передачи его словъ, но пояснилъ, что они были вызваны упреками полякамъ въ томъ, что они своими возстаніями будто бы мѣшаютъ развитію системы Фурье, которая можетъ водвориться только «при совершенномъ спокойствіи и твердости правительства» [3]).

Въ пятницу 15 апрѣля собралось 20 человѣкъ. Ѳ. М. Достоевскій прочелъ письмо Гоголя къ Бѣлинскому по поводу его критики на «Переписку съ друзьями», знаменитое письмо Бѣлин-

---

[1]) Д. Д. Ахшарумовъ въ своемъ показаніи отмѣчаетъ особую черту относительно мнѣнія Петрашевскаго: «Мнѣ кажется, что Петрашевскій просто говорилъ о первенствѣ вопроса этого передъ другими при *требованіи народомъ конституціи*».

[2]) Изъ «Краткаго очерка основныхъ началъ системы Фурье», представленнаго Петрашевскимъ слѣдственной комиссіи, видно, что тутъ дѣло идетъ о статьяхъ этой газеты о системѣ Фурье, которымъ «не слѣдуетъ давать никакой вѣры».

[3]) Ср. разсказъ объ этомъ инцидентѣ въ воспоминаніяхъ Ястржембскаго. «Минувшіе Годы», 1908 г., № I, стр. 29—30.

-скаго Гоголю и отвѣтъ Гоголя. Письмо Бѣлинскаго вызвало «общій восторгъ». Ястржембскій нерѣдко вскрикивалъ: «Отто такъ! отто такъ!» Баласогло, по словамъ Антонелли, приходилъ въ изступленіе, и... все общество было какъ бы наэлектризовано.

Вечеръ 16 апрѣля Антонелли провелъ у Кузьмина; собравшееся у него общество крайне не понравилось Антонелли, и онъ аттестовалъ его гораздо хуже, чѣмъ посѣщавшее Петрашевскаго, гдѣ, по его словамъ, «встрѣчаешь людей и съ ошибочными понятіями, но все-таки людей, которые въ перемѣнѣ видятъ благосостояніе, т.-е. стремятся къ общественному благу».

17 апрѣля Антонелли, жившій уже въ это время съ Толемъ, устроилъ у себя вечеринку, на которой были Петрашевскій, Баласогло, Момбелли, Львовъ, Пальмъ, Ахшарумовъ, Дебу и, кромѣ того, трое знакомыхъ Толя [1]). Насчетъ послѣднихъ Антонелли въ своемъ донесеніи замѣтилъ, что, хотя они «и говорили нѣсколько вольно, но кто же и не говоритъ вольно? Да и разговоръ ихъ вовсе не касался до какихъ-нибудь системъ или измѣненій» [2]). Какъ будто не желая предавать своихъ гостей, агентъ доносилъ, что «разговоровъ замѣчательныхъ не было, всѣ говорили пустяки, много пили, хохотали и, наконецъ, даже танцовали». Но, получивъ извѣстіе, что на той же недѣлѣ хотятъ покончить съ собраніями у Петрашевскаго, онъ даетъ совѣты, какія предосторожности слѣдуетъ принять при захватѣ у него посѣтителей его пятницъ.

Въ послѣднюю пятницу, 22 апрѣля, на которой было 12 гостей, Петрашевскій говорилъ рѣчь о томъ, какъ должны поступать литераторы, чтобы вѣрнѣе дѣйствовать на читателей. Наша публика привязана къ беллетристикѣ и уже тѣмъ сдѣлала шагъ впередъ, что отстала отъ чтенія стиховъ. Онъ указалъ на то, что романы Евгенія Сю и Жоржъ Зандъ потому имѣютъ такое вліяніе на читателей, что «въ нихъ повсюду разлита истина, которую творцы ихъ изучали со всею горячностью. Журналистика на Западѣ потому имѣетъ такой вѣсъ, что тамъ всякій журналъ—отголосокъ какого-нибудь отдѣльнаго класса общества. На Западѣ журналъ не спекуляція какого-нибудь одного лица, но органъ передачи всѣхъ идей и всѣхъ мыслей цѣлаго общества, содержащаго этотъ журналъ на акціяхъ. Въ русской литературѣ литераторамъ недостаетъ образованія; всякій со школьной скамьи уже воображаетъ себя великимъ писателемъ. Въ журналистикѣ нашей преобладаетъ духъ спекулятивности», а не стремленіе «передавать своимъ читателямъ истину, идеи хотя немного человѣчныя и, на-

---

[1]) О томъ, какъ усердно зазывалъ на эту вечеринку Антонелли и самъ и при помощи Толя, см. свидѣтельство Кузьмина въ «Рус. Стар.», 1895 г., № 2, стр. 160—161.

[2]) Петрашевскій передавалъ Кузьмину, что на этой вечеринкѣ «возбуждались бесѣды о предметахъ въ направленіяхъ весьма радикальныхъ». Ibid., стр. 162.

конецъ, потребности самаго общества». Петрашевскій утверждалъ, что непремѣнно нужно издавать журналъ на акціяхъ [1]), но Дуровъ возражалъ, что это химера. Послѣ ужина Баласогло въ кругу оставшихся 5 или 6 человѣкъ излилъ «свою желчь», и тогда «досталось литераторамъ». Онъ говорилъ, «что это люди тривіальные, безъ всякаго образованія, убивающіе время въ бездѣльи и между тѣмъ гордящіеся своими доблестями... Напримѣръ, Достоевскіе и Дуровъ, посѣщающіе собранія Петрашевскаго уже три года, могли бы, кажется, пользоваться отъ него и книгами и хоть наслышкой образоваться», а между тѣмъ они «не читали ни одной порядочной книги: ни Фурье, ни Прудона, ни даже Гельвеція». Момбелли заступился за писателей и сказалъ, что «не надо бранить тѣхъ литераторовъ, которые принадлежатъ къ ихъ обществу, что и то ужъ большая заслуга ихъ, что они раздѣляютъ общія съ нами идеи». Нужно замѣтить, что въ этотъ вечеръ, въ числѣ другихъ гостей, былъ М. М. Достоевскій, но, вѣроятно, Баласогло язвилъ литераторовъ уже послѣ его ухода. Ѳ. М. Достоевскій, дѣйствительно, мало пользовался библіотекою, устроенною въ складчину знакомыми Петрашевскаго; извѣстно, однако, что онъ бралъ изъ нея «Histoire de dix ans» Луи-Блана, какое-то сочиненіе Прудона, книгу Paget (вѣроятно, «Introduction á l'étude de la science sociale», которая была выписана для библіотеки), Le vrai christianisme suivant Jesus Christ Кабэ, Vie de Jesus (французскій переводъ извѣстной книги Штрауса) и, повидимому, книгу de Beaumont «Marie ou l'esclavage». При обыскѣ же у него нашли двѣ запрещенныя книги: 1) Eug. Sue «Le Berger de Kravan, entretiens socialistes», 1848 и 2) La célébration du dimanche [2]). Д. Д. Ахшарумовъ въ своемъ первомъ показаніи такъ характеризовалъ цѣль собраній у Петрашевскаго: «Хотя и говорили на его вечерахъ обо всемъ—о религіи, о философіи, о литературѣ, но преимущественно были предлагаемы самимъ имъ всегда вопросы настоящаго положенія и о правительствѣ. Цѣлью ихъ было общественнымъ мнѣніемъ произвести переворотъ: вынудить общимъ желаніемъ свободу книгопечатанія и открытое судопроизводство, а окончательною цѣлью было введеніе въ Россіи соціальной жизни», т.-е. осуществленіе соціалистическаго строя.

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Изъ показаній Пальма и Толбина видно, что онъ предполагалъ купить право на изданіе журнала Дершау «Финскій Вѣстникъ», или сдѣлаться пайщикомъ этого изданія, но ему не удалось осуществить это намѣреніе.

[2]) Вѣроятно сочиненіе Прудона «De la célébration du dimanche, considérée sous ses rapports de l'hygiéne publique, de la morale, des relations de famille et de cité (sujet proposé par l'Academie de Besançon). 1 ed. — 1839, 3 ед. — 1848.

М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

(Окончаніе.)

М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій, какъ критики „народа“.

Бакунинъ занимаетъ странное мѣсто въ русской исторической литературѣ. Относительно его въ ней встрѣчаются самыя противоположныя заявленія и притомъ вышедшія приблизительно изъ одного и того же лагеря, и если, напр., въ примѣчаніяхъ къ русскому переводу Туна г. Плехановъ говоритъ, что «Бакунинъ и его послѣдователи смотрѣли на крестьянскую общину какъ на исходный пунктъ соціальнаго развитія», то-есть они ее идеализировали, подобно всѣмъ вообще народникамъ той эпохи, то г. Богучарскій, напротивъ, считаетъ Бакунина однимъ изъ писателей, впервые у насъ подорвавшихъ народническое общинноборство. Этотъ взглядъ на Бакунина авторъ «Активнаго народничества» проводилъ еще съ 1899 года, когда въ 45-мъ номерѣ газеты «Сѣверный Курьеръ» была напечатана его статья объ отношеніи къ русской общинѣ со стороны старыхъ народниковъ и со стороны Ив. С. Тургенева. Съ тѣхъ поръ и до сего времени изо всѣхъ представителей «активнаго народничества» г. Богучарскій только для Бакунина допускаетъ нѣкоторое снисхожденіе за то собственно, что онъ въ письмахъ къ Герцену, критикуя его мнѣнія о нѣкоторыхъ сторонахъ европейскаго развитія, посвящалъ такія, напр., строки русской общинѣ: «Почему ты не прибавилъ, — волнуется Бакунинъ,—что если фаланстеры исчезаютъ въ туманѣ, зато ваша хваленая русская община болѣе тысячи лѣтъ недвижно коснѣетъ въ навозѣ. Дикое суевѣріе и невѣжество, патріархальный развратъ! тупоумное царство китайской обрядности, отсутствіе всякаго личнаго права, презрѣніе къ достоинству человѣка или, лучше сказать, незнаніе, совершеннѣйшее неподозрѣваніе его, безцеремонность наивнаго насилія, холодно - звѣрская жестокость и полнѣйшее рабство обычая, мысли, чувства и воли,—вотъ душа этого тысячелѣтняго, безсмысленнаго гніющаго трупа».

В. Я. Богучарскій находитъ въ этомъ *объективно* вѣрную и съ его точки зрѣнія очень цѣнную картину современной общины, столь бурно и страстно обличавшейся Бакунинымъ. Но онъ самъ чувствуетъ, что въ бакунинскомъ реализмѣ есть какой-то изъянъ и потому, процитировавъ нѣсколько подобныхъ мѣстъ изъ переписки Бакунина, замѣчаетъ: «Но тогда зачѣмъ же итти въ народъ. Какую почву найдутъ тамъ соціалисты - революціонеры» (стр. 89)... А такъ какъ въ народъ они все-таки шли, то, стало-быть, они поступали непослѣдовательно, неразумно, наивно, по-дѣтски.

Такая постановка вопроса типична для В. Я. Богучарскаго. Онъ все время чувствуетъ себя не историкомъ, а публицистомъ и какъ бы боится сдѣлать черезчуръ много уступокъ своимъ противникамъ. Народники, по его мнѣнію, ошибались, создавши движеніе въ народъ съ цѣлями соціально - революціонными. Народъ на самомъ дѣлѣ консерваторъ, онъ идеологъ, «вымолвить ли ужасное слово — *личной собственности*» (стр. 189) и, — какъ выражается Тургеневъ въ письмахъ, которыя В. Я. Богучарскій тоже очень любитъ цитировать, — «носитъ въ себѣ зародоши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной, съ вѣчно набитымъ, до изжоги, брюхомъ... что далеко оставляетъ за собою... западную буржуазію».

Народъ-консерваторъ и русскій рабочій вопросъ есть, дѣйствительно, «вопросъ консервативный», въ этомъ г. Богучарскій едва ли убѣжденъ не больше самого Михайловскаго и славянофиловъ. Слѣдовательно, не итти нужно было въ народъ съ цѣлями соціально - революціонными, а, оставивъ пустыя и утопическія надежды на переворотъ, заняться въ народѣ культурной дѣятельностью, къ которой, по мнѣнію В. Я. Богучарскаго, народники пришли бы, натолкнутые самимъ ходомъ вещей, если бы не вмѣшалось правительство и не толкнуло ихъ своими репрессіями на «крайне невѣрный и крайне ненормальный методъ дѣйствія» [1]), слишкомъ хорошо извѣстный, чтобъ было нужно называть его здѣсь...

Итакъ, вотъ первая ошибка народниковъ: они были романтики, идеализировавшіе мужика, «мистически преклонявшіеся передъ русскимъ тулупомъ». Къ нимъ, по мнѣнію В. Я. Богучарскаго, вполнѣ примѣнимы слова Тургенева, обращенные имъ однажды къ Герцену: «Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ-то видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ... Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя, такъ давай воздвигать алтарь этому новому невѣдомому богу... Богъ этотъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что вы отъ него ждете... Богъ

[1]) Слова В. Я. Богучарскаго изъ его книги о «Народной Волѣ, ея происхожденіи, судьбѣ и гибели».

вашъ любитъ до обожанія то, что вы ненавидите, и ненавидитъ то, что вы любите» [1])...

Рядомъ съ этимъ, а отчасти этимъ и обусловленная, стоитъ вторая ошибка «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ», ошибка, продиктованная на этотъ разъ цѣликомъ Бакунинымъ, который писалъ однажды: «Народъ нашъ глубоко и страстно ненавидитъ государство и всѣхъ представителей его въ какомъ бы видѣ они передъ нами не являлись». Для Бакунина эта ненависть была реальнымъ фактомъ и, какъ бы оправдывая горькія насмѣшки Тургенева надъ Герценомъ, онъ именно на ней строилъ свою программу, призывая революціонную интеллигенцію вѣчно помнить священную антитезу «Государственности и Анархіи». Отсюда общая неспособность «Активнаго народничества» разрѣшить политическую проблему, неспособность его понять вмѣстѣ съ консерватизмомъ народа органическую потребность для Россіи свободныхъ формъ гражданственности. Тутъ былъ тоже своего рода «заколдованный кругъ», и разбила его впослѣдствіи лишь «Группа Освобожденія Труда» во главѣ съ Г. В. Плехановымъ.

Мы вполнѣ можемъ сказать, что всѣ эти выводы принадлежатъ не только В. Я. Богучарскому, эти выводы въ значительной степени общеприняты и уже вошли въ наше общественное самосознаніе, и рѣдко кому покажется, что они требуютъ исторической провѣрки. Но если они принадлежатъ не одному В. Я. Богучарскому, то на его долю выпала отвѣтственная попытка наиболѣе систематическаго ихъ обоснованія. В. Я. Богучарскій первый серьезный историкъ «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ», пытающійся дать связный очеркъ той эпохи и господствовавшихъ тогда идейныхъ представленій; онъ болѣе всякаго другого обладаетъ запасомъ документально - фактическихъ свѣдѣній объ изучаемой эпохѣ, а разъ ему много дано, то мы вправѣ отъ него и многаго ждать. Впрочемъ, изъ этого многаго мы попрежнему возьмемъ только одну часть— противопоставленіе Бакунина и Михайловскаго, но зато въ предѣлахъ этой параллели мы постараемся наивозможно полнѣе и документальнѣе освѣтить вопросъ: правда ли, что «активное народничество семидесятыхъ годовъ» страдало тѣми недостатками, на которыхъ основываетъ всю свою критику В. Я. Богучарскій? И провѣрку свою мы начнемъ съ анализа взглядовъ на народъ со стороны Н. К. Михайловскаго, писателя наиболѣе игнорированнаго въ трудѣ В. Я. Богучарскаго...

По мнѣнію Михайловскаго, два момента опредѣляютъ собой психологію русскаго народа: извѣстныя формы его трудовой обще-

---

[1]) См. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену». Съ объяснительными примѣчаніями М. Драгоманова. 1892. Цитир. мѣсто на стр. 170, 171. Предыдущая цитата о «дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ» и проч. здѣсь же, стр. 161.

ственной жизни, такъ называемый «старый хозяйственный типъ», состоящій въ способности самому удовлетворять свои потребности, не быть слугой другихъ, но и самому не имѣть слугъ, — и тѣ «безпримѣрно тяжелыя историческія условія жизни нашего народа», «механику которыхъ мы прекрасно знаемъ, не даромъ въ четырехъ факультетахъ вываривались». Въ этихъ историческихъ сложившихся особенностяхъ народной психологіи Михайловскій видѣлъ и наибольшія опасности для всякой прогрессивной дѣятельности и въ то же время національныя черты.

«Дѣйствительно,—говоритъ онъ,—старый хозяйственный типъ существовалъ вездѣ и потому не можетъ быть пріуроченъ къ одной какой-нибудь національности. Историческія же условія, видоизмѣнявшія его, войны и другія столкновенія различныхъ группъ людей, комбинируясь въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время подъ вліяніемъ тысячи случайностей, крайне разнообразны, положили основаніе дѣйствительнымъ національнымъ отличіямъ. Такимъ-то, значитъ. образомъ въ народѣ русскомъ рядомъ съ высокими нравственными задатками сложились и крайне непривлекательные...

«Въ народѣ нашемъ сохранилась, такъ сказать, отрыжка нравовъ тѣхъ древнихъ мучителей Дулѣбовъ, которые исчезли такъ безслѣдно, что даже въ поговорку обратились слова: погибоша аки Обры. Звѣрскіе завоеватели стерты съ лица земли, но ихъ господство не прошло даромъ и, можетъ-быть, прямые потомки тѣхъ самыхъ Дулѣбовъ, которыхъ обры «тако мучиху», ѣздятъ теперь на своихъ женахъ и матеряхъ или надѣваютъ на нихъ хомуты. Le mort saisit le vif,—какъ гласитъ французская юридическая поговорка. Изъ нѣдръ исторіи мучители-обры продолжаютъ мучить еще своихъ мучениковъ, передавъ имъ свой мучительскій складъ» [1])...

Эти слова, конечно, значительно скромнѣе того нагроможденія всяческихъ пороковъ въ крестьянской психологіи, которымъ Бакунинъ старался придать аргументацію Герцена, однако и здѣсь многое сказано, и это многое станетъ особенно рельефнымъ, если мы вспомнимъ при какихъ обстоятельствахъ Михайловскій столь рѣшительно подчеркивалъ въ народной психологіи черты не только свѣтлыя, положительныя, но и тѣневыя, отрицательныя. Вѣдь это было какъ разъ въ то время, когда онъ не менѣе рѣшительно, чѣмъ народъ, критиковалъ программныя положенія разночинной интеллигенціи съ ея надеждами на крестьянское возстаніе и грядущій федеративно - общинный строй русской жизни. Это было время, про которое въ извѣстныхъ намъ воспоминаніяхъ Н. А. Морозова говорится такъ: «Мѣста тогдашнихъ соціально-революціонныхъ изданій, гдѣ возвеличивался простой народъ, какъ чаша полная совершенства, какъ скрытый отъ всѣхъ непосвященныхъ идеалъ разумности, простоты и справедливости, къ которому мы должны стремиться, казался мнѣ чѣмъ-то въ родѣ волшебной сказки... Читая эти мѣста, мнѣ страшно хотѣлось вѣрить, что все

---

[1]) См. томъ III, стр. 777 и 697. Писано въ декабрѣ 1875 г. и въ апрѣлѣ 1876-го. Ср. также въ X томѣ характеристику «подлиповцевъ» Рѣшетникова.

въ простомъ народѣ такъ хорошо, какъ говоритъ авторъ этихъ статей, что не народу нужно учиться у насъ, а намъ у него [1]).

Было бы крупной несправедливостью по отношенію къ эпохѣ семидесятыхъ годовъ придавать этимъ словамъ Н. А. Морозова, какъ и аналогичнымъ утвержденіямъ В. Я. Богучарскаго, черезчуръ распространительное толкованіе. Однако, какъ бы ни учитывать общій удѣльный вѣсъ словъ Н. А. Морозова, одно слѣдуетъ признать безусловно: основная программная черта «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ», поскольку она передъ нами выяснилась еще въ первой статьѣ, дѣйствительно предрасполагала принципіально къ идеализаціи народа, примѣры чего мы тоже тамъ видѣли. Да и трудно было его не идеализировать, признавши разъ навсегда способность этого народа безъ нашей помощи, безъ нашихъ «программъ» совершить всю творческую работу по созданію будущаго строя. Но тѣмъ замѣчательнѣе, слѣдовательно, передъ лицомъ такого общаго отношенія къ народу позиція, занятая въ данномъ случаѣ Михайловскимъ.

«Идеализировать предметъ не значитъ изучать его,—говоритъ Михайловскій.—Идеализація мужика есть не только ложь, но ложь особенно вредная».—«Безпримѣрно тяжелыя историческія условія жизни нашего народа должны были произвести въ немъ тѣ или другія нравственные изъяны, съ которыми рано или поздно намъ придется считаться и игнорировать которые поэтому не только ошибка, но и преступленіе. Пророчествовать, фразерствовать, кликушествовать очень легко, но вѣдь этимъ дѣйствительности не скрасить. Ни наше прошлое ни наше настоящее не гарантируетъ намъ будущаго *фатально*»...

Въ противоположность идеализаціи народа Михайловскій отстаиваетъ поэтому законность изображенія народной жизни не только съ ея свѣтлыхъ, но и темныхъ сторонъ.

«Изображеніе жизни съ ея свѣтлыхъ и только однѣхъ свѣтлыхъ сторонъ, хотя въ эстетическомъ и теоретическомъ отношеніяхъ, конечно, не то же, что идеализація ея, но въ дѣловомъ, житейскомъ, грубо-практическомъ смыслѣ ведетъ къ результатамъ совершенно одинаковымъ съ тѣми, которое даетъ и тенденціозное идеализированіе, т.-е. къ ложному представленію о предметѣ». «Мы знакомы съ народомъ больше со стороны его достоинствъ, нежели со стороны его недостатковъ, а такое знакомство меньшая половина дѣла; въ большинствѣ случаевъ знаніе препятствій полезнѣе и важнѣе знанія благопріятствующихъ факторовъ».—«Вообще съ теоретической стороны важность и полезность такихъ отрицательныхъ попытокъ слишкомъ очевидны; онѣ разсѣютъ фантастическія надежды, помогутъ выбраться изъ сумбура общихъ мѣстъ, мистическихъ фразъ, ничего не характеризующихъ характеристикъ, которыми мы теперь пробавляемся за неимѣніемъ лучшаго» [2]).

---

[1]) «Русск. Богат.», 1906 г., № 5, стр. 108.

[2]) См. всѣ приведенныя цитаты въ новомъ X томѣ соч. Н. К. Михайловскаго, въ рецензіяхъ на книги Ник. Успенскаго, Н. Н. Златовратскаго (двѣ рецензіи), М. М. Ковалевскаго, Берт. Ауэрбаха, И. Воронина, Ф. М. Рѣшетникова. Послѣдняя рецензія особенно замѣчательна (стр. 797 — 808; 865 — 870; 879 — 883; 893 — 899; 909 — 915; 938 — 945; 989 — 911). Въ каждомъ изъ указанныхъ мѣстъ читатель найдетъ новый и богатый матеріалъ

Мнѣ кажется, всѣ эти цитаты говорятъ сами за себя.

Отъ Михайловскаго, какъ социолога народничества и «властителя его думъ», мы были бы правы ожидать нѣкоторыхъ попытокъ стушевать значеніе историческихъ особенностей, искажавшихъ развитіе морали стараго хозяйственнаго типа, развитіе *трудовой* народной морали, какъ она проявляется въ условіяхъ земледѣльческаго быта. Такими попытками онъ могъ бы, во всякомъ случаѣ, безъ большихъ усилій представить въ яркомъ видѣ положительныя качества народа, наличность которыхъ Михайловскій признавалъ самымъ категорическимъ образомъ. И можетъ-быть, въ расчетѣ на популярность среди идеалистически настроенной по отношенію къ народу интеллигенціи подобный пріемъ былъ бы очень практичнымъ. Михайловскій, однако, пренебрегъ имъ, предпочитая итти въ извѣстномъ смыслѣ «противъ теченія». Свою соціологію народничества, или вѣрнѣе, соціологію тогдашняго момента, онъ построилъ какъ разъ на противоположной цѣпи заключеній, обративши самое пристальное вниманіе не столько на мораль стараго хозяйственнаго типа, сколько на исторически создавшіяся искаженія ея, механику которыхъ мы такъ хорошо знаемъ. Какъ истинный сынъ своего времени, онъ прекрасно чувствовалъ элементъ

для характеристики реалистическаго отношенія Михайловскаго къ народу. Въ томъ же X томѣ, въ моемъ «Предметномъ указателѣ», есть списокъ свыше 25 отдѣльныхъ мѣстъ, относящихся у Михайловскаго къ «общинѣ и артели» (см. стр. 1111 — 1112 тома X). Въ этомъ спискѣ тоже достаточно матеріала для изученія вопроса о томъ же реализмѣ Михайловскаго, ср., напр., стр. 498 — 499, томъ V въ указателѣ по ошибкѣ поставленъ томъ первый). Ср. также пропущенное тутъ мѣсто изъ VII тома, стр. 675 — 676. Что касается другихъ томовъ соч. Михайловскаго, то, не говоря о статьяхъ о «вольницѣ и подвижникахъ», цѣликомъ сюда относящихся, а также отчасти о статьяхъ о «герояхъ и толпѣ» — объ этомъ см. у меня дальше гл. третью — вотъ еще нѣсколько аналогичныхъ мѣстъ: гл. XVIII, XIX, XX «Записки Профана», томъ III. Тамъ же въ «Зап. Профана» см. характеристику французскаго мужика на примѣрѣ Прудона, въ гл. XVII, стр. 663 — 665. Въ IV томѣ см. статью «Нѣсколько словъ о словянофильствѣ и западничествѣ», а также «Литерат. Замѣтки» за мартъ 1878 г., особенно стр. 519 — 520, относительно которыхъ есть такое мѣсто въ ст. Н. С. Русанова «Политика Н. К. Михайловскаго»: въ другомъ знаменитомъ тогда спорѣ Михайловскій... заслужилъ симпатіи набатчиковъ, говоря о разложеніи общины, о фатальномъ развитіи индивидуализма у мужика при извѣстныхъ условіяхъ» (стр. 128, «Былое», іюл., 07 г.) Стало-быть, черта реалистическаго отношенія къ мужику была отмѣчена у Михайловскаго и его современниками. Но, разумѣется, не одинъ Михайловскій отличался тогда подобнымъ реализмомъ, рядомъ съ нимъ, если не выше его, стоялъ Гл. Успенскій, изъ всѣхъ произведеній котораго В. Я. Богучарскій въ своей книгѣ, какъ и раньше въ изслѣдованіи о «Народной Волѣ», упоминаетъ только очеркъ «Не суйся», чрезвычайно односторонне истолкованный имъ еще въ ст. «Что такое земледѣльческіе идеалы» («см. Начало», мартъ, 99 г). См. по этому поводу въ X томѣ статью «Мой промахъ» съ которой почему-то совершенно не считается В. Я. Богучарскій.

трагическаго разобщенія съ народомъ того поколѣнія, къ которому онъ принадлежалъ, и это чувство разобщенія сказалось очень сильно на его тогдашней публицистикѣ. Такіе взгляды и настроенія Михайловскій воплотилъ даже въ двухъ яркихъ художественныхъ типахъ, въ лицѣ Сицкаго («Бѣдный Музыкантъ») и въ фигурѣ Апостолова въ очеркахъ «Вперемежку». Сицкій, несомнѣнный участникъ «хожденія въ народъ», является представителемъ *положительнаго* отношенія къ крестьянству, такъ же какъ Апостоловъ— отрицательнаго. Мы здѣсь остановимся только на фигурѣ Апостолова.

Апостоловъ принесъ Темкину, отъ лица котораго ведется разсказъ Михайловскаго, рукопись подъ заглавіемъ: «Кто мнѣ братъ»? «Меня поразилъ,—говоритъ Темкинъ, — общій безотрадный тонъ статьи: брата у Апостолова не оказывалось нигдѣ. Это было тяжело, какъ многопудовая гиря, и я невольно старался сбросить ее съ себя»... Рукопись Апостолова заключала четыре главы. Въ первой шли семейныя воспоминанія, вторая называлась «свой братъ кутейникъ» и заканчивалась «историческимъ очеркомъ духовнаго сословія въ Россіи и потомъ трактатомъ о кастахъ и сословіяхъ вообще». Третья — «братъ - славянинъ», представляла отголосокъ на тогдашнее увлеченіе славянскимъ движеніемъ и войной на Балканахъ. Четвертая же, самая главная, подъ заглавіемъ «Меньшая братія» и произвела на Темкина очень сильное впечатлѣніе. Произошло это вотъ почему: «Въ трехъ первыхъ главахъ авторъ все-таки по временамъ шутилъ, острилъ, наконецъ, кромѣ нѣсколькихъ мѣстъ первой главы, изложеніе было очень спокойно. А тутъ выносишь такое впечатлѣніе, какъ будто въ темную, темную ночь слышишь гдѣ-то въ сторонѣ отчаянные вопли. «Меньшая братія»—это, конечно, мужики, народъ. Какъ конкретную форму бытія, Апостоловъ и его безпощадно кромсалъ ножомъ анализа. Меньшая братія оказывалась невѣжественнымъ стадомъ барановъ, которое ужъ по одному этому не можетъ быть его, Апостолова, братіей. Но и ему самому, «старшему брату», доставалось на орѣхи».

Въ одномъ изъ кружковъ, описанныхъ во «Вперемежку». Апостолова звали — Шивой. «Нѣтъ, это не Шива,—говоритъ Темкинъ,— это не то холодное, почти бездушное существо, преданное діалектикѣ, какимъ онъ иногда казался. Онъ страдалецъ. Но какъ же можно жить, когда кругомъ ни тамъ ни тутъ нѣтъ брата, когда чуждо не только то, чего не жаль, а и то, о чемъ скорбишь и плачешь и стонешь» [1])...

---

[1]) См. стр. 356 — 357, томъ IV. Говоря объ очеркахъ «Вперемежку», которые при ихъ появленіи въ «Отеч. Записк.» принимали одно время за произведеніе Гл. И. Успенскаго, — не лишне напомнить о словахъ Темкина, сказанныхъ имъ про свои записки: «Вы имѣете передъ собою матеріалы

Эти строки были написаны Михайловскимъ въ апрѣлѣ 1877 года. Вотъ еще когда, слѣдовательно, ему приходилось задумываться надъ тѣмъ отчужденіемъ отъ народа, которое въ то же приблизительно время было такъ безпощадно обрисовано Глѣбомъ Успенскимъ въ статьѣ «Не суйся». Апостоловъ и есть воплощеніе такого настроенія, живой свидѣтель, какія трагическія минуты приходилось переживать поколѣнію семидесятыхъ годовъ въ своемъ стремленіи къ народу, этому «таинственному незнакомцу» того времени. «Старшимъ братомъ не хочу, ровней не могу» — такъ оканчивалась рукопись, принесенная Апостоловымъ Темкину. Очевидно, этотъ мотивъ неотступно занималъ Михайловскаго въ самый разгаръ тогдашняго народническаго движенія, разъ онъ тогда же воплотилъ его въ художественный образъ, хотя и значительно корректированный какъ ролью Сицкаго, такъ и собственными разсужденіями Темкина. И если бы у насъ не было ни «Записокъ Профана» съ ихъ анализовъ исторически слагавшихся искаженій морали стараго хозяйственнаго типа, ни параллели между *мнѣніями и интересами* народа, на которой лежитъ отблескъ той же трагической разобщенности съ народомъ, ни всей критики народнической идеализаціи крестьянства, то было бы достаточно одной мрачной подкошенности Апостолова, чтобы снять съ Михайловскаго, какъ представителя своей эпохи, традиціонное обвиненіе въ отсутствіи реалистическаго отношенія къ крестьянской дѣйствительности.

Правда, ни мрачной «подкошенности» ни безотрадно пессимистическаго взгляда на народъ у Михайловскаго не было. «Мнѣ казалось,—говоритъ онъ отъ лица Темкина,—что можно быть ровней, что можно быть даже «старшимъ братомъ», не будучи лицемѣромъ, что можно, наконецъ, быть просто братомъ, не считаясь старшинствомъ и меньшинствомъ. Этой вѣры во мнѣ Апостоловъ не разбилъ». Но тѣмъ не менѣе тотъ же Темкинъ, изложивъ рукопись Апостолова, прибавляетъ: «Я отчасти и самъ такъ думалъ». Отчасти, стало-быть, и ему былъ свойственен тотъ аналитически строгій типъ отношенія къ народу, который доведенъ былъ до такой остроты у Апостолова. И если бы не Апостоловъ, а тотъ же Темкинъ - Михайловскій въ какомъ-нибудь изъ кружковъ, задумавшихъ «пойти въ народъ»

для подлинной исторіи нашего времени, матеріалы, конечно, не полные, но зато вполнѣ достовѣрные» (стр. 321). Матеріалами этими В. Я. Богучарскій совершенно не воспользовался, и они ждутъ еще своего изслѣдователя.—Замѣчу кстати, что во второмъ своемъ беллетристическомъ произведеніи, въ романѣ «Карьера Оладушкина», Н. К. Михайловскій, повидимому, тоже разсчитывалъ подойти къ вопросу о народѣ. По крайней мѣрѣ, въ одномъ наброскѣ первоначальнаго плана этого романа есть такая интересная запись, которую я воспроизвожу по подлиннику: «Сектанты: 1) Отрицатель Царицы Небесной, 2) по рукописи». — Очевидно, въ рукахъ Ник. Константиновича была какая-то сектантская рукопись, которой онъ и думалъ воспользоваться для романа.

съ цѣлями соціальнаго переворота и съ радужными представленіями на подготовленность къ нему крестьянства, началъ дискуссію на тему «кто мнѣ братъ», то развѣ у нихъ не оказалось бы чего-то общаго и объединяющаго...

Итакъ, вотъ въ какомъ видѣ передъ нами рисуется роль Михайловскаго, какъ критика «народа». Мы можемъ дѣйствительно сказать, что имѣя въ виду программныя построенія бакунинскаго народничества, Михайловскій, какъ бы спрашивалъ своихъ оппонентовъ изъ числа «бунтарей»: «Гдѣ же гарантіи, что проектируемый нами соціальный переворотъ, творцами котораго должны быть люди, претерпѣвшіе гнетъ не однихъ обровъ, совершится, да еще безъ дѣятельнаго направляющаго вмѣшательства интеллигенціи, вполнѣ успѣшно и съ наименьшей затратой силъ? Или мы должны вѣрить, что народъ, и притомъ народъ, какъ онъ есть, въ данную историческую минуту, въ самомъ дѣлѣ можетъ безъ чьей бы то ни было и какой бы то ни было помощи міръ мечты и рай небесный сюда на землю перенесть? Но тогда чѣмъ отличается подобная вѣра отъ маниловскаго лозунга праваго народничества: «Власы спасутъ себя и насъ»?..

Въ такомъ видѣ передъ нами рисуется точка зрѣнія Михайловскаго въ срединѣ 70-хъ гг. И не были ли мы правы, когда говорили, что В. Я. Богучарскій, въ качествѣ историка тогдашняго общественнаго движенія, самъ лишилъ себя возможности прійти къ наиболѣе цѣннымъ выводамъ, отказавшись разсмотрѣть «критическое народничество» Михайловскаго и заслонивши его всецѣло бунтарски-активнымъ направленіемъ Бакунина. Заслоняя Михайловскаго фигурой Бакунина, онъ далеко не въ точной формѣ воспроизвелъ и взгляды на народъ со стороны самаго великаго «апостола разрушенія»...

Критика общиннаго строя М. А. Бакунинымъ и „бакунистами".

По своимъ наиболѣе существеннымъ воззрѣніямъ преобладающее большинство среди народниковъ семидесятыхъ годовъ было настроено, какъ мы хорошо знаемъ, анархистски и принципіально анти-государственно. «Ты соціалистъ, а потому долженъ быть врагомъ всякаго государства, несовмѣстимаго съ дѣйствительнымъ, вольнымъ, широкимъ развитіемъ соціальныхъ интересовъ народа», говорилъ постоянно Бакунинъ. Вращаясь въ извѣстномъ «заколдованномъ кругѣ», общественныя стремленія народниковъ-бакунистовъ шли мимо борьбы за политику. «Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ и учрежденіе «казачьихъ круговъ», то-есть вольныхъ автономныхъ общинъ, такова была, по ихъ представленію.

неизмѣнная «программа народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ»...

Такъ писалъ Кравчинскій-Степнякъ въ первомъ же № «Земли и Воли». Приблизительно то же самое находимъ въ статьѣ «Наша программа», помѣщенной Бакунинымъ еще въ 1868 г. въ журналѣ «Народное Дѣло». «Вся будущая политическая организація, — говорится здѣсь, — должна быть ничѣмъ инымъ, какъ федераціей вольныхъ рабочихъ, какъ земледѣльческихъ, такъ и фабрично-заводскихъ артелей (ассоціацій). И потому, во имя освобожденія политическаго, мы хотимъ прежде всего окончательнаго разрушенія государства, хотимъ искорененія всякой государственности со всѣми ея церковными, политическими, военно- и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учрежденіями» [1])...

Принципъ анархіи, противопоставленный принципу государственности, дѣлался у народниковъ семидесятыхъ годовъ своего рода философскимъ началомъ, критеріемъ для оцѣнки дѣйствительности. Все, что носило отпечатокъ ненависти къ государству, объявлялось разумнымъ и истинно-прогрессивнымъ. Напротивъ, все, зараженное государственнымъ вліяніемъ, обрекалось на безпощадную критику и уничтоженіе, какъ нѣчто завѣдомо тлетворное и самимъ ходомъ вещей предназначенное къ уничтоженію. И программа Бакунина была бы въ этомъ смыслѣ очень простой и ясной, если бы она не осложнялась однимъ постороннимъ обстоятельствомъ, — страннымъ несоотвѣтствіемъ между идеаломъ Бакунина и его отношеніемъ къ нынѣшнему зародышу этого идеала въ видѣ современнаго намъ общиннаго землевладѣнія...

Идеалъ Бакунина состоялъ въ установленіи федераціи вольныхъ рабочихъ и крестьянскихъ общинъ. Казалось бы, при наличности такого идеала Бакунинъ долженъ былъ съ особеннымъ сочувствіемъ относиться къ современнымъ крестьянскимъ общинамъ, какъ возможному зародышу будущихъ общественныхъ отношеній, на самомъ же дѣлѣ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, онъ въ этихъ общинахъ видѣлъ дикое суевѣріе, патріархальный развратъ, царство тупоумной обрядности и тысячи другихъ пороковъ. Правда, Бакунинъ, въ изложеніи В. Я. Богучарскаго, хотя и выступаетъ критикомъ общины, однако въ его критикѣ нѣтъ самаго главнаго — логичности и послѣдовательности. Онъ то безпощадно обличаетъ общину, то, какъ бы понимая безсмысленность при такомъ обличеніи провозглашеннаго имъ же «движенія въ народъ», начинаетъ говорить о какой-то Россіи бунтовской, Стеньки-Разиновской и Пугачевской и даже Россіи раскольничьей, отъ которой и надлежитъ ждать морализаціи и спасенія для русскаго народа; то «не

[1]) См. стр. 86 книги В. Я. Богучарскаго.

приводя никакихъ данныхъ въ пользу существованія Россіи бунтовской», снова начинаетъ, хотя и въ другой формѣ, идеализировать общинное право на землю [1])...

Намъ кажется, В. Я. Богучарскій напрасно ослабляетъ впечатлѣніе отъ нападокъ Бакунина на общину. Бакунинъ былъ настоящимъ, страстнымъ и послѣдовательнымъ противникомъ. Вотъ, напр., какъ онъ выражался о немъ въ письмахъ къ Герцену и Огареву:

«Нашихъ друзей губятъ, а черная русская изба, заключающая по вашимъ словамъ разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, спитъ, какъ спала, мертвая и безплодная..., и будетъ спать она тѣмъ же мертвымъ сномъ, и не сдѣлаетъ шагу впередъ русскій соціальный вопросъ.

«Община наша не имѣла даже и внутренняго развитія, она теперь та же, что и тому назадъ пятьсотъ лѣтъ, а если въ ней, благодаря напору государственности, стало замѣтно подобіе внутренняго процесса, такъ это процессъ разложенія,—всякій мужикъ побогаче да посильнѣе другихъ стремится всѣми силами вырваться изъ общины, которая его тѣснитъ и душитъ. Въ ней нѣтъ свободы, а безъ свободы, вѣстимо, никакое общественное движеніе немыслимо.

«Вы все готовы простить государству,—упрекаетъ далѣе Бакунинъ своихъ друзей,—лишь бы оно оставило неприкосновеннымъ ваше мистическое святое святыхъ—великорусскую общину, отъ которой м и с т и ч е с к и,—не разсердитесь за обидное, но вѣрное слово,—да, съ мистическою вѣрою и теоретическою страстью вы ждете спасенія не только для великорусскаго народа, но и для всѣхъ славянскихъ земель, для Европы, для міра. А кстати, скажите: отчего вы, уединенные гордецы никѣмъ не понятой и не принятой теоріи о таинственномъ свѣтѣ и мочи, скрывающихся въ глубинѣ русской общины, не соблаговолили отвѣтить серьезно и ясно на упрекъ, сдѣланный вамъ вашимъ пріятелемъ: «Вы выбиваетесь изъ силъ,—пишетъ вамъ этотъ другъ...—вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась, да и стоитъ вѣка въ китайской неподвижности со своимъ правомъ на землю.

«Почему вы,—продолжаетъ Бакунинъ,—не разовьете въ своемъ «Колоколѣ» этого важнаго, рѣшительнаго для вашей теоріи, вопроса. Почему эта община, отъ которой вы ждете такихъ чудесъ въ будущемъ, въ продолженіе 10 вѣковъ своего прошедшаго существованія не произвела ничего изъ себя, кромѣ самаго печальнаго и гнуснаго рабства?

«Безобразное приниженіе женщины, абсолютное отрицаніе и непониманіе женскаго права и женской чести и апатичная равнодушная готовность отдать ее, службы цѣлаго міра ради, подъ перваго чиновника, подъ перваго офицера. Гнусная гнилость и совершенное безправіе патріархальнаго деспотизма и патріархальныхъ обычаевъ, безправіе лица передъ міромъ и всеподавляющая тягость этого міра, убивающая всякую возможность индивидуальной иниціативы,—отсутствіе права не только юридическаго, но и простой справедливости въ рѣшеніяхъ того же міра и жестокая злостная безцеремонность его отношеній къ каждому безсильному или небогатому члену, его систематическая, злорадная, жестокая притѣснительность по отношенію къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ проявляются притязанія на малѣйшую самостоятельность и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки,—вотъ во всецѣлости ея характера настоящаго великорусская крестьянская община» [2])...

---

[1]) См. 86—90 стр. книги В. Я. Богучарскаго, на которыхъ идетъ рѣчь о критикѣ Бакунинымъ общины и вообще объ отношеніи его къ русскимъ дѣламъ.

[2]) См. эти цитаты въ книгѣ «Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. — Съ приложеніемъ его памфлетовъ, біографическимъ вве-

Бакунинъ, какъ и всегда, мыслитъ большими числами, непомѣрно гиперболизируя свои выраженія. Это его типичная черта — чѣмъ непропорціональнѣе его эпитеты и оцѣнки, тѣмъ больше они его увлекаютъ. Но если освободиться на время отъ гипноза бакунинскаго внушенія и спросить, въ чемъ собственно состоятъ источники Бакунина при его оцѣнкѣ общины, то картина сразу получится иная.

Не забудемъ, что та община, которую зналъ или могъ знать Бакунинъ, была общиной крѣпостного права, а новой пореформенной общины онъ не видѣлъ, и ея исторія для него осталась скрытой. Между тѣмъ какъ разъ въ періодъ послѣ паденія крѣпостного права русская община пережила большую и всестороннюю эволюцію, смѣняя однѣ формы быта на другія, вырабатывая свое «народное право», распространяясь на новыхъ мѣстахъ, улучшая механизмъ внутренняго распорядка, переходя отъ однихъ «разверстокъ» къ другимъ, принципіально болѣе высшимъ. По той или по другой причинѣ, но Бакунинъ дѣлаетъ ошибку въ самомъ главномъ изъ своихъ утвержденій, и вопреки его мнѣнію, русская община была не тысячелѣтнимъ гніющимъ трупомъ, а организмомъ, обнаружившимъ несомнѣнную жизнеспособность и большое упорство въ борьбѣ за свое существованіе. Это сказывается и теперь, несмотря на небывало сильный натискъ администраціи на общинное право.

Недостатки бакунинской критики такимъ образомъ очевидны. Бакунинъ самъ къ себѣ подрываетъ довѣріе безконечнымъ нагроможденіемъ однихъ пороковъ русскаго крестьянина на другіе, низводящіе его на степень какого-то безсловеснаго животнаго, готоваго на всякія низости «службы цѣлаго міра ради». Онъ слишкомъ и какъ-то странно утрируетъ и «гнусную гнилость» и «совершенное безправіе патріархальнаго деспотизма», и безобразное приниженіе женщины, и многое другое, чтобы въ его утрировкахъ можно было признать сколько-нибудь объективную оцѣнку общиннаго порядка. Утрируетъ онъ также и взглядъ Герцена и Огарева на общинное землевладѣніе, обвиняя ихъ въ закрываніи глазъ на его отрицательныя стороны. Герценовская оцѣнка общины на самомъ дѣлѣ была гораздо серьезнѣе, глубже и позитивнѣе, чѣмъ то утверждаетъ Бакунинъ, а что касается Огарева, на кото-

---

деніемъ и объяснительными примѣчаніями М. П. Драгоманова. 1896». Приведенныя мѣста на стр. 176 — 179, въ письмѣ отъ 19 іюля 1866 года, а также на стр. 161, письмо изъ Неаполя отъ 8 октября 1865 года. Ср. тамъ же стр. 521 — 522. Напомню читателю, что изъ Россіи Бакунинъ выѣхалъ въ 1840 г., а затѣмъ въ Россіи онъ былъ только въ качествѣ узника Шлиссельбургской крѣпости и ссыльнаго въ Восточной Сибири. Съ 1840 г. Бакунинъ ни Россіи ни русскаго крестьянина въ сущности не видѣлъ. Это необходимо учитывать, говоря о его критикѣ общины.

раго особенно нападалъ, если не Бакунинъ, то Тургеневъ въ упоминавшихся выше письмахъ, то онъ еще въ самыхъ первыхъ листахъ «Колокола» помѣстилъ, первоначально подъ псевдонимомъ «Русскаго человѣка», очеркъ о крестьянской общинѣ, проникнутый далеко не однимъ ея «идеализированіемъ» [1]). Не знать всего этого не могъ Бакунинъ. Не могъ онъ и не понимать, что въ его гиперболизмѣ слышится что-то большее простого нападенія на одну общину, и что, можетъ-быть, не въ общинѣ только была тутъ сила...

Чтобы разобраться глубже въ этомъ вопросѣ, мы оставимъ временно учителя и обратимся къ ученикамъ, оставимъ Бакунина и посмотримъ, какъ смотрѣли на общину бакунисты. Увлеченный *объективной*, какъ ему кажется, цѣнностью бакунинскихъ нападеній на общину и крестьянство, В. Я. Богучарскій противопоставляетъ въ этомъ случаѣ учителя ученикамъ. Бакунинъ былъ реалистъ въ оцѣнкѣ общины, хотя его реализмъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, цѣнность только *субъективную*, а бакунисты были романтики, такъ что Бакунинъ могъ сказать про себя перефразой словъ Маркса: «Moi, je ne suis pas bakouniste». Авторъ «Активнаго народничества» производитъ и документальныя доказательства такого

---

[1]) Статья Н. П. Огарева была напечатана въ 1858 г., въ №№ отъ 8-го и 15-го февраля, на 8 и 9 «прибавочныхъ листахъ» къ «Колоколу». Она называлась «Крестьянская община» и составляла первую главу общей серіи статей Огарева подъ рубрикой «Русскіе вопросы». Въ качествѣ подписи подъ ней находились буквы «Р. Ч.», т.-е. «Русскій Человѣкъ». Но во вступленіи къ ея окончанію въ № отъ 15 февраля стояло слѣдующее заявленіе «отъ Н. П. Огарева»: «Другъ Искандеръ! Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ II сталъ во главѣ русскаго дѣла — освобожденія крестьянъ, мнѣ больно прятаться отъ него подъ псевдонимомъ. Я слишкомъ уважаю его, чтобъ дѣлать что-нибудь не въявь и неоткровенно, и потому прошу тебя печатать мои стихи и прозу съ моимъ именемъ и замѣнить имъ буквы Р. Ч., которыхъ таинственность основывалась на недовѣріи къ власти». Къ сожалѣнію, русская власть совершенно не оправдала того, въ сущности, трогательнаго порыва, которымъ проникнуто это заявленіе. — Что касается взглядовъ Огарева на общину, то, защищая ее, онъ, между прочимъ, опровергаетъ и обвиненіе ея въ подавленіи личности. Онъ говоритъ: «Отсутствіе самостоятельности лица логически нисколько не истекаетъ изъ общиннаго землевладѣнія, оно происходитъ у насъ отъ помѣщичьяго права и отъ административнаго насилія... Община поглощаетъ лица, пока имъ некогда договориться о своихъ взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ». Въ виду этого и ряда другихъ обстоятельствъ, подробно выясненныхъ Огаревымъ, по его мнѣнію,—«Не уничтожать намъ слѣдуетъ начало общинной собственности, а дать ему развиваться. Лучше устроить такъ, чтобы не было ни единаго человѣка въ Россіи, который не имѣлъ бы своего земельнаго участка въ общинѣ, чѣмъ искать для общины другихъ формъ землевладѣнія... Намъ не приходится поставить, какъ догматъ: уничтожимте общинное начало, чтобы улучшить земледѣліе; намъ надо поставить вопросъ: какимъ образомъ при общинномъ началѣ улучшить земледѣліе». Можно сказать, что эти слова сохранили полное свое значеніе и для нашего времени.

мнѣнія, заимствуя ихъ изъ журнала «Община», но въ той же самой «Общинѣ», которую цитируетъ В. Я. Богучарскій, мы находимъ, между прочимъ, вотъ какія строки:

«Община, община!... Кто только не прикрываетъ свои фискальные, централистическіе и самые разнообразные виды общиной, общиннымъ строемъ... У всѣхъ на языкѣ это слово, всѣ говорятъ о ней: одни вооружаются всѣми силами противъ нея, другіе готовы прійти въ восторгъ отъ одной формы, одной внѣшности съ слабымъ слѣдомъ общинности, хотя бы она единственно выражалась въ безропотномъ отбываніи всѣхъ нуждъ русскаго деспотизма... Мудрено ли, что при поголовномъ обнищаніи русскаго народа, при громадномъ перевѣсѣ податныхъ платежей надъ доходностью земли, общинная солидарность, круговая порука, превратилась въ дьявольское наважденіе, отъ котораго, какъ отъ чумы, бѣжитъ нашъ крестьянинъ... Тутъ поневолѣ забудешь все хорошее въ общинѣ, тѣмъ болѣе, что это хорошее уходитъ на нужды всего, чего хотите, но только не самаго производителя» [1])...

Тотъ видъ общины, который характеризуется перевѣсомъ податныхъ платежей надъ доходностью земли, очень хорошо изученъ въ русской литературѣ. Именно къ нему относятся многія наблюденія Глѣба Успенскаго, его же часто касается Щедринъ въ «Мелочахъ жизни», взгляды котораго на общину менѣе всего можно назвать «идеалистическими», о чемъ, между прочимъ, забываетъ В. Я. Богучарскій, выдѣлившій изъ всѣхъ народниковъ одного Бакунина. Этотъ «общинно-выкупной періодъ», какъ его называютъ въ специальной литературѣ [2]), распространенный на земляхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, т.-е. въ районѣ старой «крѣпостной», бакунинской общины, характеризуется широкимъ развитіемъ *индивидуалистическихъ* началъ среди крестьянства. Обобщать данныя, типичныя для него, на всю исторію общины было бы такъ же неправильно, какъ неправильно распространять на все крестьянство гиперболы Бакунина, но не считаться съ нимъ, закрывать на него глаза было бы еще печальнѣе. Наша цитата изъ офиціальнаго органа бакунистовъ показываетъ, что они грѣшили скорѣе первымъ недостаткомъ, чѣмъ вторымъ, т.-е. не смущаясь «страшной правдой о народѣ», слишкомъ распространяли частный типъ общины на весь характеръ общиннаго землевладѣнія, всецѣло слѣдуя въ данномъ случаѣ по стопамъ своего учителя. И бакунисты до такой степени были вѣрны въ этомъ отношеніи Бакунину, что вмѣстѣ съ нимъ впадали и въ тѣ «противорѣчія», на которыя такъ рѣзко указываетъ В. Я. Богучарскій...

---

[1]) См. дополненія къ книгѣ Туна «Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями Л. Э. Шишко. Изд. «Земли и Воли». Спб., 1905». На стр. 174 — 175 оно достаточно ярко показываетъ, «насколько, — говоря словами Л. Э. Шишко въ томъ же примѣчаніи, — должно осмотрительно относиться къ ходячимъ понятіямъ объ идеализаціи народниками крестьянства и общины».

[2]) Терминъ «общинно-выкупное владѣніе» принадлежитъ К. Р. Кочаровскому. См. его изслѣдованіе «Русская община», томъ I, гл. VI.

Бакунинъ былъ критикъ народа, онъ яснѣе всякаго другого видѣлъ его недостатки и не жалѣлъ красокъ для изображенія народныхъ пороковъ. И вдругъ, какъ мы знаемъ, спасая идею «хожденія въ народъ», онъ хуже всякаго романтика начинаетъ говорить о какой-то миѳической раскольничьей, Стеньки-Разиновской, Пугачевской Россіи, отъ которой надлежитъ ждать спасенія и морализаціи русскаго народа. А вслѣдъ за нимъ на тотъ же путь романтизма вступаютъ и бакунисты; и у нихъ снова являются на сцену «все тѣ же казачьи круги, тѣ же Пугачевъ и Разинъ, та же фанатическая вѣра» [1]) въ совершенство народа...

Другой примѣръ бакунинской непослѣдовательности еще ярче. Бакунинъ зло смѣется въ своихъ письмахъ къ Герцену и Огареву надъ «правомъ на землю». «Когда я разсказалъ Miss Reeve,—пишетъ онъ,—каково внутреннее нравственное содержаніе русской общины, она съ ужасомъ ахнула и только спрашивала: «Pourquoi donc Herzen ne m'a jamais dit cela». Слѣдовательно, можно судить, что разсказывалъ Бакунинъ своей собесѣдницѣ о русской общинѣ и общинномъ правѣ на землю. «Земля наша, а мы государевы» — такъ формулируетъ Бакунинъ квинтъ-эссенцію этого права, прибавляя по адресу Огарева и Герцена: «Съ такимъ понятіемъ, друзья мои, русскій народъ уйдетъ не далеко». И вотъ въ то же время, объ этомъ же самомъ правѣ на землю, у того же Бакунина, такъ напугавшаго Miss Reeve, г. Богучарскій находитъ столь изумительныя по своей парадоксальной неожиданности строки: «Первая и главная черта русскаго народа — это всенародное убѣжденіе, что земля, вся земля принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и оплодотворяющему ее своимъ трудомъ. Вторая столь же крупная черта, что право на пользованіе ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ, міру, раздѣляющему ее временно между лицами; третья черта, одинаковой важности съ предыдущими, это квази-абсолютная автономія, общинное самоуправленіе и вслѣдствіе этого рѣшительно враждебное отношеніе общины къ государству» [2])...

Противорѣчіе такимъ образомъ на лицо и, быть-можетъ, напрасно Бакунинъ пугалъ ту же Miss Reeve внутренней безнравственностью русской общины. Съ другой стороны, становятся понятными до извѣстной степени слова Г. В. Плеханова, нами въ одномъ мѣстѣ цитированныя, о томъ, что Бакунинъ смотрѣлъ на общину,

---

[1]) См. у В. Я. Богучарскаго, стр. 348. Цитируя знакомую намъ фразу о «казачьихъ кругахъ», авторъ говоритъ: «Отсюда ясно, что политическая мысль землевольцевъ не сдѣлала ни шагу впередъ, и весь опытъ движенія «въ народъ» для нихъ совершенно пропалъ даромъ». — Едва ли, однако, такіе рѣзкіе приговоры оправдываются даже тѣми данными, которыя приводитъ самъ В. Я. Богучарскій...

[2]) См. эту цитату у В. Я. Богучарскаго, стр. 90.

какъ на исходный пунктъ соціальнаго развитія, въ результатѣ чего мы попадаемъ въ своего рода «заколдованный кругъ». Получается какъ-то такъ, что правъ и В. Я. Богучарскій, съ его взглядомъ на Бакунина, какъ на разрушителя общинной идеализаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ правъ и Г. В. Плехановъ съ утвержденіемъ діаметрально противоположнымъ. А въ такомъ случаѣ, гдѣ же истина?..

Истина, какъ это часто бываетъ, въ сторонѣ отъ обоихъ крайнихъ мнѣній. Гг. Богучарскій и Плехановъ одинаково правы, или, что одно и то же, одинаково неправы. Чтобы понять настоящій смыслъ бакунинскаго отношенія къ общинѣ, надо помнить оговорку, однажды нами сдѣланную. Бакунинская критика общины имѣетъ цѣнность *субъективную*, а не объективную, ибо тутъ дѣло не въ общинѣ только, а и въ общихъ взглядахъ Бакунина на первоисточникъ всѣхъ золъ человѣчества; дѣло въ томъ критеріи для познанія истины, который у Бакунина конкретизируется въ начало всѣхъ началъ, въ философскій камень всего мышленія, въ противопоставленіи «Государственности и Анархіи». Критика общиннаго землевладѣнія это лишь уголокъ бакунинскаго мышленія о мірѣ, но уголокъ, въ которомъ отразилась вся его вдохновенная ненависть къ Левіафану-государству. Нѣсть власти, аще не отъ Бога— говорили отцы и пророки. Нѣтъ горшаго несчастья, аще не отъ власти, вѣчно твердилъ Бакунинъ. И посмотрите, какъ этотъ лозунгъ отразился въ его критикѣ общины.

«Черная русская изба спитъ, какъ спала, мертвая и безплодная», говоритъ Бакунинъ. Почему же она спитъ мертвая и безплодная? «Потому что ее давитъ государство», ничуть не колеблясь отвѣчаетъ онъ, а для большей убѣдительности еще разъ прибавляетъ: «И будетъ спать тѣмъ же мертвымъ сномъ, пока будетъ существовать это государство». Государство—вотъ обвиняемый. «Карфагенъ долженъ быть разрушенъ», вотъ выводъ, объясняющій всю непропорціональную страстность нападокъ Бакунина на общину. «Въ ней нѣтъ свободы,—по его словамъ,—а безъ свободы никакое общественное движеніе не мыслимо. Что же мѣшаетъ пробужденію свободы?—Государство» [1]...

«Государство окончательно раздавило, развратило русскую общину, уже и безъ того развращенную своимъ патріархальнымъ началомъ. При такихъ условіяхъ послѣдніе остатки справедливости, правды, простого человѣколюбія должны были исчезнуть изъ общинъ, къ тому же разоренныхъ государственнымъ произволомъ.

«При современныхъ общественныхъ и экономическихъ условіяхъ, при нашей податной системѣ община превратилась въ чисто административное учрежденіе, къ которому вся государственная жизнь, со своими затѣями освобожденія внутренняго и внѣшняго, является только въ формѣ требованія: «Подавай людей, подавай деньги, хоть съ голоду умирай, а подавай»... Когда всѣ силы ума и организма приходится напрягать для добыванія денегъ на уплату пода-

[1]) Предыдущія цитаты изъ «Писемъ» Бакунина, стр. 161, 178, 179, послѣдующая цитата изъ книги «Государственность и Анархія», изд. Балашова, стр. 258.

тей, взыскивать которыя является община съ ея круговой порукой, мужикъ, кромѣ враждебности къ этой порукѣ, къ этому обществу [1]) ничего не чувствуетъ».

Цитата, только что приведенная, принадлежитъ не Бакунину, а бакунистамъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что и въ этомъ случаѣ ихъ взглядъ на общину совпадаетъ полностью. Внутренне, по существу, Бакунинъ и бакунисты не относились, можетъ-быть, къ общинѣ безусловно отрицательно. Не даромъ бакунисты говорятъ, что теперь «*поневолѣ* забудешь все хорошее въ общинѣ»; не даромъ такъ же самъ Бакунинъ временами выражалъ свое сочувствіе «всенародному убѣжденію права на землю». Но дѣло въ томъ, что современная община въ глазахъ Бакунина и бакунистовъ потеряла свои основныя функціи: изъ субъекта правъ на землю она съ своей «квази-абсолютной автономіей» превратилась въ простое орудіе въ ненавистныхъ рукахъ государства, откуда и проистекаютъ всѣ ея пороки. И если теперь въ общинѣ, не имѣвшей и тѣни внутренняго развитія, замѣтно подобіе внутренняго процесса, такъ это процессъ разложенія, «благодаря напору государственности». Если существуетъ право на землю, то оно искажено опять же «всеподавляющимъ, всепоглощающимъ, всеразвращающимъ государствомъ». Если поразительно безобразное приниженіе женщины въ общинѣ, абсолютное непониманіе и отрицаніе ею женскаго права, готовность отдать ее подъ перваго чиновника, подъ перваго офицера, — то и въ этомъ виновна «*чиновникъ*-община». «На мѣсто помѣщика община сдѣлалась теперь въ рукахъ государства слѣпымъ послушнымъ орудіемъ для управленія крестьянами. Воли у крестьянина такъ же мало, какъ прежде... и пока продлится существованіе государства, крестьянской воли не будетъ». Выводъ же отсюда можетъ быть только одинъ: «Это провозглашать громко необходимость разрушенія этой гнусной имперіи»...

Теперь, я думаю, читателю понятно, почему мы—въ противоположность В. Я. Богучарскому — бакунинскую критику общины считаемъ цѣнной не съ *объективной*, а только съ *субъективной* стороны. Эта критика является превосходнымъ матеріаломъ для характеристики бакунинскаго анархизма, а для изученія же общинныхъ правопорядковъ русскаго крестьянина она даетъ сравнительно очень мало — Бакунинъ для этого былъ такимъ же *субъективистомъ*, каковымъ является самъ В. Я. Богучарскій въ оцѣнкѣ «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ». Благодаря своему «субъективизму», готовому привѣтствовать всякую критику общины

[1]) Цитата изъ «Общины», привожу ее по вышеуказанному переводу Туна, стр. 174—175, примѣч. Съ этимъ мѣстомъ о круговой порукѣ ср. слова Бакунина: «Круговая порука хороша и дѣйствуетъ благодатно тамъ, гдѣ есть воля, она пагубна при нашемъ государственномъ устройствѣ. Итакъ, нѣтъ и, пока продлится существованіе государства, крестьянской воли не будетъ».

только потому, что она есть критика, а не восхваленіе или хотя бы относительное признаніе выгодныхъ сторонъ общиннаго строя, В. Я. Богучарскій и не замѣтилъ самой характерной черты своихъ цитатъ изъ переписки Бакунина, его, очевидно, умышленнаго гиперболизма, его сознательнаго нагроможденія однихъ крестьянскихъ пороковъ на другіе. Бакунинъ могъ это дѣлать съ совершенно спокойной душой, и чѣмъ ярче, чѣмъ убійственнѣе была нарисованная имъ картина народной жизни, тѣмъ ближе чувствовалъ онъ себя къ своимъ положительнымъ цѣлямъ. Ибо вѣдь каждый читатель Бакунина, приведенный въ содроганіе его безнадежной оцѣнкой народа, долженъ былъ спросить совершенно такъ же, какъ теперь спрашиваетъ В. Я. Богучарскій: «Но тогда зачѣмъ же итти въ народъ?» И есть ли выходъ изъ такого безнадежнаго положенія?..

О, Бакунинъ прекрасно зналъ, что выходъ есть. Именно потому что онъ есть, Бакунинъ и рисуетъ столь мрачную картину народной гибели, не скупясь ни на какіе эпитеты, не отступая ни передъ какими гиперболами. Выходъ есть, и выходъ единственно вѣрный. Жизнь народа мрачна, его психологія развращена ненавистнымъ государствомъ, но это еще ничего не значитъ. «Я вѣрю въ спящую силу народа», убѣжденно заявляетъ Бакунинъ. Народъ таитъ въ себѣ великія силы, въ народѣ еще живутъ, несмотря ни на какія преслѣдованія, традиціи «святого чувства бунта», еще не забыта та «другая сторона, бунтовская Стеньки-Разиновская, Пугачевская». «Кромѣ чиновниковъ и дворянъ, стоящихъ собственно внѣ міра, или вѣрнѣе надъ нимъ, есть въ самомъ русскомъ народѣ лицо, смѣющее итти противъ міра: это — разбойникъ. Вотъ почему разбой составляетъ важное историческое явленіе въ Россіи — первые бунтовщики, первые революціонеры въ Россіи—Пугачевъ и Стенька Разинъ, были разбойниками»...

Мы знаемъ, что В. Я. Богучарскій видитъ въ этихъ словахъ какое-то противорѣчіе бакунинской критикѣ общины и народа, столь у него реалистической. «Обосновка для «бакунинской» дѣятельности «въ народѣ», какъ видятъ читатели, чрезвычайно слабая», говоритъ онъ [1]), заключая свой анализъ противорѣчивыхъ метаній Бакунина изъ стороны въ сторону. Мы тоже думаемъ, что эта обосновка была не очень убѣдительна, но не видимъ въ ней никакихъ метаній по сторонамъ. Напротивъ, взглядъ Бакунина удивительно цѣльный, логичный и послѣдовательный. «Міръ мужицкій, міръ разбойничій» или, употребляя хорошо знакомую намъ терминологію Михайловскаго, которую намъ давно уже пора напомнить читателю, — народъ, какъ *великая историческая сила, активная, грозная, буйная*, — вотъ святое святыхъ Бакунина, вотъ выводъ, къ

[1]) См. стр. 90 его книги.

которому онъ логически, послѣдовательно и неизбѣжно подходитъ въ результатѣ своей критики общины, подготовивъ къ нему читателя всѣми своими гиперболами. И чѣмъ рѣзче, чѣмъ безпощаднѣе былъ Бакунинъ въ нападкахъ на народъ, тѣмъ болѣе страстными становились его надежды на «міръ мужицкій, міръ разбойничій». Несомнѣнный реалистъ въ отношеніи къ народу, Бакунинъ вмѣстѣ съ тѣмъ идеализировалъ, какъ никто, чисто *разрушительную* силу въ народѣ, совершенно въ духѣ своей, столь извѣстной формулы, провозглашенной имъ еще въ 40-хъ гг. Цѣлью же и вдохновляющимъ источникомъ этого разрушенія была не община, а государство. Этотъ аннибаловъ лозунгъ Бакунина проходитъ красной нитью черезъ всю его философію, политику, соціологію, этику, и онъ же позволитъ намъ теперь провести окончательные штрихи въ параллели между нимъ и Михайловскимъ.

Отъ М. А. Бакунина къ Н. К. Михайловскому.

Приступая къ этимъ окончательнымъ штрихамъ въ параллели между Бакунинымъ и Михайловскимъ, отмѣтимъ прежде всего, что «міръ мужицкій, міръ разбойничій» подъ видомъ исторической вольницы занималъ Михайловскаго не менѣе Бакунина. Подобно Бакунину, Михайловскій прекрасно понималъ, что вольница и подвижники знаменуютъ своимъ появленіемъ огромное накопленіе протестующей энергіи въ народѣ. Но какая разница между страстными панегириками по адресу «первыхъ русскихъ революціонеровъ» у Бакунина и сравнительно спокойнымъ строго-историческимъ анализомъ этого явленія у Михайловскаго.

Анализируя жизнь народа, Михайловскій слѣдующимъ образомъ объяснялъ, съ точки зрѣнія своей теоріи общественности, массовыя народныя движенія: «Народу плохо жилось, и онъ тревожно и напряженно спрашивалъ себя: какъ жить? Онъ ли самъ виноватъ или кто другой въ томъ, что ему плохо живется? Какъ устроить, чтобы кончилась вся эта драка съ голоду и съ жиру? Отвѣты получались тѣ же, которые при подобныхъ обстоятельствахъ всегда получали взволнованныя массы: или надо расширить свой жизненный бюджетъ до возможныхъ предѣловъ, при чемъ недостающее придется взять силой, или, напротивъ, надо этотъ жизненный бюджетъ сократить до послѣдней возможности, бѣжать соблазновъ міра».

«Вольница представляетъ протестъ воинствующій, активный, подвижники—протестъ мирный, пассивный». «И тѣ и другіе порываютъ всякія связи съ обществомъ. При этомъ вольница идетъ напроломъ и старается смести всѣ препятствія, лежащія между потребностью и ея удовлетвореніемъ, а это равняется иногда попыткѣ смести весь установившійся общественный строй. Воль-

ница звонитъ вовсю и часто цѣлымъ рядомъ страшныхъ насилій и убійствъ пытается уничтожить все, что мѣшаетъ ей жить такъ, какъ она хочетъ.

«Они прямо и просто стараются заглушить въ себѣ тѣ потребности, напряженность которыхъ такъ тяжело отзывается на личности за невозможностью удовлетворенія. Изъ общества, которое не дало имъ ничего, кромѣ муки, подвижники уходятъ въ лѣса и пустыни и тамъ либо живутъ совсѣмъ одиноко, умерщвляя, какъ они говорятъ, плоть свою, либо основывая общежитія аскетическаго характера». Такъ было не только въ Россіи, ибо «Голодные люди всѣхъ странъ какъ-то удивительно похожи другъ на друга», и наши народныя движенія имѣютъ свои параллели «въ нѣмецкихъ крестьянскихъ возстаніяхъ и войнахъ, во французскихъ жакеріяхъ, въ нѣкоторыхъ еретическихъ движеніяхъ. Тутъ мы, дѣйствительно, найдемъ и настоящую вольницу и настоящихъ подвижниковъ со всѣми ихъ типическими чертами. Найдемъ ихъ и въ Индіи, и въ древней Іудеѣ, и на всемъ Востокѣ, и въ древней Греціи, и Римѣ съ ихъ возстаніемъ рабовъ и гладіаторскими войнами». Во всѣхъ этихъ случаяхъ,—«непереносныя тяготы, которыя приходилось терпѣть народу, приводили однихъ къ задачѣ взять съ бою, цѣною крови и всяческихъ преступленій, тѣ житейскія блага, въ которыхъ имъ отказывалъ установившійся общественный строй; другіе, напротивъ, рѣшали еще болѣе сократить свой жизненный бюджетъ, вступая на путь аскетизма и подвижничества».

Но въ глазахъ Михайловскаго этотъ путь аскетизма и добровольныхъ лишеній вовсе не былъ равнозначенъ смиренному преклоненію передъ дѣйствительностью.

«Помилуйте, какіе же смиренники эти люди, отрясающіе отъ ногъ своихъ прахъ всѣхъ исторически выработавшихся общественныхъ отношеній. Какіе они смиренники, когда противопоставляютъ свою личность всему «міру», изъ котораго ушли добровольно. Аскетъ хочетъ страдать. Но мало ли страданій представляется и «на міру». Смиренные люди и остаются тамъ, подставляютъ свои шеи, тогда какъ аскетъ бѣжитъ — онъ хочетъ страдать по-своему»... «И тотъ и другой типъ,—повторяетъ еще разъ Михайловскій,—представляютъ собой протестъ противъ существующаго строя, и во имя этого общаго имъ протеста обѣ крайности нерѣдко подавали другъ другу руки—одна окровавленную, другая — изможденную постомъ и молитвой» [1])...

Въ исторіи развитія міросозерцанія Михайловскаго, его теорія вольницы и подвижниковъ, создававшаяся какъ разъ въ періодъ «хожденія въ народъ», въ годы 1875 — 1878, сыграла огромную роль. Это былъ этапъ по пути къ его замѣчательнымъ статьямъ о «герояхъ и толпѣ». Но, какъ это видно ихъ всѣхъ приведенныхъ

---

[1]) См. предыдущія цитаты въ статьяхъ: «Къ теоріи вольницы и подвижниковъ», авг., 1879 г., томъ IV, стр. 752, 743; «Борьба за индивидуальность», іюнь 1876 года, стр. 580—581, томъ I; «Письма о правдѣ и неправдѣ», январь, 1878 г., томъ IV, стр. 451—459; «О центробѣжныхъ и центростремительныхъ силахъ г. Мордовцева», томъ VI, стр. 663—675. Болѣе подробно литература о вольницѣ и подвижникахъ у Михайловскаго сгруппирована въ въ «Предметномъ указателѣ» при X томѣ. Теорія вольницы и подвижниковъ представляетъ у Михайловскаго отвѣтвленіе его теоріи борьбы за индивидуальность и общаго ученія о личности, какъ біологопсихологической единицѣ. Но я здѣсь, сообразно своей темѣ, касаюсь только чисто общественной стороны параллели между вольницей и подвижниками.

цитатъ, работы о вольницѣ и подвижникахъ были характерны не только для личнаго развитія Н. К. Михайловскаго. Вся радикально-народническая часть тогдашней интеллигенціи могла видѣть въ нихъ знакомыя черты дорогой для нея «бунтовской, Стеньки-Разиновской, раскольничьей» стороны народной жизни. Вѣдь народу плохо жилось не въ одной древней Руси. Почему же не разсчитывать, что и теперь въ немъ есть еще достаточно силы и для революціоннаго аскетизма и для попытокъ взять съ бою, цѣною крови и всяческихъ преступленій, тѣ житейскія блага, въ которыхъ ему отказываетъ установившійся общественный строй. Не такъ ли было и въ нѣмецкомъ крестьянскомъ возстаніи, и во французскихъ жакеріяхъ, и въ Индіи, и въ древней Іудеѣ, на всемъ Востокѣ, въ древнихъ республикахъ «съ ихъ возстаніями рабовъ и гладіаторскими войнами»? Почему же такъ не можетъ быть у насъ?

Для Михайловскаго, однако, вопросъ состоялъ не въ этомъ. Его критически изощренный умъ угадывалъ въ данномъ типѣ народныхъ движеній, обычно связанномъ съ извѣстной соціально-экономической обстановкой, залогъ не только успѣшнаго разрѣшенія общественнаго кризиса, но и опасность новаго пораженія революціонной «вольницы и подвижниковъ». Требовалось поэтому изучить такой типъ народныхъ движеній, анализировать его психологію, какъ и вообще психологію массы, толпы; опредѣлить условія, при которыхъ народное массовое движеніе способно дать наибольшіе результаты; наконецъ требовалось охранить самую идею *толпы* въ ея психологическомъ и соціологическомъ значеніи отъ столь обычныхъ нападеній на отрицательныя стороны многихъ массовыхъ движеній, какъ они конкретно складывались въ исторіи и какъ порой происходятъ даже теперь. Эти задачи Михайловскій выполнилъ своими статьями по теоріи массоваго подражанія, начиная отъ «Вольницы и подвижниковъ» и кончая очерками «Еще о герояхъ» и «Еще о толпѣ». Его здѣсь прежде всего интересовали, конечно, извѣстныя теоретическія обобщенія, независимыя отъ злобы дня текущей минуты, но изъ этихъ теоретическихъ обобщеній нетрудно извлечь и опредѣленные практическіе выводы, стоитъ только вѣрно понять, въ чемъ состоитъ исходный пунктъ мысли Михайловскаго.

Критически изощренный умъ Михайловскаго, какъ мы только что сказали, угадывалъ въ данномъ типѣ народныхъ движеній, несмотря на весь накопленный имъ запасъ *разрушительной* энергіи, возможность новаго пораженія. Этотъ выводъ Михайловскій иллюстрировалъ между прочимъ такими фактами изъ области исторіи массовыхъ движеній.

«Вотъ, напримѣръ,—говоритъ онъ въ «Герояхъ и толпѣ»,—возстають во Франціи XIV вѣка десятки тысячъ измученныхъ крестьянъ... Поднимается на-

стоящее народное возстаніе, грозящее, кажется, перевернуть вверхъ дномъ все общество... Измученные, голодные, избитые мужья, отцы, братья опозоренныхъ женъ, дочерей, сестеръ они додумались, наконецъ, что они такіе же люди, какъ и бароны: «nous sommes, comme ils sont... et autan souffrir pouvons». Эти «жаки» грабили и разоряли замки феодаловъ, избивали ихъ самихъ, ихъ семьи. Разгромъ былъ страшный. Но, какъ разсказываетъ лѣтописецъ (Фруассаръ) «когда ихъ спрашивали, зачѣмъ они такъ поступаютъ, они отвѣчали, что *не знаютъ, а дѣлаютъ такъ, какъ другіе*... и думаютъ, что надо такимъ образомъ истребить всѣхъ дворянъ на свѣтѣ. Грозная жакерія была потушена въ нѣсколько недѣль кровью жаковъ. И затѣмъ еще горсть крестьянъ, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ жаковъ, ***просила позволенія*** у начальства сразиться съ вторгнувшимися во Францію англичанами, передъ которыми пасовали побѣдители жаковъ—пышные дворяне... Впослѣдствіи, однако,—оговаривается Михайловскій,—подобныя возстанія стали обходиться побѣдителямъ много дороже» [1])...

Они стали обходиться дороже, потому что происходили «уже въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда весь феодально-католическій строй былъ расшатанъ», т.-е. когда создались новыя общественныя отношенія, могуче воздѣйствовавшія на психологію массовыхъ движеній, въ томъ числѣ и крестьянскихъ. «Но собственно для средневѣковыхъ массовыхъ движеній, — по мнѣнію Михайловскаго, — чрезвычайно характерно то отсутствіе выдержки, плана, направленія и то преобладаніе повиновенія и подражанія, которыя такъ ясно выразились въ жакеріи XIV столѣтія» [2]). Характерно для нихъ и еще одно обстоятельство. Именно: средневѣковыя народныя движенія не знаютъ протеста «прямо отъ лица поруганной и раздавленной историческимъ процессомъ личности», имъ нужна всегда какая-нибудь высшая санкція для ихъ поступковъ.

«Такъ, подвижникамъ всегда нужна религіозная санкція ихъ подвиговъ. Что же касается вольницы, то и она ищетъ отчасти той же религіозной, отчасти весьма своеобразной политической санкціи: еврейская вольница группировалась около лже-мессіи, во множествѣ появлявшихся до и послѣ Іисуса Христа, при чемъ лже-мессіи иногда ограничивались чисто религіозной проповѣдью, которая составляла духовный хлѣбъ насущный подвижниковъ, а иногда бросались въ проповѣдь политическую, самозванно объявляя себя политическими царями іудейскими; русская вольница въ крупнѣйшихъ эпизодахъ своей исторіи выдвинула самозванство императорское. Но опять-таки это самозванство было настолько проникнуто религіозными элементами, что тотъ же Петръ III, которымъ прикрывался Пугачевъ, а у скопцовъ-подвижниковъ Селиванъ, въ послѣднемъ случаѣ обращался въ Бога-Саваоѳа» [3]).

Остановимся теперь на этихъ цитатахъ, чтобы разобраться, въ какой взаимной связи стоятъ у Михайловскаго оба отмѣченныя явленія: наклонность толпы при извѣстныхъ условіяхъ подражанію и подчиненію и ея неспособность протестовать прямо

---

[1]) См. «Герои и толпа», стр. 188, т. II, курс. подлинника.

[2]) Тамъ же.

[3]) См. «Борьбу за индивидуальность», томъ I, стр. 581 (по 4 изд. это будетъ стр. 597).

отъ лица поруганной человѣческой личности. Михайловскаго неоднократно упрекали въ своего рода идеализированіи принципа подражанія въ общественной жизни. Его подозрѣвали, говоритъ г. Бердяевъ въ своей книгѣ о Михайловскомъ, въ одной задней мысли. «Жизнь русскаго народа очень однообразна, сѣра и скудна, и потому онъ склоненъ къ подражанію и представляетъ благопріятную почву для воздѣйствія. Но кто же сыграетъ роль «героя» для этой «толпы»? Соблазнительно сдѣлать выводъ, что «интеллигенція» будетъ такимъ «героемъ» и «героемъ» благороднымъ» [1]). Этимъ соблазнительнымъ выводомъ увлеклись многіе критики (въ самое послѣднее время г. Л. Войтловскій въ «Современномъ Мірѣ», о статьяхъ котораго я упоминалъ прошлый разъ) и пришли къ результатамъ весьма своеобразнымъ...

Что съ точки зрѣнія Михайловскаго жизнь сѣрая, однообразная, монотонная вызываетъ склонность къ подражанію, это совершенно вѣрно. Вѣрно также, что такая склонность создаетъ извѣстные навыки, пользоваться которыми въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ Михайловскій считалъ вполнѣ законнымъ. «Можно и должно взять съ нихъ все, что они въ состояніи дать, но,—оговаривается онъ, и эта его оговорка принимаетъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ, *принципіальный* характеръ, — но разсчитывать на продолжительность массового и всякаго иного *безсознательнаго*, хотя бы и прекраснѣйшаго увлеченія, нельзя», ибо «стадное чувство ничего не гарантируетъ. Стадо барановъ шарахается по ничтожному поводу изъ стороны въ сторону и въ то же время спокойно щиплетъ траву, когда пастухъ извлекаетъ изъ него ту или иную овцу на убой» [2])...

«Стадное чувство ничего не гарантируетъ», для Михайловскаго это типичныя слова. Какъ истинный интеллигентъ 70-хъ гг., прошедшій черезъ школу раціонализма и просвѣтительства Чернышевскаго и Добролюбова, онъ «высшими пунктами человѣческаго существованія, поднимающими его надъ всей природой», считалъ — сознаніе и волю. «Только то прочно, что на нихъ построено», — говоритъ онъ въ «Герояхъ и толпѣ». Сообразно этому и въ подражаніи Михайловскій различаетъ два вида, — безсознательное

---

[1]) См. книгу Н. А. Бердяева «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи», СПБ. 1901 г., стр. 217.

[2]) См. томъ II, стр. 463, ст. «Еще о толпѣ». Слѣд. цитата отсюда же. Разграниченіе безсознательнаго подражанія отъ подражанія при бодрствующемъ сознаніи сдѣлано Михайловскимъ очень тщательно въ «Герояхъ и толпѣ». Но особенностью общественной стороны его взглядовъ на колективную психологію составляетъ не только это, — такой особенностью его является еще анализъ тѣхъ соціально-экономическихъ условій, тѣхъ формъ коопераціи, которыя способствуютъ развитію того или другого типа подражанія. Разнымъ типамъ подражанія соотвѣтствуютъ разные типы коопераціи, — вотъ выводъ Михайловскаго, который систематически игнорируютъ его критики.

и происходящее при бодрствующемъ сознанiи и волѣ. Это двѣ принципiально различныя формы подражанiя, и насколько вторая изъ нихъ законна и прогрессивна, настолько первая неустойчива, зыбка и *реакцiонна. Вотъ эта вторая форма и была въ значительной степени свойственна такимъ средневѣковымъ движенiямъ, какъ хотя бы жакерiя XIV вѣка, какъ тогдашнiя возстанiя вольницы и подвижниковъ*...

Михайловскiй, конечно, прекрасно понималъ, что основной источникъ появленiя и вольницы и подвижниковъ заключается не въ подражанiи, какъ таковомъ. «Источникъ обоихъ движенiй, — говоритъ онъ, — несомнѣнно, одинъ и тотъ же: тяжелое матерiальное положенiе. Врагъ одинъ и тотъ же: наличный порядокъ» [1]). Когда на плечи народа выпадаютъ непереносныя тяготы и страданiя, то всегда, если въ немъ сохраняется еще живая душа, — «одни вспоминаютъ стародавнее житье и поэтизируютъ его, рисуютъ золотымъ вѣкомъ. Другiе напряженно вглядываются въ будущее и въ немъ ищутъ возможности водворить правду на землѣ. Сильные ненавистью къ настоящему, они вѣрятъ, что конецъ ему наступитъ скоро. И вотъ ихъ пѣсни и пророчества поднимаютъ бурныя историческiя волны: то идутъ добывать правду вольница и подвижники»...

Дѣло, однако, не въ причинахъ широкихъ массовыхъ движенiй, эти причины разъ навсегда были указаны Михайловскимъ его теорiей разныхъ типовъ коопераціи и борьбы разныхъ ступеней общественныхъ индивидуальностей. Дѣло въ томъ *механизмѣ* массоваго движенiя, благодаря которому, разъ начавшись, оно въ извѣстной мѣрѣ питается уже изъ самого себя. Возьмемъ для иллюстрацiи знакомый намъ примѣръ съ французскими «жаками» XIV ст. Они были рабы. На нихъ изъ поколѣнiя въ поколѣнiе переходилъ гнетъ своего рода французскихъ обровъ, и этотъ гнетъ неустанно опустошалъ ихъ душу, держалъ ихъ въ атмосферѣ рабства и гражданскаго, и экономическаго, и политическаго. Такъ шло изъ вѣка въ вѣкъ; одни и тѣ же впечатлѣнiя, одно и то же изсушающее умъ и силы рабское однообразiе, скудость, убожество и бѣдность личной жизни при разнообразiи и богатствѣ жизни общественной, имъ недоступной, окружало жаковъ. И вотъ эта скудость, однообразiе, отсутствiе впечатлѣнiй, обусловленное и гражданскимъ и экономическимъ порабощенiемъ постепенно опустошили ихъ душу и сдѣлали ихъ склонными къ *безсознательному* подражанiю. Постепенно «жаки» превратились въ типичную средневѣковую толпу, готовую повиноваться первому встрѣчному, готовую кинуться на любое дѣло, по приказанiю любого «героя», и результатъ мы видѣли: сражаясь сегодня съ баронами, всячески

[1]) См. ст. «Къ теорiи и вольницы и подвижниковъ», томъ IV, стр. 754. Слѣд. цитату см. въ ст. «Вольница и подвижники» томъ I, стр. 632.

истребляя своихъ исконныхъ враговъ, они завтра своей же спиной прикрываютъ тѣхъ же бароновъ отъ ударовъ англичанъ...

Рядомъ съ этимъ стоитъ второй результатъ: человѣкъ съ опустошенной душой, съ порабощенной волей и дремлющимъ сознаніемъ не въ состояніи справиться самостоятельно съ задачами, которыя на его непривычныя плечи обрушиваются въ моменты широкихъ народныхъ движеній. Онъ не въ состояніи протестовать прямо отъ лица поруганной и раздавленной историческимъ процессомъ личности, т.-е. не въ состояніи протестовать отъ своего собственнаго лица, отъ лица самого народа. Онъ не можетъ уяснить себѣ простой мысли, что дѣло освобожденія народа есть его собственное дѣло. Ему нужна какая-то высшая санкція для своихъ столь законныхъ морально, столь необходимыхъ политически и экономически, поступковъ; санкція какого-нибудь авторитета политическаго, религіознаго, наконецъ прямо — божественнаго. И въ этомъ новый источникъ гибели народныхъ движеній. «Масса, утомленная непосильной духовной работой, жаждетъ вождя, облеченнаго не то что диктаторской, а даже божественной силой. И такой вождь является во исполненіе всеобщихъ ожиданій» [1])...

Вотъ въ краткихъ словахъ основныя предпосылки теоріи коллективнаго подражанія и теоріи массовыхъ движеній Михайловскаго. Попробуемъ теперь отъ нихъ перейти къ нѣкоторымъ конкретнымъ заключеніямъ, чтобы затѣмъ взгляды Михайловскаго на—«міръ мужицкій, міръ разбойничій» сопоставить со взглядами Бакунина въ ихъ самой важной части, въ анализѣ, данномъ у Михайловскаго, взаимныхъ отношеній между формами массоваго движенія и формами коопераціи, формами общественнаго раздѣленія труда...

«Въ глазахъ Михайловскаго, — говоритъ въ своихъ «Очеркахъ психологіи коллективизма» г. Л. Войтловскій,—толпа есть результатъ гипнотической одержимости, она, всегда при всѣхъ обстоятельствахъ, поддается какимъ угодно внушеніямъ» [3])... Это мнѣніе

---

[1]) См. томъ IV соч. Михайловскаго, стр. 744.

[2]) См. «Современный Міръ», октябрь, 1912 годъ, стр. 177. Можно только удивляться той косности мысли, которую въ лицѣ г. Л. Войтловскаго обнаруживаетъ такъ называемая «научная критика» сочиненій Михайловскаго. По существу критическія замѣчанія г. Л. Войтловскаго были выставлены еще Л. З. Слонимскимъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1889 года и тогда же совершенно уничтожены Михайловскимъ въ статьѣ, вошедшей нынѣ въ X томъ и озаглавленной «Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ». Затѣмъ аргументы Л. З. Слонимскаго воспроизвелъ П. Б. Струве въ «Проблемахъ идеализма» въ статьѣ «Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія» и, наконецъ, теперь ихъ же снова воспроизводитъ отъ своего же лица г. Л. Войтловскій. Но намъ кажется, что въ 1912 г. можно было бы выставить противъ Михайловскаго что-либо болѣе новое и значительное, чѣмъ арсеналъ аргументовъ, быть-можетъ, и очень хорошихъ для 80-хъ гг., но совершенно устарѣлыхъ для нашего времени.

очень типично для критиковъ Михайловскаго, но оно совершенно невѣрно. Самой замѣчательной особенностью взглядовъ на толпу Михайловскаго является ихъ строгій историзмъ. Онъ очень тщательно устанавливаетъ какъ разъ обратное положеніе тому, которое ему приписываетъ г. Л. Войтловскій. Именно въ глазахъ Михайловскаго толпа далеко не всегда и отнюдь не при всякихъ условіяхъ поддается какимъ угодно внушеніямъ. Преимущественное вниманіе Михайловскаго было всегда обращено на *средневѣковую* толпу, и вотъ *эта* толпа, въ силу тѣхъ формъ коопераціи, которыя были свойственны тогдашней эпохѣ, дѣйствительно, «всегда и при всякихъ условіяхъ, поддавалась какимъ угодно внушеніямъ». «Средневѣковая масса представляла, можно сказать, идеальную толпу», говоритъ Михайловскій [1]). Но только къ ней, къ этой толпѣ, и относятся въ ихъ чистомъ видѣ представленія Михайловскаго о *безсознательномъ* подражаніи, то же, что было потомъ представлено; напротивъ, постепенный ростъ власти бодрствующей воли и сознанія надъ господствомъ безсознательныхъ стимуловъ человѣческой природы. Здѣсь происходилъ тотъ самый процессъ, который Герценъ съ удивительной глубиной мысли назвалъ «улучшеніемъ *физіологической* природы человѣка посредствомъ прогресса *общественныхъ* отношеній». И нетрудно видѣть, въ чемъ заключается этотъ прогрессъ общественныхъ отношеній...

Средніе вѣка были эпохой строго проведеннаго общественнаго раздѣленія труда, обособленія соціальныхъ функцій въ рукахъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Общество распадалось тогда на два лагеря, какъ бы пропастью отдѣльныхъ другъ отъ друга, на «жаковъ» и на «бароновъ», и мы видѣли, въ какомъ убійственномъ рабствѣ находилось крестьянство среднихъ вѣковъ, создавшее жакерію XIV ст. Но вѣдь съ тѣхъ поръ въ общественной жизни произошелъ полный переворотъ, и нынѣ бароны уже не могутъ такъ третировать «жаковъ», какъ прежде. Современные «жаки» давно вышли изъ-подъ власти бароновъ и стали на одно съ ними положеніе равноправныхъ политическихъ гражданъ. Жизнь ихъ, обреченныхъ когда-то на тупую покорность и безропотное повиновеніе, расширилась, формула личнаго существованія, каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, необыкновенно обогатилась, и если въ XIV ст. на почвѣ скудной, монотонной, убогой жизни тогдашніе «жаки» невольно воспитывали въ себѣ наклонность къ подражанію и были неспособны протестовать прямо отъ лица поруганной и раздавленной историческимъ процессомъ личности, то не таковы ихъ нынѣшніе преемники: современная толпа уже не находится во власти старыхъ формъ подражанія, она протестуетъ

---

[1]) См. «Герои и толпа», т. II, стр. 188. Ср. ст. о Л. З. Слонимскомъ въ X т., стр. 144—152.

прямо отъ лица поруганной личности, не нуждаясь ни въ какихъ сверхземныхъ и постороннихъ авторитетахъ; она знаетъ, что дѣло ея освобожденія есть ея собственное дѣло. Такимъ образомъ, въ психологіи прежней толпы произошелъ огромный прогрессъ, параллельный прогрессу въ формахъ кооперацiи, и въ этой смѣнѣ старыхъ формъ подражанія новыми мы вправѣ видѣть настоящее торжество *идеи толпы*, ея историческій апоѳеозъ. Но какъ разъ въ этомъ случаѣ, въ анализѣ общественныхъ и политическихъ предпосылокъ, обусловившихъ перерожденіе старинной вольницы въ иныя формы, Михайловскій и разошелся съ Бакунинымъ...

Какъ ставилъ Бакунинъ вопросъ объ отношеніи «міра мужицкаго, міра разбойничьяго» къ міру общественно-политическихъ отношеній, мы хорошо знаемъ. По его представленію, народъ русскій всегда ненавидѣлъ государство и всѣхъ его представителей; отсюда и та программа общественнаго переворота, которую со словъ Бакунина, обращенныхъ имъ къ одному изъ представителей верховной власти въ Россіи («пусть онъ только мигнетъ и кликнетъ народу: вяжите и рѣжьте» и пр.) мы тоже цитировали въ своемъ мѣстѣ. Исходя изъ представленія о ненависти народа къ самой идеѣ государства, Бакунинъ долженъ былъ и обратно исходить изъ представленія о вредѣ всякаго государства для интересовъ «вольницы». Государство, *всякое* государство есть въ глазахъ Бакунина страшный врагъ «вольницы», ибо его задача всегда и вездѣ одна и та же—давить протестантскую энергію народа. Напротивъ, наличность вольницы есть самъ по себѣ фактъ прогрессивный, такъ какъ подобная наличность есть свидѣтельство народной ненависти ко всякимъ формамъ принудительно - государственной жизни. Анархистъ Бакунинъ оставался типичнымъ анархистомъ и въ своей теоріи массовыхъ движеній, тогда какъ совсѣмъ иной ходъ мысли нами установленъ у Михайловскаго «Рабство гражданское или политическое или то и другое вмѣстѣ,—говоритъ онъ,—составляетъ необходимое условіе единовременной кристаллизаціи такихъ двухъ, повидимому, противоположныхъ типовъ, какъ вольница и подвижники», и затѣмъ онъ отмѣчаетъ, что — «*въ гражданскi и политически свободномъ строѣ общества характеръ вольницы рѣзко измѣняется, а подвижники совсѣмъ отпадаютъ*» [1]...

Итакъ, вотъ сущность разницы между Бакунинымъ и Михайловскимъ въ оцѣнкѣ міра вольницы. Если Бакунинъ, исходя отъ ненависти ко *всякому* государству, всегда гибельному, какъ ничто, для интересовъ народа, пришелъ къ идеализаціи *разрушительной* силы въ народѣ, то Михайловскій, напротивъ, отъ анализа «вольницы и подвижниковъ» пришелъ къ идеѣ относитель-

---

[1]) См. статью «Центробѣжныя и центростремительныя силы г. Мордовцева», томъ VI, стр. 675, курсивъ мой.

ной оцѣнки государства и признанія огромной важности свободныхъ гражданскихъ и политическихъ формъ для новыхъ формъ народной самодѣятельности. Мы можемъ сказать, что путь, пройденный Михайловскимъ, былъ діаметрально противоположенъ пути Бакунина. Онъ зналъ, конечно, что характеръ вольницы мѣнялся прогрессивно съ прогрессомъ всѣхъ общественныхъ отношеній, съ прогрессомъ формъ коопераціи и раздѣленія труда, но въ этомъ общемъ ростѣ огромную роль сыгралъ и факторъ политическій, смѣна старыхъ государственной власти формами новыми, рабства гражданскаго и политическаго, гражданской и политической свободой. Этотъ выводъ стихійно и мощно выросталъ изъ самыхъ сокровенныхъ нѣдръ его обще-соціологическихъ взглядовъ и неизбѣжно проистекалъ изъ всѣхъ деталей его теоріи массоваго движенія. Въ этомъ выводѣ русская общественная мысль впервые разрывала «заколдованный кругъ» бакунинскихъ антитезъ, и отнынѣ передъ широкими массами революціонной вольницы и подвижниковъ разъ навсегда вставала задача борьбы за новыя формы государственной власти, за волю народа...

Итоги стараго народничества.

Изъ предыдущаго изложенія передъ нами постепенно выяснились пробѣлы, допущенные В. Я. Богучарскимъ въ его изслѣдованіи историческихъ судебъ «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ» и въ значительной степени обусловленные тѣмъ, что онъ оставилъ безъ спеціальнаго разсмотрѣнія крупную роль въ тогдашней «литературѣ и жизни» Н. К. Михайловскаго. Попробуемъ теперь подвести общіе итоги нашему изложенію, чтобы сравнить ихъ съ итогами В. Я. Богучарскаго.

Народничество семидесятыхъ годовъ къ концу этого десятилѣтія распалось, какъ извѣстно, на двѣ вѣтви, «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ». «Народовольцы,—говоритъ В. Я. Богучарскій, подводя окончательные итоги своей работѣ,—завѣщали послѣдовавшему освободительному движенію въ Россіи идею борьбы за политическую свободу; чернопередѣльцы—основной лозунгъ всего прежняго движенія—«Освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа». Эти двѣ идеи были затѣмъ синтезированы въ русскомъ соціалъ-демократическомъ движеніи, если въ немъ самомъ реалистическіе элементы до сихъ поръ еще не побѣдили окончательно элементы утопическіе, если оно не приняло еще того русла, по которому *фактически*, главнымъ образомъ, течетъ соціалъ-демократическое движеніе во всѣхъ культурныхъ странахъ, то это, главнымъ образомъ, потому, что въ Россіи не рѣшена еще ея политическая проблема. Съ рѣшеніемъ этой проблемы и рабочее движеніе въ Россіи пойдетъ, несомнѣнно, по тому же реалистическому пути, какъ и на Западѣ».

В. Я. Богучарскій разсчитываетъ даже на большее. «Столь же несомнѣнно,—продолжаетъ онъ въ своихъ итогахъ,—что тогда и освободившемуся отъ утопическихъ элементовъ народничеству предстоитъ въ Россіи широкая и плодотворная дѣятельность среди массъ ея земледѣльческаго населенія, среди того самаго «народа», тяга къ которому, тяга, исходящая изъ чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ порывовъ души, была всегда нераздѣльна съ самымъ существомъ русскаго активнаго народничества» [1]).

Таковы итоги В. Я. Богучарскаго. На первый взглядъ они неоспоримы и дѣлаютъ честь историческому безпристрастію автора, который сумѣлъ каждому оттѣнку общественнаго движенія 70-хъ гг. воздать по заслугамъ. Но въ сущности въ итогахъ В. Я. Богучарскаго, между ихъ началомъ и концомъ, лежитъ большое и очень опасное для автора несоотвѣтствіе, которое мы сейчасъ постараемся вскрыть, обратившись прежде всего къ основному изъ утвержденій В. Я. Богучарскаго, къ исторической роли усвоенной имъ соціалъ-демократіи.

Въ отличіе отъ народничества двѣ идеи были синтезированы, по мнѣнію В. Я. Богучарскаго, въ русскомъ соціалъ-демократическомъ движеніи: идея борьбы за политику и своего рода *тяга* къ народу, выражающаяся въ афоризмѣ—«освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа». Правда, онѣ были синтезированы тамъ лишь въ области мысли, такъ какъ не наступили еще условія для ихъ полнаго *фактическаго* проникновенія въ жизнь, но зато въ этой теоретической области русская соціалъ-демократія сразу порвала съ народническими предразсудками и внесла «принципіально-новый взглядъ на политику». Это былъ съ ея стороны огромный шагъ впередъ, такъ какъ въ «двухъ идеяхъ», указанныхъ В. Я. Богучарскимъ, выражается собственно говоря весь соціализмъ, и разъ онѣ вошли въ синтезъ русской соціалъ-демократіи, то, стало-быть, для идейной жизни народничества не оставалось мѣста, и оно волей судьбы осуждалось на гибель.

Подобнаго исключительнаго итога мы и ждали отъ В. Я. Богучарскаго. Мы думали, что онъ въ качествѣ марксиста, хотя и очень умѣреннаго, заявитъ, въ концѣ-концовъ, что «активное народничество семидесятыхъ годовъ» дало все, что могло дать, и, погубивъ себя вступленіемъ «на крайне невѣрный и крайне опасный путь борьбы», уступило мѣсто выработавшей синтезъ «двухъ идей» русской соціалъ-демократіи. Этотъ выводъ былъ бы вполнѣ естественнымъ для В. Я. Богучарскаго, и мы даже сказали бы, что онъ для него единственно возможенъ и логически неизбѣженъ, ибо только онъ гармонируетъ съ его оцѣнкой народничества, какъ она дана во всѣхъ его работахъ объ этомъ направленіи.

---

[1]) См. заключительную 373-ю стр. книги В. Я. Богучарскаго. Курс. подлинника.

И вдругъ вмѣсто этого законнаго, логически-неизбѣжнаго вывода мы получаемъ совсѣмъ иную перспективу для ниспровергнутаго, разбитаго народничества...

Не будемъ подрывать значенія итоговъ В. Я. Богучарскаго тѣмъ соображеніемъ, что его выводы имѣютъ въ виду только народническую практику, а не теорію. Практика всегда и всюду ведетъ къ извѣстной теоріи, въ этомъ состоитъ основная черта человѣческаго мышленія. Слѣдовательно, къ извѣстнымъ теоретическимъ допущеніямъ долженъ повести и практическій выводъ В. Я. Богучарскаго. Быть - можетъ, мы имѣемъ даже право сказать, напр., такъ: русская соціалъ-демократія выставила извѣстный синтезъ «двухъ идей», но разъ она не смогла убить, несмотря на свой синтезъ, исчерпывающій сущность современнаго соціализма, жизнеспособность въ русскомъ народничествѣ, и разъ это народничество при всѣхъ своихъ неудачахъ въ прошломъ, такъ убійственно обрисованныхъ въ книгѣ В. Я. Богучарскаго, способно еще къ «широкой и плодотворной дѣятельности», стоитъ только Россіи войти въ иныя условія политической жизни, то это могло случиться только въ силу того, что передъ нами стоитъ такая антитеза: либо русское народничество, подобно русскому марксизму, давно выработало, вопреки мнѣнію В. Я. Богучарскаго, *свой* синтезъ «двухъ идей», и тогда вполнѣ понятна его жизнеспособность и борьба за существованіе съ марксизмомъ, тогда понятна также и та перспектива, которую столь неожиданно рисуетъ для народниковъ В. Я. Богучарскій, незадолго передъ тѣмъ провозглашавшій, «что все народническое движеніе семидесятыхъ годовъ было обречено на гибель вслѣдствіе полнаго несоотвѣтствія идей народниковъ съ понятіями народа, полной невоспріимчивости крестьянства къ этимъ идеямъ» [1]). Либо, напротивъ, *своего* синтеза «двухъ идей» народничество дѣйствительно не смогло выработать, но въ такомъ случаѣ В. Я. Богучарскій напрасно смягчаетъ жестокость своего приговора надъ этимъ теченіемъ нашей общественной мысли. Народничеству въ этомъ случаѣ можетъ предстоять только одна перспектива, и участь его можетъ считаться вполнѣ предопредѣленной—оно будетъ поглощено марксизмомъ. Изъ этого лабиринта противоположныхъ заключеній насъ не выведетъ В. Я. Богучарскій, и выхода мы должны искать сами...

Найти этотъ выходъ нетрудно. Мы видѣли, что искомый синтезъ состоитъ изъ «двухъ идей», — признанія борьбы за политику и сочетанія его съ *тягой* къ народу. «Тяга къ народу» — выраженіе, конечно, иносказательное и содержаніе его будетъ мѣняться въ зависимости отъ того, что подразумѣвается подъ «народомъ». Однако ему можно дать и нѣкоторое общее истолкованіе, понимая подъ «*тягой* къ народу» представленіе о массѣ, коллективѣ, какъ

---

[1]) См. стр. 199 книги В. Я. Богучарскаго.

главномъ творцѣ историческихъ событій и главномъ участникѣ общаго хода *соціальной* борьбы, въ частности борьбы *классовой*. Было ли нѣчто подобное въ міровоззрѣніи народничества или его тяга къ народу имѣла лишь специфическое выраженіе въ столь несправедливо затасканной нынѣ идеѣ «уплатѣ долга народа?»...

Тутъ мы подходимъ къ одному изъ самыхъ главныхъ пробѣловъ въ книгѣ В. Я. Богучарскаго, къ полному отсутствію въ ней всякаго упоминанія о томъ, въ чемъ состояло народническое представленіе объ общемъ ходѣ всемірной исторіи и какъ, изъ какихъ элементовъ, подъ вліяніемъ какихъ авторитетовъ складывалась народническая соціологія. Пробѣлъ этотъ В. Я. Богучарскій опять-таки могъ бы легко пополнить, если бы не игнорировалъ такъ систематически наиболѣе существенныхъ сторонъ тогдашней роли въ «активномъ народничествѣ семидесятыхъ годовъ» Н. К. Михайловскаго, наиболѣе общепризнаннаго и наиболѣе крупнаго соціолога той эпохи. Говоря это, мы, конечно, помнимъ, какъ въ видѣ общаго правила истолковывается въ современной литературѣ народническая соціологія Михайловскаго. Нынѣ считается общепринятымъ, что Михайловскій былъ «субъективистомъ»; что вмѣсто борьбы соціальной онъ проповѣдывалъ «борьбу за индивидуальность», или иначе, хотя это совсѣмъ не одно и то же, «роль личности въ исторіи», считая, что «герои» это—*все*, «Деміурги исторіи», а «толпа»—*ничто*. По его теоріи коллективнаго подражанія, какъ она излагается до сихъ поръ не однимъ г. Л. Войтловскимъ, выходитъ какъ-то такъ, что стоитъ героямъ *захотѣть*—и толпа сдѣлается игрушкой въ ихъ рукахъ, ибо она, толпа, наклонна къ подражанію. Наконецъ въ частности въ глазахъ В. Я. Богучарскаго за Михайловскимъ есть и спеціальная вина, нами уже достаточно освѣщенная,—онъ повторялъ въ своемъ рѣшеніи рабочаго вопроса въ Россіи славянофиловъ и, какъ Аксаковъ, слѣпо вѣровалъ въ благотворность для судебъ народа русской общины...

Эти истины давно вошли въ обиходъ русской литературы и уже пользуются прочностью предразсудковъ. Какъ со всякими предразсудками, усыпляющими пытливость критической мысли, съ ними трудно бороться, тѣмъ не менѣе ихъ несостоятельность для насъ достаточно ясна изъ предыдущаго анализа. Мы знаемъ, что та же теорія коллективнаго подражанія Михайловскаго, къ которой, какъ къ центру, сходятся лучи такъ называемой «научной критики», на самомъ дѣлѣ имѣетъ, подобно всѣмъ другимъ особенностямъ его «соціологическихъ теоремъ», значеніе какъ разъ обратное тому, которое ей такъ часто приписывали. Она въ моментъ самой напряженной *единоличной* борьбы русскихъ революціонныхъ «подвижниковъ», когда, казалось бы, атмосфера была наиболѣе благопріятна для идейнаго разрыва съ массами, представила апоѳеозъ не героевъ, а толпы; сдѣлала «Деміургомъ исторіи» не саму себѣ, довлѣющую лич-

ность, а коллективъ. Она охранила и въ этотъ моментъ, насыщенный моральнымъ героизмомъ и столь огромный по своему значенію для дальнѣйшаго хода нашей общественной жизни, идею *толпы*, въ которой нашла такое яркое и сильное выраженіе старо-народническая «*тяга* къ народу», массѣ, къ коллективу [1])...

Изъ этого мы видимъ, что одна изъ «двухъ идей», входящихъ въ составъ искомаго синтеза, вышла изъ нѣдръ самаго народничества, найдя тамъ всестороннее соціологическое обоснованіе, сочетавшее «борьбу за индивидуальность» съ борьбой соціальной, въ частности классовой. Установивъ такимъ образомъ одинъ изъ несомнѣнныхъ источниковъ жизненности «активнаго народничества» въ видѣ теоретическаго истолкованія ими «тяги къ народу», намъ остается вскрыть, какъ съ этой «тягой» къ коллективу сочеталась у народничества столь же властная и столь же плодотворная «тяга» къ борьбѣ за политику...

В. Я. Богучарскій много разъ утверждалъ въ своихъ работахъ, что съ задачей такого сочетанія не справились народники даже въ лицѣ своей «ультра-политической» фракціи, въ лицѣ «Народной Воли», и разрѣшили ее лишь русскіе соціалъ-демократы, образовавшіе еще въ началѣ 80-хъ гг. «Группу освобожденія труда» во главѣ съ Г. В. Плехановымъ [2]). Это мнѣніе В. Я. Богучарскаго уже отмѣ-

---

[1]) Болѣе подробную характеристику соціологическаго истолкованія идеи народа, также отношенія Михайловскаго къ принципу борьбы соціальной, въ частности борьбы классовой см. въ моей книгѣ «Очерки міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго. Теорія раздѣленія труда, какъ основа научной соціологіи. Схема и анализъ. Изд. «Обществ. Пользы». СПБ., 1912». По теоріи Михайловскаго раздѣленіе труда ведетъ къ раздѣленію интересовъ, а раздѣленіе интересовъ — къ разслоенію общества на отдѣльныя группы и къ борьбѣ между ними. Отсюда построеніе научно-теоретической соціологіи, какъ дисциплины, объясняющей законы общежитія и тѣхъ сочетаній, которыя въ средѣ общественноорганизованнаго цѣлаго принимаютъ борьба за индивидуальность и борьба соціальная. Михайловскій, слѣдовательно, прекрасно зналъ о существованіи борьбы соціальной, въ частности борьбы классовой, и не только зналъ, но и далъ ей первое въ русской литературѣ *систематическое* обоснованіе, притомъ обоснованіе вполнѣ оригинальное и въ корнѣ отличное отъ обоснованія марксизма, результатомъ чего явилось параллельное существованіе двухъ соціалистическихъ школъ въ Россіи, — марксистской и народнической.

[2]) Ср. въ книгѣ В. Я. Богучарскаго о «Народной Волѣ» слова: «Конечно, и народовольцы, даже въ лицѣ своихъ такихъ замѣчательныхъ не только дѣятелей, но и мыслителей, какимъ былъ Желябовъ, не справились съ задачей синтеза «соціализма» и «политической борьбы», продолжая совершенно неосновательно понятія эти одно другому противопоставлять; задачу эту разрѣшили лишь первые русскіе соціалъ-демократы, Г. В. Плехановъ и его «Группа освобожденія труда», но мы думаемъ,—прибавляетъ В. Я. Богучарскій, — что самая потребность въ такомъ синтезѣ у вчерашнихъ антагонистовъ народовольчества — «чернопередѣльцевъ», Плеханова и его товарищей, — была навѣяна тою политическою а т м о с ф е р о ю, которую внесли въ руское общественное движеніе народовольцы». («Изъ исторіи политической борьбы»,

ченное нами выше, не единично. Подъ очевиднымъ вліяніемъ марксистовъ въ русской литературѣ стало почти что общимъ мѣстомъ утвержденіе, будто бы первоначально правильное пониманіе взаимныхъ отношеній между «политикой» и «экономикой» дано въ русской общественности въ 1883 году «Освобожденіемъ труда» и въ частности Г. В. Плехановымъ, какъ авторомъ брошюры «Соціализмъ и политическая борьба». По странной игрѣ случая, брошюра Г. В. Плеханова даже заглавіемъ не могла показаться тогда особенно новой, такъ какъ она очевиднымъ образомъ почти повторяла заглавіе «Политическихъ писемъ соціалиста». Для народника первой половины семидесятыхъ годовъ, а для «чернопередѣльца» и въ концѣ этого десятилѣтія, были бы совершенно недопустимы *политическія* письма соціалиста, а могли быть только письма *аполитическія*. Г. В. Плехановъ можетъ это подтвердить на собственномъ примѣрѣ. И если Михайловскій называлъ свои статьи «Политическими письмами соціалиста», то этимъ такъ же, какъ впослѣдствіи Г. В. Плехановъ, онъ подчеркивалъ посредствомъ самаго заглавія, какой «принципіально новый взглядъ на политику» вносился имъ въ среду аполитически настроенныхъ русскихъ революціонеровъ. Этотъ принципіально новый взглядъ Михайловскій тогда же точно формулировалъ въ одной изъ своихъ статей въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ:

«Чисто экономическая борьба,—говоритъ онъ, пытаясь дать синтезъ «двухъ идей»,—собственно говоря никогда не существовала, да если бы когда-нибудь и гдѣ-нибудь и имѣла мѣсто, то результаты ея, можно сказать, моментально обращаются въ юридическую норму и входятъ въ составъ политическихъ отношеній. А эти юридическія и политическія отношенія въ свою очередь даютъ перевѣсъ той или другой изъ сторонъ въ борьбѣ экономической» [1]).

Нужно ли комментировать эту, хотя и данную мимоходомъ, но тѣмъ не менѣе классическую формулировку народническихъ взглядовъ на синтезъ соціализма и политики? Нужно ли доказывать, насколько типична эта цитата для всѣхъ вообще взглядовъ Михайловскаго, соціологическихъ и философско-историческихъ. Михайловскій никогда не подчинялъ моментъ *субъективный*, выражающійся въ данномъ случаѣ въ правѣ и политикѣ, моменту *объективному*, т. - е. «экономикѣ», а въ качествѣ «субъективиста» всегда исходилъ изъ мысли объ ихъ принципіальной равноправности передъ судомъ теоре-

---

стр. 468 — 469.) Слова, и притомъ подчеркнутыя курсивомъ, относительно «атмосферы», представляютъ нѣкоторую уступку автора въ пользу народовольцевъ. Уступка эта была бы еще значительнѣе, если бы В. Я. Богучарскій принялъ во вниманіе, что народовольцы внесли въ руское освободительное движеніе не только извѣстную «атмосферу», а и опредѣленныя идеи, изъ которыхъ и вытекъ характеризуемый мною ниже ихъ синтезъ политики и экономики.

[1]) См. т. VI «Сочиненій», стр. 305—306. Ст. «Политич., экономич. и общественная наука». Писана въ октябрѣ 1879 г.

тическаго мышленія. Внѣ права общественная жизнь для него была немыслима, и понятія жизни соціальной и отношеній правовыхъ онъ считалъ другъ съ другомъ связанными. Вотъ почему онъ и говоритъ, что результаты борьбы экономической, можно сказать, моментально обращаются въ юридическія нормы. Слѣдовательно, изъ соображеній чисто теоретическихъ нельзя разрывать экономику съ политикой, предлагая бороться въ тотъ или иной моментъ *только* за ту или за другую. Но къ этимъ соображеніямъ теоретическимъ изъ той же формулировки Михайловскаго присоединяются и доводы практическіе, ибо вѣдь очевидно, если результаты борьбы экономической обращаются въ юридическія нормы и, входя въ составъ отношеній политическихъ, порождаютъ тѣмъ самымъ новыя преимущества для которой-нибудь изъ сторонъ въ борьбѣ экономической, то, стало-быть, нельзя просто изъ соображеній практическихъ пренебрегать этими правами, а тѣмъ болѣе относиться къ нимъ пренебрежительно. И дѣйствительно, мы знаемъ, что переворотъ, происшедшій въ политическихъ взглядахъ русской интеллигенціи на рубежѣ 80-хъ гг., вызвалъ такое практическое напряженіе борьбы за политику, выше котораго не знала до тѣхъ поръ русская исторія...

Таковъ былъ синтезъ «двухъ идей», данный Михайловскимъ въ тотъ самый 1879-й годъ, когда формально конструировалась «Народная Воля». Слѣдовательно, въ полномъ противорѣчіи съ мнѣніемъ В. Я. Богучарскаго, едва вступая на арену исторической жизни, «Народная Воля», эта естественная преемница «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ», вполнѣ справилась съ задачей синтеза «соціализма» и «политической борьбы», и этотъ синтезъ былъ формулированъ тѣмъ самымъ писателемъ, въ политическихъ воззрѣніяхъ котораго В. Я. Богучарскій подчеркнулъ одни только «противорѣчія». Попробуемъ же теперь сдѣлать еще шагъ въ оцѣнкѣ итоговъ автора «Активнаго народничества», сравнивъ синтезъ Михайловскаго съ синтезомъ Г. В. Плеханова....

Сдѣлавъ такое сравненіе, мы увидимъ сейчасъ, что результаты и на этотъ разъ получатся самые неожиданные. Если Михайловскій пробовалъ въ своемъ синтезѣ сочетать политику и экономику, реформы политическія и реформы соціальныя, если онъ свои «Политическія письма соціалиста» начиналъ словами: «Привѣтъ вамъ, братья! Привѣтъ вамъ съ родины Руссо и во имя Руссо, чье широкое сердце умѣло ненавидѣть и политическое и экономическое рабство, чей широкій умъ охватывалъ и принципъ свободы и принципъ соціализма земли и воли» [1]); если вопросъ такъ ставилъ Михайловскій, то совсѣмъ иначе поступалъ въ своей брошюрѣ Г. В. Плехановъ. Фактически именно онъ, и отнюдь не случайно, а въ силу прямыхъ выводовъ изъ своей новой теоріи, предлагалъ отодвинуть пока что

---

1) Прим. по X тому.

реформы соціально-экономическія на второй планъ передъ реформами чисто политическими. Объ этой особенности тогдашней позиціи русскихъ соціалъ-демократовъ теперь часто забываютъ, а потому мы приведемъ подлинныя слова изъ брошюры «Соціализмъ и политическая борьба». Слова эти, принадлежащія самому родоначальнику и отцу русскаго марксизма, таковы: «Единственною не фантастическою цѣлью русскихъ соціалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій, съ одной стороны, и выработка элементовъ для образованія будущей рабочей соціалистической партіи—съ другой. Они должны выставить требованіе демократической конституціи, которая вмѣстѣ съ «правами человѣка» обезпечила бы рабочимъ «права гражданина» и дала бы имъ путемъ всеобщаго избирательнаго права возможность активнаго участія въ политической жизни страны» [1]). Какъ бы опасаясь, что онъ выражается еще недостаточно опредѣленно, Г. В. Плехановъ на всякій случай прибавлялъ: «Не пугая никого далекимъ пока «краснымъ призракомъ», такая политическая программа вызвала бы къ нашей революціонной партіи сочувствіе всѣхъ не принадлежащихъ къ систематическимъ противникамъ демократіи: вмѣстѣ съ соціалистами подъ ней могли бы подписаться очень многіе представители нашего либерализма» [2])...

Народническій синтезъ основывался на принципіальномъ сочетаніи «принципа политической свободы и принципа соціализма, земли и воли». Формально подобное же принципіальное сочетаніе создавалъ и Г. В. Плехановъ, но по существу онъ вкладывалъ въ него совершенно иное содержаніе, въ корнѣ отличное отъ народническаго. Синтезъ Г. В. Плеханова основывался на вѣрѣ въ спасительность стихійныхъ тенденцій капиталистическаго развитія, на полномъ довѣріи къ его имманентнымъ законамъ, нарушать которые мы не призваны. Отсюда своего рода невмѣшательство въ тенденціи капиталистическаго развитія, пока оно, это имманентно-стихійное развитіе направлено на уничтоженіе феодальныхъ пережитковъ, изъ коихъ наиболѣе крупное мѣсто занимаетъ нашъ приказно-бюрократическій строй. Освободиться отъ него, создавъ такимъ образомъ условія для развитія рабочей партіи и составляетъ для даннаго момента единственную не фантастическую задачу, но, освобождаясь отъ этого строя, мы не должны осложнять свою задачу никакими посторонними цѣлями, а тѣмъ болѣе такими, которыя разсчитаны на то или иное противоборство стихійнымъ, экономическимъ законамъ капиталистическаго развитія. Въ синтезѣ Г. В. Плеханова сказывается такимъ образомъ цѣлая философія исторіи, и съ этой философіей исторіи въ русскую жизнь вступало совершенно новое

---

[1]) См. «Сочиненія Г. В. Плеханова», томъ первый, 1905 г., стр. 208—209.
[2]) Тамъ же, стр. 208.

общественное направленіе. Но именно вотъ *эта*-то философія исторіи,—однимъ изъ конкретныхъ послѣдствій которой получился отнюдь не случайно проектированный Г. В. Плехановымъ союзъ съ либералами,—эта философія исторіи, а не тотъ фактъ, что у нихъ не было *своего*, иного представленія о синтезѣ политики и экономики, и отбросила отъ марксизма русское народничество...

По сравненію съ марксизмомъ народничество разсуждало діаметрально противоположно. Вмѣсто того, чтобы воспринимать стихійные законы капитализма такъ, какъ они есть, здѣсь проектировалось революціонное воздѣйствіе на нихъ путемъ сознательнаго вмѣшательства организованныхъ общественныхъ силъ («роль личности въ исторіи»), путемъ борьбы соціальныхъ группъ и отдѣльныхъ индивидуумовъ. Было выставлено и конкретное достиженіе этой цѣли, имѣвшее въ виду рѣшительнымъ образомъ видоизмѣнить соотношеніе общественныхъ силъ. Этимъ конкретнымъ достиженіемъ явилось обобществленіе земли, путемъ установленія основного государственнаго закона въ родѣ американскаго Homstead Law, только въ болѣе опредѣленной послѣдовательной формѣ. И въ этомъ была тоже своя философія исторіи, свое пониманіе законовъ историческаго процесса, и оно было настолько цѣльно и выработано, что сказывалось даже въ частностяхъ и мелочахъ, примѣромъ чего можетъ служить сравненіе взглядовъ Михайловскаго и Г. В. Плеханова на тотъ союзъ съ либералами, съ котораго мы начали послѣднюю цѣпь нашихъ сопоставленій. Михайловскій вполнѣ признавалъ союзы съ либералами, такъ какъ, по его словамъ, «въ практической борьбѣ безумно не пользоваться выгодами союзовъ, хотя бы случайныхъ, временныхъ». «Союзъ съ либералами тоже не страшенъ,—говоритъ онъ въ «Политическихъ письмахъ соціалиста».— Они къ вамъ пристанутъ, а не вы къ нимъ». Но правда, случиться это можетъ только въ томъ случаѣ, если въ такой союзъ «вы вступите честно и безъ лицемѣрія объявите имъ свой святой девизъ: «Земля и воля».—«Одной половиной его—«волей», вы примыкаете ко всѣмъ уважающимъ себя людямъ, которымъ ненавистно самовластье, другая половина—«земля», выдѣляетъ васъ изъ общаго либеральнаго хора»[1]).

Мнѣ кажется, что изъ всего сказаннаго понятно, почему марксизмъ, несмотря на наличность своего синтеза «двухъ идей», не могъ поглотить народничества. Быть-можетъ, нельзя даже сказать: «несмотря на наличность своего «синтеза», а надо сказать, что этого не случилось, *благодаря* ихъ синтезу.

Я думаю, понятно также, почему В. Я. Богучарскій долженъ былъ, въ концѣ-концовъ, признать право и возможность народничества на дальнѣйшее плодотворное существованіе. И онъ призналъ бы это право въ гораздо большемъ объемѣ, если бы не тѣ пробѣлы въ

---

[1]) Прим. по X тому.

его книгѣ, которые въ ней обусловлены столь характернымъ для нея отсутствіемъ параллели между Бакунинымъ и Михайловскимъ. Мнѣ остается поэтому лишь пожалѣть, что уважаемый авторъ, игнорируя такую параллель, лишилъ себя возможности прійти къ наиболѣе цѣннымъ и наиболѣе безспорнымъ выводамъ. Теперь же его критика «активнаго народничества семидесятыхъ годовъ» остается неполной и неубѣдительной, и мы считаемъ себя вправѣ сказать, что, несмотря на всѣ его усилія, русское народничество остается въ общемъ на старыхъ позиціяхъ, являясь въ то же время въ нашемъ прошломъ по своему практическому и положительному опыту и по работѣ своей теоретической мысли, одной изъ величайшихъ и плодотворнѣйшихъ эпохъ нашего общественнаго развитія...

Евгеній Колосовъ.

Изъ воспоминаній пажа Людовика XVI.

Авторъ этихъ воспоминаній Феликсъ, графъ Дефрансъ Д'Эзекъ, имѣлъ полную возможность наблюдать придворную жизнь въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI. Въ 1786 г., двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ зачисленъ въ число камеръ-пажей, а когда революціонное правительство отмѣнило институтъ камеръ-пажей, Д'Эзекъ былъ переведенъ въ пажи конюшенные (1 янв. 1790). Въ апрѣлѣ 1791 г. онъ кончилъ службу въ пажахъ съ чиномъ капитана королевской гвардіи.

Потомъ Д'Эзекъ эмигрировалъ, какъ полагалось всякому доброму роялисту, бился противъ своей родины въ ряду освирѣпѣвшихъ эмигрантовъ, изъ которыхъ онъ не былъ худшимъ, много скитался по чужбинѣ, много учился и, къ чести его нужно сказать, повидимому, много страдалъ отъ разлуки съ Франціей. Узнавъ о 9 термидора, онъ попробовалъ вернуться, но послѣ того, какъ двое его пріятелей-эмигрантовъ попали подъ разстрѣлъ, бѣжалъ снова. Лишь въ 1804 г., когда была провозглашена имперія, Д'Эзекъ вернулся окончательно и вступилъ въ ряды наполеоновскихъ солдатъ. Сражаясь подъ знаменами Франціи, онъ какъ бы торопился смыть съ себѣ позоръ Кобленца и службы въ рядахъ непріятельской арміи. Особенно блестящее участіе принималъ онъ во французской кампаніи 1814 года.

Реставрація, разумѣется, его пригрѣла. Но армію онъ покинулъ и служилъ конецъ жизни по гражданской части. Въ 1835 году Д'Эзекъ умеръ.

Мемуары его написаны въ 1804 году, когда ненависть къ революціи стала уже мягче, а годы страданій вдали отъ родины примирили его съ Франціей. И все-таки роялистъ, преданный слуга короля Людовика XVI, чувствуется въ мемуарахъ постоянно. Читатель долженъ помнить это и быть готовымъ исправлять сужденія Д'Эзека о друзьяхъ и недругахъ.

Мы рѣшаемся, тѣмъ не менѣе, познакомить читателя съ его воспоминаніями (въ сокращеніи), потому что они, несомнѣнно, представляютъ большой интересъ. Картинки придворнаго быта, портретъ короля, его семьи, его близкихъ сдѣланы не только человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ обстановкой, но еще и наблюдательнымъ и вдумчивымъ. И если имъ недостаетъ иногда картинности, яркихъ красокъ, то этотъ недостатокъ съ избыткомъ окупается освѣдомленностью, детальностью и точностью.

А. Дж.

Пажи.

О значеніи, которое имѣлъ институтъ пажей, можно судить по тому, что, когда я впервые пріѣхалъ въ Версаль, ихъ было 158, кромѣ пажей принцевъ крови, живущихъ при нихъ въ Парижѣ.

Только принадлежность къ древней родовитой фамилій, считавшей за собой не меньше 200 лѣтъ дворянства, давала право быть принятымъ въ пажи. Кромѣ древняго происхожденія, требовалось еще содержаніе въ 600 ливровъ на расходы. Это содержаніе освобождало родителей пажа отъ всякихъ заботъ: одежда, пища, преподаваніе, услуги, уходъ во время болѣзни,—все входило сюда и отпускалось съ истинно царской щедростью и роскошью: одна одежда пажа стоила 150 ливровъ. Служба камеръ-пажей состояла въ томъ, что они присутствовали при «grand lever» (большое вставанье) короля, сопровождали его въ церковь, освѣщали дорогу, когда онъ возвращался съ охоты, и подавали туфли, когда онъ ложился спать. Два мальчика должны были дежурить полночи, чтобы подать одну туфлю королю. Но если бы государю пришло въ голову изъ особаго снисхожденія ослабить хотя бы въ пустякѣ установленный церемоніалъ, то это постепенно могло бы повести къ полному упадку того величія, которое всегда и неотъемлемо должно окружать тронъ и самого монарха. Реформы кардинала де-Бріенна коснулись и пажей; сорокъ изъ нихъ, прикомандированныхъ къ малой конюшнѣ, и два, состоявшихъ спеціально при охотѣ, были совсѣмъ упразднены, а революція покончила позже и съ остальными. Послѣ этого осталось всего 50 пажей большой конюшни, которымъ пришлось взять на себя обслуживаніе всего двора, не исключая и службы камеръ-пажей, такъ какъ и они, несмотря на свою малочисленность, не избѣгли общей участи. Всѣхъ насъ, благодаря нашей молодости, перевели на службу въ большую конюшню. Дать вполнѣ вѣрное и яркое понятіе о нашемъ шумномъ обществѣ и о системѣ его самоуправленія очень трудно. «Старшіе» пажи имѣли огромную власть надъ младшими, т.-е. надъ вновь поступившими. Эта власть, пожалуй, напоминала олигархію, но суровость и требовательность этой власти и подчиненія, въ которомъ она держала младшихъ, граничила съ самымъ суровымъ деспотизмомъ. Зато распущенность членовъ этой маленькой общины и то малое уваженіе, которое они проявляли къ завѣдующему, скорѣе напоминали республику, чтобы не сказать самую настоящую анархію. Да и несмотря на многочисленныхъ учителей и профессоровъ, воспитанія не было никакого. Тѣ, которые поступали въ это заведеніе, и сами не очень радѣли о своихъ успѣхахъ, выходили изъ него хорошими танцорами, прекрасно фехтовали, ѣздили верхомъ, и на ряду со всѣми этими достоинствами они были невѣжественны и очень распущены. Что, пожалуй, могло

еще примирить съ этимъ, это то, что у нихъ вырабатывался прекрасный характеръ, приспособлявшійся ко всему; это, конечно, достигалось строгостью воспитанія новичковъ старшими...

Намъ было отведено все лѣвое крыло большой конюшни; внизу помѣщались прелестная часовенка, большой гимнастическій залъ, кухня, чуланы и столовая, гдѣ стояли два бильярда. Столовая была большая, и массивный сводъ ея держался на четырехъ столбахъ. Она была полутемная и освѣщалась лампами; все это при томъ невообразимомъ шумѣ, который царилъ въ ней, напоминало пещеру Жиль-Блаза. Пища, по крайней мѣрѣ, тамъ была не хуже. Мы сидѣли за четырьмя столами. На пищу, освѣщеніе и топку трехъ, четырехъ печей король отпускалъ метръ-д'отелю восемьдесятъ тысячъ франковъ въ годъ. Въ слѣдующемъ этажѣ по обѣимъ сторонамъ широкой галлереи были расположены пятьдесятъ комнатъ, гдѣ всѣ мы и помѣщались. Комнаты были выкрашены блестящей желтой краской и всѣ омеблированы одинаково. Высотой комнаты доходили только до половины этажа, а сверху было сдѣлано что-то въ родѣ театральныхъ ложъ, гдѣ хранилась всякая утварь. На четырехъ концахъ коридора стояли огромныя печи съ длинными трубами; трубы проходили надъ нашими комнатами и такимъ образомъ согрѣвали ихъ равномѣрно. Галлерея выходила въ большой, хорошо отапливаемый залъ, гдѣ шли наши занятія. Въ особомъ павильонѣ на плацу помѣщалась и наша библіотека, она была открыта ежедневно два часа; мы могли мѣнять книги и прочитывать всѣ извѣстія за день, въ ней хранились коллекціи географическихъ картъ, инструменты для преподаванія физики и гипсовыя модели для рисованія.

Формой пажей большой конюшни была ливрея короля, т.-е. синій камзолъ, отдѣланный шелковымъ краснымъ и бѣлымъ галуномъ. Восемнадцать пажей, по выбору главнаго шталмейстера, завѣдующаго службой при лошадяхъ, носили синій камзолъ, отдѣланный золотымъ галуномъ, красный жилетъ и брюки того же цвѣта. По тому, какъ были нашиты карманы, вдоль или поперекъ, отличали, кто изъ какой конюшни.

Прежде обязанность пажей большой конюшни сводилась къ тому, чтобы они освѣщали путь короля при его возвращеніи съ охоты и сопровождали его къ церковной службѣ, а первый пажъ, кромѣ того, еще долженъ былъ держать прямо стремя, когда король садился на лошадь.

Послѣ реформъ и упраздненія малой конюшни служба пажей большой конюшни увеличилась. Двое изъ нихъ должны были сопровождать постоянно принцессъ при ихъ выходѣ. Третій пажъ, одинъ изъ тѣхъ, что были съ золотыми галунами и назывались «сюрту», несъ трэнъ платья. Когда принцессы выѣзжали, пажи ѣхали верхомъ.

Когда король ѣхалъ на охоту, всѣ «сюрту» должны были присутствовать. Они переодѣвались въ синюю тиковую одежду, надѣвали желтые кожаныя гетры и должны были каждый съ ружьемъ стоять за спиной короля, когда онъ стрѣлялъ, послѣ выстрѣла, король отдавалъ ружье и бралъ другое. Переходя изъ рукъ въ руки, первое ружье доходило до человѣка, приставленнаго заряжать ружье короля. Первый пажъ въ это время слѣдилъ за тѣмъ, чтобы подбирали дичь и велъ ея точный счетъ на маленькихъ табличкахъ. Когда кончалась охота, онъ шелъ въ кабинетъ короля, чтобы получить приказъ, какъ раздѣлить добычу. Все оставшееся доставалось ему. Такимъ образомъ, должность перваго пажа была очень пріятна; кромѣ того, что пріятно было заниматься работой непосредственно съ королемъ. Людовикъ XVI, обыкновенно, настрѣливалъ до пятисотъ штукъ дичи; и первому пажу перепадало немало. Мы всѣ по этому поводу получали дюжину шампанскаго.

Въ дни большихъ торжествъ пажи выѣзжали въ экипажахъ, запряженныхъ парою. Когда король желалъ справиться о чьемъ-нибудь здоровьѣ или поздравить кого-нибудь съ семейнымъ торжествомъ, то это поручалось пажу, который отправлялся въ сопровожденіи конюха.

Въ арміи пажи становились адъютантами адъютантовъ короля, это давало имъ возможность учиться у самаго центра командованія, какъ впослѣдствіи командовать самимъ. Эти адъютанты-пажи обязаны были носить оружіе короля въ то время, когда еще были въ ходу латы. По окончаніи ученія, которое продолжалось три-четыре года, пажъ имѣлъ право выбрать себѣ полкъ, гдѣ и служилъ въ чинѣ подпоручика. Первые пажи короля, королевы и конюшни получали шпагу и роту кавалеріи.

Во внутреннемъ своемъ самоуправленіи іерархія пажей дѣлилась на три ступени:

Во-первыхъ, «старшіе», которые черезъ два года становились полными властелинами надъ младшими, т.-е. вновь вступившими. Второгодники были въ переходной стадіи, назывались они «semis»; они не подчинялись старшимъ, но и не имѣли никакой власти надъ младшими, зато за малѣйшій проступокъ по отношенію къ сеньорамъ «старшимъ» младшіе ставили ихъ подъ краны съ холодной водой и обливали; крановъ было 8, они были въ столовой, и вода стекала въ большой мраморный тазъ. Первогодники были своего рода послушниками, и искусъ былъ не изъ легкихъ! Въ новенькомъ цѣнилось его полное, безпрекословное и пассивное подчиненіе старшимъ. Случалось, что юноша, пріѣхавшій изъ провинціи, не желалъ подчиняться и проникаться нашими принципами, но пріемъ, встрѣчавшій его, живо заставлялъ его ими проникнуться. Новенькій не смѣлъ имѣть никакой собственности и обязанъ былъ не только исполнять всякое приказаніе старшихъ, но и предугадывать ихъ желанія. Ма-

лѣйшая вина, хотя бы и невольная, или каралась арестомъ, который соблюдался гораздо строже, чѣмъ если бы онъ былъ наложенъ начальствомъ, или наказанный обязанъ былъ переписать нѣсколько страницъ нѣмецкой грамматики, или просто его сѣкли старыми туфлями. Передъ испытаніями, которымъ подвергались новенькіе, блѣднѣютъ всѣ ужасы франкъ-масонства. Шталмейстеръ манежа. Г. де-ля-Бинь, бывшій пажомъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, еще по сю пору носитъ слѣдъ отъ раскаленной шпоры, которую когда-то ему приложили къ мягкимъ частямъ.

Все утро мы посвящали занятіямъ въ манежѣ, куда собирались всѣ пажи Версаля. Манежъ Версаля былъ безусловно самымъ лучшимъ въ Европѣ и по красотѣ лошадей и по таланту нашихъ берейторовъ. Когда я вступилъ въ число пажей, при манежѣ было двѣсти сорокъ лошадей, потомъ ихъ было только сто. Лошади были необычайной красоты, и брали ихъ на парады. Онѣ были норовисты, не привыкли къ солнцу, волновались отъ окружающаго ихъ шума и приводили въ отчаяніе своихъ сѣдоковъ. Для повседневныхъ занятій къ услугамъ пажей было тридцать лошадей, хорошо выѣзженныхъ. Мнѣ трудно точно опредѣлить, сколько было лошадей у короля, но мнѣ думается, что число ихъ до реформъ въ общемъ доходило до трехъ тысячъ. Верховыя лошади были при большой конюшнѣ, а упряжныя при малой конюшнѣ. Главнымъ шталмейстеромъ Франціи былъ при мнѣ Шарль де Лоренъ, извѣстный болѣе подъ именемъ принца Ламбеска, потому что его домъ не признавался владѣтельнымъ, и титулъ высочества не присоединялся къ его имени. Принцъ Ламбескъ, нынѣ австрійскій генералъ, былъ хорошій служака съ твердой волей, пожалуй, суровый, но отнюдь не жестокій, какъ увѣряли всѣхъ революціонеры. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ Франціи. Каждое утро съ пяти часовъ, даже зимой, онъ уже былъ на работѣ въ манежѣ; онъ слѣдилъ за выѣздкой лошадей, самъ тренировался въ верховой ѣздѣ или давалъ уроки. Принцъ былъ моимъ первымъ учителемъ и вышколилъ меня. Послѣ упраздненія конетаблей ихъ должность передали главному шталмейстеру, она заключалась въ томъ, что въ костюмѣ изъ золотой парчи онъ несъ шпагу короля въ лиловомъ чехлѣ, усѣянномъ шитыми золотомъ цвѣтами лилій.

Часто приходили въ большую конюшню полюбоваться красивыми лошадьми, но кромѣ этого, большой интересъ представляли кладовыя, гдѣ хранились сѣдла для парадовъ и огромное количество оружія и сбруй, которыя когда-то употребляли на турнирахъ.

Двѣнадцать пажей королевы были одѣты въ красное съ золотымъ галуномъ. У «Monsieur» [1]) и у графа д'Артуа было по четыре

---

[1]) Monsieur—старшій изъ братьевъ короля, Madame—старшая изъ его сестеръ. При Людовикѣ XVI первый титулъ носилъ графъ Прованскій, позднѣе Людовикъ XVIII, а второй—принцесса Елизавета, гильотинированная при конвентѣ. *Ред.*

камеръ-пажа и по двѣнадцати конюшенныхъ, а у ихъ женъ по восьми. Пажи «Monsieur» и «Madame» были одѣты тоже въ красный цвѣтъ съ золотомъ. Вообще всѣ камеръ-пажи были одѣты въ бархатъ съ вышивкой; тамъ, гдѣ цвѣтъ одежды былъ одинаковый, различіе было въ расположеніи галуна. У камеръ-пажей были свои наставники и свои отдѣльные учителя, которые ихъ учили такъ же, какъ и насъ, математикѣ, нѣмецкому языку, рисованію, танцамъ, гимнастикѣ, верховой ѣздѣ, обращенію съ лошадьми и фехтованію, кромѣ еще уроковъ наставника по общимъ предметамъ. Изъ этого всего видно, что если образованіе шло плохо, то не по недостатку средствъ.

То, что пажи часто собирались вмѣстѣ или въ манежѣ или на представленіяхъ, давало часто поводъ къ ссорамъ и дуэлямъ. Дуэли были особенно опасны, благодаря тому, что пользовались отточенными рапирами, острее которыхъ было квадратное, и раны были серьезнѣе обыкновенныхъ, хотя за тѣ шесть лѣтъ, которыя я провелъ въ Версалѣ, ни одинъ пажъ не умеръ ни отъ болѣзни ни отъ чего-либо другого.

Если заболѣвалъ пажъ изъ большой конюшни, то его отправляли къ хирургу, жившему на улицѣ дю-Шениль. Онъ взялъ на себя лѣчить больныхъ пажей, и такъ какъ у него было превесело, то пажи отправлялись туда по самому незначительному поводу. За каждаго больного королемъ выдавалось пять франковъ ежедневно, кромѣ лѣкарствъ, которыя отпускались изъ придворной аптеки.

Какъ это ни странно, почему-то для ликвидаціи всякихъ споровъ и недоразумѣній между собой пажи выбирали или одну изъ комнатъ этого дома или его садъ. Можетъ - быть, потому, что это было ближе всего для оказанія первой помощи!

Я помню, какъ въ 1790 году произошла ссора между пажами короля и принцевъ. Было рѣшено дождаться конца масленицы, чтобы не нарушать празднествъ и послѣ нихъ, въ среду на первой недѣлѣ, собраться подъ предлогомъ партіи бѣга у Сентъ - Антуанскихъ воротъ по дорогѣ къ Марли и тамъ помѣряться каждому со своимъ соперникомъ. Въ назначенный день встрѣча состоялась. Трое или четверо были уже ранены, когда вдругъ одного изъ пажей графини д'Артуа, де Лябесса, позже въ войнѣ съ шуанами извѣстнаго подъ кличкой «Золотая Вѣтка», серьезно ранилъ въ подлегочную область г-нъ де Монлезенъ, настолько серьезно, что всѣ стали думать только объ одномъ, какъ бы де Лябесса довезти до Версаля, гдѣ ему семнадцать разъ была пущена кровь. Дѣло, такимъ образомъ, не удалось скрыть, пришлось вступиться начальству, чтобы какъ-нибудь, всякими мѣрами водворить миръ между врагами....

Та полная свобода, которая была у насъ въ большой конюшнѣ, независимость, которая установилась уже по традиціямъ, переходив-

шимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и несерьезныхъ научныхъ занятій, все это не могло способствовать правильной постановкѣ вопроса о воспитаніи нашей молодежи....

Революція и декреты о дворянствѣ упразднили всякіе новые пріемы пажей. Паденіе трона, заключеніе короля и опасность, которой подвергались всѣ близко стоявшіе къ нему, все это способствовало тому, что упразднилось и самое учрежденіе, а оставшіеся пажи разсѣялись.

Охрана дворца.

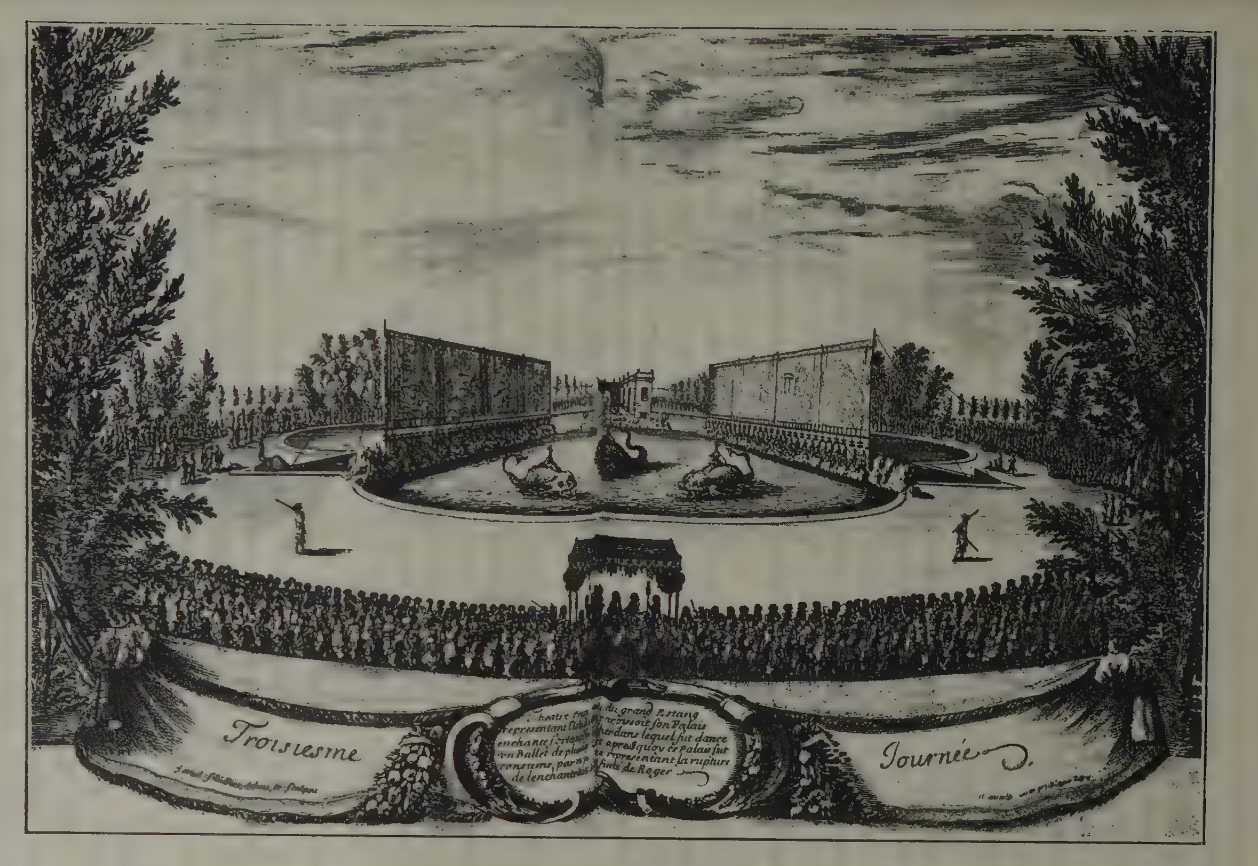
Когда я впервые пріѣхалъ ко двору, то вся внутренняя охрана дворца состояла изъ тѣлохранителей, одной сотни швейцаровъ и караула. Я не считаю остальныхъ гвардейцевъ, такъ какъ они составляли гарнизонъ, и на нихъ лежала внѣшняя охрана.

Лейбъ-гвардейцевъ было всего 1.300 человѣкъ. Они служили въ охранѣ по три мѣсяца, при чемъ еженедѣльно переходили съ одного мѣста на другое: недѣлю при дворцѣ, недѣлю при охотничьемъ замкѣ, а третью — по своему выбору. Такимъ образомъ для постоянной охраны дворца въ наличности была одна сотня лейбъ-гвардейцевъ и нѣсколько сотенъ швейцарцевъ.

Лейбъ-гвардейцемъ могъ быть всякій дворянинъ высокаго роста, при чемъ требованія эти соблюдались не строго, такъ какъ сами дворяне предпочитали служить въ арміи, а не въ охранѣ, гдѣ все сводилось къ обычной службѣ рядового солдата, отмѣченнаго только нашивками. Пополнялись ряды охраны бѣднымъ дворянствомъ, больше съ юга: ихъ брали въ качествѣ рядовыхъ, офицерскихъ же чиновъ всѣ очень добивались отчасти изъ-за положенія, отчасти изъ-за возможности быть замѣченнымъ самимъ королемъ.

Форму они носили синюю, жилетъ, брюки и чулки краснаго цвѣта, все съ серебрянымъ галуномъ. Богатство и роскошь одежды, красота лошадей и людей были необычайны. Черезъ каждые четыре года король дѣлалъ смотръ всѣмъ гвардейцамъ на равнинѣ у Чортовой ямы (Trou d'Enfer), и картина смотра, когда присутствовалъ весь дворъ и масса постороннихъ зрителей, была грандіозна.

Лейбъ-гвардія обязана была охранять всѣ входы и выходы во дворцѣ, отдавать честь принцамъ, присутствовать въ капеллѣ въ дни богослуженій, сопровождать королевскую фамилію къ столу и присутствовать во время обѣда. Характеръ службы требовалъ отъ нихъ знанія всѣхъ принцевъ и пэровъ въ лицо, потому что они должны были отдавать имъ честь, ударяя при этомъ два раза правымъ каблукомъ по полу. Стоящій на караулѣ открывалъ передъ ними дверь и слѣдилъ, чтобы они этого не дѣлали сами, но, конечно, былъ очень признателенъ, когда входящій избавлялъ его отъ этой непріятной обязанности.

ПРАЗДНЕСТВО ВЪ ВЕРСАЛѢ.

(Изъ изданія «Les Plaisirs à Versailles». Paris. 1673 г.)

Подъ охрану было отведено четыре зала; самый большой изъ этихъ залъ былъ наверху около мраморной лѣстницы для стражи принцевъ, рядомъ былъ залъ королевы, дальше дофина, а четвертый былъ внизу направо отъ мраморнаго двора около малой лѣстницы, по которой поднимался король, возвращаясь съ охоты... Въ залахъ раскладывались на ночь постели и заставлялись ширмами съ тѣхъ поръ, какъ однажды вечеромъ королева, супруга Людовика XV, возвращаясь поздно ночью въ свои аппартаменты, наткнулась на гвардейца, лежавшаго въ нескромной позѣ. Лейбъ-гвардейцы его величества были въ чинахъ поручиковъ или подпоручиковъ, а бригадиры капитанами, и помѣщались въ большомъ зданіи на улицѣ Рояль, тамъ же были и конюшни для ихъ выѣздныхъ верховыхъ лошадей.

Служба капитановъ считалась очень лестной, такъ какъ въ свое дежурство они отвѣчали за неприкосновенность особы короля. Такъ, послѣ покушенія Даміена на Людовика XV, дежурившій въ то время капитанъ долженъ былъ формально обращаться за помилованіемъ въ парламентъ. Съ тѣхъ поръ король сталъ выѣзжать только въ сопровожденіи цѣлой эскорты тѣлохранителей и сотни швейцарцевъ. При особѣ короля долженъ былъ находиться неотступно капитанъ его лейбъ-гвардіи; онъ не отходилъ отъ него ни на шагъ, когда король выходилъ изъ внутреннихъ аппартаментовъ, и ему приходилось уступать свое мѣсто только при проходѣ черезъ коридоры, когда уставъ требовалъ, чтобы впереди шелъ шталмейстеръ, для защиты короля въ случаѣ надобности.

Когда король бывалъ въ церкви, при немъ находилось нѣсколько офицеровъ и пикетъ, которымъ командовалъ подпоручикъ. Пикетъ слѣдовалъ за его экипажемъ. У офицеровъ была та же форма, какъ и у другихъ, только вмѣсто галуна была такая же вышивка и не было красныхъ чулокъ, а въ рукахъ они несли палку изъ чернаго дерева съ круглымъ набалдачникомъ изъ слоновой кости въ формѣ яблока.

Долженъ сознаться, лейбъ-гвардія плохо подчинялась начальству. Ихъ вѣчныя ссоры и недовольства заставляли подчасъ забывать ихъ хваленую храбрость. Во время революціи они первые показали примѣръ непокорности, потребовавъ очень шумно, чтобы къ нимъ вернули одного бригадира, написавшаго записку вольнодумнаго содержанія противъ охранной службы...

Въ шотландской ротѣ было восемь солдатъ, которые назывались «Стражей рукава». Они дежурили по два ежедневно и были на людяхъ все время неотступно при королѣ. Они должны были ни на минуту не терять его изъ виду и, дѣйствительно, только могила скрывала отъ нихъ государя, такъ какъ они же были обязаны уложить тѣло короля въ гробъ и везти августѣйшій прахъ до Сентъ-Дени. Поверхъ обычной формы они носили что-то въ родѣ туники, расшитой накладнымъ швомъ золотомъ и серебромъ.

При Людовикѣ XI, когда король подписывалъ новый договоръ, заключенный еще его отцомъ Карломъ VII, съ его добрыми друзьями-швейцарцами, ему захотѣлось сотню изъ нихъ оставить при своей особѣ. Для этой сотни выбирались самые красивые изъ всѣхъ швейцарцевъ-гвардейцевъ, они были положительно великаны. Въ силу прежнихъ національныхъ традицій, въ дни торжествъ они надѣвали свой костюмъ «Освободителей Швейцаріи», т.-е. разрѣзные широкіе штаны, камзолъ, брыжжи и токъ съ плюмажемъ. Когда они двигались развернутымъ строемъ, съ тяжелыми бердышами, по королевскому двору, подъ оглушительный бой барабановъ, все-таки не заглушившихъ пронзительный звукъ маленькой флейты, когда они торжественно несли впереди свое старое знамя еще временъ Генриха II, то, право, казалось, что это кантональное ополченіе, идущее противъ тирана, завоевать свободу своей родины. Въ обычное время они носили общую французскую форму синяго цвѣта съ золотой обшивкой и красныя брюки, но аллебарду сохраняли на всѣхъ караулахъ и даже у себя въ отведенномъ для нихъ, рядомъ съ лейбъ-гвардіей, залѣ...

Спеціальный караулъ охранялъ ограду дворца днемъ. Онъ открывалъ ворота къ большому вставанію, около половины двѣнадцатаго. Ему вмѣнялось въ обязанность знать всѣхъ, кто имѣетъ право въѣзда во внутренній дворъ дворца. Это право, «честь Лувра», какъ оно называлось, было только у принцевъ, маршаловъ Франціи и пословъ, другіе же экипажи останавливались въ примыкавшихъ къ главному дворахъ. Неизвѣстно почему, но вечеромъ этотъ караулъ смѣнялся лейбъ-гвардейцами...

Форма караула была та же, что у лейбъ-гвардейцевъ, только обшивка была золотая съ серебромъ. Были еще два незначительныхъ отряда: жандармовъ и легкой кавалеріи (chevaux-legers). Форма жандармовъ была черная съ краснымъ, и были они подъ командой принца де Субизъ, форма же легкой кавалеріи была красная съ бѣлымъ и съ золотымъ галуномъ, командовалъ ими герцогъ Эгильонъ. Эти два отряда появлялись только на парадахъ, хотя ежедневно и командировали кого-нибудь за приказомъ къ королю. Въ девять часовъ вечера король отдавалъ приказы офицерамъ всѣхъ отрядовъ.

Несмотря на всѣ мѣры безопасности, принятыя во дворцѣ, сотня швейцарцевъ все же всегда стояла на часахъ въ разныхъ мѣстахъ внутреннихъ аппартаментовъ. При нихъ были дресированные пуделя, которые обнюхивали и обшаривали всѣ углы, чтобы удостовѣриться, не спрятался ли кто-нибудь въ темнотѣ.

Безъ такихъ предосторожностей вся масса безконечныхъ лѣстницъ, переходовъ, коридоровъ и весь лабиринтъ дворцовыхъ покоевъ стали бы убѣжищемъ воровъ.

Французская гвардія, квартировавшая въ Парижѣ, и швейцарцы, стоявшіе въ Рюѣлѣ и Курбевуа, каждое воскресенье по-

сылали въ Версаль для внѣшней охраны дворца сильный отрядъ. Когда король появлялся изъ дворца, они выстраивались во дворѣ министровъ. Тамъ были ихъ казармы, внизу подъ общими постройками и въ деревянныхъ баракахъ, замѣнявшихъ палатки. Офицера этихъ отрядовъ имѣли входъ къ королю, какъ всѣ, кто былъ предоставленъ ко двору...

У «Monsieur» и графа д'Артуа была своя охрана, по двѣ роты, т.-е. около ста человѣкъ у каждаго и, кромѣ того, по ротѣ швейцарцевъ. Охрана Monsieur носила красную форму, а графа д'Артуа—зеленую. Этой охранѣ дозволялось ношеніе оружія только въ аппартаментахъ принцевъ, оно воспрещалось ей въ королевскихъ аппартаментахъ и во время выѣзда этихъ принцевъ...

Нужна была вся сила и твердость стараго маршала Бирона, чтобы сумѣть поддержать въ гвардейскихъ полкахъ дисциплину, которую онъ ввелъ въ свою бытность при дворѣ. Его преемникъ, герцогъ дю Шатлэ, котораго нельзя упрекать въ безсистемности вообще, предоставилъ гвардіи слишкомъ большую свободу; окруженная всѣми искушеніями, которымъ только можетъ подвергнуться гарнизонъ, стоящій въ Парижѣ, гвардія первая 14 іюля бросила своего начальника. Въ Версалѣ она продержалась немного дольше, но и тамъ черезъ нѣсколько дней они побросали свои посты и пришлось выписывать Фландрскій полкъ на ихъ мѣсто.

Лейбъ-гвардію распустили 6 октября по гарнизонамъ, а потомъ упразднили и совсѣмъ...

Версаль.

> Я посѣтилъ мѣста, которыя были свидѣтелями такого ни съ чѣмъ не сравнимаго великолѣпія, и увидалъ только уныніе и пустоту. *Вольней.*

Когда-то Людовикъ XIII купилъ мѣстечко, гдѣ была на высокомъ берегу мельница. Тамъ онъ построилъ себѣ павильонъ для своихъ наѣздовъ во время охоты. Людовикъ XIV, очень любившій искусство и не останавливавшійся ни передъ какими затрудненіями, выбралъ это мѣсто для своей резиденціи, покинувъ Сенъ-Жерменъ, гдѣ его разстраивалъ видъ башенъ аббатства Сенъ-Дени [1]); этимъ, по крайней мѣрѣ, объясняли странный выборъ монарха, когда онъ остановился на такой неблагодарной, болотистой мѣстности. Невѣроятной трудности была задача осушить болота и собрать воду въ огромные, чудесные пруды. Это удалось сдѣлать только при помощи геніальной машины Марли. Несмотря на всѣ эти препятствія, дворецъ былъ выстроенъ необычайно быстро. Въ шесть лѣтъ съ

---

[1]) Потому что тамъ хоронили королей. *Ред.*

небольшимъ, почти все было готово, и уже въ 1687 году тамъ поселились. Но капеллу кончили только въ 1710 году, хотя начали ее строить въ 1699. Къ этому времени Людовикъ XIV уже состарился да и какъ-то опустился изъ-за неудачной войны [1]), сталъ менѣе дѣятеленъ, и страсть его къ роскоши нѣсколько притупилась.

Скоро въ постройкѣ дворца стали замѣчаться всѣ недочеты, какъ слѣдствіе слишкомъ большой спѣшки, и менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ, не будучи въ состояніи противостоять вліянію времени, дворецъ во многихъ мѣстахъ готовъ былъ развалиться. Фундаментъ, сложенный на наносной землѣ, не былъ достаточно крѣпокъ, такъ что во многихъ мѣстахъ пришлось подвести балки. При мнѣ балка, подпиравшая мѣсто алькова короля, подгнила и, если бы не замѣтили этого, то король могъ бы въ одну прекрасную ночь очутиться въ нижнемъ этажѣ у офицера своей охраны. Съ тѣхъ поръ ему постель стали приготовлять въ кабинетѣ, гдѣ ему пришлось спать около шести мѣсяцевъ.

Цифра расходовъ на Версальскій дворецъ долго служила одной изъ причинъ недовольства старой династіей. Мирабо говоритъ, что маршалъ де Бель-Иль отъ страха не рѣшался считать дальше, когда цифра достигла 120 милліоновъ. Вольней, основываясь на записи, внесенной въ книгу суперъ-интенданта по постройкамъ, доводитъ цифру до 140 мил. Теперь эта книга находится въ рукахъ г-на Гильомо, она переплетена въ великолѣпный сафьяновый переплетъ съ золотыми обрѣзами и гербомъ де-Монсара, тогдашняго суперъ-интенданта, и въ ней цифра доведена до 153, 282, 827 ливровъ 10 з. 3 д. Тамъ помѣченъ общій счетъ по постройкамъ за всѣ двадцать семь лѣтъ царствованія великаго короля, т.-е. съ 1664 по 1690 годъ. Такимъ образомъ выходитъ, что на все истрачено 306, 565, 650 ливровъ. Въ эту сумму входятъ расходы и по постройкѣ Версальскаго дворца и церквей Нотръ-Дамъ, и Рэколэ, дворца Тріанонъ, Клюни и Сенъ-Сира, Нуази, Мулино, водопровода Ментенонъ, свинца для трубъ водопровода, машины Марли, зеркалъ, мебели, статуй и Лангедокскаго канала. Кромѣ этого, сюда же включены расходы по субсидіямъ провинціальнымъ мануфактурамъ и вознагражденіе ученымъ.

Я не стану останавливаться на подробномъ описаніи самого дворца и примыкающихъ къ нему садовъ, а обращу больше вниманія на его внутренній видъ, который, конечно, подвергнется многимъ существеннымъ измѣненіямъ, если тамъ будетъ жить новая династія [2]).

Большимъ недостаткомъ Версальскаго дворца съ внѣшней стороны было то, что у него совсѣмъ не было параднаго, достойнаго

---

[1]) Война за испанское наслѣдство. *Ред.*

[2]) Писано въ 1804 году, т.-е. уже при имперіи. *Ред.*

зданія, входа. Со стороны двора весь дворецъ, благодаря многочисленнымъ выступамъ, напоминаетъ шесть большихъ нишъ. Случилось это, благодаря стремленію сохранить маленькій охотничій павильонъ Людовика XIII. Со стороны парка фасадъ дворца неизмѣримо лучше, и трудно представить себѣ что-нибудь прекраснѣй этого фасада, тянущагося на протяженіи трехсотъ саженей.

Настоящимъ входомъ въ королевскіе аппартаменты служила прекрасная мраморная лѣстница, но помимо того, что она шла не съ фасада, а сбоку, и что къ ней надо было проходить подъ тремя узкими арками, она вела только въ королевскія прихожія, въ главную же галлерею можно было пройти только черезъ среднюю дверь; такимъ образомъ, къ королю входили, не видя красоты главныхъ аппартаментовъ...

Мало кто не знаетъ Версальскаго дворца, обратившагося теперь въ обширную картинную галлерею. Прежде, чтобы войти въ аппартаменты короля, надо было подняться по мраморной лѣстницѣ, пройти залъ охраны, прихожую, комнату слухового окна и комнату для парадовъ, тѣ же, которые не имѣли права оставаться въ аппартаментахъ короля, непосредственно переходили въ галлерею, одну изъ самыхъ прекрасныхъ въ Европѣ; стѣны ея Лебренъ украсилъ изображеніемъ побѣдъ Людовика XIV, а безчисленныя зеркальныя двери отражаютъ всю перспективу садовъ, на которую выходятъ окна. Въ этой галлереѣ собирались подданные французскаго короля, съѣзжавшіеся со всѣхъ концовъ Франціи, чтобы хоть разъ въ жизни увидѣть своего монарха. По воскресеніямъ здѣсь они ожидали того момента, когда вся королевская фамилія выходила изъ аппартаментовъ короля, направляясь къ обѣднѣ черезъ всѣ восемь салоновъ, примыкавшихъ къ капеллѣ.

Каждый изъ этихъ салоновъ имѣлъ свое особое названіе, по миѳологическимъ сюжетамъ на плафонѣ: салонъ Діаны, Меркурія, Марса и т. д. Такъ какъ они служили только для прохода, а не для житья, то тамъ имѣли пребываніе одни швейцары и ничего не было, кромѣ картинъ, люстръ и позолоты. Въ первомъ салонѣ, направо, въ залѣ аппартамента, былъ тронъ подъ шелковымъ краснымъ балдахиномъ. Король вообще очень рѣдко давалъ аудіенціи, сидя на тронѣ, а на этомъ никогда. Тутъ же былъ повѣшенъ у окна стеклянный термометръ, и король нѣсколько разъ въ день приходилъ взглянуть, сколько градусовъ. Кромѣ того, былъ особый мальчикъ, записывавшій три раза въ день температуру.

Въ салонѣ Меркурія были знаменитые когда-то часы, нѣсколько утратившіе свой интересъ теперь, когда механика сдѣлала такіе шаги впередъ: каждый часъ пѣли пѣтухи, хлопая крыльями; въ то же время изъ храма выходилъ Людовикъ XIV, и слава въ облакахъ вѣнчала монарха подъ звуки колоколовъ.

Въ салонѣ Марса висѣлъ чудесный портретъ королевы, написанный г-жей Лебренъ... Однажды мнѣ удалось увидѣть короля со всей своей семьей подъ этой картиной; королева была одѣта такъ же, какъ на портретѣ, и мы могли судить о необычномъ сходствѣ его съ оригиналомъ.

Въ залѣ Венеры стояла античная статуя, извѣстная подъ названіемъ Цинцината, но въ сущности изображавшая Язона, надѣвающаго свою обувь послѣ перехода черезъ потокъ. Теперь эта статуя въ музеѣ Наполеона [1]).

Послѣднимъ въ этой анфиладѣ комнатъ былъ салонъ Геркулеса, одинъ изъ самыхъ большихъ и самыхъ красивыхъ. Изъ него былъ прямо входъ въ вестибюль капеллы, гдѣ была дверь на хоры и двери на двѣ лѣстницы, ведущія внизъ. Дальше шла галлерея капеллы, и оттуда былъ ходъ во всѣ аппартаменты этого крыла дворца, гдѣ жили принцы крови и нѣкоторые офицеры высшихъ чиновъ. Версальскій дворецъ можно сравнить съ лабиринтомъ, благодаря его безконечнымъ коридорамъ, маленькимъ лѣсенкамъ, галлереямъ и комнатамъ. Его надо было хорошо знать, чтобы въ немъ оріентироваться, и во многихъ маленькихъ городахъ было меньше населенія, чѣмъ во дворцѣ, потому что ко всѣмъ жившимъ тамъ придворнымъ надо прибавить и тѣхъ, которые жили въ большомъ общежитіи, гдѣ помѣщались почти всѣ офицеры, состоящіе при королѣ. Это было большое четырехугольное зданіе, тамъ же накрывались столы для этихъ офицеровъ, когда еще былъ обычай кормить ихъ отъ казны, но этотъ обычай не существовалъ уже лѣтъ сорокъ.

Съ правой и лѣвой стороны дворца почва начинала уже сильно осѣдать. Особенно это было замѣтно ближе къ оранжереѣ около двухъ огромныхъ лѣстницъ, по сто четыре ступеньки. Королевская семья почти вся жила въ этой части дворца, такъ какъ и видъ оттуда былъ лучше, и воздуху тамъ было больше. Многіе придворные жили тамъ же. Ихъ помѣщенія были неудобны и темны, потому что находились подъ самой крышей, но они, желая провести нѣсколько дней при дворѣ, все-таки предпочитали ихъ своимъ городскимъ особнякамъ. По службѣ имъ приходилось по нѣскольку разъ въ день бывать во дворцѣ, и имъ было очень удобно пройти только галлерею вмѣсто того, чтобы запрягать лошадей и ѣхать. Ихъ лошади, экипажи и кухня оставались дома.

Распредѣленіе квартиръ и помѣщеній было въ вѣдѣніи главнаго гоффурьера... Въ мое время главнымъ гоффурьеромъ былъ маркизъ де ля Сюзъ. У него было нѣсколько помощниковъ просто гоффурьеровъ; они должны были помѣчать бѣлымъ мѣломъ квартиры, приготовленныя для короля и его свиты во время путешествій и на войнѣ, квартиры же для принцевъ помѣчались желтымъ мѣломъ. Когда

---

[1]) Въ Луврѣ.

освобождалась квартира въ самомъ дворцѣ, то, чтобы получить ее, шли на всякія интриги и ходатайства; всякій стремился ее захватить. Всѣ четыре министра жили въ квартирахъ, отведенныхъ въ первомъ дворѣ. Но ихъ канцеляріи помѣщались въ отдѣльныхъ особнякахъ на улицѣ Суперъ-интендантства. Въ канцеляріи Военнаго Министерства хранились рельефные планы всѣхъ крѣпостей Франціи... Въ канцеляріи Министерства Иностранныхъ дѣлъ хранились портреты всѣхъ властителей Европы и Азіи, съ которыми Франція имѣла какія-либо сношенія.

Я не стану распространяться о Версальскихъ садахъ, они еще существуютъ и мало измѣнились. Правда, оттуда вынесли нѣсколько статуй, какъ, напр., великолѣпное изображеніе Юпитера (terme de Jupiter), приписываемое рѣзцу извѣстнаго греческаго ваятеля Мирона; статую эту получилъ Людовикъ XIV отъ города Безансона послѣ завоеванія Франшъ Контэ. Она стояла въ бесѣдкѣ, направо отъ скалы; теперь она въ Парижскомъ музеѣ.

Въ виду того, что экипажамъ, кромѣ экипажей принцевъ, былъ запрещенъ въѣздъ въ главный дворъ и что вообще большое скопленіе ихъ могло бы произвести безпорядокъ, въ Версалѣ очень были въ модѣ паланкины (chaise a porteurs). Ихъ можно было нанять на каждомъ переулкѣ, а у вельможъ были свои, при чемъ носильщики ходили въ ихъ ливреяхъ. Принцессы, избѣгая ходить по холоднымъ и сырымъ галлереямъ, отправлялись въ паланкинахъ къ обѣднѣ.

Городъ Версаль росъ съ каждымъ днемъ. Зданія были совсѣмъ новыя и красивыя, но никакой торговли въ городѣ не было. Всѣхъ притягивалъ Версаль только тѣмъ, что тамъ былъ дворъ, и странно, что именно тамъ, среди тѣхъ лицъ, которыя жили благодѣяніями двора или должностями при немъ, революціонное пламя вспыхнуло съ большей силой, чѣмъ гдѣ бы то ни было во Франціи. Часъ отъѣзда короля изъ Версаля былъ часомъ гибели города; онъ заглохъ и пришелъ въ полный упадокъ.

„Вставаніе“ и „опочиваніе“.

Весь церемоніалъ «вставанія короля» пріобрѣтаетъ особый интересъ уже по одному тому, что этотъ обычай вошелъ въ область преданія, и теперь, вѣроятно, многихъ интересуетъ вопросъ, совпадала ли сама церемонія съ дѣйствительнымъ вставаніемъ короля съ постели.

Надо думать, что придворные въ давно прошедшія времена были менѣе лѣнивы, чѣмъ въ наше время, и присутствовали при настоящемъ вставаніи монарха. Аманъ до зари еще приходилъ къ царской палаткѣ *Ассириса* и ждалъ его пробужденія. Постепенно

время вставанія монарховъ дѣлалось все позже и позже и, наконецъ, «вставаніемъ» сталъ называться часъ, когда король одѣвался. Такъ, при Людовикѣ XVI, встававшемъ часовъ въ 7—8 утра, «вставаніе» назначалось въ половинѣ двѣнадцатаго, если, впрочемъ, охота или какая-нибудь другая церемонія не отодвигали установленнаго часа. Я самъ помню случаи, когда оно бывало въ пять часовъ утра!

Къ часу «вставанія» всѣ придворные собирались изъ Парижа и Версаля во дворецъ. Одни жаждали быть замѣченными королемъ и потому старались попасться ему на глаза, другіе спѣшили послѣ пріема въ канцеляріи на пріемы министровъ, ходатайствуя о какой-нибудь милости, хлопоча о повышеніяхъ по службѣ и получая зачастую только высокомѣрные отказы, ибо всякій подчиненный, съ незапамятныхъ временъ, воображалъ, что снискать себѣ уваженіе и подчеркнуть свой вѣсъ въ глазахъ окружающихъ можно высокомѣріемъ и заносчивостью, принимая простую спесь за талантливость.

Всѣ собравшіеся ждали часа «вставанія» въ прихожей или галлереѣ, а тѣ, кто присутствовалъ по долгу службы или имѣлъ входъ во внутренніе аппартаменты, должны были дожидаться въ залѣ Бычачій-глазъ, названномъ такъ изъ-за круглаго окна въ потолкѣ. Здѣсь была арена честолюбія, тщеславія, интригъ и притворства! Часто ослѣпленный провинціалъ, а иногда и просто разсѣянный или любопытный зритель, привлеченный пылавшимъ въ огромномъ каминѣ огнемъ или желавшій полюбоваться вблизи блестящими синими, красными и зелеными нашивками, не обращая вниманія на повторныя просьбы швейцарца, дежурившаго около камина и требующаго, чтобы они проходили въ галлерею, останавливался и подходилъ слишкомъ близко къ блестящему сборищу. О чудодѣйственное перемѣщеніе французской галантности въ душу жителя Гельвеціи. Толстый швейцарецъ, дежурившій у камина, дипломатично начиналъ лавировать около смѣльчака, дѣлая видъ, что хочетъ поправить огонь или спустить занавѣсъ, а на самомъ дѣлѣ просто пользовался случаемъ, чтобы шепнуть ему о его неловкости и спасти его, такимъ образомъ, отъ непріятнсcти быть изгнаннымъ публично. Провинціалъ краснѣлъ, опускалъ голову и часто даже благодарилъ, зато пети-метръ, который въ сущности, несмотря на свой великолѣпный нарядъ, былъ чужой въ этомъ блестящемъ обществѣ, уходилъ съ высоко поднятой головой, точно дѣлалъ это по личной иниціативѣ.

Упомянутый швейцарецъ помѣщался за каминомъ. Подъ самымъ носомъ принцевъ и дюковъ онъ ѣлъ свой обѣдъ и переваривалъ его. Ночевалъ онъ въ галлереѣ, гдѣ раскладывалъ свою узкую койку и поистинѣ могъ считать свою квартиру лучшей во Франціи и, проснувшись рано утромъ, онъ могъ любоваться шедеврами кисти

ПРАЗДНИКЪ ЛЮБВИ И ВАКХА. КОМЕДІЯ И МУЗЫКА.

(Изъ изданія «Les Plaisirs à Versailles». Paris. 1673 г.)

Лебрена, хотя, вѣроятно, онъ цѣнилъ ихъ гораздо ниже вина, привезеннаго съ родины, и чаевъ, которые получалъ къ празднику. Въ праздничные дни усердіе его удесятерялось, когда онъ открывалъ входную дверь или дверцы кареты вельможамъ, вознаграждавшимъ его нѣсколькими луидорами. Въ царствованіе Людовика XVI служилъ швейцарецъ по имени Буксъ; слава о его оригинальности и лукавствѣ дошла и до нашего времени.

Несмотря на размѣры Бычачьяго-глаза, бывали дни, когда тамъ еле помѣщалась собравшаяся толпа вельможъ. Меблировки въ залѣ не было никакой, кромѣ нѣсколькихъ обитыхъ скамеекъ и трехъ-четырехъ картинъ Поля Веронезе.

Въ половинѣ двѣнадцатаго всѣ въ сборѣ. Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ король; онъ въ шлафрокѣ и проходитъ въ парадныя комнаты. У входа появляется камердинеръ и провозглашаетъ: «Платье, Messieurs!» Тогда допускаются въ аппартаменты короля высшія должностныя лица, принцы крови, офицеры, приставленные къ гардеробу, и вельможи, имѣвшіе право постояннаго входа къ королю. Къ числу ихъ принадлежали воспитатели короля.

Начинается туалетъ; король обувается и надѣваетъ рубашку. Послѣ этого, по приказу главнаго камергера двора, тотъ же камердинеръ докладываетъ: «Первый входъ!» Входятъ лейбъ-медики (la Faculté), лакеи, служащіе при гардеробѣ короля, но не дежурные въ этотъ день, завѣдующій стуломъ.

Когда королю остается только надѣть верхнее платье, камердинеръ докладываетъ: «Комната его величества!» Входятъ камергеры, камеръ-пажи и ихъ преподаватели, егеря, придворные священники и тѣ изъ придворныхъ, которые допускаются ждать въ Бычачьемъ-глазѣ.

Когда король одѣтъ, двери отворяются настежь, допускаются всѣ остальные офицеры, иностранцы и просто любопытные, если они прилично одѣты. Тутъ же можно встрѣтить и скромнаго автора, подносящаго королю свое произведеніе съ надлежащимъ посвященіемъ и др... Король въ это время входитъ за рѣшетку, огораживающую его постель, опускается на колѣни на подушку и, окруженный придворными священниками и причтомъ, читаетъ краткую молитву. Послѣ молитвы идутъ представленія, а затѣмъ король переходитъ въ кабинетъ совѣта, куда за нимъ слѣдуютъ всѣ, имѣющіе доступъ во внутренніе аппартаменты. Оставшаяся толпа идетъ въ галлерею и тамъ ждетъ, когда король прослѣдуетъ въ капеллу. Людовикъ XVI причесывался уже совсѣмъ одѣтый. Послѣ всей церемоніи онъ шелъ въ особый кабинетъ, облачался въ широкій пеньюаръ поверхъ своего шитаго платья, и тамъ цырюльникъ заканчивалъ его прическу и пудрилъ волосы.

Прослѣдивъ обрядъ «вставанія», посмотримъ, что дѣлалось вечеромъ при его «опочиваніи» (le coucher). «Опочиваніе» въ большинствѣ случаевъ совпадало съ настоящимъ отходомъ ко сну короля и назначалось въ одиннадцать часовъ. Къ этому часу являлись всѣ слуги и придворные. Все было уже готово: роскошная одежда изъ золотой парчи съ кружевами, на креслѣ изъ краснаго сафьяна былъ разложенъ щлафрокъ изъ бѣлаго шелка, вышитаго въ Ліснѣ, завернутая въ тафту рубашка, а на перилахъ была перекинута двойная подушка изъ золотой матеріи, называемой султанъ, и на ней ночной уборъ и платки, а рядомъ туфли изъ той же парчи, какъ и платье. Около туфель, у балюстрады, стояли камеръ-пажи.

Появлялся монархъ. Первый камергеръ двора бралъ шляпу и шпагу и передавалъ ее одному изъ низшихъ чиновъ. Король начиналъ бесѣдовать съ вельможами. Иногда этотъ разговоръ, будучи пріятенъ королю, затягивался, отчего сокращался нашъ сонъ и страдали наши ноги. Затѣмъ король шелъ за рѣшетку, опускался на колѣни, а одинъ изъ священнослужителей прочитывалъ молитву Quaesumus omnipotens Deus. Во время молитвы онъ держалъ въ рукахъ большой позолоченный подсвѣчникъ съ двумя свѣчами, принцы же имѣли право на подсвѣчникъ только съ одной свѣчой. Послѣ прочтенія молитвы подсвѣчникъ передавался первому камердинеру, а тотъ уже вручалъ его тому изъ присутствующихъ, котораго король желалъ отличить. Это считалось большой честью, и тѣ, кто имѣлъ право разсчитывать на нее, бывали очень огорчены, если ихъ обходили...

Исторія съ подсвѣчникомъ напоминаетъ мнѣ одинъ курьезный случай, свидѣтелемъ котораго мнѣ лично пришлось быть. Любимецъ короля маркизъ де Конфланъ какъ-то разъ ужиналъ у герцогини де Полиньякъ. На ужинѣ было много народу, и среди нихъ аббатъ де Монтезэ, дежурный въ этотъ день, и маркизъ де Бельзёнсъ. Въ общемъ разговорѣ было предложено пари: кому изъ двухъ достанется въ этотъ вечеръ подсвѣчникъ: де Конфлану или маркизу де Бельзёнсъ. Де Конфланъ держалъ пари, что его получитъ де Бельзёнсъ. Аббатъ де Монтезё, милый, веселый и остроумный человѣкъ, участвовалъ въ пари и рѣшилъ устроить такъ, чтобы выиграла его партія, т.-е. де Бельзёнсъ.

И на самомъ дѣлѣ, послѣ молитвы подсвѣчникъ получилъ де Конфланъ, хотя онъ очень старательно все время прятался въ уголъ. Дѣло оказалось въ томъ, что хитрый аббатъ вмѣсто того, чтобы вполголоса читать молитву, попросту разсказалъ королю о пари у герцогини.

Возвратимся къ «опочиванію».

Послѣ молитвы король снималъ платье, при чемъ его правый рукавъ снималъ главный начальникъ гардероба герцогъ де Ліанкуръ, а второй рукавъ первый начальникъ г. де Буажленъ или г. Шо-

вленъ и т. д. по нисходящей линіи, если отсутствовалъ высшій чинъ. Послѣ этого королю подавали рубашку. Держалъ его первый камеръ-юнкеръ. Если при этомъ присутствовалъ одинъ изъ принцевъ крови, то это было его обязанностью, такъ какъ считалось большой честью. Затѣмъ камеръ-юнкеръ подавалъ королю халатъ. Король вынималъ изъ кармана снятаго платья кошелекъ, огромную связку ключей, свои очки и ножъ, а затѣмъ спускалъ съ ногъ свое нижнее бѣлье и уже въ такомъ видѣ продолжалъ разговоръ и бесѣдовалъ часто очень долго. Наконецъ онъ садился въ кресло, одинъ изъ камердинеровъ становился справа, а служащіе при гардеробѣ—слѣва, они становились на колѣни, и, забирая каждый по ногѣ короля, снимали съ нихъ обувь; тогда была очередь обоихъ камеръ-пажей съ туфлями. Они надѣвали ихъ, и это былъ знакъ, что церемонія считалась конченной.

Стоявшій у двери слуга провозглашалъ: «Проходите, господа!» Могли оставаться только принцы, дежурные чины и тѣ, кто имѣлъ доступъ къ малому входу. Оставшіеся занимали короля разговорами, пока его причесывали на ночь. Обыкновенно это бывалъ самый веселый моментъ; тутъ разсказывались анекдоты и забавные случаи. Мы всѣ, ожидавшіе приказовъ на слѣдующій день въ Бычачьемъ-глазѣ, часто слышали веселый громкій смѣхъ добраго Людовика XVI.

Пока Людовикъ не былъ еще такъ поглощенъ своими заботами и огорченіями, время «опочиванія» было его настоящимъ отдыхомъ; онъ часто забавлялся, шутилъ много съ пажами, дразнилъ капитана Лярошъ, а иной разъ приказывалъ щекотать одного стараго камердинера, который такъ боялся щекотки, что отъ одного страха обращался въ бѣгство.

Гардеробная помѣщалась во дворѣ за мраморной лѣстницей въ особомъ маленькомъ помѣщеніи. Тамъ хранились одежда и бѣлье государя. Каждый день все необходимое для утренняго и вечерняго туалета короля приносилось завернутое въ особый бархатный коверъ.

Послѣ «вставанія» король обыкновенно принималъ депутаціи отъ парламента или отъ провинціальныхъ штатовъ. На одномъ изъ такихъ пріемовъ онъ при мнѣ передалъ генеральному адвокату Сегьэ одинъ экземпляръ книги Мирабо о Берлинскомъ дворѣ. Это было сдѣлано съ цѣлью придать большую торжественность приговору надъ этимъ сочиненіемъ, которое постановлено было предать сожженію палачомъ. Помню, какъ тогда принцъ Генрихъ Прусскій, котораго этотъ пасквиль очень задѣвалъ, сказалъ г. Сегьэ: «У васъ въ рукахъ грязь». — «Да, монсеньеръ,—отвѣтилъ умный магистратъ—но она не пачкаетъ».

Придворный этикетъ и другіе принятые при дворѣ обычаи.

Часто сами принцы могли бы удивляться, съ какой пунктуальностью они исполняютъ велѣнія какого-то никому неизвѣстнаго фантастическаго существа...
Мерсьэ (Картины Парижа).

Знать всѣ обычаи и привычки двора для человѣка вновь пріѣхавшаго, а не воспитаннаго при дворѣ, было цѣлой наукой. Этикетъ долженъ былъ служить для короля защитой отъ всякой фамильярности и непочтенія окружающихъ. Являясь продуктомъ переживаемой эпохи, эти обычаи постепенно мѣнялись и совсѣмъ исчезали, но все же ихъ было еще очень много.

Напримѣръ, кланялись пустой парадной царской постели еще только старые придворные въ родѣ герцога де Пентьевръ, принца Субизъ и маршала де Биронъ, но остальные помоложе, все еще попрежнему стоя на пути короля, постепенно отступали, подвигаясь къ стѣнѣ и, еще стоя у стѣны, перебирали ногами, расчитывая, что король обратитъ на нихъ вниманіе и заговоритъ съ ними. Обратиться со словами къ королю по собственной иниціативѣ имѣли право только самые близкіе люди, и то обращеніе было всегда въ третьемъ лицѣ, напр.: «Удачна ли была охота короля?», или «У короля нѣтъ болѣе насморка?» Свободнѣй другихъ разговаривалъ съ королемъ маршалъ Дюрасъ, даже свободнѣй тѣхъ, которые воспитывались съ королемъ вмѣстѣ.

Я не берусь, конечно, описывать подробно весь церемоніалъ, это былъ бы слишкомъ большой трудъ, да и напрасный, я просто хочу вспомнить нѣсколько обычаевъ, поразившихъ меня больше другихъ.

Помню, напримѣръ, одинъ обычай совершенно мнѣ непонятный и происхожденіе котораго я не знаю.

Каждый вечеръ къ изголовью королевской постели приносился маленькій свертокъ съ перемѣной бѣлья; свертокъ былъ привязанъ къ маленькой шпагѣ, длиной всего въ два фута. Все королевское бѣлье хранилось, дѣйствительно, въ комнатахъ довольно отдаленныхъ отъ спальни, но мнѣ кажется, можно было имѣть извѣстное количество бѣлья на всякій случай въ резервѣ и держать его тутъ же гдѣ-нибудь, хотя бы въ особомъ спеціальномъ сундукѣ, такъ же, какъ это практиковалось съ ночными уборами, колпаками и другими мелочами, лежавшими у лакея-цырюльника въ ярко-красномъ бархатномъ ларцѣ. Я не вижу смысла и въ шпагѣ, совершенно безполезной на случай надобности и защиты. Для меня понятнѣй, напримѣръ, обычай ставить на ночь въ спальнѣ

короля хлѣбъ, двѣ бутылки вина и графинъ съ ледяной водой. Буфетъ былъ далеко и, дѣйствительно, если бы королю вдругъ ночью захотѣлось ѣсть, этотъ заранѣе заготовленный ужинъ былъ бы очень кстати. Его такъ и называли «en cas», т.-е. «на случай». Разсказываютъ, какъ однажды Людовикъ XIV, узнавъ, что его слуги не желаютъ ѣсть за однимъ столомъ съ Мольеромъ, потому что онъ комедіантъ, отдалъ ему самолично половину своего «en cas».

Обычай готовить «en cas» существовалъ еще и при Наполеонѣ. Его камердинеръ Констанъ описываетъ въ своихъ мемуарахъ, какъ однажды императору захотѣлось ночью кушать. Съ нимъ это случилось въ первый разъ, обыкновенно онъ къ ужину не прикасался, а тутъ, какъ нарочно, его обжорливый мамелюкъ Рустанъ взялъ да и съѣлъ половину приготовленной порціи, и Констанъ вспоминаетъ, какъ ему пришлось выворачиваться, чтобы скрыть это преступленіе...

Людовикъ XVI тоже не притрогивался къ своему «en cas», а если ему хотѣлось закусить въ неурочный часъ, то у дворцовыхъ слугъ всегда были припасены сиропы, варенья и др. Всѣ припасы сначала должны были пробоваться особымъ приставленнымъ къ этому чиновникомъ должностнымъ лицомъ (officier du gobelet). Если нужно было пробовать жидкое, то онъ отпивалъ глотокъ, если же мясо, то или обмакивалъ кусокъ хлѣба въ соусъ или проводилъ кускомъ хлѣба по кушанью. Дѣлалось это съ цѣлью спасти государя отъ отравы, но врядъ ли это помогло бы, если бы монарху суждено было погибнуть отъ яду. Въ пространствѣ, образуемомъ балюстрадой, окружающей кровать короля, стояло одно кресло и нѣсколько стульевъ для слугъ-охранниковъ, но садиться вообще въ спальнѣ короля никому не дозволялось, а прохаживаться еще менѣе.

Когда только вошли въ моду большіе парики, было принято и считалось хорошимъ тономъ снимать ихъ съ головы и расчесывать, доходя такъ до самой прихожей царскихъ покоевъ, но въ парадной спальнѣ это уже не допускалось — она считалась резиденціей самого монарха. Считалось высшей вѣжливостью выйти изъ королевскихъ аппартаментовъ первымъ, давая этимъ возможность другимъ дольше лицезрѣть особу короля. Выходили всегда пятясь назадъ.

Я никогда бы не кончилъ, если бы сталъ перечислять всѣ тонкости этикета, которыя обязанъ былъ знать всякій живущій при дворѣ, чтобы не попадать хотя бы въ просакъ, не говоря уже о томъ, что надо было изучить, чтобы сдѣлаться идеальнымъ придворнымъ.

Въ первыя времена возникновенія монархіи было много смѣшныхъ, недошедшихъ до насъ, обычаевъ, но возможно что и то,

что мы застали, покажется не менѣе смѣшнымъ нашимъ правнукамъ.

Въ доброе старое время наши прадѣды были менѣе избалованы, чѣмъ мы. Они довольствовались у себя дома однимъ огромнымъ очагомъ, около котораго собиралась вся семья грѣться во время зимней стужи. На Рождество никто обыкновенно не пропускалъ ночного богослуженія и дома некому было поддерживать огонь въ очагѣ. Чтобы при возвращеніи назадъ со службы вся озябшая семья могла грѣться и тутъ же весело справить сочельникъ, уходя въ церковь, клали въ очагъ одно большое полѣно, которое очень долго тлѣло и называлось «Рождественскимъ». Этотъ обычай существовалъ и при дворѣ. На Рождество, отдавая дань воспоминаніямъ старины, въ каминѣ горѣло одно большое полѣно, все расписанное, съ девизами и разукрашенное цвѣтами лилій.

Самое прекрасное, что можетъ дать власть, это право миловать. Существовалъ обычай, что всякій встрѣтившійся по дорогѣ королю былъ помилованъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ однажды Людовикъ XVI возвращался съ охоты и ему попался на пути дезертиръ, котораго только что поймали и вели назадъ въ полкъ.

Зналъ ли солдатъ о значеніи подобной встрѣчи или нѣтъ, но онъ бросился на колѣни передъ королемъ и сталъ молить о прощеніи. Король сейчасъ же послалъ офицера охраны въ полкъ съ приказомъ о помилованіи (lettre de grace). Весь день король былъ очень веселъ, онъ, очевидно, радовался, что смогъ воспользоваться прерогативами своей власти. Этимъ обычаемъ могли бы слишкомъ часто пользоваться и потому, когда приходила партія каторжанъ черезъ Версаль, направляясь въ Брестъ, она обходила Версаль, чтобы не попасться королю на глаза. Въ то время думали и не безъ основанія, что у короля такое мягкое сердце, что онъ не можетъ выдержать даже вида чужого горя, но его милосердіе могло быть пагубнымъ для общества и потому старались не подавать къ нему поводовъ.

Только епископъ, стоявшій во главѣ діоцеза, имѣлъ право носить лиловую сутану, а главный исповѣдникъ и кюрэ носили черную. Прелаты и остальное духовенство при капеллѣ, въ дни большихъ празднествъ и когда король присутствовалъ при богослуженіи внизу, надѣвали сверхъ черной сутаны еще стихарь. Обыкновенно же они носили черную сутану и пелерину.

Епископальный крестъ носили только епископы, а красную шапочку и красные чулки—только кардиналы.

Король возсѣдалъ на тронѣ только въ дни своего присутствія въ судѣ и вообще при судебныхъ засѣданіяхъ, но онъ при этомъ не надѣвалъ королевскихъ регалій, которыя были на немъ только въ день коронованія.

Обычно онъ носилъ платье лиловаго цвѣта съ широкой вышивкой, манто того же цвѣта и шляпу съ плюмажемъ. Для каждаго загороднаго дворца требовалась этикетомъ особая форма. Король любилъ ѣздить туда изъ Версаля. Для Тріанона костюмъ полагался краснаго цвѣта съ золотомъ. Для Компьена—зеленый, для Шуази — синій. Охотничій костюмъ былъ темно-синій съ золотомъ, а расположеніе галуна означало на какого звѣря была назначена охота. Гладкій зеленый костюмъ означалъ охоту съ ружьемъ, при чемъ всѣ сопровождавшіе короля были одѣты въ тотъ же цвѣтъ.

Мнѣ хочется еще сказать, не касаясь остальныхъ подробностей, что женщины были всегда гораздо капризнѣе мужчинъ въ вопросахъ всякаго этикета. Возможно, что ихъ жизнь, казалась бы, и безъ того уже полная мелочей, имъ представлялась недостаточно стѣсненной безъ этихъ подчасъ нелѣпыхъ придворныхъ условностей, или женщины инстинктивно любятъ всѣ эти знаки преклоненія и придаютъ имъ огромное значеніе.

Супруга Людовика XIV особенно тщательно слѣдила за этикетомъ и способствовала его упроченію во Франціи. Она высоко цѣнила всякое проявленіе этикета по отношенію къ своей особѣ и требовала его. Получивъ воспитаніе въ Испаніи, она никогда и ни въ чемъ не пожелала отступить отъ строгой нормы этикета испанскаго двора.

Капелла.

> Я слышу пѣсни о величіи Творца,
> Я вижу торжество его богослуженій.
>
> *Расинъ-Аталія.*

Все, что могло дать лучшаго и цѣннаго искусство, все было использовано, когда сооружали въ Версалѣ жилище, если не достойное Самого Божества, которому оно предназначалось, то тѣхъ царскихъ палатъ, частью котораго оно было. Капелла была залита золотомъ, все кругомъ было изъ драгоцѣннаго мрамора, а живопись представляла изъ себя сплошные шедевры.

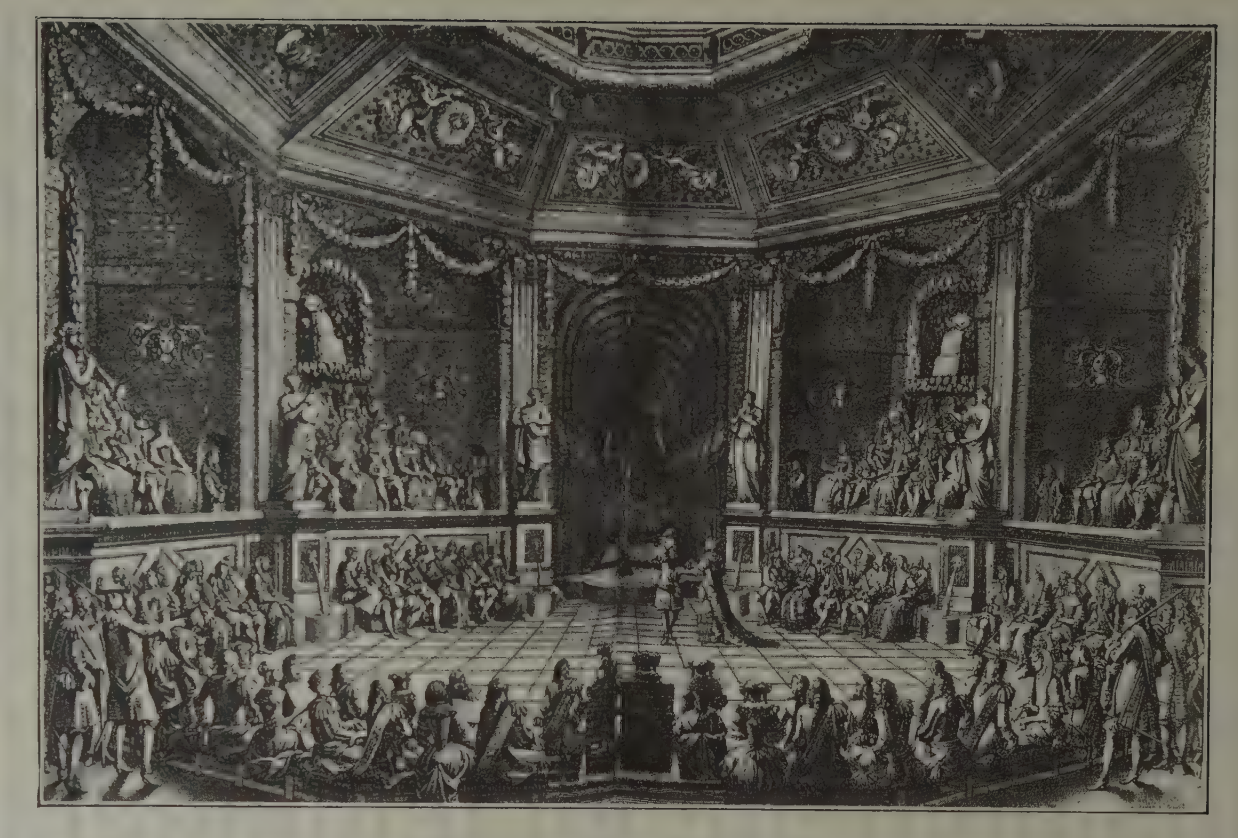
Король со всей семьей бывалъ на богослуженіи каждый день. Даже если это дѣлалось только ради этикета, то и то онъ этимъ подавалъ прекрасный примѣръ другимъ. Судить людей вообще можно вѣдь только по ихъ поступкамъ, а не по намѣреніямъ. Хотя, надо отдать справедливость Людовику XVI, онъ былъ очень благочестивъ и ходилъ въ церковь и по собственному желанію, а не только по обязанности.

Въ двѣнадцать часовъ, а если «большое вставаніе» было раннее, то и раньше, король выходилъ изъ своихъ аппартаментовъ

черезъ стеклянную дверь, ведущую въ кабинетъ совѣта, шелъ по галлереѣ, затѣмъ проходилъ по всѣмъ паруднымъ заламъ въ сопровожденіи всѣхъ пажей, шталмейстеровъ, именитыхъ дворянъ, гвардейскихъ офицеровъ и одного капитана гвардіи и слѣдовалъ въ капеллу.

По воскресеніямъ къ мессѣ собиралась вся царская фамилія. Принцы сперва собирались у короля и только, когда появлялась королева въ глубинѣ галлереи, изъ дверей, ведущихъ въ залъ согласія, весь кортежъ двигался впередъ. Это шествіе по галлереѣ представляло изъ себя грандіозную картину. Великолѣпно одѣтыя дамы, масса должностныхъ лицъ, и при этомъ толпа любопытныхъ, которыхъ обыкновенно допускали къ этому выходу. Да и сама галлерея была исключительная и считалась самой знаменитой въ Европѣ.

Въ Версальской капеллѣ было два этажа. Трибуна для короля находилась въ верхнемъ ярусѣ; по обѣимъ сторонамъ трибуны шли галлереи, гдѣ обыкновенно стояли дежурные чины, должностныя лица и иностранцы. Сама трибуна была очень большая; спереди возвышалась балюстрада, покрытая большимъ краснымъ ковромъ съ золотой бахромой. Съ каждой стороны балюстрады устроенъ былъ большой стеклянный фонарь съ позолотой, въ которомъ могъ помѣститься одинъ человѣкъ. Обыкновенно онъ предназначался для больныхъ принцессъ или для тѣхъ, кто не хотѣлъ появляться публично. Въ царствованіе Людовика XIV въ одномъ изъ этихъ фонарей всегда сидѣла г-жа Ментенонъ, и это было единственно, въ чемъ она рѣшалась публично проявлять свою близость къ королю. Зимой на трибунѣ бывало холодно, а служба при дворѣ тянулась долго, особенно подъ Рождество, когда она продолжалась съ десяти часовъ до часу ночи. Въ такихъ случаяхъ на трибунѣ устраивали позолоченный павильонъ съ стеклянными окнами, которыя можно было въ случаѣ желанья и открывать. Получался цѣлый салонъ. По большимъ праздникамъ дворъ слушалъ мессу внизу. По обѣ стороны трибуны тянулись двѣ винтообразныя лѣстницы, по которымъ всѣ спускались внизъ. На полу церкви стлали роскошный коверъ, ставили при-дьё и два кресла для короля и королевы; для принцевъ ставились стулья и особые табуреты съ подушками, а для дамъ и всѣхъ остальныхъ—простые табуреты и скамьи. По сторонамъ при-дьё стояли «стражъ рукава» и придворный священникъ. По большимъ же праздникамъ устраивалась особая очень торжественная церемонія для сбора денегъ. Церемонія была крайне утомительная, но считалась большой честью для той дамы, на обязанности которой лежалъ этотъ сборъ. Это поручалось одной изъ молодыхъ женщинъ, вновь представленныхъ ко двору. До начала церемоніи всѣ, конечно, страшно волновались, но, обыкновенно, первыя непріятныя минуты бывали

БАЛЪ ВЪ МАЛОМЪ ПАРКѢ.
(Изъ изданія «Les Plaisirs à Versailles». Paris. 1673 г.)

вознаграждены сторицей шопотомъ похвалъ и восторга при видѣ юной очаровательной женщины въ расцвѣтѣ силъ, въ великолѣпномъ платьѣ, осыпанной всѣми фамильными брильянтами. Страхъ передъ такимъ дебютомъ былъ вполнѣ понятенъ. Представьте себѣ юную особу, никогда не разстававшуюся съ матерью, предоставленную вдругъ самой себѣ, подъ перекрестными взглядами всего двора. Медленно подвигаясь впередъ, надо было обойти съ кружкой всѣхъ присутствующихъ. Надо было сдѣлать безконечное число реверансовъ, помнить кому слѣдуетъ сдѣлать его раньше, а кому — послѣ. Всѣ эти реверансы репетировались наканунѣ съ спеціальнымъ церемоніймейстеромъ. Въ церквахъ такую сборщицу сопровождаетъ кавалеръ, и она не чувствуетъ себя одинокой, а здѣсь и этого утѣшенія не было. Волновалась она, кромѣ того, и благодаря придворному платью съ его огромнымъ трэномъ, который стѣснялъ всякое движеніе.

Во время мессы играла придворная музыка, для которой писали лучшіе композиторы. Подъ Рождество на ночной мессѣ игралъ, напримѣръ, извѣстный въ то время гобоистъ Безоуи свои очаровательныя мелодіи, казавшіяся еще красивѣе въ ночной тишинѣ. Къ числу придворныхъ музыкантовъ причислялись двѣнадцать маленькихъ мальчиковъ, замѣнявшихъ въ оркестрѣ фальцеты.

Ихъ набирали изъ дѣтей придворныхъ лакеевъ и называли музыкальными пажами. Имъ полагалась ливрея пажей большой конюшни, но безъ шелковыхъ чулковъ и серебряныхъ пряжекъ.

Когда король слушалъ мессу внизу, то ему давали цѣловать антиминсъ, какъ числящемуся по ритуалу иподьякономъ.

Епископы присягали королю во время мессы послѣ чтенія Евангелія и всегда у алтаря св. Терезы. Изображеніе святой было исполнено кистью Сантера, и художникъ изобразилъ ее такой красивой и соблазнительной, что многіе священнослужители даже боялись служить передъ этой иконой. Главный придворный священникъ Франціи былъ кардиналъ де Монморанси-Лаваль, епископъ Меца. Это былъ человѣкъ гордый и заносчивый, дошедшій до высшихъ ступеней церковной іерархіи не благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ и знаніямъ, а только благодаря громкому имени. Онъ смѣнилъ кардинала де Рогана, бывшаго епископа Страсбургскаго, послѣ его злополучной исторіи съ ожерельемъ, въ которой негодяи воспользовались именемъ королевы для шантажа. Судъ не счелъ де Рогана виноватымъ и рѣшеніе Парижскаго парламента было вполнѣ послѣдовательно, потому что слѣдить за гражданскими нравами было не въ его компетенціи, но въ глазахъ ихъ величествъ кардиналъ былъ виновенъ въ томъ, что могъ повѣрить клеветѣ на королеву — допустить возможность того, что ея величество могла унизиться до компромисса, недостойнаго въ равной степени и ея и самого кардинала. Враги королевы старались увѣ-

рить, что отставка и изгнаніе де Рогана были большой несправедливостью по отношенію къ нему, но это не такъ: кардиналъ самъ признавалъ себя неправымъ и не рѣшился пріѣхать на собраніе генеральныхъ штатовъ безъ разрѣшенія короля. Его дальнѣйшее поведеніе у себя, въ своихъ нѣмецкихъ земляхъ и жертвы, которыя онъ приносилъ ради дѣла Людовика XVI, только подтверждаютъ, что онъ не претендовалъ на короля за свое наказаніе.

Что касается г-жи Ламотъ, она, конечно, была очень виновата и въ глазахъ общества и въ глазахъ правосудія, она виновата была, и въ отвратительной интригѣ, и въ обольщеніи, и въ воровствѣ. Ея вымышленное имя Валуа, конечно, не могло спасти ее отъ достойнаго наказанія. Впрочемъ, это ее не исправило. Позже мнѣ пришлось жить въ одномъ отелѣ съ ея мужемъ, женатымъ тогда вторично, и долженъ сознаться, что они стоили другъ друга.

Когда при созывѣ генеральныхъ штатовъ я впервые увидѣлъ де Рогана, онъ еще очень сохранился, несмотря на всѣ свои болѣзни, которыя онъ получилъ, живя въ изгнаніи въ аббатствѣ Шезъ-Дье, и несмотря на свой завязанный черной повязкой глазъ. Когда въ царствованіе Людовика де Роганъ еще былъ въ славѣ, онъ считался самымъ благороднымъ и великолѣпнымъ вельможей того времени. Никто лучше его не сумѣлъ использовать свое богатство и поддержать славу своего древняго рода.

Омовеніе ногъ.

Обычай омовенія ногъ освященъ давностью и примѣромъ самого Господа Бога. Необыкновенно трогательной была картина сліянія полнаго могущества съ огромнымъ смиреніемъ, когда властелинъ прислуживалъ своему же слугѣ. Милая, наивная грація дѣтей и рядомъ величіе трона, мистицизмъ религіознаго обряда, предшествующаго омовенію, все невольно наводило на глубокія и трогательныя размышленія.

Утромъ, въ четвергъ на Страстной, въ большой залѣ охраны собирались двѣнадцать дѣтей, которыя по свѣжести не уступали тѣмъ огромнымъ букетамъ, изъ рѣдчайшихъ цвѣтовъ, которые они держали въ рукахъ.

Дѣтей выбирали съ большой осторожностью изъ среды версальской буржуазіи и медицинскаго персонала еще задолго до самой церемоніи. Тщательно слѣдили за тѣмъ, чтобы они были чисты и здоровы. Одѣвали ихъ въ платья изъ красноватой матеріи, а на шею наматывали три аршина самаго тонкаго полотна. Посрединѣ зала ставили переносную каѳедру.

Церемонія начиналась въ девять часовъ съ проповѣди. Въ этотъ день проповѣднику предоставлялась полная свобода обрушиваться

гнѣвомъ и громить всей силой и усердіемъ, на которое онъ былъ способенъ, злоупотребленія и скандалы, происходившіе при дворѣ. Въ одной изъ такихъ проповѣдей епископъ Сенскій произнесъ свое мрачное пророчество, бросая обвиненіе Людовику XV словами Іоны: Adhuc quadraginta dies, et Nineve subvertetur. Какъ извѣстно, предсказаніе исполнилось. Король вскорѣ умеръ.

Послѣ проповѣди епископъ произносилъ отпущеніе грѣховъ, и начиналась церемонія. Каждый ребенокъ держалъ правую ногу надъ позолоченнымъ тазомъ, который былъ въ рукахъ у придворнаго священника, графъ д'Артуа наливалъ на ногу немного воды, Monsieur вытиралъ ее салфеткой, а король цѣловалъ ее. Послѣ этого священникъ передавалъ ребенку кошелекъ съ двѣнадцатью экю, а тому изъ нихъ, на долю котораго падалъ грустный жребій изображать Іуду, давали тридцать экю. Послѣ омовенія ногъ начиналось богослуженіе.

Въ залѣ швейцарской сотни приготовляли огромное количество разныхъ кушаній. Принцы королевской фамиліи сами отправлялись за ними туда, а во главѣ кортежа шелъ принцъ де Кондэ, бывшій гросмейстеромъ (grand-maître) королевскаго дома. Въ рукахъ онъ несъ посохъ, усыпанный брильянтами и большой букетъ цвѣтовъ. За нимъ слѣдовалъ первый метръ-д'отель и дальше всѣ остальные метръ-д'отели. У всѣхъ у нихъ въ рукахъ былъ длинный посохъ, украшенный бархатомъ, увитый золотыми цвѣтами лилій и букетъ цвѣтовъ. Далѣе слѣдовалъ Monsieur съ глинянымъ блюдомъ, на которомъ лежали маленькіе хлѣбцы, за нимъ шелъ графъ д'Артуа, онъ несъ каменную кружку и еще маленькую чашечку. Всѣ остальные принцы шествовали каждый съ глинянымъ блюдомъ, на которомъ красовались тонко приготовленныя кушанья. Если не хватало принцевъ, помогали простые дворяне. Изъ рукъ принцевъ блюдо бралъ самъ король и передавалъ его главному священнику, а тотъ уже родителямъ ребенка. Родители являлись на торжество со спеціальными корзинами и, выходя изъ дворца, продавали полученныя кушанья. Рыба была всегда очень дорогая, кушанья всѣ прекрасно приготовлены и раскупались съ удовольствіемъ всѣми, желавшими принять участіе въ апостольской трапезѣ. Купившіе такимъ образомъ извѣстную часть ея приглашали своихъ друзей раздѣлить ее съ собой. Непремѣннымъ аксессуаромъ являлся и букетъ. Надо положительно удивляться, гдѣ въ такое время года могли найти такіе чудесные цвѣты. Масса гіацинтовъ, нарциссовъ, жонкилей, даже розъ и сирени!

Всѣ принимавшіе участіе въ церемоніи и прислуживавшіе апостоламъ получали въ подарокъ по букету и очень красивую салфетку.

Такъ какъ каждому изъ апостоловъ полагалось по двѣнадцати блюдъ, то процессія возобновлялась двѣнадцать разъ.

Королева и принцессы продѣлывали то же самое послѣ полудня съ двѣнадцатью дѣвочками.

Весь этотъ обрядъ страшно нравился молодымъ принцамъ, ихъ забавляло нести всѣ эти блюда, и они искренно веселились. Какъ-то разъ, помню, злополучный герцогъ Энгіенскій долженъ былъ нести блюдо съ раками; проходя мимо, онъ засунулъ мнѣ цѣлую пригоршню въ шляпу и, весело смѣясь, отъ души радовался этому.

Скажу еще, что было принято въ пятницу на Страстной недѣлѣ давать королю, невзирая ни на погоду ни на время пасхальной недѣли, блюдо зеленаго сахарнаго горошку. Доставляли его не съ королевскихъ огородовъ, а спеціально выписывали изъ Венсена отъ особаго садовника, который выращивалъ его съ огромнымъ терпѣніемъ, при самомъ тщательномъ уходѣ въ парникахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Перев. съ франц. *Е. Чалѣевой.*

Примѣчаніе къ стр. 129. Напомнимъ читателямъ сущность исторіи съ ожерельемъ. Оно было приготовлено еще при Людовикѣ XV для Дюбарри, но пока его дѣлали, король умеръ. Попытка продать его Людовику XVI за 1.600.000 фр. не удалась, и ожерелье осталось на рукахъ у ювелира Бемера. Въ 1781 году ожерелье рѣшила присвоить себѣ путемъ сложной интриги нѣкая авантюристка, г-жа Ламотъ, имѣвшая отдаленное родство съ фамиліей Валуа. Она воспользовалась тѣмъ, что бывшій посолъ въ Вѣнѣ, тщеславный и ограниченный кардиналъ Роганъ, желалъ вернуть себѣ милости двора. Обѣщавъ ему устроить свиданіе съ королевой въ Тріанонѣ, она свела его въ темнотѣ съ какой-то своей подругой, спугнула послѣ первыхъ же словъ, произнесенныхъ шопотомъ, и потомъ заставила его купить для королевы ожерелье у Бемера, увѣривъ его, что деньги будутъ выплачены дворомъ. Ожерелье было въ домѣ Рогана передано нѣкоему «придворному» и исчезло. Въ срокъ первый взносъ сдѣланъ не былъ. Бемеръ метнулся къ королевѣ, произошелъ скандалъ, Роганъ, Ламотъ и ихъ пособники были судимы, Роганъ оправданъ, Ламотъ клеймлена и заключена пожизненно въ тюрьму. Монархія получила страшный ударъ. Потомъ Ламотъ бѣжала въ Лондонъ и тамъ, спасаясь отъ агентовъ двора, выбросилась изъ окна и разбилась. Ее похоронили. Теперь въ «Bibl. universelle et Revue Suisse» появилось изслѣдованіе Луи Судака, въ которомъ доказывается, что Ламотъ тогда не умерла, а жила въ послѣдніе годы жизни въ Россіи, была дружна съ пресловутой баронессой Крюденеръ, была извѣстна и Александру I, и Николаю и умерла будто бы только въ 1826 году. Ее узнали якобы по знакамъ клеймленія на плечахъ, который обнаружился, когда съ нея, вопреки ея предсмертной волѣ, сняли трико, носимое ею постоянно. Аргументы, приводимые Луи Судакомъ, не обладаютъ большой убѣдительностью. Все основано на сближеніяхъ и догадкахъ. Твердаго нѣтъ ничего.

Напомнимъ кстати читателямъ, что нѣкоторые изъ героевъ исторіи съ ожерельемъ фигурируютъ въ печатающемся у насъ романѣ Лили Браунъ «Письма Маркизы». *Ред.*

Изъ разсказовъ бабушки [1].

Графиня.

I.

Это было на Волыни около семидесяти лѣтъ назадъ.

На возвышенномъ берегу Горыни стоялъ величественный *палацъ* гордой магнатки графини Струйской.

Главный двухъэтажный корпусъ палаца, съ красивыми башенками и обширными балконами, съ двумя болѣе низкими пристройками по бокамъ, расположенъ былъ саженяхъ въ двадцати отъ берега. Вся площадка передъ палацомъ представляла роскошные цвѣтники, состоявшіе на попеченіи особаго крѣпостного садовника, котораго графиня посылала для обученія за границу. Цвѣтники были украшены мраморными статуями польскихъ королей, не исключая послѣдняго, Понятовскаго, съ которымъ мать графини была въ отдаленномъ родствѣ. Но главнымъ украшеніемъ площадки были двѣ огромныхъ стройныхъ ели, видныхъ, какъ два маяка, на нѣсколько верстъ вокругъ.

Позади палаца тянулся большой паркъ, около двадцати десятинъ, съ вѣковыми лиственными деревьями. Больше десятка дѣвокъ постоянно убирали въ немъ листья, сучья и содержали въ безукоризненной чистотѣ многочисленныя дорожки, по которымъ графиня часто совершала свои прогулки.

По одну сторону парка расположенъ былъ обширный фруктовый садъ, а за нимъ большой дворъ, съ конюшнями, скотнымъ дворомъ, клунями, амбарами и другими хозяйственными постройками. Тамъ же были казармы для многочисленной дворни и двѣ избы, гдѣ жили два крѣпостныхъ *эконома*, на которыхъ лежало ближайшее наблюденіе за ходомъ хозяйства огромнаго имѣнія. По другую сторону были большіе огороды, съ теплицами и оранжереями, съ отдѣльнымъ

---

[1]) Фабула, дѣйствительно, слышана мною отъ бабушки около 50 лѣтъ назадъ, разсказывавшей объ этомъ, какъ о были. Имена и названія мѣстъ я забылъ и замѣнилъ другими.

садовникомъ, который обязанъ былъ ежедневно во всякое время года приносить графинѣ букетъ свѣжихъ цвѣтовъ.

Тамъ же стоялъ небольшой, очень красивый костелъ въ готическомъ стилѣ, съ особо отгороженнымъ погостомъ, на которомъ красовались величественные могильные памятники графовъ Струйскихъ. У воротъ погоста, выходящихъ въ поле, находился домъ священника Игнатія Млодзіевскаго. Въ эти ворота могли въѣзжать допускавшіеся въ фамильный костелъ дворяне и мелкая шляхта изъ окрестныхъ поселеній. Но графиня и ея семейство не смѣшивались въ костелѣ съ этими молящимися: для нея была устроена на возвышеніи отдѣльная ложа.

Въ одной изъ пристроекъ къ палацу помѣщалась контора и при ней жилъ нѣмецъ, главноуправляющій всѣми имѣніями графини, а другая представляла рядъ удобныхъ комнатъ для пріѣзжавшихъ иногда ея родныхъ и гостей.

Вся усадьба, заключавшая въ себѣ болѣе пятидесяти десятинъ, была обнесена высокой каменной стѣной, съ бойницами и башнями по угламъ.

На разстояніи около полуверсты отъ усадьбы расположено было большое село Дробышево, въ которомъ было больше четырехсотъ дворовъ, населенныхъ крѣпостными графини, отбывавшими на ея обширныхъ поляхъ и въ усадьбѣ свою тяжелую *панщину*, подъ командой экономовъ, которые объѣзжали верхомъ ряды работавшихъ и безпощадно стегали своими арапниками отстающихъ въ работѣ. Они усердствовали поневолѣ: они знали, что если къ вечеру не будетъ выполненъ урокъ, назначенный нѣмцемъ для дневного наряда рабочихъ, то они немедленно подвергнутся жестокой поркѣ на конюшнѣ.

Избы и другія постройки дробышевскихъ крестьянъ представляли самый жалкій видъ: крохотныя, часто покосившіяся, почернѣвшія и прогнившія, онѣ были очень плохою защитой для обитателей отъ всякихъ непогодъ. Среди села стояла деревянная старая православная церковь и недалеко отъ нея домъ священника, мало отличавшійся отъ остальныхъ сельскихъ избъ. Видно было, что очень скудны были доходы церкви этого пастыря отъ его оскудѣвшей подъ крѣпостной неволей паствы.

Одна только постройка въ селѣ отличалась обширностью и вполнѣ исправнымъ видомъ. Это была принадлежавшая графинѣ корчма, въ которой еврей Мовша продавалъ на комиссіонныхъ началахъ водку изъ винокуреннаго завода графини.

Теперь такія корчмы уже исчезаютъ, а въ описываемое время ихъ было множество въ юго-западномъ краѣ. Это были очень своеобразныя строенія. Короткою стороной корчма была обращена къ дорогѣ. Вся она была подъ общей высокою крышей. При въѣздѣ съ дороги въ ворота нужно было проѣхать по узкой полосѣ, по обѣ

стороны которой видны были въ полутьмѣ по три или по четыре двери, ведущія въ комнаты для проѣзжающихъ и въ жилыя содержателя корчмы. Дальше, во всю ширину постройки, были стойла для лошадей и помѣщеніе для экипажей и повозокъ.

Въ то время поѣздки въ ближайшій городъ, на ярмарки или къ знакомымъ, за тридцать или сорокъ верстъ, были цѣлымъ событіемъ. Приходилось въ такихъ корчмахъ останавливаться *попасать* лошадей, а нерѣдко и ночевать. И повѣренный графини Мовша, кромѣ выручки за водку отъ крестьянъ, немало зарабатывалъ отъ проѣзжающихъ за ихъ квартированіе и отпускаемые имъ продукты.

Въ селѣ было обыкновенно очень тихо. До графской усадьбы доносилось только ржаніе лошадей, ревъ скота, блеяніе овецъ и лай немногихъ собакъ. Послѣднихъ въ большинствѣ самыхъ бѣдныхъ дворовъ вовсе не было: кормить ихъ было накладно, такъ какъ и для себя обыкновенно не хватало хлѣба до новаго урожая. Людскіе голоса до усадьбы не долетали. Графиня не выносила шума мужицкаго, и всякіе крики и громкія пѣсни въ Дробышевѣ были строго воспрещены. Только когда графиня куда-нибудь уѣзжала, село оживало по вечерамъ. Раздавались заунывныя женскія пѣсни, въ которыхъ такъ трогательно выражалась печальная доля *кріпачки*. А мужская молодежь, въ то время еще не забывшая чудныхъ историческихъ пѣсенъ своей родины, покрывала женскіе голоса дружнымъ энергичнымъ хоромъ, съ увлеченіемъ воспѣвая былыя времена славы и воли казацкой.

Особенно часто слышался извѣстный казацкій походный маршъ:

Ой, Морозе Морозенку,
Ой, ты, славный казаче,
Гей, за тобою, та Морозенку,
Уся Украина плаче [1]).

Теперь эти пѣсни совсѣмъ забыты. Ихъ можно еще слышать въ глухихъ поселеніяхъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ и всякой «цивилизаціи». Наша молодежь поетъ теперь безобразныя солдатскія пѣсни и исковерканные городскіе мѣщанскіе романсы. Не поютъ уже прекрасныхъ старинныхъ пѣсенъ и слѣпые бандуристы, расхаживающіе съ своими *поводырями* по селамъ и ярмаркамъ, собирая подаяніе.

II.

Графиня Ядвига Струйская была далеко не заурядною женщиной. Мужъ ея, графъ Казимиръ, замѣшанъ былъ въ польскомъ возстаніи 1831 года, вынужденъ былъ послѣ его подавленія уѣхать за

[1]) Эту пѣсню я помню съ ранней юности. Ее пѣлъ хоръ крѣпостныхъ косарей, вмѣстѣ съ которыми я возвращался съ сѣнокоса.

границу и, спустя нѣсколько лѣтъ, умеръ въ Женевѣ. Гробъ съ его прахомъ перевезенъ былъ на родину и преданъ землѣ на погостѣ дробышевскаго костела. На могилѣ его графиня соорудила величественный мраморный мавзолей. Послѣ смерти мужа графиня Ядвига сдѣлалась обладательницей девяти крупныхъ имѣній въ Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ и полною госпожой надъ почти десятью тысячами принадлежавшихъ ей крѣпостныхъ душъ. Но больше всѣхъ своихъ владѣній она любила Дробышевъ. Здѣсь она родилась и провела свое дѣтство, о радостяхъ котораго здѣсь все ей напоминало. Въ другія имѣнія она пріѣзжала черезъ три года, для провѣрки инвентаря и счетовъ, доставленныхъ мѣстными управляющими въ главную дробышевскую контору.

Наружность графини была очень внушительна. Она была довольно высокаго роста, умѣренной полноты и держалась всегда очень стройно, одѣваясь всегда очень изысканно, какъ на званый вечеръ, и тщательно убирая темно-каштановые волоса, въ которыхъ едва начала показываться сѣдина. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, къ которымъ относится главное содержаніе этого разсказа, графинѣ Ядвигѣ было больше сорока лѣтъ. Но при полномъ здоровьѣ она сохранила былую красоту, увлекавшую въ свое время очень многихъ и, видимо, заботилась о ея поддержаніи. Послѣ смерти графа Казимира прошло больше десяти лѣтъ. За это время было немало искателей руки интересной вдовы. Но она рѣшительно отвергала всѣ эти исканія, желая сохранить полную самостоятельность.

Главною, доминирующей чертою характера графини, направлявшей всѣ ея мысли, наклонности и поступки, было неограниченное честолюбіе. Графиня получила блестящее образованіе. Юность она прожила съ матерью за границей, гдѣ, подъ руководствомъ извѣстныхъ ученыхъ основательно ознакомилась съ лучшими образцами передовой европейской литературы того времени и, прекрасно владѣя тремя иностранными языками, продолжала и въ дальнѣйшей жизни слѣдить за этою литературой, пополняя ея образцами свою богатую библіотеку. Съ людьми, которыхъ по уровню образованія она считала достойными собесѣдниками, она любила говорить о Руссо, Монтескье, Вольтерѣ, приводя цитаты изъ ихъ сочиненій и увлекаясь ихъ передовыми гуманными идеями. Но въ характерѣ и жизни графини было много такого, что шло совершенно въ разрѣзъ съ этими идеями. Она была набожна до ханжества. Не говоря уже о томъ, что она усердно посѣщала мессы и другія церковныя службы, она нерѣдко принимала у себя монаховъ и монахинь изъ сосѣднихъ монастырей, подолгу бесѣдовала съ ними, съ умиленіемъ принимала приносимыя ими разныя «святости» и щедро одаряла ихъ.

Ксендзъ Млодзіевскій, пользуясь набожностью графини, постепенно овладѣлъ ея исключительнымъ довѣріемъ и расположеніемъ. Еще довольно молодой, хорошо образованный, хитрый іезуитъ своею

вкрадчивостью, тонкой лестью и подобострастіемъ достигъ того, что гордая, своенравная магнатка, привыкшая ставить выше всего свою волю, нерѣдко склоняла эту властную волю передъ его внушеніями и совѣтами. Онъ былъ единственнымъ привилегированнымъ лицомъ, которому дано было право входить безъ доклада въ ея отдѣльную пріемную, куда допускались только особенно близкіе и почетные изъ ея родныхъ и гостей. Ксендзъ Игнатій не былъ, однако, духовникомъ графини. Говѣть она ѣздила къ особо почитаемому ею настоятелю ближайшаго монастыря. Сосѣднія шляхтянки высказывали другъ другу по этому поводу, подъ величайшимъ секретомъ, свои соображенія. Этотъ секретъ, конечно, сдѣлался скоро достояніемъ всей округи.

Плохо вязалось съ увлекавшими графиню идеями французскихъ энциклопедистовъ и ея отношеніе къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Она называла ихъ не иначе, какъ *хамами* и *быдломъ*, никогда не допускала ихъ въ усадьбу, объясняя это, впрочемъ, опасеніемъ, что они могутъ занести къ ней заразу, а на передаваемыя иногда ей главноуправляющимъ жалобы и мольбы крестьянъ о перестройкѣ ихъ разрушающихся избъ обыкновенно отвѣчала, что быдлу, т.-е. рабочему скоту, и не нужно лучшихъ помѣщеній. Такъ же относилась она и къ многочисленнымъ просьбамъ крѣпостныхъ объ облегченіи *панщины*, не оставляющей имъ времени для обработки ихъ жалкихъ земельныхъ участковъ. Не подѣйствовали на нее и изданныя кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ извѣстныя правила, ограничивавшія произволъ помѣщиковъ и ихъ непомѣрныя требованія отъ крѣпостныхъ обязательныхъ повинностей. Графиня Ядвига, съ ея громадными связями въ Петербургѣ, считала свою волю гораздо выше всякихъ генералъ-губернаторскихъ распоряженій. Полиція же, не допускавшаяся и на порогъ графскаго палаца, но получавшая отъ его владѣлицы щедрыя подачки, не осмѣливалась и подумать о вмѣшательствѣ въ установленные въ ея имѣніяхъ порядки.

Графиня была большою патріоткой. Въ обществѣ польскихъ помѣщиковъ она любила вспоминать о временахъ Баторія и Яна Собѣсскаго, объ Іереміи Вишневецкомъ и другихъ славныхъ полководцахъ; въ день смерти Костюшко въ дробышевскомъ костелѣ ежегодно служились торжественныя панихиды; она рѣзко выражала негодованіе противъ русскаго правительства, подавившаго самостоятельность Польши, и вѣрила, что съ перемѣною суроваго николаевскаго царствованія возвратится славное прошлое *Рѣчи Посполитой*.

Съ этимъ пламеннымъ патріотизмомъ странно уживались постоянныя старанія графини поддерживать связи съ русской знатью и высшими властями. Для устройства этихъ связей она нѣсколько зимъ прожила въ Петербургѣ. Снимая огромныя квартиры, она роскошно обставляла ихъ, перевозила изъ Дробышева

лучшую мебель, картины, фамильные портреты, дорогую старинную посуду и цѣлый штатъ прислуги и поваровъ. Тамъ она устраивала блестящіе обѣды, рауты и балы, на которые, по ея настойчивымъ приглашеніямъ, привлекались министры, посланники и вся столичная знать. Затрачивая на это громадныя суммы, графиня лелѣяла тайную мысль получить доступъ ко двору и званіе фрейлины. Считая почву для этого достаточно подготовленной, она повѣдала о своемъ завѣтномъ желаніи одному изъ вліятельныхъ придворныхъ. Но когда этотъ сановникъ, очарованный ея пріемами, особенной любезностью и неувядающею красотой, доложилъ объ этомъ государю, Николай I, не забывшій имени графа Казимира Струйскаго, сурово отвѣтилъ, что вдова измѣнника-эмигранта никогда ко двору допущена не будетъ. Возмутившись этою кровною обидой, графиня Ядвига, не привыкшая къ тому, чтобы желанія ея оставались неисполненными, немедленно ликвидировала свой столичный салонъ и уѣхала въ Дробышевъ. Въ своихъ бесѣдахъ она никогда не вспоминала объ этой неудачѣ своей жизни и о зимахъ, проведенныхъ въ Петербургѣ. Но она старательно поддерживала отношенія съ столичной знатью и высшими сановниками, и нѣкоторые изъ нихъ навѣщали ее лѣтомъ въ Дробышевѣ, отдыхая по цѣлымъ недѣлямъ отъ государственныхъ заботъ.

Графиня была очень расчетлива. Она, при помощи ксендза Игнатія, сама провѣряла счеты управляющихъ имѣніями по всѣмъ отраслямъ хозяйства и общій отчетъ главноуправляющаго. Но честолюбіе вынуждало ее шесть разъ въ годъ устраивать большіе пріемы для помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ за нѣсколько десятковъ верстъ, и для окрестной шляхты. Такіе пріемы были по случаю именинъ и въ большіе праздники. Въ эти дни къ парадному подъѣзду подкатывали десятки помѣщичьихъ каретъ и колясокъ. Оправившись въ обширномъ вестибюлѣ, пріѣхавшіе, во фракахъ и бальныхъ платьяхъ, поднимались по мраморной лѣстницѣ, устланной коврами и обставленной по обѣимъ сторонамъ высокими тропическими растеніями, и, послѣ громкаго доклада дворецкимъ фамилій прибывшихъ, вступали въ обширный залъ въ два свѣта, гдѣ вельможная хозяйка любезно встрѣчала всѣхъ и затѣмъ приглашала въ боковыя комнаты. А шляхта, съ женами и взрослыми дочерьми, въ своихъ бричкахъ и повозкахъ, съѣзжалась на экономическій дворъ. Эта низшая братія удостоивалась въ такіе дни доступа въ блестящій палацъ. Когда приближалось время обѣда, имъ посылалось приглашеніе, и они длинною вереницей направлялись къ подъѣзду. Робко всходили они по лѣстницѣ и, послѣ провозглашенія дворецкимъ фамилій, поочередно впускались въ залъ, гдѣ хозяйка съ царскимъ величіемъ дарила каждаго улыбкой и нѣсколькими милостивыми словами и затѣмъ указывала имъ мѣсто въ сторонѣ. Когда представленіе оканчивалось, графиня

приглашала всѣхъ къ обѣду, который для этихъ гостей былъ сервированъ отдѣльно, въ обширной конторѣ.

По окончаніи обѣда въ палацѣ и по исполненіи оркестромъ туша въ честь графини, сопровождаемаго заздравными тостами, звономъ бакаловъ и громкими vivat, хозяйка приглашала гостей отдохнуть до открытія бала, а сама отправлялась въ контору, гдѣ многіе шляхтичи уже покачивались на мѣстахъ отъ усерднаго поглощенія крѣпкихъ старыхъ медовъ изъ обширныхъ погребовъ графини. При ея появленіи всѣ поднимались съ мѣстъ, и со всѣхъ сторонъ раздавались громкія благодарности, пожеланія и тосты. Нѣсколько секундъ хозяйка выслушивала этотъ оглушительный шумъ, затѣмъ поднимала руку, обводя всѣхъ повелительнымъ взглядомъ, — и все смолкало. Она благодарила всѣхъ за то, что ея не забываютъ, приглашала не забыть и слѣдующаго ея праздника, дѣлала общій величественный поклонъ и удалялась. Прислуга тотчасъ убирала столы, чтобы не допустить любителей крѣпкаго меда до опьянѣнія, котораго не выносила графиня. — Всѣ разъѣзжались.

На другой день многочисленная челядь развозила по всѣмъ дворамъ посѣтившихъ праздникъ шляхтичей подарки графини. Смотря по времени года, въ каждый дворъ привозили поросенка, жеребенка или теленка изъ породистой живности имѣнія, а иногда дарились куски разныхъ матерій для шляхетскихъ женъ и дочерей. Очень хмурилась графиня, когда записывала въ свою счетную книгу довольно крупныя цифры расходовъ на эти пріемы и подарки. Но это велось по традиціи отъ дѣдовскихъ временъ, и ея честолюбіе не могло допустить толковъ о томъ, что она нарушила старые обычаи и перестала отдаривать являвшуюся на ея праздники шляхту.

Въ палацѣ было десятка полтора прислуги, мужской и женской. Лакеи, одѣтые въ ливрейные фраки съ графскими гербами, убирали комнаты, прислуживали за столомъ, а по большей части ничего не дѣлали. Изъ дѣвушекъ двѣ были ближайшими камеристками графини, помогая ей за туалетомъ. Остальныя постоянно шили, мыли бѣлье, гладили и занимались разными вышиваніями. Съ прислугой графиня никогда не говорила ни слова. Всѣ свои распоряженія лакеямъ она дѣлала черезъ дворецкаго. А если замѣчала неисправность лакея, она произносила только одно слово дворецкимъ: наказать! и виновнаго немедленно сѣкли въ конюшнѣ.

Относительно распоряженій женскою прислугой и домашнимъ хозяйствомъ правою рукою графини была особенно приближенная къ ней Крыстя. Это была уже пожилая Христина Кухаренко, бывшая горничной матери графини и исполнявшая прежде ту же должность при дочери. Мужъ ея, бывшій дворецкимъ, давно умеръ. У Крысти ослабѣло зрѣніе, и она уже не могла выполнять мно-

тихъ женскихъ работъ. Но ее, какъ это дѣлалось съ другими, признанными негодными, не удалили изъ палаца и не отправили на село доживать вѣкъ. Графиня оставила ее при себѣ и даже иногда бесѣдовала съ ней о своихъ намѣреніяхъ по дому и по хозяйству. Эта Крыстя играетъ не послѣднюю роль въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ.

III.

У графини было только двое дѣтей. Родились они въ Швейцаріи и тамъ прожили до смерти отца, послѣ чего переѣхали съ матерью въ Дробышевъ. Съ ними пріѣхали туда и три гувернантки, довольно образованныя дѣвушки, выбранныя за границей самою графиней, на которыхъ, подъ руководствомъ матери, было возложено первоначальное обученіе и воспитаніе дѣтей.

Сынъ, Болеславъ, былъ на пять лѣтъ старше сестры, Зоси. Это былъ красивый и очень способный мальчикъ. Мать его обожала, и главнѣйшею ея заботой было дать ему блестящее образованіе. Съ восьми лѣтъ, когда переѣхали въ Дробышевъ, было составлено для него и точно выполняемо расписаніе уроковъ, которые каждая гувернантка преподавала ему на своемъ языкѣ. Эти три языка были по очереди обязательно разговорными въ теченіе цѣлаго дня. Только по праздникамъ мать говорила съ дѣтьми по-польски, а иногда по-русски, считая знаніе русскаго языка необходимымъ для дальнѣйшаго образованія и будущей службы своего любимца. Когда стала подрастать Зося, и съ нею были установлены регулярныя занятія. Мать и ее очень любила и часто проводила съ нею цѣлые часы, забавляясь ея живостью и дѣтскою болтовней.

Жизнь дѣтей въ Дробышевѣ проходила монотонно и довольно однообразно. Общеніе съ селомъ, съ хамами имъ было строго воспрещено. Гувернанткамъ внушено было, чтобы онѣ не допускали игръ и какого бы то ни было сближенія графскихъ дѣтей съ дѣтьми дворовыхъ. Гуляли они большей частью съ гувернантками, только въ предѣлахъ усадьбы. Иногда только мать брала ихъ съ собой покататься и гуляла съ ними въ своемъ недалекомъ лѣсу, провѣряя лѣсниковъ. Дѣтской компаніи они были почти совершенно лишены, если не считать нѣсколькихъ дней въ году, когда графиня, вмѣстѣ съ ними, удостоивала своимъ посѣщеніемъ нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ сосѣднихъ помѣщиковъ.

Единственнымъ существомъ изъ крѣпостнаго міра, допущеннымъ къ дѣтямъ, была дочь Крысти, Катруся.. Это была очень бойкая дѣвочка, однихъ лѣтъ съ Зосей. Сначала ей было разрѣшено сопровождать Зосю въ прогулкахъ по усадьбѣ и входить иногда въ комнаты, отведенныя для Зоси и гувернантокъ. Но скоро Зося

такъ привязалась къ своей сверстницѣ, что мать, по ея настойчивымъ просьбамъ, сопровождаемымъ даже слезами, вынуждена была, наконецъ, согласиться прикомандировать Катрусю къ дочери въ качествѣ постоянной ея компаньонки. Даже за обѣдомъ Зося не отпускала ее отъ себя. Катруся всегда стояла за ея стуломъ и въ тоже время не упускала случаевъ дѣлать разныя услуги графинѣ, упрочивая этимъ свое положеніе. Руководимая постоянно матерью, она своей корректностью, своимъ умѣньемъ угодить графинѣ и даже предупреждать ея желанія въ короткое время овладѣла полнымъ расположеніемъ вельможной госпожи, которая обращалась къ ней иногда даже съ шутками, дѣлала ей подарки и оказывала разныя милости. Присутствуя постоянно на урокахъ, Катруся, отличаясь прекрасными способностями и замѣчательной памятью, жадно усвоивала все, что преподавалось Зосѣ. Гувернантки, замѣтивъ успѣхи дѣвочки, поощряли ея занятія, и въ теченіе трехъ лѣтъ она перещеголяла свою панночку и въ усвоеніи преподаваемыхъ свѣдѣній, и въ свободной бесѣдѣ на трехъ европейскихъ языкахъ.

Только ксендзъ Игнатій во время своихъ уроковъ держалъ Катрусю въ почтительномъ отдаленіи и не обращалъ на нее никакого вниманія, и она ненавидѣла его всѣми силами своей души. Главная причина этой ненависти была, впрочемъ, въ томъ, что Катруся слышала неоднократно, какъ ксендзъ доносилъ графинѣ на главноуправляющаго, на дворовыхъ и даже на дѣтей. Такіе разговоры велись по-французски. Бесѣдующимъ и въ голову не приходило, что дѣвочка прекрасно ихъ понимаетъ. Эти чувства Катруси вполнѣ раздѣляли Болеславъ и Зося. Они дѣтскимъ чутьемъ понимали, что ихъ законоучитель человѣкъ черствый и злой, и что они должны остерегаться этого лукаваго іезуита и не довѣрять его сладкимъ рѣчамъ.

Въ теченіе лѣта графиня нѣсколько разъ совершала выѣзды, дѣлая отвѣтные визиты окрестнымъ помѣщикамъ. Въ одну поѣздку назначалось обыкновенно нѣсколько визитовъ, иногда на разстояніи до пятидесяти верстъ. Посылались впередъ подставныя лошади, подвода съ горничной и сундуками, наполненными нарядами и прелестными принадлежностями. Такія отлучки грифини продолжались иногда цѣлую недѣлю. Ксендзъ Игнатій, когда графиня была дома, считалъ себя обязаннымъ быть постоянно къ ея услугамъ и только изрѣдка ѣздилъ по приходу на самое короткое время. Но онъ любилъ общество, не прочь былъ покутить, и, какъ только выѣзжала графиня, онъ исчезалъ до ея возвращенія. Въ это время не только дворовые и домашняя прислуга, но и всѣ служащіе графини облегченно вздыхали. Всѣ тяготились установленными ею строгими порядками, постояннымъ опасеніемъ не угодить грозной владѣлицѣ и вынужденною тишиной въ усадьбѣ.

Въ это время усадьба оживала. Со всѣхъ сторонъ раздавался смѣхъ, слышались пѣсни, — и всѣ, не исключая серьезной и чопорной англичанки, чувствуя себя свободными отъ монотоннаго режима палаца, смотрѣли бодрѣе и веселѣе.

Но особенно большимъ праздникомъ были такіе дни для дѣтей. Болеславъ, какъ старшій, привыкшій командовать дѣвочками, былъ руководителемъ всякихъ затѣй. Дѣти летали по всей усадьбѣ, бѣгали въ конюшни, птичники, на скотный дворъ, заходили въ избы къ садовникамъ, болтали съ рабочими, хохотали до упаду, слушая ихъ остроумныя шутки и забавные разсказы. Въ особенномъ восторгѣ были дѣти, когда главноуправляющій устраивалъ для нихъ рыбныя ловли неводомъ и поѣздки на сѣнокосъ и въ лѣсъ за грибами. Въ такія экскурсіи брали съ собой самоваръ, всякія яства и сладости, которыми съ удовольствіемъ снабжала ихъ Крыстя изъ обширныхъ кладовыхъ графини, и, выѣзжая въ нѣсколькихъ экипажахъ, вмѣстѣ съ гувернантками, проводили среди природы цѣлые дни, возвращались уже ночью и засыпали, какъ убитые. Въ такіе дни Крыстя обыкновенно навѣщала своихъ родныхъ въ Дробышевѣ и иногда брала съ собой Катрусю. Она не хотѣла свою дочку, сдѣлавшуюся почти барышней, отрывать отъ родной среды, въ которую, при возможныхъ превратностяхъ судьбы, дѣвочка, какъ крѣпостная, могла возвратиться.

По сборамъ графини, ея разговорамъ и распоряженіямъ при отъѣздѣ, ея маршрутъ и время возвращенія были извѣстны. Въ день ея пріѣзда все подтягивалось, всюду водворялась тишина, и усадьба принимала обычный унылый видъ. Въ такихъ случаяхъ графиня всегда любовалась здоровыми загорѣлыми лицами дѣтей, ихъ бодрымъ видомъ и волчьимъ аппетитомъ. Но это обыкновенно объяснялось тѣмъ, что Генрихъ Карловичъ, главноуправляющій, занимался съ дѣтьми на солнцѣ гимнастикой, а гувернантки докладывали, что онѣ долго сидѣли съ дѣтьми на высокомъ берегу Горыни, когда рыбаки тянули неводъ. И то ужасное обстоятельство, что дѣти на черномъ дворѣ и на сѣнокосѣ болтали съ хамами и играли съ ихъ дѣтьми, тщательно скрывалось отъ графини. Изъ села объ этомъ доложить не могли, а служащіе въ палацѣ соблюдали полную конспирацію.

IV.

Такъ прошелъ рядъ лѣтъ счастливаго, беззаботнаго дѣтства. Дѣти росли и развивались. Ихъ бесѣды и споры уже не ограничивались дѣтскими шутками и забавами. Темою этихъ бесѣдъ являлось нерѣдко и содержаніе книгъ изъ богатой библіотеки графини, которыми особенно увлекался Болеславъ. Интересы дѣтей выходили далеко за предѣлы палаца и усадьбы. Въ нихъ

складывался другой внутренній міръ, не имѣющій ничего общаго съ скучными традиціями палаца, съ гнетущими крѣпостными порядками, съ вкусами и честолюбивыми стремленіями матери.

Хотя дѣти никогда не откровенничали съ матерью по поводу усвоенныхъ ими изъ другаго міра понятій и возникавшихъ въ ихъ головахъ новыхъ вопросовъ, инстинктивно чувствуя, что сочувствіе въ этомъ они у матери не встрѣтятъ, — но она видѣла, какъ дѣти зѣваютъ при ея часто возобновляемыхъ разговорахъ о величіи старой Польши, о заслугахъ ея славныхъ предковъ; она замѣчала, какъ дѣти потупляютъ взоры и краснѣютъ при ея жестокихъ распоряженіяхъ о наказаніи крѣпостныхъ; она съ досадой думала о томъ, что дѣти уже почти не обращаются къ ней съ прежними довѣрчивыми разговорами и живутъ своей отдѣльною внутренней жизнью, надъ которой она не властна. Она призывала къ себѣ всѣхъ гувернантокъ и выражала имъ требованіе постоянно внушать дѣтямъ понятіе о непоколебимости освященныхъ вѣками порядковъ и отношеній, и о томъ, что графы Струйскіе, по правамъ своего историческаго прошлаго, должны считать главною задачей своей жизни держаться высоко надъ толпой и властвовать надъ нею. Дѣти слушали эти скучныя внушенія. Но, входя въ болѣе сознательный возрастъ, они уже были захвачены новыми вѣяніями, и отживающія понятія матери казались имъ нелѣпыми и смѣшными.

Наступило время формальнаго обученія Болеслава, и мать, скрѣпя сердце, рѣшилась разстаться съ нимъ и помѣстила его въ пажескій корпусъ, надѣясь оттуда открыть ему широкую дорогу къ блестящей карьерѣ. Учился мальчикъ прекрасно. Въ праздничные дни онъ, по настоянію матери, бывалъ у ея кузины, проводившей зиму въ столицѣ, и изрѣдка посѣщалъ высокопоставленныхъ пріятелей графини, съ которыми она старалась поддерживать отношеніе, ради будущей карьеры сына. Но всѣ эти посѣщенія, великосвѣтская обстановка, вынужденные разговоры, — все это было очень не по душѣ Болеславу, и онъ спѣшилъ вернуться въ корпусъ, ссылаясь на необходимость приготовленія уроковъ. Всѣ его досуги были наполнены мыслями о Дробышевѣ. Онъ съ наслажденіемъ вспоминалъ лѣтнія экскурсіи, перечитывалъ письма сестры, которыя она, согласно обѣщанію, присылала ему еженедѣльно, иногда съ шутливыми приписками Катруси, а при наступленіи весны, съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ счастливаго дня, когда ему можно будетъ разстаться съ противнымъ Петербургомъ и помчаться домой. Дѣвочки, съ разрѣшенія графини, съ одной изъ гувернантокъ обыкновенно выѣзжали встрѣчать его на послѣднюю станцію, и тутъ конца не было радостной болтовнѣ и составленію плановъ о предстоящихъ занятіяхъ «гимнастикой».

Къ концу пребыванія Болеслава въ пажескомъ корпусѣ въ стѣнахъ его было не совсѣмъ спокойно. Въ затхлую атмосферу

этого привилегированнаго учебнаго заведенія, тщательно охраняемаго отъ всякихъ крамольныхъ вѣяній, прорвался свѣжій вѣтеръ, пронесшійся надъ Западною Европой въ 1848 году. Старшіе пажи, возвращаясь изъ праздничныхъ отпусковъ, приносили съ собой распространявшіяся въ Петербургѣ, несмотря на всю строгость цензурныхъ загражденій, иностранныя газеты, сочиненія запрещенныхъ писателей. Все это перечитывалось съ жадностью, въ строгой тайнѣ отъ начальства. Но тайна была скоро раскрыта. Директоръ корпуса сурово наказалъ виновныхъ и принялъ всѣ мѣры къ дальнѣйшему недопущенію въ стѣны заведенія опасной контрабанды. Но онъ ограничился домашними мѣрами, оберегая себя и репутацію заведенія отъ гнѣва Николая I, часто посѣщавшаго корпусъ, боловавшаго пажей и считавшаго ихъ самыми вѣрными своими слугами.

Мѣсяца за два до выпускного экзамена Болеславъ получилъ отъ матери письмо съ извѣщеніемъ, что она уже позаботилась объ устройствѣ его ближайшаго будущаго, и онъ немедленно по окончаніи корпуса будетъ зачисленъ въ гвардейскую артиллерію. Болеславъ поспѣшилъ отвѣтить, что онъ не имѣетъ ни малѣйшей склонности къ военной службѣ, и просилъ не препятствовать его поступленію въ университетъ.

Глубоко возмущенная этимъ намѣреніемъ, графиня немедленно написала сыну длинное гнѣвное письмо. Она горячо доказывала, что университеты и другія гражданскія учебныя заведенія существуютъ для плебеевъ, вынужденныхъ зарабатывать хлѣбъ; что люди знатныхъ фамилій, съ блестящимъ воспитаніемъ, обладающіе большими средствами, должны занимать самые верхи въ общественной и государственной жизни и стремиться къ господству и власти, — и что онъ, какъ единственный потомокъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, обязанъ поддержать славу предковъ и добиваться высокаго положенія, путь къ которому открываетъ только военная служба. Письмо заканчивалось страстными мольбами, угрозами и отчаяннымъ увѣреніемъ въ томъ, что упорство Болеслава въ достиженіи его желанія будетъ для нея смертельнымъ ударомъ, котораго она не въ силахъ будетъ перенести.

Въ первое время Болеславъ сгоряча рѣшилъ стоять на своемъ, рискуя даже пойти на полный разрывъ съ матерью. Но затѣмъ явились мысли о томъ, что въ такомъ случаѣ онъ могъ на долго лишиться возможности пріѣзжать въ Дробышевъ, видѣться съ любимою сестрой и ея подругой и оторваться отъ всего, что доставляло ему столько радостей съ ранняго дѣтства и къ чему онъ такъ жадно стремился теперь. Онъ написалъ матери, что подчиняется ея желанію.

Въ день акта, на которомъ присутствовала, по обыкновенію, многочисленная великосвѣтская публика, къ Болеславу подошелъ

генералъ, отозвалъ его въ сторону, отрекомендовался ему, сказалъ, что онъ зачисленъ въ его бригаду, и вручилъ ему бумагу, въ которой было сказано, что ему для укрѣпленія здоровья разрѣшенъ четырехмѣсячный отпускъ, послѣ чего онъ долженъ явиться для исполненія служебныхъ обязанностей. Въ тотъ же день онъ отправился къ портному; черезъ два дня въ новомъ мундирѣ представился своему бригадному генералу, сдѣлалъ предписанные матерью визиты и съ радостнымъ сердцемъ помчался въ Дробышевъ.

V.

Это было въ 1849 году.

Въ началѣ мая передъ палацомъ пестрѣли и благоухали пересаженные изъ теплицъ цвѣты. Изъ цвѣтущаго фруктоваго сада разносился тонкій ароматъ. Солнце склонялось къ закату. Въ одной изъ бесѣдокъ парка графиня и ксендзъ Игнатій вели дѣловой разговоръ. Шагахъ въ двадцати отъ бесѣдки проходили по дорожкѣ Зося и Катруся и вели оживленную бесѣду, не подозрѣвая присутствія въ бесѣдкѣ нежелательныхъ слушателей. До бесѣдки долетѣло всего нѣсколько отрывочныхъ фразъ, и скоро бесѣдующія скрылись за поворотомъ дорожки.

Бесѣда велась по-англійски. Графиня знала, что Катруся присутствуетъ на урокахъ ея дочери, допускала, что дѣвочка усвоила кое-что изъ преподаваемаго гувернантками и заучила нѣсколько иностранныхъ словъ и фразъ. Но ей и въ голову не приходило, что эта *хлопка* говоритъ по-англійски совершенно свободно, да еще высказываетъ съ увѣренностью сужденія о такихъ отвлеченныхъ предметахъ, которые она считала недоступными ея пониманію. Къ этому открытію графиня отнеслась довольно равнодушно. У нея даже мелькнула пріятная мысль о томъ, какъ сосѣди, а съ выходомъ Зоси замужъ, и болѣе широкій кругъ знакомыхъ, будутъ превозносить мать, давшую дочери такую образованную горничную. Но ее возмутило другое: дѣвочки шли, обнявшись, и тонъ ихъ бесѣды былъ вполнѣ фамильярный. Ее до крайности раздражило, что ея сіятельная дочь допустила хамку до такой близости съ собой. Послѣ нѣкотораго молчанія, она не могла не высказать съ гнѣвомъ своему собесѣднику:

— Какъ вамъ это нравится?

— Я былъ очень непріятно пораженъ видѣннымъ и слышаннымъ,—отвѣтилъ ксендзъ почтительно, стараясь попасть въ тонъ своей повелительницѣ,—и опасаюсь, что и образованность горничной, и предоставленное ей положеніе могутъ имѣть нежелательныя послѣдствія.

— Что вы хотите этимъ сказать?—встревоженно спросила графиня, угадывая мысль ксендза.

— Я опасаюсь, что графъ Болеславъ... началъ онъ робко.

— Какъ? — перебила она его съ гнѣвомъ, — неужели вы допускаете, что сынъ мой, графъ Струйскій, можетъ серьезно увлечься крѣпостною хлопкой? Онъ можетъ, конечно, позабавиться, — но на большее сближеніе съ ней онъ, конечно, не пойдетъ, да и я этого никогда не допущу.

Но она не могла выбросить изъ головы выраженнаго ксендзомъ Игнатіемъ опасенія, и мысли объ этомъ долго не давали ей уснуть въ эту ночь. Конечно, думала она, вѣрнѣе всего было бы разрубить сразу Гордіевъ узелъ и выслать скорѣе эту опасную особу въ Лазичи. Это было самое отдаленное гродненское имѣніе графини. То, что удаленіе Катруси могло бы ужасно огорчить Зосю, не остановило бы такого рѣшительнаго шага графини. Поскучаетъ, да и успокоится, надѣялась она, да и всякія развлеченія ей можно для этого придумать. Останавливало графиню другое. Въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ Крыстя сдѣлалась для нея безусловно необходимой. Эта умная старуха прекрасно вела все женское хозяйство, многое приготовляла сама для графскихъ кладовыхъ и погребовъ, наблюдала за дѣвичьею мастерской, а главное — тонко изучила всѣ вкусы и привычки своей вельможной барыни, угадывала ея желаніе и исполняла ихъ быстро и безукоризненно. Графиня всегда выражала ей исключительное благоволеніе и довѣріе и не могла рѣшиться нанести Крыстѣ жестокій ударъ, разлучивъ съ нею единственную любимую дочь. Выслать же вмѣстѣ съ Катрусей и мать и лишиться такой умѣлой приближенной слуги она считала совершенно невозможнымъ. Пустяки, успокоивала она себя: будемъ принимать мѣры и держаться насторожѣ. И къ утру она крѣпко заснула.

За утреннимъ чаемъ графиня, отправивъ Катрусю съ какимъ-то порученіемъ къ Крыстѣ, сдѣлала Зосѣ строгій выговоръ за то, что она унижаетъ себя сближеніемъ и фамильярничаньемъ съ крѣпостною дѣвкой, и приказала ей измѣнить совершенно свое обращеніе съ Катрусей и держать ее въ надлежащемъ почтительномъ отъ себя разстояніи, пригрозивъ, что если существующія между ними отношенія будутъ продолжаться, то къ Зосѣ будетъ приставлена другая горничная. Гувернанткамъ она объявила строгое требованіе слѣдить за точнымъ исполненіемъ этого распоряженія, не обращая вниманія на разрыдавшуюся Зосю, умолявшую мать не отнимать у нея ея любимой подруги. Въ тотъ же вечеръ графиня приказала Крыстѣ, чтобы Катруся съ этихъ поръ ночевала съ нею. И мать и дочь были очень рады такой перемѣнѣ.

Свое обращеніе съ Катрусей графиня совершенно измѣнила. Прежнія ласковыя слова и шутки съ ней были изъяты изъ обращенія и замѣнены суровымъ тономъ, рѣзкими распоряженіями

и частыми придирками. Бѣдная дѣвочка мучилась и не могла придумать, чѣмъ она вызвала такую немилость.

Графиня старалась увѣрить себя, что эти мѣры, которыя она считала предварительными, имѣютъ значеніе для достиженія ея тайной цѣли. А опасенія все-таки не оставляли ее особенно за обѣдомъ, когда она взглядывала на Катрусю.

Дѣвочкамъ въ это время было почти по пятнадцати лѣтъ. Онѣ уже почти сформировались и выглядѣли совсѣмъ взрослыми. Зося была очень миловидна. Ея стройная фигурка, средняго роста, была очень изящна. Ея игривость, привѣтливость, ласковый и въ то же время лукавый взглядъ ея прекрасныхъ голубыхъ глазъ вызывали всеобщую любовь къ ней. Но юная графиня оставалась совершенно въ тѣни въ присутствіи своей сверстницы. Катруся представляла рѣдкій типъ чудной украинской красоты. Высокая, граціозная, съ тонкими правильными чертами и прекраснымъ цвѣтомъ лица, съ глубокимъ выразительнымъ взглядомъ большихъ темно-карихъ глазъ, съ роскошной темною косой, спускавшеюся по спинѣ до пояса, она была поразительно хороша. Еще больше оттѣнялъ ея красоту живописный украинскій костюмъ, который она постоянно носила по приказанію графини, считавшей, что мужичкѣ прилично только мужицкое платье. Вся дворня и домашняя прислуга очень любили ее за участливое отношеніе къ каждому, за полное отсутствіе заносчивости и, какъ будто гордясь ею, называли ее не иначе, какъ наша *краля.*

Болеславъ извѣстилъ, что пріѣдетъ въ началѣ іюня.

Въ назначенный день его пріѣзда встрѣчать его поѣхала Зося съ двумя гувернантками. Имъ не долго пришлось ожидать, и къ станціи подкатила четверка взмыленныхъ лошадей, привезшихъ новаго гвардейца. Зося въ радости и нетерпѣніи вылетѣла на подъѣздъ и, вскочивъ на подножку коляски, горячо обняла брата. Болеславъ вышелъ изъ экипажа, поздоровался съ гувернантками и тутъ только всмотрѣлся въ сестру.

— Да какъ ты выросла, пополнѣла и похорошѣла,—вскрикнулъ онъ съ удивленіемъ,— вѣдь ты совсѣмъ уже взрослая. Никакъ не ожидалъ такой разительной перемѣны въ теченіе одного года.

— Да, Болесъ,—отвѣтила она съ напускной серьезностью,— годъ иногда имѣетъ большое значеніе въ жизни человѣка. А знаешь,—заболтала она дальше, прерывая себя смѣхомъ и радостными возгласами,— Катруся теперь гораздо выше меня, и такою она сдѣлалась замѣчательною красавицей, что я и на картинахъ никогда такихъ не видала.

Болеславъ по поводу этого сообщенія не сказалъ ничего и даже не спросилъ, почему Катруся, еще въ первый разъ, не выѣхала ему навстрѣчу.

Графиня, любившая во всемъ церемоніи и парады, устроила сыну торжественную встрѣчу. Она пригласила нѣсколькихъ болѣе почетныхъ окрестныхъ помѣщиковъ съ семействами, и все общество встрѣтило на подъѣздѣ подъѣхавшую карету съ громкими привѣтствіями.

Едва Болеславъ успѣлъ переодѣться съ дороги, дворецкій отъ имени графини пригласилъ его въ залъ. Когда онъ въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ вошелъ туда, снова раздались привѣтствія, аплодисменты и поздравленія. Ксендзъ Игнатій, въ церковномъ облаченіи, прочелъ подобающія случаю молитвы, осѣнилъ прибывшаго крестомъ и произнесъ привѣтственную рѣчь, во вкусѣ графини, на тему о славѣ и заслугахъ предковъ, съ пожеланіями юному графу поддержать эту славу и дослужиться до высшаго положенія въ государствѣ.

Въ залѣ была собрана почти вся прислуга палаца, мужская и женская. Послѣ рѣчи ксендза всѣ они подходили къ молодому своему господину, цѣловали его руку и произносили поздравительныя слова, заранѣе, черезъ дворецкаго, продиктованныя графиней. Но между подходившими Катруси не было.

Вся эта противная для него церемонія надоѣла ему. Когда она окончилась, онъ не могъ больше сдержать себя и спросилъ сестру:

— Гдѣ же Катруся?

— Она убираетъ на томъ балконѣ, — съ досадой отвѣтила Зося и указала по направленію къ парку.

Болеславъ быстро направился туда и на балконѣ остановился въ восхищеніи. «Да, такой красоты не встрѣтишь ни на какой картинѣ», мелькнули у него въ головѣ слова Зоси.

— Здравствуй, Катруся! — едва выговорилъ онъ отъ волненія.

Дѣвушка подняла на него свои чудные глаза, мгновенно покраснѣла, оставила насосъ, которымъ она опрыскивала вьющійся за балкономъ цвѣтущій каприфолій, низко поклонилась и серьезно проговорила заранѣе, очевидно, приготовленныя слова:

— Честь имѣю привѣтствовать ваше сіятельство и поздравить васъ съ пріѣздомъ, съ окончаніемъ образованія и съ новою службой.

— Катруся, дорогая! Зачѣмъ этотъ тонъ? — И онъ приблизился къ ней на два шага.

Она почтительно отступила и направилась снова къ насосу. Оба, смущенные, простояли нѣсколько секундъ, не произнося больше ни слова. Но оба сразу почувствовали, что все прошлое, когда они вмѣстѣ рѣзвились по-дѣтски, бѣгали взапуски, кувыркались въ свѣжемъ сѣнѣ на сѣнокосѣ, съ беззаботнымъ смѣхомъ толкая другъ друга съ душистыхъ копенъ, — что все это окончилось безвозвратно. Наступало другое, новое. Встрѣча эта продол-

жалась не больше минуты. Но Болеславъ подумалъ, что эта минута имѣетъ рѣшающее значеніе для всей его дальнѣйшей жизни.

Вошла Зося, а за ней графиня.

Катря! — грубо крикнула послѣдняя, — ступай въ прачечную, выгладь мою синюю блузу и принеси ее въ мою комнату. А тебѣ, дорогой Болесъ,—прибавила онъ другимъ тономъ,—не слѣдовало бы оставлять гостей. Вѣдь они собрались для тебя. Да и къ обѣду уже все готово. Пойдемъ.

Направляясь въ комнаты, она увидѣла, что Зося отвернулась къ парку, и глаза ея полны слезъ.

— Что съ тобой?—спросила она, какъ будто не понимая причины этихъ слезъ.—Вѣдь Болесъ можетъ подумать, что ты не рада его пріѣзду.

— Ахъ, мама, — отвѣтила Зося, всхлипывая,—за что ты преслѣдуешь и оскорбляешь эту бѣдную дѣвочку?

— Ха, ха, ха!—разразилась злымъ смѣхомъ графиня.—Оскорбляешь?! Какое неумѣстное слово! Вѣдь эта дѣвка — моя крѣпостная, — и я только дѣлаю ей добро, указывая ей ея настоящее мѣсто.

Болеславъ молча глядѣлъ въ паркъ, пощипывая свои едва пробивающіеся усики. Онъ съ грустью думалъ о томъ, что отношенія съ горячо прежде любимой матерью разрываются, и ему предстоитъ упорная борьба съ ней.

За обѣдомъ Катруся стояла по обыкновенію за стуломъ Зоси. Прекрасное лицо ея было грустно и очень серьезно. Она внимательно наблюдала за обѣденнымъ столомъ и поспѣвала всюду съ необходимыми услугами. Болеславъ, усаженный матерью между двумя красивыми и бойкими панненками, не особенно энергично поддерживалъ бесѣду съ ними.

Какой вы скучный и не любезный! — неоднократно выражали ему безъ церемоніи сосѣдки.

— Простите: я очень усталъ послѣ дороги,—отвѣчалъ онъ.

Онъ не могъ удержаться, чтобы нѣсколько разъ не поднять глазъ на Катрусю, хотя и замѣчалъ, что мать все время внимательно за нимъ наблюдаетъ. Катруся ни разу не взглянула на него.

Въ слѣдующіе дни Болеславъ видѣлъ Катрусю только за обѣдомъ. Въ комнаты Зоси она допускалась только утромъ и вечеромъ для туалетныхъ услугъ,—занятія ея на урокахъ признаны излишними, а остальное время бѣдная дѣвушка, не привыкшая къ грубой работѣ, проводила въ швейной, прачечной и на огородѣ.

Болеславъ, по настоянію матери, нѣсколько дней ѣздилъ съ визитами къ окрестнымъ помѣщикамъ.

Черезъ недѣлю послѣ возвращенія сына, однажды за вечернимъ чаемъ графиня объявила, что завтра она отправляется навѣ-

стить сосѣдей. Она вообще не могла жить безъ лести и поклоненія, съ которыми ее повсюду встрѣчали. А теперь ей хотѣлось еще усладить свой слухъ тѣми похвалами и комплиментами, которые сосѣди, несомнѣнно, будутъ выражать ей объ ея любимцѣ. Болеславъ и Зося многозначительно переглянулись. Оба съ радостью подумали, что теперь можно будетъ заняться «гимнастикой», съ участіемъ, конечно, Катруси. Но въ послѣднемъ они ошиблись. Графиня велѣла лакею позвать Крыстю. Когда старуха вошла, графиня дала ей подробныя распоряженія относительно того, что она должна уложить въ дорожные сундуки, и въ заключеніе прибавила, что въ качествѣ горничной съ ея багажомъ поѣдетъ Катря.

На другой день передъ выѣздомъ графиня торжественно объявила сыну, что на его расходы въ Петербургѣ, въ которыхъ онъ долженъ не стѣсняться, чтобы съ достоинствомъ поддерживать свое высокое званіе, она даритъ ему Липовку и посылаетъ распоряженіе своему повѣренному въ Житомиръ, чтобы онъ совершилъ надлежащіе крѣпостные документы. Липовка была однимъ изъ крупныхъ имѣній графини въ подольской губерніи на берегу Днѣстра. Она приносила болѣе сорока тысячъ рублей чистаго дохода. Вслѣдъ за этимъ она сказала, что для выбора и устройства въ Петербургѣ достойной его квартиры она посылаетъ своей кузинѣ достаточную сумму денегъ, а въ помощь ей отправляетъ своего дворецкаго. Болеславъ съ радостью бросился обнимать и благодарить мать. Радость была вызвана сознаніемъ, что щедрость матери даетъ ему самостоятельность и возможность устраивать жизнь по своему усмотрѣнію.

VI.

Братъ и сестра во время отсутствія матери почти не разставались. Болеславъ, ничего почти не скрывавшій отъ любимой сестры, развивалъ передъ ней подробно мечтанія объ устройствѣ своего имѣнія, котораго онъ никогда не видалъ. Зося вполнѣ соглашалась съ планами брата и хлопала руками отъ восторга, представляя себѣ жизнь въ Липовкѣ, свободную отъ тяжелаго режима матери, который такъ связывалъ всѣхъ здѣсь. «А знаешь, Болесъ,—размечталась она,—когда ты пріѣдешь сюда на будущее лѣто, я постараюсь уговорить маму отпустить меня, и поѣдемъ въ Липовку вмѣстѣ съ тобой. А, можетъ-быть, и Катрусю мама отпуститъ. Вотъ тамъ - то будетъ гимнастика!

— Впрочемъ, нѣтъ,—перебила она себя,—мама ни за что ее не пуститъ.

Смѣхъ и слезы у Зоси часто смѣняли другъ друга. Она вдругъ расплакалась.

— И за что мама стала такъ жестоко преслѣдовать мою бѣдную дѣвочку! — говорила она, всхлипывая.

Очень скоро лицо ея опять просіяло, и она вытерла слезы.

— Ты не знаешь, милый Болесъ, — продолжала она, — Катруся настоящій ангелъ. Какая она добрая ко всѣмъ и ласковая! Какая она умная! Вѣдь она гораздо умнѣе меня и гораздо больше моего знаетъ. Она по вечерамъ постоянно читаетъ до поздней ночи и столько перечитала разныхъ книгъ, и нѣмецкихъ, и французскихъ, и англійскихъ, что моя голова лопнула бы, если бы я прочла хотя десятую часть этихъ книгъ. А какъ она меня любитъ! свои чувства она высказываетъ неохотно, но недавно сказала мнѣ, что нѣтъ такой жертвы, которую она не принесла бы для меня. И я ей вполнѣ вѣрю: она никогда не лжетъ. Она, бѣдная, смѣется очень рѣдко, а въ послѣднее время я совсѣмъ почти не вижу и улыбки на ея прекрасномъ лицѣ. А правда, прекрасное лицо? Ахъ, какъ я ее люблю! Я была бы самымъ несчастнымъ человѣкомъ, если бы меня разлучили съ ней надолго. И зачѣмъ судьба устроила такъ, что она крѣпостная! Знаешь, Болесъ, какая чудная мысль пришла мнѣ въ голову,—заключила она послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, — купи Катрусю у мамы».

— Дурочка ты, моя дорогая! — отвѣтилъ Болеславъ, обнимая и цѣлуя ее.

Вошелъ дворецкій съ докладомъ, что обѣдъ поданъ, и интересная бесѣда прервалась.

По возвращеніи графиня нашла у себя письмо изъ Житомира отъ повѣреннаго, въ которомъ онъ сообщалъ, что для совершенія крѣпостного документа онъ долженъ ѣхать въ Каменецъ-Подольскъ, и что, сообразно цѣнности Липовки, ему придется издержать немало на взятки въ крѣпостномъ столѣ гражданской палаты. Поэтому онъ просилъ выслать ему на расходы довольно крупную сумму. Графиня пригласила къ себѣ сына и показала ему письмо.

— Я думаю, дорогой Болесъ, — сказала она, — что лучше всего, если ты самъ поѣдешь съ повѣреннымъ. Такъ можно покончить дѣло скорѣе и, вѣроятно, дешевле. А изъ Каменца ты могъ бы заѣхать въ Липовку. Тамъ прекрасная мѣстность, и я думаю, что тебѣ понравится твое новое владѣніе. Да и управляющаго тамъ нужно провѣрить. Я не была тамъ уже три года, а по отчетамъ вижу, что въ липовскомъ хозяйствѣ дѣло не совсѣмъ чисто.

Болеславъ хорошо понималъ заднюю мысль матери. Но скорѣйшее укрѣпленіе за нимъ Липовки и ознакомленіе съ нею на мѣстѣ вполнѣ совпадало съ его намѣреніемъ, — и онъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе графини. На другой день, получивъ отъ матери нѣсколько тысячъ рублей, онъ уѣхалъ.

Въ Каменцѣ, благодаря щедрой «смазкѣ» въ крѣпостномъ столѣ, дѣло было окончено въ три дня. Затѣмъ онъ поспѣшилъ въ Липовку, совершилъ вводъ во владѣніе и почувствовалъ особенную радость собственника, могущаго дѣйствовать вполнѣ самостоятельно.

Липовка была отцовскимъ фамильнымъ имѣніемъ. Въ ней было около двухсотъ дворовъ. Въѣзжая въ нее, Болеславъ увидѣлъ ту же картину, что и въ Дробышевѣ: такія же ветхія, покосившіяся хаты, такую же старенькую церковь, такой же жалкій домъ священника, такія же желтыя, истощенныя лица крестьянъ, которыхъ по случаю праздничнаго дня было много на улицѣ. Мѣстность, гдѣ была расположена усадьба, была очень живописна. Обширный паркъ за домомъ спускался къ Днѣстру. Восхищенный красотой мѣстоположенія Болеславъ, однако, сразу замѣтилъ, что усадьба и садъ были очень запущены.

Появленіе въ усадьбѣ экипажа съ молодымъ офицеромъ и ливрейнымъ лакеемъ на козлахъ произвело большой переполохъ. Никто еще не зналъ здѣсь о томъ, что Липовка перешла къ новому владѣльцу. Прибѣжалъ заспанный управляющій и, низко кланяясь пріѣхавшему, спросилъ:

— Чѣмъ могу служить вельможному пану?

Когда Болеславъ назвалъ себя и объяснилъ, что онъ пріѣхалъ ознакомиться съ своимъ новымъ владѣніемъ, старый шляхтичъ замѣтно поблѣднѣлъ и растерялся. Болеславъ приказалъ управляющему принести экономическія книги и вошелъ въ домъ.

Домъ былъ очень старый. Нѣкоторые потолки вогнулись и осѣли. Полы мѣстами погнили. Почти во всѣхъ комнатахъ была замѣтна течь. Но мебель въ домѣ была старинная, стильная, съ тонкою рѣзьбой, инкрустаціями и медальонами съ художественными портретами и пейзажами на фарфорѣ. Мебель эта потускнѣла. Обивка была протерта. Комнатъ было много; почти всѣ были обширны, но расположеніе ихъ было не удобно. Болеславъ рѣшилъ вмѣсто этого отжившаго свой вѣкъ дома устроить новый, а цѣнную мебель реставрировать. Обойдя наскоро домъ, онъ узналъ, что управляющій еще не принесъ книгъ. Онъ пошелъ въ контору. Управляющій поспѣшно что-то вписывалъ въ книги. Болеславъ немедленно собралъ всѣ книги и счета, помѣщенные въ столахъ и шкапахъ и велѣлъ отнести ихъ въ домъ.

Затѣмъ онъ отправился на экономическій дворъ. Тамъ все было до крайности запущено. Лошади и скотъ были очень истощены и заморены. Между тѣмъ, разобравшись на другой день въ книгахъ, онъ увидѣлъ, что сѣна и овса выписано въ расходъ такая масса, что этимъ количествомъ можно прокормить досыта вдвое большее число животныхъ.

Еще въ Каменцѣ повѣренный матери сообщилъ Болеславу, что священникъ въ Липовкѣ человѣкъ очень почтенный и что

онъ и семья его пользуются общимъ уваженіемъ. На четвертый день Болеславъ отправился въ домъ священника. Старикъ, увидѣвъ изъ окна его приближеніе, совсѣмъ растерялся. Въ то время не только въ домахъ вельможныхъ владѣльцевъ, но и у среднихъ польскихъ помѣщиковъ православные священники совсѣмъ не бывали. А если особенная нужда заставляла ихъ отправиться къ пану съ просьбой, ихъ обыкновенно принимали очень свысока, часто не допуская дальше передней или не принимали ихъ совсѣмъ, отсылая къ управляющимъ.

— Я къ вамъ, отецъ Аѳанасій, — произнесъ Болеславъ, здороваясь и рекомендуясь. — Благословите меня, — онъ протянулъ руку.

Старикъ дрожащею рукою благословилъ неожиданнаго гостя и, совершенно смущенный посѣщеніемъ вельможнаго графа, въ первый моментъ не могъ произнести ни слова и неловко подвинулъ Болеславу стулъ, обтирая его рясой.

— Если вы не заняты, отецъ Аѳанасій, — продолжалъ очень любезно Болеславъ, — я очень хотѣлъ бы воспользоваться часомъ вашего времени и обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой. Сядемъ же и побесѣдуемъ.

Священникъ робко сѣлъ на край стула. Но скоро искренній и почтительный тонъ гостя совершенно ободрилъ его.

Болеславъ разсказалъ, какъ онъ возмущенъ жалкимъ видомъ крестьянъ, ихъ нищенскою обстановкой и чрезмѣрною панщиной. Затѣмъ онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи увеличить скудные надѣлы крестьянъ, дать имъ достаточное пастбище для скота, ограничить панщину тремя днями въ недѣлю, освободить ихъ отъ другихъ натуральныхъ повинностей въ пользу помѣщика и подарить лѣсу для устройства къ зимѣ заново хатъ и всѣхъ строеній въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ. Добродушный пастырь тронутъ былъ до слезъ добротой и щедростью юнаго графа, радуясь за прихожанъ и въ то же время думая, что съ поднятіемъ благосостоянія его паствы увеличатся и его крайне скудныя средства.

— Ваше сіятельство! — воскликнулъ онъ съ восторгомъ. — Я не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ мое умиленіе и благодарность за такія неслыханныя благодѣянія.

И онъ схватилъ руку Болеслава, наклоняясь, какъ бы съ намѣреніемъ поцѣловать ее.

Болеславъ быстро отнялъ руку.

— Полно, отецъ Аѳанасій, — сказалъ онъ, — благодарить меня не за что. Я дѣлаю пока очень немного. Скоро я обдумаю все основательнѣе и надѣюсь сдѣлать больше для этихъ несчастныхъ людей. Теперь я обращаюсь къ вамъ съ убѣдительною просьбой помочь мнѣ привести въ исполненіе выраженныя мною пожеланія.

Въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней Болеславъ, съ планомъ въ рукахъ, объѣхалъ вмѣстѣ съ священникомъ всѣ угодья своего обширнаго имѣнія и намѣтилъ тѣ участки и пастбище, которые должны быть переданы крестьянамъ. Подъѣзжая послѣ окончанія объѣзда передъ вечеромъ къ усадьбѣ, онъ услышалъ ужасные вопли со стороны конюшни. Онъ приказалъ кучеру ѣхать скорѣе туда. Въ отворенныя ворота конюшни онъ увидѣлъ, какъ два человѣка, быстро взмахивая пучками розогъ, опускали ихъ на голое тѣло лежащаго на землѣ человѣка, отчаянно кричавшаго отъ боли. Управляющій стоялъ тутъ же, энергично поощряя усердіе сѣкущихъ.

— Стойте, мерзавцы! — крикнулъ онъ съ негодованіемъ.

— Знайте,—обратился онъ строго къ управляющему, — что съ этой минуты всякія тѣлесныя наказанія въ Липовкѣ я отмѣняю навсегда.

— Но, ваше сіятельство, — осмѣлился возразить управляющій, въ недоумѣніи разводя руками, — вѣдь съ этими лайдаками безъ розги и арапника ничего нельзя сдѣлать. Чѣмъ же я буду понуждать ихъ исправно работать?

— У меня для этого найдется другое понужденіе. Объявите крестьянамъ, что всякій, исправно отбывающій назначенную мною панщину, будетъ въ концѣ года получать отъ меня награды, которыя полезны будутъ въ его хозяйствѣ. А этого безобразія чтобы больше не было! — закончилъ онъ строго.

Передъ выѣздомъ изъ Липовки, Болеславъ зашелъ къ священнику проститься. Онъ вручилъ старику двѣ тысячи рублей на расходы по вырубкѣ и вывозкѣ лѣса и для уплаты рабочимъ при возведеніи крестьянскихъ построекъ, добавивъ, что недостающее выдастъ новый управляющій, котораго онъ скоро сюда пришлетъ.

— А это,—сказалъ Болеславъ, подавая старику пакетъ,—маленькій авансъ отъ меня въ вознагражденіе за труды и хлопоты, которые я на васъ возлагаю. Пишите мнѣ чаще обо всемъ.

Въ пакетѣ было триста рублей, — сумма, обладаніе которою никогда и не снилось бѣдному священнику.

Болеславъ возвратился черезъ двѣ недѣли въ самомъ лучшемъ настроеніи. Первою онъ увидалъ Катрусю, поливавшую цвѣты близъ подъѣзда.

— Какъ я радъ, что встрѣтилъ васъ здѣсь! Это хорошее для меня предзнаменованіе,—сказалъ онъ, любезно кланяясь и невольно выражая взглядомъ свое восхищеніе.

Дѣвушка, улыбаясь, низко поклонилась ему и поздравила съ пріѣздомъ. Ее очень удивило, что Болеславъ въ первый еще разъ сказалъ ей «вы».

Оправившись послѣ далекой дороги, Болеславъ поспѣшилъ къ матери, расцѣловавъ прежде Зосю, выбѣжавшую ему навстрѣчу.

Онъ подробно разсказалъ матери обо всемъ, что онъ засталъ въ Липовкѣ, о злоупотребленіяхъ управляющаго, котораго необходимо замѣнить другимъ, и о своемъ намѣреніи реставрировать садъ и перестроить домъ, близкій къ разрушенію. Графиня съ сочувствіемъ выслушала своего любимца, радуясь про себя, что онъ такъ увлекается своимъ новымъ владѣніемъ. Она тутъ же порекомендовала ему сосѣдняго шляхтича, котораго еще раньше намѣтила на должность управляющаго въ Липовкѣ. А относительно перестройки она сказала, что расположеніе липовскаго дома ей совсѣмъ не нравится, и она желаетъ, чтобы тамъ былъ устроенъ новый палацъ, достойный ея сына, для чего она даритъ ему пятьдесятъ тысячъ рублей. О своихъ реформахъ въ Липовкѣ и о соглашеніи съ о. Аѳанасіемъ Болеславъ ничего не сказалъ матери.

Послѣ обѣда Болеславъ и Зося спустились съ крутого берега и сѣли въ лодку.

Наступалъ чудный тихій вечеръ. Воздухъ былъ насыщенъ ароматомъ цвѣтниковъ и недавно скошеннаго сѣна за Горынью. Вода была спокойна, какъ зеркало. Только маленькія рыбки, выскакивая изъ воды, рябили ея гладкую поверхность. Слышенъ былъ доносившійся за версту шумъ колесъ водяной мельницы, да изъ Дробышева долеталъ унылый звукъ треснувшаго колокола, призывавшаго прихожанъ къ вечернѣ.

Отплывъ шаговъ сотню отъ усадьбы, Болеславъ положилъ весла и разсказалъ всѣ подробности о своемъ пребываніи въ Липовкѣ, сообщивъ и о томъ, что онъ скрылъ отъ матери.

Зося постоянно вскрикивала отъ восторга, хлопала руками и своими порывистыми движеніями нѣсколько разъ чуть не опрокинула лодку. О липовскомъ священникѣ Болеславъ отозвался съ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ правдивомъ, искреннемъ, сочувствующемъ своимъ добрымъ сердцемъ несчастному положенію крѣпостныхъ.

— Это не то, что нашъ гадюка,—выпалила Зося.

Послышался съ балкона звукъ гонга, призывающій къ вечернему чаю, и юные мечтатели поспѣшили домой. Зося въ эту ночь не скоро отпустила свою подругу, явившуюся къ ея вечернему туалету. Она болтала съ ней, не умолкая, почти до разсвѣта.

Утромъ, вставъ очень поздно, Зося, напившись наскоро чаю, побѣжала въ комнату брата. Ей ужасно хотѣлось разсказать Болеславу что-то очень важное. Но въ комнатѣ его не было. На ея вопросъ о немъ дворецкій отвѣтилъ, что графъ ушелъ на охоту. Зося должна была приняться за уроки. Но занималась она очень невнимательно, ничего не понимая изъ объясненій гувернантокъ. Въ открытое окно слышались выстрѣлы брата, охотившагося недалеко за рѣкой. Она съ радостью полетѣла бы къ нему, но знала, что это было бы непозволительнымъ нарушеніемъ установленнаго этикета.

Послѣ обѣда Зося немедленно потащила брата въ паркъ.

— Знаешь, Болесъ, я вчера до свѣта болтала съ Катрусей и разсказала ей все о Липовкѣ и о томъ, что ты намѣренъ сдѣлать для крестьянъ.

— Что же она? — спросилъ Болеславъ.

— Она была какая-то странная,—заболтала Зося,—все время она слушала молча, не спуская съ меня глаза. И эти чудные глаза горѣли, какъ угольки, а на щекахъ часто вспыхивалъ румянецъ. А когда я окончила, она упала передо мной на колѣни, обняла меня крѣпко, заплакала и горячо поцѣловала меня разъ двадцать, смачивая слезами. Я подняла ея голову и увидѣла, что лицо ея сіяетъ радостью и счастьемъ.

— Спи спокойно!—только и сказала она мнѣ и тихонько убѣжала.

— Я тебѣ еще что-то скажу,—лукаво прибавила она,—но только никому, никому не говори объ этомъ: я увѣрена, что это колѣнопреклоненіе, объятія и поцѣлуи относятся совсѣмъ не ко мнѣ, а къ тебѣ.

— Дурочка ты моя!—сказалъ онъ, улыбаясь, обнялъ и крѣпко поцѣловалъ сестру.

— А теперь твоя дурочка еще одно тебѣ скажетъ,—и она наклонилась къ его уху и прошептала,—это ты поцѣловалъ такъ крѣпко не меня, а Катрусю.

— Тра-ла-ла-ла!—запѣла она и весело, поднявъ руки, закружилась по дорожкѣ.

— Теперь уже ты не дурочка, а настоящая дура,—крикнулъ Болеславъ.—Какъ ты смѣешь болтать такія глупости! Ты еще, пожалуй, наболтаешь объ этомъ и Катрусѣ. Это можетъ ее оскорбить. А я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы наносить ей оскорбленія.

При послѣднихъ словахъ онъ густо покраснѣлъ и быстро направился къ дому.

Зося еще нѣсколько минутъ ходила по парку, не переставая улыбаться. Ее ужасно привлекало участіе въ конспираціи и въ чужой тайнѣ. А больше всего ей нравилось и возвышало ее въ собственныхъ глазахъ то, что она чувствовала себя какъ бы покровительницей двухъ любящихъ сердецъ. Мысль о будущемъ этихъ сердецъ не приходила ей въ голову. Само собою разумѣется, что въ тотъ же вечеръ она передала своей подругѣ разговоръ съ братомъ до послѣдняго слова.

Одинъ только разъ въ теченіе этого лѣта удалось молодымъ людямъ устроить ихъ любимую экскурсію.

Однажды графиня съ утра объявила Крыстѣ, что на другой день она ѣдетъ съ визитами и беретъ съ собою Катрю. Послѣ завтрака Зося побѣжала въ комнату Крысти и пошепталась съ

ней о чемъ-то. Когда собрались обѣдать, Катруси на обычномъ мѣстѣ не было.

Вошла Крыстя и, униженно извиняясь, объяснила графинѣ, что у дочки очень болитъ голова, и она вся дрожитъ отъ сильнаго озноба. Вечеромъ графиня спросила опять, что съ Катрей?

Крыстя со слезами отвѣтила, что дочка ея лежитъ въ жару и бредитъ, что она напоила больную липовымъ цвѣтомъ, а завтра, если не будетъ лучше, думаетъ позвать знахарку.

— Боюсь, ваше сіятельство, — заключила она, — что Катря не будетъ въ силахъ ѣхать завтра.

Графиня была очень мнительна, боялась больныхъ и приказала отправить съ нею другую горничную.

На другой день она уѣхала послѣ завтрака.

Зося сейчасъ же побѣжала въ комнату Крысти, стремительно обняла Катрусю и закружила ее.

— Теперь наша взяла! Пойдемъ, — вскрикнула она.

— А гадюка? — напомнила Катруся.

Зося задумалась на нѣсколько секундъ, полетѣла въ дѣвичью и послала швею на огородъ слѣдить, когда уѣдетъ ксендзъ. Но его на этотъ разъ что-то задержало, и только передъ заходомъ солнца швея прибѣжала и съ радостью объявила, что онъ уѣхалъ.

Больная сразу выздоровѣла. Но ѣхать куда-нибудь было уже поздно.

— Пойдемъ на лодку! — скомандовала Зося.

Онѣ выбѣжали на цвѣтникъ, гдѣ нетерпѣливо уже прохаживался Болесъ.

— Подождите, — еще важное дѣло, — и неугомонная дѣвочка побѣжала къ Генриху Карловичу.

Черезъ нѣсколько минутъ она выбѣжала и объявила, что завтра рано они поѣдутъ на поле къ жнецамъ.

Опять оказалось новое дѣло, — и она помчалась къ Крыстѣ, чтобы та приготовила все съ вечера къ завтрашней экскурсіи.

Болеславъ подошелъ къ Катрусѣ.

— Ну, что же? Какъ вы, больная, чувствуете себя? — спросилъ онъ ее со смѣхомъ.

— Я чувствую себя очень хорошо, — отвѣтила она, — но я должна признаться, что меня мучитъ совѣсть, когда я прибѣгаю ко лжи.

— Это вѣдь невинная ложь, — сказалъ Болеславъ, — и иногда она бываетъ необходима въ жизни.

Опять появилась Зося и прервала эту бесѣду.

— Теперь маршъ! — крикнула она и побѣжала къ берегу.

Болеславъ сѣлъ на весла, и они поплыли вверхъ по рѣкѣ.

Зося сначала отдыхала послѣ своей бѣготни, мурлыкая какую-то украинскую пѣсню. Много такихъ пѣсенъ переняла она

отъ своей пріятельницы. Мотивъ показался Болеславу знакомымъ. Онъ слышалъ его на сѣнокосѣ. Заинтересовали его и слова пѣсни, которыя онъ разобралъ тогда только урывками.

— Спой, Зосичка, эту пѣсню, какъ слѣдуетъ,—попросилъ онъ.

— Куда мнѣ!—отвѣтила она.—Пусть споетъ Катруся,—такъ это будетъ совсѣмъ какъ слѣдуетъ.

Катруся не заставила долго просить себя и запѣла. У нея былъ чистый, пріятный сопрано, и пѣла она съ такимъ глубокимъ чувствомъ, съ такими тонкими переливами голоса и съ такой выразительностью, какъ можетъ пѣть только тотъ, кто съ дѣтства сроднился съ особенностями украинской музыки. Зося, обладая прекраснымъ слухомъ, вторила подругѣ. Болеславъ слушалъ съ восхищеніемъ и обратилъ особенное вниманіе на слова пѣсни:

«А я піду, а я піду
Въ темный лугъ по каліну,—
Чи не побачу, чи не зустріну
Свою вірную дівчину.
Моя вірная дівчина
Въ темнымъ лузі заблудыла,
Тільки слідочокъ зъ підъ білыхъ ніжочокъ,
Де милая походыла.
Ой вырву я листочокъ,
Да прикрыю я слідочокъ,
Щобъ не засыпавъ, щобъ не розвіявъ
Буйный вітеръ пісочокъ».

— Какая прелесть! Я никакъ не ожидалъ такой нѣжности, такой тонкости чувства въ народныхъ пѣсняхъ,—сказалъ Болеславъ.

— О, вы не знаете нашихъ пѣсенъ. Есть очень много гораздо лучше этой. Только всѣ почти онѣ печальныя, какъ печальна и наша крѣпостная доля,—отвѣтила Катруся.

И, не ожидая просьбы, она, вдохновляемая обстановкой, пѣла одну пѣсню за другою.

— А который часъ?—спохватилась Зося.—Вѣдь намъ нужно завтра встать очень рано.

Болеславъ зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы. Оказалось больше одиннадцати. Всѣ очень удивились: такъ незамѣтно пролетѣло больше трехъ часовъ.

— Спасибо, большое спасибо, Катруся!—горячо поблагодарилъ Болеславъ, крѣпко пожимая руку дѣвушки, когда они вышли изъ лодки.—Этого вечера и вашихъ пѣсенъ я никогда не забуду.

Слѣдующій день на полѣ прошелъ очень весело. И молодые люди, и гувернантки, и Генрихъ Карловичъ сносили усердно снопы и, наработавшись до утомленія, съ волчьимъ аппетитомъ поглощали привезенные изъ дома припасы.

Это были *обжинки*, и для жнецовъ было приготовлено угощеніе отъ экономіи.

По окончаніи работъ дѣвушки, по обычаю, поднесли Зосѣ букетъ ржаныхъ колосьевъ, убранныхъ полевыми цвѣтами, съ пожеланіемъ богатой жатвы въ будущемъ году.

На другой день за утреннимъ чаемъ Зося вдругъ объявила:

— Господа, сегодня вечеромъ идемъ въ гости къ Крыстѣ.

Она вспомнила дѣтство, когда они съ наслажденіемъ проводили цѣлые вечера у Крысти, слушая ея безконечныя сказки.

Крыстя приготовила для гостей разныя сладости и нѣсколько часовъ развлекала ихъ, но уже не сказками, а воспоминаніями о далекомъ прошломъ, что она помнила сама, и что слышала въ молодости отъ стариковъ. Вечеръ очень понравился всѣмъ, и Болеславъ поцѣловалъ сестру за ея выдумку. Слѣдующіе вечера до пріѣзда графини проходили также у Крысти.

Прошло еще полтора мѣсяца. Болеславъ видѣлъ Катрусю только за обѣдомъ и изрѣдка утромъ, заходя въ комнату сестры. Молодые люди почти не говорили между собой. Но взгляды, которыми они невольно обмѣнивались при встрѣчахъ, выражали все, чего нельзя было выразить словами.

Въ сентябрѣ Болеславъ собрался въ Петербургъ. Наканунѣ выѣзда онъ долго бесѣдовалъ въ паркѣ съ Зосей и взялъ съ нея слово писать попрежнему еженедѣльно, сообщая обо всемъ и о Катрусѣ.

— Если мама будетъ ее преслѣдовать и обременять работой, пиши мнѣ: я готовъ принять всѣ мѣры, чтобы защитить твою подругу,—прибавилъ онъ.

VII.

Болеславъ былъ пораженъ своею квартирой въ Петербургѣ. Она состояла изъ двѣнадцати обширныхъ комнатъ. Мебель, занавѣси, картины, лампы, посуда, — все это было верхомъ роскоши и изящества. Опытному дворецкому приказано было остаться при графѣ. За нѣсколько дней до выѣзда Болеслава изъ дома графиня отправила сюда повара съ помощникомъ и трехъ лакеевъ.

Цѣлый мѣсяцъ пришлось Болеславу кружиться въ вихрѣ столичной свѣтской суеты. Представленія начальству, знакомство съ товарищами, многочисленные визиты знатнымъ и высокопоставленнымъ лицамъ по указанію матери, посѣщеніе театровъ, которые онъ очень любилъ, для чего, тоже по настоянію матери, у него были абонированныя кресла, — вся эта суета совершенно поглотила молодого человѣка. Онъ почувствовалъ, что она плохо дѣйствуетъ на его здоровье, и рѣшилъ установить болѣе правильную жизнь. Блестящаго, молодого, знатнаго богача засыпали со всѣхъ сторонъ приглашеніями на обѣды, рауты и балы. Онъ по большей

части любезно отказывался отъ этихъ приглашеній. Затѣмъ онъ рѣшилъ два вечера въ недѣлю проводить дома.

Это были лучшіе его вечера. Онъ много читалъ, перелистывалъ съ наслажденіемъ письма Зоси и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ за роялемъ, наигрывая мотивы украинскихъ пѣсенъ, положенныхъ, по его просьбѣ, Зосей на ноты съ голоса Катруси. Относительно положенія Катруси, онъ немного успокоился. Вскорѣ послѣ его выѣзда Зося сообщила, что она упросила мать разрѣшить ея подругѣ снова постоянно быть при ней, и что вообще обращеніе графини съ Катрусей замѣтно смягчилось. Много занимался Болеславъ и составленіемъ плана дома въ Липовкѣ. Нѣсколько разъ онъ чертилъ, перечерчивалъ и, наконецъ, пригласилъ архитектора-художника, который, по его указанію, нарисовалъ планъ съ прекраснымъ фасадомъ. Съ о. Аѳанасіемъ поддерживалась оживленная переписка. Старый священникъ сообщалъ, что землемѣръ уже отвелъ крестьянамъ дополнительные надѣлы, что новый управляющій точно выполняетъ распоряженія графа и хорошо относится къ его крѣпостнымъ, что перестройка крестьянскихъ дворовъ успѣшно подвигается, и что все населеніе Липовки благословляетъ своего новаго владѣльца.

Разъ въ мѣсяцъ Болеславъ устраивалъ у себя холостые пріемы, звалъ обыкновенно всѣхъ товарищей-офицеровъ и нѣсколько молодыхъ людей изъ передовой интеллигенціи, съ которыми охотно свелъ знакомство. Унаслѣдовавъ отъ матери отвращеніе къ пьянству, самъ онъ пилъ очень мало, и ему очень непріятно было смотрѣть, какъ его гости черезчуръ увлекаются его роскошными ужинами и дорогими винами.

Среди товарищей Болеслава былъ только одинъ, съ которымъ онъ былъ особенно, близокъ, еще въ пажескомъ корпусѣ. Это былъ Станиславъ Корецкій, сынъ небогатаго помѣщика, такъ же, какъ и Болеславъ, питавшій отвращеніе къ военной службѣ и такъ же не могшій бросить ее, уступая честолюбивымъ стремленіямъ отца. Друзья видѣлись почти ежедневно, вели откровенныя бесѣды, и Болеславъ былъ вполнѣ увѣренъ, что Стась готовъ кинуться за него въ огонь и въ воду. Но главной своей тайны онъ не повѣрялъ другу.

Матери Болеславъ писалъ длинныя письма о посѣщеніяхъ великосвѣтскихъ раутовъ и баловъ, о домахъ и дѣвицахъ, блиставшихъ на этихъ балахъ, даже объ ихъ нарядахъ и о томъ, съ кѣмъ онъ больше танцовалъ. Сообщалъ онъ съ увлеченіемъ о проектѣ липовскаго дома и даже послалъ матери копію плана и фасада дома. Опасенія графини замолкали.

Въ апрѣлѣ Болеславъ заболѣлъ. Изнурительная лихорадка промучила его почти полтора мѣсяца. Едва оправившись, онъ взялъ отпускъ и поспѣшилъ домой.

В. Хижняковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Автобіографическія записки В. М. Максимова.

(Продолженіе.)

Вступаю въ новую жизнь.

Зять мой Алексѣй Ивановичъ Виноградовъ, окончивъ курсъ въ семинаріи по первому разряду, не искалъ мѣста священника, а взялъ мѣсто псаломщика въ церкви Департамента Удѣловъ по слабости здоровья. Здѣсь служба была только по праздникамъ и въ Великомъ посту ежедневная, а на лѣто онъ свободно уѣзжалъ, куда хотѣлъ. Въ дополненіе къ содержанію давалъ уроки закона Божія въ домахъ высокопоставленныхъ лицъ. Онъ много читалъ и былъ очень просвѣщеннымъ человѣкомъ.

В. М. Максимовъ. (1868 г.)

Однажды онъ пришелъ ко мнѣ осмотрѣть мое «приданое» и нашелъ его никуда негоднымъ. Капитала моего находилось у него на сбереженіи 100 рублей слишкомъ. Рѣшено обзавестись всѣмъ необходимымъ; онъ человѣкъ опытный, все устроилъ на диво хорошо и не дорого: всякаго бѣлья по полдюжины, столоваго двѣ смѣны, платья—по заказу—двѣ новыя пары, отличное пальто и, о счастье, превосходный самоваръ съ мѣднымъ подносомъ и другимъ желѣзнымъ, лакированнымъ, при чемъ не была забыта и чайница съ китайцами.

Съ этихъ поръ я потребовалъ отъ кухарки, чтобы она ставила «мой» самоваръ, послѣ чаепитія она убирала со стола и мой самоваръ уносила въ кухню, я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на мою удаляющуюся собственность, каждый разъ, проходя по кухнѣ, я взглядывалъ на полку, гдѣ онъ красовался. Теперь это смѣшно, а тогда — тогда мнѣ было восемнадцать лѣтъ.

Въ маѣ 1862 г. зять сильно захворалъ, докторъ отправилъ его лѣчиться, я остался безъ руководителя. Переѣхалъ я на Васильевскій Островъ, въ надеждѣ поблизости Академіи найти какого-нибудь студента, который взялся бы за недорогую плату за-

ниматься со мной. Поселившись на 5 линіи, въ д. Раменскаго, я обѣдалъ въ кухмистерской Мартиновскаго въ этомъ же домѣ. Новость положенія занимала меня: обѣдать вмѣстѣ со студентами, такими славными, простыми людьми, слышать ихъ горячіе, хотя совсѣмъ непонятные мнѣ, споры, все заставляло стремиться скорѣе попасть въ Академію и самому начать учиться всѣмъ наукамъ.

Однажды по окончаніи обѣда цѣлая компанія продолжала сидѣть, перекидываясь незначительными словами, веселый молодой студентъ спросилъ не обращаясь ни къ кому лично:

— Кто сегодня пригласитъ меня чай пить.

Товарищи молчали. Я вызвался напоить его чаемъ, сказавъ, что живу въ этомъ же домѣ. Студентъ взялъ шляпу, палку и пошелъ со мной. Пока грѣли самоваръ, я сознался, что пригласилъ его не безкорыстно, объяснивъ въ чемъ дѣло.

— Очень жаль, говорю вѣрно, жаль, а не могу, — сказалъ онъ, — такъ какъ самъ завтра уѣзжаю поучать младенцевъ богатыхъ дураковъ, а то направилъ бы васъ, какъ бритву.

— Прощаясь, онъ указалъ на Василеостровскую воскресную школу, гдѣ, пожалуй, найдется кто-нибудь.

Въ школѣ засталъ я одного Ф. Ф. Резнера[1]), онъ далъ нѣсколько адресовъ, гдѣ могли заниматься у себя на дому, а по воскресеньямъ велѣлъ приходить сюда. Когда бы я ни приходилъ къ Резнеру, около него всегда толпилась куча дѣтей, и онъ старался сдѣлаться маленькимъ, прыгалъ съ ними по-ребячьи, играя въ педагогическія игры, выходило смѣшно, и жалко было этого верзилы съ суровымъ лицомъ.

По всѣмъ предметамъ, кромѣ ариѳметики и геометріи, я долбилъ, какъ только просыпался, по грамматикѣ зубрилъ безсмысленно, задачи по геометріи — нѣсколько теоремъ — зналъ толково, ариѳметика не давалась, пугала, я дошелъ до сознанія, что я дуракъ и, надо сказать правду, должно-быть, посторонніе люди, посмотрѣвши на меня во время рѣшенія задачи, соглашались признать меня таковымъ.

Павелъ Александровичъ Брюлловъ вернулся въ воскресную школу раньше другихъ; ему Резнеръ указалъ на меня, — осталось до экзаменовъ всего одинъ день, провелъ его съ Брюлловымъ безполезно, утвердившись окончательно въ своей полной неспособности. По рисованію я сдалъ на пять.

Никогда нигдѣ не сдававшій словесныхъ экзаменовъ, я, какъ только увидѣлъ важныхъ господъ за столомъ, понялъ свою погибель, но... положась на Бога, пошелъ. Въ ушахъ раздавался звонъ, голосъ пропалъ, не слышалъ я, когда меня вызвали; кто-то пихнулъ въ спину, сказавши:

---

[1]) Извѣстный педагогъ.

— Иди къ столу.

Священникъ далъ время оправиться и такъ мягко, ласково началъ спрашивать, что я вполнѣ овладѣлъ собой, отвѣчалъ сознательно на всѣ вопросы и получилъ пять. По всеобщей и русской исторіи я получилъ по 4, по географіи 4, по русскому языку Эвальдъ также ласково заставилъ прочитать Лермонтова «Герой нашего времени», «Знакомство съ Максимомъ Максимовичемъ, «Я ѣхалъ на перекладныхъ» и т. д. Я читалъ хорошо, разбирая предложеніе, сдѣлалъ одну ошибку и до того растерялся, что готовъ былъ бѣжать... ну, думаю, все кончено. Но Эвальдъ такъ ласково наводилъ на путь, допытывался моихъ познаній, что я снова оправился. «Довольно» — произнесъ онъ и записалъ. Очень мало онъ меня спрашивалъ, я былъ увѣренъ въ провалѣ. По геометріи попали двѣ хорошо знакомыя задачи, поэтому я особенно смѣло приступилъ къ рѣшенію и прекрасно довелъ до конца; экзаминаторъ, видимо, смекнулъ о случайно зазубренныхъ теоремахъ, далъ третью, такую хитрую, что я не зналъ съ чего начать; онъ наклонился къ одному изъ важныхъ лицъ — А. П. Брюллову, тотъ ему кивнулъ головой, и онъ началъ спрашивать по ариѳметикѣ. Съ большимъ трудомъ я кончилъ первую задачу, а на второй и третьей сѣлъ въ лужу — въ отчаяніи сознавшись, что я ничего не знаю. Экзаминаторъ, хромоногій человѣкъ, нѣсколько разъ то поднималъ, то опускалъ плечи, какъ бы спрашивая себя: что я съ нимъ буду дѣлать. Въ это время ко мнѣ обратился съ вопросомъ все тотъ же важный господинъ, Ал. П. Брюлловъ:

— Ты живописецъ?

— Точно такъ, — отвѣчаю я.

— Ну, такъ съ него и того довольно.

Нерадостно смотрѣлъ я на толпившихся молодыхъ людей, не быть мнѣ ихъ товарищемъ. Въ назначенное время прихожу въ канцелярію. Конференцъ-секретарь Ф. Ф. Львовъ и инспекторъ Трейцнеръ выдаютъ документы, говорятъ пріемныя отмѣтки, назвалъ я свою фамилію. По экзаменаціонному списку я принятъ, но у меня нѣтъ необходимыхъ документовъ: метрическаго свидѣтельства и увольненія отъ сельскаго общества. Я просилъ дозволить мнѣ посѣщать Академію — Львовъ отказалъ, велѣлъ прійти послѣ засѣданія академическаго совѣта. Рѣшеніемъ совѣта опредѣленъ срокъ доставленія документовъ 1862 г., 15 октября, по сдачѣ репетицій по предметамъ наукъ,—зачисленіе въ ученики Академіи.

Шлю брату 20 рублей денегъ, молю объ увольненіи, еще и еще пишу, — отвѣта нѣтъ. Одновременно пишу крестному отцу и крестной матери сходить къ священнику съ письмомъ отъ от. Трефилія просить выдать метрику съ указаніемъ на пропускъ, тоже безъ отвѣта. Наконецъ получаю отъ брата письмо самаго прискорбнаго содержанія. Во-первыхъ, онъ благодаритъ за деньги,

11*

ему присланныя, по его мнѣнію, въ уплату податей, которыя онъ платилъ за меня съ малыхъ лѣтъ, а сельское общество отказалось выдать увольненіе, потому что я состою на очереди въ солдаты, такъ за меня другому кому-нибудь служить надо, коли самъ не хочетъ служить, пускай, говорятъ, нанимаетъ рекрута. Сулилъ поставить вина, и того не захотѣли, сказали: дешево хочешь купить. Священникъ отвѣтилъ дядѣ Трефилію, что пусть племянникъ подаетъ прошеніе въ Консисторію, она пришлетъ мнѣ распоряженіе, тогда я, опросивъ крестьянъ, могу выдать метрику.

Прошеніе въ Консисторію подано съ приложеніемъ на производство «5 рублей» — этого оказалось мало, прибавка мнѣ надоѣла. Дядя просилъ брата Василія повліять на дѣло черезъ митрополита, на просьбу отвѣта не послѣдовало. Младшій братъ матушки моей служилъ при митрополитѣ иподіакономъ, обучая ритуалу новопоставляемыхъ во священники и діаконы лицъ, — должность доходная, развившая въ немъ жадность. Этотъ скупой дядя, безъ сомнѣнія, могъ бы помочь племяннику, но... не помогъ.

Опредѣленный совѣтомъ Академіи срокъ прошелъ, я доложилъ Ф. Ф. Львову, онъ велѣлъ съ 1 января поступить вольнослушателемъ и работать, а тамъ видно будетъ, что надо сдѣлать, смотря по успѣхамъ. Эти слова подавали надежду, стало-быть, при успѣхѣ всего можно достигнуть.

Подсчитавъ всѣ мои наличные, я пришелъ въ ужасъ. Первая половина Сергіевскаго заказа давно сдана, деньги израсходованы, изъ второй еще не кончены 7 иконъ преп. Сергія малаго размѣра. Засѣлъ за работу плотно и къ Рождеству поѣхалъ въ пустынь. Здѣсь меня ждали. Нужны были три образа святителя Тихона всѣ сразу; мнѣ объявили — «не вздумайте праздновать Святки, привозите работу наканунѣ Крещенья». Заготовивъ по трафарету 6 штукъ, я съ большимъ трудомъ закончилъ къ сроку три образа, свезъ и остался на сутки въ гостяхъ. Архимандритъ послѣ водосвятія наскоро пообѣдалъ и съ хоромъ куда-то поѣхалъ со святой водой, взявъ всѣ три образа. Агафангелъ, знавшій приключенія съ экзаменами, обрадовался совѣту, данному Львовымъ, о чемъ сказалъ архимандриту, когда мы были у него. Святителя Тихона, 4 иконы и одну Маріи Магдалины лично для себя заказалъ архимандритъ, а монастырскій заказъ я получалъ отъ казначея, который къ Великому посту велѣлъ приготовить до 30 штукъ мелкихъ сортовъ преп. Сергія, самыхъ для меня не выгодныхъ. Но все-таки цѣль была достигнута — у меня оказалось въ карманѣ девяносто рублей.

Къ началу занятій въ Академіи — января 7 дня 1863 г. — я внесъ полугодовую плату — 12 р. 50 к., какъ вольнослушающій ученикъ Академіи Художествъ.

Съ благоговѣніемъ вошелъ я въ головной классъ, гдѣ поставлена была гипсовая голова Люція Вера. Я имѣлъ право занять оставшееся свободнымъ мѣсто послѣ всѣхъ, — таковое оказалось на послѣдней скамьѣ амфитеатра. Дальность разстоянія, плохо освѣщенный рисунокъ, недостатокъ въ руководителѣ (дежурилъ Висteліусъ), трудность передачи формы курчавыхъ волосъ на головѣ и бородѣ окончательно сбили меня съ толка, и я ощупью довелъ до конца первый рисунокъ, за который получилъ послѣдній нумеръ — 69-й.

Второй рисунокъ головы «Юпитера» при руководителѣ П. П. Чистяковѣ, показавшемъ пріемъ тушовки, я нарисовалъ сознательно, получилъ 30-й номеръ, третій рисунокъ съ головы «Аріадны», при томъ же первомъ руководителѣ Висteліусѣ, нарисовалъ безъ его поправокъ и получилъ 11-й номеръ. На третной, экзаменаціонный мѣсяцъ, поставлена голова «Бахуса», съ удобнаго по свѣту и разстоянію мѣста, я рисовалъ ее съ увлеченіемъ и шестымъ номеромъ переведенъ въ классъ гипсовыхъ фигуръ. Въ этомъ классѣ въ маѣ мѣсяцѣ сдѣлалъ одинъ рисунокъ со статуи «Германика», получивъ № 10 изъ 73 поданныхъ рисунковъ.

Съ поступленія въ Академію времени для писанія иконъ у меня осталось немного, такъ какъ мнѣ очень хотѣлось ходить на лекціи, я ходилъ, не разбирая курсовъ, — вездѣ было интересно. Здѣсь я случайно познакомился съ сыномъ профессора Алексѣя Максимовича Горностаева [1]) — Вадимомъ Алексѣевичемъ, и разсказалъ ему о встрѣчѣ съ его отцомъ у Пѣшехонова. Спустя нѣкоторое время Вадимъ привелъ меня въ семью отца. Здѣсь я скоро освоился, сошелся съ его братомъ Діодоромъ, восторженнымъ юношей. Здѣсь услышалъ я разумный совѣтъ не бѣгать на всѣ курсы, а ходить на первый и больше читать русскихъ писателей, отдавая отчетъ въ прочитанномъ у нихъ въ домѣ.

Я жилъ въ крохотной комнатѣ рядомъ съ большой комнатой студента «Михайлича», соединявшейся плохо закрытой дверью. Къ нему такъ много ходило товарищей и такъ много они говорили о французскихъ революціяхъ, о движеніи въ Польшѣ, о нашемъ скверномъ правительствѣ, что у меня голова вскружилась отъ напряженнаго усилія понять смыслъ разговоровъ, пересыпаемыхъ иностранными словами: деспотизмъ, абсолютизмъ, прерогативы и т. д. Иногда скоплялось такъ много народа, что сосѣдъ просилъ позволенія открыть двери въ мою комнату.

Начались подтруниванія надъ моимъ писаніемъ образовъ и вообще надъ «художествомъ», а я только отмалчивался.

Занятія въ Академіи кончились. Свободнаго времени стало больше, я, напряженно работая, кончилъ весь заказъ въ мона-

---

[1]) Алексѣй Максимовичъ Горностаевъ извѣстный архитекторъ.

стырь. Расплатившись съ долгами, я могъ свободно отдохнуть въ деревнѣ, куда меня давно тянуло.

Алексѣй Өедоровичъ Калмыковъ, какъ послушникъ, обязанъ былъ явиться въ монастырь, мы уговорились ѣхать вмѣстѣ на телячьей лодкѣ, по примѣру моей первой поѣздки по время бѣгства отъ Пѣшехонова.

Прощаясь съ сéмьей Горностаевыхъ, я разманилъ Діодора, и его отпустили съ нами въ деревню, снабдивъ провизіей чуть не на мѣсяцъ и книгами для чтенія: Достоевскаго «Записки изъ мертваго дома», «Униженные и оскорбленные» и нѣсколько томовъ Тургенева.

Хозяинъ телячьей лодки Алексѣй Парамоновъ, молодой, умный крестьянинъ, взялъ съ насъ по 1 р. 25 к. до Старой Ладоги съ тѣмъ, чтобы устроитъ намъ удобное спанье, и самоваръ день и ночь къ нашимъ услугамъ. Мы блаженствовали всю дорогу отъ Петербурга, до половины пути по каналу, когда встрѣчные судовщики стали сообщать тревожныя вѣсти о бунтѣ рабочихъ подрядчика Гладина, проводившаго новый каналъ императора Александра II. Недовольные харчами и расчетомъ рабочіе на-смерть поколотили свое начальство, а затѣмъ пошла партійная неурядица: дрались витебскіе рабочіе съ смоленскими... Мы издали слышали ревъ голосовъ и смѣло подъѣзжали къ разореннымъ баракамъ, около которыхъ сѣрая толпа наступала и защищалась отъ ударовъ кольевъ, лопатъ. Хозяинъ нашъ поторопился поскорѣе убраться подальше отъ этого мѣста, не дождавшись уже подъѣзжавшихъ козаковъ. Въ Новой Ладогѣ мы гостили цѣлыя сутки у дяди Трефилія, очень довольнаго моимъ разсказомъ о жизни за всѣ годы, хотя ему многое было извѣстно отъ зятя. На другой день при попутномъ вѣтрѣ мы на парусѣ быстро доѣхали до Старой Ладоги, гдѣ на время разстались съ Калмыковымъ: онъ пошелъ въ монастырь, а мы—въ деревню Лапино.

Братья Алексѣй и Өедоръ встрѣтили насъ радостно, а Варвара приняла мои подарки: чай, сахаръ и другую мелочь, чуть не со слезами. Одно было печально, ихъ старшая дочь была давно безнадежно бóльна, лежала въ постели прибранная къ смерти, т.-е. во все чистое.

Мы заняли заднюю избу и послѣ отправились осматривать окрестности, съ дѣтства привлекавшія меня красотой; Діодоръ Горностаевъ тоже былъ въ восторгѣ.

Утромъ рано я вышелъ въ переднюю избу, вижу брата Алексѣя и Варвару стоящихъ у постели больной дочери, около нихъ разные предметы, приготовленные для дневки на сѣнокосѣ. У изголовья кровати трехлѣтняя дѣвочка Маша спитъ, обнявшись съ котомъ. «Уходя на работу братъ и невѣстка прощались съ больной, оставляя домъ на эту крошку», подумалъ я; и горько мнѣ стало за крестьянскую долю.

Когда они ушли на сѣнокосъ, я остался у больной, а Ѳедя повезъ Діодора въ монастырь къ Калмыкову. Въ нѣсколькихъ положеніяхъ я нарисовалъ больную и всю обстановку. Скоро больная потеряла сознаніе и на другое утро скончалась. Сильное впечатлѣніе оставила во мнѣ смерть этого десятилѣтняго ребенка; много мы толковали съ Діодоромъ о безпомощности крестьянъ: нѣтъ у нихъ ни медицинской помощи ни денегъ, живутъ въ забросѣ, тянутъ за всѣхъ податную. Невольно вспомнились мнѣ собранія молодежи, ихъ красивыя слова о народѣ, о свободѣ за стаканомъ пива въ шумномъ обществѣ.

Во время лѣта Калмыковъ совсѣмъ отбился отъ монастыря, жилъ съ нами, мы много рисовали; Діодоръ неутомимо читалъ намъ. Передъ отъѣздомъ мы съ Калмыковымъ уговорились жить въ одной комнатѣ и нашли ее въ д. Кюршина по 3-й линіи Васильевскаго Острова, у торговца кожами Кузьмы Петровича.

Въ огромной комнатѣ, какія встрѣчаются въ домахъ старинной постройки, мы превосходно устроились для работы съ натурщиковъ; къ намъ стали приходить избранные товарищи: Викторъ Алексѣевичъ Бобровъ и Александръ Константиновичъ Дамбергъ, оба хорошіе рисовальщики. Три вечера въ недѣлю, свободные отъ занятій, мы употребляли на рисованіе и писаніе красками съ наемныхъ натурщиковъ, или съ добровольцевъ, или сами по очереди позировали. Былъ у насъ присяжный чтецъ ученикъ Академіи К. М. Матвѣевскій, никогда не манкировавшій обязанностью, онъ подписывался въ библіотеку, въ помощь ему служилъ Ив. Ѳед. Еремѣевскій, сочиненія выбирались съ общаго согласія. Изъ иностранныхъ: Диккенсъ и Теккерей, Гюго, Жоржъ-Зандъ, а больше свои: Гоголь, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Островскій, Тургеневъ, Писемскій и какой-либо случайный.

Количества часовъ у насъ не было установлено, работали до тѣхъ поръ, пока не уставали.

Денежныя дѣла мои были очень плохи, изъ монастыря заказовъ было мало и все дешевые, потому я очень обрадовался явившемуся съ заказомъ донскому казаку, котораго прислалъ ко мнѣ помощникъ инспектора А. П. Поляковъ. Образъ св. Николая для приходской церкви въ $1^1/_2$ арш. за 75 рублей я очень скоро написалъ и, кромѣ того, написалъ съ казака этюдъ въ одинъ сеансъ— этюдъ вышелъ похожъ, и я подарилъ его заказчику.

Черезъ недѣлю приходитъ казакъ съ товарищемъ, чтобы я написалъ его теперь же за пять рублей. Къ вечеру портретъ былъ готовъ. Много я потомъ писалъ казаковъ за разныя цѣны; работа эта была мнѣ по душѣ, только жаль, что она не была постоянною, поэтому зачастую, какъ и во время писанья дешевыхъ образовъ, приходилось сидѣть на селедкѣ съ хлѣбомъ и сухарныхъ обрѣзкахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Октябрь былъ третной мѣсяцъ, за рисунокъ группы «Бойцовъ» я оставленъ въ классѣ 1-мъ номеромъ. Занявъ лучшее мѣсто, я началъ рисунокъ, но продолжать едва могъ, — такъ у меня разболѣлись глаза. Ректоръ Бруни, посѣщая классъ, обратилъ вниманіе на мой зеленый козырекъ и тряпку съ примочкой, которую я часто мѣнялъ; онъ посовѣтовалъ оставить работу, отдохнуть нѣсколько дней, я кончилъ рисунокъ съ 19-мъ номеромъ. Въ ноябрѣ рисовалъ съ большими отдыхами, не утруждая глазъ, и опять получилъ близкій номеръ, а съ этого номера пришлось рисовать третной рисунокъ «Боецъ» (одна фигура), за него я переведенъ въ натурный классъ 6-мъ номеромъ.

Большое счастье работать въ натурномъ классѣ, здѣсь лучшіе профессора и больше вниманія къ учащимся.

Утренній этюдный классъ отъ 10—1 дня занималъ меня чрезвычайно, у меня заранѣе уже былъ приготовленъ холстъ, и я не пошелъ, а побѣжалъ туда, сломя голову. Первый этюдъ я одолѣлъ съ трудомъ, но все же получилъ номеръ въ первомъ десяткѣ, за вечерній рисунокъ во второмъ десяткѣ, за эскизъ «Изгнаніе изъ храма торгующихъ» 6-й номеръ.

Въ вечернемъ классѣ я засталъ рисующими вступившихъ въ ученики въ 1862 году: Порлаида, Рѣпина и Савицкаго, и вмѣстѣ со мной переведенныхъ: Полѣнова, Семирадскаго, Урлауба и Макарова, здѣсь же работали и вступившіе по старымъ правамъ: Сухоровскій, Бобровъ, Дамбергъ, а также и мой старый другъ и сожитель А. Ѳ. Калмыковъ.

Въ дни экзаменовъ, когда осматривали эскизы на библейскія темы, стонъ стоялъ отъ хохота надъ иными эскизами. При отсутствіи фантазіи брали чужую картину, срисовывали съ нея на оборотъ и представляли на экзаменъ или подбирали изъ разныхъ картинъ по одной, по двѣ фигуры разныхъ эпохъ и народностей, а иные самостоятельно городили такую дичь, что нарочно не придумаешь ничего подобнаго. Находились остроумцы, которые высмѣивали выборъ сюжета, какъ напримѣръ, Лесли на сюжетъ «Товія исцѣляетъ глаза желчью», написалъ превосходно леща съ кашей, а желчь въ стеклянной банкѣ.

Чтобы не стать посмѣшищемъ, мой другъ Калмыковъ всегда заказывалъ мнѣ обязательный къ подачѣ при этюдѣ эскизъ, за что платилъ мнѣ ежемѣсячнымъ доставленіемъ холста для этюда и бумаги для рисунка.

Во время занятій въ натурномъ классѣ у меня дѣло шло очень удачно по всѣмъ тремъ предметамъ: за сочиненіе эскизовъ часто я получалъ первые номера, за этюды всегда въ первомъ десяткѣ, за рисунки въ первомъ и одинъ разъ во второмъ, въ апрѣльскую треть получилъ вторую серебряную медаль. Совѣтъ уже и раньше представлялъ меня академику Солнцеву, завѣдывавшему

стипендіями Министерства Государственныхъ Имуществъ, какъ достойнаго получать стипендію, но безуспѣшно, теперь отъ него потребовали зачисленія меня въ списки, о чемъ заявилъ мнѣ инспекторъ.

Неожиданно я получилъ изъ Академіи 25 руб. въ видѣ поощренія. Это было такъ кстати: у меня не было въ карманѣ ни одной копейки, а долги росли.

Но еще неожиданнѣе былъ выѣздъ Калмыкова изъ занимаемой нами комнаты. Едва успѣли за Калмыковымъ закрыть двери, ко мнѣ явился гость—отецъ Антоній. Пока онъ разсматривалъ мои этюды, рисунки, эскизы, портретъ съ самого себя въ зеркало, той порой хозяинъ мой, купецъ Кузьма Петровичъ, устроилъ чай съ закуской. Сидя за чаемъ хозяинъ такъ хвалилъ меня, словно товаръ въ лавкѣ, я готовъ былъ провалиться отъ стыда, наговорить глупостей, но отецъ Антоній заговорилъ о Калмыковѣ и попросилъ меня сходить за нимъ, если это не далеко. Когда я возвратился, гость предложилъ мнѣ написать для него образъ «Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи», размѣръ по моему усмотрѣнію.

Долго еще бесѣдовалъ съ нами отецъ Антоній, наконецъ обратился ко мнѣ съ слѣдующей рѣчью: «Когда ты, Васенька, уходилъ изъ монастыря, я обѣщалъ тебѣ помощь, а не помогъ тебѣ ни въ чемъ, сегодня я счелъ своимъ долгомъ сосчитаться съ Кузьмой Петровичемъ за твое содержаніе и денежный заемъ. За образъ плата отдѣльная,—работой поспѣши». Онъ былъ трогательно добръ и ласковъ ко мнѣ.

Образъ былъ начатъ на другой день, матеріаломъ служила маска папы Юлія II работы Микель-Анджело и голова Іоанна Крестителя, Иванова. Десятивершковый размѣръ я свободно написалъ въ 10 дней. Зашелъ ко мнѣ академикъ Крестоносцевъ и расхвалилъ мою работу, я былъ радъ, что могъ угодить такому требовательному художнику, скупому на похвалы. Доставилъ образъ от. Антонію, и тому угодилъ. Прощаясь, онъ далъ мнѣ конвертъ, благословилъ начинать писать задуманнную мною картину «Больное дитя», сюжетъ которой былъ навѣянъ смертью моей племянницы, и мы разстались надолго.

У дочери Кузьмы Петровича умеръ мужъ, она должна была съ дѣтьми перебраться къ отцу, я на время помѣстился у Виктора Алексѣевича Боброва, гдѣ и столовался. Онъ вычертилъ перспективную сѣть по эскизу для картины «Больное дитя», меня подмывало скорѣе ѣхать въ Ладогу, но еще классы въ маѣ продолжались. Той порой Крестоносцевъ устроилъ квартиру для совмѣстной работы и жизни по примѣру художественной артели, годъ назадъ образовавшейся изъ 13 вышедшихъ изъ Академіи художниковъ.

Только что успѣли закрыть классы, я рѣшилъ ѣхать. У меня было около 80 руб. Надо было явиться къ конференцъ-секретарю Ф. Ф. Львову. Онъ принялъ меня у инспектора, съ похвалой отозвался о занятіяхъ и, вручая мнѣ ученическій билетъ на жительство, сказалъ, что теперь нечего бояться солдатчины, нужно только учиться и сдавать экзамены.

Перевезъ я всѣ свои вещи въ квартиру Крестоносцева, познакомился здѣсь съ Николаемъ Андреевичемъ Кошелевымъ, съ его другомъ Алексѣемъ Александровичемъ Киселевымъ (съ остальными сообщниками я былъ знакомъ), переночевавъ здѣсь нѣсколько ночей и закупивъ все необходимое, уѣхалъ въ Ладогу 4 іюня 1864 года.

Черезъ день я уже сидѣлъ за картиной, обрабатывалъ углемъ фигуры брата Алексѣя и невѣстки Варвары, пользуясь ихъ свободнымъ временемъ, такъ какъ въ нашихъ мѣстахъ сѣнокосъ начинаютъ послѣ Иванова дня или даже Петрова дня.

Съ семи часовъ утра и до 5 часовъ вечера занимался я не чувствуя усталости. Главныя фигуры въ концѣ іюня были кончены, оставалось дописать одежду, чего безъ манекена я не могъ сдѣлать. Братъ Ѳедя помогъ мнѣ изъ соломы и пакли соорудить такую куклу, что, когда мы ее одѣли въ подобающую одежду, входившіе въ избу люди здоровались съ нею, какъ съ живой. Пришлось огородить ее рѣшеткой, чтобы не трогали руками. Ночью дѣти ее пугались, я поспѣшилъ кончить и разобралъ чучело къ удовольствію всѣхъ домашнихъ. Весь іюль провозился я за первопланной фигурой дѣвочки и больной, обстановка далась шутя.

6 августа нашъ деревенскій праздникъ, въ гостяхъ былъ дядя отецъ Трефилій, онъ понялъ сразу смыслъ картины, за нимъ и другіе гости. На третій день вечеромъ приходитъ къ намъ деревенскій выборный звать на мірскую сходку. Прихожу съ братомъ. Я попенялъ за отказъ въ увольненіи, они стали доказывать прежніе доводы, просили водки за льготы брату Алексѣю, въ водкѣ я отказалъ. Тогда деревенскій десятидворный вожакъ пугнулъ меня, что я живу съ просроченнымъ паспортомъ и мнѣ могутъ вплоть до набора въ рекруты не выдать вновь паспорта. Я прямо сказалъ, что въ паспортѣ вовсе не нуждаюсь, что скоро изъ казенной палаты въ волостное правленіе придетъ бумага о выключеніи меня изъ податныхъ списковъ, что я уже теперь получаю билетъ на жительство изъ Академіи, гдѣ учусь. Всѣхъ озадачилъ мой отвѣтъ на запугиванье, стали выспрашивать меня по-дружески, я все сказалъ безъ бахвальства о своихъ прежнихъ трудовыхъ годахъ и теперешнихъ заботахъ о своемъ дѣлѣ. Мужики мои до того расчувствовались, что за ихъ сердечность я далъ имъ 2 рубля на водку съ кренделями и простился дружески.

10 августа я простился съ домашними, меня провожала невѣстка до пароходной пристани.

Въ этотъ пріѣздъ я не былъ въ монастырѣ отчасти по недосугу, а главное потому, что тамъ не было моихъ друзей. Отецъ Антоній былъ сдѣланъ игуменомъ-настоятелемъ Череменецкаго монастыря, Калмыковъ жилъ въ Питерѣ, Аполлосъ, по проискамъ монастырскихъ пройдохъ, отданъ былъ подъ судъ и жилъ въ Сергіевской пустыни. О немъ скажу послѣ.

Чѣмъ ближе былъ Петербургъ, тѣмъ страшнѣе становилась для меня встрѣча съ товарищами: Кошелевымъ, Киселевымъ, Крестоносцевымъ, Бобровымъ, Дамбергомъ и другими. Что они скажутъ. Вызоветъ ли жалость моя картина въ людяхъ къ трудящемуся крестьянству. Товарищей моихъ оказалось налицо трое, они встрѣтили меня тепло, я поднесъ имъ наши деревенскіе гостинцы: сиговъ и проч., а Киселевъ и говоритъ: «Ты не задобривай, давай намъ скорѣе картину». Раскрыли ящикъ, — картина на мольбертѣ; всѣ молчатъ; долго сидятъ, ни словомъ не перекинутся; у меня сердце стучитъ, даже слышно. Наконецъ всѣ почти въ одинъ голосъ высказали мнѣ похвалу, въ искренности которой я не сомнѣвался, я видѣлъ, какъ серьезно они смотрѣли на картину. О недостаткахъ никто не говорилъ, хотя ихъ всѣ видѣли, и первый я самъ на нихъ указывалъ. Сидя за чаемъ, Киселевъ острилъ надо мной довольно благодушно, а Крестоносцевъ братски ухаживалъ за мной.

Въ мое отсутствіе товарищи написали цѣлый иконостасъ, конечно, главнымъ мастеромъ былъ Кошелевъ, успѣвшій еще и жениться на очень милой дѣвицѣ Оттиліи Егоровнѣ, нашей общей любимицѣ.

Показали мнѣ небольшую комнату, назначенную для жилья, здѣсь разставлены были мои вещи.

Утромъ ходилъ я въ Академію, гдѣ узналъ о стипендіи 16 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, и получилъ талонъ за 4 мѣсяца 66 руб., эти деньги по правиламъ нашей артели не входили въ раздѣлъ. Въ инспекторской сидѣлъ Ф. Ф. Львовъ въ то время, когда я получалъ талонъ. Онъ спросилъ меня, чѣмъ я занимался лѣтомъ. «Писалъ картину», отвѣтилъ я. Онъ совѣтовалъ показать картину профессору Маркову. Немедленно я доставилъ картину и сталъ ждать профессора, какъ преступникъ смертнаго приговора. Вошелъ всклокоченный, небольшого роста, худощавый старикъ и сердито проговорилъ: «Ну, что тутъ такое принесъ?» Потомъ сталъ внимательно разсматривать вблизи и издалека мое дѣтище, бормоча: «Ладно, не дурно, очень хорошо — молодецъ». Круто повернулся ко мнѣ и спокойно сдѣлалъ замѣчаніе объ излишнемъ выписываніи подробностей на заднемъ планѣ и выслѣживаніи мушекъ и лапокъ на бабьихъ сарафанахъ. — «А все-таки картина со смысломъ». Кивнулъ въ мою сторону головой и скрылся за дверью.

1864 годъ.

За картину «Больное дитя» мнѣ присуждена золотая медаль «за экспрессію». Радости моей не было конца, а между тѣмъ радость перемѣшивалась съ сомнѣніемъ: не есть ли это случайная удача. Имѣю ли я задатокъ истинныхъ способностей.

Сидимъ мы однажды за общимъ вечернимъ чаемъ, А. А. Киселевъ обращается къ Кошелеву, какъ бы продолжая ранѣе начатый разговоръ: «Да, это, къ сожалѣнію, вѣрно, но не хочется огорчать его; пусть помечтаетъ». А Кошелевъ настаиваетъ, чтобы онъ сказалъ теперь же всю непріятную правду. Киселевъ и сталъ меня уговаривать не огорчаться дикими правилами Академіи: «Не выдавать золотыхъ медалей тѣмъ молодымъ людямъ, которые не достигли совершеннолѣтія, а такъ какъ тебѣ, Максимовъ, всего только двадцать лѣтъ, то значитъ медаль будетъ считаться только «назначенной» тебѣ». И я повѣрилъ этой баснѣ. Пришелъ на актъ въ будничной одеждѣ и стоялъ на хорахъ. Когда дошелъ чередъ до меня, я не вышелъ, пока кто-то не свелъ меня въ залъ и не толкнулъ по направленію къ столу, гдѣ сидѣла великая княгиня Марія Николаевна. Получая изъ ея рукъ медаль,—я не догадался поцѣловать ея руку—пустился бѣжать къ выходной двери, чтобы смѣшаться въ толпѣ и незамѣтно улизнуть домой. За такое невѣжество порядкомъ пробралъ меня инспекторъ.

Посѣщая классы, я ходилъ на лекціи исторіи искусствъ Ив. Ив. Горностаева и по анатоміи къ Буяльскому. Въ свободное время писалъ картину «Маленькая кокетка».

Открывшаяся въ залахъ Академіи Кушелевская галлерея глубоко поразила всѣхъ насъ, изъ нея не хотѣлось уходить. Простота и обыденность сюжетовъ больше всего обращали наше вниманіе. Мы какъ будто до сихъ поръ не видѣли окружающей насъ жизни, достойной вниманія быть изображаемой и въ картинахъ. Пріемъ живописи, свѣтовыя задачи, все, все здѣсь было новое, не такое, какъ у насъ. Историческіе сюжеты трактовались какъ жанръ.— Кромвель у гроба короля Карла I (Поль Деляроша) удивительное производилъ впечатлѣніе. Принцъ Эгмонтъ передъ казнью также чуть не до слезъ доводилъ насъ. А пейзажъ Тройона «Утро съ коровами», казалось оживаетъ, такъ же какъ Освальда Ахенбаха «Монахи у монастыря». Не надо было разсказывать, картины сами говорили, учили.

Вотъ откуда явилась и моя смѣлость взять сюжетъ—«кокетка», когда-то подмѣченный въ жизни, но боязливо не признанный за сюжетъ, а теперь съ любовью исполняемый.

Все задвигалось въ Академіи.

На третьемъ экзаменѣ В. Гр. Шварцъ выставилъ большой картонъ, рисованный углемъ, сюжетъ: «Иванъ Грозный у гроба убитаго имъ сына» былъ превосходно обработанъ. Впослѣдствіи

фигуру Грознаго цѣликомъ взялъ Антокольскій для своей статуи съ картона Шварца. Привезенная Флавицкимъ изъ-за границы картина «Христіанскіе мученики въ Колизеѣ» также произвела на меня впечатлѣніе, но не сюжетомъ, а яркостью красокъ. Семирадскому она очень нравилась, я не вступалъ съ нимъ въ споръ, признавая его сужденіе авторитетнымъ, какъ человѣка образованнаго.

Знакомство мое съ Антокольскимъ началось съ выставки, когда стояла и его работа—рѣзная изъ дерева фигура еврея, вдѣвающаго нитку въ игольное ушко. За эту вещь онъ получилъ вторую серебряную медаль. Мы стали посѣщать другъ друга. Я его полюбилъ за его искреннюю любовь къ своей національности. Онъ задался въ цѣломъ рядѣ скульптурныхъ картинъ показать угнетенность евреевъ въ религіозномъ и гражданскомъ отношеніи, въ особенности въ Испаніи. Позднѣе, ради скораго и прочнаго сближенія евреевъ съ русскими, онъ началъ переводить Островскаго на еврейскій жаргонъ, но я не могъ быть цѣнителемъ, не зная ни слова по-нѣмецки. Антокольскій умѣлъ всѣмъ нравиться. Связывала меня съ нимъ одинаковость положенія: онъ также учился у мастерового по контракту и очень трудную школу прошелъ у своего единовѣрца, пока не обратилъ на него вниманія гр. Тышкевичъ. Графъ направилъ его въ Академію, снабдивъ рекомендательными письмами и ежемѣсячнымъ денежнымъ пособіемъ; рекомендація помогла Антокольскому добыть вторую стипендію изъ кабинета его величества (30 руб.), но онъ продолжалъ скрипѣть о бѣдности.

Мои академическіе успѣхи не вскружили головы только потому, что тогдашніе профессора не баловали похвалами, предъявляли еще большія требованія, да и самому мнѣ хотѣлось работать, чтобы скорѣе овладѣть техникой и приняться за картины изъ деревенской жизни. Я сознавалъ необходимость умѣть писать картины съ пейзажемъ, но не зналъ гдѣ и какъ этому научиться, не дѣлаясь спеціально пейзажистомъ.

Однажды сочиняя эскизъ «Проповѣдь Христа на Генисаретскомъ озерѣ», я увлекся пейзажемъ и написалъ группу людей съ отраженіемъ въ водѣ, употребивъ много старанія на писаніе пейзажа. На экзаменѣ за эскизъ получилъ № 2 съ замѣчаніемъ, написанномъ на фонѣ: «Не отвлекаться ландшафтомъ». Ни въ Академіи, ни у насъ въ артели никто не объяснилъ мнѣ, почему нельзя написанную въ комнатѣ фигуру изображать въ лѣсу — вообще на воздухѣ, а вѣдь это такъ просто, — стоило взглянуть изъ окна на улицу и обратно.

Въ нашей артели всю осень работали очень усердно: Крестоносцевъ—женскія головки, Киселевъ—небольшіе пейзажи, Бобровъ—портреты и картину «Первая любовь». Кошелевъ—«Офеню, торговца мелочью», для конкурса въ Общество Поощренія Худо-

жествъ, Дамбергъ возился съ царскимъ портретомъ, а Калмыковъ смиренно сидѣлъ въ своей комнатѣ, одинъ безъ всякой работы, не выходя къ общему столу ни къ обѣду ни къ чаю. Скоро онъ совсѣмъ переѣхалъ къ гг. Балицкимъ. Я продолжалъ въ свободное время писать «Маленькую кокетку», позировала племянница В. А. Боброва, удивительно красивая дѣвочка, — хорошо знавшая о своей красотѣ.

Университетскіе товарищи А. А. Киселева очень часто заходили къ нашему столованью, особенно къ вечернему чаю, у своего пріятеля засиживались за разговорами до поздней ночи. «Умныя слова говорили», какъ о нихъ выражался Кошелевъ. Ко мнѣ также изрѣдка заходили «шмаргонцы», Криль, Холмогорова, Висковатовъ и другіе, но у меня не было свободнаго времени поддерживать знакомство съ неподходящими по задачамъ и дѣятельности людьми.

Въ праздничные вечера, когда шла какая-нибудь любимая опера, отправлялись въ театръ, — чаще въ Большой, тамъ всегда было интересно послушать знаменитыхъ въ то время пѣвцовъ и пѣвицъ: Патти, Тамберликъ, Кальцолари, Граціани и проч., а въ русской оперѣ — Петрова, Никольскаго, Леонову, начинающую Лавровскую, Комисаржевскаго.

Отецъ А. А. Киселева былъ большой хлѣбосолъ, онъ жилъ съ тремя дочерьми и въ праздничные дни приглашалъ насъ въ гости. Одна изъ дочерей Ольга училась въ консерваторіи и хорошо играла на фортепіано, къ нимъ ходилъ лучшій изъ старшихъ учениковъ Венявскаго В. З. Салинъ, превосходный скрипачъ, послушать ихъ всегда было интересно.

Въ эту осень пріѣхалъ изъ Твери, для подготовки къ поступленію въ Академію молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ-трехъ, Арсеній Николаевичъ Шурыгинъ, образованный, талантливый, онъ не дурно владѣлъ акварелью, но очень слабо рисовалъ. Его приняли въ артель на общее содержаніе, здѣсь онъ сталъ учиться рисованію и живописи. Черезъ два мѣсяца онъ уже написалъ небольшую картину «Любитель живописи» такъ талантливо, что поразилъ всѣхъ. Всѣ мы отъ души радовались за него, и самъ онъ ожилъ, значитъ увѣровалъ въ свои силы.

Кошелевъ за «Офеню» получилъ премію на конкурсѣ Общества Поощренія Художествъ, картину тогда же купили за хорошія деньги, (по тогдашнимъ цѣнамъ), Бобровъ также; моя «Кокетка» за 100 руб. куплена Крихомъ, торговцемъ художественными принадлежностями. Все у всѣхъ продано—денегъ куча, Новый годъ встрѣчали весело.

Но веселье было временное. Кошелеву наскучило работать на всѣхъ, у него кромѣ жены жили двѣ женины тетки, у Боброва также на рукахъ была мать, сестра, братъ и бабка, только я,

А. А. Киселевъ и Дамбергъ были одинокими, впрочемъ, у Дамберга была жива мать.

Крамской взялъ у профессора Маркова его работу, въ куполѣ Храма Спасителя написать Саваоѳа и подыскивалъ себѣ помощниковъ, располагая хорошимъ вознагражденіемъ. Н. Анд. Кошелевъ далъ Крамскому утвердительный отвѣтъ, оставшись въ артели, пока изъ Москвы не придетъ вѣсть о пріѣздѣ на работу. Викторъ Ал. Бобровъ прямо заявилъ, что получаемыхъ отъ раздѣла средствъ ему не хватаетъ на содержаніе семьи, и онъ долженъ разстаться съ артелью. Сведя личные счеты съ Крестоносцевымъ, онъ попрощался съ нами по-дружески. Жаль было мнѣ разставаться съ нимъ, онъ замѣчательно видѣлъ краски и умѣлъ ясно разсказать о колоритѣ.

1865 годъ.

Я послѣ «Кокетки» написалъ маленькую картинку: «По примѣру старшихъ». Мальчикъ лѣтъ 15 въ столовой, у себя дома; на столѣ закуски, вина; старшіе ушли провожать гостей; онъ одинъ, робѣетъ и спѣшитъ выпить оставленную недопитой рюмку вина. Товарищи одобрили картинку, назначивъ цѣну 75 руб. Утромъ отправился на Постоянную выставку и засталъ Дмитрія Васильевича Григоровича, которому картинка такъ понравилась, что онъ не велѣлъ ее ставить на выставку, такъ какъ ждалъ какую-то даму, любительницу маленькихъ картинъ. На другой день меня позвали къ Григоровичу,—онъ продалъ картинку за назначенную цѣну и далъ мнѣ адресъ дамы, пріобрѣтшей ее съ тѣмъ, чтобы я сходилъ къ ней на этихъ дняхъ. Дама оказалась госпожой Всеволожской. Къ ней явился я съ карточкой Д. В. Григоровича въ 11 час. утра. Горничная доложила обо мнѣ, а затѣмъ провела меня въ сосѣднюю съ кабинетомъ хозяйки комнату и оставила одного. Минуту спустя чуть-чуть пріоткрылась дверь и назвали мою фамилію, а затѣмъ протянулась голая рука и привѣтствіе: «Здравствуйте, я очень рада васъ видѣть, хорошенькая ваша картинка меня порадовала, вы не состарились, идете за вѣкомъ, выступаете съ жанромъ», и потомъ произнесла что-то по-французски, чего я не понялъ по незнанію языка. Однако я почувствовалъ какую-то неловкость, меня, кажется, принимаютъ за кого-то другого.

Дверь раскрылась, вошла дама и посмотрѣла на меня удивленными глазами, на одинъ лишь моментъ сконфуженная, но сейчасъ же оправившаяся. «Вы меня простите, я приняла васъ за моего стараго знакомаго академика Максимова, а вы вотъ какой молоденькій. Наговоривъ кучу любезностей за картинку, она оставила меня завтракать. Къ завтраку явился ея сынъ гвардейскій офицеръ съ довольно помятой физіономіей отъ безсонной ночи и прямо подошелъ къ буфету, досталъ какое-то вино и вы-

пилъ нѣсколько рюмокъ подъ рядъ. Не стѣсняясь меня, онъ попросилъ у матери, должно-быть, значительную сумму денегъ, потому что она ахнула и позвала его въ кабинетъ. Выходя оттуда, онъ на ходу подалъ мнѣ руку и сказалъ: «Хорошенькая ваша картинка», и ушелъ. Скоро я откланялся. Госпожа Всеволожская приглашала бывать у нихъ запросто, но что бы я тамъ сталъ дѣлать. Дома я разсказалъ все это подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ и вызвалъ дружный смѣхъ товарищей.

Время быстро летѣло при разнообразныхъ занятіяхъ и особой заботѣ заработать свою часть содержанія въ артели.

Я успѣлъ написать «Дѣвочка подъ елкой»—очень плохонькая картинка и другая нѣсколько лучше—«Нянька у зыбки утромъ въ деревенской избѣ». Уже никто изъ товарищей не относился критически къ работамъ, всѣ «дѣлали хлѣбъ», отчего становилось тяжело отъ потери времени на ремесленность. Въ Академіи работалось вяло; словно я у артели кралъ время на занятія, особенно на посѣщеніе лекцій, раздвоеніе дошло до того, что у меня почти такъ же, какъ и двухъ главныхъ членовъ возникъ вопросъ о выходѣ изъ артели.

Отъ полнаго развала артели больше всѣхъ потерялъ П. Крестоносцевъ, затратившій свой капиталъ на обзаведеніе и обстановку артели и мало получившій въ погашеніе въ продолженіе короткаго существованія артели; второй за нимъ—Ар. Никол. Шурыгинъ, повѣрившій въ долготу дней артели и оставленный на произволъ судьбы—долженъ былъ снова искать средствъ продолжать ученье.

Ар. Ник. Шурыгинъ кончилъ гимназію, началъ службу въ губернскомъ правленіи, затѣмъ бросилъ и уѣхалъ въ Питеръ къ намъ въ артель,—дома у него бѣдность. Вновь поступить на службу—для него смерть. Вотъ передъ развaломъ артели меня и стала давить мысль о немъ, я втайнѣ рѣшилъ жить съ нимъ, дѣлиться, чѣмъ Богъ дастъ, пока онъ будетъ въ состояніи прокормиться своими работами. Я хорошо видѣлъ, какъ мало обращали вниманія на его бѣдность, всѣ мои товарищи и обѣ дамы: Ел. Степ. Крестоносцева и Оттилія Егоровна Кошелева. Однажды принесли изъ стирки бѣлье ему и мнѣ, такъ я чуть не ахнулъ—у него не было ничего крѣпкаго, кромѣ двухъ манишекъ, у носковъ однѣ паголенки, сапоговъ онъ не отдавалъ чистить, они были безъ подошвъ, потому и чистилъ ихъ самъ. Мнѣ посчастливилось уговорить его принять взаймы нужную сумму, чтобы оборудовать все необходимое — онъ принялъ; меня чрезвычайно порадовало такое хорошее отношеніе. Послѣ этого я не могъ думать о себѣ, какъ объ одномъ лицѣ, а непремѣнно въ связи съ нимъ: «Что мы имѣемъ налицо въ данное время». Золотая медаль моя продана, зато у меня есть пальто, у Шурыгина пиджачная пара, еще и значительные остатки.

Картина «Больное дитя», расхваленная въ газетахъ, стояла все время на постоянной выставкѣ и не продалась, я взялъ ее къ себѣ въ артель, товарищи отказались признавать ее общей собственностью—отдали ее мнѣ. И стала эта вещь мозолить мои глаза каждый день, наводить на очень грустныя мысли: какъ мало интересуются въ обществѣ правдивымъ изображеніемъ народной жизни... Въ концѣ-концовъ, неуспѣхъ продажи я всецѣло отнесъ къ несовершенству исполненія, и мнѣ стало легче. Надо учиться, Это я сознавалъ.

Послѣдній разъ мы собрались для ликвидаціи дѣлъ артели, разсмотрѣли счета и рѣшили разстаться; о Шурыгинѣ никто слова не промолвилъ. Когда я вошелъ къ себѣ въ комнату, увидѣлъ его плачущимъ, мнѣ стало тяжело до слезъ, я обнялъ его и передъ Богомъ далъ слово жить съ нимъ, учиться, пока онъ нуждается въ поддержкѣ. Мы обсудили ближайшій вопросъ, гдѣ намъ выгоднѣе прожить лѣто. Я откровенно высказалъ, что у меня въ деревнѣ обойдется дорого, потому что придется везти много подарковъ, покупать мясо, чай, кофе не на двоихъ, а на всю семью, все это составитъ значительную сумму, которая братомъ не будетъ считаться платой. Отдѣльно готовить некому, да и неудобно ѣсть «особинку». Хотя сколько угодно давай на расходы, а все же они, старшіе хозяева: братъ и невѣстка, станутъ считать меня въ долгу и пріѣдутъ «въ гости» такъ же, какъ осенью пріѣзжалъ братъ Алексѣй за получкой сорока рублей на ремонтъ дома. По-деревенски старшій братъ меня считаетъ имѣющимъ долю въ домѣ и хозяйствѣ только тогда, когда требуется произвести денежный расходъ по дому или по хозяйству, а о правѣ младшаго брата пользоваться выгодами хозяйства—онъ не думаетъ. Послѣ смерти матери оставшееся имущество: жемчуга, парчевыя поры, безчисленное множество браныхъ скатертей, тончайшаго полотна и пестрядей,—по словамъ дяди и тетки не менѣе какъ на 200 руб.—братъ съ женой все прожили, не давая никому изъ младшихъ отчета, а я въ это время жилъ въ ученьи, нуждаясь во всемъ, такъ мнѣ даже и полотенца не дали изъ моей доли.

Итакъ, рѣшено ѣхать къ Шурыгину. Отецъ и мать его живы, два брата на службѣ, сестра дѣвица и младшій братъ гимназистъ—вотъ вся ихъ семья. Отецъ служитъ архиваріусомъ въ губернскомъ правленіи, тамъ же и сыновья. У отца свой маленькій домикъ—фасадомъ на пустырь, мало застроенный, находящійся между Тверью и Николаевской желѣзной дорогой.

Къ А. А. Киселеву нерѣдко заходилъ его знакомый, только нынѣ окончившій С.-Петербургскій университетъ, сынъ Харьковскаго помѣщика, А. Андр. Ивановъ, ему очень нравилась картина «Больное дитя», онъ ее хотѣлъ бы купить, но денегъ у него осталось очень мало. Киселевъ спросилъ, какую я назначу цѣну, я

отвѣтилъ, что отдамъ за всякую цѣну, лишь бы деньги получить не дальше, какъ черезъ недѣлю. Ивановъ отвѣтилъ, что у него есть деньгами только 42 рубля. Я согласился. На слѣдующій же день картина была взята, деньги 42 рубля присланы, а съ ними вмѣстѣ довольно объемистый узелъ вещей, при очень любезномъ письмѣ Иванова.

Развернувъ узелъ, мы съ Шурыгинымъ были немало удивлены приношеніемъ сверхъ договоренной цѣны: новой фрачной пары, новыхъ лаковыхъ ботинокъ, новой пиджачной пары, полдюжины голландскаго полотна крахмальныхъ рубахъ и прочаго бѣлья въ изобиліи. И смѣхъ и горе. Киселевъ убѣдилъ меня не обижаться и взять все, такъ какъ Ивановъ стыдился за дешевизну, не зналъ, чѣмъ дополнить плату—отдалъ все, что ему будетъ лишней обузой въ пути. Много лѣтъ спустя Третьяковъ давалъ за картину «Больное дитя» 500 руб.—ему не продали.

Мы особенно торжествовали, когда возвратился я изъ Академіи съ отпускнымъ ученическимъ билетомъ и полученными въ награду за успѣхи двадцатью пятью рублями. Это окончательно устраивало насъ на все лѣто.

П. А. Крестоносцевъ взялъ на свое попеченіе мое имущество, и мы покатили въ Тверь. Отъ станціи желѣзной дороги до города построекъ было очень мало. Шурыгинъ, завидѣвъ свой уголокъ съ правой стороны шоссе, указалъ на примѣту: четыре высокихъ тополя, а за ветхимъ заборомъ—бѣлѣвшую трубу дома.

Встрѣтила Арсенія сестра Варя со слезами радости, мать, отецъ и всѣ братья, особенно старшій Михаилъ, наперерывъ старались чѣмъ-нибудь угодить пріѣзжимъ, устроить намъ удобное помѣщеніе. Отецъ и мать Шурыгина, чудесный старичокъ со старушкой, сразу притянули меня къ себѣ своей тихой лаской. Улуча время, когда старушка осталась одна, я вручилъ ей 3 фунта кофе, 1 фунтъ чаю и 30 рублей денегъ на расходы, а 15 рублей отдалъ на сбереженіе. На всякій случай оставлено было себѣ съ Арсеніемъ на лѣтніе расходы: натурщикамъ и проч. 20 рублей.

На другой же день мы пошли рано утромъ осматривать городъ, начиная съ базара, собора св. Михаила кн. тверского, губернаторскаго сада и прочихъ красивыхъ видовъ съ высокаго берега Волги. Познакомилъ Арсеній со своими друзьями Дрызловымъ и докторомъ Сидоренко, а вскорѣ и съ вдовой Загоскиной, очень бонтонной дамой, большой пріятельницей Ѳедора Николаевича Глинки, жившаго въ Твери въ почетѣ. По совѣту дамы Арсеній обязанъ былъ представить своего товарища знаменитому человѣку. О знаменитости Глинки мнѣ извѣстно было только по отзывамъ о немъ А. С. Пушкина, который не приходилъ въ восторгъ отъ его писаній.

Домъ Глинки находился неподалеку отъ главной улицы; но эта улица не была мощеной. Домъ двухъэтажный, деревянный, ничѣмъ не отличался отъ сосѣднихъ домовъ, кромѣ очень высокаго фундамента и небольшой части крыши, покрытой стеклами. На звонокъ вышла горничная, доложила о гостяхъ барину, и мы приняты.

Еще идя по парадной лѣстницѣ, меня удивило, что вмѣсто обычныхъ деревянныхъ ступеней мы шли вверхъ по ящикамъ, наполненныхъ обыкновеннымъ пескомъ, а около стѣнъ стояли кадки съ можжевельникомъ. Въ прихожей, или вѣрнѣе сказать, на томъ мѣстѣ, гдѣ бываютъ таковыя, справа вѣшалка, зеркало, стулья, налѣво низкорослые кустарники, посаженные въ грунтъ, окаймляютъ утрамбованную дорожку, ведущую въ довольно густой лѣсъ, состоящій изъ елей, березъ, осинъ, кленовъ, липы, черемухи, сирени, въ которомъ красуются мраморныя изваянія. Около «Амура» поставленъ столикъ и сидѣнья для бесѣдъ и трапезы. Издалека мы услышали голосъ хозяина, извинявшагося за медлительность. Передъ нами предсталъ старичокъ крошечнаго роста, съ большой головой, блѣднолицый, бритый, покрытый не то феской, не то мурмалкой, одѣтый въ какой-то халатъ-пальто, въ мягкихъ сафьяновыхъ сапогахъ съ заправленными въ нихъ брюками; мягкіе отложные воротники сорочки довершали его нарядъ.

«Поэтъ Ѳеодоръ Николаевичъ Глинка», произнесъ онъ шутливо, съ милой улыбкой подавая Шурыгину руку и затѣмъ и мнѣ. Замѣтивъ, что мы интересуемся обстановкой, онъ сталъ объяснять намъ, какъ имъ все это устроено. Домъ былъ въ два этажа; когда деревья выросли до потолка, пришлось его разобрать, чтобы соединить оба этажа,—вонъ видите тамъ вторыя окна. За этой продольной капитальной стѣной все осталось попрежнему,—тамъ жилье въ два этажа. Окна открыты съ весны до осени, а зимой въ тихую погоду при 5° Реомюра чуть ниже пяти—велю топить печи, только частенько зѣваетъ истопникъ,—доводитъ до 10° холодъ.

«Я,—говоритъ,—холода не боюсь, гуляю зимой въ саду съ удовольствіемъ, вспоминая походы двѣнадцатаго года, когда и не такіе холода мы переносили, а всѣ живы остались,—это французы мерзли... Онъ подвелъ насъ къ двери кабинета, въ концѣ сада, показалъ, какъ хорошо закрывается эта наружная и такая же внутренняя; обѣ двери обиты толстымъ войлокомъ и клеенкой внутренняя сверхъ того закрывается тяжелой драпировкой. Въ обширномъ кабинетѣ солидныхъ размѣровъ изразцовая печь, каминъ ясно говорятъ, что хозяинъ любитъ грѣться послѣ прогулокъ по саду, гдѣ онъ вспоминаетъ французовъ въ 12 году. Къ моему сожалѣнію, Арсеній отвлекалъ хозяина отъ разсказовъ о 12 годѣ, о походахъ, слышанныхъ имъ множество разъ и надоѣвшихъ ему до тошноты точнымъ повтореніемъ и чтеніемъ выдержекъ «Изъ

записокъ русскаго офицера», напечатанныхъ, Богъ вѣсть, какъ давно. Намъ хотѣлось посмотрѣть старые альбомы, превосходные рисунки баталиста Орловскаго, миніатюрные акварельные портреты и множество другихъ цѣнныхъ художественныхъ вещей. (Куда все это дѣлось послѣ смерти Глинки?)

На стѣнѣ висѣлъ портретъ его жены, превосходно написанный, и его собственный портретъ въ военной формѣ, не знаю какого полка.

Въ часъ дня насъ пригласили завтракать. Накрыто было въ саду подъ «Амуромъ», на котораго я смотрѣлъ съ глубокимъ сожалѣніемъ,—онъ весь засиженъ былъ птицами, особенно на головѣ и плечахъ. Просто варварство владѣть такимъ сокровищемъ и держать такъ позорно неопрятно. Во время завтрака около насъ сновали воробьи и еще какія-то маленькія пташки, подбирая падавшія крошки, серьезныя вороны издалека посматривали, охорашиваясь, галки проворно перелетали съ одного дерева на другое, переговариваясь, голуби ворковали гдѣ-то въ углу, ласточки сновали черезъ окна взадъ и впередъ. По словамъ хозяина, птицы нѣсколько стѣснялись постороннихъ людей, а къ нему такъ привыкли, что садились на столъ и клевали крошки хлѣба.

Послѣ завтрака подали чай съ превосходнымъ ромомъ, хозяинъ обильно подливалъ себѣ и гостямъ; старикъ развеселился, началъ читать свои стихи, экспромпты, ударился было въ псалмы, Шурыгинъ испугался и умѣло направилъ его въ другую сторону, попросивъ разсказать, какъ ему государь пожаловалъ орденъ Андрея Первозваннаго. На этомъ эпизодѣ изъ его жизни мы простились съ любезнымъ хозяиномъ. Видимо, онъ очень доволенъ, когда его посѣщаютъ пріѣзжіе люди, звалъ заходить къ нему чаще, запросто. Второй приходъ нашъ былъ неудачный, у него былъ пріемъ депутацій отъ покровительствуемаго имъ женскаго учебнаго заведенія, и мы скоро ему откланялись. Много онъ дѣлалъ добра молодежи, несмотря на то, что его часто обманывали.

Старшій братъ Арсенія, Михаилъ, былъ отставной полицейскій приставъ, прекрасный человѣкъ, замѣчательный охотникъ съ ружьемъ и съ удочкой, я любилъ съ нимъ удить, онъ зналъ хорошо мѣста и время, когда хорошо клюетъ. Такимъ мѣстомъ былъ плошкотный мостъ черезъ Волгу, посрединѣ, а время отъ 6 час. пополудни,—особенно передъ закатомъ. Удить надо было подъ мостомъ съ лодочки, которыя дешево отдавались на прокатъ тутъ же у моста перевозчиками.

Въ половинѣ іюля Михаилъ пошелъ съ ружьемъ, а я отправился удить. День былъ до того жаркій, что на мнѣ, кромѣ каламенковой пары, ничего не было одѣто, а при уженьѣ я снялъ и ботинки. Подъѣзжаю къ мѣсту, оно уже занято архіерейскимъ протодіакономъ; я устроился близъ него, на что онъ не выразилъ

претензіи; ему безпрестанно клевала довольно крупная рыба, онъ увлекся, позабылъ осторожность, ступилъ на край своей вертлявой лодочки и бухъ въ воду. Плавать онъ не умѣлъ, съ испугу у него отнялся голосъ, я въ одинъ мигъ бросился къ нему, схватилъ его за волосы и старался не дать ему схватить себя рукой, поддерживалъ голову, чтобы не заливала вода, а самъ кричалъ о помощи. Съ моста увидѣли насъ скоро, и помощь подоспѣла раньше, чѣмъ я окончательно выбился изъ силъ. Насъ обоихъ вытащили на лодку. На берегу собрался народъ, пріѣхалъ врачъ, началъ ухаживать за протодіакономъ, а я съ лодочникомъ отправился за своими ботинками. Удочки наши унесло быстрымъ теченіемъ, протодіаконскій уловъ вмѣстѣ съ нимъ повезли на его квартиру.

Много наслушался я остроумія на мой счетъ: «Муравей, какое большущее бревно выволокъ», «плаваетъ, какъ пузырь, а силы не хватило—слабѣть сталъ» и т. п. Черезъ день ко мнѣ отъ архіерея посолъ. Преосвященный восхвалялъ за любовь къ ближнему и выразилъ желаніе представить меня къ медали за спасеніе погибавшихъ, но я рѣшительно заявилъ протестъ. Сознаюсь, мнѣ стыдно было получить медаль за спасеніе, какъ городовому или простому обывателю, но я, пожалуй, не отказался бы отъ ордена Станислава.

Старикъ Шурыгинъ ворчалъ на меня за неуваженіе къ медали и непочтеніе къ архіерею.

Отецъ протодіаконъ явился ко мнѣ съ благодарностью, его угощали подобающей пищей и питіемъ, при чемъ онъ откровенно сознался, что, когда владыка его спросилъ, былъ ли онъ у г. Максимова и узналъ, что не былъ, очень, очень не доволенъ остался, дуракомъ даже назвалъ. «А я,—говоритъ,—спасенъ отъ погибели и очень это чувствую безъ повелѣнія владыки».

Въ слѣдующее воскресенье ставили во священники родного племянника старика Шурыгина, и мы всѣ пошли къ архіерейской службѣ въ соборъ; стояли мы за архіерейскимъ мѣстомъ посреди собора. По окончаніи богослуженія протодіаконъ торжественно поднесъ мнѣ большую просфору, словно губернатору. Боже мой, какъ за меня былъ радъ старичокъ Шурыгинъ, онъ готовъ былъ нести просфору по всему городу открытой и всѣмъ встрѣчнымъ пояснять, какой чести я удостоенъ самимъ владыкой. Потомъ этотъ протодіаконъ такъ надоѣлъ намъ, что мы прятались отъ него, предоставляя бесѣдовать съ нимъ старичку Шурыгину. На свою бѣду я вытащилъ изъ воды такого, прости ему Богъ, голосистаго архіерейскаго любимца и благодарнаго мнѣ дурня.

До Твери я совсѣмъ не зналъ уклада жизни чиновниковъ, здѣсь впервые познакомился въ семьѣ Шурыгина съ многими сторонами и сталъ вѣрить литературнымъ описаніямъ, какія читалъ

въ книгахъ. Старикъ Шурыгинъ, надворный совѣтникъ, получалъ такое мизерное жалованье, что пополнялъ его благодарностями за архивныя справки и не стѣсняясь говорилъ объ этомъ, сколько сегодня или вообще въ этотъ мѣсяцъ выпало ему такихъ благополучій. Сынъ служилъ въ крѣпостномъ столѣ, гдѣ заведена кружка для взносовъ приношенія, и въ концѣ мѣсяца всѣ ее дѣлили по рангамъ, это и служило настоящей опорой, вознагражденіемъ ихъ трудовъ, а не жалованье, отъ 12 до 18 рублей, которое получали младшіе служащіе. Разсказы о томъ, какъ они дружно насѣдали на просителя, имѣющаго до нихъ дѣло, меня и коробили и въ то же время примиряли, глядя на испытываемую ими нужду и расчетливость въ денежныхъ тратахъ. Охота, рыбная ловля, ухаживаніе за своимъ огородомъ, у кого онъ есть, не только одно удовольствіе, а крайняя необходимость. Даже и въ такой скромной семьѣ, какъ Шурыгинская, не обходится дѣло безъ пирушки, семейныхъ праздниковъ и небольшого бражничанья съ товарищами-чиновниками, гдѣ-нибудь за городомъ на берегу Волги.

Вскорѣ по пріѣздѣ я началъ писать небольшую картину «Дѣдъ судья» съ старичка Шурыгина съ его двумя внучатами. Онъ у меня вышелъ выразителенъ, а дѣти замучили меня, неумѣвшаго быстро работать съ натуры.—Между тѣмъ близилось время къ отъѣзду, озабочивалъ вопросъ, съ чѣмъ начать осеннюю жизнь. Вмѣсто дѣда сѣлъ Арсеній, не позировать, а управлять позирующими—дѣло пошло такъ успѣшно, что черезъ недѣлю картина была готова.

А въ Твери я многаго еще не видѣлъ, никто изъ знакомыхъ ни слова не сказалъ объ «Отрочѣ монастырѣ», гдѣ былъ задушенъ митрополитъ Филиппъ. Не видѣлъ бы и Желтиковскаго монастыря, если бы племянникъ настоятеля-архимадрита, Всеволодъ Жураховскій, не торчалъ у насъ ежедневно въ качествѣ чтеца и либеральнаго просвѣтителя, какъ подобаетъ студенту университета, товарищу по гимназіи Арсенія. Этотъ Жураховскій былъ на юридическомъ факультетѣ съ цѣлью по окончаніи курса поступить на полицейскую службу въ темной провинціи, чтобы внести туда справедливость; ему это было легко, какъ хорошо обезпеченному человѣку. Много лѣтъ спустя я слышалъ, что онъ былъ приставомъ, а пошелъ ли дальше или былъ уволенъ—не знаю.

Въ концѣ лѣта вздумали мы съ Арсеніемъ написать на открытомъ воздухѣ этюды нагого человѣка. Жураховскій согласился позировать, но поставилъ условіемъ ѣхать подальше отъ города—внизъ по Волгѣ, «на откосы».

«Откосы» построены инженерами для выправленія теченія рѣки. Подъ прямымъ угломъ къ берегу довольно часто набиты сваи, переплетены лознякомъ, навалены около нихъ огромные валуны для того, чтобы песокъ отлагался, образуя какъ бы насыпь,

отлогую на рѣкѣ снизу, а сверху отвѣсную. Со временемъ изъ такой постройки образуется полуостровъ съ ровной поверхностью въ нѣсколько саженъ.

О нашемъ намѣреніи узналъ докторъ Сидоренко и пожелалъ участвовать въ компаніи, старшій братъ Арсенія—Михаилъ, взялся быть за повара, а кстати прихватилъ удочки и ружье, чтобы обойти ближній лѣсокъ. Сидоренко поѣхалъ на лошадяхъ къ своимъ больнымъ съ походной аптекой, обѣщаясь къ 4 часамъ быть у насъ на откосѣ — выкупаться послѣ дорожной пыли и на лодкѣ вернуться въ городъ.

Рано утромъ отправились мы на работу, версты за три отъ города. День былъ удивительно ясный, теплый, тишина, воды зеркальныя. Въ восемь часовъ мы уже сидѣли за работой. Совершенно ново для насъ было писаніе на открытомъ воздухѣ: приходилось перемѣнять мѣста, чтобы, хотя приблизительно, было похоже освѣщеніе, на это много уходило времени. Кой-чѣмъ мы позавтракали, пили чай, а о настоящей ѣдѣ и не думалось, да и поваръ нашъ давно сбѣжалъ съ ружьемъ въ лѣсъ. Подъѣхалъ докторъ, отпустилъ лошадей, разсказывалъ о больныхъ, о здоровыхъ, торопилъ насъ кончать работу и приниматься за ѣду. Жураховскій тоже умаялся, сталъ просить пощады,—пришлось кончить. Подошелъ нашъ поваръ съ зайцемъ и двумя маленькими птичками; мы убрали этюды и рѣшили передъ ѣдой выкупаться.

Купались, плавали и уже вышли, чтобы одѣваться, я захотѣлъ показать свое умѣніе нырять, крикнулъ товарищамъ: «Смотрите, какъ я нырну», бросился съ откоса налѣво. Никто не успѣлъ сказать слова или схватить меня. Сразу меня прибоемъ ударило объ ослизнувшій ивовый переплетъ свай, я старался и не могъ отпихнуться отъ стѣнки, выплыть... и потерялъ сознаніе.

Жураховскій послѣ разсказывалъ, что онъ, какъ только я бросился въ воду, сразу началъ связывать одну съ другой простыни и три полотенца и съ этимъ жгутомъ кинулся за мной съ того же мѣста, нашелъ меня въ сидячемъ положеніи, схватилъ за руку, вытащилъ съ помощью товарищей. Очнулся я скоро, а въ полное сознаніе пришелъ въ лодкѣ, лежа на мягкомъ сѣнѣ, укрытый одеждой товарищей. Хорошо, что былъ здѣсь докторъ, безъ него, можетъ-быть, не смогли бы привести меня въ чувство мои товарищи, такъ какъ никто изъ нихъ этого не зналъ, всѣ они умѣли только «качать» утопленника. Долго острили надо мной, «спасателемъ», по поводу посуленной архіереемъ медали, поднесенной просфоры благодарнымъ протодіакономъ,—себя самого не могшимъ спасти при умѣньѣ плавать. Послѣ этого случая долго я не рѣшался плавать, въ особенности безъ компаніи и въ незнакомомъ мѣстѣ.

Простился я съ семьей Шурыгиныхъ очень тепло; когда мы были готовы выходить изъ дома, старушка мать Арсенія благословила его образкомъ, тѣмъ же образкомъ она благословила и меня, сказавши: «Вижу, вы живете какъ братья, живите и впередъ также». Молодежь провожала насъ до вокзала, а старички долго, долго еще стояли на шоссе.

Съ радостью встрѣтилъ насъ Крестоносцевъ въ своей еще не вполнѣ устроенной квартирѣ, указалъ намъ нашу комнату, сказалъ ей цѣну—7 рублей, и мы начали устраиваться на отдыхъ. Арсенію поставленъ тотъ же диванъ, на которомъ онъ спалъ въ артели. Утромъ мы уже разсматривали наши лѣтнія работы, я снималъ мѣрку съ картины, чтобы заказать раму, съ удовольствіемъ помышляя объ уплатѣ за нее наличными впередъ продажи, весьма гадательной. Картина мнѣ очень не нравилась, она была хуже всѣхъ написанныхъ прежде. Мнѣніе Крестоносцева взяло верхъ, и я заказалъ раму, чтобы поставить на «Постоянную выставку» къ Григоровичу.

1866 годъ.

Покушеніемъ на жизнь императора Александра II Каракозовымъ и пріобрѣтшимъ славу Комисаровымъ наполнены были всѣ разговоры въ городѣ,—начался спросъ на его портреты. Шурыгинъ сдѣлалъ акварель, поставилъ ее у Даціаро,—продалась за 10 рублей на другой же день, онъ сдѣлалъ ихъ нѣсколько для магазиновъ, но продажа затянулась, а вскорѣ и совсѣмъ прекратилась, прекратился спросъ, когда этотъ новоиспеченный дворянинъ одѣлъ гусарскую форму и сталъ щеголять въ ней по улицамъ.

Денежныя наши дѣла сразу поправились: нелюбимая картина «Дѣдъ судья» осенью продалась за 75 рублей какому-то москвичу. Рождество и Новый годъ мы встрѣтили съ особенной радостью, Арсеній перешелъ въ натурный классъ, мои занятія шли отлично, Академія награждала значительными пособіями, мы часто ходили слушать итальянцевъ и русскихъ.

А экзамены висѣли надъ головой Дамокловымъ мечомъ; съ перваго курса только исторія искусствъ была сдана и то съ замѣчаніями. Не хватало времени на правильныя занятія, картинный зудъ не давалъ покоя.

Клара Львовна Горностаева послѣ смерти мужа жила въ академической квартирѣ два года, наконецъ переѣхала на частную квартиру. Она поселилась рядомъ съ квартирой Крестоносцева на одномъ коридорѣ. Я такъ обрадовался возможности часто видѣть эту тихую, благородную семью—любоваться ею.

Проживши нѣсколько мѣсяцевъ въ квартирѣ Крестоносцева, я понялъ, почему онъ старался поселить насъ у себя, потому что жена его поѣдомъ ѣла, когда они оставались одни, за неумѣнье

наживать деньги такъ, какъ наживаютъ ихъ его товарищи. «Заказали,—говоритъ она,—тебѣ портретъ, ты цѣлый мѣсяцъ пишешь, уже онъ готовъ, заказчику нравится, надо бы отдать и за другой приниматься, а ты сидишь надъ нимъ да чего-то ищешь»... Примется ли онъ писать картину—она къ нему съ вопросомъ: для кого нужна эта картина? Сколько за нее дадутъ и скоро ли ты ее напишешь? Къ моему горю, моя кровать стояла у завѣшенной ковромъ двери, соединявшей обѣ комнаты, и каждое слово было ясно слышно, о чемъ я говорилъ Крестоносцеву, онъ только рукой махалъ. За обѣдомъ каждый день выходила какая-нибудь новая сцена, ехидно придуманная злой бабой, тогда мы съ Шурыгинымъ старались отклонить грозу отъ деликатнаго Петра Александровича,—но этимъ окончательно не освобождали его отъ задуманной головомойки, она пускала въ ходъ свою язву по уходѣ нашемъ въ вечерній классъ. Когда онъ уходилъ вслѣдъ за нами, тогда Елизавета Степановна бѣжала внизъ, въ квартиру матери, жившей съ младшей дочерью-портнихой, и здѣсь со слезами жаловалась на мужа, что отъ него ей житья нѣтъ.

Ехидность Елизаветы Степановны—черта наслѣдственная: матушка ея Клавдія Николаевна довела своего мужа до пропойства, потери торговли и бѣгства въ Валаамскій монастырь, ея родная сестра, своей несносной придирчивостью къ посторонним людямъ, какъ я и Шурыгинъ, достигла того, что мы при ея появленіи бѣжали изъ дома, несмотря ни на какую погоду, и на улицѣ ждали ея ухода. Мужа своего, смирнаго человѣка, возвратившагося однажды подъ хмелькомъ домой, она въ продолженіе цѣлой ночи накаливала, вступила съ нимъ въ драку, обороняясь, онъ разъ ударилъ ее кроватной доской и убилъ, о чемъ тотчасъ же заявилъ полиціи. Его судили. Въ пользу подсудимаго дала показаніе родная сестра убитой, Клавдія, обѣ ея дочери Елизавета и Аполинарія, Крестоносцевъ, прислуга, слышавшая всѣ подробности; судъ оправдалъ его, подвергнувъ на три года церковному покаянію. Онъ также пошелъ въ монахи.

Елизавета Степановна по природѣ очень не глупая, съ довольно красивымъ, энергичнымъ лицомъ, упрямо отстаивала свою невѣжественность; завѣтной мечтой ея было скорѣе разбогатѣть.

Когда Крестоносцевъ получилъ часть отцовскаго наслѣдства 10.000 руб., онъ подарилъ женѣ 5.000. Она сразу пустила ихъ въ оборотъ, отдавала подъ векселя съ жидовскими процентами знакомымъ саврасамъ, подъ залогъ драгоцѣнностей, и повела дѣло съ такой ловкостью, что въ полгода нажила 3.200 рублей. Всѣ операціи велись въ квартирѣ ея матери, втайнѣ отъ мужа.

Въ отсутствіе Елизаветы Степановны пришла кліэнтка выкупить брильянты и кліэнтъ уплатить по векселю. Крестоносцевъ ихъ принялъ, разспросилъ подробно, зачѣмъ они пожаловали, а

когда явилась жена, онъ, не показывая ни малѣйшаго неудовольствія, оставивъ ее съ кліэнтами, вошелъ къ намъ. Мы замѣтили, что онъ взволнованъ и блѣденъ, руки дрожатъ, но не спросили о причинѣ. По уходѣ кліэнтовъ онъ, войдя въ смежную съ нашей комнату, позвалъ сюда жену. «Ну, что еще тамъ?» услышали мы спокойный голосъ Елизаветы Степановны.

«Съ какихъ поръ, ты, Лиза, сдѣлалась ростовщицей», былъ первый его вопросъ, на который она отвѣтила, не ожидая порицанія совершенно точно: «Съ тѣхъ поръ,—говоритъ,—какъ ты подарилъ мнѣ 5.000, самъ знаешь: безъ денегъ нельзя нажить денегъ, а завелись, такъ не лежать же имъ въ банкѣ за ничтожные 5%, смотри, вотъ я въ полгода заработала 3.200 руб., а ты на свою половину сколько?» Все это сказано было съ гордостью, съ ожиданіемъ похвалы за успѣшную дѣятельность. Мы съ Шурыгинымъ слушали, не проронивъ ни слова. Довольно долго продолжалось молчаніе. Потомъ Крестоносцевъ сталъ ей доказывать всю постыдность, всю безчестность такого занятія, на которое способны только всякіе мерзавцы: «Ты, — говоритъ,—забыла, что ты моя жена, я не позволю тебѣ срамить мое имя, я требую, чтобы ты съ этого дня оставила свое проклятое занятіе, или я выдамъ тебѣ отдѣльный видъ и самъ уѣду куда-нибудь дальше, дальше отъ срама».—Рѣчь его произвела на насъ глубокое впечатлѣніе, несмотря на его заиканье.

Она спокойно выдержала рѣчь и съ упрекомъ обратилась къ нему: «Не ожидала,—говоритъ,—я отъ тебя такой неблагодарности, Петръ Александровичъ, чего ты ругаешься, срамишь меня на весь свѣтъ. Я стала виновата, что забочусь о себѣ, о дѣтяхъ... увидѣвши, что на тебя надежда плоха, что ты и на себя одного не сумѣешь заработать, а другого наслѣдства не получишь,—полученное прожилъ въ артели съ пріятелями, да другая жена и не то бы еще сдѣлала»... и начала развивать эту тему—язвить, колоть, наконецъ ударилась въ слезы и ушла внизъ къ своей матушкѣ.

Крестоносцевъ ходилъ мрачный. Мы съ Шурыгинымъ не пошли въ классы, — такъ скверно было на душѣ. Изъ дома отправились въ «Золотой Якорь», здѣсь пили чай и обѣдали съ пивомъ.

Арсеній чаще оставался дома одинъ и потому жаловался на тоску, жить среди разлада семьи, державшейся сносно до послѣдняго времени, я съ нимъ соглашался, но переѣхать никуда не хотѣлось, жаль было Петра Александровича оставить въ такомъ удрученномъ состояніи, къ тому же не было ни времени ни денегъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ я съ увлеченіемъ работалъ надъ картиной «Семейный чай», взятой изъ милой семьи Горностаевыхъ.

Василій Ивановичъ Собольщиковъ, заходившій нерѣдко къ Горностаевымъ, находилъ удачной мою картину. «Въ ней ясно выра-

жено желаніе передать впечатлѣніе трогательной семейной взаимности подъ крылышкомъ доброй мамаши; достаточно посидѣть здѣсь молча, полюбоваться на эту жизнь, чтобы уйти отсюда счастливымъ и успокоеннымъ».

«Но помните, Максимовъ, что это говорю я, знающій эту семью, а незнающій едва ли сразу получитъ это впечатлѣніе,— все-таки держитесь такихъ задачъ, онѣ воспитываютъ художника».

Ушамъ своимъ не вѣрилъ я, услышавъ отзывъ Собольщикова, да полагаю, и сказано это было больше въ видахъ поощренія сидѣть поближе къ этой чудесной семьѣ, въ смыслѣ воспитательномъ.

Рама у меня на картину давно готова, я вставилъ и позвалъ Крестоносцева и Арсенія, оба они разобрали ея техническія нехватки: блѣдно выраженный огненный свѣтъ и плохо обставленный задній планъ, о сюжетѣ ни слова. Я самъ спросилъ: «Ну, а сюжетъ нравится?» «Ну, какой же тутъ сюжетъ,—отвѣчаетъ Крестоносцевъ,—это просто этюдъ съ натуры». И самъ же разсказалъ все, о чемъ я думалъ. Шурыгинъ, тотъ понялъ задачу превосходно, и отлично разсказалъ чего не хватаетъ, чтобы на зрителя она производила ясное впечатлѣніе. Я расцѣловалъ моего друга. Ахъ, какой это былъ бы чудный художникъ, если бы не сломала его неудачная жизнь.

Картина поставлена на «Постоянную выставку» Д. В. Григоровичу, она ему понравилась.

Къ моему огорченію, Фед. Григ. Солнцевъ, нашъ пансіонерскій надзиратель, предложилъ мнѣ уроки на Пескахъ въ 4-й улицѣ, за недорогую плату съ тѣмъ, что меня будутъ кормить обѣдомъ, послѣ котораго я буду успѣвать дойти до Академіи, какъ разъ къ 5 час., т.-е. къ началу вечернихъ классовъ. Я отговаривался необходимостью быть въ 3 часа дня на лекціи, онъ и тутъ нашелся: «Тогда,—говоритъ,—въ субботу и воскресенье вы свободны цѣлые дни и вотъ съ утра приходите туда, тамъ и живите въ этой прекрасной семьѣ». Что дѣлать. Начальство надо слушаться. Съ проклятіями я сталъ давать уроки, получая 35 коп. за урокъ и сытый обѣдъ и работалъ 4 мѣсяца, какъ разъ до того времени, когда поставилъ картину на выставку. Легко представить себѣ, какъ трудно было, не оставляя занятій въ Академіи, урывать время писать картину и бѣгать на уроки съ Васильевскаго Острова отъ церкви Благовѣщенія на Пески.

Обидно, что никого изъ товарищей по пансіонерству не избралъ Солнцевъ, какъ меня, я не сталъ ходить на уроки, а онъ не напоминалъ.

Жизнь у Крестоносцевыхъ сдѣлалась до того тягостной, что я только того и ждалъ, когда продастся картина, чтобы уѣхать. Въ одинъ прекрасный день Елизавета Степановна заявила мужу, что она, если бы даже и хотѣла подчиниться ему, то сразу

сдѣлать этого не можетъ, такъ какъ надо собрать розданныя деньги и продать просроченныя вещи, а если ужъ такъ не любо ему ея занятіе, пусть выдастъ ей съ дѣтьми отдѣльный видъ на жительство. Видъ она получила. Вскорѣ послѣ этого Петръ Александровичъ уѣхалъ изъ квартиры въ мастерскую на Малой Итальянской.

Продавая просроченныя вещи, Елизавета Степановна предложила мнѣ купить хорьковую съ бобровымъ воротникомъ, крытую дорогимъ драпомъ, шубу за 25 рублей, я купилъ съ обожданіемъ денегъ.

Въ Академіи я получилъ 2-ю серебряную медаль за рисунокъ, и за этюдъ съ натуры 1-ю серебряную, экзамены сданы были по анатоміи чисто, перспектива — чисто, по исторіи искусствъ 2 курса, по русской исторіи — 2 курса, остальные нетронуты.

Ф. Ф. Львовъ конференцъ-секретарь ушелъ, теперь некому было строго слѣдить за правильной сдачей экзаменовъ, Ребезовъ, новый начальникъ, мало зналъ порядокъ, не различалъ разницы между новыми правами, старыми и вольнослушающими, пользовавшимися правами учениковъ стараго порядка, т.-е. не обязанными сдавать экзаменовъ, кромѣ анатоміи. Совѣтъ Академіи причислилъ меня къ среднему порядку: сдать анатомію, перспективу и исторію искусствъ. Лекціи я слушалъ почти всѣ, но репетицій и экзаменовъ не сдавалъ въ обычномъ порядкѣ. Ко времени выхода изъ Академіи у меня сданъ былъ весь курсъ анатоміи, перспективы и почти вся исторія искусства.

По рисованію я имѣлъ 2-ю серебряную медаль, по живописи 2-ю и 1-ю серебряныя, золотая медаль не давала никакихъ правъ на званіе.

Этюдъ 1-й серебрян. мед. взятъ былъ въ оригиналы, за это выдавалось, по принятому обычаю, пять рублей золотой монетой. Получивъ въ Академіи талонъ, я отправился въ кассу Зимняго дворца, гдѣ мнѣ выдали бумажками пять рублей, я заявилъ, что въ талонѣ сказано о золотѣ, никто не обратилъ вниманія, я еще разъ напомнилъ, стоя у рѣшетки, тогда кассиръ яростно закричалъ на меня: «Что вы, глухи что ли. Если хотите золота—идите къ мѣнялѣ, онъ вамъ дастъ золота».

Для Арсенія не было тайной мое намѣреніе оставить Академію и оканчивать ученье практически, путешествуя по Россіи писать этюды, картины, рисовать съ натуры и т. д., только не было извѣстно, когда я приведу въ исполненіе эту мысль.

Приближалось время выходить на конкурсъ на 2-ю золотую медаль, а затѣмъ на 1-ю. Мнѣ недоставало только одной первой серебряной медали за рисунокъ, которую я могъ получить скоро, такъ что рѣшать вопросъ о выходѣ на конкурсъ или не выходѣ— было неизбѣжно. Между художниками было двѣ партіи: за конкурсы по старымъ правамъ и за свободный выборъ сюжета для

конкурсантовъ. Я былъ на сторонѣ свободнаго выбора, но не отрицалъ и стараго для любителей, Крестоносцевъ, Песковъ и др. высмѣивали ветхозавѣтныя задачи и всячески настраивали молодежь оставлять Академію по окончаніи классныхъ работъ.

Поѣздку за границу я никогда не считалъ верхомъ благополучія, находилъ ее даже вредной для молодого человѣка, не знающаго своей родины. На чужбинѣ легко подвергнуться соблазнамъ и потерять свѣжесть чувства любви къ родинѣ. Такъ думалъ я очень давно и съ теченіемъ времени укрѣплялся въ этомъ убѣжденіи. Любовь къ родинѣ во мнѣ поселила матушка своими разсказами о Москвѣ, Кіевѣ и др. мѣстахъ. Какой я цѣнитель иностранныхъ городовъ, когда не видѣлъ своихъ, а по возращеніи, пожалуй, своего-то не сумѣешь понять и оцѣнить, набравшись чужого духа. Первымъ условіемъ поѣздки я считалъ основательное знаніе двухъ языковъ: нѣмецкаго и французскаго, безъ чего поѣздка безполезна. Пансіонеры, прожившіе многіе годы въ Италіи, за весьма рѣдкими исключеніями, присылали старые пережитки въ ухудшенномъ видѣ (Богд. Богд. Венохъ, «Содомляне»). Бронниковъ, Ге, эти крѣпкіе, живые люди способны продолжать до преклонныхъ лѣтъ итти впередъ.

Когда я останавливался на мысли, подчинившись всѣмъ академическимъ требованіямъ, продолжать занятія въ классахъ, по наукамъ, затѣмъ писать программныя картины, подготовляться по языкамъ къ заграничной поѣздкѣ — на меня нападалъ какой-то страхъ, полная неувѣренность въ преодолѣніи всѣхъ трудностей.

Условія, въ которыя я поставилъ себя въ отношеніи Арсенія, крайне не благопріятствовали серьезной работѣ. Я испытывалъ это при писаніи картинъ, — спѣшнымъ оканчиваніемъ, безъ должной выдержки, я ихъ портилъ, а иногда видѣлъ недостатокъ, но оставлялъ его непоправленнымъ, несъ ее на продажу, потому что деньги нужны до зарѣзу. Еще не знаю, какъ бы я поступилъ съ моимъ другомъ, если бы остался въ Академіи, а теперь, когда задумалъ выходить, меня страшно тяготило рѣшеніе этого вопроса.

Сердце болѣло, глядя на него, онъ это зналъ и ждалъ, когда ему скажу. Случай скоро представился. Арсеній былъ влюбленъ въ сестру Ал. Александр. Киселева—Ольгу Александровну, музыкантшу, она отвѣчала ему взаимностью, онъ часто бывалъ у нихъ; старикъ отецъ относился къ этому сближенію снисходительно. Они не рѣдко между собой ссорились, мирились, потомъ опять ссорились и долго дулись, Арсеній ходилъ мрачный, я въ это время надъ нимъ не шутилъ, онъ очень былъ нервный, плакса. Прихожу я однажды изъ Академіи, разсказываю, что Окуловъ, нашъ товарищъ, предложилъ мнѣ ѣхать на уроки въ Тверскую губ. къ гр. Кутузовымъ, если я согласенъ, онъ напишетъ. Окуловъ тоже поѣдетъ на уроки къ сосѣдямъ гр. Кутузовыхъ и будетъ весело. «Я далъ согласіе ѣхать, а теперь раскаиваюсь, не хочешь ли ты взять

эти уроки?» На другой же день я сказалъ объ этомъ Окулову, но онъ уже написалъ письмо и надо было ждать отвѣта. Ольга Александровна, узнавши, что Арсеній безъ ея согласія рѣшился ѣхать на уроки, сдѣлала ему сцену и разъ навсегда запретила ему отлучаться безъ нея изъ Петербурга. Кажется, что теперь-то и слѣдовало бы плакать, а онъ торжествовалъ ея къ нему любовь-страсть беззавѣтную. Въ подтвержденіе своей любви она устроила ему черезъ знакомыхъ постоянную работу у гравера Куренкова и еще что-то, не припомню, — онъ былъ въ восторгѣ.

Я въ то время не зналъ дѣйствія стрѣлъ Амура, мнѣ казалось притворствомъ такое порабощеніе — до отказа отъ высшихъ интересовъ, любви къ искусству. Разговоръ по этому поводу не достигъ цѣли, я не въ силахъ былъ доказать погибель его на пути усовершенствованія, онъ принялъ доводы мои за ревность, увѣряя меня, что сердечно привязанъ ко мнѣ и т. д. Я сказалъ, что подаю прошеніе о выходкѣ изъ Академіи, онъ отнесся безразлично.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ извѣстилъ меня о продажѣ картины, я пришелъ къ нему за деньгами и сказалъ о выходѣ изъ Академіи, ожидая головомойки, а онъ началъ допытываться «какъ на духу» о причинахъ, о цѣли выхода, я все, все разсказалъ ему безъ утайки. Онъ такъ одобрительно отнесся, такъ краснорѣчиво говорилъ, на какой подвигъ я рѣшаюсь, убѣждалъ быть строгимъ къ себѣ, не переставать учиться, больше читать, жить, избѣгая соблазновъ. Отдавая мнѣ деньги, онъ сказалъ, что на мое счастье ему удалось продать картину за 200 рублей, узнавши объ урокахъ, онъ порадовался за меня, надо, говоритъ, пріучаться жить и понимать людей высшаго круга. Онъ такъ ободрилъ меня, что я безъ колебанія призналъ правильнымъ мой поступокъ и ждалъ отвѣта на прошеніе болѣе покойно.

Разсчитавшись съ Елизаветой Степановной за квартиру, столъ и шубу, мы съ Шурыгинымъ перебрались на временное житье къ художнику Вас. Тимоѳ. Тимоѳееву въ свободную комнату (онъ держалъ квартиру) со столомъ. Жить намъ здѣсь было хорошо, если бы не зудъ хозяина съ поученіями, какъ надо работать, какіе выбирать сюжеты, какъ экономить каждой копейкой для чернаго дня и независимости.

Онъ былъ глуповатъ и бездаренъ, самомнѣніе его доставляло Арсенію удовольствіе дурачить его. Здѣсь я написалъ двѣ маленькія картины, прямо съ натуры, у сѣнныхъ барокъ на Малой Невѣ, у Тучкова моста «Завтракъ рабочихъ» и «Съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія», особенно послѣдняя картинка была такъ удачна, что даже нашъ взыскательный хозяинъ Тимоѳеевъ одобрилъ, а Григоровичъ похвалилъ за энергію и предвѣщалъ успѣхъ при такомъ отношеніи къ дѣлу. Обѣ картины были проданы за сто ру-

блей съ Постоянной выставки М. В. Бартковымъ (завѣдующимъ выставкой), еще до отъѣзда на уроки.

Счастье повалило мнѣ завидное, словно въ одобреніе за вступленіе на новый путь и за терпѣніе голодовокъ въ недавнемъ прошломъ.

Еще въ февралѣ мѣсяцѣ Арсеній кончилъ свою картину «Наемъ прислуги», очень типичны были двѣ фигуры—придирчивой худощавой барыни и толстой здоровенной деревенской дѣвки, но никто даже цѣны не спросилъ, а теперь картина была продана одновременно съ моими за 75 рублей. Арсеній, успѣвшій сообщить о продажѣ Ольгѣ Александровнѣ, былъ вдвойнѣ доволенъ. Мы рѣшили отпраздновать наше благополучіе въ «Золотомъ Якорѣ» рыбной селянкой, пригласивъ съ собой «скупого рыцаря», — какъ я называлъ В. Тимоѳеева,—Окулова и П. А. Крестоносцева.

Всѣ были навеселѣ, Арсеній превзошелъ себя, разыгрывая роль покорнаго ученика Тимоѳеева, дорожащаго каждымъ словомъ своего геніальнаго учителя, а тотъ изъ кожи лѣзъ, поучалъ, указывая на себя, какъ на примѣръ, достойный подражанія. Хохотали мы до слезъ. Когда подали счетъ и онъ увидѣлъ уплату по счету, началось у него угнетаніе, полились нескончаемые упреки себѣ самому, зачѣмъ онъ пошелъ сюда, надо было дома сдѣлать пирушку и т. д.

Онъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней настаивалъ, чтобы я купилъ серіи государственнаго казначейства, такъ какъ размѣнную монету, кредитки, я могу скоро израсходовать, доказалъ мнѣ съ ясностью «Скупого рыцаря», и я поручилъ ему купить двѣ серіи.

Теперь я обладатель двухъ серій, а давно ли нуждался въ гривенникѣ на дневное содержаніе, и счелъ великимъ благополучіемъ, получивши заказъ вывѣски на съѣстную лавку.

Въ 1863 году прохожу я по Волховскому переулку, на голландскую биржу, съ шкатулкой въ рукѣ и вижу вновь устраивающуюся съѣстную лавку, на дверяхъ которой написано «сѣсная лафка». Вотъ, думаю, послѣ работы я и зайду сюда похлебать щей.

Иногда удавалось мнѣ написать этюдъ торговки печонкой и друг. съѣстными припасами настолько порядочно, что два такихъ этюда у меня купилъ Беггровъ, а третьимъ я заплатилъ въ магазинъ Риппа за кисти и краски.

Въ этотъ день удалось написать только этюдъ рабочаго, зашивавшаго свой дырявый кафтанъ.

Захожу въ съѣстную, тамъ никого нѣтъ, кромѣ хозяина и двухъ столяровъ, оканчивающихъ стойку. Подали ѣду—щи чудесныя, каша того лучше. Разговорился съ хозяиномъ, оказалось, что ему нужна вывѣска, желѣзо есть на рамѣ, да живописецъ пьяница не можетъ сдѣлать рисунка для подачи въ полицію о разрѣ-

шеніи. Я вызвался доставить рисунокъ къ утру. Нарисовавши традиціонныя миски со щами, сковородки съ селянками, ветчиной и проч. утварь стола на дверныхъ частяхъ, на верхней, самой большой по размѣрамъ, части въ центрѣ съ полукружіемъ картина «Три мужика» изъ басни Крылова, по краямъ бутылки, жбаны съ квасомъ, хлѣбъ, ситникъ.

Рисунокъ былъ утвержденъ полиціей, мы сторговались съ хозяиномъ за тринадцать рублей безъ подвѣски. Работа пошла быстро. Натуру мнѣ доставляли ежедневно, то селянку на сковородкѣ, то миску щей и ломоть хлѣба. Дошло дѣло до картины. Хозяинъ пожелалъ самъ позировать, потомъ доставилъ остальныхъ натурщиковъ, — картина вышла хоть на выставку. Когда вывѣска была повѣшена, торговля могла начаться офиціально, приглашенъ священникъ на молебенъ, полиція въ чинѣ околоточнаго, знакомые хозяина и художникъ-вывѣсочникъ.

На улицѣ скопилась толпа народу, всѣ любовались вывѣской; торговля пошла отлично, потому что хозяинъ кормилъ хорошо, не дорого, чисто, вкусно и порціи были не скупыя; отбоя не было отъ ломовиковъ въ обѣденное время. Не широкую улицу запружали ломовыя телѣги до того, что стѣсняли проѣздъ легковымъ извозчикамъ, дошло дѣло до вмѣшательства полиціи, которую въ лицѣ околоточнаго и городовыхъ для пользы дѣла умасливали.

Я заходилъ въ съѣстную, когда нуждался, меня хозяинъ встрѣчалъ какъ гостя, никогда не бралъ денегъ, а кормилъ сытнѣе, чѣмъ въ дорогомъ ресторанѣ.

Въ классы Академіи я ходилъ, когда не былъ занятъ домашней работой, кромѣ Арсенія никто не зналъ о моихъ тайныхъ думахъ. За майскій рисунокъ, рисованный урывками, я получилъ 4-й номеръ, а въ то же время лѣпилъ изъ глины тотъ этюдъ подъ руководствомъ барона Клодта.

Несмотря на порядочное умѣнье справляться съ карандашнымъ рисункомъ, я по-дѣтски принялся за лѣпку, баронъ Клодтъ сразу разрѣшилъ трудность, показавши начала пріема: въ какіе-нибудь четверть часа онъ вылѣпилъ всю фигуру, оставалось только оканчивать;—но онъ ее тотчасъ снялъ и заставилъ повторить.

Я былъ слѣпъ и прозрѣлъ послѣ указаній профессора, работа пошла хотя медленно, но толково, а баронъ нѣтъ-нѣтъ и заглянетъ, либо одобритъ, либо подскажетъ, что дальше надо дѣлать. Навыкъ ли, или особенная способность сразу понять учащагося, но каждое его слово, жестъ, указаніе держать стеку, — все до мелочи предусматривалось имъ при передачѣ необходимыхъ свѣдѣній, и голосъ у него былъ располагающій-отеческій, можно сказать. Очень жаль, что поздно я началъ лѣпку, она помогла бы скорѣе уяснить рисунокъ. Вообще для всѣхъ перешедшихъ въ натурный классъ слѣдовало бы поставить въ обязанность вылѣпить хоть одинъ-два этюда, для яснаго пониманія рельефа.

Изъ этюднаго класса я прошелъ къ Горностаевымъ (вдовѣ) и не засталъ никого дома,—они уѣзжали къ Сергію на могилу Алексѣя Максимовича; выхожу оттуда,—навстрѣчу мнѣ бар. Клодтъ. «Что, дома?» спросилъ меня онъ. «Нѣтъ,—говорю,—уѣхали къ Сергію». Онъ повелъ меня съ собой прямо въ столовую, спросилъ у прислуги о дочери, ему отвѣтили, что уѣхала къ Сергію, онъ приказалъ подавать «ѣсть». Я чувствовалъ себя очень неловко, не зналъ, не ожидалъ, зачѣмъ онъ меня позвалъ съ собой, а онъ предложилъ сѣсть съ нимъ за столъ, сказавши: «Вѣдь вы хотите ѣсть, у Горностаевыхъ васъ накормили бы, а ихъ нѣтъ, такъ вотъ со мной пообѣдайте». «Точно онъ насквозь все видитъ», подумалъ я и сѣлъ за столъ.—Щи и гречневая каша на рѣдкость были вкусны. Мы оба молчали; я уже наѣлся досыта, когда подали жаркое; а онъ, отпивши нѣсколько глотковъ квасу, принялся было и за жаркое, какъ раздался звонокъ и вошелъ высокій, темно-русый, нестарый еще генералъ, заговорили они между собой по-французски и ушли въ дальнія комнаты. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Уйти, не сказавши спасибо, неловко, ѣсть не хотѣлось, попробовалъ квасу и ума прибавилось. На столикѣ лежали «С.-Петербургскія Вѣдомости», я любилъ ихъ читать, потому что интересовался польскимъ возстаніемъ; должно-быть, немало прошло времени, когда меня окликнулъ баронъ прощаясь. Я не узналъ его, одѣтаго въ генеральскій мундиръ и въ орденахъ, такъ какъ привыкъ видѣть въ безрукавкѣ. Ясно, онъ привелъ меня, чтобы покормить.

Вскорѣ послѣ полученія золотой медали я встрѣтился съ бар. Клодтомъ въ лавкѣ Голикова въ Андреевскомъ рынкѣ, онъ набралъ много всякой мелочи, я вызвался помочь ему снести въ квартиру, онъ поблагодарилъ и принялъ услугу. У нихъ былъ въ гостяхъ Ѳед. Ѳедор. Каменскій, котораго я зналъ раньше по Василеостровской школѣ, мы разговорились о Резенерѣ и другихъ знакомыхъ. Петръ Карловичъ подошелъ къ намъ и заговорилъ о Лансере, находя его взглядъ на классическій міръ совершенно неправильнымъ. Онъ думаетъ, что въ скульптурѣ и выразился весь греко-римскій міръ, изящный, позирующій, холодный, да вѣдь и скульптура не вся дошла до насъ, а читайте Гомера, Аристофана, вообще ихъ литературу и вы увидите, какіе они чудесные реалисты. Правда, они не возьмутъ брюхатую бабу, какъ взялъ Максимовъ въ своей картинѣ, это не изящно, не изобразятъ, какъ Перовъ дьячковскаго сына съ обезьяннимъ лицомъ, такъ это потому, что не писали картинъ, а какія и были, такъ до насъ не дошли. Описанные ими боги гораздо реальнѣе скульптурныхъ изображеній, сколько бы ни увѣряли меня знатоки и поклонники греческаго искусства—кони ихъ анатомически правильны, но не дышатъ жизнью. У Лансере коньки дышатъ талантомъ, желательно, чтобы монтеръ съ нимъ былъ согласенъ въ выборѣ всадниковъ.

Я не понимаю всего ихъ разговора, повидимому, давно ихъ занимавшаго, потому что тотъ и другой ссылались на противорѣчія, но мнѣ понравилось отношеніе барона къ молодому человѣку, смѣло его оспаривавшему.

Потомъ онъ и мнѣ разъяснилъ, почему указалъ на брюхатую бабу: «Эта подчеркнутость тутъ дополняетъ задачу вызвать жалость къ положенію рабочей семьи, я тогда же отмѣтилъ это вашему профессору».

Я сказалъ, что мнѣ очень нравится картина его сына—«Послѣдняя весна», онъ тоже одобрилъ ее. Каменскій и тутъ поперечилъ, находя совершенно лишнимъ стариковъ за ширмами, лучше было бы оставить тамъ однѣ склянки съ лѣкарствами.

Въ прежніе годы немного было профессоровъ, которые допускали близость учащихся къ своей профессорской особѣ; баронъ Клодтъ, Горностаевъ—были исключеніями. А. Т. Марковъ принималъ у себя учениковъ по обязанности руководителя, нерѣдко дѣловито бесѣдовалъ, но все же держался на разстояніи.

Проходя по 4 линіи мимо литейной мастерской бар. Клодта, всегда заглядывали въ окна, нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго, иногда видѣли на окнѣ какую-нибудь обновку и долго стояли, разсматривая ее черезъ грязныя окна. Потомъ перестали появляться на окнахъ художественные предметы, иногда торчало изъ кучи проволоки какое-нибудь согнутое крюкомъ желѣзо, а мы допытывались, къ чему бы оно могло быть нужно бар. Клодту, долго валялась на окнѣ конногвардейская каска, она также интересовала насъ, пока не узнали о памятникѣ Николаю I.

Всѣхъ насъ занимала огромная темная яма, видимая въ окна огромной мастерской, мы думали, что вотъ здѣсь отливались знаменитые кони, памятникъ Крылову,—самая яма казалась чѣмъ-то таинственнымъ, священнымъ.

Сынъ бар. Клодта—Михаилъ Петровичъ, былъ женатъ на дочери А. М. Горностаева—Людмилѣ Алексѣевнѣ, она очень часто бывала у матери. За симпатичность сюжетовъ я уважалъ ея мужа, зато пользовался нѣкоторымъ расположеніемъ этой, влюбленной въ своего супруга, дамы.

Послѣ счастливой продажи картины «Вечерній чай» я считалъ обязанностью подарить моимъ милымъ натурщикамъ любимыя ими сласти: синяго изюма по полфунта каждому изъ дѣтей, яблоковъ, апельсиновъ, разныхъ орѣховъ, пряниковъ, швейцарскаго сыру и сливочнаго масла, для себя, Шурыгина, Діодора, Вадима закусокъ, вина и пива, устроивъ въ комнатѣ Діодора буфетъ. Діодоръ разбранилъ меня за роскошь, но я былъ неумолимъ, отстаивая свои права. Дали знать Людмилѣ Алексѣевнѣ, она тотчасъ явилась, квартира ихъ была рядомъ. Дѣти были въ такомъ восторгѣ отъ синяго изюма, что сконфузили свою маму скупостью, отказавшись

удѣлить хотя бы небольшую часть старшей сестрѣ. Поздно вечеромъ подошелъ старшій сынъ Вадимъ. Шурыгинъ сбѣгалъ прибавить провизіи для буфета и пошелъ пиръ на славу: играли въ четыре руки, пѣли, хотѣли даже танцевать, но слишкомъ много было скорлупы на полу. Далеко за полночь мы разошлись, пошли провожать Людмилу Алексѣевну, а послѣ отправились бесѣдовать по душѣ въ ресторанъ по настоянію счастливаго успѣхомъ Шурыгина.

Здѣсь онъ развязалъ языкъ передъ Вадимомъ, ожидая его одобренія, Вадимъ жестоко осудилъ спѣшность рѣшенія жениться, не имѣя средствъ, пропадешь ты,—говоритъ,—какъ художникъ, а какъ человѣкъ зачахнешь отъ непосильной ноши житейскихъ непріятностей и раздвоенности.

Весело начатый день кончился грустно для Арсенія. Благожелательная, но очень рѣзкая критика Вадима долго не давала покоя Арсенію. Онъ взъѣлся на меня, зачѣмъ я при самомъ зарожденіи его симпатіи по-дружески ничего ему даже не намекнулъ. Теперь всякій совѣтъ излишенъ, онъ самъ далъ слово и съ нея взялъ слово жить другъ для друга.

Тяжело, скучно было мнѣ слышать отъ Арсенія отреченіе отъ своей воли, я не возражалъ, старался настроить его на веселый ладъ, предоставивъ времени исцѣлить его болѣзнь. Мнѣ въ пору было о себѣ думать. Окуловъ уже уѣхалъ на уроки и оттуда извѣстилъ меня, чтобы я пріѣзжалъ къ нему 15 іюня, такъ какъ путь къ гр. Кутузовымъ лежалъ черезъ его усадьбу.

Въ Академіи мнѣ выдали билетъ на три мѣсяца и увѣрили, что званіе я получу безъ всякой задержки не ранѣе сентября. Между тѣмъ свидѣтельство было готово 30 мая 1866 г., подписанное конференцъ-секретаремъ Ребезовымъ, оно лежало въ это время въ канцеляріи. Почему мнѣ его не выдали, а дали ученическій билетъ на 3 мѣсяца—неизвѣстно.

Собрался я скоро, закупивъ все необходимое на лѣтнее время, уплативъ за постой вещей В. Тимоѳееву. Шурыгинъ проводилъ меня до желѣзной дороги, умоляя проѣздомъ черезъ Тверь заглянуть къ его родителямъ, но ни словомъ объ его сердечныхъ дѣлахъ никому не обмолвиться. Родители Арсенія были рады слышать объ успѣхахъ сына, уговорили меня переночевать, потомъ посадили на пароходъ, гдѣ капитанъ былъ пріятель Михаила Николаевича Шурыгина, и я ѣхалъ съ нѣкоторымъ комфортомъ до самой Корчевы.

Съ пристани въ «лучшую гостиницу» повелъ меня какой-то досужій мѣщанинъ, твердя: «Лучшая гостиница, лучшая... а гостиница потому и лучшая, что одна во всей Корчевѣ». Въ двухъэтажномъ деревянномъ домѣ, на горѣ, противъ пароходной пристани процвѣтала лучшая гостиница съ номерами для пріѣзжающихъ. Я распорядился о наймѣ лошадей до имѣнія Лосевыхъ «Марьино»,—пришедшій ямщикъ сказалъ, что завтра будетъ подсадокъ, а одному

ѣхать на парѣ дорого, а на одной онъ не согласенъ. Сообразивъ плату за номеръ и другіе расходы, я рѣшилъ ѣхать одинъ на парѣ, ямщику и этимъ не угодилъ: «Дорога,—говоритъ,—худая, пріѣдемъ ночью поздно, всѣ спятъ, ну ежели вы сродственникъ, такъ это ладно, а землемѣръ... такъ оно не тово... Завтра бы утречкомъ, баринъ, славно покатили, подсадочекъ изготовится рано».

Непріятно было оставаться ночевать въ грязномъ номерѣ, а пришлось примириться. Пошелъ бродить по городу, онъ былъ до того скученъ, грязенъ, что наша Новая Ладога была столицей въ сравненіи съ Корчевой. Людей встрѣчалось мало, зато лошадей, коровъ, куръ, гусей и утокъ стада разгуливали по немощеннымъ улицамъ, изрытымъ свиньями. Только видъ на Волгу съ горы нѣсколько умѣрялъ тоскливое настроеніе; здѣсь купались взрослые и дѣти, весело барахтаясь въ водѣ.

Я доволенъ былъ скоро наступающей ночью, возвратился въ гостиницу, заказалъ себѣ отбивныя котлеты. Долго, долго пришлось ихъ ждать, а когда ихъ подали и я увидѣлъ на сковородкѣ плавающихъ въ маслѣ жареныхъ крупныхъ червей и запахъ совершенно разложившагося мяса, начало тошнить меня. Позванный слуга согласился со мной, что «провизія не свѣжа, оттого, что теперь Петровскій постъ, отъ самаго заговѣнья никто не спрашиваетъ скоромнаго, всѣ требуютъ рыбнаго». «Давай же мнѣ рыбную солянку, да чтобы свѣжая была провизія, иначе я полиціи заявлю».

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда подали солянку, она оказалась вкусной, и я примирился съ лучшей гостиницей до поданнаго мнѣ счета, гдѣ значилось: отбивныя котлеты—50 коп., солянка—75 коп., номеръ—75 коп. Все увеличено противъ ихъ же прейсъ-куранта. Я раскричался за грабежъ проѣзжихъ, собрался уже итти въ полицію, но подъѣхалъ мой ямщикъ съ «подсадкомъ», и слуга смиренно принялъ плату по прейсъ-куранту, благодарный за начайный гривенникъ. Подсадкомъ оказалась сестра ямщика, возвращавшаяся изъ Москвы на родину съ цѣлымъ ворохомъ разной поклажи и надоѣвшей мнѣ огромной картонкой съ какими-то тряпками, которыя она оберегала пуще глаза.

Перебравшись за Волгу, мы ѣхали по довольно хорошей дорогѣ около пяти верстъ, потомъ ямщикъ свернулъ на узенькій проселокъ съ ухабами, ямами, такъ что приходилось то подсадку за меня, то мнѣ за нее держаться для равновѣсія, чтобы не вывалиться изъ тарантаса. Скоро мы пріѣхали въ деревню, гдѣ ямщикъ заблагоразсудилъ дать вздохнуть лошадямъ, покалякать съ домашними и дождаться, когда сестра развяжетъ всѣ свои богатства. Въ сущности, я оказался подсадкомъ, но дѣлать было нечего, приходилось мириться. Зато, когда мы выбрались снова на хорошую дорогу, ямщикъ превосходно докатилъ до помѣщичьей усадьбы.

Переѣхавши мостъ черезъ довольно быструю рѣчку, издалека показались строенія, въ такомъ безпорядкѣ разбросанныя, что не

представляешь себѣ, чтобы здѣсь была усадьба. Винокуренный заводъ, хлѣбные амбары, мельница, огромные подвалы, невдалекѣ фабричное заведеніе съ флигелями для жилья рабочихъ, отдѣльные домики, тутъ же огороды. Обогнувъ лужайку, показался господскій деревянный домъ съ множествомъ пристроекъ.

Мальчикъ лѣтъ 12 спросилъ кого мнѣ надо, я сказалъ П. Т. Окулова, онъ побѣжалъ въ новый домикъ неподалеку отъ господскаго, и я увидѣлъ моего товарища. Онъ отвелъ меня въ свое жилище, особый флигель, гдѣ жилъ старичокъ-священникъ съ сыномъ, псаломщикомъ-учителемъ здѣсь же помѣщавшейся школы. Ямщикъ зналъ здѣсь всѣхъ дворовыхъ и лишь успѣлъ разгрузить тарантасъ, распрегъ лошадей, поставилъ ихъ подъ навѣсъ на хозяйскій кормъ и пошелъ въ людскую ожидать обѣда.

Петръ Тимоѳеевичъ предложилъ мнѣ умыться и переодѣвшись итти къ нему въ домикъ на урокъ или отдохнуть до обѣда. Я привелъ себя въ порядокъ, отдохнулъ; Окуловъ кончилъ урокъ и сталъ одѣваться къ обѣду, распрашивая о Питерѣ и дорогѣ, знакомя съ здѣшними порядками, расхваливая хозяевъ. Къ столу мы пришли немного раньше, чтобы познакомиться съ хозяйкой и сестрой хозяина, Прасковьей Николаевной, величественной рослой дамой, пятидесятилѣтней дѣвицей, смотрѣвшей деспотомъ. Хозяйка, Анастасія Николаевна, средняго роста, темноволосая съ оливковымъ цвѣтомъ лица, карими глазами, симпатичнымъ обликомъ лица, съ чудеснымъ задушевнымъ голосомъ, привлекавшимъ своей искренностью, правдивостью съ перваго слова. Такою мнѣ показалась она, и это впечатлѣніе я сохранилъ до сей поры. Окуловъ жилъ здѣсь уже второе лѣто, онъ зналъ всѣхъ вновь приходящихъ и называлъ ихъ мнѣ. Наконецъ вошелъ самъ хозяинъ Николай Николаевичъ Лосевъ, невысокаго роста, плотный, съ русой окладистой бородой, небольшой лысиной, открывавшей красивый объемистый лобъ, лицо, какихъ на Руси — прудъ пруди, — съ паспортными примѣтами: носъ обыкновенный, глаза сѣрые, одѣтъ въ широкое парусиновое одѣяніе, похоже и на пальто и на пиджакъ. Съ нимъ вмѣстѣ пришелъ щегольски одѣтый, съ ясно выраженнымъ польскимъ типомъ, всѣми любимый винокуръ, прожившійся польскій панъ. Мы сѣли рядомъ съ Окуловымъ. Меня поражало количество людей, ежедневно обѣдающихъ, я насчиталъ 27 человѣкъ, оказалось, что это среднее число. Обѣдъ былъ превосходный, полное отсутствіе чопорности давало свободу людямъ, мало знакомымъ и застѣнчивымъ, можно было или углубляться въ ѣду или калякать съ сосѣдомъ, попивая любой изъ напитковъ. Послѣ обѣда разбрелись, кто куда.

Хозяйка просила Окулова устроить мнѣ ночлегъ въ его комнатѣ, такъ какъ я не успѣю днемъ справить графинѣ посылку и написать письмо, а завтра г. Максимовъ послѣ завтрака свободенъ ѣхать, лошади будутъ готовы. «Вашего ямщика я отправила съ ве-

щами на Корчевскую пристань, — обратилась она ко мнѣ, — я пригрозила ему впредь не разбойничать, сдирать по пяти рублей отъ Корчевы до Марьина, да еще съ заѣздомъ домой. Вся цѣна 2 руб. 50 коп.» Я сказалъ, что еще его сестра ѣхала со мной. «Знаю, все знаю, онъ хвастался своей ловкостью, онъ разсказалъ мнѣ, какъ хорошо угощали васъ котлетой и солянкой, а вы еще на чай дали половому».

Настасья Николаевна такъ просто держала себя со всѣми людьми, что они не стѣсняясь бесѣдовали съ ней, какъ съ ровней, она знала весь околотокъ, особливо дѣтей. Крестниковъ обоего пола у ней было множество, и всѣхъ она помнила, надѣляя нуждающихся одеждой, обувью, много круглыхъ сиротъ ютилось около этой доброй женщины.

Порядки здѣсь были не городскіе, къ девяти часамъ готовили чай, въ 11 час. ужинъ, почти такой же, какъ и обѣдъ, только безъ жидкаго блюда. Окуловъ показывалъ работу своей ученицы, очень безталанной дѣвицы, но усердной и послушной, она интересовалась моимъ отзывомъ, я, конечно, утѣшилъ ее похвалой за нѣкоторые рисунки, чѣмъ она осталась довольна, а еще болѣе довольна ея тетушка, Прасковья Николаевна, души въ ней не чаявшая. Ученица Екатерина (по отцу не знаю), буду называть ее такъ, какъ всѣ: «Катишъ», такъ эта самая «Катишъ» показалась мнѣ болѣзненной, слабой, безкровной, запахъ отъ нея шелъ духами, смѣшанными съ какой-то гнилью, а между тѣмъ винокуръ ухаживалъ за нею, слѣдуя по пятамъ. Личико не дурное, бѣлобрысенькое, волосы льняные рѣденькіе, вся она тощая, въ чемъ душа держится, пальчики тоненькіе, какъ спички, говоритъ тусклымъ голоскомъ, едва слышно, а винокуръ все слышитъ, все понимаетъ...

Я спросилъ Окулова, что все это значитъ. И получилъ отвѣтъ, что за ней дадутъ большое приданое.

На другой день, послѣ отличнаго завтрака, напутствуемый всякими благопожеланіями, я усаживался въ покойный тарантасъ.

Отъ Анастасіи Николаевны были письма къ графинѣ и моему старшему ученику Петру Аркадьевичу Кутузову.

Долго ѣхали мы по Лосевскимъ владѣніямъ: лѣсами, лугами, полями, потомъ пришлось переѣзжать довольно длинный мостъ, онъ былъ до того ветхъ, что даже опытный помѣщичій кучеръ остановился передъ задачей благополучнаго переѣзда, предварительно прошедши и поправивъ нѣсколько мостовинъ. Я вышелъ изъ тарантаса. Лошади осторожно шагая съ дрожью въ тѣлѣ перебрались на другую сторону и когда встали на твердую почву, съ радости чуть не убѣжали безъ сѣдоковъ.

В. Максимовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Казанскій заговоръ 1863 г.“.

Эпизодъ изъ польскаго возстанія 1863 г.

(По неизданнымъ матеріаламъ.)

I.

Въ исторіи общественно-политическихъ теченій и революціонныхъ движеній начала 60-хъ годовъ — вообще мало разработанной по недостаточности имѣющихся матеріаловъ [1]) — есть одинъ эпизодъ, совершенно невыясненный, — это именно, такъ называемый, «Казанскій заговоръ 1863 г.»

А между тѣмъ этотъ эпизодъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, онъ стоитъ въ тѣсной, непосредственной связи съ польскимъ возстаніемъ 1863 г. и до извѣстной степени является побочнымъ, «вспомогательнымъ» актомъ самого возстанія. Затѣмъ въ рядѣ событій и предпріятій, объединенныхъ названіемъ «Казанскаго заговора», весьма ярко отражаются «бытовыя» черты первичной стадіи нашего революціоннаго движенія, — эпохи «романтизма» русской революціи. Этотъ «заговоръ» и судебный о немъ процессъ, въ числѣ другихъ, сравнительно немногихъ «провинціальныхъ» политическихъ процессовъ того времени (каковы — дѣло Андрущенки, Муравскаго и др.) дастъ намъ немало матеріала относительно общественно-политическихъ взглядовъ, существовавшихъ организацій, революціонно-пропагаторскихъ пріемовъ тогдашней «радикальной» провинціальной молодежи.

Наконецъ «заговоръ» заслуживаетъ вниманія и въ томъ отношеніи, что это былъ *первый* въ царствованіе Александра II политическій процессъ, по которому *пять человѣкъ были подвергнуты смертной казни, 18 человѣкъ — присуждены къ каторжнымъ работамъ и 6 изъ нихъ сосланы* [2]), множество лицъ было подвергнуто административнымъ взысканіямъ (высылкѣ, надзору полиціи и пр.).

Это кровавое по своимъ послѣдствіямъ дѣло, погубившее не одинъ десятокъ лицъ, было и осталось какой-то легендой. Съ самаго момента своего возникновенія оно — грандіозностью замысла, пре-

---

[1]) Особенно по исторіи революціоннаго движенія въ провинціи.

[2]) Почему не всѣ, ниже будетъ объяснено.

увеличеннаго еще «молвой», таинственностью, неуловимостью конкретныхъ формъ и фактовъ вызывало множество самыхъ разнообразныхъ «слуховъ» и легендъ, не разсѣянныхъ до настоящаго времени.

Скудость имѣющихся въ печати свѣдѣній, а иногда ихъ произвольность и фантастичность, главнымъ образомъ, объясняются тѣмъ, что объ этомъ дѣлѣ не было и нѣтъ никакого фактическаго матеріала, кромѣ данныхъ слѣдственной комиссіи, а эти послѣднія гніютъ въ архивѣ. Есть нѣсколько отрывочныхъ и крайне неполныхъ воспоминаній нѣкоторыхъ изъ участниковъ этого дѣла, напримѣръ, *Красноперова*, *Элпидина*[1]). Но у Красноперова совсѣмъ нѣтъ фактическихъ данныхъ и слишкомъ много ошибокъ и искаженій даже о себѣ лично. Разсказъ Элпидина является единственнымъ, въ которомъ сдѣлана попытка дать свѣдѣнія объ общемъ ходѣ дѣла и о всѣхъ его участникахъ. Но и у Элпидина, какъ увидимъ ниже, много искаженнаго и сочиненнаго, такъ какъ онъ въ значительной части писалъ по слухамъ и догадкамъ.

Пищущій эти строки имѣлъ возможность ознакомиться съ подлинными протоколами слѣдственной комиссіи о «Казанскомъ заговорѣ», и все наиболѣе существенное изъ нихъ, провѣренное и приведенное въ связь, предлагается вниманію читателей.

II.

Какъ же возникъ, протекалъ и въ чемъ проявился «Казанскій заговоръ?»

Предварительно теперь же, прежде чѣмъ излагать начало и ходъ «Казанскаго заговора», необходимо отмѣтить одно, весьма важное обстоятельство, игнорированіе или незнаніе котораго производило и до настоящаго времени производитъ путаницу въ сужденіяхъ и даже фактическихъ разсказахъ объ этомъ заговорѣ.

Дѣло въ томъ, что въ рядѣ предпріятій и событій, обозначенныхъ названіемъ «Казанскаго заговора», необходимо различать два рода фактовъ — одни были результатомъ «польской интриги», другіе явились слѣдствіемъ мѣстнаго революціоннаго броженія; эти два теченія то шли самостоятельно, то сливались, но своей окраски, особаго оттѣнка не теряли. Поэтому ни въ коемъ случаѣ нельзя думать, что *все* въ «Казанскомъ заговорѣ» есть дѣло «польской интриги». Значительная доля здѣсь принадлежитъ иниціативѣ, самостоятельному почину мѣстныхъ «радикаловъ» и является отраженіемъ обще-русскихъ революціонныхъ теченій.

Обратимся сначала къ «польской агитаціи».

Со смертью Николая I и вступленіемъ на престолъ Александра II оживились было надежды поляковъ на то, что будутъ признаны ихъ національныя права и проведены необходимыя реформы.

Но дѣйствительность очень скоро показала всю неосновательность этихъ мечтаній[2]). Политика правительства по отношенію къ

---

[1]) «Вѣстн. Европы», 1905 г. кн. 12. «Минувшіе годы», 1908 г. кн. 12. Воспоминанія Элпидина были напечатаны въ «Подпольномъ словѣ» за 1866 г., затѣмъ перепечатаны В. Я. Богучарскимъ въ «Матеріалахъ по исторіи революц. движенія въ Россіи».

[2]) Еще въ 1856 г. Александръ II, принимая въ Варшавѣ польскихъ депутатовъ, сказалъ имъ: «Никакихъ мечтаній, господа».

полякамъ осталась прежнею, несмотря на отдѣльныя льготы и уступки [1]). Отсюда, естественно, развивается оппозиціонно-революціонное настроеніе въ польскомъ обществѣ, вызывая, въ свою очередь, усиленныя репрессіи со стороны русскаго правительства, а эти послѣднія благопріятствовали лишь успѣху революціонной партіи и въ частности партіи возстанія... и такъ шло дѣло вплоть до полнаго разрыва.

Напр., въ началѣ 1861 г. демократическая польская интеллигенція, желая выразить протестъ противъ политики русскаго правительства, рѣшила устроить манифестацію въ тридцатую годовщину побѣды поляковъ подъ Гроховымъ [2]). Полиція не допустила этой манифестаціи въ назначенный срокъ; а когда она все-таки состоялась 25 февраля, войска дали залпъ по безоружной толпѣ. Эта мѣра вызвала, конечно, страшное возмущеніе во всѣхъ слояхъ и во всѣхъ партіяхъ польскаго общества. На похоронахъ жертвъ этой демонстраціи присутствовала стотысячная толпа.

И чѣмъ дальше, тѣмъ больше допускается безтактностей и ненужныхъ эксцессовъ со стороны представителей русской власти въ Польшѣ. Такъ, для примиренія и сближенія Польши съ Россіей, по совѣту Горчакова, былъ избранъ извѣстный маркизъ Велепольскій — сторонникъ тѣснаго союза съ Россіей, доказывавшій, что лишь въ тѣсномъ единеніи съ Россіей поляки могутъ отстоять свою національную самобытность. Но Велепольскій ни по своимъ личнымъ качествамъ (заносчивость, высокомѣріе), ни по своимъ «дипломатическимъ способностямъ (недальновидность, отсутствіе такта и пр.), ни по своей программѣ (крайній оппортюнизмъ) не годился для роли «примирителя» [3]). Своей безтактностью и «дружбой» съ русскимъ правительствомъ онъ оттолкнулъ отъ себя не только «красныхъ» (радикально-революціонную партію), но и «бѣлыхъ» (умѣренную партію) и даже аристократію. Въ Варшавѣ была устроена демонстрація, враждебная маркизу. Войска опять стрѣляли по толпѣ, при чемъ больше 100 человѣкъ было убито и нѣсколько сотъ ранено [4]).

Изъ послѣдующихъ фактовъ въ томъ же родѣ можно отмѣтить слѣдующіе. Вслѣдствіе манифестаціи въ годовщину Люблинской уніи въ Вильнѣ было объявлено осадное положеніе (18 авг. 1861 г.). Грандіозная манифестація въ годовщину Литовско-польской уніи побудила Ламбера (новаго намѣстника, смѣнившаго Горчакова) объявить осадное положеніе въ Варшавѣ (въ октябрѣ 1861 г.). Въ день смерти Костюшко (15 окт.) «во всѣхъ варшавскихъ костелахъ раздавалось пѣніе религіозно-патріотическихъ гимновъ». Войска окружили соборъ и костелъ и держали молящихся въ «осадѣ» въ теченіе 18 часовъ, а затѣмъ ворвались внутрь храмовъ, устроили «погромъ» и около 3-хъ тысячъ человѣкъ отвели въ крѣпость [5]). Послѣ этого

---

[1]) Возвращены, напр., были нѣкоторые ссыльные, разрѣшено открытіе медико-хирургической академіи и «Земледѣльческаго общества» и т. п.

[2]) Съ этою цѣлью были вызваны польскіе студенты, учившіеся въ русскихъ университетахъ. Поляки-студенты, исключенные изъ Петербургскаго университета, явились затѣмъ самыми горячими пропагандистами».

[3]) Онъ закрылъ, напр., упомянутое выше «Земледѣльческое общество», во главѣ котораго стоялъ гр. Замойскій.

[4]) «Сто лѣтъ борьбы польск. народа за свободу», стр. 161.

[5]) По этому поводу произошло крупное столкновеніе между намѣстникомъ Ламберомъ и генер.-губерн. Варшавы Герстенцвейгомъ, окончившееся «американскою» дуэлью. Ламберъ вышелъ въ отставку и на его мѣсто намѣстникомъ назначенъ генер. Лидерсъ.

по распоряженію управляющаго Варшавской епархіей, въ знакъ траура, были закрыты всѣ костелы.

Всѣ эти и многія другія обстоятельства содѣйствовали какъ нельзя болѣе подъему революціоннаго настроенія и успѣху партіи, стоявшей за вооруженное возстаніе. Быстро организуются и объединяются революціонные кружки и группы. Еще раньше образовавшійся городской варшавскій кружокъ получилъ перевѣсъ и сдѣлался центральнымъ, связующимъ органомъ для всѣхъ другихъ группъ. Организація въ кружкахъ была основана на системѣ «десятокъ»: каждый десятокъ имѣлъ и зналъ одного десятника — руководителя; десять десятниковъ избирали сотника, который уже входилъ въ сношенія съ «высшими», «старшими» членами союза.

Варшавскій кружокъ, ставшій въ силу естественнаго хода событій во главѣ движенія, явился зародышемъ «центральнаго комитета», преобразованнаго впослѣдствіи въ «народное представительство» («жондъ народовый»). Уже въ сентябрѣ 1861 г. варшавскій кружокъ переименовываетъ себя въ «центральный комитетъ». Въ составъ его, между прочимъ, входили: Ан. Коженіовскій, Вит. Марчевскій, Влад. Рольскій и др. [1])

Кульчицкій, излагая подготовительные моменты возстанія и давая характеристику революціонной организаціи, пишетъ:

« . . . . . Польская революціонная организація дѣлала значительные успѣхи... она охватила всю страну и внѣшнимъ образомъ являлась импонирующей силой. Въ общемъ смѣло можно сказать, что въ организаціи сосредоточились, особенно до начала возстанія, люди наиболѣе энергичные и способные. Но ни утонченно-цѣлесообразная система революціонной организаціи, ни безграничная преданность дѣлу, ни самопожертвованіе не могли возмѣстить отсутствія крупной матеріальной силы, необходимой для достиженія цѣлей повстанческаго движенія, которое такимъ образомъ заранѣе было обречено на гибель. Современные его руководители переоцѣнивали силы своего народа, а равно и русскаго революціоннаго движенія и совершенно ошибочно полагались на международное вмѣшательство»...

Относительно психическаго уклада и политическаго развитія членовъ революціонныхъ организацій тотъ же Кульчицкій говоритъ, что подавляющее большинство польскихъ революціонеровъ того времени было воспитано на романтической польской литературѣ.

«...Весь укладъ психики поляковъ того времени, создавшійся подъ вліяніемъ событій послѣднихъ десятилѣтій... дѣлалъ поляковъ склонными къ героическимъ порывамъ, самопожертвованію и мученичеству, но отнюдь не къ серьезному политическому мышленію» [2]).

Эти именно черты и особенно послѣдняя изъ нихъ, какъ увидимъ ниже, съ особенной яркостью проявилась въ интересующемъ насъ «заговорѣ». Но объ этомъ послѣ, а теперь прослѣдимъ дальнѣйшіе моменты и дѣйствія польской революціонной организаціи и, главнымъ образомъ, ея отношеніе къ затронутому нами вопросу.

Польскіе революціонеры, и комитетъ въ частности, естественно должны были сдѣлать попытку сближенія съ русскими революціонерами для «совмѣстнаго дѣйствія» [3]).

Съ этою цѣлью Гиллеръ и Падлевскій отправились въ Лондонъ съ письмомъ центральнаго комитета, въ которомъ излагались основные принципы и программа возстанія: свобода и самоопредѣленіе

---

[1]) «Записки поляка о 1863 г.» «Рус. Старина», 1898 г. іюнь, стр. 560.

[2]) Кульчицкій, (Мазовскій) «Исторія рус. рев. движенія», стр. 359.

[3]) Въ это время (половина 1862 г.) въ комитетѣ наибольшимъ вліяніемъ пользовались — Гиллеръ, Шварце, Падлевскій Яновскій.

всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ Царства Польскаго; предоставленіе крестьянамъ въ собственность земли, которую они до сихъ поръ обрабатывали; возстановленіе Польши въ границахъ 1771 г. (т.-е. съ Литвой и правобережной Украйной) [1]). Герценъ и Бакунинъ выразили полное свое согласіе съ программой, горячее сочувствіе «дѣлу справедливости и свободы» и полную готовность содѣйствовать по мѣрѣ силъ его успѣху.

Въ 147 нумерѣ издатели «Колокола» писали, обращаясь къ центральному комитету въ Варшавѣ:

«Письмо ваше къ намъ отмѣчаетъ новую эпоху въ великой эпопеѣ польской борьбы за независимость. Начала, на которыхъ вы призываете народъ польскій къ возстанію, такъ широки и современны, такъ ясно высказаны вами, что мы не сомнѣваемся въ глубокомъ дѣятельномъ сочувствіи, которое возбудятъ ваши слова во всѣхъ русскихъ. Что касается до насъ, намъ легко съ вами итти, вы идете отъ признанія правъ крестьянъ на землю, обрабатываемую ими; вы признаете право всякаго народа располагать своей судьбой. Это наши догматы, наши знамена...

«Во имя ихъ примите и нашу дружескую руку... мы подаемъ вамъ ее на дѣло справедливости и свободы» [2]).

Не ограничиваясь обѣщанной поддержкой изъ Лондона, къ тому же преимущественно моральной, платонической, польскій центральный комитетъ нашелъ необходимымъ выяснить отношеніе къ предстоящему возстанію «русскихъ революціонеровъ» и ихъ возможную позицію [3]). Съ этою цѣлью Падлевскій [4]) по возвращеніи изъ Лондона отправился въ Петербургъ для переговоровъ съ представителями «земли и воли».

Въ какомъ смыслѣ велись переговоры и какой отвѣтъ далъ комитетъ «земли и воли», объ этомъ мы находимъ драгоцѣннѣйшія указанія въ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелеева. Въ концѣ ноября (1862 г.), разсказываетъ онъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ Падлевскій, делегатъ отъ польскаго комитета, и проситъ, чтобъ «земля и воля» назначила кого-нибудь для переговоровъ. Избраны были для этой цѣли Утинъ и «человѣкъ съ пенсне» [5]), которые и устроили два совѣщанія съ Падлевскимъ. На первомъ изъ нихъ Падлевскій заявилъ: «Въ Польшѣ неминуемо вспыхнетъ возстаніе, если не будетъ отмѣненъ рекрутскій наборъ; могутъ ли поляки разсчитывать на какую-нибудь помощь со стороны русскихъ революціонныхъ партій?»

Ему объяснили, что будетъ доведено до свѣдѣнія комитета «земли и воли», и онъ получитъ отвѣтъ. «Собрался нашъ комитетъ, — пишетъ Пантелеевъ. — Мы всѣ сочувственно относились къ польскому движенію, предвидѣли возможность революціоннаго взрыва, и тѣмъ не менѣе заявленіе Падлевскаго произвело на насъ ошеломляю-

---

[1]) Это письмо-программа напечатано въ 146 нумерѣ «Колокола» (1862 г.).

[2]) За сочувствіе и поддержку польскаго возстанія Герценъ, какъ стали увѣрять впослѣдствіи, потерялъ симпатію русскаго общества. Популярность «Колокола» стала падать.

[3]) О другихъ предпріятіяхъ, планахъ и надеждахъ руководителей польскаго возстанія, какъ не относящихся прямо къ затронутому вопросу, я говорить не стану. Напр., о надеждахъ на помощь Наполеона III и на возможность международнаго вмѣшательства, о всевозможныхъ видахъ агитаціи въ Западномъ краѣ и т. п.

[4]) Одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ польскаго центральнаго комитета, бывшій офицеръ русской арміи, романистъ, писавшій подъ псевдонимомъ «Ежъ». Въ 1863 г. схваченъ русскими властями и 15 мая казненъ.

[5]) Если не ошибаемся, А. А. Слѣпцовъ. *Ред.*

щее и удручающее впечатлѣніе, намъ казалось, что поляки идутъ на вѣрную гибель.

«Какую же помощь можемъ оказать имъ? — Никакой; у насъ нѣтъ ни малѣйшихъ средствъ сдѣлать въ ихъ пользу хотя бы самую незначительную диверсію. Надо быть честнымъ, нельзя подавать какія-нибудь призрачныя надежды людямъ, идущимъ на смерть». Такъ говорило большинство въ комитетѣ, и такой отвѣтъ рѣшено было дать, объяснивши, что «земля и воля» находится еще въ періодѣ подготовительнаго собиранія силъ и ихъ организаціи [1]).

Падлевскому отвѣтили, что помощи не можетъ быть никакой, даже самой незначительной диверсіи [2]).

Но это не обезкуражило послѣдняго; передъ отъѣздомъ онъ устроилъ въ Петербургѣ отдѣлъ польской революціонной организаціи, убѣдилъ Огрызко [3]) стать во главѣ этого отдѣла и назначилъ Коссовскаго [4]) для сношенія съ «землей и волей», видимо, предполагая продолжать переговоры.

Дѣйствительно, «должно-быть, въ концѣ зимы 1863 г. [5]), — читаемъ мы въ воспоминаніяхъ Пантелеева, — былъ въ Петербургѣ Кеневичъ; переговоры съ нимъ шли черезъ посредство Р—го. Кеневичъ настаивалъ на необходимости поднять крестьянъ [6]). — Болѣе или менѣе широко распространеннаго возстанія,—отвѣчалъ Р—ій,— произвести нельзя; можно поднять какую-нибудь волость, но вѣдь это значитъ прямо вести людей на убой.

Точно такъ же на предложеніе принять участіе въ организаціи возстанія въ Казани, лица, къ которымъ обращался Кеневичъ и др., «хотя до извѣстной степени сами принадлежали къ «землѣ и волѣ», отвѣтили, однако, отказомъ. Они легко сообразили, что въ дѣлѣ такой исключительной важности должны были имѣть сообщеніе о немъ непосредственно отъ комитета; къ тому же и по существу предпріятіе не вызывало въ нихъ сочувствія». (Цит. соч. стр. 290—295.)

«Такимъ образомъ, — замѣчаетъ Пантелеевъ, — попытка распространить на Волгѣ ложный манифестъ и тѣмъ поднять крестьянское возстаніе была устроена поляками совершенно самостоятельно, не только безъ малѣйшаго участія комитета «земли и воли», но даже и въ секретѣ отъ него. Когда казанское дѣло огласилось, я по порученію комитета заявилъ Коссовскому протестъ, что о такомъ важномъ предпріятіи, къ тому же внутри Россіи, русскій комитетъ не былъ даже запрошенъ. Коссовскій отвѣчалъ: «Поляки ведутъ войну и считаютъ себя въ правѣ предпринимать самостоятельно тѣ или другія дѣйствія вездѣ, гдѣ это найдутъ полезнымъ для своего дѣла».

---

[1]) Но Падлевскій и безъ того, по замѣчанію Пантелеева, видимо, вынесъ впечатлѣніе, что силы «земли и воли» незначительны.

[2]) Все участіе «земли и воли» въ польскомъ возстаніи, по словамъ Пантелеева, выразилось въ слѣдующемъ: когда возстаніе вспыхнуло, «з. и в.» выпустила прокламацію «Льется польская кровь»; Коссовскому была добыта топографическая карта Западнаго края; нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ извѣстный Потебня, отдаленно принадлежащій къ «з. и в.», перешли на сторону поляковъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ была оказана помощь для устройства побѣговъ. (Напр., Домбровскаго.)

[3]) Скоро былъ арестованъ.

[4]) Коссовскій вскорѣ же выдалъ организацію. Изъ-за него былъ сосланъ Огрызко и пострадалъ Пантелеевъ.

[5]) Это могло быть въ декабрѣ 1862 г. или въ январѣ 1863 г.

[6]) Закидывается первая петля сложной сѣти «Казан. заговора».

Отказъ «земли и воли» отъ участія въ организаціи возстанія въ Поволжьѣ не остановилъ Кеневича и его руководителей. Они рѣшили произвести эту «диверсію» самостоятельно. Тѣмъ болѣе, что когда разразилось польское возстаніе, притомъ раньше, чѣмъ ждали и готовились[1]), поляки — вмѣсто ожидавшейся помощи — очутились лицомъ къ лицу съ врагомъ, несравненно сильнѣйшимъ. На войнѣ всѣ средства хороши... которыя вредятъ непріятелю. Поэтому «жондъ» поручаетъ Кеневичу привести намѣченный планъ въ исполненіе; послѣдній подыскиваетъ человѣка, способнаго на героическій порывъ и самопожертвованіе... послѣ чего «Казанскій заговоръ» быстро растетъ какъ снѣжный комъ, пока не разсыпается отъ случайнаго удара...

Въ 1863 г., значится въ протоколахъ слѣдственной комиссіи, поручикъ 48 пѣхотнаго одесскаго полка, кончившій курсъ наукъ въ военной академіи, Максимиліанъ Чернякъ по совѣщанію съ однимъ изъ польскихъ агитаторовъ, членомъ польскаго тайнаго «народоваго жонда», рѣшился участвовать въ организаціи возстаніи въ Россіи. Это возстаніе жондъ хотѣлъ поднять для ослабленія русскихъ силъ, боровшихся въ то время съ польскими мятежниками и для поддержанія въ послѣднихъ ослабѣвшаго духа энергіи. Планъ заключался въ слѣдующемъ: основываясь на томъ, что Приволжье было не разъ театромъ народныхъ смутъ и даже въ послѣднее время народъ тамъ ждетъ какой-то золотой грамоты и вообще недоволенъ настоящимъ порядкомъ вещей, что и заявилъ нѣсколькими мѣстными безпорядками, жондъ, а затѣмъ и Чернякъ пришли къ мысли, что стоитъ только распространить въ Приволжьѣ ложный царскій манифестъ, дающій самыя широкія права крестьянамъ, и подымется все Приволжье. Это дѣло они, т.-е. Чернякъ и помянутый членъ жонда, задумали вести отъ имени и при участіи русскихъ революціонеровъ.

Кто же этотъ таинственный членъ жонда, игравшій руководящую роль? По показаніямъ самого Черняка, этимъ «агентомъ центральнаго революціоннаго комитета», главнымъ дѣятелемъ въ заго-

---

[1]) Оно предполагалось весной 1863 г.

Рѣшающимъ моментомъ для начала возстанія былъ, какъ извѣстно, рекрутскій наборъ, назначенный въ Польшѣ русскимъ правительствомъ на 17 янв. 1863 г. Эта мѣра вызвала страшное негодованіе въ однихъ, удручающее впечатлѣніе на другихъ. Не даромъ же упомянутый выше делегатъ Падлевскій на совѣщаніи съ представителями «земли и воли» на вопросъ: что если возстаніе будетъ подавлено? отвѣтилъ: намъ все равно — потерять ли 20 тыс. человѣкъ на поляхъ битвъ или въ видѣ рекрутовъ, заброшенныхъ въ дальніе батальоны. Благомыслящіе люди совѣтывали Велепольскому отложить эту мѣру, но онъ, какъ новый спартанецъ, отвѣтилъ лаконически: «Революціонный нарывъ созрѣлъ, его надо вскрыть»... При этомъ наборъ производили не по жребію, а по заранѣе составленнымъ спискамъ (брали неблагонадежныхъ). 14-го января, ночью, войска заняли площади и главныя улицы города; полицейскіе въ сопровожденіи солдатъ ходили по домамъ и забирали молодыхъ людей, занесенныхъ въ списки. Тѣмъ не менѣе «заговорщиковъ» захватить не удалось, такъ какъ они, узнавъ о предстоящемъ арестѣ-наборѣ, не ночевали дома.

Падлевскій («гражд. начальникъ Варшавы») приказалъ повстанцамъ выйти изъ города и собраться въ окрестныхъ лѣсахъ. На совѣщаніи рѣшено было начать возстаніе въ ночь на 22 января. Центральный revол. комитетъ объявилъ себя національнымъ правительствомъ («Жондъ Народовый»), 22-го янв. жондъ издалъ манифестъ объ отмѣнѣ всѣхъ привилегій и надѣленіи крестьянъ землею (нужно замѣтить, что это надѣленіе было лишь, такъ сказать, теоретическое, бумажное; а во-2-хъ, лишь въ будущемъ, по мѣрѣ успѣха возстанія). 22-го янв. 1863 г. началось возстаніе...

ворѣ и былъ именно Кеневичъ [1]), упомянутый въ воспоминаніяхъ Пантелеева. Чернякъ познакомился съ нимъ въ Петербургѣ въ мартѣ 1863 г. Кеневичъ, объявивъ, что возстаніе во всѣхъ польскихъ провинціяхъ приняло огромные размѣры, и что Франція готовится къ войнѣ за возстановленіе Польши, убѣдилъ Черняка принять участіе въ возстаніи. Между прочими доводами Кеневичъ сообщилъ Черняку, что онъ, по порученію «жонда народоваго», имѣлъ свиданіе съ агентомъ русскаго революціоннаго общества «земля и воля», который подалъ ему надежду, что многіе русскіе офицеры и солдаты перейдутъ въ ряды повстанцевъ и что лѣтомъ, быть-можетъ, вспыхнетъ возстаніе во внутреннихъ губерніяхъ.

Но уже въ слѣдующее свое свиданіе съ Чернякомъ Кеневичъ говорилъ объ участіи «земли и воли» совсѣмъ въ другомъ тонѣ. Онъ сообщилъ Черняку, будто при ближайшемъ ознакомленіи убѣдился, что тенденціи общества «земля и воля» состоятъ въ томъ, чтобы путемъ пропаганды письменной и словесной, хотя бы пришлось работать десятки лѣтъ, распространять во всемъ народѣ русскомъ свои идеи и этимъ достигнуть цѣли общества. Такимъ образомъ, замѣтилъ Кеневичъ, очевидно, русское революціонное общество не намѣрено сдѣлать вооруженнаго возстанія. Жондъ и по его порученію — Кеневичъ, рѣшивъ начать задуманное дѣло независимо отъ центральной революціонной группы, все же сочли за лучшее вести его, «прикрываясь именемъ русскихъ революціонеровъ» (какъ гласила офиціальная резолюція) и, во всякомъ случаѣ, при ихъ содѣйствіи.

Для этого Кеневичу нужно было завести связи съ какимъ-нибудь городомъ на низовьѣ Волги; но такъ какъ у него въ этихъ мѣстахъ знакомствъ никакихъ не было, то онъ спросилъ Черняка, не знаетъ ли онъ кого-нибудь, къ кому бы можно было обратиться съ этимъ дѣломъ. Поручикъ Чернякъ сказалъ, что у него въ Казани есть родственникъ, штабсъ-капитанъ Иваницкій, «человѣкъ рѣшительный и готовый на все, что только можетъ принести пользу польскому дѣлу». Тогда Кеневичъ упросилъ Черняка съѣздить въ Казань для личнаго свиданія съ Иваницкимъ и разузнать, насколько возможно исполненіе плана. Чернякъ согласился. Послѣ того Кеневичъ уѣхалъ въ Москву и обѣщалъ ожидать его тамъ. Взявъ 28-ми-дневный отпускъ, Чернякъ отправился также въ Москву, гдѣ Кеневичъ показалъ ему напечатанный подложный царскій манифестъ, сказавъ, что этого манифеста заготовлено имъ за границей 1.000 экз. Затѣмъ Кеневичъ далъ ему окончательную инструкцію, какъ онъ долженъ дѣйствовать въ Казани. Инструкція эта заключалась въ томъ, что Чернякъ долженъ былъ чрезъ Иваницкаго узнать, нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь революціоннаго общества, и если есть, то стараться увидѣться съ нѣсколькими членами и объявить имъ, что въ обществѣ «земля и воля» произошло раздѣленіе, что значительное большинство, во главѣ котораго стоитъ Бакунинъ, находитъ настоящее время, когда войска отвлечены на Западъ, по случаю польскаго дѣла, весьма удобнымъ для произведенія возстанія въ Россіи, что онъ, Чернякъ, одинъ изъ агентовъ этого большинства, въ удостовѣ-

[1]) Сынъ польскаго эмигранта, служившій инженеромъ на желѣзной дорогѣ. Ни въ польскихъ ни въ русскихъ источникахъ Кеневичъ не значится членомъ «жонда». Такимъ образомъ или онъ принадлежалъ къ второстепеннымъ дѣятелемъ, о которыхъ пишется: «и др.», или же онъ самъ себя «для пущей важности» произвелъ въ члены жонда.

реніе чего и далъ ему рекомендательное письмо на имя представителя русскихъ революціонеровъ съ подписью Бакунина.

Такъ какъ время дорого [1]), и терять его на подготовленіе народа къ возстанію было бы теперь неумѣстно, то партія радикаловъ рѣшилась прибѣгнуть къ слѣдующему средству: пользуясь напряженнымъ ожиданіемъ крестьянами какой-то особой воли, распространить подложный царскій манифестъ, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ крестьянъ и произвести такимъ образомъ возстаніе, а начавъ возстаніе, легко будетъ придать ему характеръ сообразный съ цѣлями революціонеровъ. Наконецъ, объяснивъ имъ все это, вызвать ихъ къ принятію участія въ этомъ дѣлѣ.

Получивъ предложеніе Кеневича, Чернякъ сначала написалъ Иваницкому, прося его развѣдать и насколько возможно подготовить «почву». Иваницкій, съ своей стороны, горячо принимается за дѣло, старается ознакомиться съ «дѣльными» студентами, бесѣдуетъ съ ними, по-своему агитируетъ. Кой-какія знакомства среди студентовъ у него были и раньше [2]), теперь онъ старается ихъ «освѣжить». Такъ, онъ заводитъ знакомство съ вольнослушателемъ Карповымъ, а черезъ него съ Бирюковымъ, Лаврскимъ и Красноперовымъ. На квартирѣ у Карпова Иваницкій устраиваетъ два собранія, на которыхъ какъ бы репетируетъ свою позднѣйшую роль. Самъ Карповъ позднѣе, въ слѣдственной комиссіи, разсказываетъ, что познакомился съ Иваницкимъ у родственницы своей, тайной совѣтницы Тюфяевой. При встрѣчахъ Иваницкій часто говорилъ о польскихъ дѣлахъ и «рѣзко выражался о русскомъ правительствѣ».

«Идя однажды отъ Тюфяева, Иваницкій началъ говорить о страшной скукѣ въ деревнѣ, гдѣ онъ квартировалъ, о томъ, что у него нѣтъ книгъ и негдѣ ихъ достать; спрашивалъ, откуда я ихъ достаю. Получивъ отвѣтъ, что мнѣ ихъ приноситъ студентъ Бирюковъ, который готовитъ меня въ университетъ, Иваницкій спросилъ, съ кѣмъ изъ студентовъ я еще знакомъ. Узнавъ, что мнѣ, кромѣ нѣсколькихъ поляковъ, знакомы двое русскихъ студентовъ очень дѣльныхъ и умныхъ, именно — Бирюковъ и Лаврскій, Иваницкій изъявилъ желаніе познакомиться съ ними и просилъ устроить это знакомство. Не видя въ этомъ ничего дурного, я на другой день, будучи на урокѣ у Бирюкова [3]), сказалъ — не придетъ ли онъ съ Лаврскимъ сегодня ко мнѣ на чай; что у меня будетъ одинъ офицеръ, который желалъ бы съ нимъ познакомиться. Бирюковъ обѣщалъ и хотѣлъ сказать объ этомъ Лаврскому. Въ назначенное время, дѣйствительно, пришли Иваницкій. Бирюковъ и Лаврскій, а также зашелъ еще незнакомый студентъ Красноперовъ».

«Послѣ общаго разговора, Иваницкій началъ рѣчь приблизительно въ такомъ родѣ: «Вы, господа, можетъ-быть, слышали, что въ Россіи существовали двѣ политическія партіи — одна подъ названіемъ «Великоруссъ», другая — «Молодой Россіи», эти партіи теперь соединились въ одну сильную, которая имѣетъ во всѣхъ почти губерніяхъ своихъ агентовъ; но она очень осторожно дѣйствуетъ, такъ что, несмотря на всѣ старанія, нельзя о ней узнать подробнѣе и къ ней примкнуть». Потомъ Иваницкій говорилъ еще о возстаніи, которое должно весною гдѣ-то начаться.

«Никакъ не ожидая повторенія такого непріятнаго посѣщенія, я былъ ужасно удивленъ, когда чрезъ нѣсколько времени опять собрались всѣ эти лица. Кромѣ нихъ, пришелъ еще съ Иваницкимъ Станкевичъ. Послѣ этого вторичнаго посѣщенія я принялъ мѣры: на другой же день перемѣнилъ квартиру и не говорилъ ея адреса и даже никуда не выходилъ, чтобъ не встрѣчаться съ этими лицами.

---

[1]) Долженъ былъ говорить дальше Чернякъ.

[2]) Напр., онъ былъ знакомъ «семейно» съ Миттерманомъ, а у Миттермана жилъ въ качествѣ репетитора студ. Сергѣевъ, съ которымъ Иваницкій познакомился раньше, чѣмъ съ остальными студентами, и больше съ нимъ встрѣчался и говорилъ.

[3]) Студ. Бирюковъ давалъ уроки Карпову.

«Во второе посѣщеніе Иваницкій принесъ двѣ карты двухъ уѣздовъ Казан. губ. (какихъ—не помню). Въ этотъ разъ также говорилъ одинъ Иваницкій и, разложивъ карты, такъ началъ свой разговоръ: «Въ одной ближайшей къ мѣсту его квартированія деревнѣ можно будетъ начать возстаніе, если въ этой деревнѣ къ нимъ присоединится человѣкъ сто крестьянъ. Потомъ, узнавши объ этомъ, къ нимъ присоединятся другія деревни. На крестьянъ нужно полагать главную надежду, они теперь въ переходномъ состояніи, на солдатъ же мало надежды, хотя и большого сопротивленія нельзя ожидать, такъ какъ они его любятъ. Оружіемъ могутъ быть на первое время косы да ружья, которыя можно отнять у солдатъ».

Другой изъ участниковъ этихъ собраній—Ив. Красноперовъ, разсказывалъ:

«Иваницкій говорилъ много и бойко. Сначала онъ говорилъ о своемъ участіи въ Крымской кампаніи, потомъ распространился о томъ, что его любятъ всѣ солдаты, говорилъ о стрѣльбѣ изъ ружей, о томъ, что въ Ижевскомъ заводѣ онъ надѣется получить 20 тысячъ ружей... Изъ его словъ можно было заключить, что онъ готовится къ какому-то возстанію и потому желалъ привлечь на свою сторону молодыхъ людей изъ студентовъ. И все это говорилъ хладнокровно, равнодушно, какъ будто собирался охотиться на звѣрей. Изъ этого разговора я вынесъ тяжелое впечатлѣніе; когда пришелъ домой и легъ спать въ постель, то всю ночь не могъ заснуть и весь дрожалъ.

«Въ другой разъ, тоже на масленой, я былъ тамъ и тоже съ Бирюковымъ. Иваницкій сидѣлъ и держалъ предъ собой огромную карту Казанской губ. «Вотъ я думаю изучить хорошенько мѣстность Каз. губерніи», сказалъ онъ, когда мы вошли. На этотъ разъ разговоръ вертѣлся почти на томъ же, на чемъ и въ перый разъ. Я не понималъ, какъ онъ найдетъ себѣ приверженцевъ.

«Разсказывалъ также Иваницкій на этомъ собраніи о своихъ бесѣдахъ съ солдатами и крестьянами. «Возьму,—говоритъ,—нѣсколько одинаковыхъ горошинъ, поставлю ихъ въ рядъ, стоящую на первомъ мѣстѣ назову царемъ, на 2-мъ министромъ, генераломъ и т. д... Потомъ каждаго солдата спрашиваю: «Гдѣ царь»? «Вотъ, первой, ваше благородіе», отвѣчаетъ солдатъ. «Гдѣ министръ?» «А вотъ другой, послѣ царя». Наконецъ я возьму всѣ эти горошинки и перемѣшаю, а потомъ велю каждому солдату отгадывать, гдѣ царь, министръ и пр. «Не могимъ знать», отвѣчали солдаты. Отсюда онъ имъ дѣлалъ такое заключеніе: покуда всѣ цари и министры поставлены по порядку, всѣ имъ кланяются, почитаютъ ихъ выше себя, а какъ перемѣшать ихъ всѣхъ, тогда разницы между ними и простыми людьми не будетъ, и всѣ будутъ равны...

Въ половинѣ марта Чернякъ самъ отправился съ указаннымъ порученіемъ въ Казань и, вызвавъ Иваницкаго изъ Спасска [1]), сообщилъ ему о цѣли своего пріѣзда и спросилъ, не знаетъ ли онъ о какомъ-нибудь революціонномъ обществѣ въ Казани. Иваницкій согласился на предложеніе Черняка, прибавивъ, что между студентами въ Казани есть много молодыхъ людей съ революціоннымъ направленіемъ, и вызвался доставить ему свиданіе съ нѣсколькими изъ нихъ. На другой день Иваницкій принимается за исполненіе порученія Черняка: отправляется къ студенту Сергѣеву [2]) и сообщаетъ, что пріѣхалъ агентъ революціоннаго комитета. Самъ Сергѣевъ такъ передаетъ этотъ разговоръ свой съ Иваницкимъ.

«Въ Великомъ постѣ [3]) Иваницкій сказалъ мнѣ, что изъ Москвы пріѣхалъ къ нему двоюродный братъ, агентъ московскаго революціоннаго комитета, и желаетъ сообщить новость, а потому просилъ указать на тѣхъ изъ моихъ товарищей, за скромность которыхъ можно вполнѣ поручиться. Таинственность, съ которою была передана эта новость, вскружила мнѣ голову, и я тотчасъ же побѣжалъ къ Полиновскому и все пересказалъ ему». — «Посмотримъ, что это за

---

[1]) Рота Иваницкаго стояла въ Безднѣ, Спас. у.
[2]) Онъ жилъ (въ качествѣ репетитора) у Миттерманъ.
[3]) Это было 15-го марта.

агентъ революціоннаго комитета», сказалъ Полиновскій и пригласилъ Жеманова, Лаврскаго и Щербакова» [1]).

На другой день въ назначенное время къ Полиновскому пришли Сергѣевъ, Жемановъ, Щербаковъ и позднѣе Лаврскій. Часовъ въ 6 или 7 явились Иваницкій и Чернякъ. Чернякъ, прежде всѣхъ объясненій, назвалъ себя агентомъ русскаго революціоннаго комитета «земля и воля», а потому вынулъ изъ кармана клочокъ почтовой бумаги, на которомъ было написано: «Предъявителю сего вѣрить» и подписано —«Бакунинъ». Потомъ Чернякъ началъ рѣчь въ такомъ родѣ:

«Приступаю прямо къ дѣлу. Я изъ Москвы и пріѣхалъ сюда познакомиться съ мѣстностью и средствами; отсюда я еще по дѣлу въ Симбирскъ; въ другія города отправились другія личности. Всѣ мы должны быть въ Москвѣ къ 25 марта, потому что въ этотъ день тамъ будетъ собраніе всѣхъ членовъ комитета; разсмотримъ донесеніе всѣхъ агентовъ и рѣшимъ, гдѣ начать возстаніе. Потомъ Чернякъ сказалъ, что онъ принадлежитъ «къ партіи дѣйствія», выдѣлившейся изъ комитета вслѣдствіе бездѣйствія послѣдняго. Отъ этой партіи онъ и посланъ въ Казань искать людей, сознающихъ необходимость возстанія... «Вслѣдствіе нынѣшняго возстанія въ Польшѣ и стягиванія туда войскъ, а также вслѣдствіе недовольства крестьянъ реформой, возстаніе нужно начать какъ можно скорѣе. Дождемся ли мы когда-нибудь подобнаго стеченія обстоятельствъ. Начинать, начинать нужно». «Я долженъ признаться вамъ,—прибавилъ Чернякъ,—что мы приготовляемъ дѣло независимо и тайно отъ той партіи, которая думаетъ ограничиться одной только пропагандой — ея не дождешься, она, пожалуй, десять лѣтъ будетъ говорить, что еще не время».

«Итакъ,—сказалъ Чернякъ въ заключеніе своей рѣчи,—возстаніе должно начаться съ Казанской губ., какъ самой удобной въ стратегическомъ отношеніи. Отсюда оно пойдетъ внизъ по Волгѣ, перейдетъ на Уралъ и Донъ, а съ Дона его направятъ такъ, чтобъ оно соединилось съ возстаніемъ въ Польшѣ. Начинать возстаніе нужно до начала полевыхъ работъ, пока не собрали солдатъ для ученья».

Затѣмъ уже Иваницкій болѣе подробно сталъ развивать планъ возстанія въ самой Казани.

«Забрать Казань,—говорилъ онъ,—очень легко. Для этого стоитъ только обезоружить солдатъ, находящихся въ городѣ, а это ничего не стоитъ. Въ самомъ дѣлѣ: у каждой казармы стоитъ по два человѣка один внутри, другой снаружи. Стоитъ только убить этихъ часовыхъ, и спящіе солдаты не услышатъ, какъ изъ казармъ унесутъ ружья. Затѣмъ можно выпустить изъ тюремъ арестантовъ». Когда Полиновскій возразилъ, что это поведетъ лишь къ грабежу и убійствамъ, Иваницкій замѣтилъ: когда въ Крымскую войну прибѣгли къ этой мѣрѣ, то никакихъ грабежей не было, а напротивъ, арестанты геройски дѣйствовали на батареяхъ Севастополя.

«Захвативъ изъ казармъ ружья, нужно въ ту же ночь забрать казначейство [2]), и тогда Казань въ нашихъ рукахъ. Взять же сначала ее необходимо потому, что это произведетъ сильное нравственное вліяніе на народъ, который скажетъ тогда, что если ужъ Казань взята, то значитъ сила... Забравъ Казань, сейчасъ же разослать людей по деревнямъ, чтобъ тамъ вооружались— кто косой, кто чѣмъ попало, и чтобъ шли въ Казань. Если насъ потомъ вытѣснятъ изъ Казани, то мы безъ всякаго препятствія отступимъ къ Уральскимъ заводамъ, а тамъ такая мѣстность, что и самъ чортъ не сыщетъ».

Во время этихъ совѣщаній кто-то спросилъ Черняка, что онъ можетъ сказать о настроеніи народа, и какими средствами думаетъ ихъ партія дѣйствовать на народъ. Чернякъ «смутился» и отвѣчалъ, что на первый вопросъ онъ не можетъ дать положительнаго отвѣта, что агенты соберутъ свѣдѣнія, но что онъ знаетъ о готовящемся

---

[1]) Все товарищи-студенты.

[2]) И арестовать губернатора — прибавлено въ показаніяхъ Лаврскаго.

возстаніи на Дону и въ Кіевской губерніи, что ихъ партія рѣшила дѣйствовать на народъ отъ имени царя, и уже напечатаны манифесты, въ которыхъ крестьянамъ обѣщаны надѣлы и разныя права...

Необходимо отмѣтить, что въ разсказѣ участниковъ собранія о характерѣ происходившихъ на немъ совѣщаній, а главное о томъ, какой отвѣтъ былъ данъ Черняку, замѣчается весьма существенное разногласіе между Чернякомъ и студентами. Иваницкій и Чернякъ разсказывали, что студенты полнаго согласія не выразили, но обѣщались, подумавъ, прислать уполномоченнаго съ окончательнымъ отвѣтомъ. Этотъ «ультиматумъ», — по словамъ Черняка, — заключался въ слѣдующемъ: на организацію возстанія въ Казани и окрестностяхъ они согласны, но только въ качествѣ средства для возбужденія народа будутъ употреблять не подложные манифесты, а свои прокламаціи въ соціальномъ духѣ. «Для образчика,—говорилъ Чернякъ,—мнѣ была прочитана одна изъ такихъ прокламацій на простонародномъ нарѣчіи (это была прокламація «Долго давили васъ, братцы»). Для распространенія этихъ прокламацій они требовали присылки изъ Москвы людей (по крайней мѣрѣ, 30 человѣкъ) и денегъ какъ можно больше. Между присланными должны быть офицеры для начальствованія отрядами инсургентовъ. Когда все это будетъ исполнено, тогда они готовы принять дѣятельное участіе въ возстаніи».

Большинство же студентовъ показало, что они на самомъ же собраніи заявили о своемъ несочувствіи планамъ Черняка; намѣреніе дѣйствовать путемъ подложнаго манифеста называли нелѣпымъ и неблагороднымъ; говорили, что надо быть сумасшедшимъ, чтобы согласиться на его планъ, что вообще разсужденія Черняка никого не убѣдили и пр. Отправку «уполномоченныхъ», ихъ цѣль и дѣйствія изображали въ такомъ видѣ. По уходѣ Иваницкаго и Черняка у студентовъ родилось сомнѣніе, — не полякъ ли Чернякъ и не дѣйствуетъ ли онъ по приказанію польскаго жонда; въ этомъ сомнѣніи они тѣмъ болѣе убѣждались, что въ выговорѣ Черняка замѣчали польскій акцентъ; поэтому на другой день Полиновскій и Жемановъ отправились къ Иваницкому и разсказали ему о своихъ сомнѣніяхъ. Иваницкій объяснилъ имъ, что Чернякъ происхожденія русскаго, доказательствомъ чего служитъ самая фамилія его, вѣроисповѣданія онъ православнаго, выговоръ же имѣетъ не чисто русскій потому, что уроженецъ Украинскихъ губерній. Въ тотъ же день вечеромъ Полиновскій и Жемановъ явились къ Черняку, но не для того, чтобъ сообщить ему ультиматумъ, а чтобъ «убѣдиться въ его происхожденіи». Согласія на участія въ возстаніи не давали (ни на какихъ условіяхъ), прокламаціи въ соціальномъ духѣ не предлагали и не читали, никакихъ требованій (напр., о присылкѣ 30 революціонеровъ) не предъявляли и пр. Напр., Лаврскій показывалъ въ комиссіи, что послѣ заявленія Черняка о подложныхъ манифестахъ— Полиновскій вскочилъ съ мѣста и объявилъ, что этотъ планъ и этотъ образъ дѣйствія нелѣпы. Вслѣдъ затѣмъ съ разныхъ сторонъ послышались возгласы, что это обманъ, что это неблагородно и глупо. Разговоръ обратился въ споръ. Чернякъ пробовалъ защищать свое мнѣніе. «Ну, такъ ждите 30 лѣтъ,—говорилъ онъ. Я знаю, господа, эту партію, она хочетъ сперва выучить народъ грамотѣ, потомъ развить его и итти шагъ за шагомъ». Потомъ онъ говорилъ, что глупо не воспользоваться уводомъ войска въ Польшу, что теперь крестьяне ждутъ новой воли и т. д. Но разсужденія Черняка никого не

убѣдили, его начали спрашивать, кто преимущественно составляетъ ихъ партію. Чернякъ отвѣтилъ, что въ ней $^2/_3$ военныхъ, и что потому они всегда будутъ составлять партію дѣйствія и всегда будутъ въ дѣлѣ, а вамъ, господа, прибавилъ онъ, остается только заниматься гражданскимъ устройствомъ; мы въ это не мѣшаемся. Когда, наконецъ, Чернякъ спросилъ окончательное мнѣніе кружка о его предложеніи, Полиновскій сказалъ, что теперь нельзя ничего отвѣтить, что нужно подумать, такъ какъ ни кружокъ ни Чернякъ не знаютъ о настроеніи крестьянъ; во всякомъ случаѣ, надо быть сумасшедшимъ, чтобы согласиться на планъ и образъ дѣйствія этой партіи. Тогда Чернякъ всталъ и, прощаясь, сказалъ: «Когда Гарибальди дѣлалъ высадку въ Сициліи, его тоже называли сумасшедшимъ. Я вижу, господа, что вы не согласны участвовать въ дѣлѣ, но я даю вамъ слово, что, во всякомъ случаѣ, въ апрѣлѣ мы начнемъ одни, подумайте». Съ этими словами онъ ушелъ вмѣстѣ съ Иваницкимъ. По разсказу Щербакова, «фантастическіе планы Черняка» казались всѣмъ имъ чрезвычайно смѣшными. На этомъ собраніи съ ихъ стороны не было ни клятвъ (дѣло не въ клятвахъ) ни обѣщаній итти въ огонь и воду. Полиновскій также показывалъ, что они «согласія на участіе въ возстаніи не изъявляли».

Вообще, по разсказу студентовъ, выходитъ, что они не дали Черняку рѣшительно никакихъ надеждъ. Но это ужъ очевидная натяжка: если они категорически отказались, рѣшительно никакихъ надеждъ и обѣщаній Черняку не давали, то какъ же могло случиться все дальнѣйшее, именно—Чернякъ назначаетъ второй срокъ своего пріѣзда; студенты его караулятъ, чтобъ онъ не попалъ въ руки полиціи; затѣмъ, когда пріѣзжаетъ посланный отъ Черняка, они устраиваютъ совѣщаніе, разбираютъ привезенныя прокламаціи; нѣкоторые отправляются съ ними на пропаганду и т. д. [1]).

Такимъ образомъ, правильнѣе будетъ прійти къ заключенію, что хотя особой горячности и полной готовности содѣйствовать именно плану Черняка студенты и не выразили, но и не отказались... А что предложеніе было встрѣчено безъ особаго восторга и готовности (напротивъ, съ нѣкоторымъ скептицизмомъ), это подтверждаетъ и самъ Чернякъ. Вотъ что онъ показывалъ впослѣдствіи:

«По уходѣ уполномоченнаго я сказалъ Иваницкому, что, кажется, изъ этого дѣла ничего не будетъ. Въ отвѣтъ Иваницкій предложилъ мнѣ слѣдующее: согласиться на всѣ ихъ желанія, прислать денегъ, сколько можно, и хоть 10 револьверовъ, а также нѣсколько сотъ экземпляровъ манифеста. Онъ уговоритъ этихъ господъ начать возстаніе взятіемъ Казани, что онъ считаетъ возможнымъ, такъ какъ у него есть нѣсколько человѣкъ офицеровъ, любимыхъ солдатами и готовыхъ на все. Можно будетъ устроить, что въ день возстанія въ караулахъ будутъ эти офицеры, а тогда легко будетъ овладѣть тюремнымъ замкомъ, освободить арестантовъ, вооружить ихъ ружьями, отнятыми у караула, и послѣ того напасть на войска въ казармахъ. Разъ ставъ во главѣ возстанія, можно будетъ пропагандировать какъ угодно».

Такъ было положено начало «Казанскому заговору».

Чернякъ, исполнивъ порученіе Кеневича, на другой или третій день уѣхалъ въ Москву, обѣщавъ въ скоромъ времени возвратиться въ Казань и начать возстаніе. По пріѣздѣ въ Москву Чернякъ сообщилъ обо всемъ Кеневичу, которому планъ Иваницкаго весьма по-

---

[1]) Необходимо замѣтить, что во время разбора дѣла слѣдственной коммиссіей Чернякъ отсутствовалъ: онъ скрылся. Схваченъ и судимъ былъ уже послѣ отъѣзда слѣдственной комиссіи...

нравился... Тѣмъ болѣе, что для дѣйствій въ другихъ городахъ у Кеневича оказалось въ распоряженіи не болѣе пяти человѣкъ. Именно — Маевскій, Госцевичъ, Новицкій и др.

III.

Пока Кеневичъ чрезъ посредство Черняка, а послѣдній при содѣйствіи Иваницкаго подготовляли «вооруженное возстаніе», нѣкоторые изъ студентовъ Казанскаго университета, еще *до прибытія Черняка* въ Казань, независимо отъ «польской агитаціи», по собственной иниціативѣ или, во всякомъ случаѣ, по иниціативѣ мѣстныхъ «революціонныхъ» группъ, отправились съ пропагандой. Въ числѣ этихъ пропагандистовъ-«апостоловъ», по терминологіи тогдашнихъ казан. студенч. кружковъ, были Ив. Орловъ, Бирюковъ, Элпидинъ. Роковое значеніе для раскрытія заговора имѣло «путешествіе» Ив. Орлова: оно въ конечномъ результатѣ явилось тѣмъ вторымъ источникомъ — первымъ былъ доносъ, — изъ котораго слѣдственная комиссія не только почерпнула главнѣйшія свѣдѣнія о «пропагандистахъ», но и получила въ руки главныя «нити заговора». Кромѣ того, эти «апостольскія» путешествія Орлова, Бирюкова Элпидина и др. интересны и сами по себѣ, какъ наглядный примѣръ патріархальной простоты тогдашнихъ пропагаторскихъ пріемовъ.

Ив. Орловъ пользовался довольно широкой популярностью среди товарищей-студентовъ, завѣдывалъ студенческой библіотекой, игралъ видную роль въ кружкахъ и, кажется, преимущественно предъ всѣми пользовался титуломъ «апостола»... Отправляясь на пропаганду, Ив. Орловъ взялъ съ собою нѣсколько прокламацій — «Долго давили васъ, братцы», «Свобода», «Льется польская кровь» [1]); затѣмъ запасся рекомендательными письмами къ вятскому семинаристу Егору Красноперову, къ вятскому библіотекарю Красовскому и священнику Чеснокову. Письма эти были написаны студ. Ив. Красноперовымъ. Содержаніе ихъ будетъ приведено ниже. Здѣсь же отмѣтимъ нѣкоторыя прокламаціи.

Въ «Свободѣ» было указано на мнимое разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, лишеніе народа его собственности—земли, и избіеніе крестьянъ.... судебная реформа, сохраняющая прежній административный произволъ подъ именемъ «предупредительныхъ мѣръ» и, естественно, не могущая ввести правильнаго суда при существованіи деспотизма; лицемѣрныя заботы о «благѣ народа» и новые обременительные налоги и поборы, разоряющіе преимущественно бѣднѣйшіе классы народа; пошлое либеральничанье и закрытіе воскресныхъ школъ—единственнаго источника народнаго образованія, закрытіе университетовъ съ безчеловѣчнымъ преслѣдованіемъ лучшей учащейся молодежи; нелѣпыя разглагольствованія объ уничтоженіи цензуры и свободѣ печати (вещь немыслимая при самодержавіи) и окончательная передача литературы въ полное распоряженіе III-го отдѣленія и Валуева съ комп.; казематы, ссылки въ каторгу, жестокость въ упорномъ отстаиваніи беззаконнаго господства надъ польскимъ народомъ, господства тѣмъ болѣе гибельнаго для нашего отечества, что разоряя и губя нашъ

---

[1]) «Свобода» и «Льется польская кровь» — изд. «земли и воли», «Долго давили васъ, братцы» — мѣстнаго производства...

народъ, оно еще вызываетъ неизбѣжное столкновеніе съ европейскими державами, могущее окончиться еще болѣе печальными послѣдствіями, чѣмъ какія мы видѣли у стѣнъ разрушеннаго Севастополя.

«Измученные и лишенные всѣхъ человѣческихъ правъ, всѣ классы русскаго общества почувствовали, наконецъ, потребность новой свободной жизни».

Прокламація «Льется польская кровь»... приглашала русскихъ къ сочувствію польскому возстанію, говоря, что «съ освобожденіемъ Польши тѣсно связана свобода нашей страдальческой родины».

Въ концѣ была приведена прокламація польскаго народнаго комитета, гдѣ, между прочимъ, былъ помѣщенъ слѣдующій призывъ къ русскому народу: «Если ты въ эту рѣшительную минуту не почувствуешь въ душѣ своей угрызеній за прошедшее... то горе тебѣ, потому что ты явишься тогда виновникомъ замедленія побѣды въ послѣдней борьбѣ европейской цивилизаціи съ дикимъ варварствомъ Азіи».

Содержаніе причинившей много бѣдъ «Долго давили васъ, братцы», слѣдующее:

«Долго давили васъ, братцы, мучили работой, сѣкли розгами да кнутами, водили женъ и дочерей вашихъ къ барину: все вы терпѣли, все надѣялись . . . . Прочитали вамъ... волю, пораскинули вы умомъ-разумомъ, да и призадумались. Ничего тутъ не поймешь, что это за воля такая. Вольные вы люди стали, только земли вамъ не дали, а хотите имѣть землю, такъ покупайте ее на свои кровные денежки. Вольные вы люди стали, и ужъ помѣщикъ не смѣетъ васъ тронуть, да можетъ пожаловаться онъ начальникамъ, а тѣ готовы хоть полдеревни перепороть или сослать въ Сибирь . . . .
подумали вы, что обманываютъ васъ чиновники и помѣщики, ...

Приведя слова пророка Самуила, предостерегающія отъ избранія царя, именно: «И поставитъ (царь) тебѣ сотники и тысящники; и дщери ваши возьметъ въ мироварницы и въ поварницы; и села ваши, и винограды ваши, и масличня ваша драгая возьметъ и отдастъ рабомъ своимъ; сѣмена ваши и винограды ваши одесятствуетъ, и стада ваши благая возьметъ и одесятствуетъ на дѣла своя, и пажити ваши одесятствуетъ, и вы будете ему рабы» (I кн. Царствъ, гл. 8), прокламація продолжала: «Полно же, братцы, утѣшать себя пустяками, полно надѣяться . . . .

Какъ всѣ разомъ скажете: Будетъ молъ терпѣть-то намъ и отъ баръ и отъ чиновниковъ. Довольно на нихъ поработали, довольно отъ нихъ потерпѣли — время и отдохнуть. Да какъ всѣ въ одинъ голосъ потребуете себѣ вольную, такъ тогда и отказать не посмѣютъ, ... Подумайте-ка, братцы, вѣдь однихъ помѣщичьихъ крестьянъ 23 милліона, да государственныхъ 30 милліоновъ, а войска-то 500 тысячъ. Только не торопитесь, чтобы не испортить дѣла. Прежде подумайте да соберитесь съ силами. Знайте, что и между кафтанниками есть такіе, у которыхъ болитъ сердце за васъ и которые готовы помочь вамъ. Теперь . . . заставляютъ васъ выкупать себѣ землю, а вы ее споконъ вѣковъ воздѣлывали, отстаивали отъ враговъ, не жалѣя своей крови, сталобыть, она и безъ выкупа ваша. Тогда и потребуйте, чтобъ землей владѣли вы, а не . . . . помѣщики.

«Теперь податями васъ совсѣмъ разоряютъ, а зачѣмъ собираютъ эти подати и куда ихъ тратятъ, ничего вы не знаете. Тогда же можно будетъ требовать, чтобъ подати назначались и расходовались не царскими чиновниками, а вами же самими, чрезъ выборныхъ людей....

Тогда можно будетъ потребовать, чтобъ не было этихъ чиновниковъ, чтобъ васъ судили и разбирали не царскіе чиновники, а ваши же выборные люди.

«Вотъ тогда-то, братцы, вы и будете жить безъ горя, вотъ тогда-то и будетъ настоящая воля. Вотъ такую волю и надо . . . . требовать, вотъ за нее-то и надо стоять до послѣднихъ силъ».

Составленіе прокламаціи, а равно и напечатаніе ея приписывается казанскому студенту Умнову [1]).

Многія подробности въ содержаніи, а также и стараніе говорить народнымъ языкомъ имѣютъ нѣкоторое отдаленное сходство съ прокламаціей «Къ барскимъ крестьянамъ», только послѣдняя неизмѣримо выше и по содержанію и по языку.

Прокламація «Долго давили васъ, братцы», старалась быть доступной народу, авторъ ея пытается говорить народнымъ языкомъ... До извѣстной степени, особено при условіи соотвѣтствующихъ комментарій, эта прокламація, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, частяхъ могла бы быть понятной народу. Но... ниже мы увидимъ любопытные примѣры того, какъ и насколько понимали крестьяне эту прокламацію.

Захвативъ одну только подушку (собирался ходить пѣшкомъ) и нѣсколько рублей денегъ, Орловъ отправился въ Вятку, намѣреваясь затѣмъ перебраться въ Оренбургскую, Уфимскую, Пермскую губ. и, наконецъ, въ Сибирь. Въ качествѣ попутчика (до Глазова) съ нимъ отправился студ. универ. Мих. Шулятниковъ.

Здѣсь же необходимо отмѣтить одно довольно важное—въ виду дальнѣйшаго—обстоятельство: ради «конспираціи» Ив. Орловъ избралъ себѣ псевдонимъ *Иванъ Яковлевъ* [2]). Объ этомъ были освѣдомлены и Шулятниковъ, и Красноперовъ, и нѣкотор. др. студенты.

10-го марта Орловъ и Шулятниковъ тронулись въ путь. Дорогой Ив. Орловъ при случаѣ раздавалъ прокламаціи. Пріѣхавъ въ Вятку [3]), Орловъ отправился въ библіотеку, но, не заставъ Красовскаго (онъ былъ по дѣламъ въ Петербургѣ), оставилъ (завѣдующему библіот. Захарову) упомянутое рекомендательное письмо отъ студ. Ив. Красноперова, въ которомъ послѣдній писалъ, между прочимъ: «Въ виду имѣющихся совершиться для общаго блага событій, сей человѣкъ взялъ на себя роль апостола-проповѣдника. Роль его въ высшей степени прекрасная и полезная... Прошу принять этого апостола и исполнить тѣ порученія, которыя на васъ возложитъ... Время близко, старому свѣту приближается конецъ, и Россія воспрянетъ отъ сна. Вѣрю, что вы примете въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе.—*Да здравствуетъ демократическая конституція*». Изъ библіотеки Орловъ направился въ семинарію и, вызвавъ семинариста Егора Красноперова, предварительно передалъ ему рекомендательное письмо отъ Ив. Красноперова (двоюроднаго брата), приблизительно того же содержанія, какъ и вышеприведенное. Въ концѣ письма прибавлялось, чтобъ Красноперовъ старался по возможности распространять свои убѣжденія между семинаристами, что «молодежи вообще сидѣть сложа руки въ настоящее время не благородно». Послѣ этого Орловъ, назвавшись Ив. Яковлевымъ, передалъ Ег. Красноперову около десятка про-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ высказывался въ своихъ показаніяхъ Лаврскій и другіе изъ привлеченныхъ. Отмѣченная прокламація фигурировала въ дѣлѣ Андрущенки, который также показалъ, что получилъ прокламацію отъ Умнова изъ Казани. «Матеріалы для исторіи революц. движ. въ Россіи».

[2]) Конспирація очень нехитрая: Орлова звали — Иванъ Яковлевичъ.

[3]) 13-го марта. Напомню, что Чернякъ пріѣхалъ въ Казань 15 марта.

кламацій «Долго давили васъ, братцы», прося ихъ распространять между семинаристами и знакомыми [1]).

Этимъ собственно Орловъ закончилъ свою миссію въ Вяткѣ. Въ тотъ же день онъ съ Шулятниковымъ выѣхалъ въ Глазовъ и, прибывъ туда (на другой день), остановился на квартирѣ у Шулятникова. Здѣсь онъ пробылъ дня 3—4, «писалъ куда-то письма», а затѣмъ поѣхалъ въ с. Святогорье, гдѣ священнику Чеснокову передалъ рекомендательное письмо отъ студ. Ив. Красноперова того же характера, какъ и вышеприведенное. Лишь въ концѣ письма прибавлялось, что Чесноковъ, какъ священникъ, «можетъ принести много пользы крестьянамъ посредствомъ своихъ проповѣдей и что онъ вообще долженъ быть готовъ къ великому дѣлу обновленія Россіи»... [2]) Изъ Вятской губ. Ив. Орловъ преспокойно направился дальше, а въ это время въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ проѣзжалъ, начался переполохъ.

Въ половинѣ марта нолинскій земскій исправникъ доноситъ вятскому губернатору, что «*вслѣдствіе особаго секретнаго предписанія его прев., производя развѣдываніе, не появляются ли гдѣ въ уѣздѣ возмутительныя воззванія*, онъ дозналъ, что числа 12-го марта по Казанскому почтовому тракту проѣзжали двое молодыхъ людей, оказавшихся студентами Казанскаго университета, и что при перемѣнѣ лошадей въ деревнѣ Ключевой, Нолинскаго уѣзда, они передали ямщику Денису [3]) запечатанное письмо, сказавъ, что забыли отдать его на мѣстѣ, при чемъ велѣли передать оное отцу его Егору (грамотному) съ тѣмъ, чтобъ онъ самъ прочиталъ и чтобъ читали другіе крестьяне и исполняли все, что въ немъ написано. По распечатаніи того письма, въ немъ оказалось печатное возмутительное воззваніе [4]), почему крестьянинъ тотъ, прочитавъ оное, по совѣту какого-то проѣзжаго мѣщанина, сжегъ».

Вятскій губернаторъ распорядился произвести «розыскъ», которымъ было обнаружено, что «одинъ изъ означенныхъ проѣзжихъ студентовъ—сынъ глазовскаго купца Мих. Шулятниковъ». Его, конечно, тотчасъ же арестовали (17-го марта), произвели обыскъ (нашли только одинъ экземпляръ прокламаціи «Долго давили васъ», списанный рукой самого Шулятникова) и подвергли допросу. Шулятниковъ подробно разсказалъ, какъ они собирались, ѣхали, гдѣ останавливались, но не сказалъ главнаго—не раскрылъ псевдонима Ив. Орлова, а такъ и называлъ его—Ив. Яковлевымъ. Но зато обмолвился (не придавая этому особаго значенія или по другимъ причинамъ, сказать трудно) фразой, что *Иванъ Яковлевъ былъ въ семинаріи и въ библіотекѣ, гдѣ завѣдующему оставилъ письмо.* И этого пока для полиціи было слишкомъ достаточно. «Дознано» было, что въ семинаріи неизвѣстный вызывалъ Ег. Красноперова. Его арестовали, а въ библіотекѣ Красовскаго произвели обыскъ, при чемъ были найдены прокламаціи, письма «преступнаго содержанія» и—что важнѣе всего—упомянутое выше «рекомендательное» письмо, написанное и *подписанное* студ. Ив. Красноперовымъ.

---

1) Для болѣе подробнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ Ив. Орловъ пригласилъ Красноперова къ себѣ на квартиру, гдѣ разсказывалъ о революціонныхъ обществахъ, объ ихъ ближайшихъ планахъ, о необходимости для молодежи объединяться и т. д.

2) Орловъ предлагалъ Чеснокову и прокламаціи, но тотъ отказался.

3) Онъ былъ неграмотный.

4) Это была все та же прокламація «Долго давили васъ».

Тотчасъ же дали знать въ Казань, и 19 марта Ив. Красноперовъ былъ арестованъ и доставленъ въ Вятку.

Изъ документовъ второстепеннаго значенія у Красовскаго были найдены, между прочимъ, письма студ. С.-Петербургскаго университета Смоленскаго, жившаго въ Вяткѣ подъ надзоромъ полиціи къ нѣкіимъ Мирославу Кучукъ и Вѣрѣ Ременовой (тоже лица, «имѣющія противуправительственный образъ мыслей»); затѣмъ прокламація «Льется польская кровь» и записка о студен. безпорядкахъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Ив. Красноперовъ также не выдалъ Ив. Орлова и категорически отказался раскрыть псевдонимъ «апостола». Въ вятской слѣдственной комиссіи 21 марта Ив. Красноперовъ, на вопросъ: съ кѣмъ были посланы письма къ Красноперову и Егору Красноперову, отвѣчать отказался, заявивъ: «Считаю безчестнымъ выдавать товарища; шпіонство дѣло слишкомъ низкое и недостойное сколько-нибудь порядочнаго человѣка». На дальнѣйшіе вопросы отвѣтилъ: «Съ Красовскимъ знакомъ былъ еще въ училищѣ и признавалъ его за честнаго и добраго человѣка; потому-то и воображалъ, что Красовскій приметъ человѣка, взявшаго на себя роль апостола, съ такою же готовностью, съ какою *принималъ* онъ *его обыкновенно въ былое время* [1]). Съ свящ. Чесноковымъ былъ коротко знакомъ еще въ семинаріи и поддерживалъ съ нимъ знакомство, какъ съ дѣловымъ человѣкомъ». Выраженія въ письмѣ «въ виду имѣющихъ совершиться для общаго блага событій» Красноперовъ объяснилъ такъ: подъ именемъ «событій» онъ разумѣлъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Относительно же порученій, которыя долженъ былъ возложить на Красовскаго доставлявшій письмо, онъ объяснилъ, что порученія эти не были ему ранѣе извѣстны, потому что онъ собственно самъ не давалъ ему никакихъ порученій, но какія именно давалъ или хотѣлъ дать порученія взявшій на себя роль апостола Красовскому, это Красноперову вовсе не было извѣстно. Фразы: «Время близко, старому свѣту приближается конецъ и Россія воспрянетъ отъ сна», онъ понимаетъ такъ: время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости близко; Россія во время крѣпостного состоянія какъ будто спала умственно, но что она будетъ жить новою жизнью, когда крестьяне сдѣлаются свободными. Слова: «Вѣрю, что вы примите въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе», значатъ вотъ что: въ то время, когда русскій народъ сдѣлается свободнымъ, всякій изъ насъ уже непосредственно долженъ заботиться о крестьянахъ, содѣйствовать ихъ образованію и не сидѣть сложа руки, потому что общій интересъ крестьянъ тѣсно связанъ съ личнымъ интересомъ каждаго [2]).

Въ письмѣ слово «апостолъ» упомянуто потому, что человѣкъ, взявшій на себя эту роль, хотѣлъ итти по разнымъ мѣстамъ, имѣя въ виду единственно благо народа, толкуя съ народомъ, сообразуясь съ установленными законами государя. Восклицаніе же: «Да здравствуетъ демократическая конституція!» онъ понималъ въ буквальномъ смылѣ. «Въ настоящее время каждый гражданинъ убѣжденъ, что послѣ дарованной крестьянамъ свободы очень скоро можетъ быть дана самимъ государемъ конституція»...

Спустя десять дней, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій слѣд. комиссіи, Ив. Красноперовъ называетъ «апостола», но... вымышленной фамиліей.

30 марта Красноперовъ показалъ:

«Письмо, писанное мною на имя Красовскаго отъ 7-го февраля 1863 г., было послано съ Василіемъ Соловьевымъ, съ которымъ я познакомился въ Казани и видѣлся съ нимъ въ разныхъ мѣстахъ. О себѣ Соловьевъ говорилъ, что будто онъ былъ когда-то вольнослушателемъ университета. Происходитъ, кажется, изъ купеческаго званія, Пензенской губ., отъ роду около 27 лѣтъ затѣмъ описываетъ его примѣты). Письмо было просто рекомендательное».

---

[1]) Эта фраза показываетъ, что Ив. Орловъ и раньше предпринималъ подобныя путешествія.

[2]) Всѣ эти выраженія впослѣдствіи, въ главной слѣд. комиссіи, Ив. Красноперовъ объяснитъ по-другому... Настоящій смыслъ ихъ, впрочемъ, понятенъ и такъ...

Такъ комиссія и полицейскія власти долгое, сравнительно, время (около 2-хъ мѣсяцевъ) не могли напасть на слѣдъ «апостола» [1]). А Ив. Орловъ, ускользнувъ отъ полиціи, продолжалъ свое путешествіе.

Изъ Вятской губ. Ив. Орловъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, перебрался въ Пермскую и явился въ г. Оханскъ къ семинаристу Пономареву. Послѣдній былъ висланъ въ Оханскъ подъ надзоръ полиціи за то, что имѣлъ прокламацію «Къ молодому поколѣнію». Орловъ оставилъ Пономареву 10 экземп. прокламаціи (все той же «Долго давили васъ»), прося ихъ распространить, а самъ отправился дальше. Пономаревъ разсказывалъ, что всѣ полученныя прокламаціи онъ самъ принесъ къ городничему; послѣдній же утверждалъ, что нашелъ изъ разбросанными на площади г. Оханска. Какую бы мы версію ни приняли, все равно, и въ Оханскѣ опытъ Ив. Орлова оказался болѣе чѣмъ неудаченъ: оханскій городничій, какъ усердный служака, намѣревающійся притомъ «отличиться» на такомъ рѣдкостномъ дѣлѣ, 7 апрѣля 1863 г. донесъ пермскому губернатору, что рано утромъ того же числа, обходя базарную площадь, онъ нашелъ 10 экз. печатной прокламаціи, начинающейся словами: «Долго давили васъ, братцы», что подозрѣніе въ разбрасываніи ихъ имѣетъ онъ на проживающаго въ Оханскѣ подъ надзоромъ полиціи исключеннаго изъ духовнаго званія семинариста Илью Пономарева, «потому, во-1-хъ, что онъ читалъ прокламацію возмутительнаго содержанія секретарю земскаго суда Лямони [2]), и потому, во-2-хъ, что Пономаревъ, приглашенный городничимъ, послѣ 2—3 рюмокъ водки объявилъ, что у него есть прокламаціи, и выдалъ ему таковыхъ 7 экз. съ условіемъ, что если онъ, городничій, хочетъ представить ихъ губернатору, то въ рапортѣ сказалъ бы, что всѣ эти прокламаціи найдены и не упоминалъ его, Пономарева, фамиліи».

Пономаревъ былъ арестованъ и отправленъ сначала въ Пермь, гдѣ была образована особая комиссія (изъ судебн. слѣдователя, стряпчаго и жандармскаго подполковника), а затѣмъ, позднѣе, въ Казань, въ главную слѣдственную комиссію. И тамъ и здѣсь Пономаревъ твердо и рѣшительно заявлялъ, что самъ принесъ городничему прокламаціи.

Приблизительно въ то же время (или недѣлей позднѣе) и также, повидимому, независимо отъ польской агитаціи отправился на пропаганду Элпидинъ, избравъ себѣ райономъ Лаишевскій уѣздъ, Казанской губ. (мѣсто родины). Но его предпріятіе сразу же и очень быстро кончилось трагической развязкой.

На Ѳоминой недѣлѣ на Лаишевскомъ базарѣ мѣщане г. Лаишева,—братья Булгаковы, раздавали «жителямъ» своего города и мужикамъ окрестныхъ деревень прокламацію [3]). Особенно «старался» старшій братъ Степанъ. Печатные листки, съ «неладными словами», онъ раздавалъ «кому попало», словно стараясь лишь поскорѣе сбыть ихъ съ рукъ. Отозвавъ кого-нибудь изъ крестьянъ въ сторону, онъ совалъ ему въ руки листокъ, съ словами: «На, почитай»,

---

[1]) Библіотекарь Красовскій и семинаристъ Егоръ Красноперовъ также не выдали Ив. Орлова, не назвали его фамиліи. Красовскій имѣлъ къ тому предлогъ — его не было въ то время дома; Егоръ же Красноперовъ стоялъ на томъ, что получилъ письмо и прокламаціи отъ Ив. Яковлева...

[2]) Это обстоятельство подтвердилось.

[3]) Это была прокламація «Долго давили васъ».

или: «На вотъ, свези въ деревню, пусть писарь прочитаетъ»... Не мудрено, что при такой «конспираціи», «злоумышленіе» было скоро обнаружено... Благодаря доносу мѣщ. Кабанскаго и бургомистра Гребенщикова, бр. Булгаковы были арестованы, «уличены» и скоро сознались,—одинъ, что получилъ прокламаціи отъ Элпидина, а другой, что получилъ ихъ отъ брата. Затѣмъ старшій изъ бр. Булгаковыхъ—Степанъ, указалъ, кому изъ крестьянъ онъ передалъ прокламаціи. Всего имъ было роздано экземпляровъ шесть-семь,—крестьянамъ разныхъ деревень, притомъ безъ всякаго разбора, въ большинствѣ случаевъ неграмотнымъ. У «распропагандированныхъ» такимъ образомъ крестьянъ произвели обыскъ, нашли злополучные «листки» (у кого на божницѣ, у кого подъ «повѣтью», у иныхъ на столбѣ подъ крышей) и потребовали отвѣта,—какъ они получили эти листики, что съ ними дѣлали, и какое они произвели «впечатлѣніе». Отвѣты на всѣ эти вопросы получились въ высшей степени любопытные.

Напримѣръ, кр. Иванъ Трофимовъ *Тужиловъ*, показалъ: «На Ѳоминой недѣлѣ я былъ на базарѣ въ Лаишевѣ и встрѣтился тамъ со Степаномъ Булгаковымъ. Онъ при народѣ отдалъ мнѣ запечатанный пакетъ и сказалъ: «Вотъ вамъ въ міръ записка, а какъ на ней адреса нѣтъ, то прочитай сперва одинъ, и если она будетъ слѣдовать въ міръ, то объяви, а если не слѣдуетъ, то не нужно». Я взялъ пакетъ, распечаталъ и вынулъ изъ него печатный листокъ; прочитавъ его одинъ, безъ свидѣтелей, понялъ, что въ немъ написано неладное, взялъ и спряталъ на столбъ заборный, подъ повѣть. Объявить объ этомъ листкѣ я опасался, предполагая, что Булгаковъ отопрется отъ дачи пакета, а свидѣтелей у меня не было. Изорвать листокъ также не смѣлъ, потому что онъ печатный...»

Романъ *Ивановъ* показалъ, что точно такъ же на базарѣ въ Лаишевѣ Степанъ Булгаковъ отдалъ пакетъ и сказалъ: «Вотъ тебѣ — возьми письмецо». «На вопросъ мой,—продолжалъ Ивановъ,—что это за письмо, Булгаковъ сказалъ: «Дай прочитать грамотному человѣку, узнаешь, что за письмо, но зря, безъ разбора, не давай»... и т. д.

Интересно, что одна изъ прокламацій, попавшая въ с. Куюки, была прочитана тамъ на мірской сходкѣ... Читалъ волостной писарь въ присутствіи старосты.

У старосты, писаря и слушателей - крестьянъ, конечно, потребовали объясненія, какъ могъ случиться такой казусъ, а затѣмъ подвергли ихъ «экзамену»: что и какъ они изъ прочитаннаго «усвоили».

Отвѣты» получились очень интересные.

Кр. *Шичковъ* «отвѣтилъ»: «Изъ прочитаннаго понялъ, что надо молиться Богу, что какой-то царь Самуилъ хочетъ прислать новую волю, кромѣ данной нашимъ государемъ Александромъ Николаевичемъ, но вѣроятія этому никакого не давалъ»... *Мироновъ*: «Изъ прочитаннаго понялъ только, что нашего царя какъ будто осуждаютъ, что другой воли не будетъ, и что не велятъ собираться кучками... Имѣю жену и четверыхъ дѣтей». *Ходяковъ* отвѣтилъ: «Изъ прочитаннаго припоминаю, что написано было отъ невѣрнаго царя Самуила, который будто бы проситъ отъ насъ помощи»... *Шемановъ*: «Понялъ только, что пришла намъ еще воля»... и т. д. все въ томъ же родѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ Элпидинъ былъ арестованъ, и о немъ началось особое дѣло (еще до пріѣзда въ Казань «главной слѣдственной комиссіи» [1]).

---

[1]) Апостольскія путешествія Бирюкова имѣли тоже довольно комическій характеръ. Захвативъ Евангеліе и нѣсколько народныхъ книжекъ, Бирюковъ отправился по деревнямъ, чтобы «узнать, ждетъ ли народъ чего-нибудь и какъ онъ приметъ толки о возстаніи». Въ пути Бирюковъ «бесѣдовалъ» съ мужиками, раздавалъ книжки, читалъ Евангеліе. Возвратясь разсказывалъ, что мужики слушаютъ, но сами почти ничего не говорятъ, такъ что не знаешь, что они думаютъ; но слушать Евангеліе имъ понравилось»... Второй походъ Бирю-

IV.

Посмотримъ теперь, что происходило въ это время въ Казани.

Послѣ отъѣзда Черняка Иваницкій продолжалъ подготовлять возстаніе и одновременно... его провалъ. Онъ «въ частныхъ бесѣдахъ» агитировалъ среди студентовъ, развивая свой планъ взятія Казани. Кромѣ того, посвятилъ въ свой планъ товарищей Мрочека и Станкевича, которые также довольно дѣятельно взялись за подготовку возстанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Иваницкій, съ непостижимой легкомысленностью, дѣлалъ такіе «шаги», допускалъ такую оплошность (чтобъ не сказать болѣе), которые невозможны не только въ «заговорѣ», но и просто во всякомъ серьезномъ дѣлѣ. Этимъ онъ подготовилъ не заговоръ, а лишь «провалъ» въ самомъ же началѣ и вѣрную гибель себѣ и всѣмъ тѣмъ, кто ему довѣрился. Поскольку можно судить на основаніи всѣхъ данныхъ слѣдственной комиссіи и показаній привлеченныхъ, Иваницкій былъ очень экспансивенъ и болтливъ.

Въ ресторанѣ Германа, *въ отдѣльной комнатѣ*, сидѣли Иваницкій и студенты Глассонъ и Жемановъ *(только трое)*. За «шоколадомъ» (правильнѣе, кажется, сказать: за выпивкой) Иваницкій началъ говорить на излюбленную для него въ послѣднее время тему: о предстоящемъ возстаніи въ Казани, о томъ, что народъ уже достаточно подготовленъ, что «крестьяне нѣкоторыхъ деревень, напр., Бездны, Теньковъ и Зміева, недовольные надѣломъ, дали согласіе возстать по первому сигналу» и т. д., вплоть до обезоруженія солдатъ и взятія Казани. Одинъ изъ участвующихъ въ упомянутой бесѣдѣ оказался доносчикомъ. Это былъ Глассонъ. Но желая подкрѣпить свой словесный доносъ «документами», онъ выманилъ у Иваницкаго «дѣловое» письмо къ Жеманову, а у этого послѣдняго «рекомендательное» письмо въ Симбирскъ, куда онъ будто бы собирался ѣхать (въ родѣ тѣхъ, какія писалъ Ив. Красноперовъ). Подготовившись такимъ образомъ, Глассонъ, вмѣсто Симбирска, отправляется «съ докладомъ» въ Петербургъ, предварительно пославъ два анонимныхъ письма—одно казанскому губернатору, а другое архіерею — о готовящемся въ Казани вооруженномъ возстаніи [1]).

кова (въ Спасскій уѣздъ) былъ еще болѣе неудаченъ. «Возвратясь былъ очень разстроенъ, не хотѣлъ ничего разсказывать, называлъ себя дуракомъ и давалъ обѣщаніе никогда больше не ходить по деревнямъ. Кратко дѣло объяснилъ такъ: его на дорогѣ ограбили, хотѣли представить къ становому какъ безпаспортнаго, нигдѣ не пускали ночевать, а въ Безднѣ мужики такъ напуганы исторіей съ Антономъ Петровымъ, что съ нимъ никто не хотѣлъ говорить»...

[1]) Пантелеевъ пишетъ по этому поводу: «Есть довольно вѣскія основанія полагать, что казанское дѣло раскрылось такимъ образомъ. Нѣкто Глассонъ, студ. Казанскаго университета, повидимому, случайно узнавшій о польскомъ замыслѣ (хотя есть небезосновательная версія и въ противоположномъ смыслѣ), на Пасхѣ 1863 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, тамъ тотчасъ же заявился къ Суворову и сдѣлалъ ему доносъ о замыслѣ поляковъ. Чуть ли не Мезенцовъ, племянникъ Суворова, впослѣдствіи шефъ жандармовъ, былъ командированъ на первоначальное слѣдствіе. Главное слѣдствіе велось Тимашевымъ». («Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 295).

Пріѣзжалъ не Мезенцовъ, а Нарышкинъ, но послѣдній отправился на разслѣдованіе въ Пензенскую и Тамбовскую губ., а въ Казань былъ присланъ Ждановъ. Тимашевъ же былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ» Казанской, Пермской и Вятской губ.

Послѣдствія не заставили себя долго ждать.

25-го марта въ квартирѣ Станкевича, нанятой для Черняка или того «уполномоченнаго», который долженъ былъ отъ него явиться, былъ произведенъ обыскъ, при чемъ ничего не было найдено, «кромѣ трехъ карточекъ». 4-го апрѣля 1863 г. отъ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева губернаторомъ Козляниновымъ была получена слѣдующая телеграмма (шифрованная): «*Наблюдайте за ротнымъ командиромъ Иваницкимъ, рота въ* Безднѣ, онъ, вѣроятно, въ Казани; также за студентомъ Сем. *Жемановымъ* и докторомъ *Бургеромъ*, а также тѣмъ лицомъ, для котораго Иваницкій нанялъ квартиру на Первой Горѣ [1]); буде нужно, арестуйте. Имѣйте въ виду с. *Зміево*, въ Чистопольскомъ уѣздѣ, *Бездну* и Теньки. 9-го будетъ флигель-адъютантъ Нарышкинъ. Источникъ анонимнаго письма преосвященному не открытъ. Наблюдайте 10 числа и 11 дайте сюда знать».

Очевидно, дѣло заговорщиковъ было проиграно уже въ самомъ началѣ. Но они, зная только объ обыскѣ въ квартирѣ Станкевича, продолжали свои приготовленія, уже, очевидно, безнадежныя, принявъ лишь нѣкоторыя предохранительныя мѣры. Такъ, Иваницкій, узнавъ объ обыскѣ въ квартирѣ Станкевича, пріѣхалъ изъ Спасска въ Казань и отправилъ Черняку письмо съ извѣщеніемъ что «полиція напала на слѣдъ, что въ квартирѣ Станкевича былъ произведенъ обыскъ и что въ Казань ему ѣхать теперь опасно». Вмѣсто Черняка явился въ Казань новый «инструкторъ» — агентъ.

Въ то время, какъ за главными заговорщиками былъ учрежденъ уже надзоръ, Кеневичъ и Чернякъ, еще ничего не зная о происходившемъ въ Казани, подготовивъ и собравъ все необходимое для возстанія, переправили съ нарочнымъ въ Казань. 14-го апрѣля 1863 г., какъ выше сказано, пріѣхалъ этотъ нарочный, назвавшійся студентомъ С.-Петербургскаго университета Остсенковскимъ, и привезъ съ собою письма отъ Черняка, манифесты и прокламаціи, 400 р. денегъ и 14 револьверовъ. Остановился онъ сначала на квартирѣ, нанятой Станкевичемъ (т.-е. какъ разъ на той, за которой, по вышеприведенной телеграммѣ м. в. д. былъ учрежденъ надзоръ), а потомъ переѣхалъ на квартиру Мрочека.

Въ привезенныхъ Остсенковскимъ бумагахъ было, во-первыхъ, «посланіе къ гражданамъ г. Казани» отъ Черняка. Въ этомъ посланіи говорилось, что народный комитетъ «земля и воля», назначивъ его, Черняка, гражданскимъ начальникомъ Казанской губерніи и военнымъ старшиной города Казани, предписалъ завладѣть городомъ. Далѣе объявлялось, что въ помощники себѣ онъ, Чернякъ, избираетъ Иваницкаго и поручаетъ ему раздѣлить готовыхъ участвовать въ возстаніи на части, въ 5 или 10 человѣкъ каждая; увѣдомлялось затѣмъ о посылкѣ револьверовъ, 400 р. денегъ, подложныхъ манифестовъ и воззваній, съ которыми, за три дня до возстанія, поручалось разослать пропагандистовъ для возбужденія народа. По показанію Сергѣева, въ «посланіи» предлагалось послѣ обезоруженія солдатъ и захвата казармъ, ударить въ набатъ, и, когда соберется народъ, выбрать нѣсколько человѣкъ изъ гражданъ для завѣдыванія гражданской частью. Въ заключеніе предписывалось—подъ страхомъ смерти за ослушаніе—оказывать «старшинѣ» (Черняку) и его помощнику всякое содѣйствіе.

---

[1]) Квартира была нанята для Черняка.

Вторая бумага заключала въ себѣ письмо къ Иваницкому (отъ Черняка) на польскомъ языкѣ. Въ письмѣ этомъ Чернякъ, между прочимъ, поручалъ Иваницкому на посланныя деньги закупить оружія, въ дополненіе къ присланнымъ 14 револьверамъ, обѣщая 20 револьверовъ привезти съ собою въ назначенное для возстанія время. Затѣмъ прибавлялось, что за три дня до возстанія революціонеры будутъ прибывать въ Казань партіями, въ 3 человѣка каждая.

«Посланіе» и письмо Мрочекъ принесъ студенту Сергѣеву, отъ него они пошли къ Полиновскому; тамъ бумаги были прочитаны, при чемъ письмо на польскомъ языкѣ было переведено Мрочекомъ. Послѣ прочтенія эти бумаги были уничтожены, а другимъ участникамъ содержаніе ихъ было передано на словахъ.

Кромѣ того, Остсенковскій привезъ три пачки «литературы». Въ одной пачкѣ были прокламаціи «Свобода вѣроисповѣданія», въ другой—«Временное народное правленіе» и въ третьей—подложный манифестъ.

Содержаніе прокламацій «Свобода вѣроисповѣданія» и «Временное народное правленіе» болѣе или менѣе извѣстно. Поэтому приведемъ здѣсь лишь подложный манифестъ.

Божіею милостью... и проч.

Въ постоянной заботливости Нашей о благѣ вѣрноподданныхъ Нашихъ, Мы, указомъ въ 19 день февраля, 1861 года, признали за благо отмѣнить крѣпостное право надъ сельскимъ сословіемъ Богомъ ввѣренной Намъ Россіи. Уступая просьбамъ помѣщиковъ, Мы, какъ ни тяжело было Нашему Монаршему сердцу, повелѣли, однако, всѣмъ временно-обязаннымъ крестьянамъ оставаться въ теченіе двухлѣтняго срока, т.-е. по 19 февраля настоящаго 1863 г., въ полной подчиненности у ихъ бывшихъ владѣльцевъ. Нынѣ, призвавъ Всемогущаго на помощь, настоящимъ Манифестомъ объявляемъ полную свободу всѣмъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, къ какому бы званію и состоянію они ни принадлежали. Отнынѣ свобода Вѣры и выполненія ея обрядовъ составитъ достояніе всякаго. Всѣмъ крестьянамъ, какъ бывшимъ крѣпостнымъ, такъ и государственнымъ, даруемъ въ опредѣленномъ размѣрѣ землю, безъ всякой за оную уплаты какъ помѣщикамъ, такъ и государству, въ полное, неотъемлемое, потомственное ихъ владѣніе. Полагаясь на вѣрность народа Нашего и признавъ за благо для облегченія края упразднить армію Нашу, Мы отнынѣ впредь и навсегда освобождаемъ Нашихъ любезныхъ вѣрноподданныхъ отъ всякаго рода наборовъ и повинностей рекрутскихъ; затѣмъ солдатамъ арміи Нашей повелѣваемъ разойтись по мѣста ихъ родины. Уплата подушныхъ окладовъ, имѣвшихъ назначеніе содержаніе столь многочисленной арміи, со дня изданія сего Манифеста отмѣняется. Всѣмъ солдатамъ, возвращающимся изъ службы, также всѣмъ дворовымъ людямъ, фабричнымъ и мѣщанамъ повелѣваемъ дать безъ всякаго возмездія надѣлъ земли изъ казенныхъ дачъ обширной Имперіи Нашей.

Въ каждой волости, равно въ городѣ, народъ избираетъ четырехъ пользующихся его довѣріемъ человѣкъ, которые, собравшись въ уѣздномъ городѣ, изберутъ совокупно уѣзднаго старшину и прочія уѣздныя власти: четыре депутата отъ каждаго уѣзда, собравшись въ губернскій городъ, изберутъ губернскаго старшину и прочія губернскія власти. Депутаты отъ каждой губерніи, призванные въ Москву, составятъ Государственный Совѣтъ, который съ нашей помощью будетъ управлять всей Русской землею.

Такова Монаршая воля Наша.

Всякій, объявляющій противное и не исполняющій Монаршей воли Нашей, есть врагъ Нашъ. Уповаемъ, что преданность народа оградитъ престолъ Нашъ отъ покушенія злонамѣренныхъ людей, не оправдавшихъ Наше Монаршее довѣріе.

Повелѣваемъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ вѣрить одному Нашему Монаршему слову. Если войска, обманываемыя ихъ начальниками, если генералы, губернаторы, посредники осмѣлятся силою воспротивляться сему Манифесту — да возстанетъ всякій для защиты даруемой Мною свободы и, не щадя живота, выступить на брань со всѣми, дерзающими противиться сей волѣ Нашей.

Да благословитъ Всемогущій Господь Богъ начинанія Наши.
Съ нами Богъ, разумѣйте, языцы и покоряйтеся, Яко съ нами Богъ!
Данъ въ Москвѣ въ тридцать первый день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ третье, царствованія же Нашего въ девятое.

Въ подлинномъ собственною Е. И. В. рукою подписано:

Александръ.

Печатано въ С.-Петербургѣ, при Правительствующемъ Сенатѣ [1]).

На другой или третій день послѣ пріѣзда Остсенковскаго въ квартирѣ поручика Станкевича было устроено собраніе. На немъ присутствовали, кромѣ Станкевича, Мрочекъ, Полиновскій, Сергѣевъ, Жемановъ, Щербаковъ, Миттерманъ, Бирюковъ, нѣсколько студентовъ-поляковъ (частью Петербургскаго, частью Казанскаго университета).

Приступая къ «дѣлу», Остсенковскій заявилъ, что пріѣхалъ изъ Петербурга и привезъ все, нужное для возстанія (!). Когда придетъ время начинать его, рѣшившіеся принять въ немъ участіе должны отправиться по деревнямъ—уговаривать мужиковъ вооружаться (топорами, косами и т. п.), затѣмъ вести ихъ на Ижевской заводъ, а оттуда, захвативъ оружіе, прямо на Казань... Развивъ свой планъ, Остсенковскій распаковалъ привезенный свертокъ съ револьверами и часть ихъ роздалъ присутствующимъ (кому одинъ, кому два) [2]).

Изъ квартиры Станкевича большинство присутствующихъ (кромѣ Станкевича и студентовъ-поляковъ) отправились къ Полиновскому, захвативъ и «все необходимое для возстанія», т.-е. револьверы (ихъ повезъ Миттерманъ) и прокламаціи съ манифестами (ихъ понесъ Бирюковъ).

На собраніи у Полиновскаго, кромѣ названныхъ выше студентовъ и Мрочека, присутствовали: Лаврскій, Ив. Орловъ [3]), Павелъ Орловъ и квартировавшій вмѣстѣ съ Полиновскимъ студентъ Алѣевъ. Здѣсь Остсенковскій повторилъ о цѣли своего пріѣзда, о планѣ взятія Ижевскаго завода и Казани, доложилъ о томъ, что революціонный комитетъ назначилъ Черняка «начальникомъ» Казани («старшиной»—по разсказу нѣкоторыхъ), а Иваницкаго его помощникомъ. Затѣмъ Остсенковскій [4]), попросивъ студентовъ прочитать прокламаціи и дать черезъ Мрочека окончательный отвѣтъ, удалился. Послѣ его ухода Мрочекъ сталъ развивать «свой» планъ, нѣсколько отличный отъ только что изложеннаго.

---

[1]) Интересенъ отзывъ Герцена объ этомъ манифестѣ:

«Велика отвѣтственность,—писалъ Герценъ въ 166 № «Колокола»,—которую берутъ на себя авторы такого рода воззваній. Путь этотъ опасенъ — народъ перестанетъ вѣрить печатному слову. Мы увѣрены, что общество «земли и воли», принимающее за правило устранять отдѣльныя попытки, не имѣло никакого участія въ составленіи этого манифеста.

«Если этотъ манифестъ изданъ особымъ кружкомъ, то нельзя не посовѣтовать ему и всѣмъ другимъ — присоединиться къ главному обществу и дѣйствовать тогда съ единствомъ плана». Затѣмъ идетъ нѣсколько рѣзкихъ словъ по адресу правительства, которое «за распространеніе какого-то листка, не имѣвшаго никакого дѣйствія», отдаетъ людей подъ военный судъ и разстрѣлъ.

[2]) Револьверы были разнокалиберные и разныхъ системъ. О патронахъ— были они или нѣтъ — ничего не говорится; видимо, ихъ совершенно не было.

[3]) Котораго ужъ съ мѣсяцъ разыскиваетъ полиція, подъ именемъ Ив. Яковлева...

[4]) Остсенковскій или Остельковскій — фамилія вымышленная; въ дѣйствительности это былъ студентъ С.-Петербургскаго университета Сильвандъ.

«Начинать дѣло въ Казани,—говорилъ онъ,—гдѣ 1.500 человѣкъ войска, да, кромѣ того, приняты мѣры предосторожности,—глупо. На первый разъ надо обезоружить роту солдатъ въ Спасскѣ; захватить тамъ казначейство, раздать ружья крестьянамъ и потомъ направиться къ Ижевскому заводу, гдѣ для казны заготовлено до 30 тысячъ ружей. Въ попутныхъ городахъ слѣдуетъ забирать деньги изъ казначействъ. А отъ Ижевскаго завода должно уже двигаться на Казань».

Мрочеку былъ предложенъ вопросъ, какимъ образомъ забрать ружья въ Спасскѣ. Мрочекъ отвѣтилъ, что это ихъ дѣло, и что они берутся за это,—это ничего не стоитъ. Потомъ Мрочекъ началъ говорить, что около 100 человѣкъ пріѣдутъ изъ Москвы и, чтобъ не возбудить подозрѣній, они по 5 или по 10 человѣкъ помѣстятся на разныхъ пароходахъ, одни изъ нихъ высадятся въ Казани, другіе — гдѣ-нибудь въ деревнѣ, третья часть высадится около Спасскаго затона и т. д. «Все это очень легко и не опасно. А потомъ всѣ партіи съ разныхъ сторонъ соберутся къ Спасску. Когда обезоружатъ въ Спасскѣ солдатъ, то сейчасъ же нужно двигаться къ Ижевскому заводу, по дорогѣ раздавать прокламаціи, и крестьяне будутъ присоединяться».

«А чѣмъ вы будете кормить эти тысячи?» спросили Мрочека. «О хлѣбѣ нечего безпокоиться, потому что у помѣщиковъ его всегда много; да кромѣ того, помѣщики теперь въ ужасномъ страхѣ. У каждаго непремѣнно есть ружья, револьверы и порохъ; все это нужно будетъ отобрать у нихъ; у нихъ всегда много серебряной посуды, если забрать у нихъ да начеканить монеты, то ни въ чемъ нужды не будетъ».

Планъ этотъ излагался Мрочекомъ въ теченіе вечера на разныя манеры [1]).

Мрочекъ [2]) утверждалъ (въ слѣдствен. комиссіи), что студенты, хотя и съ оговорками, но согласились принять участіе въ организаціи и возстанія. Оговорки эти, по его словамъ, были въ такомъ родѣ: «Мы не имѣемъ еще распоряженій, — отвѣтили будто бы студенты,—отъ своихъ агентовъ изъ комитета «земли и воли», чтобъ начинать революцію, и потому до полученія такого распоряженія начать возстаніе не можемъ. Когда же получимъ распоряженіе о возстаніи, то пойдемъ съ готовностью». Большинство же студентовъ, при всемъ разнообразіи отдѣльныхъ показаній, высказывались въ томъ смыслѣ, что они отвергнули планъ Сильванда-Мрочека, какъ раньше планъ Черняка-Иваницкаго (въ сущности одинъ и тотъ же, лишь нѣсколько видоизмѣненный въ деталяхъ). При этомъ формулировка и мотивировка отказа разными лицами передается по разному. По словамъ Лаврскаго, студенты отвѣтили, что такъ какъ въ новой прокламаціи «земли и воли» ничего не говорится о возстаніи, то они не согласны его начинать.

Жемановъ заявлялъ, что студенты не только отказались отъ участія въ возстаніи, но и револьверы возвратили Остсенковскому, а прокламаціи поручили Ив. Орлову сжечь.

---

1) Показанія студ. Сергѣева, Полиновскаго и друг.

2) Иваницкій на этихъ собраніяхъ не былъ. Станкевичъ не давалъ почти никакихъ показаній, заявивъ, что онъ въ заговорѣ участія не принималъ и ни съ кѣмъ по этому поводу не совѣщался. Остсенковскій-Сильвандъ предъ началомъ слѣдствія скрылся, не былъ разысканъ и потому къ слѣдствію не привлекался.

Въ протоколахъ слѣдственной комиссіи этотъ пунктъ изложенъ слѣдующимъ образомъ:

«По обсужденіи предложеннаго Остельковскимъ и Мрочекомъ вооруженнаго возстанія, бывшіе на этомъ собраніи студенты рѣшительно отказались отъ участія въ распространеніи ложнаго манифеста и въ вооруженномъ возстаніи, такъ какъ убѣдились, что дѣло это есть польское, а не русское».

Такъ ли это?. Дальнѣйшіе факты показываютъ, что далеко не такъ. Правда, въ словахъ Мрочека заключается, несомнѣнно, значительная доля преувеличенія: въ дѣйствительности студенты, конечно, не могли ждать подобнаго распоряженія отъ «земли и воли» (стоитъ припомнить, какъ шли дѣла въ самой «землѣ и волѣ»). Хотя съ увѣренностью нельзя сказать, чтобъ это преувеличеніе всецѣло принадлежало Мрочеку; возможно, что сами студенты или для «авторитетности», или чтобъ замаскировать свои колебанія, или, наконецъ, для того, чтобы сохранить за собою «свободу дѣйствій» придумали и этотъ «уклончивый отвѣтъ». («Ждемъ предписанія отъ «земли и воли»).

Тѣмъ болѣе не могутъ быть приняты заявленія студентовъ, будто они «рѣшительно отказались». Въ самомъ дѣлѣ: отказались, а разобрали револьверы, взяли прокламаціи, манифесты и деньги. Полученныя прокламаціи, какъ выше было сказано, Миттерманъ отнесъ къ себѣ и положилъ въ конторку Сергѣева. На другой день пришелъ къ Сергѣеву Ив. Орловъ, отобралъ себѣ по нѣскольку десятковъ всѣхъ «трехъ сортовъ» и вскорѣ пустилъ ихъ въ оборотъ. По нѣскольку экземпляровъ взяли себѣ Сергѣевъ, Полиновскій и др. Нѣсколько экземпляровъ было переправлено Иваницкому (въ Бездну).

Изъ 400 р. привезенныхъ денегъ около половины было послано тому же Иваницкому; остальныя были переданы Миттерману, чтобы давать изъ нихъ, сколько потребуется, тѣмъ, кто отправится съ пропагандой и вообще по дѣламъ возстанія.

Такимъ образомъ, если студенты и не связали себя опредѣленными обязательствами по отношенію къ Черняку-Сильванду, то, во всякомъ случаѣ, послѣдующая линія ихъ поведенія показываетъ, что, такъ сказать, принципіально они не прочь были поднять возстаніе, расходясь съ поляками, можетъ-быть, лишь въ нѣкоторыхъ «тактическихъ вопросахъ», напр., относительно пригодности и цѣлесообразности подложнаго манифеста и т. п. Въ такомъ случаѣ отказъ ихъ могъ имѣть такой смыслъ: мы сохраняемъ за собою свободу дѣйствій, вашими матеріалами и средствами воспользуемся, но можемъ употребить ихъ въ своихъ цѣляхъ и по своей программѣ. Такъ могли думать, съ извѣстнымъ наивнымъ лукавствомъ, нѣкоторые изъ наиболѣе предпріимчивыхъ и рѣшительныхъ пропагандистовъ, въ родѣ Ив. Орлова.

V.

Послѣ отъѣзда изъ Казани Сильванда (Остсенковскаго), когда предварительная подготовка возстанія считалась законченной и планъ его достаточно разработанъ, предстояло приступить къ организаціи самаго возстанія. Но большинство участниковъ-студентовъ переживало, видимо, моменты тяжелаго, мучительнаго раздумья. Одинъ изъ нихъ въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ свое тогдашнее настроеніе:

«Всѣ эти событія и слухи произвели на меня большое вліяніе, поднявши въ моей душѣ тучу вопросовъ и сомнѣній и продолжительную внутреннюю борьбу. Съ одной стороны, мнѣ рисовалась картина этого возстанія въ видѣ страшной пугачевщины, меня охватывалъ ужасъ при мысли о семьѣ и родныхъ, и я съ отвращеніемъ отворачивался отъ этой картины. Съ другой стороны, и на мнѣ сказывалось вліяніе среды, и я успокоивалъ себя тѣмъ, что, можетъ-быть, все дѣло ограничится молчаливымъ протестомъ, прошеніемъ русскаго земства къ государю о дарованіи земли, что изобрѣтутъ, можетъ-быть, новую систему выкупа, которая успокоитъ народъ и поможетъ избѣгнуть кровопролитія. Но для этого нужно, думалъ я, чтобъ во главѣ возстанія стали люди образованные, способные обуздать дикіе порывы. И бывали минуты, что послушавъ возгласы о «великомъ дѣлѣ», какъ называли тогда возстаніе, я рѣшался на этихъ условіяхъ, въ случаѣ крайности, присоединиться къ нему [1]). Но потомъ снова поднимались во мнѣ сомнѣнія, я возмущался при мысли о крови и, не приходя ни къ какому результату, закрывалъ глаза при мысли, что подъ страхомъ смерти отъ меня могутъ потребовать участія.

«Стоитъ припомнить это тревожное время, чтобы понять невѣроятное легковѣріе къ слухамъ: не я одинъ и не одни студенты вѣрили имъ, имъ вѣрила и вся Казань. Эти слухи казались до того вѣроятными, что не одинъ разъ казанскіе жители укладывали имущество и не спали ночи, ожидая возстанія».

О чувствахъ и настроеніяхъ остальныхъ своихъ товарищей тотъ же участникъ говоритъ:

«Во все время моихъ сношеній съ кружкомъ ни отъ одного члена я никогда не слыхалъ прямого отвѣта: я пойду, если будетъ возстаніе. Этотъ вопросъ всѣ заботливо избѣгали. Вообще, вся эта исторія кажется мнѣ съ начала до конца какой-то удивительно глупой и ребяческой игрой въ тайныя общества. Никому не приходило въ голову вопросъ: куда мы идемъ, И точно съ завязанными глазами, по какому-то табунному чувству, всѣ шли къ открытой пропасти». (Изъ показаній Лаврскаго.)

Немудрено, что при такихъ колебаніяхъ, сомнѣніяхъ, при постоянной борьбѣ пылкихъ мечтаній съ трезвымъ разсудкомъ, при неясности для всѣхъ ихъ общей цѣли и руководства предстоящаго движенія немногіе изъ нихъ спѣшили въ народъ поднимать знамя возстанія.

Изъ всѣхъ, принимавшихъ участіе въ собраніяхъ и въ обсужденіи плана возстанія, дѣятельнѣе другихъ и на этотъ разъ оказался Ив. Орловъ. Онъ и самъ отправился и «снарядилъ» нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей—Ник. Орлова, Дернова [2]), Бирюкова.

Николая Орлова Ив. Орловъ снабдилъ прокламаціями (въ томъ числѣ и подложными манифестами), далъ ему «на дорогу» 30 рублей денегъ и разъяснилъ, что онъ долженъ былъ дѣлать. Такъ же приблизительно снаряженъ былъ и Бирюковъ.

Николай Орловъ съ Дерновымъ отправился въ Вятскую губ., Бирюковъ—въ Пермскую, а самъ Иванъ Орловъ на этотъ разъ намѣревался направиться въ Сибирь, минуя, насколько возможно мѣста, гдѣ онъ уже былъ и гдѣ его знали и давно искали... Но къ этому времени власти и полиція были уже «настражѣ»... Поэтому всѣ названные «путешественники», въ томъ числѣ и главный «апостолъ», очень скоро были схвачены.

---

[1]) И самъ авторъ цитируемыхъ строкъ, въ минуту подобнаго восторженно-приподнятаго настроенія, въ письмѣ (перехваченномъ полиціей) къ моему знакомому, находящемуся въ ссылкѣ въ Олонецкой губ., говорилъ: «...Лекціи университетскія нынѣ не занимаютъ студентовъ... У всѣхъ въ головѣ и сердцѣ скоро грядущее великое дѣло... У васъ тишь и глушь, а здѣсь слышится и готовится изверженіе вулкана»...

[2]) Дерновъ только еще готовился къ поступленію въ университетъ.

Ник. Орловъ и Дерновъ были арестованы при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Исправляющій должность мирового посредника Уржумскаго уѣзда 27 апр. 1863 г. донесъ вятскому губернатору, что этого числа проѣзжали чрезъ Буйскій заводъ три неизвѣстныхъ лица съ татариномъ, продававшимъ лимоны. «Одинъ изъ нихъ вошелъ въ избу крестьянина Рябова, началъ говорить съ женою его о надѣлѣ земли, и потомъ вручилъ печатную прокламацію «Свобода», изд. «земли и воли», съ тѣмъ, чтобы она передала грамотнымъ крестьянамъ для прочтенія». Прокламація эта была представлена Рябовымъ сельскому старостѣ, а этимъ послѣднимъ—мировому посреднику. Трое неизвѣстныхъ были задержаны полиціей и арестованы. Это оказались: студентъ Казанскаго университета Николай Орловъ, сынъ священника Василій Дерновъ и студентъ Московскаго университета Андрей Липхартъ. По обыскѣ въ подушкѣ, принадлежащей Орлову, было найдено—52 экз. прокламацій «земли и воли» «Свобода», «Временное правленіе» и одинъ печатный ложный манифестъ.

На первоначальныхъ допросахъ Николай Орловъ показалъ, что изъ Казани выѣхалъ къ роднымъ вмѣстѣ съ Дерновымъ и Липхартъ 22 апрѣля. Передъ отъѣздомъ студ. Иванъ Орловъ передалъ ему 52 экз. воззваній «земли и воли» «Свобода», «Временное правительство» и «Манифестъ». Изъ нихъ просилъ передать 25 штукъ семинаристу Егору Красноперову, а остальныя раздать кому-нибудь, если будетъ случай. «Временное правительство» и «Манифестъ» просилъ показать и уничтожить, такъ какъ «въ нихъ напечатанъ вздоръ.

«На дорогу Ив. Орловъ далъ мнѣ 30 руб. и просилъ при передачѣ воззванія говорить, чтобъ готовились къ возстанію и собирали деньги. Когда будутъ готовы, то чтобъ ожидали особаго извѣщенія. Просилъ, если буду въ Вяткѣ или уѣздахъ, точно такъ же раздавать воззванія и о результатахъ сообщать ему. Но ни въ Вяткѣ ни въ уѣздахъ, — показывалъ далѣе Ник. Орловъ, — я не былъ, такъ какъ потерялъ деньги и не могъ передать Орлову (Ив.) требуемыхъ имъ свѣдѣній о томъ, *на какое число крестьянъ можно разсчитывать въ случаѣ возстанія, т.-е. сколько ихъ годится въ ряды*».

Василій Дерновъ показалъ, что онъ по окончаніи семинаріи жилъ въ Казани и готовился къ поступленію въ университетъ. Въ апрѣлѣ 1863 г. выѣхалъ съ Николаемъ Орловымъ и Липхартъ къ роднымъ. Въ первый день ихъ поѣздки Николай Орловъ сказалъ, что у него есть прокламаціи «земли и воли», и далъ ему для прочтенія 5 экз. («Свободы»). Изъ этихъ прокламацій, по прочтеніи, одну отдалъ крестьянину, не помнитъ — какой деревни, а другую — крестьянкѣ въ Буйскомъ заводѣ. «Прокламаціи,—замѣчалъ Дерновъ,— отдавалъ не съ какимъ-либо злымъ намѣреніемъ, а просто—увѣряя крестьянъ, что имъ, можетъ - быть, отдадутъ землю, такъ какъ есть люди, которые хотятъ хлопотать объ этомъ передъ государемъ» [1]).

Путешествіе Бирюкова и на этотъ разъ имѣло тотъ же трагикомическій характеръ, какъ и прежнія.

Въ маѣ 1863 г. дьяконъ Капустинъ, въ Перми, въ пьяномъ видѣ «произносилъ оскорбительныя выраженія противъ государя императора и читалъ возмутительныя воззванія». «При дознаніи было обнаружено», что этотъ дьяконъ ѣхалъ съ знакомымъ студентомъ

---

[1]) О студ. Липхартъ и Ник. Орловъ и Дерновъ заявили, что онъ былъ случайнымъ ихъ попутчикомъ, ихъ намѣреній не зналъ и прокламацій не имѣлъ. При обыскѣ у Липхартъ тоже ничего не было найдено, поэтому онъ скоро былъ выпущенъ.

Бирюковымъ до г. Кунгура, гдѣ они вдвоемъ были у священника Кроткова. Здѣсь, въ присутствіи самого Кроткова, протоіерея Веселовскаго, дьякона Замятнина и чиновника Кругляшева, Бирюковъ «открыто ругалъ правительство и произносилъ богохульныя слова», а затѣмъ вынулъ изъ кармана какіе-то печатные листки, въ родѣ манифеста [1]), и началъ читать ихъ. Такъ же «публично» (при священникѣ и дьяконѣ) была читана Бирюковымъ «возмутительная прокламація» въ с. Кылосовѣ.

Бирюковъ былъ арестованъ и на допросѣ въ Перми показалъ, что прокламацію получилъ (въ двухъ экземплярахъ) изъ Петербурга отъ неизвѣстнаго человѣка [2]). Распространять прокламаціи не намѣревался, а взялъ ихъ съ собой потому, что «хотѣлъ показать и прочитать ихъ своимъ знакомымъ изъ духовенства, — хотѣлъ пощеголять, какъ диковинной рѣдкостью». Дорогою, «подъ вліяніемъ винныхъ паровъ», прочиталъ прокламацію въ с. Кылосовѣ священнику и дьякону. Въ такомъ же состояніи, и тоже желая лишь похвастать, читалъ эту прокламацію и въ Кунгурѣ.

Наконецъ и самъ Ив. Орловъ тронулся во второе «апостольское путешествіе», составивъ приблизительно тотъ же маршрутъ. Но планамъ его не суждено было осуществиться. Какъ только онъ высадился съ парохода на территорію Вятской губ., гдѣ его знали и «ловили», такъ тотчасъ же былъ арестованъ (въ Нолинскѣ, 2-го мая), доставленъ въ Вятскую слѣдственную комиссію, гдѣ его ждали съ нетерпѣніемъ [3])...

Послѣ обычныхъ формальностей Орлова спросили, отъ кого онъ получилъ прокламаціи для перваго и второго своего путешествія.

Орловъ заявилъ, что на первое путешествіе снабдилъ его прокламаціями и деньгами Слядковскій, жившій въ Казани съ нѣкіими Петрушенко и Федоренко. Затѣмъ разсказывалъ довольно фантастическую исторію своего съ ними знакомства и отношеній, утверждалъ, что у Слядковскаго былъ свой «станокъ» и т. п. Но, «къ своему сожалѣнію» и къ великому огорченію комиссіи, не могъ указать ни ихъ адреса ни ихъ профессіи, ограничившись только описаніемъ ихъ примѣтъ. Это, по словамъ Орлова, произошло отъ того, что онъ ихъ встрѣчалъ (даже и для полученія прокламацій) исключительно въ ресторанѣ Германа. Что касается второго путешествія, то для него прокламаціи и подложные манифесты — заявлялъ Орловъ — взяты у Миттермана.

Бросились, конечно, въ Казань за поисками названныхъ лицъ. Но какъ ни бились, Слядковскаго съ товарищами, или хоть когонибудь, подходящихъ подъ указанныя примѣты, во всей Казани не нашли.

Съ Миттерманомъ тоже произошла маленькая ошибочка. Полиція, впопыхахъ, вмѣсто искомаго студ. Рудольфа Миттермана,

---

1) Бирюковъ утверждалъ, что это была прокламація «Свобода».

2) Позднѣе, въ главной слѣдств. комиссіи Бирюковъ показалъ, что получилъ прокламацію отъ Умнова.

3) Напомнимъ, что въ Вяткѣ къ этому времени находились въ тюрьмѣ: Шулятниковъ, Иванъ и Егоръ Красноперовы, Красовскій, Бирюковъ, Дерновъ, Николай Орловъ и подъ арестомъ много разныхъ «прикосновенныхъ» лицъ (семинаристовъ, знакомыхъ Красовскаго и пр.).

схватила его брата, гимназиста Виктора, «въ темную карету» и въ Вятку. Только когда перепуганный гимназистъ былъ доставленъ въ Вятку, ошибка обнаружилась, и Рудольфу Миттерману пришлось помѣняться мѣстами съ братомъ [1]).

Наконецъ должны быть отмѣчены дѣйствія тѣхъ «эмиссаровъ», которые были отправлены непосредственно Кеневичемъ. Это были студенты Петербургскаго университета — Маевскій, Госцевичъ, Новицкій и Олехновичъ. По инструкціи Кеневича они должны были распространять манифесты въ губ. Тамбовской, Пензенской, Тульской, Саратовской и другихъ смежныхъ. Они выѣхали изъ Москвы 22-го апрѣля 1863 г., имѣя до 700 экземпляровъ манифеста. Отъ Москвы до Нижняго и отъ Нижняго до Арзамаса они ѣхали всѣ вмѣстѣ, не раздѣляясь. Изъ Арзамаса Маевскій и Олехновичъ повернули на Темниковъ и Спасскъ, намѣреваясь черезъ Шацкъ направиться на города Рязанской губ.—Сапожокъ, Ряжскъ, Скопинъ и др., а затѣмъ Тульской—Епифань, Богородицкъ и Тулу. Госцевичъ и Новицкій направились изъ Арзамаса Пензенскимъ трактомъ на Саранскъ и Городище; отсюда Госцевичъ поѣхалъ въ Симбирскъ, а Новицкій черезъ Кузнецкъ (Саратовской губ.) въ Вольскъ, намѣреваясь, тотъ и другой, возвратиться на пароходѣ въ Нижній и оттуда желѣзной дорогой въ Москву. По инструкціи, данной Кеневичемъ, они должны были «подкидывать» манифесты по деревнямъ и дорогамъ, но не раскидывать ихъ въ городахъ и ближе 15 верстъ отъ городской черты. Они такъ и дѣлали: проѣзжая по деревнямъ, оставляли манифесты на завалинкахъ или просто бросали на дорогѣ. Но ни одному изъ нихъ не удалось кончить благополучно своего путешествія; всѣ они были преслѣдуемы полиціей и схвачены: Маевскій и Олехновичъ 26-го апрѣля въ Спасскѣ, Госцевичъ 29-го апр. въ Симбирскѣ и Новицкій 30-го апр. въ Самарѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ проѣзжали названные «эмиссары», полиціей было найдено больше 150 экземпляровъ манифеста (у арестованныхъ Маевскаго и Олехновича было отобрано 267 экземпляровъ). Послѣдствія этого оригинальнаго способа пропаганды были слѣдующія: въ большинствѣ случаевъ или полиція съ ними знакомилась первая или крестьяне, найдя странныя «грамотки», передавали ихъ властямъ.

Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., Тамбовской губ., крестьяне приняли эти манифесты «съ живѣйшимъ участіемъ», предполагая, что «это—милость царская». Въ Кузнецкомъ уѣздѣ Саратовской губ. появленіе манифеста въ деревняхъ такимъ страннымъ, «чудеснымъ» образомъ крестьяне объясняли такъ: царь написалъ этотъ манифестъ и отправилъ *прямо* къ нимъ (крестьянамъ), минуя чиновниковъ и помѣщиковъ, которые ему препятствуютъ и мѣшаютъ Но въ Саратовской и Тамбовской губ. возникшія на этой почвѣ недоразумѣнія были прекращены «полицейскими мѣрами». Лишь въ Пензенской губ. изъ-за этихъ манифестовъ произошли настолько крупные безпорядки, что потребовалось вмѣшательство военной команды [2]).

---

[1]) Руд. Миттерманъ юноша 17 лѣтъ), привезенный въ Вятку и представленный въ слѣдственную комиссію, на первыхъ же допросахъ далъ комиссіи достаточно свѣдѣній и «нитей».

[2]) Къ сожалѣнію, подробностей этого эпизода въ дѣлѣ, которымъ мы пользовались, не имѣется.

Вотъ, въ существенныхъ чертахъ, все, чѣмъ успѣли проявить себя участники заговора,—всѣ тѣ «выступленія», которыя затѣмъ были объединены общимъ названіемъ: «Дѣло о замышлявшемся вооруженномъ возстаніи».

Всѣ изложенныя выше подробности «дѣла» полны самыхъ удивительныхъ странностей, непонятныхъ, на первый взглядъ, противорѣчій и несообразностей, которыя могутъ быть объяснены, съ одной стороны, романтизмомъ (и даже младенчествомъ) русской революціи, съ другой стороны,—отсутствіемъ «техники» и нѣкоторой патріархальностью пріемовъ и общей тактики полиціи и «блюстителей порядка» [1]).

Не говоря уже о томъ, что большинство участниковъ примкнули къ «заговору» — въ той его части, которая была инспирирована поляками, такъ сказать, съ завязанными глазами, ихъ связывала съ главной пружиной цѣль, которой даже и послѣдняго звена они какъ слѣдуетъ не видали. Въ самомъ дѣлѣ: «Жондъ» поручилъ Кеневичу соорудить возстаніе, Кеневичъ обратился съ этимъ предложеніемъ къ Черняку, Чернякъ къ Иваницкому, послѣдній къ студентамъ, большинства которыхъ онъ совершенно не зналъ, какъ и они его (кромѣ отдѣльныхъ знакомствъ, или «семейныхъ», какъ съ Миттерманомъ, или «ресторанныхъ», какъ съ Жемановымъ). Черняка студенты, конечно, совершенно не знали и первый разъ въ жизни (и послѣдній до суда) увидали только на собраніи у Полиновскаго. Кеневича же совершенно не знали и не слыхали, кромѣ двухъ-трехъ глухихъ, неопредѣленныхъ намековъ, что Чернякомъ руководитъ какой-то французъ, который собирается даже пріѣхать въ Казань командовать отрядомъ повстанцевъ. Если мы припомнимъ самостоятельныя «революціонныя» выступленія студентовъ, то они носятъ характеръ не пропаганды и даже не агитаціи (хотя бы въ видѣ безсознательнаго бакунизма), а случайныхъ «опытовъ», если и напоминающихъ агитацію, то «вывороченную наизнанку». Даются только прокламаціи, притомъ случайнымъ встрѣчнымъ, незнакомымъ и неграмотнымъ крестьянамъ и т. п. (словно лишь для того, чтобы раздать).

VI.

Къ тому моменту, до котораго мы дошли въ изложеніи событій (конецъ апрѣля), осязательно далъ себя знать и доносъ Глассона. 29-го апрѣля были арестованы Жемановъ (въ Казани) и Иваницкій (въ Спасскѣ) и отправлены въ Петербургъ въ 3-е Отдѣленіе. У Элпидина дается описаніе самаго ареста Иваницкаго. Приведемъ это описаніе, оставляя на отвѣтственности Элпидина его фактическую точность.

«Отправили изъ Казани жандарма, полковника Ларіонова въ Спасскъ арестовать Иваницкаго. Мѣстныя власти, зная, что Иваницкій изъ предосторожности клалъ съ собой въ постель пару револьверовъ и опасаясь катастрофы, послали на квартиру къ нему уважаемаго имъ батальоннаго командира, чтобы удобнѣе было вызвать его на дворъ, гдѣ стоялъ уже цѣлый взводъ солдатъ. Въ 3 часа ночи, услыхавъ не въ обычное время стукъ въ

---

[1]) Тоже «романтизмъ», только съ другого конца.

дверь, Иваницкій взялся было за револьверы, но сейчасъ же положилъ ихъ услыхавъ голосъ своего хорошаго командира. Одѣвшись вышелъ на дворъ гдѣ его и взяли. Въ бумагахъ его нашли одинъ экземпляръ ложнаго манифеста и двѣ печатныя брошюры подъ заглавіемъ «Свобода и независимость». Его увезли въ Петербургъ и тамъ его и Жеманова спрашивали, не знаютъ ли они чего о существованіи заговора въ Казани. Они отвѣчали, что ничего подобнаго не слыхали. Очныхъ сводовъ по тому письму не было, но спрашивали о смыслѣ того письма. Иваницкій отвѣтилъ, что таинственное содержаніе письма есть не что иное, какъ желаніе помистифицировать навязчиваго Глассона. Продержавъ 3 недѣли въ Петропавловской крѣпости, отправили ихъ въ Казань—у правительства нашлись болѣе точныя данныя» [1]).

Послѣ предварительнаго «душевнаго очищенія» въ казематахъ Петропавловской крѣпости Иваницкаго и Жеманова подвергли допросу [2]). У нихъ потребовали отвѣта, въ чемъ состоялъ «заговоръ», какое участіе принимали въ немъ они сами и другія лица, откуда они знаютъ о готовности крестьянъ къ возстанію [3]), кто изъ молодежи готовился къ возстанію и запасается револьверами и вообще о всѣхъ подробностяхъ ихъ бесѣды въ кондитерской. На эти вопросы, предложенные сначала въ общей формѣ, Иваницкій отвѣтилъ, что о возстаніи или его подготовкѣ, а равно и о лицахъ, организующихъ это возстаніе, онъ ничего не знаетъ, съ Жемановымъ познакомился лишь въ ресторанѣ и никакихъ «политическихъ» разговоровъ съ нимъ не велъ. Въ ресторанѣ шла рѣчь лишь о городскихъ слухахъ. Квартиру нанималъ для своего родственника Черняка, который пріѣзжалъ въ Казань «повидаться» съ нимъ. Приблизительно въ томъ же духѣ показывалъ сначала и Жемановъ, разсказывая, что «въ Казани имѣлъ знакомыхъ только студентовъ. Съ Иваницкимъ встрѣчался только въ кафе-ресторанѣ Германа, гдѣ иногда играли на бильярдѣ, больше никакихъ отношеній къ нему не имѣлъ. Къ противоправительственнымъ дѣйствіямъ не стремился и не имѣлъ никакого тайнаго намѣренія противъ правительства. Напротивъ, онъ лично на себѣ испыталъ его благодѣтельныя дѣйствія, получивъ возможность поступить въ университетъ, единственно по силѣ Высочайшаго манифеста 19 февр. 1861 года». О готовности будто бы крестьянъ нѣкоторыхъ деревень къ возстанію и проч. Жемановъ «отозвался, что не знаетъ совершенно духа крестьянъ Казан. губ. и готовятся ли они къ возстанію, въ сношенія ни съ какими крестьянами не входилъ. Ни отъ кого изъ молодежи также не слыхалъ, что они готовятся къ возстанію и запасаются револьверами».

Но «показанія» Глассона [4]) и нѣкоторыя представленныя коммиссіей «вещественныя» доказательства заставили Иваницкаго, а затѣмъ и Жеманова нѣсколько измѣнить и дополнить свои показанія. Глассонъ «удостовѣрилъ», что слышалъ, какъ въ кондитерской Германа Иваницкій разсказывалъ, что крестьяне нѣкоторыхъ деревень Казанской губ., напр., Бездны, Теньковъ и Зміева, недовольные надѣломъ, дали согласіе возстать по первому сигналу, что мало-

---

[1]) «Матеріалы», стр. 180.

[2]) Въ особо образованной «Петербургской слѣдств. комиссіи».

[3]) Въ частности, въ селахъ, обозначенныхъ въ приведенной выше телеграммѣ мин. внут. дѣлъ.

[4]) Глассонъ давалъ свои «показанія» только въ Петербургской слѣдств. комиссіи, а затѣмъ уже къ процессу не привлекался и въ Казань больше не заявлялся. Скорѣе даже это были не показанія, какъ изъ скромности называетъ ихъ комиссія, а письменный «докладъ».

численность войска благопріятствуетъ возстанію, что содѣйствовать этому возстанію будетъ молодежь, вооруженная револьверами и нѣкоторые изъ военныхъ. Съ этою цѣлью заведены сношенія съ центральнымъ революціоннымъ обществомъ, которое будетъ присылать людей, необходимые матеріалы и деньги. Одинъ изъ этихъ агентовъ, — прибавлялъ, по словамъ Глассона, Иваницкій, — уже пріѣзжалъ въ Казань, и для него была нанята особая квартира и пр. Жемановъ, по словамъ того же Глассона, разсказывалъ о существованіи въ Москвѣ революціоннаго комитета, который разсылаетъ своихъ агентовъ по другимъ губерніямъ.

Кромѣ того, комиссія «предъявила» два письма: одно отъ Иваницкаго къ Жеманову, писанное химическими чернилами, а другое Жеманова къ знакомому въ Симбирскъ («рекомендательное»). Первое изъ нихъ самъ Иваницкій далъ Глассону для передачи Жеманову, а второе написано Жемановымъ по просьбѣ Глассона. Оба эти письма изъ рукъ Глассона непосредственно перешли въ руки слѣдственной комиссіи. Въ письмѣ къ Жеманову Иваницкій говорилъ, что студенты его не поняли и оклеветали. «Распространившіеся слухи, будто я ругалъ студентовъ и говорилъ, что они дрянь, ни на какое дѣло не способны, а только болтать—ложь. Не правда также, будто я самъ разочаровался въ дѣлѣ и всѣ планы бросилъ. Напротивъ, я преданъ ему всей душой». Въ заключеніе давалось одно «практическое» указаніе: псевдонимъ пріѣзжавшаго «агента» — Богданъ Хмельницкій [1]). Письмо Жеманова было адресовано какому-то Васильеву (Жемановъ утверждалъ, что фамилія эта вымышлена) и заключало въ себѣ просьбу оказать содѣйствіе лицамъ, которыя пріѣдутъ «съ извѣстной цѣлью».

Иваницкій по поводу всѣхъ этихъ обстоятельствъ показалъ, что въ точности разговора, бывшаго въ кондитерской, не помнитъ. Говорилъ о предполагавшемся возстаніи, о готовности крестьянъ лишь «въ шутку», притомъ не какъ о фактѣ, а какъ слухѣ. Происхожденіе письма объяснилъ слѣдующимъ образомъ. Глассонъ неоднократно жаловался будто бы, что студенты ему не довѣряютъ, хотя онъ искренно сочувствуетъ ихъ планамъ. Поэтому для поднятія, такъ сказать, своей репутаціи просилъ дать ему какое-нибудь порученіе. «Не желая обидѣть молодого человѣка, я написалъ первое, что пришло въ голову».

Тогда уже и Жемановъ «вслѣдствіе показаній Глассона», какъ сказано въ протоколѣ слѣдственной комиссіи, нѣсколько измѣнилъ и дополнилъ свое показаніе, далеко, впрочемъ, какъ и Иваницкій, не договаривая до конца, надѣясь, вѣроятно, что все какъ-нибудь «образуется».

Послѣ этихъ допросовъ Иваницкій и Жемановъ были отправлены въ Казань.

Пока Иваницкаго и Жеманова возили въ Петербургъ, гдѣ они старались затушевать и даже скрыть «заговоръ», въ это время въ Вяткѣ кипѣло слѣдствіе, и благодаря показаніямъ Ив. Орлова, Миттермана, Ив. Красноперова и др. всѣ главные участники заговора

---

[1]) Это былъ псевдонимъ Черняка, другой его псевдонимъ былъ—Соколъ. Причины возникшаго среди студентовъ недовольства Иваницкимъ были указаны выше.

и сущность самого заговора были извѣстны. Постепенно были арестованы остальные «заговорщики»: Полиновскій, Лаврскій, Сергѣевъ, Щербаковъ, Алѣевъ (онъ жилъ въ одной комнатѣ съ Полиновскимъ и участвовалъ на одномъ изъ собраній) Карповъ (въ его квартирѣ устраивалъ «собесѣдованія» Иваницкій) и др. [1]).

А. Ершовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Изъ главныхъ заговорщиковъ, кромѣ Иваницкаго, на первыхъ порахъ былъ арестованъ только Мрочекъ. Онъ, желая предупредить Черняка, отправился въ Москву. Но Чернякъ, узнавъ о провалѣ и арестахъ, успѣлъ скрыться. За его квартирой былъ учрежденъ надзоръ, и какъ только Мрочекъ явился туда, тотчасъ же былъ арестованъ. Чернякъ, а также Кеневичъ и Станкевичъ перебрались (съ фальшивыми паспортами) въ Западный край.

Позднѣе, вслѣдствіе показаній Мрочека и Миттермана, былъ арестованъ (въ Нижнемъ) поруч. Михайловъ, которому Мрочекъ предлагалъ принять участіе въ возстаніи; хотя Михайловъ своего согласія не далъ (что утвердилъ и Мрочекъ), все же онъ былъ привлеченъ, судимъ, а затѣмъ и осужденъ «за недонесеніе».

Бургеръ, упомянутый въ вышеприведенной телеграммѣ мин. вн. дѣлъ («слѣдить, буде нужно арестовать»), избѣжалъ общей участи, хотя—судя по разсказамъ лицъ, его знавшихъ—стоялъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ радикальному студенчеству. Спасла его, во-первыхъ, одна счастливая случайность, благодаря которой онъ могъ «подготовиться», почему при обыскѣ у него ничего не было найдено. Именно: онъ былъ предупрежденъ объ обыскѣ правителемъ канцеляріи учебнаго округа... (Бургеръ былъ студенческимъ врачомъ и дѣло объ обыскѣ шло черезъ канцелярію попечителя). Этотъ фактъ сообщенъ мнѣ проф. Н. Н. Фирсовымъ, который, въ свою очередь, слышалъ его отъ своего отца,—непосредственнаго свидѣтеля. Во-вторыхъ, Бургеръ пользовался популярностью и симпатіей радикальнаго студенчества. Поэтому никто изъ привлеченныхъ къ дѣлу студентовъ (и Ив. Орловъ) не обмолвился ни однимъ словомъ о докторѣ, не бросилъ на него ни тѣни подозрѣнія, несмотря на явныя подсказыванія и даже прямыя указанія комиссіи.

Письмо Л. Г. фонъ-Тиле по поводу проекта „Уставной грамоты“ Новосильцова [1]).

Печатаемое ниже письмо добавляетъ лишній штрихъ къ характеристикѣ дѣятельности императорскаго комиссара при правительствѣ Царства Польскаго сенатора Н. Н. Новосильцова. Прусскій генералъ Людвикъ-Густавъ фонъ-Тиле, состоявшій съ 1812 г. флигель-адъютантомъ при королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ III и пользовавшійся большимъ его довѣріемъ, впослѣдствіи, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV, назначенный кабинетъ-министромъ, благодаритъ въ этомъ письмѣ, датированномъ *12 ноября 1819 г.*, неизвѣстное лицо за сообщенный ему проектъ русской конституціи, составленный Н. Н. Новосильцовымъ по порученію имп. Александра въ 1818 — 1819 г. и одобренный въ главныхъ своихъ чертахъ государемъ *въ октябрѣ 1819 г.*, во время четвертаго пребыванія его въ Варшавѣ. Разработка основныхъ началъ русской конституціонной хартіи поручена была государемъ Новосильцову въ высшей степени конфиденціально; еще *въ февралѣ 1820 г.* австрійскій посланникъ въ Петербургѣ сообщилъ своему правительству, что Александръ держитъ проектъ конституціи въ строгой тайнѣ передъ своими министрами; точно такъ же не былъ освѣдомленъ объ этихъ важныхъ планахъ в. кн. Константинъ Павловичъ, командовавшій арміей Царства Польскаго. Но то, что скрывалось передъ братомъ государя и передъ русскими министрами, было, какъ оказывается, хорошо извѣстно прусскому правительству. На основаніи данныхъ, сообщаемыхъ проф. Аскеназы въ его статьѣ «Kontrola konsulacka w Warszawie kongresowej» (B-ka Warsz., 1907, IV), есть возможность указать и источникъ этой поразительной освѣдомленности прусскаго правительства: проектъ русской конституціи былъ сообщенъ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ гр. Христіану Гюнтеру фонъ-Бернсторфу прусскимъ генеральнымъ консуломъ въ Варшавѣ Юліемъ Шмидтомъ еще *въ октябрѣ 1819 г.*, т.-е. въ то именно время, когда въ Варшавѣ происходили секретныя совѣщанія между государемъ и Новосильцовымъ по поводу измѣненія государственнаго строя Россіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что названный проектъ Шмидтъ могъ получить только отъ своего добраго друга Новосильцова, искусно соединившаго исполненіе довѣренныхъ ему русскимъ государемъ порученій съ существенными

---

[1]) Письмо сообщено редакціи *В. Д. Каргановымъ.*

услугами, оказываемыми прусскому правительству, и нерѣдко собственноручно составлявшаго къ свѣдѣнію послѣдняго тщательныя копіи секретнѣйшихъ и важнѣйшихъ, русскихъ офиціальныхъ актовъ.

И. Рябининъ.

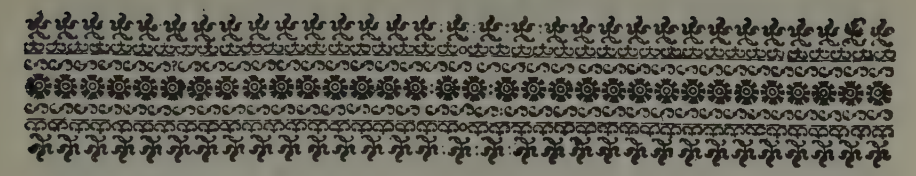
Милостивый государь!

Считаю своимъ долгомъ благодарить васъ за любезное сообщеніе о томъ, что проектъ конституціи императоромъ Александромъ составленъ. Его величество король прусскій съ большимъ вниманіемъ прочелъ этотъ важный документъ и, я думаю, дѣйствительно, что этотъ шагъ слѣдуетъ причислить къ самымъ достопримѣчательнымъ событіямъ нашего столѣтія, который, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, будетъ имѣть великія послѣдствія. Если эта конституція осуществится, то внѣшнее вліяніе ея сильнѣе всего должно отразиться на Австріи.

Благоволите, милостивый государь, вновь принять мою благодарность и выраженіе моего къ вамъ уваженія.

Фонъ-Тиле.

Берлинъ, 12 ноября 1819 г

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Ломоносовъ, Новиковъ, Радищевъ.

За послѣднее время интересъ историко-литературныхъ изученій явно и вполнѣ закономѣрно передвигается къ девятнадцатому вѣку; въ его 20, 30 и 40-хъ годахъ наша современность находитъ такъ много идей и настроеній родственныхъ и созвучныхъ: это—прошлое, которое стало уже въ историческую перспективу и, однако, еще живетъ въ насъ и генетически уясняетъ намъ настоящее. Такихъ непосредственно-интимныхъ связей съ XVIII вѣкомъ мы не чувствуемъ: онъ на нашихъ глазахъ какъ-то глубже опустился въ исторію. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что въ немъ нѣтъ для насъ глубоко волнующихъ явленій и образовъ, или что все давно ясно въ этой пестрой, полной рѣзкихъ противорѣчій эпохѣ, когда на новый «маниръ» перекраивались не только «тѣла», но и «души» россовъ. Не говоря объ отдѣльныхъ писателяхъ; остаются необслѣдованными цѣлые литературные пласты, напр., все «нижнее теченіе» русской литературы XVIII в., и даже къ такимъ крупнымъ фигурамъ, какъ «зачинатель» новой культуры Ломоносовъ и ея «завершители» къ концу вѣка—Новиковъ и Радищевъ, добавляются новыя и новыя черты. Что касается Ломоносова, то заслуживаетъ быть отмѣченнымъ нѣсколько запоздалый юбилейный отголосокъ въ *Извѣстіяхъ отдѣленія* р. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ (1912 г., кн. 3; вышла въ 1913 г.)—статья Ф. А. Витберга «М. В. Ломоносовъ и сѣверный культурный центръ». Въ разрѣзъ съ ходячей риторической антитезой далекаго отъ культурныхъ центровъ сѣвера и чудеснаго появленія тамъ геніальнаго самородка, авторъ ставитъ задачу вскрыть тѣ условія, которыя создали или, по крайней мѣрѣ, помогали возникнуть и развиться данному историческому явленію. Напрасно только авторъ статьи подчеркиваетъ свой пріоритетъ, утверждая, что такой «вопросъ даже и не возникалъ» у нашихъ изслѣдователей; ему самому, вѣроятно, хорошо извѣстна работа В. Ламанскаго, вліяніе которой замѣтно и въ постановкѣ темы, и въ подборѣ фактовъ, и, наконецъ, главномъ выводѣ. «Въ цѣлой Россіи, въ началѣ XVIII в. едва ли была какая-нибудь иная область, кромѣ Двинской земли, съ болѣе благопріятною историческою почвою и болѣе счастливыми мѣстными условіями для произведенія

такого общественнаго дѣятеля, какимъ былъ Ломоносовъ», такъ писалъ Ламанскій (М. В. Ломоносовъ, біограф. очеркъ. Спб. 83 г.), и интересъ статьи Витберга заключается въ детальномъ и фактически болѣе богатомъ развитіи этой основной мысли. Въ свѣтѣ собранныхъ Витбергомъ данныхъ, сѣверъ—Двинскій край—рисуется насыщеннымъ своеобразной культурой, въ которой не искаженный татарщиной и крѣпостничествомъ духъ народный въ сословно-однородной крестьянской средѣ проявлялся съ большей, чѣмъ гдѣ-либо, яркостью и полнотой. Сюда, въ глушь дремучихъ сѣверныхъ лѣсовъ искони направлялся мощный потокъ древне-русскаго подвижничества и отшельничества (сѣверные святые составляютъ болѣе трети всѣхъ русскихъ святыхъ, 162 изъ 439 человѣкъ), который несъ съ собой не только духовную, но и технически-изобрѣтательную матеріальную культуру), напр., самодвигатели св. Филиппа (Колычева) здѣсь же свилъ себѣ позднѣе прочное гнѣздо расколъ, сильно напрягавшій религіозную мысль сѣверянина, поражавшій его воображеніе примѣрами безтрепетной стойкости въ защитѣ *своей* вѣры отъ напора нивелирующей государственной церковности... Выростала живая общественная мысль, получавшая новыя возбужденія отъ притока неугодныхъ правительству лицъ, гонимыхъ свѣтской и духовной властью; въ этой категоріи гонимыхъ были и крупныя фигуры, производившія своей судьбой сильное впечатлѣніе, напр., Романовы, Артамонъ Матвѣевъ, любимецъ Софьи кн. В. В. Голицынъ и др., и ватаги безвѣстныхъ скомороховъ, заносившіе въ глухіе сѣверные углы величавую народную поэзію, свободные идеалы которой не уживались на московской Руси. Обильно питавшаяся національными источниками, жизнь сѣвера не была замкнута для культуры иностранной, и въ свое время Холмогоры являются единственнымъ «окномъ въ Европу», которое открывало сѣверянину широкій и свободный кругозоръ. Очень показательно, что уже въ 1703 году въ Архангельскѣ у иноземца Ивана Антонова была представлена комедія, «на которой былъ воевода и всякіе люди, какъ мужи, такъ и жены, и при которой брано по гривнѣ съ каждаго человѣка». Отъ заведенныхъ крѣпкой рукою Петра въ Москвѣ только однимъ годомъ отстали самостоятельно возникшіе публичные спектакли на далекомъ сѣверѣ, въ этой «странѣ снѣговъ и метелей, у края обитаемой земли», какъ выражалась прежняя риторика, замѣнявшая историческое изученіе явленія болѣе или менѣе искреннимъ паѳосомъ.

Отъ зачинателя перейдемъ къ «завершителямъ» новой культуры XVIII в. О Николаѣ Ивановичѣ Новиковѣ мы находимъ совершенно свѣжія данныя, болѣе того, слышимъ его собственный голосъ въ письмахъ къ Лабзину, Чеботареву и др., которыя начались печатаніемъ въ превосходномъ журналѣ „*Русскій библіофилъ*“ (1913 г., кн. 3. «Къ біографіи Новикова». Б. Л. Модзалевскаго). Напечатанныя пока письма (11 писемъ къ Лабзину и 1 къ Баженову) охватываютъ время отъ 27 февраля 1797 г. до 7 октября 1803 г. Письма эти, снабженныя предисловіемъ и необходимыми примѣчаніями такого знатока, какъ Б. Л. Модзалевскій, представляютъ выдающійся интересъ уже однимъ тѣмъ, что освѣщаютъ до сихъ поръ остававшійся въ тѣни періодъ въ жизни Новикова, когда, послѣ четырехлѣтняго Шлиссельбургскаго заключенія, потянулись для него долгіе сумерки, полные матеріальныхъ и нравственныхъ невзгодъ.

Больной, измученный вышелъ Новиковъ изъ крѣпости; временами на него, прежде неистощимо-энергичнаго, нападаетъ «нечувствительность и такое лѣнивое равнодушіе, что все равно—итить или лежать, ѣсть или нѣтъ... Затѣмъ уже всегда и слѣдуютъ тѣлесные припадки, разстройка и слабость». Безсмысленно-жестокое гоненіе оставило свой слѣдъ на его душѣ; посылая письмо Лабзину, онъ проситъ письмо это сжечь, и самъ писемъ не держитъ: «Сему въ хорошей школѣ учился». Пуганая ворона и куста боится, говоритъ Новиковъ въ извиненіе своей осторожности. Жизнь—крестный путь, по которому прошелъ «единственный величайшій Мастеръ» и тѣмъ оставилъ намъ образъ для послѣдованія Ему: «Крестъ тяжелъ, нести его горько, но да будетъ воля Господня». Съ особенной горечью говоритъ Новиковъ объ измѣнѣ друзей: «Я считаю васъ,—пишетъ онъ Лабзину—въ числѣ тѣхъ немногихъ друзей, которыхъ милосердіе Господне мнѣ еще оставило». Личная боль и обида звучитъ въ его припоминаніяхъ великихъ крестоносцевъ, которымъ въ испытаніе посылались все болѣе и болѣе тяжелые кресты: «Сначала имѣнія, послѣ дѣти, послѣ болѣзни тѣлесныя, а наконецъ, упреки и ропотъ жены и неправедные укоризны и суды друзей. Все первое выдержалъ онъ (Іовъ), а послѣднее поколебало»... Самъ Новиковъ во всѣхъ подобныхъ же испытаніяхъ, такъ щедро выпавшихъ на его долю, не теряетъ душевной доброcти, находя себѣ поддержку въ глубокой, жизненнымъ опытомъ выстраданной, религіозности: «Люди насъ оставили, но Господь Богъ по милосердію своему не оставляетъ насъ». Въ какихъ тискахъ матеріальной нужды приходилось ему быть въ эту пору, явствуетъ изъ слѣдующаго отрывка его письма къ Баженову: «Вамъ извѣстно, что я съ троими нездоровыми дѣтьми, съ невѣсткою, которая на моемъ же содержаніи, съ вѣрнымъ моимъ другомъ [1]), съ супругою покойнаго моего друга [2]) и съ кроткимъ моимъ пріятелемъ-лѣкаре́мъ [3])—всѣ должны проживать съ 150 душъ [4]), которыя только у меня и остались. А какъ послѣдніе три года урожай хлѣба былъ весьма худъ, а нынѣшній почти и совсѣмъ пропалъ, и я всѣхъ крестьянъ принужденъ третій годъ кормить покупнымъ хлѣбомъ, почему и принужденъ былъ войти въ долгъ, платя несносные проценты; а нынѣ и занять на покупку хлѣба нигдѣ не могу найтить и нахожусь въ крайности». Теперь, когда у него и копейки стали «весьма щетныя», онъ напрягаетъ и безъ того изнуренныя свои силы: занимается садоводствомъ, «изъ книгопечатателя учинился суконнымъ фабрикантомъ»; «нужда научитъ и колачи ѣсть», пишетъ онъ Лабзину. Эта нужда, однако, не убивала въ немъ ни его природной доброты и готовности помогать своимъ ближнимъ, ни любознательности, ни въ особенности интереса къ масонству: онъ читаетъ масонскія книги, вводитъ въ орденъ своихъ знакомыхъ, даетъ очень любопытный отзывъ о сочиненіяхъ Эккартсгаузена, очень не прочь и самъ *что-нибудь поработать* «по любимой нашей матеріи». Старый книголюбъ сказывается въ его желаніи получить отъ Лабзина книжку «Іероглифовъ» «на хорошей бумагѣ, чтобы всѣ ваши у меня были въ одинакомъ мундирѣ»; старый писатель невольно говоритъ иногда въ шутливомъ стилѣ своей прежней литературной манеры сатирика-

---

[1]) С. И. Гамалѣя.

[2]) Наталья Ильинична Шварцъ, вдова проф. Ивана Григорьевича Шварца.

[3]) М. И. Багрянскій.

[4]) При с. Тихвинскомъ-Авдотьинѣ, Бронниц. у.

журналиста: «На всѣ происшествія съ вами, внутри и снаружи, рецептъ одинъ: терпѣніе, покорность, постоянство, долготерпѣніе, преломленіе собственной воли и проч. и проч.; все смѣшавъ, употреблять поутру и вечеру по столовой ложкѣ». Еще болѣе стильный рецептъ элексира отъ всѣхъ истинныхъ философовъ древнихъ и новыхъ предлагаетъ онъ Лабзину въ письмѣ отъ 20 янв. 1802 г. *Ничѣмъ неугасимая человѣчность*—вотъ то свѣтлое впечатлѣніе, какое выносишь отъ чтенія драгоцѣнныхъ писемъ Н. И. Новикова. Пользуемся случаемъ отмѣтить, что въ томъ же *Р. Библіофилѣ* (1912 г., кн. 5) была помѣщена статья В. Семенникова «Раннее общество Н. И. Новикова», которая проливаетъ новый свѣтъ на книгоиздательскую дѣятельность Новикова въ его до-московскій періодъ. Въ 1773 г. было образовано въ Петербургѣ «Общество, старающееся о напечатаніи книгъ». Въ цѣль общества должно было входить не только печатаніе, но и распространеніе книгъ. По крайней мѣрѣ, такъ подсказывалъ въ журналѣ «Живописецъ» Новиковъ: «По моему мнѣнію, не довольно сего, чтобы только печатать книги, какъ то понимаю я изъ наименованія сего общества, а надобно имѣть попеченіе о продажѣ напечатанныхъ книгъ». Г. Семенниковъ доказываетъ, что общество это является предпріятіемъ Новикова, основываясь на журналахъ учрежденной при Имп. Академіи Наукъ комиссіи, въ которыхъ записаны постановленія «о напечатаніи поручику Новикову и обществу его» различныхъ книгъ. О главной роли Новикова въ этомъ обществѣ съ не оставляющей мѣста никакимъ сомнѣніямъ убѣдительностью говоритъ постановленіе о пожалованіи обществу Екатериною II второго изданія Мармонтелева «Велисарія», каковое «отдать въ собраніе, старающееся о напечатаніи книгъ подъ расписку г. поручика Новикова». Намъ думается, что идея общества могла принадлежать и Екатеринѣ, которая письмомъ въ «Живописцѣ» (Любомудрова изъ Ярославля [1]) какъ бы приглашала Новикова къ участію въ этомъ дѣлѣ. Отвѣтъ Новикова явно направленъ по высокому адресу. Новиковъ предлагаетъ, какъ это видно изъ приведенной выше цитаты, расширить задачи общества; прославляетъ Екатерину за учрежденіе ею «Собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ на россійскій языкъ», построеннаго на принципѣ оплаты свободнаго труда («науки любятъ свободу,—говоритъ Н., и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслятъ») и въ концѣ письма прибавляетъ: «Но сколь большей пользы ожидать надлежитъ отъ сихъ книгъ тогда, когда посредствомъ торговли доставляться будутъ они въ отдаленныхъ нашихъ провинціяхъ живущимъ дворянамъ и мѣщанамъ. Но о распространеніи сей торговли *не государю, но частнымъ людямъ помышлять должно*» [2]). Во всякомъ случаѣ, реализація замысла оказалась въ рукахъ Новикова, который, такимъ образомъ, впервые вступалъ на путь общественнаго книгоиздательства. Дѣятельность Новиковскаго общества, судя по малому количеству выпущенныхъ книгъ, не была успѣшной, и къ 1775 году прекратилась; но черезъ десять лѣтъ (1784 г.) Новиковъ повторилъ въ Москвѣ свой опытъ съ большей удачей и въ болѣе обширномъ размѣрѣ,—это была знаменитая въ исторіи русскаго просвѣщенія «Типографическая компанія».

---

[1]) Г. Семенниковъ довольно основательно предполагаетъ, что *Любомудровъ* изъ Ярославля могъ быть псевдонимъ Екатерины II.

[2]) Курсивъ нашъ.

Въ числѣ книгъ, изданныхъ въ 73 г. Новиковымъ, былъ извѣстный переводъ Радищевымъ сочиненія Мабли «Размышленія о греческой исторіи». Переводы Радищева были сдѣланы «подъ смотрѣніемъ» Екатерининскаго переводческаго «Собранія», откуда былъ выданъ и гонораръ переводчику; изданіе же книги было взято на себя Новиковскимъ обществомъ. Позднѣе Новиковымъ былъ изданъ (въ 1877 г.) и другой переводъ Радищева «Офицерскія упражненія» (принадлежность Радищеву этого анонимно изданнаго перевода впервые устанавливается г. Семенниковымъ). Возможно, что Радищевъ состоялъ даже членомъ издательскаго Общества, а въ связи съ фактомъ знакомства и литературныхъ сношеній Новикова и Радищева получаютъ нѣкоторую опору раньше высказывавшіяся предположенія объ участіи Радищева въ Новиковскомъ «Живописцѣ». Что касается вообще прикосновенности Радищева къ журналистикѣ, то, послѣ изслѣдованія П. Е. Щеголева («Изъ исторіи журнальной дѣятельности Радищева» въ журн. «*Минувшіе годы*», 1908 г., № 12; перепечатано въ сбор. «*Историческіе этюды*», Спб., 1913 г.), не остается сомнѣній, съ одной стороны, въ томъ, что Радищевъ не могъ участвовать въ Крыловской «Почтѣ духовъ», а съ другой—что онъ, какъ членъ сорганизовавшагося въ 80-хъ годахъ въ Петербургѣ «Общества друзей словесныхъ наукъ», былъ въ числѣ издателей затѣяннаго этимъ обществомъ журнала «Бесѣдующій гражданинъ» (1789), въ которомъ, именно въ послѣдней декабрьской книжкѣ, помѣстилъ замѣчательно смѣлую, исполненную характерно-радищевскаго гражданскаго паѳоса статью подъ названіемъ: «*Бесѣда о томъ, что есть сынъ отечества*» (статья цѣликомъ приведена у П. Е. Щеголева). Руководящее значеніе этой статьи очевидно изъ заявленія издателей, что цѣль журнала заключалась, между прочимъ, «въ показаніи, *что есть сынъ отечества* [1]) и какія его обязанности». Ко времени выхода послѣдней книжки журнала Радищевъ уже заканчивалъ печатаніемъ свое «Путешествіе»... Радищевъ, какъ извѣстно, былъ сосланъ въ Сибирь, «Общество друзей словесныхъ наукъ» разсѣялось... Однако въ 1795 году была издана въ Петербургѣ книга «Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе», опять напомнившая о томъ литературномъ обществѣ, членомъ котораго былъ Радищевъ. Составители «Землеописанія» въ оправданіе своего предпріятія ссылались на опытъ съ «Бесѣдующимъ гражданиномъ», который де показалъ, что «въ опроверженіе тѣхъ обидныхъ для россійскаго народа мнѣній, якобы оный больше влеченія имѣетъ къ чтенію поглощающихъ умъ и благонравіе растлѣвающихъ книгъ, каковы Фоблазы, Гостиные сыны, Два турка, Родственники Магометовы, Новыя Элоизы, Кандиды, Вертеры, Поизмятыя розы, Совѣстьдралы, глупыя и невкусныя площадныя сказки о Бовахъ и Ерусланахъ и симъ подобныхъ..., россійскій народъ наиглавнѣйшее имѣетъ устремленіе къ чтенію отечественнаго, а купно и другихъ народовъ землеописанія [2]) и исторіи... Посему-то съ *того же самаго времени*» предпринято сочиненіе «Всеобщаго землеописанія». Такъ устанавливается хронологическая и идейная связь новаго литературнаго предпріятія со старымъ Радищевскимъ обществомъ. Книга обратила на себя

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Дѣйствительно, по всѣмъ 12 № журнала прошли статьи С. Заваліевскаго—«Политическое описаніе Европы вообще».

вниманіе высшей власти, и было объявлено высочайшее повелѣніе о запрещеніи продажи и отобраніи ея у книгопродавцевъ. Не будемъ пересказывать довольно сложнаго дѣла, вызваннаго изданіемъ и весьма характернаго для цензуры того времени (см. «Русскій библіофилъ» 1913 г. № 1, ст. В. Семенникова «Къ исторіи цензуры въ Екатерининскую эпоху»). Намъ важнѣе отмѣтить «радищевскій» духъ книги, опредѣленно сказавшійся въ «непозволенныхъ выраженіяхъ», «противныхъ законному и самодержавному правленію и самой благопристойности», особенно въ «артикулѣ» о Франціи, гдѣ, напр., читаемъ: «Кардинала Ришелье, министра Людовика XIII, казалось, единственное стараніе состояло въ томъ, чтобы власть короля увеличить уничтоженіемъ вольности и священныхъ правъ народа. Онъ достигъ своей цѣли насиліемъ и происками. Наконецъ въ правленіе Людовика XIV, отъ низости его ласкателей, деспотизмъ взошелъ на высочайшую степень»...

Изъ другихъ новинокъ, связанныхъ съ именемъ Радищева, конечно, самаго полнаго вниманія заслуживаетъ работа Н. П. Кашина, напечатанная въ «*Чтеніяхъ Имп. Общества Исторіи и Древностей*» (1912 г.): «Новый списокъ біографіи А. Н. Радищева». Н. П. Кашинымъ обстоятельно указаны всѣ разночтенія и дополнительныя свѣдѣнія этого новаго списка біографіи, составленной младшимъ сыномъ Радищева, Павломъ Александровичемъ. Чего-нибудь существеннаго къ обрисовкѣ личности Радищева и его судьбы они не прибавляютъ. Такъ, первая «особенность» настоящей редакціи о рожденіи А. Н. Радищева въ Москвѣ повторяетъ, какъ указываетъ и Н. П. Кашинъ, данныя краткой біографіи, составленной старшимъ сыномъ Николаемъ Радищевымъ (напечатана въ «Р. Стар.» 1872 г. и въ «Русской поэзіи» Венгерова). Такія же позаимствованія изъ «краткой біографіи», изъ «Житія Ушакова», изъ записокъ Храповицкаго, изъ напечатанныхъ слѣдственныхъ документовъ и проч. часто отмѣчаетъ Н. П. Кашинъ, и въ этомъ анализѣ біографической компиляціи сына Радищева, составленной имъ въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ, — главное достоинство и интересъ работы Н. П. Кашина [1]). По этому пути критической повѣрки біографическаго очерка П. А. Радищева слѣдуетъ итти далѣе. Такъ, обильныя этнографическія данныя въ разсказѣ о жизни Радищева въ Илимскѣ или описаніе праздника, устроеннаго А. Н. Радищевымъ крестьянамъ по пріѣздѣ въ родовое село Нѣмцово, — несомнѣнныя позаимствованія изъ вторыхъ рукъ и позднѣйшаго происхожденія. Характеристика Шешковскаго, цѣликомъ приведенная Н. П. Кашинымъ, и, дѣйствительно, очень выразительная, представляетъ собою отъ начала до конца простой переводъ изъ книги Гельбига, секретаря саксонскаго посольства при Екатеринѣ II. Приведемъ примѣръ:

Гельбигъ.	П. А. Радищевъ.
Степанъ Шешковскій, человѣкъ низкій по происхожденію, образованію и нраву, былъ въ царствованіе Екатерины II ужасомъ	Низкій происхожденіемъ, воспитаніемъ и душевными качествами, Шешковскій былъ грозою двора и столицы. Ему пре-

[1]) Кстати, указанія Н. П. Кашина на неполноту текста оды «Вольность» въ изд. подъ ред. В. В. Каллаша справедливы лишь въ отношеніи I-го тома, во II томѣ (стр. 620—629) В. В. Каллашъ напечаталъ ее полностью.

двора и города. Эта государыня назначила его директоромъ тайной канцеляріи, или, вѣрнѣе сказать, великимъ инквизиторомъ Россіи; эту обязанность онъ исполнялъ съ страшною строгостью и точностью... и т. д. («Р. Стар.» 1887 г. окт. «Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в.», пер. В. А. Бильбасовъ).

поручена была Екатериною II тайная канцелярія, и этотъ великій инквизиторъ Россіи исполнялъ свою должность съ ужасной аккуратностью и суровостью...

У того же Гельбига взята характеристика самого Радищева (ср. у Н. П. Кашина, стр. 22 и Гельбигъ, «Р. Ст.», октябрь 87 г., стр. 26) и даже отдѣльныя сентенціи, въ родѣ «говорить правду сильнымъ земли, прямо или косвенно, было издревле лучшій способъ попасть въ бѣду» (Ср. Гельбигъ, стр. 25). Поправку къ біографическимъ свѣдѣніямъ Павла Радищева даетъ и г. В. П. въ небольшой статейкѣ «А. Н. Радищевъ, управляющій С.-Петербургской таможней» *(Труды Саратовской Ученой Архивной Коммисіи.* Вып. 29, 1912 г., стр. 125 — 128). «По смерти Даля,—такъ разсказываетъ П. А. Радищевъ,—Радищеву окончательно было поручено управленіе С.-Петербургской таможней. На это мѣсто было много искателей, имѣвшихъ сильную протекцію, но Екатерина всѣмъ отказала, говоря: «У меня есть человѣкъ, достойный этого мѣста», и назначила Радищева. Приведенные авторомъ статьи два документа изъ дѣлъ герольдмейстерской конторы показываютъ, что назначеніе Радищева состоялось обычнымъ порядкомъ — по представленію гр. Я. А. Брюса и опредѣленію Сената отъ 5-го апрѣля 1790 г. Третій документъ, приводимый г. В. П., не представляетъ интереса, такъ какъ повторяетъ въ сводной сенатской копіи уже извѣстные указъ и рескриптъ гр. Я. А. Брюсу о Радищевѣ и его книгѣ, данные Екатериною въ Царскомъ Селѣ 13-го іюля 1790 года.

Въ нашихъ освѣдомительныхъ замѣткахъ мы касались не только крупныхъ, но и мелкихъ соображеній и фактовъ, полагая, что по отношенію къ такимъ дѣятелямъ, какъ Новиковъ и Радищевъ, дорога каждая деталь, уясняющая ихъ личность, обстановку и то дѣло, которому они такъ самоотверженно служили.

Н. Сидоровъ.

Статьи въ майскихъ журналахъ [1]).

I. Всеобщая исторія.

С. Булгаковъ. Философія хозяйства. Рѣчь на доктор. диспутѣ *(Рус. М.).* **Радцигъ Н. И.** Общественное движеніе во Франціи 1355 — 1358 гг. *(Ж. Мин. Нар. Просв.).*

II. Исторія литературы.

Лернеръ Н. Изъ поэтическаго наслѣдія Пушкина. «Нравоучительныя четверостишія» Пушкина и Н. М. Языкова. Изъ стиховъ Пушкина объ Одессѣ *(Сѣв. Зап. № 4).* **Суперанскій М.**

[1]) Продолженіе статей не отмѣчается.

И. А. Гончаровъ и Н. И. Надеждинъ *(Совр.)*. **Кривинская, А.** Мальвида фонъ-Мейзенбугъ — другъ семьи Герцена *(Сѣв. Зап. № 4)*. Микѣшинъ и Праховъ въ перепискѣ съ А. Ѳ. Писемскимъ *(Изв. кн. маг. Вольфъ)*. **Евг. Гаршинъ.** Литературный дебютъ Вс. Гаршина *(Рус. Мысль)*. **Волжскій.** Достоевскій и Чеховъ. Параллель *(Рус. М.)*. **Овсянниковъ, А.** Крестьяне и крестьянская доля въ старой французской поэзіи *(Сѣв. Зап. № 4)*. **Францевъ, В. А.** Славянскіе элементы въ литературной дѣятельности І. И. Крашевскаго *(Рус. Фил. Вѣстн. № 2)*. **Викторовъ - Топоровъ.** Драма молодой Болгаріи (Вазовъ, Христовъ, Яворовъ и др.) *(Рус. М.)*. **Тальниковъ, Д.** Х. Н. Бячикъ — совр. еврейскій поэтъ *(Русск. Бог.)*.

III. Русская исторія.

Симсонъ, П. Ѳ. Поташное дѣло въ Московск. государствѣ на порогѣ XVIII в. *(Ж. Мин. Нар. Просв.)*. **А. Соболевскій.** Земщина и казаки при избраніи на царство Михаила Романова. Отрицая вліяніе казаковъ на земцевъ при избраніи Мих. Ѳеод. авторъ полемизируетъ по этому поводу съ проф. Платоновымъ (*Рус. Арх. № 3—4*). **В. М. Кашкаровъ.** Гр. Матіасъ Сигизмундъ Шликъ, одинъ изъ претендентовъ на руку царевн. Ирины Михайловны 1642 г. *(Ів.)*. Челобитная боярина Ѳ. И. Шереметьева о бѣглыхъ крестьянахъ *(Ів.)*. **Серебренниковъ, И. И.** Иркутская губернія въ изображеніи «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова. 1-го янв. 1701 года *(Сибир. Арх. № 4)*. **Н. Врангель.** Исторія одного дома. Дневникъ Е. В. Нелетовой 1810—1813 гг. *(Ст. Годы № 4)*. **В. Н. Трескина.** Выдержки изъ писемъ, писанныхъ въ 1812 г. изъ великой арміи Наполеона и не дошедшихъ по назначенію, какъ задержаныя чернымъ кабинетомъ Н., или почтой въ Гамбургѣ. Извлечено изъ Арх. м. вн. д. въ Парижѣ Denis Roche. *(Рус. Ст.)*. **М. Слобченко.** Министерство полиціи при Александрѣ I. По даннымъ Назимовскаго архива при Новороссійскомъ университетѣ. *(Изв. Одес. Библ. Общ. № 4)*. **Блиновъ, П. И.** Историческіе матеріалы, извлеченные изъ Сенатскаго архива. Сенаторскія ревизіи начала XIX в. *(Ж. Мин. Юст. № 2 и № 4)*. **А. Шебунинъ.** Общественные и политическіе взгляды Н. И. Тургенева въ Александровскую эпоху *(Соврем.)*. **А. Ѳ. Кони.** Къ исторіи Московскаго университета. Постановленія для студентовъ 1848 года *(Рус. Арх. № 3 — 4)*. **Т. Тумановъ.** Н. Г. Чернышевскій и кавказцы (о вліяніи Ч. на кавказскую интеллигенцію въ 60 гг.) *(Соврем.)*. **Серебрянниковъ А. М.** Къ пребыванію Н. Г. Чернышевскаго въ Вилюйскѣ *(Сибир. Архивъ)*. **Н. И. Путилинъ.** Тайное общество. Уставъ революціоннаго союза 1860 г., по бумагамъ начальника петербургской сыскной полиціи И. Д. Путилина *(Ист. В.)*. Къ исторіи «Общества любит. Росс. словесн.» Переписка М. Н. Лонгинова съ Егор. П. Ковалевскимъ (братомъ министра) въ 1861 г. по поводу слуховъ (неосновательныхъ) о неутвержденіи Погодина предсѣдателемъ О. Л. Р. Сл. *(Современ.)*. **А. Миловидовъ.** Первыя скорбныя страницы лѣтописи польскаго возстанія 1863 г. въ предѣлахъ С.-Зап. кр. Изъ дѣлъ Виленскаго военнаго округа *(Ист. Вѣстн.)*. **Н. Г. Высоцкій.** Польскій бунтъ и старообрядцы. Предписаніе Моск. оберъ-полицмейстера 8 іюня 1868 г. о предположеніи польской революц. партіи поднять возстаніе среди старообрядцевъ *(Рус. Ст.)*. Переписка Н. И. Игнатьева съ А. Н. Карцевымъ 1865 г. По поводу константинопольскихъ церковныхъ дѣлъ *(Рус. Арх.)*. Письмо Лорисъ-Меликова П. А. Валуеву 17 мар. 1879 г. по поводу ветлянской чумной эпидеміи. Интересна между прочимъ реплика о необходимости прекращенія «безобразнаго порядка дѣлъ» (по поводу покушенія на Дрентельна) и твердой правительственной программы *(Соврем.)*. **Овчинниковъ, М.** Изъ воспоминаній моей Канской ссылки *(Сиб. Арх. № 4)*. **Аптекманъ, О.** Записки семидесятника *(Соврем. Міръ № 4)*. Справка о дѣятельности Совѣта Гл. Управленія по дѣламъ печати за первую половину 1880 года *(Соврем.)*. **Вилюецъ.** М. Р. Гоцъ въ тюрьмахъ и ссылкѣ 1889 г. *(Зав.)*.

IV. Исторія искусства.

К. В. Шероцкій. Живописное убранство украинскаго дома въ прошломъ и настоящемъ. *(Искусство № 4 — 5)*. **П. С. Шереметевъ.** О русскихъ художественныхъ промыслахъ. Историческая справка *(Рус. Арх.)*. **П. Муратовъ.** Эпоха древне-русской иконописи *(Ст. Годы)*. **Н. М. Щекатовъ.** Нѣкоторыя черты стиля русскихъ иконъ XV в. *(Ів.)*.

Критика и библіографія.

М. Н. Гернетъ, «Смертная казнь», Москва, 1913, стр. 150, съ прилож. 4 карты, 16 діаграммъ и 54 рисунка, ц. 4 р.

Новая книга М. Н. Гернета даетъ нѣкоторыя историческія справки относительно вопроса о смертной казни и подробно освѣщаетъ современное состояніе этого вопроса.

Историческія справки въ общемъ рѣдки и отрывочны. Приведенное авторомъ освѣщеніе матеріала здѣсь иногда является спорнымъ и вызываетъ возраженія. Такъ, извѣстное распоряженіе относительно смертной казни, сдѣланное императрицей Елизаветой, въ совокупности съ сенатскими указами по этому вопросу, авторъ квалифицируетъ, какъ (стр. 1) «полную отмѣну смертной казни въ законодательствѣ», а между тѣмъ такая квалификація давно уже оспаривается и въ исторической и въ криминальной литературѣ, и автору, если онъ хотѣлъ защищаться, нужно было обосновать свою точку зрѣнія и посчитаться съ существующими возраженіями.

Равнымъ образомъ неточно, когда авторъ говоритъ, что смертную казнь въ это время замѣнило наказаніе кнутомъ «съ обязательнымъ *требованіемъ* производить его *жестоко*», и что это была «замаскированная смертная казнь». Отдѣльные случаи засѣченія кнутомъ, конечно, бывали и можетъ быть бывали очень нерѣдко, но здѣсь имѣло мѣсто отнюдь не какое бы то ни было спеціальное предписаніе ad hoc: сенатъ взамѣнъ казни указалъ на слѣдующее по тяжести наказаніе, извѣстное дѣйствующему въ то время кодексу, т.-е. Уложенію царя Алексѣя Михайловича, а именно ссылку съ предшествующимъ «жестокимъ» или «нещаднымъ» битьемъ кнутомъ.

Трудно, далѣе, согласиться съ утвержденіемъ М. Н., будто церковь до новѣйшаго времени лицемѣрно и косвенно поддерживала смертную казнь, но «не высказывала мнѣнія, что смертная казнь согласна съ духомъ ученія Христа». Именно это мнѣніе категорически защищали многіе канонисты, начиная еще съ среднихъ вѣковъ, ссылаясь на притчу о пшеницѣ и плевелахъ, на слова «поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ» и пр. и т. п.

Едва ли вѣрно и обобщеніе, гласящее (стр. 3), что смертная казнь, «не знавшая ранѣе враговъ, не имѣвшая противниковъ, теперь принуждена вести упорную борьбу за свое сохраненіе». Не говоря уже о второй половинѣ XVIII в., давшей рядъ блестящихъ и убѣжденныхъ противниковъ смертной казни, и предыдущіе вѣка дали отдѣльныхъ мыслителей—враговъ смертной казни, требовавшихъ ея сокращенія и даже ея полной отмѣны. Самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 14) ука-

зываетъ, что «пока церковь была гонимой въ первые вѣка христіанства, духовенство и на словахъ и на дѣлѣ было горячимъ противникомъ казней», а болѣе подробныя справки въ исторіи уголовно-политическихъ ученій указали бы автору на рядъ писателей, начиная съ древности, выступавшихъ противъ смертной казни, напримѣръ Публія Сира. Марсилія Падуанскаго, Томаса Мора и др.

Что же касается отрывочности историческаго матеріала, то она проявляется въ томъ, что, останавливаясь на отдѣльныхъ важныхъ историческихъ моментахъ, авторъ другіе не менѣе важные моменты обходитъ полнымъ молчаніемъ. Встрѣчаются также въ изложеніи прыжки черезъ цѣлые вѣка; напримѣръ (стр. 3), приводится справка изъ древнеиндійскаго права, и затѣмъ сразу авторъ переходитъ ко временамъ замѣны рабства крѣпостничествомъ и къ ордонансамъ XIV вѣка.

Мы отмѣтили эти историческіе дефекты работы, но справедливость требуетъ указанія на то, что эти дефекты мало отражаются на сущности труда М. Н., ибо центръ тяжести этого труда онъ сознательно помѣщаетъ не въ прошломъ, а во временахъ новѣйшихъ, удѣляя имъ суть своей книги; эта суть обработана такъ и даетъ такія матеріалы, что, несмотря на подавляющее количество литературы о смертной казни, книга М. Н. является новымъ и цѣннымъ вкладомъ въ упомянутую литературу. Въ первой главѣ авторъ выясняетъ отношеніе къ смертной казни различныхъ слоевъ и классовъ населенія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ основныхъ положеній автора, для котораго его предшественниками (напримѣръ, Кистяковскимъ и Принсомъ) были сдѣланы лишь бѣглые эскизы, авторъ же далъ ему серьезное и подробное обоснованіе, потративъ немало труда частью на изысканіе, частью на группировку и освѣщеніе обширныхъ матеріаловъ. Здѣсь и наказы посылаемымъ въ 1789 г. въ Парижъ депутатамъ, и пренія шведскихъ чиновъ въ 1778 г. о смертной казни при либеральномъ королѣ Густавѣ, и наказы депутатамъ знаменитой екатерининской комиссіи, и описаніе борьбы въ рейхстагѣ при введеніи общегерманскаго уголовнаго уложенія, и борьба противъ смертной казни въ Государственной Думѣ у насъ, и пр. (стр. 4—34).

Основное положеніе автора, которое мы здѣсь имѣемъ въ виду, гласитъ, про истинно демократическіе элементы населенія, особенно же сознательны представители трудящихся классовъ заявили себя въ массѣ гораздо болѣе твердыми, энергичными и послѣдовательными противниками смертной казни, чѣмъ дворянство, особенно аристократія и духовенство, среди которыхъ, наоборотъ, часто встрѣчаются сторонники смертной казни.

Матеріалы, использованные здѣсь авторомъ, весьма интересны и любопытные особенно же относительно роли духовенства въ новое время и о его выступленіяхъ по вопросу о смертной казни въ законодательныхъ учрежденіяхъ и въ печати; разработкой и освѣщеніемъ классовой и экономической подкладки въ дѣлѣ борьбы за и противъ смертной казни авторъ, безспорно, заполняетъ ранѣе существовавшій пробѣлъ и вноситъ свою солидную лепту.

Но, вѣрность обобщенія не уничтожаетъ исключеній. И дѣйствительно, рядъ наиболѣе просвѣщенныхъ представителей французскаго дворянства конца XVIII в., дворяне-декабристы у насъ, отдѣльные пастыри какъ западныхъ церквей, такъ и нашей церкви,—рѣшительно выступали противъ смертной казни, переходя съ классовой почвы на общечеловѣческую и этимъ заслуживая глубокаго и признательна-

наго вниманія. О многихъ изъ нихъ авторъ упоминаетъ, но здѣсь его указанія могли бы быть и нѣсколько расширены.

Одинъ лишь пробѣлъ въ этомъ прекрасно написанномъ отдѣлѣ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы пополнить: мы считали бы важнымъ указаніе на то безспорно случайное и преходящее явленіе, которымъ ознаменовались наши дни, а именно замѣтное возрожденіе и ростъ среди имущихъ и привилегированныхъ классовъ защиты смертной казни, защиты, захватившей немало представителей науки, публицистики и даже болѣе достаточныхъ народныхъ слоевъ.

Тутъ сыграли роль и неправильно понятый дарвинизмъ, и ученіе о прирожденномъ преступникѣ, и страхъ передъ активнымъ выступленіемъ трудящихся массъ, и обострившаяся борьба за существованіе, и многое другое.

Уже налицо первые признаки, что это движеніе начинаетъ итти на убыль, но оно характерно для послѣднихъ лѣтъ XIX в. и первыхъ XX, и эту печальную особенность подчеркнуть необходимо.

Обращаясь къ 2 и 3 главамъ разбираемаго труда, нужно признать ихъ цѣнность какъ уголовно-политическую, такъ и догматическую. Во 2-й гл. авторъ, обстоятельно, пользуясь новѣйшими данными, обрисовываетъ положеніе смертной казни въ современныхъ законодательствахъ, дѣлаетъ правильные и поучительные выводы и прилагаетъ карты, наглядно рисующія дѣйствительность (стр. 34—72).

Здѣсь особенно интересно указаніе автора на то, что большинство государствъ находится приблизительно на одинаковомъ уровнѣ культурнаго развитія; карательныя ихъ системы также сходны между собою, а потому «казалось бы, что угроза самою репрессивною мѣрою—лишеніемъ преступника жизни—должна бы встрѣчаться въ этихъ кодексахъ болѣе или менѣе въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ. Однако мы наблюдаемъ совершенно противоположное явленіе: различны не только *кругъ преступленій*, совершеніе которыхъ запрещено подъ страхомъ наказанія смертью, но также *процессуальныя гарантіи* при постановкѣ смертныхъ приговоровъ, *кругъ лицъ*, освобожденныхъ отъ наказанія смертью, и порядокъ приведенія этихъ приговоровъ въ исполненіе» (стр. 69).

Трудно не согласиться съ авторомъ, что такимъ образомъ мы видимъ столько различныхъ справедливостей, сколько имѣемъ различныхъ уложеній, и въ результатѣ этимъ подрывается и защита смертной казни ссылкой на ея полезность. И дѣйствительно, почему признавать полезнымъ для государственнаго порядка и общества лишеніе жизни 18-тилѣтняго въ однихъ государствахъ, а въ другихъ лишь того, кто достигъ 21 года? Въ чемъ заключается польза отъ казни мужчинъ и вредъ отъ казни женщинъ? На эти и подобные вопросы нѣтъ отвѣта и нельзя не сказать вмѣстѣ съ авторомъ, что передъ нами легальный произволъ въ отношеніи къ такому невознаградимому благу, какъ человѣческая жизнь.

Въ третьей главѣ своего труда авторъ обращается къ статистикѣ и приводитъ вплоть до самыхъ послѣднихъ лѣтъ цифры приговоренныхъ и цифры казненныхъ. Неопровержимый выводъ изъ этихъ данныхъ гласитъ, что процессъ вымиранія смертной казни, отмѣченный нѣкоторыми изъ предшественниковъ автора, съ несомнѣнностью продолжается и въ новѣйшее время во всѣхъ государствахъ, къ сожалѣнію, за исключеніемъ нашего отечества (стр. 72 и сл.).

Авторъ даетъ здѣсь графическія и цифровыя таблицы относительно Франціи, Бельгіи, Германіи, Швеціи, Англіи, Норвегіи, Даніи, Австріи,

Венгріи, Испаніи, Болгаріи, Греціи, Сербіи, сѣверной Америки, Индіи, Японіи и др.

Относительно нашего отечества авторъ справедливо подчеркиваетъ трудность дать точныя цифры, ибо частные подсчеты, завися отъ случайныхъ источниковъ и проникающихъ въ печать порою противорѣчивыхъ данныхъ, отличаются большимъ разнообразіемъ, а официальная статистика и печатаемые правительствомъ отчеты почти не даютъ необходимыхъ свѣдѣній. Автору пришлось продѣлать большой и кропотливый трудъ, чтобы собрать и суммировать *весь* доступный частному изслѣдователю матеріалъ.

Ужасающая получается картина послѣднихъ лѣтъ и особенно 1908 года. Авторъ даетъ сравнительную таблицу, изъ которой видно, что въ этомъ году въ нашемъ отечествѣ было больше казней, чѣмъ въ другихъ государствахъ и колоніяхъ, *вмѣстѣ взятыхъ*, а вообще число казней въ Россіи въ пореволюціонные годы во много разъ превышаетъ число казней во всѣхъ совокупно европейскихъ государствахъ...

Глава четвертая (стр. 102 и сл.) трактуетъ о различныхъ способахъ казни. Здѣсь авторъ, давъ много снимковъ изображеній старыхъ и новыхъ способовъ казни, убѣдительно доказываетъ, что всѣ утвержденія относительно простоты, гуманности и безболѣзненности современныхъ «быстрыхъ» способовъ казни отнюдь не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и, можно прибавить, притупляютъ чуткость общественной совѣсти. Здѣсь данныя о повѣшеніи, гарротированіи и новѣйшей электрокуціи способны внушить не меньшій ужасъ, чѣмъ научные опыты съ отрубленными головами, которые доказываютъ, что въ этихъ головахъ нѣкоторое время *сохраняется жизнь* и этимъ уясняютъ истинный характеръ «гуманной» казни посредствомъ отсѣченія головы гильотиной или рукой палача (стр. 125 — 127).

Эти сильныя и незабываемыя страницы важны и сами по себѣ и потому, что они могутъ поколебать людей, стоящихъ за смертную казнь лишь вслѣдствіе непривычки углубляться и довѣрія къ гуманности ея современныхъ способовъ.

Въ послѣдней главѣ дается общая оцѣнка смертной казни. Правда, вопросъ старъ и много на пространствѣ вѣковъ приводилось аргументовъ за и противъ. Авторъ, видимо, не хотѣлъ вводить повтореній, но книгу его прочтутъ и не спеціалисты, а потому желательно было бы видѣть въ этомъ отдѣлѣ болѣе полное и систематичное изложеніе. Въ частности едва ли вѣрно утвержденіе автора, что споры о сохраненіи или отмѣнѣ смертной казни почти исключительно ведутся теперь въ связи съ данными о томъ, оказываетъ ли смертная казнь вліяніе на уменьшеніе преступленій и не приводитъ ли ея отмѣна къ ихъ росту. Если бы было такъ, то новѣйшія данныя, собранныя авторомъ и другими изслѣдователями, навсегда покончили бы этотъ споръ. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности защитники казней до сихъ поръ упорно отстаиваютъ весьма разнообразныя позиціи, научная цѣнность которыхъ давно подорвана; здѣсь дѣйствуетъ огромная живучесть вѣковыхъ предразсудковъ и предубѣжденій, для борьбы съ которыми приходится повторять старыя истины и подчеркивать усиленно этическую сторону вопроса, для которой авторъ далъ много важныхъ и свѣжихъ иллюстрацій.

Въ общемъ мы можемъ пожелать новому труду М. И. Гернета широкаго распространенія и успѣха, котораго этотъ трудъ вполнѣ заслуживаетъ.

М. П. Чубинскій.

Э. Нисъ, «Основныя черты современнаго масонства». Перев. съ франц. К-во «Прометей», СПБ., стр. 139, ц. 1 р.

Рядъ статей, посвященныхъ извѣстнымъ юристомъ Э. Нисомъ въ журналѣ «Revue du droit international et de la legislation Comparée» за 1907—08 гг. исторіи масонства и его соотношенію къ современному праву, вышелъ нѣсколько позже отдѣльнымъ изданіемъ. Въ прошломъ году она появилась подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ на русскомъ языкѣ. Авторъ, убѣжденный масонъ, написалъ ее для вящшаго прославленія масонства: нерѣдко панегирикъ и апологія заставляютъ его сходить съ пути серьезнаго анализа.

Въ краткомъ введеніи онъ старается уяснить сперва крупную роль тайныхъ обществъ въ борьбѣ противъ основныхъ устоевъ стараго порядка, опредѣляя главные идеалы франкмасонства «братство, свобода, равенство, справедливость и благотворительность». Слѣдующія главы крайне отрывочно и конспективно знакомятъ насъ съ эволюціей масонства. Въ 1-ой главѣ изслѣдуется вопросъ о происхожденіи масонства при свѣтѣ легенды и фактическихъ данныхъ, прослѣживаются судьбы англійскаго масонства ab origine до конца XVII вѣка. Вторая глава знакомитъ съ тайными обществами философскаго, научнаго и литературнаго характера. Здѣсь авторъ, возвращаясь къ первымъ страницамъ работы, даетъ краткій очеркъ итальянскихъ академій XV и XVI вв. литературныхъ кружковъ XVII в. въ Германіи, обществъ XVII в. въ Англіи. Въ связи съ развитіемъ естественно-научной мысли, отдѣльнымъ эпизодомъ входитъ сюда характеристика розенкрейцерства. Глава 3-я посвящена распространенію масонства въ Европѣ и преимущественно во Франціи. Лишь вскользь упоминается о недостаткахъ масонскихъ ложъ въ срединѣ XVIII вѣка. вытекавшихъ, будто бы, изъ чрезмѣрной децентрализаціи, и подчеркивается мирный характеръ военныхъ ложъ.

4-ая глава крайне суммарно характеризуетъ противниковъ масонства: папство, его буллы, литературную полемику враговъ масонства. Пятая глава неожиданно, на основаніи новоявленной книги Гобле Д'Альвіелла, вводитъ читателя въ масонскую іерархію, бѣгло касается разложенія масонства въ XVIII вѣкѣ, виной чего считается любовь къ чудесному и шарлатанству. Въ шестой главѣ авторъ наскоро характеризуетъ иллюминатовъ, особенно интересное развѣтвленіе масонства по своимъ соціальнымъ и политическимъ стремленіямъ. Седьмая глава — объ адептахъ франкмасонства — представляетъ своеобразную статистику, исчисляя участіе въ ложахъ высокихъ особъ и выдающихся государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей. Въ связи съ этимъ восьмая глава указываетъ, какъ сильно было вліяніе франкмасонства на общественное мнѣніе, насколько оно опредѣлило реформы въ Тосканѣ и Австріи XVIII вѣка. Но особенно выступаетъ реформаторская роль масонства во французской революціи (IX глава).

Наконецъ X глава, опредѣляющая отношеніе масонства къ современному обществу — сплошное славословіе пасифизму масонства, его служенію идеямъ умственнаго, политическаго и соціальнаго развитія. Подводимъ итогъ: книга Ниса — крайне отрывочная и суммарная апологія франкмасонства. Нѣтъ ни выдержаннаго анализа ни стройной мало-мальски схемы. Раціоналистическія идеи отождествляются съ франкмасонскими и мѣшаютъ автору разобраться въ общей эволюціи тайныхъ обществъ; при наклонности автора къ панегиризму, одно упоминаніе современниковъ о принадлежности къ масонству извѣстнаго дѣятеля регистрируется какъ историческій фактъ. Недостатки и дефекты масонства обходятся или объясняются формаль-

пыми причинами или внѣшними условіями. Эволюція внутренняя прослѣжена небрежно.

Правда, нельзя отказать автору въ большой эрудиціи, особенно на основаніи французскаго подлинника, гдѣ приведена и вся обширная использованная литература. Но непривычка къ строгому соціальному анализу сказывается рѣзко и мѣшаетъ различить условія, благопріятствовавшія развитію масонства и опредѣлившія его разложеніе. Авторъ, подчеркивая расцвѣтъ масонства наканунѣ великой французской революціи и констатируя его упадокъ во время самыхъ революціонныхъ годовъ, мало задумывается и надъ любопытнымъ фактомъ офиціальнаго покровительства масонству при первой имперіи. Вся работа тайныхъ обществъ первой половины XIX вѣка среди народныхъ массъ обойдена молчаніемъ и взамѣнъ того выдвинуты офиціально народныя выступленія однихъ франкмасоновъ въ 1830 и 1848 гг. Не буду говорить уже о томъ, что исторіи масонства въ Россіи удѣлена чуть ли не одна страничка. Книжка принесетъ ту пользу читателю, что вызоветъ пожеланіе, чтобы на русскомъ языкѣ появилась обстоятельная монографія объ этомъ предметѣ.

А. Васютинскій.

Альберъ Вандаль, «Наполеонъ и Александръ», т. III.

Съ появленіемъ третьяго тома русскаго перевода мы имѣемъ все сочиненіе недавно умершаго французскаго академика. Оно, какъ извѣстно, посвящено исторіи франко-русскаго союза, родившагося въ Тильзитѣ и распавшагося въ 1812 г.

Какъ сводка дипломатическихъ и чисто-политическихъ фактовъ, характеризующихъ отношенія между Франціей и Россіей, какъ общая картина эволюціи международныхъ отношеній въ Европѣ за это время, какъ блестящее литературное произведеніе книга Вандаля сохранитъ значеніе до сихъ поръ, хотя она появилась безъ малаго двадцать лѣтъ назадъ. Но ее приходиться признать устарѣвшей по матеріалу и по основнымъ точкамъ зрѣнія.

VII томъ L'Europe et la Révolution Сореля, появившійся значительно позднѣе и стоящій въ научномъ отношеніи гораздо выше книги Вандаля, сдѣлалъ то, что теперь у Вандаля будутъ только наводить детальныя справки или Вандаля будутъ читать какъ интересно написанную книгу. Но и помимо Сореля, многое содѣйствовало умаленію значенія Вандаля. За двадцать лѣтъ появилось огромное множество документовъ, среди нихъ крайне важныя письма Александра къ в. к. Екатеринѣ Павловнѣ, освѣщающія поведеніе русскаго императора въ Тильзитѣ совсѣмъ по другому, чѣмъ это сдѣлано у Вандаля. Вообще, русскіе архивы только что начинаютъ по настоящему открывать свои сокровища, и безъ работъ в. к. Николая Михайловича въ настоящее время немыслимо писать изслѣдованія объ эпохѣ Наполеона и Александра. Да и другіе русскіе историки сдѣлали немало для улучшенія нашего знакомства съ этой эпохой: послѣ работъ К. А. Военскаго и особенно послѣ «Континентальной блокады» Е. В. Тарле, только что вышедшей въ свѣтъ, разсужденія Вандаля (а частью и Сореля) о событіяхъ 1808—1812 года кажутся порою совсѣмъ наивными. Экономическая подкладка неразрѣшимаго международнаго конфликта остается совсѣмъ въ тѣни и все дѣло сводится къ капризамъ государей. Какіе могущественные соціальные интересы были поставлены на карту во Франціи, въ Англіи

и въ Россіи — этого у Вандаля мы не узнаемъ совсѣмъ, а у Сореля узнаемъ очень мало..

Недавно появившійся въ переводѣ третій томъ Вандаля изображаетъ тягостныя перепитіи разрыва между Александромъ и Наполеономъ. Кончается онъ великолѣпной главой, которой чрезвычайно ярко и картинно, по мемуарамъ, частью неизданнымъ, рисуетъ вторженіе великой арміи въ Россію: переходъ черезъ Нѣманъ, занятіе Вильны, бесѣду съ Балашовымъ.

Авторъ покидаетъ читателя на порогѣ настоящей войны.

А. Дживелеговъ.

В. Богучарскій, «Активное народничество семидесятыхъ годовъ», Москва, 1912., изд. Сабашниковыхъ, ц. 2 р.

В. Я. Богучарскій извѣстенъ читающей публикѣ по цѣлому ряду обстоятельныхъ очерковъ по исторіи русскихъ политическихъ движеній прошлаго столѣтія. На него справедливо привыкли смотрѣть какъ на писателя передовой мысли, хорошо освѣдомленнаго въ этихъ вопросахъ. Естественно, поэтому, что появленіе этого его послѣдняго труда было встрѣчено съ живымъ интересомъ, чему способствовала и самая задача, поставленная себѣ авторомъ: прослѣдить въ историческомъ очеркѣ, гдѣ лежали «идейные корни и источники настроеній активныхъ народниковъ 1869 — 1879 гг.» Фактическому изложенію событій эпохи, «хожденія въ народъ», предпосылается спеціальная теоретическая глава—«Источники идей и настроеній активнаго народничества», въ которой и лежитъ теоретическій гвоздь всей книги. Что касается до фактической части труда, то она составляетъ, несомнѣнно, очень цѣнную, если и не исчерпывающую, и высоко интересную сводку уже появившихся въ печати матеріаловъ по этому вопросу: авторомъ использованы всѣ болѣе или менѣе извѣстные мемуары, записки, монографіи, доступные изслѣдованію оффиціальные документы, разбросанныя по разнымъ повременнымъ изданіямъ статьи и даже нѣкоторыя данныя частной переписки, среди послѣднихъ есть и совсѣмъ новыя, непоявлявшіяся еще нигдѣ, какъ, напр., письмо С. М. Кравчинскаго къ П. Л. Лаврову 1876 г., стоящее въ связи съ уходомъ П. Л. изъ редакціи жур. «Впередъ». Эту часть книги можно только привѣтствовать какъ очень полезную и тщательно выполненную работу.

Есть въ ней, правда, и недочеты. Такъ, можно только пожалѣть, что до сихъ поръ не видитъ свѣта «Программа кружка чайковцевъ», написанная въ свое время П. А. Кропоткинымъ и принятая кружкомъ, хотя и не безъ измѣненій. Единственный экземпляръ этого историческаго документа до сихъ поръ гніетъ въ архивахъ III-го отдѣленія, а между тѣмъ онъ могъ бы пролить много свѣта на все еще не вполнѣ ясные программные вопросы того времени. Можно указать на повтореніе авторомъ нѣкоторыхъ ошибокъ цитируемыхъ авторомъ источниковъ, какъ, напр., утвержденіе П. А. Кропоткина въ его «Запискахъ революціонера», что кружокъ «чайковцевъ» возникъ изъ женскаго кружка сестеръ Корниловыхъ. Фактически это невѣрно: одновременно съ женскимъ кружкомъ возникъ кружокъ М. А. Натансона и В. Александрова, библіотекарей студенческой библіотеки въ Военно-Медицинской Академіи, въ самомъ началѣ 1869 г., непосредственно вслѣдъ за студенческими волненіями того года. Съ женскимъ кружкомъ этотъ кружокъ сблизился благодаря близкому знакомству М. А. Натансона съ Ольгой

Шлейснеръ, членомъ женскаго кружка. Къ нему принадлежали, кромѣ указанныхъ лицъ, мед. студ. Анатолій Сердюковъ, технологъ Николай Лопатинъ и студ. универ. Ник. Чайковскій; временно въ него входилъ и Дав. Мар. Герценштейнъ. Какъ видно изъ состава, этотъ кружокъ имѣлъ въ виду объединить представителей всѣхъ игравшихъ тогда роль высшихъ учеб. заведеній Петербурга, съ цѣлью придать студенческимъ волненіямъ болѣе планомѣрное и здоровое направленіе, чѣмъ получило предшествовавшее подъ вліяніемъ Нечаева. Къ концу 1869 г. оба кружка — Натансоновскій и женскій — слились въ одинъ, который и получилъ позднѣе названіе «чайковцевъ».

Такихъ мелкихъ недочетовъ, вѣроятно, найдется нѣсколько и въ дальнѣйшемъ изложеніи событій. Но въ общемъ эта часть книги составлена со свойственной автору эрудиціей и тщательностью спеціалиста.

Но совсѣмъ не то приходится сказать о теоретической II-й главѣ книги. Главная мысль автора, что идейные корни и источники настроенія народниковъ 70-хъ годовъ лежали въ славянофильствѣ и, въ частности, во-1-хъ, въ вѣрѣ славянофиловъ въ *особый*, *отличный отъ Запад. Европы*, *путь развитія Россіи* и, во 2-хъ, въ признаніи *общины* основаніемъ всего русскаго порядка и залогомъ этого особаго пути,— является совершенно необоснованнымъ парадоксомъ и составляетъ въ лучшемъ случаѣ историческое недоразумѣніе. Отрывочныя фразы изъ писемъ Чаадаева сопоставляются съ выраженіями прокламаціи М. Ил. Михайлова «Къ молодому поколѣнію»; такіе же отрывки изъ писаній славянофиловъ — Самарина, Аксаковыхъ, Хомякова — съ отдѣльными выраженіями Н. Г. Чернышевскаго, Н. А. Добролюбова и Н. К. Михайловскаго, безъ всякаго внутренняго анализа тѣхъ конкретныхъ понятій и объ «общинѣ», и объ «особомъ пути», которыя вкладывались тѣми и другими въ эти отрывочныя выраженія. Вліяніе критической эпохи «великихъ реформъ» и связанной съ нею разработкой конкретныхъ вопросовъ жизни на идеи и настроенія послѣдующихъ поколѣній совершенно не учтено авторомъ при сопоставленіи идей отцовъ 40-хъ и дѣтей 70-хъ годовъ, какъ пропастью, отдѣленныхъ этой эпохой другъ отъ друга. Отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній: романтическое представленіе славянофиловъ объ общинѣ, какъ о *проявленіи высшей свободы этической личности въ ея христіанскомъ самоотреченіи*, приравнивается совершенно реалистическому понятію Чернышевскаго объ той же общинѣ, какъ объ *соціально-экономическомъ факторѣ русской жизни*, цѣнность котораго измѣряется, главнымъ образомъ, его способностью предохранить русскій народъ въ будущемъ отъ пролетаризаціи трудящихся массъ и увлеченія фритредерствомъ. Учетъ національныхъ особенностей русской дѣйствительности при проведеніи въ жизнь назрѣвающихъ на всемъ свѣтѣ соціальныхъ перестроекъ уподобляется «особому пути» Чаадаева и славянофиловъ, обоснованному, главнымъ образомъ, вѣрой *въ соборность* общиннаго уклада. Пользуясь такимъ методомъ, пришлось бы вѣдь выводить идейные корни современной химіи, занятой разложеніемъ матеріи и превращеніемъ элементовъ, изъ средневѣковой алхиміи, а современной астрономіи — изъ апокалипсической астрологіи. Связь, конечно, есть, ибо тѣ и другіе оперируютъ надъ одними и тѣми же явленіями природы и жизни, но ни въ методахъ изслѣдованія ни въ общей концепціи природы нѣтъ ровно ничего общаго. Въ исторіи подобное неточное отношеніе къ совпадающимъ, но отдѣленнымъ другъ отъ друга цѣлыми поколѣніями, моментамъ эволюціонныхъ цикловъ понятій и событій — особенно опасно и для научнаго изслѣдованія

совершено недоступно. Оно свидѣтельствуетъ, на нашъ взглядъ, либо объ поверхностной мысли, либо о предвзятости изслѣдователя, низводящей весь его трудъ на уровень партійной полемики.

Наконецъ эта парадоксальная мысль о сближеніи народничества со славянофильствомъ далеко не нова: она уже въ нѣсколько лѣтъ тому назадъ была вполнѣ использована нашими соціалъ-демократами «Искровскаго» толка. Г. Плехановъ выпустилъ тогда за границей брошюру — «Русскіе нигилисты и анархисты» (цитирую на память), въ которой всѣ народники окрещены въ бакунисты, а самъ Бакунинъ причисленъ къ славянофиламъ. Эта брошюра была переведена соц.-демократами на всѣ языки и сыграла роль высокаго барьера, который намъ, русскимъ соціалистамъ народническаго типа, приходилось брать въ теченіе долгаго времени и съ большими трудами съ боя. — насъ отказывались признавать соціалистами, пока событія не выяснили истинную природу вещей.

Невольно напрашивается вопросъ, если уже итти въ древность, почему автору пришло въ голову искать идейныхъ корней народничества въ эпохѣ мистицизма и упадка революціонной энергіи, а не раньше, напр., въ «Русской Правдѣ» Пестеля? Вѣдь тамъ также придается общинѣ огромное значеніе, какъ и крестьянскому земледѣлію, но идеалъ ищется не въ патріархальномъ прошломъ русскаго народа, а въ будущемъ при свѣтѣ западной науки и опыта? Пестеля можно хронологически считать первымъ рускимъ соц.-революціонеромъ, который и заплатилъ за это своей жизнью, между тѣмъ какъ славянофилы, позже его жившіе, проявили свою искренность лишь тѣмъ, что рядились въ поддевки и косоворотки. Или другой вопросъ, почему авторъ для характеристики политическаго облика народничества 70-хъ годовъ ограничивается лишь ссылкой на его анархизмъ и проходитъ молчаніемъ вліяніе на него такихъ капитальныхъ работъ, какъ «Сѣверно-русскія народоправства» Н. И. Костомарова, или цѣлый рядъ политическихъ статей Чернышевскаго, «Сущность Конституціи» Лассаля, сыгравшихъ, несомнѣнно, громадную роль? Стоитъ припомнить, напр., до извѣстной степени историческое собраніе конституціоналистовъ и народниковъ въ СПБ. подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева въ 1872—3 г., на которомъ Шевичъ читалъ рефератъ по поводу «Сущности конституціи» Лассаля. Насколько могу припомнить, большинство оказалось за революціонный путь борьбы, а не политической реформы, на томъ основаніи, что конституціонная «партія» того времени не была и не имѣла шансовъ въ скоромъ времени сдѣлаться реальной силой, а потому въ лучшемъ случаѣ могла добиться «бумажной конституціи», которая народнымъ массамъ ни въ смыслѣ прямого блага ни въ смыслѣ пробужденія въ немъ самодѣятельности дать ничего не могла, а повела бы лишь къ организаціи господствующихъ классовъ. Поэтому народники и считали для себя цѣлесообразнымъ и обязательнымъ апеллировать непосредственно къ этимъ массамъ русскаго народа и искать въ его средѣ такихъ элементовъ, которые помогли бы сорганизоваться истинно народной партіи, опирающейся на народные интересы. Поэтому-то и всѣ революціонные и соціалистическіе лозунги того времени считались лишь средствомъ, цѣлью же было образованіе такой реальной силы въ самомъ народѣ, на которую могла бы опираться въ будущемъ борьба за реальное освобожденіе русскаго народа.

Таковы были планы и цѣли большинства народниковъ начала 70-хъ годовъ, которыхъ П. А. Кропоткинъ считалъ «конституціоналистами» а Дебагорій-Мокріевичъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», не безъ причины

такъ часто цитируемыхъ В. Богучарскимъ, нашелъ нужнымъ замолчать. Эти цѣли обращенія непосредственно къ народу формулировались тогда разно: иногда — «создать кадры будущей революціи», иногда—«создать народную интеллигенцію», а иногда — «вызвать къ жизни творческія силы народа», но внутренній смыслъ ихъ былъ этотъ. Короче говоря, большинство активныхъ народниковъ того времени, за исключеніемъ нѣсколькихъ, по преимуществу южныхъ кружковъ, по своимъ политическимъ стремленіямъ, правда, довольно неяснымъ, были демократами - республиканцами, что и отразилось уже совершенно ясно на программахъ послѣдующихъ политическихъ группировокъ «народовольчества», «народоправства» и «эсэрства»: анархизма въ нихъ не было и слѣда, хотя враги ихъ и продолжали «читать его въ сердцахъ».

И вотъ теперь-то, при наличности пробужденія самодѣятельности въ народныхъ массахъ къ колоссальному экономическому строительству своихъ реальныхъ интересовъ, въ которомъ для всѣхъ зрящихъ съ очевидностью выступаетъ громадное значеніе именно общинныхъ навыковъ и общественнаго духа въ русскомъ народѣ, часто повторяющійся въ книгѣ Богучарскаго припѣвъ: «И все это разлетѣлось, какъ дымъ!»— «и отъ всего этого ничего не осталось!» звучитъ какимъ-то анахронизмомъ и отсталостью. Онъ свидѣтельствуетъ лишь объ одномъ, — какъ не слѣдуетъ писать исторію, по однимъ писаннымъ и печатнымъ даннымъ, безъ провѣрки вытекающихъ изъ этихъ данныхъ логическихъ построеній живыми памятниками и событіями жизни. А если бы это было сдѣлано, тотъ же В. Я. Богучарскій увидѣлъ бы, можетъ-быть, что народничество 70-хъ годовъ въ своемъ прогнозѣ дѣйствительности было совсѣмъ не такъ далеко отъ истины, хотя и говорило подчасъ языкомъ утопистовъ. Иначе оно и быть не могло. Не мы первые, не мы и послѣдніе!

Н. В. Чайковскій.

Ю. В. Готье, «Исторія Областного управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II», томъ I. «Реформа 1727 г. Областное дѣленіе и областныя учрежденія 1727 — 1775 гг.», М., 1913 г., 247 стр., ц. 3 р.

Избранная авторомъ тема давно уже являлась очередной для историковъ - спеціалистовъ той московской школы, главой которой былъ покойный В. О. Ключевскій. Областное управленіе Московской Руси XVI и XVII столѣтія въ своей юридической и, отчасти, бытовой конструкціи было всесторонне освѣщено много лѣтъ тому назадъ въ классическихъ изслѣдованіяхъ историковъ-юристовъ Чичерина и Градовскаго. Реформы мѣстнаго управленія при Петрѣ Великомъ были всесторонне обрисованы и юристами и историками. На первый планъ, конечно, среди этихъ изслѣдователей должны быть поставлены П. Н. Милюковъ и М. М. Богословскій. Наконецъ перу того же проф. Богословскаго принадлежитъ двухтомное изслѣдованіе о земскомъ самоуправленіи на московскомъ сѣверѣ XVII вѣка. Что касается губернской реформы Екатерины II, то она ждетъ еще своего изслѣдователя, хотя кое-что уже сдѣлано для выясненія генезиса самаго законодательнаго акта 1775 г. и характеристики первыхъ шаговъ Екатерининскихъ областныхъ учрежденій. Но провинціальный административный строй за 50-тилѣтній періодъ времени между 1727 — 1775 годами въ научномъ отношеніи былъ своего рода tabula rasa, чистымъ, незаполненнымъ листомъ бумаги. Его блѣдные абрисы были лишь слегка намѣчены, составленными, на осно-

ваніи полнаго собранія законовъ, большой работой покойнаго историка-юриста Дмитріева: о судебныхъ инстанціяхъ, и двумя довольно-конспективнаго характера изслѣдованіями Андреевскаго и Романовича-Словатинскаго. Чтобы вскрыть во всѣхъ подробностяхъ сложный механизмъ областного управленія середины XVIII вѣка, когда наслѣдство Петра Великаго очутилось въ рукахъ временщиковъ, правившихъ Россіей въ этотъ періодъ дворцовыхъ переворотовъ и женскихъ царствованій, надо было обратиться къ безбрежному и бездонному морю сырыхъ архивныхъ матеріаловъ и съ ихъ помощью постараться проникнуть подъ своды губернаторскихъ и воеводскихъ концелярій. Положивъ много труда на изученіе этого канцелярскаго дѣлопроизводства, а также тѣхъ данныхъ, которыя сосредоточивались въ рукахъ высшихъ правительственныхъ учрежденій имперіи надзиравшихъ надъ органами областной администраціи, Ю. В. Готье выпустилъ первый томъ своего объемистаго изслѣдованія. Въ немъ онъ вскрываетъ передъ читателемъ анатомію и физіологію тѣхъ учрежденій, которыя возникли въ русской провинціи на развалинахъ административнаго строя, созданнаго Петромъ I и разрушеннаго почти тотчасъ, послѣ его кончины, отчасти и самою жизнью, отчасти контръ-реформами его ближайшихъ преемниковъ. Эти учрежденія просуществовали вплоть до реформы Екатерины II, подвергнувшись лишь сравнительно небольшимъ видоизмѣненіямъ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка, когда императрица Екатерина II начала осуществлять свою, такъ называемую, «малую губернскую реформу». Этимъ моментомъ г. Готье и заканчиваетъ свое изслѣдованіе. Подробно описывая всѣ изгибы и извилины тогдашняго административнаго лабиринта, авторъ все время не упускаетъ изъ виду и той житейской среды, которая не рѣдко ломала и калѣчила теоретическія нормы, устанавливаемыя законодательными актами. Административно-бытовой укладъ провинціальной жизни той эпохи все время является какъ бы фономъ для научныхъ построеній автора. Подъ его перомъ выступаютъ и губернаторы, и воеводы, и болѣе мелкіе представители областной администраціи въ родѣ какихъ-нибудь земскихъ комиссаровъ и офицеровъ для сбора подушной подати, и громадная приказная армія канцеляристовъ, подканцеляристовъ, протоколистовъ, копіистовъ и другихъ представителей «кропивнаго сѣмени», которое во главѣ съ губернаторскими секретарями и воеводскими дьяками держало въ своихъ цѣпкихъ и далеко не чистыхъ рукахъ всѣ нити мѣстнаго управленія. А надъ всѣмъ этимъ приказно-бюрократическимъ болотомъ высилось многоэтажное зданіе различныхъ центральныхъ учрежденій, въ родѣ коллегій, Сената, верх. тайнаго совѣта, кабинета, конференціи и т. п. Порядка было мало, если принять во вниманіе, что каждое изъ этихъ учрежденій имѣло или прямое или косвенное касательство къ должностнымъ лицамъ областного управленія. Правъ былъ поэтому смоленскій губернаторъ Бутурлинъ, когда писалъ, что «отъ всѣхъ разныхъ и ежечасныхъ повелѣній и нужнѣйшія дѣла изъ рукъ выходятъ». Принявъ во вниманіе, что тѣ же самые мѣстные администраторы вѣдали и судъ и финансовое дѣло, мы поймемъ, какъ они были завалены иногда непосильной работой, какъ усердно скрипѣли перья въ канцелярскомъ присутствіи и какъ много бумаги исписывалось по самымъ разнообразнымъ вопросамъ мѣстной областной жизни

Конечно, изученіе всего этого бумажнаго дѣлопроизводства представляетъ непосильную задачу для одного изслѣдователя, и Ю. В. Готье въ цѣляхъ чисто методологическихъ сконцентрировалъ свое вниманіе, преимущественно, на центральныхъ мѣстностяхъ имперіи, входившихъ въ составъ старой Московской губерніи, въ нѣсколько разъ превышав-

шей своими размѣрами современную существующую съ 1775 года. Естественно, при такомъ методѣ работы периферія осталась нѣсколько въ тѣни, хотя авторъ и даетъ немало примѣровъ изъ губернаторской и воеводской практики другихъ областей. Все же, и Поволжье съ Пріуральемъ, и отчасти сѣверъ, а главнымъ образомъ, южныя губерніи, примыкавшія къ степи, остались нѣсколько затушеванными въ своихъ мѣстныхъ, иногда довольно характерныхъ особенностяхъ. Нельзя также не пожалѣть, что авторъ, довольно подробно останавливаясь на бытѣ и нравахъ административной среды, главнымъ образомъ, надъ злоупотребленіемъ губернаторовъ и воеводъ, какъ бы игнорируетъ бытовую структуру того провинціальнаго общества, надъ которымъ стояла областная администрація и изъ котораго она часто выходила. Мемуарная литература того времени представляетъ въ этомъ отношеніи довольно обильный матеріалъ, которымъ Ю. В. Готье воспользовался лишь въ очень небольшой степени. Такимъ образомъ въ книгѣ имѣется административно-бытовой фонъ, но отсутствуетъ переспектива культурно-историческаго характера [1]).

В. Бочкаревъ.

Изъ военно-исторической литературы. За послѣдніе годы замѣчается особое оживленіе въ нашей военно-исторической литературѣ. Появляется цѣлый рядъ большихъ работъ въ этой области; народился и цѣлый рядъ спеціальныхъ журналовъ: «Военно-Историческій Вѣстникъ» (съ 1909 г.) въ Кіевѣ, «Журналъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества» (съ 1910 г.) въ С.-Петербургѣ, «Военно-Историческій Сборникъ» (съ 1911 г.) въ С.-Петербургѣ. Въ общевоенныхъ изданіяхъ часто попадаются интересные статьи и матеріалы по исторіи. Это явленіе можно только привѣтствовать, но нельзя не указать при этомъ на очень спеціальный характеръ большинства трудовъ, посвященныхъ военной исторіи. Преимущественное вниманіе нашихъ военныхъ историковъ обращено на вопросы исторіи военнаго искусства (тактическіе, стратегическіе, организаціонные); еще больше, пожалуй, вниманія удѣляется исторіямъ разныхъ полковъ, батарей и прочихъ войсковыхъ частей, а также различнымъ вопросамъ, связаннымъ съ многочисленными военными юбилеями послѣднихъ лѣтъ; наконецъ весьма распространены статьи и даже цѣлыя изслѣдованія, касающіяся старыхъ знаменъ, штандартовъ, медалей и другихъ знаковъ отличія. Меньше всего трактуются вопросы исторіи военнаго быта [2]), военнаго права, военной литературы, біографіи военныхъ дѣятелей. Однако и эти послѣдніе вопросы не совершенно игнорируются; подчасъ появляются очень интересныя архивныя данныя, а иногда и крупныя работы, имѣющія общій интересъ, а не только способныя оставаться удѣломъ однихъ спеціалистовъ.

Цѣлью настоящей замѣтки является ознакомленіе широкихъ круговъ русской публики, вообще интересующихся родной исторіей, съ тѣми лишь работами и матеріалами, появляющимися въ спеціальной военной литературѣ, которая, по малому знакомству общества съ этой литературой, рискуютъ остаться незамѣченными, хотя по своему значенію и вполнѣ заслуживали бы вниманія.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить составленный А. Т. Борисевичемъ очеркъ «Русскій Инвалидъ за сто лѣтъ» (часть 1-ая, Спб. 1913 г., IV+

---

[1]) Болѣе подробныя критическія замѣчанія, высказанныя на диспутѣ Ю. В. Готье, читатель найдетъ ниже, въ отдѣлѣ хроники. *Ред.*

[2]) Пора бы кому-либо изъ военныхъ историковъ напечатать общій очеркъ бытовой исторіи русскаго солдата. *Ред.*

235 стр.). Этотъ очень обстоятельный трудъ, почему-то невыпущенный въ продажу, а лишь разсылавшійся по усмотрѣнію редакціи ограниченному кругу лицъ, представляетъ первое въ своемъ родѣ и весьма цѣнное изслѣдованіе по исторіи русской военной журналистики. Первыя пять главъ книги посвящены П. П. Пезаровіусу, благородному филантропу, создавшему въ 1813 г., буквально безъ гроша и безъ всякой правительственной помощи, газету «Русскій Инвалидъ», которая уже въ первый годъ своего существованія собрала «неприкосновенный капиталъ» въ 115.000 руб. для призрѣнія воиновъ, пострадавшихъ въ войнѣ 1812—13 гг., чѣмъ было положено основаніе и доселѣ существующему «Инвалидному капиталу». Г. Борисевичъ подробно разсказываетъ, какъ неутомимый труженикъ, всецѣло отдавшійся святой цѣли—организовать помощь больнымъ и раненымъ солдатамъ—боролся за свою идею, самъ будучи и издателемъ, и редакторомъ, и корректоромъ, и сотрудникомъ, и продавцемъ своей газеты; какъ ему приходилось страдать изъ-за подозрѣній и клеветническихъ выходокъ современныхъ ему «охранителей», въ родѣ директора военной полиціи де'Санглена, находившаго, что «въ монархическихъ правленіяхъ» «не должно позволить» частной и благотворительной инициативы, ибо это подрываетъ престижъ правительства; какъ, въ концѣ-концовъ, изстрадавшемуся филантропу пришлось передать въ казенное вѣдѣніе свое дѣтище «Русскій Инвалидъ», и какъ оно чуть не захирѣло въ рукахъ чиновниковъ.

Послѣдняя глава изслѣдованія посвящена извѣстному А. Ф. Воейкову, сдѣлавшемуся въ 1822 г. редакторомъ «Инвалида», его редакторской дѣятельности и его другому военному журналу «Славянинъ». Вся книга г. Борисевича читается съ неослабѣвающимъ интересомъ и представляетъ очень много впервые появляющихся въ печати данныхъ по исторіи русской литературы 1813—1839 гг. Вторая часть ея, по нашимъ свѣдѣніямъ, готовится къ печати.

Затѣмъ въ концѣ прошлаго года появился второй большой трудъ того же автора: «Ген.-отъ-кав. Николай Николаевичъ Раевскій» (часть I, Спб., 1912, XV+247+62 стр.), посвященный отцу друзей Пушкина, знаменитому герою 1812 г., семья котораго имѣла столь значительное вліяніе на великаго русскаго поэта. Подробная, иногда, пожалуй, перегруженная мелочами, біографія Раевскаго въ вышедшемъ первомъ томѣ доведена лишь до 1807 г., Кромѣ нѣкотораго увлеченія мелочными фактами, въ упрекъ г. Борисевичу нельзя не поставить, что имъ въ названномъ трудѣ сравнительно мало обращено вниманія на ту среду и обстановку, въ условіяхъ которыхъ дѣйствовалъ Раевскій.

Слѣдующей военно-исторической новинкой является книга В. В. Жерве «Партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ» (Спб., 1913, IX+174 стр.), для составленія которой авторъ преимущественно пользовался документами семейнаго архива Давыдова, доселѣ бывшими большей частью недоступными для изслѣдователей. Наибольшее вниманіе удѣлено г. Жерве описанію яркой военной дѣятельности партизана и значительно меньше—характеристикѣ Давыдова какъ литератора и общественнаго дѣятеля. Во всякомъ случаѣ, эта біографія Д. Давыдова представляется самымъ обширнымъ изъ его доселѣ появлявшихся жизнеописаній и составлена съ большой тщательностью и любовью.

Смерть въ 1912 г. гр. Д. А. Милютина вызвала въ военной печати очень много посвященныхъ ему статей, замѣтокъ, воспоминаній и т. п. Одинъ изъ очень мало распространенныхъ военныхъ журналовъ «Вѣстникъ слушателей Александровской военно-юридической академіи», обязанной своимъ существованіемъ покойному Милютину, выпустилъ цѣлый Милютин-

скій № (1912 г., № 4), въ которомъ обращаютъ на себя вниманіе перечень научныхъ работъ Милютина и подробный указатель литературы о немъ въ русской исторической литературѣ и періодической печати. Въ другомъ спеціальномъ военно-періодическомъ изданіи—«Извѣстія Императорской Николаевской военной академіи» печатаются, къ сожалѣнію, въ очень небольшомъ количествѣ, документы изъ архива покойнаго дѣятеля «эпохи великихъ реформъ». Въ № 30 за 1912 г. напечатаны интересныя замѣтки Милютина о русско-японской войнѣ и о современныхъ военныхъ задачахъ Россіи: въ № 37-мъ 1913 г. напечатаны очень интересные проекты его (1838 и 1842 г.) «касательно изданія Военнаго Журнала». Послѣдній изъ этихъ проектовъ, задуманный по очень обширной программѣ, былъ представленъ имп. Николаю I, но «въ дозволеніи издавать журналъ послѣдовалъ Высочайшій отказъ». По довольно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ распоряженіи Николаевской военной академіи находится очень много любопытныхъ бумагъ изъ Милютинскаго архива, но врядъ ли онѣ скоро дождутся опубликованія...

Изъ юбилейныхъ военно-историческихъ изданій, пріуроченныхъ къ столѣтію Отечественной войны, нельзя не отмѣтить исполненное по Высочайшему повелѣнію роскошное воспроизведеніе военной галлереи Зимняго дворца—333 портретовъ героевъ 1812 г. Портреты снабжены біографіями ихъ, составленными подъ редакціею вел. кн. Николая Михайловича. Впрочемъ, это не полные біографическіе очерки, а лишь большей частью извлеченія изъ послужныхъ списковъ, дополненныя А. А. Голомбіевскимъ. Изданіе это, къ сожалѣнію, въ продажу не поступило, а лишь безплатно разослано въ библіотеки войсковыхъ частей и высшимъ изъ военныхъ начальниковъ.

Изъ прочихъ военно-историческихъ новинокъ послѣдняго времени, имѣющихъ общій интересъ, упомянемъ еще объ «Историческомъ очеркѣ 2-го Кадетскаго корпуса. 1712—1912» (ч. I, Спб., 1912, XI+464+174 стр. in quarto), составленномъ Н. П. Жерве и прив.-доц. В. М. Строевымъ, въ которомъ собрано множество очень интересныхъ данныхъ по исторіи военнаго воспитанія въ Россіи вообще и въ частности по бытовой исторіи этого заведенія, давшаго Россіи громадное количество выдающихся дѣятелей начиная съ Кутузова и кончая Надсономъ, и которое по своему тону и объективности столь выгодно отличается отъ другихъ историческихъ очерковъ офиціознаго характера, обычно затушевывающихъ всѣ тѣневыя стороны и выставляющихъ лишь казовыя.

Если прибавить еще истор. очеркъ «Прохожденія службы по военному вѣдомству» (Спб., 1912, III+636+84 стр. in quarto), составленный А. Н. Андрониковымъ и В. П. Федоровымъ (изъ серіи «Столѣтіе Военнаго Министерства») и содержащій въ себѣ очень много бытовыхъ и историко-юридическихъ матеріаловъ Александровской и Николаевской эпохъ, и также переводъ писемъ бывшаго на русской службѣ швейцарца ген. Фези изъ Польши и Кавказа въ 20-40 гг. XIX ст. («Бытъ и нравы русской арміи послѣ 1812 г., перев. В. Н. Жилинскій,. Спб., 1912, VII+208),—то мы исчерпаемъ почти все интересное для любителей общеисторическаго чтенія, появившееся въ военной литературѣ 1912—13 гг. Для тѣхъ же, кто желалъ бы воспользоваться болѣе подробными указаніями, можемъ рекомендовать обширный и весьма тщательный указатель изданій и статей по русской военной исторіи С. Д. Масловскаго, помѣщаемый въ каждой книжкѣ «Журналъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества».

Н. Вишняковъ.

Горе отъ ума, комедія А. С. Грибоѣдова. Текстъ жандровской рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К Пиксанова. Изданіе Л. Э. Бухгеймъ, М. 1912. Стр. LXX+151. Ц. 3 р.

Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Томъ первый. Подъ редакціей А. Г. Фомина. Книгоиздательское Т-во «Просвѣщеніе». Спб., 1913, стр. XI+404, ц. 1 р.

Кн. В. Ѳ. Одоевскій. Русскія Ночи. Подъ редакціей С. А. Цвѣткова. «Путь», М., 1913, стр. IX+429, ц. 2 р.

Въ наше время странно было бы доказывать, что не только ученый, но и каждый читатель заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть абсолютно точный текстъ писателей. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть «мелочи», которой редакторъ считалъ бы себя въ правѣ пренебречь. Тутъ буквально можно повторить то, что прекрасно сказано по другому поводу Н. О. Лернеромъ, въ опроверженіе возможныхъ упрековъ «въ излишнемъ пристрастіи къ подробностямъ, къ мелочамъ». «Сплошь да рядомъ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своей замѣчательной работѣ «Труды и дни Пушкина»,—то, что сначала кажется намъ мелочью въ біографіи великаго человѣка, при ближайшемъ изученіи даетъ намъ цѣнный матеріалъ для правильнаго сужденія о его жизни, о процессѣ его творчества, объ окружавшей его обстановкѣ и т. д.» Что же послѣ этого сказать о текстѣ художественныхъ произведеній? Здѣсь дороги буквально каждое слово, каждая запятая; все, что обусловливаетъ собою хотя бы только извѣстный нюансъ рѣчи, имѣетъ непререкаемое значеніе. Отсюда давно сознанная важность критическаго изученія текста писателей и необходимость педантическаго соблюденія возможной точности въ ихъ изданіи.

Эти неблагодарныя и, казалось бы, излишнія разсужденія вызваны появленіемъ трехъ изданій, заглавія которыхъ выписаны нами выше.

Извѣстный знатокъ Грибоѣдова—Н. К. Пиксановъ, опубликовалъ жандровскую рукопись «Горя отъ ума», хранящуюся въ московскомъ Историческомъ музеѣ. Изданіе это вышло уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и, если мы останавливаемся на немъ теперь, то, главнымъ образомъ, потому, что оно неожиданно нашло себѣ крайне рѣзкую и несправедливую оцѣнку со стороны рецензента «Ист. Вѣстника» (1913, № 1), подписавшагося буквами Н. Л., что вынудило г. Пиксанова обращаться даже съ «письмомъ въ редакцію» (ibid., № 2). «Жандровская рукопись «Горя отъ ума», — скажемъ словами компетентнаго редактора, — чрезвычайно важна какъ для творческой исторіи славной комедіи, такъ и для установленія ея дефинитивнаго текста. Въ этомъ своемъ значеніи она стоитъ въ одномъ ряду съ двумя другими редакціями: Музейнымъ автографомъ и Булгаринскимъ спискомъ, а иногда и превосходитъ ихъ... Комментированное изданіе этого текста является насущной очередной задачей грибоѣдовской исторіографіи». Редакторъ и издатель съ рѣдкой любовью выполнили эту задачу. Передъ нами лежитъ вся жандровская рукопись, съ фотографической точностью воспроизведенная типографскимъ способомъ. Въ широкихъ размѣрахъ этотъ пріемъ изданія примѣняется впервые, и его нельзя не признать въ высшей степени удачнымъ. Къ тексту, кромѣ того, приложены пять фотографическихъ снимковъ съ рукописей, наглядно знакомящихъ съ ея внѣшностью. Въ обширномъ введеніи, занимающемъ 70 страницъ, редакторъ со свойственной ему научной обстоятельностью, во-первыхъ, характеризуетъ А. А. Жандра и его отношенія къ Грибоѣдову; во-вторыхъ, описываетъ внѣшнюю судьбу жандровской рукописи и, въ-третьихъ, опредѣляетъ ея значеніе въ творческой исторіи «Горя отъ ума» (при этомъ высказываются чрезвычайно важныя соображенія относительно гарусовскаго списка комедіи). Разумѣется, столь тщательное

изданіе одной изъ рукописей «Горя отъ ума» удовлетворяетъ прежде всего потребностямъ науки, но это—такая потребность, отъ которой зависятъ существенные интересы каждаго грамотнаго человѣка. По нашему мнѣнію, заслуга Н. К. Пиксанова, уже такъ много сдѣлавшаго для изученія Грибоѣдова, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

То же высокое представленіе объ обязанностяхъ редактора имѣетъ и А. Г. Фоминъ, подъ редакціей котораго начало выходить въ изданіи «Просвѣщенія» полное собраніе сочиненій Никитина.

Никитину очень посчастливилось за послѣднее время. Не такъ давно вышло прекрасное изданіе (Панафидиной) подъ редакціей М. О. Гершензона. Теперь передъ нами лежитъ первый томъ новаго изданія, редактируемаго молодымъ и талантливымъ библіографомъ А. Г. Фоминымъ. Редакторъ поставилъ себѣ задачей собрать, во-первыхъ, произведенія и письма Никитина и, во-вторыхъ, матеріалы, необходимые для его изученія. Съ этой цѣлью имъ были предприняты энергичные розыски въ Петербургѣ, Москвѣ и Воронежѣ. Результаты получились чрезвычайно богатые. Изданіе «Просвѣщенія» значительно полнѣе всѣхъ предыдущихъ. Это первое достоинство разсматриваемаго изданія. Далѣе, редакторъ подвергъ тщательному критическому изученію текстъ произведеній Никитина; въ этомъ отношеніи его работа не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ примѣчаніяхъ А. Г. Фомина содержится много весьма цѣнныхъ свѣдѣній, освѣщающихъ исторію творчества и личность поэта, а также отношеніе къ нему критики. Обширный біографическій очеркъ (140 страницъ мелкой печати), составленный А. Г. Фоминымъ, необычайно богатъ фактическимъ содержаніемъ и временами даетъ новое освѣщеніе жизни и дѣятельности Никитина (напр., его отношеніямъ къ второвскому кружку). Съ этой работой долженъ будетъ считаться каждый, изучающій жизнь и поэзію Никитина. Изящнымъ дополненіемъ къ ней является этюдъ Ю. И. Айхенвальда, написанный въ стилѣ, обычномъ для своеобразнаго таланта автора «Силуэтовъ».

Первый томъ украшенъ множествомъ порою рѣдкихъ иллюстрацій.

Словомъ, Никитинъ дождался такого образцоваго изданія, что ему могъ бы позавидовать любой писатель. И прежде всего завидовать приходится кн. В. Ѳ. Одоевскому.

Появленіе «Русскихъ Ночей» въ новомъ полномъ изданіи есть своего рода литературное событіе. Сочиненія кн. Одоевскаго давно сдѣлались библіографической рѣдкостью, а между тѣмъ пора уже вернуть русскому читателю и русской наукѣ этого замѣчательнаго писателя и мыслителя. Книгоиздательство «Путь» вѣрно поняло эту потребность и съ любовью отнеслось къ своей задачѣ. Съ внѣшней стороны изданіе «Русскихъ Ночей» можетъ удовлетворить самый требовательный вкусъ: прекрасная бумага, стильный шрифтъ, строгое соблюденіе размѣра страницъ и строкъ соотвѣтственно изданію 1844 г. (жаль, что не сохранена старая пагинація), хорошо исполненный портретъ автора, — все это радуетъ глазъ и порою даетъ иллюзію, что держишь въ рукахъ изданіе 1844 года. Но, къ удивленію, редакторъ позволилъ себѣ такіе пріемы, которые въ результатѣ даютъ намъ *искаженный* текстъ «Русскихъ Ночей».

Дѣло въ томъ, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ кн. Одоевскій задумалъ второе изданіе своихъ сочиненій (условіе съ издателемъ Стелловскимъ заключалось въ 1862 г.), и съ этой цѣлью на особомъ экземплярѣ, который хранится нынѣ въ Имп. публ. библіотекѣ, произвелъ въ текстѣ всѣхъ трехъ томовъ изданія 1844 г. различныя измѣненія и снабдилъ ихъ своими примѣчаніями. Измѣненія эти касаются не только

деталей стиля, но и существенныхъ моментовъ изложенія. Особенно значительной переработкѣ подвергся «Балъ»; здѣсь другой эпиграфъ, совершенно другое начало (тринадцать печатныхъ строкъ), содержащее въ себѣ явные отголоски севастопольской войны, и нѣсколько новыхъ абзацевъ и фразъ въ рединѣ разсказа. Есть подобныя поправки и въ «Насмѣшкѣ мертвеца» и въ «Эпилогѣ». Такимъ образомъ, получилась вторая редакція «Русскихъ Ночей», редакція шестидесятыхъ годовъ. Передъ г. Цвѣтковымъ всталъ «сложный вопросъ: просто ли перепечатать «Русскія Ночи» по изданію 1844 года, приведя поправки и дополненія въ примѣчаніяхъ, или внести послѣднія въ текстъ» (предисловіе, стр. III). Онъ избралъ второй путь, мотивируя свое рѣшеніе такъ (ibid.): «Пришлось считаться и съ очевиднымъ желаніемъ автора переиздать «Русскія Ночи» исправленными и дополненными. Поправки носятъ характеръ стилистическій и корректурный. Дополненія же не нарушаютъ общаго плана книги и не измѣняютъ духа ея, но многое поясняютъ».

Съ этой аргументаціей мы рѣшительно не можемъ согласиться. Во-первыхъ, какое бы значеніе ни придавали мы «Русскимъ Ночамъ» для современнаго читателя, нельзя отрицать, что это произведеніе есть прежде всего памятникъ нашей литературы и общественности въ періодъ 30-хъ годовъ. Для насъ «Русскія Ночи» дороги въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ появились въ 1844 году, со всѣми особенностями ихъ языка и стиля. Безъ точнаго воспроизведенія текста 1844 г. изданіе не можетъ быть пригодно для научныхъ цѣлей. Во-вторыхъ, редакціонныя измѣненія вовсе не такъ ничтожны, какъ это кажется г. Цвѣткову. Очевидно, ему совершенно неизвѣстно, что Одоевскій шестидесятыхъ годовъ существеннымъ образомъ измѣнилъ свой взглядъ на то идеалистическое міросозерцаніе, которое выразилось въ «Русскихъ Ночахъ», и, слѣдовательно, всякая ретушировка черезъ двадцать лѣтъ не можетъ не повести къ измѣненію первоначальнаго рисунка. Такъ оно въ дѣйствительности и есть. Когда Одоевскій писалъ свой «Балъ», никакой войны у него и въ мысляхъ не было; генезисъ его творческой мысли былъ совершенно другой. Точно такъ же и въ прочихъ случаяхъ, которые на поверхностный взглядъ могутъ показаться незначительными. Вовсе не безразлично, что фразу: «Гдѣ же сила *молитвы*, двигающей горы?» авторъ передѣлываетъ такъ: «Гдѣ же сила *любви*, двигающей горы?» (125). Слово «молитва» прекрасно гармонируетъ съ мистицизмомъ Одоевскаго въ тридцатыхъ годахъ, а понятіе «любовь» чуждо этого специфическаго оттѣнка. Или въ эпилогѣ Фаустъ вдругъ заговорилъ о папѣ и іезуитахъ (350), о томъ, чѣмъ, дѣйствительно, занята была мысль Одоевскаго въ 60-хъ годахъ, и что звучитъ полнымъ диссонансомъ въ устахъ Фауста 30-хъ годовъ. Такихъ примѣровъ мы могли бы привести немало. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, подобныя поправки и дополненія въ книгѣ «не измѣняютъ духа ея, но многое поясняютъ»? Неужели это— мелочи, любезныя только «библіографическому сердцу»? Нѣтъ, мы въ правѣ говорить здѣсь о настоящемъ искаженіи текста. Въ-третьихъ, напрасно г. Цвѣтковъ прикрывается «очевиднымъ желаніемъ автора переиздать «Русскія Ночи» исправленными и дополненными». Если бы авторъ, въ самомъ дѣлѣ, осуществилъ свое намѣреніе, мы все же должны были бы говорить о двухъ редакціяхъ «Русскихъ Ночей» и отдавать предпочтеніе первой, потому что вторая не можетъ вполнѣ характеризовать ни 30-хъ ни 60-хъ годовъ въ идейной жизни Одоевскаго. Но, на бѣду нашего редактора, Одоевскій самымъ категорическимъ образомъ отказался отъ попытки дать запоздалую переработку своихъ сочиненій тридцатыхъ годовъ. Это г. Цвѣтковъ могъ бы прочитать на 5—7 страницахъ своего же

изданія, въ предисловіи Одоевскаго къ задуманному второму изданію сочиненій [1]). «Я полагалъ въ нихъ многое исправить, многое передѣлать,—писалъ Одоевскій,—но вскорѣ убѣдился, что такое дѣло — невозможно. Семнадцать лѣтъ есть почти половина дѣятельной жизни. Въ такой періодъ времени многое передумалось, многое забылось, многое наплыло вновь — нѣтъ возможности попасть въ тотъ ладъ, съ котораго началъ; камертонъ измѣнился; и внутренняя жизнь и внѣшняя среда — другія; *всякая передѣлка будетъ не живымъ органическимъ произведеніемъ, но механическою приставкою»* (ср. и на стр. 6—7). Мало того, судя по рукописной замѣткѣ въ переплетѣ 22, литера И, между листами 213 и 214 (въ Имп. п. б.), Одоевскій въ предисловіи ко второму изданію хотѣлъ распространиться даже о томъ, «почему я не вымаралъ ни *сей*, ни *оный*, ни *ибо*».

Вотъ онъ—настоящій взглядъ автора «Русскихъ Ночей» на обязанности будущаго редактора. Разумѣется, для изучающихъ эволюцію Одоевскаго несомнѣнную цѣну представляютъ его позднѣйшія поправки къ тексту «Русскихъ Ночей», но ихъ, какъ дополнительный матеріалъ, г. Цвѣтковъ могъ бы или совсѣмъ оставить въ сторонѣ, если онъ считаетъ свое изданіе простой книгой для чтенія, или, при соотвѣтствующихъ комментаріяхъ, долженъ былъ бы напечатать въ особыхъ примѣчаніяхъ. Теперь намъ самимъ приходится, съ помощью указаній редактора, возстановлять подлинный текстъ «Русскихъ Ночей». И такъ какъ заранѣе можно сказать, что многіе читатели, по разнымъ причинамъ, не возьмутъ на себя этой тяжелой и неблагодарной работы, то нельзя не выразить пожеланія, чтобы нашелся другой издатель, который не побоялся бы выпустить новое изданіе «Русскихъ Ночей» взамѣнъ малопригоднаго изданія «Пути».

П. Сакулинъ.

Бар. Н. Н. Врангель, «Вѣнокъ мертвымъ». Художественно историческія статьи. СПБ., 1913, 40, 187+2 н. н. стр., цѣна 2 р. 25 к.

Авторъ настоящей книги извѣстенъ какъ талантливый изслѣдователь по русскому искусству, имъ напечатанъ цѣлый рядъ монографій объ отдѣльныхъ художникахъ: Венеціановѣ, Кипренскомъ, Борисовѣ-Мусатовѣ и др., и онъ же является первымъ изслѣдователемъ по вопросу о миніатюрѣ въ Россіи.

Настоящій сборникъ заключаетъ въ себѣ рядъ характеристикъ разныхъ моментовъ въ русской живописи прошлаго, написанныхъ чрезвычайно талантливо, бойко и увлекательно. Очерки эти были ранѣе помѣщены въ журналахъ и изданіяхъ; во второмъ изданіи они являются въ переработанномъ видѣ, написанными болѣе популярно, безъ ссылокъ на источники и матеріалы, представляющіе интересъ только для спеціалистовъ. Статья «Русская женщина въ искусствѣ» представляетъ изъ себя двѣ ранѣе напечатанныя статьи. «Любовная лирика XVIII вѣка» (изданіе Пантеона) и «Русская женщина въ гравюрахъ и литографіяхъ» (Кружокъ любителей изящ. изданій). Остальныя статьи: «Романтизмъ въ живописи Александровской эпохи и Отечественная война»,

---

[1]) Г. Цвѣтковъ напечаталъ предисловіе Одоевскаго ко 2-му несостоявшемуся изданію его сочиненій и такъ называемое «Примѣчаніе къ «Русскимъ Ночамъ», но не указываетъ, какими рукописями пользовался онъ въ данномъ случаѣ. Его заявленіе, будто «Примѣчаніе» появляется въ печати «въ первый разъ», фактически невѣрно: см. въ книжкѣ Б. А. Лезина «Очерки изъ жизни и литературной дѣятельности кн. В. Ѳ. Одоевскаго» (Харьковъ, 1907, стр. 63 и сл.).

«Помѣщичья Россія» и «Иностранцы въ Россіи», были ранѣе напечатаны въ «Старыхъ годахъ».

Книга снабжена очень интересными репродукціями и издана весьма изящно.

В. Адарюковъ.

А. В. Морозовъ, «Каталогъ моего собранія русскихъ гравированныхъ и литографированныхъ портретовъ». Т. II. Д—Л. Москва, 1913.

Во II томѣ, такъ же какъ и въ I [1]), очень много интересныхъ и рѣдкихъ листовъ, въ числѣ которыхъ мы можемъ указать на портреты: патріарха Ефрема I, Іоанна Антоновича, С. Л. Кожина, вел. кн. Константина Павловича, грав. Березниковымъ, Е. И. Кострова, М. А. Львовой, работы Майера, Г. Дау, Лжедимитрія и др. Особенно богатой въ собраніи г. Морозова является коллекція портретовъ императрицы Елизаветы Петровны; уники работы Шмидта съ Токе до подписи и другой уникъ — правая половина Богословскаго тезиса 1743 г., грав. Зубовымъ, чрезвычайно рѣдкая гравюра съ аллегорической картины Лагрене 1758 г. въ память основанія Академіи Художествъ и др.

Въ числѣ портретовъ и различныхъ ихъ отпечатковъ, не описанныхъ Ровинскимъ, во II томѣ каталога указано 20 отпечатковъ портретовъ Екатерины II, среди которыхъ особый интересъ представляетъ грав. Воронова, имя котораго совсѣмъ не значится въ изданіяхъ Ровинскаго; портретъ кн. Е. Р. Дашковой, грав. и изданный самимъ Скородумовымъ въ Лондонѣ, В. Х. Дерфельдена, И. И. Дмитріева, И. С. Дорохова, грав. Храмцевымъ, Д. С. Дохтуровъ (1814 г.) и др.

Что касается литографированныхъ портретовъ, то въ описаніи ихъ нѣтъ однообразія: въ нѣкоторыхъ случаяхъ приведены всѣ подписи, въ другихъ—не всѣ и существуютъ описанія портретовъ очень лаконичныя: «Литографія особый типъ: Елизавета Алексѣевна» (№ 107), даже безъ указанія размѣровъ, въ отношеніи которыхъ тоже разнообразіе: иногда указаны размѣры листа: 4 , 8 и т. д., иногда мѣра указана въ сантиметрахъ, а иногда она вовсе отсутствуетъ. Въ отношеніи приложенныхъ фототипій намъ бы казалось нѣсколько излишнимъ воспроизведеніе нѣсколькихъ портретовъ одного и того же лица и даже нѣсколькихъ отпечатковъ одного и того же портрета, было бы болѣе интересно воспроизвести тѣ портреты, которые отсутствуютъ у Ровинскаго.

В. Адарюковъ.

Извѣстія Одесскаго Библіографическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, т. I, стр. 1—426, 1912.

Библіографія у насъ въ настоящее время не можетъ похвалиться правильной постановкой и разработкой ея основныхъ вопросовъ. Библіографическіе отдѣлы нашихъ журналовъ и газетъ не всегда ведутъ планомѣрную и систематическую работу. У насъ нѣтъ спеціальныхъ органовъ библіографіи, все, что дѣлается въ этомъ направленіи, случайно и не объединено общей идеей. Между тѣмъ при современномъ развитіи науки библіографія занимаетъ важное мѣсто, какъ отрасль подсобная. Опытъ такихъ библіографическихъ начинаній, какъ «Критическое Обозрѣніе», издававшееся въ Москвѣ, какъ «Книга», изд. подъ ред. М. Лемке, показалъ насколько подобныя изданія цѣлесообразны и полезны. Но мы должны отмѣ-

---

[1]) См. «Голосъ Минувшаго» апр.

тить библіографическія предпріятія, которыя ставятъ своею цѣлью помощь широкимъ кругамъ читающей публики; такую цѣль ставили названныя изданія; совершенно иныя задачи ставитъ себѣ такое солидное предпріятіе, какъ «Юридическая библіографія», изд. при Демидовскомъ лицеѣ въ Ярославлѣ, это строго научное предпріятіе, которое въ спеціальныхъ вопросахъ юриспруденціи и сопредѣльныхъ ей наукъ окажетъ всѣмъ работникамъ большую пользу.

Возникшее полтора года назадъ при Новороссійскомъ университетѣ Библіографическое общество старается сочетать обѣ задачи. Возникшее по иниціативѣ засл. проф. И. Л. Линниченко, названное общество, при весьма энергичномъ сотрудничествѣ прив.-доц. В. Ф. Лазурскаго съ оживляющимъ и вдохновляющимъ общество предсѣдателемъ проф. И. А. Линниченко дебютируетъ первымъ томомъ, и дебютъ не можетъ не быть признанъ вполнѣ удачнымъ. Изъ частей перваго тома обращаютъ на себя вниманіе по изяществу, остроумію и содержательности статьи проф. И. А. Линниченко о В. О. Ключевскомъ, странички воспоминаній объ обществѣ любителей россійской словесности, о задачахъ библіографіи; очень цѣнны большія рецензіи о новыхъ работахъ, критическіе обзоры, библіо-біографическія замѣтки.

Содержательность и разнообразіе перваго тома даетъ намъ основаніе ожидать еще болѣе успѣшной дѣятельности молодого общества, а въ ряду немногочисленныхъ библіографическихъ предпріятій новое общество займетъ подобающее ему мѣсто.

Сим. Аваліани.

Л. Чижиковъ.—«Г. С. Сковорода». Библіографическій о немъ матеріалъ, Од., 1913 г., стр. 1—21.

Сюда вошли изслѣдованія, статьи, замѣтки о С—дѣ; сочиненія и изданія, въ которыхъ упоминается С—да; матеріалы расположены въ хронологическомъ порядкѣ.

Большая заслуга Л. Чижикова въ томъ, что съ большой любовью и трудами собранные имъ матеріалы по полнотѣ и тщательности превосходятъ доселѣ появлявшіеся о С—дѣ библіографическіе труды, и занимающіеся С—дой безъ работы Л. Чижикова никакъ не обойдутся.

Сим. Аваліани.

Новыя изданія Акад. Наукъ.

Въ послѣдней книгѣ «Извѣстій» Академіи наукъ (№ 6) находимъ не лишенную интереса для исторіи русской науки и просвѣщенія статью *акад. И. И. Янжула* «Національность и продолжительность жизни (долголѣтіе) нашихъ академиковъ». Выводъ относительно національности такой: изъ 107 дѣйств. чл. Акад. за XVIII в. иностранцевъ 73, т.-е. 68,2%, русскихъ 34; среди иностранцевъ нѣмцы составляютъ 65%; за время 1801—1908 гг. русскихъ 139 (изъ 189), иностранцевъ 50, т.-е. 26,4%, среди иностранцевъ сильно преобладаютъ нѣмцы — 64%. За все время существованія члены корр. иностранцы составляютъ двѣ трети всего числа членовъ корр.

Продолжительность жизни дѣйствительныхъ членовъ довольно велика; такъ, за время 1725 — 1750 гг. она равнялась $59\frac{1}{3}$ г.; въ 25-тилѣтіе 1850 — 75 гг. дошло до 70 л., чтобы затѣмъ вновь упасть до 62 л. (1875 — 1900). Средняя же продолжительность жизни дѣйствительныхъ членовъ въ теченіе XVIII в. 58 л., а въ теченіе XIX в. $65\frac{1}{4}$ л.

Продолжительность пребыванія академиковъ въ Академіи имѣетъ также тенденціи расти.

Вышедшимъ въ началѣ апрѣля XVI вып. изданія «*Пушкинъ и его современники*» (157 стр. 1 рис. на отд. табл.) законченъ IV томъ этого изданія.

Въ выпускѣ, между прочимъ, напечатаны: рядъ замѣтокъ *Н. О. Лернера*, дѣло о напечатаніи «Исторіи Пугачевскаго бунта», «на казенный счетъ и безъ цензуры, какъ удостоившейся Высочайшаго прочтенія», извлеченное г. *Макаровымъ* изъ архива Гос. Сов. (дѣла быв. II отд. С. Е. И В. Канц.); статья *М. Л. Гофмана* « Баратынскій о Пушкинѣ», Pouschkiniana за 1910 г., составленная *Л. К. Ильинскимъ* и рядъ небольшихъ замѣтокъ, въ которыхъ авторы собираютъ мелкія крупицы для біографіи и библіографіи и текста Пушкина. Такъ, напр., *Д. Н. Соколову* («По поводу шифрованнаго стих. Пушкина») удалось вскрыть нѣсколько стиховъ поэта, характеризующихъ политическіе взгляды Пушкина, его отношеніе къ современности; *А. Егоркинъ* дополнилъ рядомъ архивныхъ данныхъ наши свѣдѣнія объ отношеніи цензуры къ Пушкину, приведены новыя данныя относительно исторіи сюжета «Ревизора» и т. д. Къ выпуску приложена хорошая репродукція найденной бар. *Н. Н. Врангелемъ* неизвѣстной ранѣе картины, изображающей Пушкина на опушкѣ лѣса; картина хороша, но авторъ еще неразгаданъ.

Извѣстія отд. русск. яз. и слов. 1912 г., т. XVII кн. 4. Преобладаютъ въ этой книгѣ работы лингвистическія. Историко-литературный матеріалъ даютъ статьи *Н. Л. Бродскаго* «Поэты кружка Станкевича», *Б. Л. Модзалевскаго* «Альбомъ О. А. Мамоновой» и *Н. Канонъскаго*, В. В. Капнистъ и стих. «Видѣніе плачущаго надъ Москвою россіянина 1812 г., окт., 28 д.»; *Н. М. Петровскаго* «Къ вопросу о трагедіи Ломоносова «Демофонтъ»; *В. А. Миллера* «Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ и *А. А. Требина* «Славянорусскія старопечатныя книги древнехранилищъ г. Житомира» (послѣдняя статья интересна въ связи съ командировкой Академіей особой «экспедиціи» на Волынь для изученія и описанія старопеч. книгъ.)

Вышелъ V т. Академическаго изданія «полнаго собранія сочиненій Лермонтова». Этотъ томъ согласно плану, посвященный вводнымъ и объяснительнымъ статьямъ Лермонтова, даетъ много свѣжаго или оригинально-обработаннаго матеріала. Здѣсь, во-1-хъ, статьи редактора проф. *Д. И. Абрамовича* «Обзоръ источниковъ біографіи, матеріалы для біографіи и литературной характеристики, хронологическая канва для біографіи Лермонтова, рукописи Лермонтова (обстоятельный перечень съ указаніемъ какъ рукописей общественныхъ хранилищъ, такъ и принадлежащихъ частнымъ лицамъ списокъ произведеній Лермонтова по времени ихъ перваго появленія въ печати, обзоръ изданій сочиненій Лермонтова, обзоръ литературы о Лермонтовѣ (впервые такъ обстоятельно, несмотря на нѣкоторую отрывочность изложенія), о языкѣ, о стихѣ его; далѣе статьи «Л. у славянъ»—*П. А. Заболотскаго*, «Л. у нѣмцевъ», Fr. Dükmeyer'a, «Л. у французовъ» A. Mazon'a, «Л. у англичанъ» *К. Н. Фаминскаго*; «Л. художникъ» бар. *Н. Н. Врангеля* и «Обзоръ худож. раб. Л.» Б. С. Мосолова (новинки), «Иллюстрированныя изданія Л.» бар. *Н. Н. Врангеля*, наконецъ «Л. и русская музыка» проф. *С. К. Булича*.

Къ книгѣ приложены 22 хорошо исполненныхъ воспроизведенія съ картинъ и рисунковъ Л.

А. Ел-чъ.

Дѣйствія Нижегородской Учебной Архивной Комиссіи, т. XIV, 1913 г. Въ настоящемъ томѣ г. Алексѣевымъ напечатано, между прочимъ, любопытное дѣло о психопатической эпидеміи въ с. Никулинѣ, Нижегородской

губ. въ 1838 г. Ржигой данъ переводъ инструкціи Густава Адольфа комиссаромъ для переговоровъ съ русскими въ 1613 г. и двухъ донесеній шведскихъ пословъ о состояніи царскаго двора и русскаго правительства въ Москвѣ послѣ избранія Мих. Ѳеод., г. Драницынымъ продолжена опись дѣлъ Сенатскаго архива за 1818—1819 гг., а г. Кабановымъ печатаніе грамотъ коллегія экономіе по Нижегородскому краю.

Труды Владимирской Учебной Архивной Комиссіи кн. XIII. Въ этомъ выпускѣ напечатанъ первый выпускъ большого труда Н. В. Малицкаго «Исторія Переяславской епархіи (1744 — 1786). Сообщенія П. В. Ильинского «Къ реставраціи золотыхъ воротъ» и М. И. Смирновъ «Переяславскіе сокольи помѣтчики». Въ отдѣлѣ матеріаловъ сообщена серія писемъ библіографа Я. Ѳ. Березина-Шарлева къ А. В. Селиванову, имѣющихъ библіографическій интересъ.

Факты и матеріалы[1]).

Изъ воспоминаній Т. Корзона.

«Мои доисторическія воспоминанія» (*Т. Korzon. Moy pamitnik piredhistoryczny, Kraqow,* 1912) извѣстнаго польскаго историка Тадеуша Корзона, интересны, съ одной стороны, какъ скорбная повѣсть о тяжелыхъ условіяхъ, въ какихъ подготовлялся къ плодотворной научной дѣятельности выдающійся современный историкъ, съ другой же, какъ правдивая яркая картина руссификаціонной школьной системы половины XIX в. въ Минскѣ, польско-русскихъ студенческихъ отношеній пятидесятыхъ годовъ, для исторіи и вообще польско-русскихъ отношеній второй половины прошлаго столѣтія.

Дѣтство и школьные годы Т. Корзонъ провелъ въ Минскѣ, гдѣ уже сильно давала себя чувствовать твердая рука правительства Николая I. Тогда «слово правительство выговаривали съ такимъ смиреніемъ, что только безразсудный смѣльчакъ или безумецъ могъ подумать о какомъ-либо протестѣ правительственнымъ распоряженіямъ». Бюрократическій формализмъ, военная сухость, шаблонность, руссификаціонная политика въ школьной жизни стали примѣняться послѣдовательнѣе къ концу 1854 года, когда попечителемъ Виленскаго учебнаго округа назначенъ былъ Илья Гавриловичъ Бибиковъ, второй генералъ-губернаторъ четырехъ литовскихъ губерній. О тогдашнемъ удручающемъ гимназическомъ режимѣ ярко говоритъ слѣдующій фактъ. У отличнаго ученика VI класса найдены польскіе патріотическіе стихи. Послѣ краткаго слѣдствія всѣ классы вывели въ коридоръ, прочитали приговоръ и осужденнаго публично высѣкли розгами. Въ гимназіи воцарилась военная дисциплина, но пало обученіе, насаждаемое некультурными педагогами-недоучками. Въ противовѣсъ офиціальной школѣ возникали товарищескіе кружки, гдѣ польская молодежь не только пополняла свои скудныя познанія, но и воспитывалась нравственно. Въ Москву переѣхалъ Т. Корзонъ осенью

---

[1]) Подъ такимъ заголовкомъ редакціей предположено выдѣлять отзывы о книгахъ, заключающіе въ себѣ ознакомленіе читателей съ наиболѣе интересными новыми *фактами*, которые можно найти въ рецензируемыхъ книгахъ.

1855 года. Здѣсь польское студенчество, не возбуждая подозрѣнія администраціи, организовалось въ экономическіе, научные и политическіе кружки.

«Полиція не была еще опытна въ политическомъ сыскѣ, деморализировалъ ее Герценъ своимъ широко распространеннымъ «Колоколомъ». Москвичи не проявляли никакихъ шовинистскихъ тенденцій по отношенію къ иноплеменцамъ; къ полякамъ относились дружелюбно, искренно ихъ уважали. Осенью 1857 года между студентами, русскими и поляками, возникло болѣе тѣсное сближеніе по слѣдующему поводу. Нѣсколько поляковъ было избито на своей квартирѣ «на Трубѣ» ворвавшейся туда полиціей. Университетъ заволновался, занятія были прекращены, собирались сходки въ аудиторіяхъ и во дворѣ стараго зданія, пока попечитель округа Евграфъ Ковалевскій не разрѣшилъ избрать по курсамъ делегатовъ для присутствованія на судебномъ разбирательствѣ, которое закончилось приговоромъ къ смѣщенію полицейскаго офицера и къ отставкѣ оберъ-полицмейстера Беринга. Разумѣется, въ делегаты избирались сами поляки. Случай этотъ благопріятствовалъ болѣе тѣснымъ товарищескимъ отношеніямъ. Русскіе, узнавъ о польской студенческой кассѣ взаимопомощи, пожелали организовать подобную и соединить ее съ польской, возникшей раньше, многоопытной организаціей. «Несомнѣнно, дѣло было въ томъ, чтобы связать себя узами «тѣснѣйшаго» товарищества съ противоправительственной республикой». Это предложеніе для польской кассы представляло и большія финансовыя выгоды, однако оно было отклонено послѣ долгихъ горячихъ преній. Поляки благодарили сердечно за хорошее товарищество и великодушные мотивы предложенія, но объяснили, что несчастныя политическія отношенія не допускаютъ до публичнаго сближенія поляковъ съ русскими.

Эта декларація была передана русскимъ студентамъ делегаціей, въ составѣ которой былъ и Т. Корзонъ, авторъ отвѣта, въ одномъ изъ московскихъ политическихъ салоновъ. Было много гостей не принадлежавшихъ къ студенчеству: офицеры, чиновники въ орденахъ, и Хомяковъ. извѣстный поэтъ, славянофилъ, другъ Кошелева... Выслушавъ польскій отвѣтъ, одинъ изъ хозяевъ оспаривалъ его мотивы съ большимъ жаромъ, цитируя Прудона, Леру, Луи Блана, рисовалъ картины лучшаго будущаго подъ угломъ революціонно-соціальныхъ идеаловъ. Но эти надежды не оправдались, сами хозяева этой конспираціонной квартиры забыли идеалы молодости: два изъ нихъ пошли торнымъ профессорско-бюрократическимъ путемъ, а третій, Рыбниковъ, сталъ дѣятельнымъ вице-губернаторомъ въ Калишѣ въ то время, когда Царство Польское преобразовалось въ Привислинскій край. Польская же делегація и почти вся организованная молодежь «познакомилась основательно и весьма осязательно со всей судебной и административной уголовной процедурой—въ цитаделяхъ, тюрьмахъ, на каторгѣ, сибирскомъ поселеніи, на ссылкѣ въ разные города Россіи, во время скитаній за ея границами». Тамъ, слѣдуетъ добавить, встрѣчались они уже съ другими представителями русскаго общества. Осенью 1859 года Т. Корзонъ получилъ мѣсто преподавателя исторіи въ Ковенской гимназіи. Здѣсь онъ вскорѣ узналъ невыносимыя условія работы независимаго педагога. Выраженіемъ этихъ разочарованій была его статья п. з. «Дипломаты- педагоги, генералы-педагоги», которую авторъ переслалъ редакціи «Колокола». Годъ спустя былъ онъ назначенъ секретаремъ временной комиссіи по крестьянской реформѣ. Но приближались уже событія 1861 и послѣдующихъ годовъ. Варшавскія политическія манифестаціи взволновали и Ковно. И здѣсь устраивались и шествія и хоровыя патріотическія пѣснопѣнія по костеламъ. Видное участіе

въ этихъ событіяхъ принималъ и Т. Корзонъ, но вскорѣ поплатился арестомъ, приговоромъ къ смертной казни, — ссылкой въ Оренбургъ. Проѣзжая туда черезъ Москву, будущій историкъ намѣренъ былъ навѣстить своихъ знакомыхъ москвичей, между ними проф. Капустина, но тотъ уже сталъ другимъ: не пожелалъ видѣть своего лучшаго талантливаго ученика. «Въ послѣднія два года здѣсь (въ Москвѣ) происходила переоцѣнка понятій или либеральныхъ стремленій русскихъ по отношенію къ полякамъ. Уже Катковъ обдумывалъ свое мужественное выступленіе противъ Герцена»... Въ Оренбургѣ было уже много ссыльныхъ поляковъ; число ихъ возросло съ усмиреніемъ возстанія. Всѣ они, разумѣется, бѣдствовали. Интеллигенты пользовались сначала условнымъ расположеніемъ не только мѣстныхъ жителей, но и администраціи; получали возможность давать уроки, зарабатывать довольно порядочно. Но немного спустя условія измѣнились. Министръ народнаго просвѣщенія циркулярнымъ распоряженіемъ запретилъ имъ подобнаго рода занятій изъ опасенія, чтобы поляки путемъ обученія дѣтей не вызвали мятежа и революціи. Стала придираться администрація, наступила перемѣна и въ народномъ настроеніи. Лѣтомъ 1864 года въ восточной Россіи вспыхнула «эпидемія» пожаровъ. По этому поводу пока еще либеральная газета «Голосъ» помѣстила интересную убѣдительную статью, гдѣ объясняла пожары поджогами изъ-за мести или ради наживы злоумышленниковъ, но простой народъ видѣлъ виновниковъ бѣды въ полякахъ. Возникало опасеніе, что ими начнутъ тушить пожары. Поговаривали, что въ сгорѣвшемъ Симбирскѣ бросили въ огонь нѣсколькихъ ссыльныхъ. Полякамъ въ Оренбургѣ администрація объявила, что въ случаѣ какого-нибудь пожара въ городѣ всѣ они будутъ разосланы по башкирскимъ деревнямъ, такъ какъ «русскіе города выстроены не для того, чтобы ихъ поляки жгли». Угроза не была исполнена, но лишеннымъ всякаго заработка ссыльнымъ приходилось плохо. И будущій авторъ такихъ трудовъ, какъ «Kosciuhqo» (Костюшко), «Dola i niedola Jana Sobieskiego» (Доброя и злая доля Яна Собѣскаго) и мн. др., вынужденъ былъ часто голодать вмѣстѣ съ семьей, несмотря на все желаніе трудиться; пытался заниматься прикладной живописью—подкрашиваніемъ фотографическихъ карточекъ, но это занятіе давало очень скудный и весьма нерегулярный заработокъ. Такая жизнь, полная матеріальныхъ лишеній и нравственныхъ пытокъ, продолжалась почти пять лѣтъ. Къ концу этого срока послѣ долгихъ препятствій разрѣшено было Т. Корзону уѣхать сперва въ Петроковъ (Piotrqow), а затѣмъ и въ Варшаву. Здѣсь началась тяжелая трудовая жизнь непризнаннаго ни учебнымъ ни административнымъ начальствомъ польскаго педагога. Послѣ 7-ми ежедневныхъ уроковъ, т.-е. 42 часовъ еженедѣльно, находилъ Т. Корзонъ еще охоту и время, прерываемое наблюденіемъ за школьниками-квартирантами, для безпрерывныхъ научныхъ трудовъ... На этомъ оканчиваются пока изданныя воспоминанія. Будемъ надѣяться, что авторъ пожелаетъ продолжать это правдивое повѣствованіе о своей изумительной трудовой жизни, многоцѣнной научной дѣятельности, проходившей въ столь необыкновенныхъ условіяхъ.

Б. Ставэно.

Александръ I въ роли цензора въ 1812 г.

Нельзя не привѣтствовать возобновленія изданія «Сборниковъ, Истор. матер., извлечь изъ архива С. Е. И. В. Канцеляріи», пріостановленныхъ выпускомъ со смертью акад. Дубровина: въ нихъ заключается много первостепенной важности историческихъ документовъ. Недавно вышедшій

выпускъ 14 «Сборника» носитъ юбилейный характеръ и посвященъ рапортамъ Барклая-де-Толли, Багратіона и Кутузова за 1812 г. (Документы, относящіеся къ исторіи 1812 г. подъ редакціей пр. доц. В. Строева, Спб., 1913 г., ц. 1 р. 50 к.). Самые матеріалы въ сущности не представляютъ интереса большой новизны, такъ какъ большинство рапортовъ, какъ и отмѣчаетъ редакторъ, были уже напечатаны въ различныхъ изданіяхъ. Значеніе ихъ новой публикаціи, конечно, въ томъ, что они печатаются въ точныхъ копіяхъ и сопровождаются неизвѣстными до сихъ поръ помѣтками, сдѣланными на рукописяхъ Александромъ I. Замѣтки это, дѣйствительно, чрезвычайно интересны: они характерны для личности Александра, отчетливо показываютъ, какъ цензировалъ императоръ тѣ донесенія, которыя публиковались во всеобщее свѣдѣніе: вычеркивалось, конечно, все мало-мальски неблагопріятное для состоянія русской арміи. И вотъ въ связи съ подобнымъ цензированіемъ получаетъ совсѣмъ иное освѣщеніе одинъ любопытный фактъ, раскрытый въ литературѣ въ періодъ истекшаго столѣтняго юбилея и вызвавшій большую сенсацію въ періодической печати. Мы имѣемъ въ виду исторію съ опубликованіемъ рапорта Кутузова о Бородинскомъ сраженіи. Онъ, какъ извѣстно, былъ опубликованъ въ *С.-Пет. Вѣд.* (1812 г.) далеко не полностью, при чемъ было выброшено все, говорившее о разстройствѣ арміи послѣ битвы. На основаніи разслѣдованій въ московскомъ Лефортовскомъ архивѣ, въ прошломъ году было установлено, что всѣ измѣненія будто бы были сдѣланы рукой Аракчеева. Отсюда явились предположенія, что Александръ даже не зналъ о дѣйствительномъ положеніи дѣла послѣ Бородинскаго сраженія, какъ оно выступало изъ донесенія Кутузова. Это какъ бы давало возможность Александру много разъ говорить о безусловной побѣдѣ 26 августа. Такъ, между прочимъ, онъ писалъ 18 сент. сестрѣ Екат. Павл. и ранѣе Винцингероде и т. д. Итакъ, выходило, что Александру сокрыли правду, и виновникомъ обмана является Аракчеевъ. Правда, мы указывали тогда же (т. IV юбилейнаго изданія «Отечественная война и русское общество» стр. 30), что въ дѣйствительности Александръ уже несомнѣнно былъ освѣдомленъ къ 13 сентября о характерѣ «побѣдоноснаго» сраженія 26 августа: зналъ болѣе или менѣе истину изъ донесенія полк. Мишо 9 сентября и письма Винцингероде 13 сентября. Но допустимъ, что Александръ все же сомнѣвался, а не сознательно утаивалъ правду. Это предположеніе съ опубликованіемъ подлиннаго донесенія Кутузова съ самоличными поправками Александра падаетъ: *всѣ поправки сдѣланы рукой Александра*, какъ констатируетъ редакторъ изданія. А мѣсто о томъ, что Кутузовъ будто бы ночевалъ «на мѣстѣ сраженія» вставлено вовсе не Аракчеевымъ, а заключается въ рапортѣ Кутузова. Послѣднее, впрочемъ, и естественно: трусливому Аракчееву, склонявшему Александра на миръ, и не было вовсе нужды смягчать донесенія Кутузова и скрывать отъ Александра истину.

С. Мельгуновъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Акты писцоваго дѣла. Матеріалы для исторіи кадастра и прямого обложенія въ Моск. государствѣ. Т. I. Акты 1587 — 1627 гг. Собралъ и редакт. С. Веселовскій. Изд. Имп. Об-ва Исторіи и Древн. Росс. при Моск. унив. Цѣна 3 р.

Веселовскій, Юрій. Этюды по русской и иностранной литературѣ. Т. I. Кн-во «Звѣзда». Н. Орфеновъ. Ц. 50 к.

Деревенскія пѣсни-частушки, собранныя В. И. Симаковымъ. «Библіотечка Народнаго Творчества», 6 выпусковъ. Изд. В. И. Симакова. Цѣна выпуска 5 коп.

Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой 1854 — 1855 гг. Редакція и примѣчанія кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Кн-во «Огни». Ц. 1 р. 25 к.

Доброжинскій, Н. А. Къ Ляоянскому бою, 18, 19, 20 и 21 августа 1904 года. На замѣну статьи, помѣщенной въ журналѣ «Развѣдчикъ» 13 октября 1909 года № 989. По поводу статьи Е. И. Мартынова о Ляоянскомъ боѣ. Ц. 50 коп.

Донъ-Жуанъ на тронѣ. (Августъ Сильный, король польскій и курфюрстъ саксонскій.) По историческимъ матеріаламъ современниковъ Августа Сильнаго, собраннымъ граф. Санъ-Сальваторомъ. Пер. съ нѣмецк. Кн-во «Звѣзда». Н. Орфеновъ. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія западной литературы. (1800 — 1910 г.), подъ ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Т. I, 1-ая и 2-ая книги. Изд. Т-ва «Міръ».

Описаніе славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи А. А. Титова. Т. VI. Сборники и рукописи Бозянскаго, прот. Діева и Мельникова-Печерскаго.

Пирлингъ, П. Историческія статьи и замѣтки. Изд. Я. Башмакова и К-о. Цѣна 1 р. 25 коп.

Рождественскій, Н. В. О памятникѣ въ Москвѣ патріарху Гермогену и архимандриту Діонисію. Изд. Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. университ. Цѣна не обозначена.

Рябининъ, И. С. Нѣкоторыя данныя для характеристики настроенія бѣлорусскаго общества въ эпоху четырехлѣтняго сейма 1788 — 1792 гг. Изд. Имп. Общ. Истор. и Древностей Россійскихъ при Моск. унив. Цѣна не обозначена.

Симаковъ, В. И. Нѣсколько словъ о деревенскихъ припѣвкахъ-частушкахъ. Ц. 10 коп.

Словацкій, Юлій. Марія Стюартъ. Историч. драма въ 5-ти дѣйств. Перев. съ польск. Н. А. Янчукъ. Со вступительною статьею, примѣчаніями и иллюстраціями. Цѣна не обозначена.

Толстой, Л. Н. Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича, умершаго 20 января 1864 г., купца Хромова. Со вступительной статьей В. Г. Короленко и примѣчаніями В. Г. Черткова. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Ц. 20 коп.

Кн. Трубецкой, Евгеній. Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева. Т. II. Изданіе автора.

Труды Полтавской Ученой Архивной комиссіи. Изд. подъ редакц. дѣйств. членовъ комиссіи И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и А. В. Падалки. Вып. X.

Янчукъ, Н. А. Николай Николаевичъ Миклухо-Маклай и его ученые труды. Къ 25-лѣтію его кончины (1846—1888). Цѣна не обозначена.

НОВЫЯ КНИГИ.

Автономовъ, Н. П. «Всякая всячина». (Сатирико-нравоучительный журналъ 1769 — 1770 гг.). Опытъ изслѣдованія.

В. А. Верещагинъ. Русская каррикатура. III. А. О. Орловскій.

Веселовскій, А. Н. Собраніе сочиненій. Т. II, вып. I.

Военскій, К. Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 г. Т. III.

Воспоминанія **Герминіи Осиповны Лишиной,** рожденной баронессы Веліо.

Врангель, Н. Н. Вѣнокъ мертвымъ. Художественныя историческія статьи.

Врангель, Н. Н. Наслѣдіе вел. кн. Маріи Николаевны.

Галлерея портретовъ царствующаго дома Романовыхъ. Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Ганжулевичъ. Крестьянство въ русской литературѣ XIX в.

Дельвигъ, А. Н. Мои воспоминанія. Т. II.

Замятинъ, Г. А. Къ вопросу объ избраніи Карла-Филиппа на русскій престолъ (1611 — 1616 гг.).

Записки гр. **Н. Е. Комаровскаго.**

Изъ бумагъ князей **Васильчиковыхъ.**

Историческія свѣдѣнія о кабардинскомъ народѣ.

Кауфманъ, И. И. Бумажныя деньги въ Австріи 1762 — 1911 гг.

В. Ключевскій. Исторія сословій въ Россіи.

Ключевскій, В. Очерки и рѣчи. Второй сборникъ статей.

Н. М. Лисовскій. Русская періодическая печать 1703 — 1900 гг. Вып. III, 1881 — 1900 гг.

Майковъ, А. Н. Полное собраніе сочиненій. Тт. I — IV.

Николай Михайловичъ, вел. кн. Письма Высочайшихъ особъ къ гр. А. С. Протасовой.

Николай Михайловичъ, вел. кн. Петербургскій Некрополь. Т. IV.

Никольскій, В. П. Альбомъ. Бородинская битва и ея 100-лѣтній юбилей 24 — 26 авг. 1812 — 1912 гг.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительств. Синода. Т. IX и т. XXIX.

Орловъ, А. Чаши Государевы.

Письма кн. П. А. Вяземскаго къ А. А. Воейковой.

Покрышкинъ, П. П. Иконы Московскаго придворн. собора Спасъ-на-Бору.

I. Иконы, писанныя ранѣе начала XVII вѣка.

Протоколы комиссіи по церковному праву при Московск. юридическомъ обществѣ за 1911 — 1912 гг. Сост. и издано подъ наблюденіемъ **А. Н. Покровскаго.**

Пыпинъ, А. Н. Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ.

Рамачараха, I. Основы міросозерцанія индійскихъ іоговъ.

Россія и Италія. Сборникъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся сношеній Россіи съ Италіей. Т. II-й; вып. 2-ой.

Рывкинъ, М. Д. Навѣтъ. Романъ изъ эпохи Александра I — Николая I.

Сакулинъ, П. Н. Изъ исторіи русскаго идеализма. Кн. В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель-писатель. Т. I, ч. 1-я и 2-я.

Сборникъ Истор. - фил. общ. при институтѣ кн. Безбородко. Т. VIII.

Своеручныя записки кн. Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г-ф. гр. Б. П. Шереметева.

Семенковичъ, В. Н. Гелоны и мордва. Матеріалы и изслѣдованія по исторической географіи верховьевъ Дона и Оки. Вып. I.

Сигналевичъ, С. П. Изъ лекцій по польской исторіографіи.

Сташевскій, Е. Очерки по исторіи царствованія Мих. Ѳ. Ч. I.

Танковъ. Историческая лѣтопись курскаго дворянства. Т. I.

Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Кн. XIII.

Тэнъ Ипполитъ. Путешествія по Италіи. Перев. П. П. Перцова. Т. I.

Успенскій, А. И. Словарь художниковъ, въ XVIII вѣкѣ писавшихъ въ Императорскихъ дворцахъ.

Худенковъ. Исторія танцевъ.

Чарторижскій, А. Мемуары и переписка съ имп. Александромъ I. Т. II. Подъ редакціей А. А. Кизеветтера.

Щербина, Ф. А. Исторія кубанскаго казачьяго войска. Т. II. Съ военно-историч. картой Кубанск. обл. за 1800 — 1860 гг.

Peter und Alexej. Tragödie von Henry Heiseler. (отзывъ А. А. Кизеветтера въ *«Рус. Мыс.»* № 5.

Goobh, G. P. History and Historians in the Nineteenth Century. Попытка изобразить развитіе исторической науки въ главнѣйшихъ странахъ Европы и Америки за XIX в. Достоинства книги — громадны. Она должна стать настольной книгой не только изучающихъ исторію, но и всякаго интеллигентнаго человѣка. Особенно удачны характеристики нѣмецкихъ ученыхъ: Нибура, Моммсена, Ранке, Зибеля, Трейчке. (Westminster Gazette.)

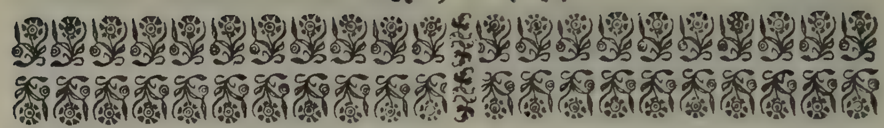
Murrey, D. Four Stages of Greek Religion. Авторъ предупреждаетъ, что въ его намѣренія не входитъ дать полную исторію греческой религіи; его задача— освѣтить лишь нѣкоторые пункты, недостаточно изученные до него. Живо и ярко написанная книга читается съ увлеченіемъ. Особый интересъ представляетъ послѣдній отдѣлъ, посвященный эпохѣ эллинизма. (Westminster Gazette.)

Wilson, Ph. The Beginnings of Modern Ireland. Wilson интересуется исторіей Ирландіи въ XVI в., въ эпоху Тюдоровъ, такъ какъ, по его мнѣнію, именно съ этого момента начинается исторія *современной* Ирландіи съ ея типическими особенностями. Въ XVI в. Wilson ищетъ, такимъ образомъ, корни «ирландскихъ страданій». Эти корни онъ видитъ не въ расовомъ составѣ ирландскаго народа и не во вліяніи римско-католической церкви, но исключительно въ политикѣ англійскаго правительства. Нѣкоторые выводы книги спорны и малообоснованы, но все же это—тщательное и безпристрастное историческое изслѣдованіе. (Westminster Gazette.)

Lamprecht, Karl. Einführung in das historisbhe Denken. Въ этой книгѣ Лампрехтъ выступаетъ въ новой для него роли. Разнообразіе, своего рода универсализмъ научныхъ интересовъ автора, отражается въ работѣ въ видѣ поражающаго богатства возбуждающихъ мысль идей. (Berliner Tageblatt.)

Davidsohn, Robert, Geschichte von Florenz, III Band. Авторъ этой монументальной исторіи Флоренціи строитъ свое зданіе на такой массѣ напечатаннаго и не напечатаннаго матеріала, что, пожалуй, можно говорить даже о его излишествѣ. Вновь вышедшій третій томъ изображаетъ послѣднюю борьбу демократическаго города - государства противъ имперской власти и обнимаетъ короткій періодъ около четверти вѣка, хотя и содержитъ цѣлыхъ 883 страницы лексиконнаго формата. (Berliner Tageblatt.)

Schüler, Wilgelm, Abriss der neueren Geschichte Chinas. Прекрасное руководство къ новѣйшей исторіи Китая, предназначенное для широкихъ круговъ читателей. Въ видѣ краткаго введенія авторъ даетъ очеркъ древнѣйшей исторіи Китая. Чѣмъ ближе къ XIX в., тѣмъ детальнѣе изложеніе, а исторія XIX в. разсказана очень подробно. (Vossische Zeitung.)

Новый трудъ по экономической исторіи Россіи.

(Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій. «Исторія русскаго народнаго хозяйства», т. I. Кіевъ, 1911).

Заглавіе книги г. Довнаръ-Запольскаго у многихъ изъ ея читателей вызоветъ, вѣроятно, такое же разочарованіе, какъ у пишущаго эти строки. «Исторія русскаго народнаго хозяйства», многотомная, ученая—вѣдь это то, чего мы ждемъ не дождемся уже много лѣтъ. Исторія учрежденій разработана , для Россіи, очень хорошо, даже съ исторіей «духовной культуры», литературы, искусства дѣло обстоитъ весьма недурно, а экономическая эволюція Россіи все еще, по классическому выраженію, «ждетъ своего изслѣдователя». Есть отдѣльныя монографіи, но все это, разрозненное, между собою мало согласованное, часто написанное съ разныхъ точекъ зрѣнія, такъ что одну книгу нельзя разсматривать какъ продолженіе другой, и очень многія книги сохранили теперь значеніе лишь какъ сборники матеріала. И вотъ нашелся человѣкъ, который всѣ эти disiecta membra готовъ собрать въ одно цѣлое и обѣщаетъ намъ рядъ томовъ по экономической исторіи Россіи. Вы берете книгу, видите передъ собою небольшой томъ въ 360 страницъ крупной печати—это еще, конечно, ничего: можетъ-быть, авторъ мастеръ излагать свой предметъ сжато. Перелистывая книгу, замѣчаете полное отсутствіе «ученаго аппарата», точныхъ ссылокъ и цитатъ—это уже хуже: значитъ, всякое утвержденіе автора придется провѣрять путемъ длинныхъ и кропотливыхъ самостоятельныхъ разысканій въ его источникахъ. Начинаете, наконецъ, читать предисловіе и узнаете, что «настоящая книга составилась изъ лекцій, которыя авторъ читалъ въ университетѣ св. Владиміра и Кіевскомъ коммерческомъ институтѣ». Итакъ, это всего только университетскій курсъ, одинъ изъ безчисленнаго количества курсовъ, читающихся въ разныхъ россійскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но, возразитъ намъ читатель, и университетскій курсъ можетъ быть крупнымъ научнымъ событіемъ: возьмите «Курсъ» Ключевскаго. Такъ—но вѣдь этотъ послѣдній «Курсъ» сконденсировалъ результаты двадцатилѣтней работы, работы геніальнѣйшаго изъ русскихъ историковъ послѣдней четверти XIX-го столѣтія. Г. Довнаръ-Запольскій—въ этомъ не можетъ быть сомнѣній—издалъ *первую* редакцію своего курса. Доказательства? Ихъ сколько угодно. Раскройте II-ю главу «Обзоръ условій экономическаго развитія Россіи», вы находите на второй же страницѣ (44 стр. всей книги) такую тираду: «..... Сѣверъ Европейской Россіи, охватывающій собою страну въ 20.000 кв. географическ. миль (если провести линію отъ *Вассы* черезъ *Петропавловскъ*, Устюгъ Великій и Чердынь),

по словамъ Венюкова, самою природою назначенъ лишь для полудикихъ звѣроловов и рыболововъ, и здѣсь цивилизованный человѣкъ можетъ жить только по нуждѣ. Юго-востокъ Европейской Россіи, по линіи Кагула, Елисаветграда, Харькова, Саратова и Бузулука до морей Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго и до подошвы Кавказа, т.-е. площадь въ 12.000 кв. миль, представляетъ собою безлѣсную страну, въ большинствѣ случаевъ покрытую солончаками. Если исключить названныя два пространства, *въ которыхъ жизненныя условія весьма затруднительны*, то...» и т. д. (курсивъ нашъ). Не ищите на картѣ Европейской Россіи «*Вассы*» и «*Петропавловска*»—вы ихъ не найдете: вы найдете «Вазу» (въ Финляндіи—по-шведски произносится правда «Васа») и «Петрозаводскъ». Но, скажетъ авторъ, это опечатки: это виноватъ корректоръ, а не я. Но пусть онъ вчитается во вторую половину своей тирады. Пусть онъ самъ проведетъ свою вторую линію, отъ Кагула до Бузулука черезъ Елисаветградъ и Харьковъ: къ юго-востоку отъ нея, въ качествѣ страны, «въ большинствѣ случаевъ покрытой солончаками», въ которой «жизненныя условія весьма затруднительны», у него окажутся вся Новороссія съ Крымомъ, Область войска Донского, Кубанская область... Далѣе. «Къ невыгодамъ пространства, занятаго Европейской Россіей, относится и то обстоятельство, что почва ея лишена минеральныхъ богатствъ», читаемъ мы на стр. 46-й. «Мы говоримъ, конечно, о той части ея, на которой развивалась русская исторія до XIX столѣтія, т.-е. исключая югъ Россіи съ его минеральными богатствами и Уралъ, разработка богатствъ котораго началась только съ Петра Великаго. Такимъ образомъ, *основное пространство, гдѣ развивалась историческая жизнь, было лишено столь необходимаго минерала, какъ желѣзо*» (курсивъ опять нашъ). Пусть г. Довнаръ возьметъ энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, статью «Россія», отдѣлъ «Минеральныя богатства Россіи», онъ узнаетъ, что «залежи *желѣза* во многихъ мѣстахъ Россіи громадны» и что, въ частности, въ предѣлахъ бывшаго Московскаго государства («основное пространство, гдѣ развивалась историческая жизнь») такія залежи имѣются въ губерніяхъ Калужской, Тульской, Рязанской, Нижегородской, Владимирской, Вологодской, Олонецкой и т. д. А какъ историкъ русскаго народнаго хозяйства, онъ долженъ знать, что первые въ Россіи желѣзодѣлательные заводы — XVII вѣка, и возникли они у насъ въ подмосковномъ районѣ—главнымъ образомъ, около Тулы. Далѣе, на стр. 49-й мы читаетъ: «Небольшая Валдайская возвышенность представляетъ собою холмистое пространство, которое далеко не можетъ претендовать на какое бы то ни было вліяніе на климатическія или другія условія страны. Она служитъ лишь водораздѣломъ, питающимъ значительнѣйшія русскія рѣки: Волгу, Западную Двину, Днѣпръ, Донъ и даже Мсту и Ловать. Параллельно съ этой возвышенностью идетъ и другая, отдѣленная отъ первой низкой равниной, Приволжская возвышенность...» Послѣдняя фраза разрѣшаетъ недоумѣніе, вызываемое первой: подъ «Валдайской» возвышенностью авторъ понимаетъ Средне-русскую; но мы можемъ его увѣрить, что она отнюдь не «небольшая»—тянется на 1.300 верстъ, почему и можетъ питать столь отдаленныя другъ отъ друга рѣки, какъ Донъ, съ одной стороны, Мста и Ловать—съ другой. Съ «Валдайскихъ» же горъ Донъ никогда не текъ. Количество подобныхъ выписокъ можно бы еще увеличить, но мы не станемъ больше мучить своего читателя. Болѣе торопливо изданную книгу, чѣмъ работа г. Довнаръ-Запольскаго, трудно указать въ русской исторической литературѣ. А между тѣмъ никакъ нельзя сказать, чтобы основная мысль, развиваемая въ только что цитированной II главѣ авторомъ, была невѣрна. Эта мысль сводится къ тому, что главный «театръ» русской исторіи до

XIX вѣка представляетъ собою сочетаніе физическихъ особенностей, на рѣдкость неудобное для экономическаго прогресса,—болѣе «неблагодарной» мѣстности во всей Европѣ нѣтъ. Въ общемъ говоря, очень правильно, если только внести надлежащее ограниченіе, чего г. Довнаръ, къ сожалѣнію, не дѣлаетъ: некультурный и скудный характеръ присущъ, главнымъ образомъ, «основному пространству»—т.-е., опять-таки, территоріи Московской Руси. Уже Украйна—театръ начальной русской исторіи—гораздо благодарнѣе: ея климатическія и почвенныя условія нормальныя для средней Европы. А охваченное русской колонизаціей въ XVIII вѣкѣ Черноморье приближается даже въ этомъ отношеніи къ Европѣ западной и южной: въ Кубанской области, которую нашъ авторъ покрылъ солончаками и сдѣлалъ «весьма затруднительной» для проживанія тамъ, растутъ такіе абрикосы, какихъ не видать окрестностямъ Парижа,—а въ Анапѣ можно найти виноградъ, какого въ Парижѣ ни за какія деньги не купишь. Жизненныя условія восточно-европейской равнины весьма разнообразны: на ней умѣстились и черноморскія степи, и озерная область. Историко-географическій вопросъ и заключался въ томъ, чтобы опредѣлить: что загнало великорусскій народъ, въ періодъ его политической формаціи, въ самую унылую часть этого огромного пространства? Великорусскій—потому что украинцы все время жили въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Но это все ошибки, такъ сказать, внѣшнія, объясняемыя особенностями (хотя отнюдь не «потребностями») «устнаго изложенія». Мы должны сдѣлать одну оговорку: въ построеніяхъ автора огромную роль играетъ археологическій матеріалъ, привлекаемый г. Довнаръ-Запольскій въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ. Это, нужно сказать, придаетъ его изложенію большую свѣжесть: до сихъ поръ историки-экономисты этимъ матеріаломъ почти не пользовались. Мы послѣ увидимъ, какой методологической опасности подвергается авторъ, оставляя «говорить камни». Пока мы остаемся въ области конкретныхъ утвержденій—и къ нимъ относится наша оговорка: авторъ настоящей замѣтки не считаетъ себя спеціалистомъ по древне-русской археологіи, почему и не берется провѣрять данныя г. Довнара, поскольку онѣ заимствованы изъ этой области. Конечно, если бы книга была озаглавлена: «Археологическія данныя, какъ источникъ для экономической исторіи древней Руси», не-археологу нечего было бы и дѣлать съ фактической частью книги: оставалось бы выяснить вопросъ, насколько ея выводы согласуются съ тѣмъ, что можно считать установленнымъ въ исторіи хозяйства вообще. Но г. Довнаръ-Запольскій озаглавилъ свою книгу «Исторіей русскаго народнаго хозяйства» и привлекаетъ къ дѣлу, наравнѣ съ результатомъ раскопокъ, также и тексты; это дѣлаетъ книгу и въ ея фактической части уязвимой и для не-археолога, для историка въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. И вотъ историкъ долженъ сказать, что поспѣшнымъ является не только *изложеніе* нашего автора: и въ подготовительной работѣ, на которую опирается это изложеніе, чувствуется та же спѣшка. Приведемъ опять нѣсколько примѣровъ. На стр. 327 авторъ пытается опредѣлить высоту заработной платы въ «древней Руси». Опорными пунктами для него являются: одна не совсѣмъ ясная статья Карамзинскаго списка Русской Правды—текстъ, предположительно, XIII вѣка; судебникъ царя Константина—памятникъ, возникшій не то въ Болгаріи, не то въ Моравіи около IX столѣтія; данныя объ оплатѣ труда мастеровыхъ въ Псковѣ въ началѣ XV вѣка. Изъ всѣхъ этихъ, весьма, какъ видитъ читатель, разнообразныхъ матеріаловъ склеивается цѣлое, которое должно бы поразить всякаго изслѣдователя, хотя нѣсколько «мыслящаго экономически»: оказывается, что годовая батрачка на хозяйскихъ

харчахъ зарабатывала въ «древней Руси» до 100 рублей на наши деньги! Тогда какъ въ настоящее время ей нигдѣ, даже подъ Петербургомъ, не заработать больше 50 рублей. Хорошо было быть рабочимъ въ «древней Руси»... Этотъ примѣръ особенно показателенъ для одной черты нашего автора: отсутствія у него всякой исторической перспективы. Вѣдь совершенно ясно, что на протяженіи *шести столѣтій* (IX—XV вѣкъ) заработная плата должна была испытать цѣлый рядъ колебаній: что даже въ одно и то же время въ Болгаріи и во Псковѣ она могла быть весьма различна: для нашего автора все это—«древняя Русь», и эта «древняя Русь» равна себѣ на всемъ своемъ протяженіи. Никакой попытки прослѣдить *эволюцію цѣнъ* у автора нѣтъ и въ поминѣ. Съ цѣнностью денегъ повторяется то же самое, что съ заработной платой. На стр. 211 авторъ устанавливаетъ разницу въ цѣнѣ гривны *кунъ* и гривны *серебра*, т.-е. устанавливаетъ курсъ на серебро, существовавшій въ его «древней Руси»: «Гривна серебра,—категорически и безъ оговорки утверждаетъ онъ,—была въ $7^1/_2$ разъ больше гривны кунъ». Но, во-первыхъ, *курсъ* этотъ мѣняли; основное направленіе этихъ перемѣнъ давнымъ-давно установлено Ключевскимъ: чѣмъ позже, тѣмъ серебро стоило дороже. Стало-быть, какое бы то ни было сравненіе двухъ денежныхъ единицъ, кунной и серебряной, допустимо только въ опредѣленныхъ хронологическихъ рамкахъ. Но г. Довнаръ никакого опредѣленнаго момента, къ которому пріурочивался бы его «курсъ на серебро», не указываетъ: а мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, одинъ моментъ, для котораго его расцѣнка не подходитъ. Въ 1229 году, какъ видно изъ заключеннаго въ этомъ году договора Смоленска съ Ригою и Готландомъ, гривна серебра равнялась 4 гривнамъ кунъ, а не $7^1/_2$. Авторъ не объясняетъ намъ, почему онъ игнорируетъ это, вполнѣ опредѣленное, конкретное указаніе (косвенно подтверждаемое и другимъ документомъ—мирной грамотой новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г.). Между тѣмъ, страннымъ образомъ, оно больше ладитъ съ его взглядомъ на роль драгоцѣнныхъ металловъ въ «древней Руси», нежели его собственный расчетъ. Г. Довнаръ-З. всячески внушаетъ своему читателю, что древне-русскій денежный оборотъ былъ очень великъ по объему и интенсивенъ. «Среди населенія обращалось значительное количество драгоцѣнныхъ металловъ,—говоритъ онъ.—Скоплявшіеся въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ капиталы вообще имѣли внушительный размѣръ. Онъ внушителенъ даже для настоящаго времени, если просто перевести на вѣсъ тѣ драгоцѣнные металлы, свѣдѣнія о размѣрахъ которыхъ до насъ дошли» (стр. 332). «Какъ бы мы ни расцѣнивали тогдашнюю гривну, все же ясно, что капиталы, которыми частныя лица обладали въ древней Руси, представляютъ собою огромное состояніе и что количество такихъ лицъ безспорно было велико» (стр. 336). «Если у древне-русскихъ людей скоплялись большія богатства, то, съ другой стороны, видные люди того времени несли большіе расходы» (стр. 339). Разсказы лѣтописи о «множествѣ золота и серебра» авторъ вездѣ принимаетъ и въ буквальномъ и въ фигуральномъ смыслѣ слова «за чистую монету». Но разъ серебряная и золотая монета встрѣчалась тогда въ такомъ изобиліи, ея покупная сила не могла быть *чрезмѣрно* высока, сравнительно съ временами болѣе поздними. Между тѣмъ, принимая гривну кунъ за 100 современныхъ рублей (стр. 327), а гривну серебра за $7^1/_2$ гривенъ кунами (стр 211), мы получимъ для серебряной гривны, т.-е. для слитка серебра вѣсомъ отъ $1^1/_3$ до $^1/_2$ фунта—750 рублей. Серебро стоило отъ 1.500 до 2.250 рублей фунтъ, по этому расчету, — тогда какъ теперь оно стоитъ не болѣе 20 рублей за фунтъ: въ «древней Руси» металлы были отъ 75 до $112^1/_2$ разъ дороже, чѣмъ теперь! Одно изъ двухъ: или металлъ въ кіевской Руси былъ такъ же рѣ-

докъ, какъ въ XV вѣкѣ (рубль XV в., какъ извѣстно, равнялся 100 теперешнимъ)—тогда ни о какомъ «множествѣ серебра и золота» для тѣхъ временъ говорить не приходится или расчетъ г. Довнара-З. придется очень понизить. Если принять расчетъ одного изъ оппонентовъ автора (приводимый имъ въ примѣч. къ стр. 329), считающаго гривну кунъ, минимально, за 24 рубля,—и считать въ гривнѣ серебра 4 гривны кунъ, вмѣстѣ съ проф. Владимірскимъ-Будановымъ, то фунтъ серебра будетъ стоить 200—270 рублей: въ 10—15 разъ дороже современнаго. Это вполнѣ допустимо: торговые обороты городской Руси XI—XIII вв. могли быть немногимъ ниже таковыхъ же Московскаго государства XVII вѣка—временъ зарожденія русскаго меркантилизма. Рубль же Алексѣя Михайловича—содержавшій въ себѣ приблизительно вдвое болѣе серебра, чѣмъ современный—по своей покупной силѣ равнялся 17 теперешнимъ, согласно извѣстному изслѣдованію Ключевскаго[1]). Для московской Руси XVII в. мы имѣемъ, такимъ образомъ, отношеніе 1: 8,5, для кіевской нѣтъ большихъ препятствій принять 1 : 10 или 1 : 12.

Но признаніе кіевской Руси страною относительно развитого денежнаго хозяйства вовсе еще не обязываетъ насъ признавать непреложною истиной розсказни монаховъ-лѣтописцевъ о «золотѣ и серебрѣ бещисла», розданномъ тѣмъ или другимъ княземъ церквамъ и монастырямъ. Вполнѣ естественно, что монахи старались раскрасить душеспасительные и полезные для нихъ примѣры самыми яркими красками: но давать себя гипнотизировать подобными разсказами и принимать слова лѣтописи за документъ такъ же странно, какъ принимать древне-русскія иконы за фотографіи. Между тѣмъ, стремясь возможно скорѣе набрать какъ можно больше, какъ можно болѣе яркихъ картинъ для иллюстраціи своихъ, слишкомъ поспѣшно составленныхъ, обобщеній, нашъ авторъ позволяетъ лѣтописи загипнотизировать себя до того, что буквально перестаетъ видѣть настоящіе, подлинные документы. На стр. 323 мы читаемъ: «Лѣтопись сохранила намъ замѣчательный образчикъ состава богатства волынскаго князя Владимира Васильковича, умершаго въ 1287 году. Это былъ очень рачительный хозяинъ, человѣкъ, отличавшійся точностью, аккуратностью. Лѣтописецъ описываетъ, какимъ церквамъ и сколько онъ давалъ драгоцѣнныхъ сосудовъ. Запись настолько подробна, что можно предположить о знакомствѣ освѣдомленнаго лѣтописца съ офиціальными расходными записями князя... Не знаемъ, приводитъ ли лѣтописецъ полный перечень всего, пожертвованнаго княземъ, но, во всякомъ случаѣ, эти пожертвованія были весьма многочисленны, что указываетъ на богатство князя. Но, очевидно, это богатство состояло изъ движимаго имущества, преимущественно изъ драгоцѣнныхъ металловъ и каменьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ завѣщаніи князь перечисляетъ свое недвижимое имущество. Оно состояло изъ города Кобрина и четырехъ селъ, одно изъ которыхъ было куплено самимъ княземъ, при чемъ за село было заплачено относительно небольшая сумма денегъ, всего 60 гривенъ кунъ, да въ придачу 5 локтей скорлата и дощатая броня. Итакъ, князю принадлежало всего четыре сельскихъ участка и городокъ, населеніе и доходность котораго трудно учесть... Ясно, что богатства князя Владимира не основывалось на землевладѣніи»... Если теперь вы возьмете лѣтопись и станете въ ней искать слѣдовъ «офиціальныхъ расходныхъ записей» князя Владимира, то вы ничего подобнаго не найдете: зато найдете обширную стереотипную «похвалу» этому благочестивому государю, часто «снимавшему-

[1]) Точнѣе — 17 рублямъ времени Александра III: изслѣдованіе Ключевскаго вышло въ 1884 г.

ся со епископы и игумены». Въ этой «похвалѣ» и тотъ списокъ церковныхъ пожертвованій, о которыхъ говоритъ нашъ авторъ: совершенно очевидно, что покойный князь былъ щедрымъ благотворителемъ церквей и монастырей, и вообще человѣкомъ очень набожнымъ (одно «евангеліе апракосъ» и нѣсколько «апостоловъ» онъ «самъ списалъ»). Но чтобы все богатство Владимира Васильковича состояло изъ движимаго имущества, отсюда еще не слѣдуетъ, напротивъ, есть полная возможность допустить, что всѣ эти евангелія и апостолы были «окованы» серебромъ и золотомъ на доходы съ недвижимыхъ имѣній. Ибо прежде всего другой князь Владимиръ былъ *крупнымъ землевладѣльцемъ*—лѣтопись упоминаетъ не одинъ а нѣсколько городовъ, ему принадлежавшихъ (кромѣ Кобрина, еще Любомль, гдѣ князь и умеръ, Всеволожь, Каменецъ и др.) и много селъ. Въ завѣщаніи также совершенно опредѣленно объ этомъ упоминается: «Землю свою всю и *городы*» Владимиръ оставилъ брату Мстиславу. А городъ Кобринъ съ четырьмя селами, это была *вдовая часть*, оставлена на прожитокъ княгинѣ. «Ясно», что г. Довнаръ-Запольскій такъ увлекся церковнымъ славословіемъ, принявъ ихъ за документъ, что настоящаго документа не прочелъ до конца, вѣрнѣе, началъ читать не съ начала, ибо о Мстиславѣ въ завѣщаніи говорится раньше, чѣмъ о княгинѣ.

Но мы боимся, что читатель уже утомленъ нашимъ перечнемъ ошибокъ и недоразумѣній г. Довнаръ-Запольскаго, а этотъ послѣдній въ правѣ былъ бы претендовать на насъ, если бы мы ограничились перечнемъ техническихъ недочетовъ его работы, не коснувшись ея идейнаго содержанія, тѣхъ взглядовъ, которые развиваются на страницахъ «Исторіи русскаго народнаго хозяйства», т. I. Меньше всего намъ хотѣлось бы говорить о самыхъ общихъ взглядахъ г. Довнара, излагаемыхъ въ главѣ первой («Введеніе. Научныя схемы экономическаго развитія»). Не хотѣлось бы потому, что авторъ безнадежно путаетъ «исторію» и «теорію» народнаго хозяйства, и разъясненію этой путаницы пришлось бы, совершенно непроизводительно съ точки зрѣнія интересовъ читателя, отвести цѣлый рядъ страницъ. Къ счастью, авторъ самъ признался косвенно, что къ главной части его работы «введенія» со всѣми изложенными въ немъ «схемами» никакого отношенія не имѣютъ. Во введеніи онъ чрезвычайно горячо адоптируетъ схему П. П. Маслова (стр. 7—10), кладущаго въ основу своей классификаціи *производство*; между тѣмъ г. Довнаръ начинаетъ свою книгу съ характеристики *обмѣна*, посвящаетъ ему пять главъ изъ тринадцати и, фактически, большую половину своей книги (стр. 71—220, при чемъ собственно «исторія русскаго народнаго хозяйства» и начинается съ 71-й страницы, ранѣе стоятъ два «введенія»: методологическое и, уже разобранное нами, историко-географическое). Къ производству онъ переходитъ лишь подъ конецъ, т.-е. идетъ путемъ діаметрально противоположнымъ пути Маслова. Прочелъ ли онъ Маслова только послѣ того, какъ книга, въ основныхъ чертахъ, была уже готова или просто оказался не въ силахъ втиснуть живой историческій матеріалъ въ рамки отвлеченной теоріи (мы бы предпочли думать послѣднее): но это несоотвѣтствіе усвоенной имъ схемы экономическаго развитія и схемы его книги онъ даже самъ замѣтилъ и пытается, крайне неловко, объяснить въ предисловіи «особенностями устнаго изложенія». При чемъ тутъ «устное изложеніе»—едва ли кому понять. Но ясно, что «научныя схемы» къ основному содержанію книги г. Довнаръ-Запольскаго не имѣютъ никакого отношенія, и мы безъ всякаго грѣха можемъ оставить его теоретическое введеніе въ покоѣ. Второе введеніе, географическое, какъ сейчасъ упомянуто, нами уже разсмотрѣно, къ тому, что сказано на этотъ счетъ выше, прибавить нечего. Остается разсмотрѣть остальныя 11 главъ,

при чемъ въ ихъ анализѣ (по необходимости, довольно бѣгломъ) мы пойдемъ все-таки путемъ обратнымъ порядку, принятому авторомъ, и начнемъ съ производства: не въ угоду какой-либо отвлеченной схемѣ, а просто потому, что *исторически* производство предшествуетъ обмѣну: пока ничего не произведено, нечѣмъ и обмѣниваться.

Посвященныя производству главы «Исторіи» должны бы были быть чрезвычайно интересны. Первый томъ работы г. Довнаръ-Запольскаго касается «древней Руси», какъ намъ уже приходилось упоминать. Сюда значитъ, прежде всего другого, входитъ то, что хорошо выражается по-французски трудно переводимымъ терминомъ «les origines» («происхожденіе», какъ обыкновенно передаютъ этотъ терминъ наши переводчики, даетъ совсѣмъ иной оттѣнокъ). Со времени Липперта и Бюхера les origines народнаго хозяйства привлекли къ себѣ рядъ талантливыхъ изслѣдователей. Отъ старыхъ схемъ не осталось камня на камнѣ: на помощь исторіи пришла сравнительная этнологія и открыла такія перспективы, которыя никому и не грезились. Кто бы подумалъ двадцать лѣтъ назадъ, что въ Полинезіи удастся найти точную копію феодальной вотчины, знакомой намъ по средневѣковымъ картуларіямъ? Кто бы сказалъ, что въ густо населенныхъ областяхъ экваторіальной Африки передъ нами живьемъ встанетъ поздняя средневѣковая Европа, съ ея развитіемъ ремесла, цехами, мелкими городскими рынками, примитивной бюрократіей, и т. д. и т. д.? Кое въ чемъ и нашъ авторъ примыкаетъ къ новѣйшимъ теченіямъ. На стр. 211, наприм. (уже цитированной нами по другому поводу), онъ устанавливаетъ фактъ существованій въ средней Руси «символическихъ денегъ»—мѣховыхъ лоскутковъ. Фактъ этотъ долгое время оспаривался историками, которымъ казалось, что «условныя деньги», денежные знаки, неимѣющіе «самостоятельной цѣнности», свойственны только новому времени, когда изобрѣтены были ассигнаціи. Но наличность «символическихъ денегъ» даже у очень низко стоявшихъ племенъ теперь твердо установлена сравнительной этнологіей [1]), и наблюденія г. Довнаръ-Запольскаго даютъ очень интересную параллель къ фактамъ, приводимымъ Шурцемъ. Къ сожалѣнію, эту услугу наукѣ нашъ авторъ оказываетъ, повидимому, нечаянно и безсознательно: никакого намека на то, что онъ понимаетъ значеніе своего открытія у него нѣтъ, нѣтъ и никакихъ слѣдовъ знакомства съ Шурцемъ и всей новѣйшей, послѣ Бюхера, литературой по эмбріологіи народнаго хозяйства. Встрѣчаете вы у него рубрику: «Зачатки земледѣлія» и понятно живо заинтересовываетесь, какъ-то онъ разрѣшаетъ эту проблему, когда-то, въ дни Липперта, столь соблазнительно ясную, а теперь, въ дни Эд. Гана, столь безнадежно запутанную [2])? Читаете и убѣждаетесь, что для г. Довнара самой проблемы не существуетъ. Попрежнему, какъ тридцать лѣтъ назадъ думали люди, онъ думаетъ, что «первичное хозяйство было исключительно охотничьимъ и рыболовческимъ» (стр. 224), а потомъ, когда уже пошла настоящая «древняя Русь», а не «зачатки», «пахали лошадьми и волами» (стр. 229). Ему и въ голову не приходитъ, что между зачатками земледѣлія и пашней лошадьми и волами, — т.-е. земледѣліемъ современнымъ — лежитъ большій хронологическій промежутокъ, нежели между изобрѣтеніемъ плуга, съ одной стороны, и аэроплана—съ

---

[1]) H. Schurtz. «Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes. Weimar, 1898.

[2]) Запутанную необыкновенно «научно», съ такою громадной ученостью; съ такимъ подлиннымъ талантомъ въ анализѣ отдѣльныхъ вопросовъ, что даже жутко становится... См. его резюмирующую небольшую книжечку: Ed. Hahn. Die Enststehung der Pflugkultur (unseres Ackerbaues), Heidelberg, 1909.

другой. Что съ этой тысячелѣтней *эволюціей* (и это еще очень скромно, если мѣрить ее тысячами, а не десятками тысячъ лѣтъ) связанъ рядъ такихъ соціальныхъ переворотовъ, какъ превращеніе «материнской» семьи въ «отцовскую» и очень можетъ быть происхожденіе рабства, оставляя даже совершенно въ сторонѣ новѣйшія попытки привлечь сюда чуть не всю исторію религіи. И тутъ-то обнаруживается, какъ мало одного археологическаго сырья для того, чтобы возстановить картину древняго быта. Г. Довнаръ ничего не слыхалъ о «мотыжномъ», ручномъ земледѣліи, и ему ничего не говорятъ тѣ тяжелыя каменныя мотыки, которыя находилъ еще гр. Уваровъ на ряду съ другими неолитическими древностями: а современному историку-экономисту онѣ скажутъ такъ же много, какъ и тотъ фактъ, что «соха» — чрезвычайно старинное общественное слово — въ однихъ славянскихъ нарѣчіяхъ значитъ то же, что и теперь, а въ другихъ означаетъ просто «палку» или «жердь». Сначала виловитый сукъ, потомъ каменная мотыка, потомъ соха, запряженная лошадью — *этапы* намѣчаются довольно отчетливо. Правда, археологія намъ не скажетъ, какому племени принадлежали эти различные этапы, но на помощь археологіи приходитъ лингвистика, лингвистика, совершенно пренебрегаемая г. Довнаромъ, но тутъ, въ вопросѣ о земледѣліи, говорящая довольно явственно: не подлежитъ сомнѣнію, что хлѣбъ («жито») былъ исконной славянской пищей, а земледѣліе исконнымъ занятіемъ славянъ еще до начала ихъ миграцій, т.-е. до появленія славянъ въ Поднѣпровьи. Само собою разумѣется, что теперь, при современномъ состояніи исторіи народнаго хозяйства, это не значитъ, какъ значило бы пятьдесятъ лѣтъ назадъ, что первые славянскіе поселенцы стояли на очень высокомъ культурномъ уровнѣ: мы теперь знаемъ, что люди *начинали* съ земледѣлія, *рядомъ* съ охотой, и что *позже всего* имъ удалось приручить животныхъ, — позже всего они перешли къ скотоводству. Отмѣчаемый нашимъ авторомъ фактъ, что скотъ въ древней Руси былъ рѣдокъ и дорогъ (см., напр., стр. 327—328 и въ др. мѣстахъ) является однимъ изъ любопытныхъ образчиковъ архаичности древне-русскаго экономическаго строя, точно такъ, какъ явственные слѣды «материнскаго права» въ древне-русскихъ памятникахъ служатъ признакомъ архаичности тогдашняго строя юридическаго. Но г. Довнаръ-З. и тутъ, устанавливая фактъ, не дѣлаетъ изъ него никакихъ выводовъ, видимо и не подозрѣвая, какіе выводы можно сдѣлать. Нѣтъ, конечно, надобности итти въ этихъ выводахъ такъ далеко, какъ идетъ, упоминаемый нашимъ авторомъ въ числѣ его пособій, Пейскеръ [1]). Но вліяніе *ссудъ скотомъ* на развитіе зависимыхъ отношеній — позднѣйшаго «крѣпостного права» — было подмѣчено еще весьма старыми изслѣдователями (для древней Ирландіи, напримѣръ, Сэмнеромъ Мэномъ). У насъ имѣется такой драгоцѣнный въ этомъ отношеніи памятникъ, какъ извѣстныя статьи карамзинскаго списка Русской Правды (49—56 по обычному раздѣленію) такое указаніе, какъ названіе «скотъ» въ качествѣ синонима «имущества, денегъ». Г. Довнаръ приводитъ еще коекакія детали, ведущія въ томъ же направленіи (см., напр., его толкованіе слова «отарица» на стр. 311). Но статьями карамзинской Правды онъ пользуется только для установленія цѣнъ на скотъ (попытка довольно неудачная, ибо цѣны явно «примѣрныя», быть-можетъ, вовсе не соотвѣтствовавшія рыночнымъ) — связать же воедино всѣ свои

[1]) I. Peisker. Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren u. Germanen u. ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. Stutgart, 1905. Одинъ изъ послѣдователей Эд. Гана цитируется г. Довнаръ-З. на стр. 119. Никакихъ слѣдовъ вліянія Пейскера въ текстѣ мы, впрочемъ, не нашли.

отрывочныя указанія на счетъ древне-русскаго земледѣлія и древне-русскаго скотоводства онъ и не пытается. Несмотря на то, что ему хорошо извѣстно, какъ въ тѣ времена «пахали лошадьми и волами», извѣстно, стало-быть, что скотъ составлялъ необходимую принадлежность древне-русскаго земледѣльческаго инвентаря, интегральную часть тогдашняго «сельско-хозяйственнаго капитала», онъ предпочитаетъ толковать о «землѣ, пріобрѣтающей значеніе капитала», повергая тѣмъ въ отчаяніе всякаго, хоть нѣсколько усвоившаго экономическую терминологію, — настоящаго «капитала» онъ упорно не замѣчаетъ.

Les origines русскаго земледѣлія и послѣ книги г. Довнаръ-З. остаются въ томъ же видѣ, какъ были до нея. Нѣсколько страницъ объ экономической культурѣ древнихъ славянъ въ извѣстной книгѣ проф. Грушевскаго (I томъ исторіи украинскаго народа) дадутъ читателю больше, чѣмъ всѣ разсужденія нашего автора о «зачаткахъ». Лучше обстоитъ дѣло съ *землевладѣніемъ* [1])—тою областью, которая такъ хорошо относительно у насъ распахана тремя поколѣніями историковъ-юристовъ. Правда, и тутъ начинается съ довольно безнадежныхъ разсужденій о «трудовомъ началѣ» и тому подобныхъ архаическихъ сюжетахъ, нынѣ оставляемыхъ даже народнической публицистикой. Но, установивъ, по обыкновенію, мимоходомъ, что земля принадлежала тому, кому принадлежалъ скотъ (стр. 292) и по обыкновенію же не замѣтивъ этого, нашъ авторъ подъ конецъ очень правильно отстаиваетъ мнѣніе, далеко еще не пользующееся въ нашей литературѣ полнымъ правомъ гражданства: мнѣніе о существованіи у насъ въ древности самостоятельнаго крестьянства, лишь весьма медленно и постепенно экспропріированнаго крупнымъ землевладѣніемъ. Противоположный взглядъ сложился на почвѣ той грандіозной экспропріаціи крестьянства, которая была совершена въ 1861 году; единственнымъ моральнымъ оправданіемъ этой позднѣйшей экспропріаціи могло быть только отрицаніе экспропріаціи первоначальной—крестьянская земля была *дана* крестьянину помѣщикомъ, потому помѣщикъ и можетъ теперь часть земли взять обратно, а за остальную потребовать деньги. Затѣмъ примѣшался націонализмъ: отсутствіе мелкой земельной собственности въ древней Руси явилось однимъ изъ нашихъ національныхъ своеобразій, на ряду съ отсутствіемъ у насъ феодализма, борьбы «общества» съ «властью», и т. д. и т. д. Давно пора съ этими «своеобразіями», обосновывавшими, въ концѣ-концовъ, ту мысль, что «мы не Европа», что у насъ «свой путь» и проч., покончить. Теперь перестаютъ спорить, что у насъ былъ, въ той или иной формѣ, феодализмъ (единой формы, какъ извѣстно, и на Западѣ не было), признаютъ наличность политической оппозиціи въ московской Руси дней ея расцвѣта,—пора признать, что и развитіе аграрныхъ отношеній у насъ шло такъ же, какъ и всюду: путемъ поглощенія мелкой земельной собственности крупною, феодальною, и порабощенія мелкаго землевладѣльца «бояриномъ»-«сеньоромъ». Конецъ этого процесса захватываетъ еще Московское государство XVI вѣка, но уже въ кіевской, а тѣмъ болѣе въ новгородской Руси онъ намѣтился вполнѣ отчетливо. Къ тому, что говоритъ нашъ авторъ на стр. 299—305, можно, вообще говоря, присоединиться. Правда, фактическій матеріалъ, приводимый имъ, крайне скуденъ; картины *процесса* онъ не даетъ и здѣсь, какъ не даетъ ея нигдѣ (не станемъ утверждать, что здѣсь, по состоянію матеріала, это и возможно: подождемъ настоящей, научной обработки во-

---

[1]) Глава XI — почему-то двумя главами отдѣленная отъ «Земледѣлія», гл. VIII.

проса). Тѣмъ не менѣе, вынужденные суровымъ долгомъ критика отмѣчать исключительно отрицательныя стороны разбираемой книги, мы съ особенною охотой отмѣчаемъ эту, положительную ея черту.

О тѣсной связи земледѣлія и скотоводства мы только что говорили очень много. *Охота* въ первобытномъ обществѣ является почти всегда подсобнымъ промысломъ при земледѣліи,—самостоятельную роль она играетъ рѣдко. «Чистые охотники» большое исключеніе на земномъ шарѣ, и, конечно, глубоко не правы тѣ историки, которые стремятся изобразить населеніе кіевской Руси охотничьимъ народомъ, да еще привлекаютъ для доказательства такіе источники, какъ разсказы Мономаха о его княжескихъ забавахъ [1]). Знатные люди всюду тѣшились охотой не только въ средніе вѣка, но и гораздо позднѣе, только къ хозяйству народной массы это имѣетъ мало отношенія. Г. Довнаръ-З. не раздѣляетъ этого предразсудка—онъ прекрасно понимаетъ, что современники Владимира Мономаха были, прежде всего другого, земледѣльцами, охота же получила извѣстное значеніе лишь въ связи съ заграничнымъ торгомъ мѣхами. Тѣмъ удивительнѣе, что онъ находитъ нужнымъ выдѣлить охоту и скотоводство въ особую главу, гдѣ говорится, кстати, и о добываніи соли и желѣза (вопреки введенію, желѣзо здѣсь оказывается и въ «основномъ пространствѣ»...). Правда, въ школьныхъ учебникахъ все это—«добывающая промышленность», но экономисты уже довольно давно привыкли изучать хозяйственныя явленія въ извѣстной внутренней связи, разсматривать хозяйство, какъ нѣкотораго рода соціальную организацію. Въ современномъ, даже школьномъ учебникѣ политической экономіи было бы нѣсколько странно видѣть въ одной рубрикѣ каменноугольную копь и охоту за зайцами, на томъ основаніи, что то и другое одинаково относится къ «добыванію». Но нашъ авторъ такъ вѣренъ этому «добывательному» основанію классификаціи, что относитъ сюда же «добываніе» рабовъ, охоту за человѣческимъ мясомъ! «Этотъ товаръ служилъ, особенно въ древнѣйшій періодъ, беспорно однимъ изъ важныхъ предметовъ вывоза, поэтому, естественно, рождается вопросъ и о способахъ его добыванія» (стр. 251). Это, нужно сказать, единственно оригинальное мѣсто данной главы: все остальное, что умѣетъ авторъ сказать о своей «добывающей» промышленности, болѣе или менѣе давно извѣстно. А такъ какъ и колоссальнаго значенія для кіевской Руси работорговли авторъ не уловилъ — объ этомъ намъ еще придется говорить ниже — то, собственно, въ этой главѣ рѣшительно нечего отмѣтить: и здѣсь все послѣ книги г. Довнаръ-З. остается въ томъ же видѣ, какъ было до нея. Это нельзя сказать вполнѣ о главѣ, посвященной *обрабатывающей промышленности* (гл. X). Здѣсь очень много свѣжихъ и интересныхъ данныхъ о *техникѣ* древне-русскаго ремесла. Но такъ какъ мы имѣемъ передъ собою книгу по исторіи хозяйства, а не ремесленной техники, то читатель ищетъ, главнымъ образомъ, опять таки фактовъ, относящихся къ организаціи ремесла,—и тѣ бѣглыя замѣчанія на этотъ счетъ, которыя онъ находитъ на стр. 279—283, его едва ли удовлетворятъ. Они только показываютъ, до какой степени важно для историка русскаго народнаго хозяйства знакомство съ западной историко-экономической литературой, ибо даже и этихъ бѣглыхъ замѣчаній не было бы, по всей вѣроятности, не прочитай авторъ, по

---

[1]) Какъ ни удивительно, но эта точка зрѣнія получила извѣстную популярность и за границей—ее развиваетъ Kinkel въ своихъ статьяхъ о древнерусскомъ хозяйствѣ въ Vierteljahreschrift für Social. и Wirtschaftsgeschichte за 1912 годъ.

крайней мѣрѣ, Бюхера. Благодаря этому, онъ кое-что узналъ о перехожемъ ремеслѣ, и о работѣ на заказчика, и о возникновеніи мастерской: подобрать для всего этого примѣры изъ памятниковъ кіевской Руси оказалось совсѣмъ нетрудно, но сдѣлано это весьма наскоро, и капитальный вопросъ — о работѣ для рынка — остался здѣсь неосвѣщеннымъ.

Близко подходитъ авторъ къ этому вопросу въ главѣ VI, посвященной внутренней торговлѣ. Къ сожалѣнію, въ этой главѣ особенно чувствуется одно непріятное свойство книги г. Довнаръ - Запольскаго — свойство, о которомъ намъ еще не приходилось говорить: необыкновенная хаотичность изложенія. Авторъ неясно представляетъ себѣ, о чемъ именно хочетъ онъ говорить: объ обмѣнѣ между отдѣльными русскими областями или же объ образованіи мелкихъ мѣстныхъ рынковъ, соотвѣтствовавшихъ «городскимъ рынкамъ» Бюхера, куда каждый мѣстный крестьянинъ могъ съѣздить и обратно ѣхать въ одинъ день, отъ восхода до захода солнца. Существованіе такихъ мелкихъ рынковъ для новгородской области давно извѣстно: это *рядки и погосты*. Поселки ремесленниковъ при нихъ указываютъ и на характеръ ремесла. Вопросы Кирика, цитируемые авторомъ на стр. 174, даютъ понять, что на этихъ мелкихъ рынкахъ торговали и съѣстными припасами. Сравнительно, этнологическія наблюденія показываютъ, что такой мелкій обмѣнъ широко распространенъ даже на очень низкой ступени экономическаго развитія; извѣстное изслѣдованіе Шурца [2]) даетъ цѣлый рядъ случаевъ изготовленія съѣстныхъ припасовъ для продажи въ очень глухихъ углахъ Африки (включительно до каннибаловъ, у которыхъ можно встрѣтить на рынкѣ и человѣческое мясо). Наличность мелкихъ торговыхъ районовъ въ кіевско-новгородской Руси болѣе чѣмъ вѣроятна. Но нашъ авторъ быстро бросаетъ эту тему (мимоходомъ онъ возвращается къ ней еще на стр. 176—177), увлекшись грандіозностью Кіевскаго и Новгородскаго рынковъ, а потомъ бросаетъ и вообще внутреннюю торговлю, заинтересовавшись вопросомъ объ иностранныхъ купцахъ въ Россіи (стр. 178 и сл.). Вопросъ о характерѣ, формахъ и размѣрахъ собственно внутренняго обмѣна остается мало освѣщеннымъ. При этомъ авторъ, по обыкновенію, не усваиваетъ и значеніе данныхъ, которыя онъ умѣетъ привести: такъ, приводимыя имъ на стр. 180 цифры новгородскихъ гостей въ Торжкѣ, Переяславлѣ и т. д.—2000 человѣкъ и т. под. не наводятъ его на мысль о *ремесленномъ* характерѣ древнерусскаго, какъ и вообще средневѣковаго, торга, о томъ, что эти «гости» были въ сущности нѣчто въ родѣ теперешнихъ коробейниковъ. Тутъ ему не помогъ и Зомбартъ—«Происхожденіе современнаго капитализма» значится въ числѣ его пособій.

Къ сожалѣнію, тѣ же самые недостатки — хаотичность изложенія, отражающая собою отсутствіе ясно сознаваемой *цѣли* изслѣдованія, характеризуютъ и главную часть его труда, очеркъ внѣшней, заграничной торговли древней, кіевско-новгородской Руси. Этой внѣшней торговлѣ посвящены сплошь 3 главы, III, IV и V, — и въ значительной части, главы VII, XII и XIII. Основная мысль всѣхъ этихъ главъ резюмирована авторомъ на стр. 351: «Вся древнерусская жизнь была проникнута интересами торга, промысла». Мысль эту авторъ не считаетъ «общепризнанной»: «проводимый нами взглядъ нуждается еще въ сильной защитѣ», говоритъ онъ (стр. 342). Можно сказать, однако, прежде всего, что взглядъ этотъ весьма не новъ: онъ идетъ еще отъ Шторха (конецъ XVIII

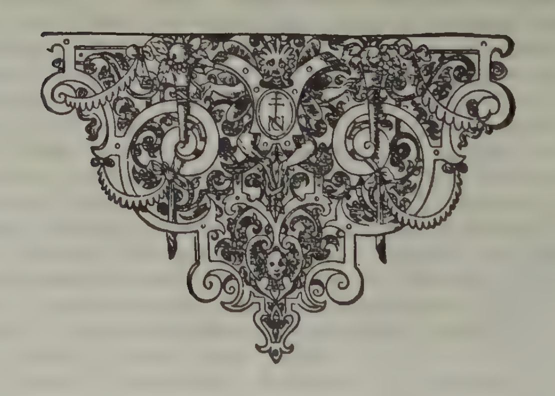
[2]) Heinr. Schurtz. «Das afrikanische Gewerbe», Leipzig, 1900.

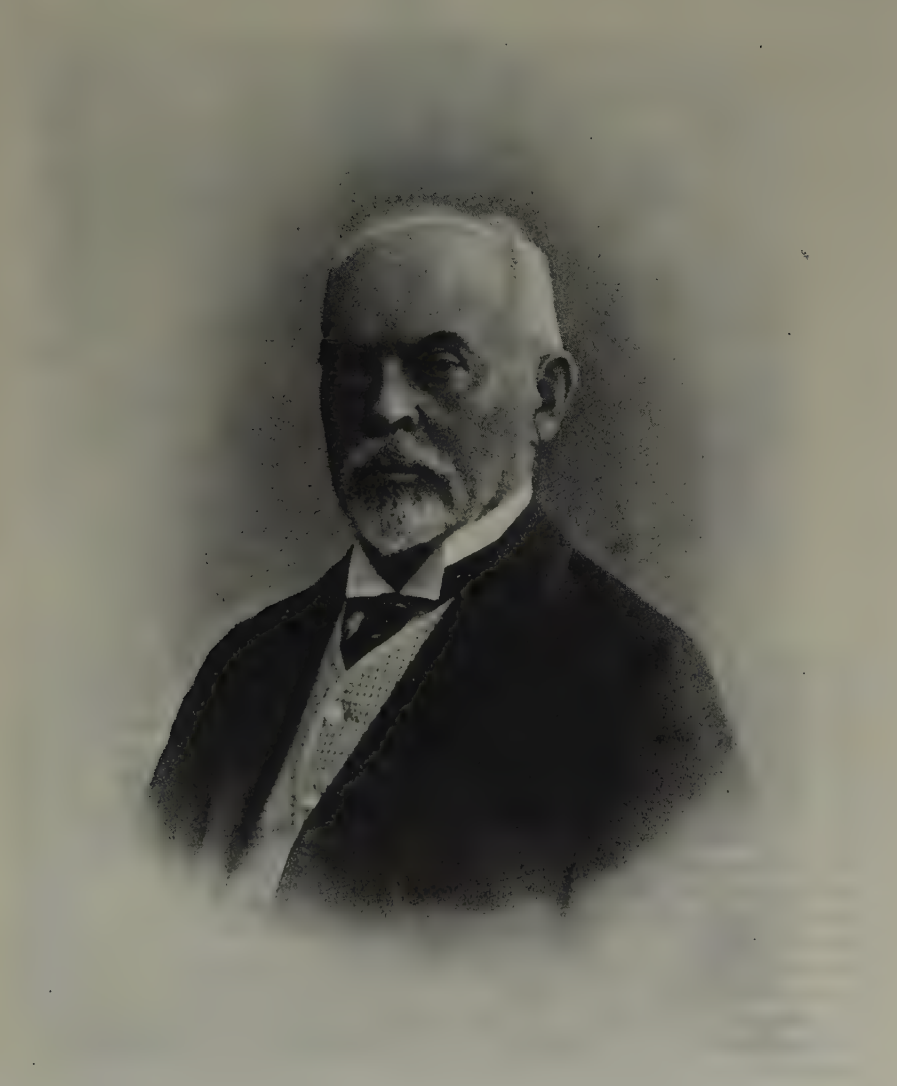
вѣка) и считаетъ въ числѣ своихъ защитниковъ — хотя безъ столь грубыхъ преувеличеній, какъ у нашего автора — не кого другого, какъ В. О. Ключевскаго. А такъ какъ по «Курсу» послѣдняго училась, можно сказать, вся Россія, то въ *этомъ* отношеніи нашъ авторъ долженъ былъ найти весьма благодарную, хорошо подготовленную почву: выступать въ позѣ человѣка, провозглашающаго какое-то рискованное новшество, у него едва ли были серьезныя основанія. Съ точки зрѣнія внутренняго развитія русскихъ славянъ, торговому капитализму или его зачаткамъ—далѣе, пожалуй, дѣло не пошло,—можетъ-быть, и неоткуда было взяться; но его могло навязать имъ ихъ международное положеніе. Выйдя къ Поднѣпровью и Подонью, они оказались въ центрѣ торговой схемы, наложенной давнымъ-давно еще греческими колоніями на сѣверномъ берегу Чернаго моря, когда обитатели черноморскихъ степей назывались «скиѳами». Еще у Геродота и Полибія мы находимъ классическую формулу обмѣна, повторенную больше тысячи лѣтъ спустя княземъ Святославомъ: черезъ посредство степняковъ, эллины получали изъ южной Россіи мѣха, медъ и *рабовъ*—«едва ли не самыхъ лучшихъ». За этимъ товаромъ привыкли сюда обращаться, кто бы здѣсь ни сидѣлъ: скиѳовъ смѣнили печенѣги, половцы, татары—схема все оставалась та же, пока сѣверное земледѣльческое населеніе не продвинулось до Чернаго моря и не усилилось политически настолько, что перестало служить готовой добычей всякому предпріимчивому хищнику. Варьянтомъ, свойственнымъ собственно древнерусской исторіи, является выступленіе на этой традиціонной сценѣ, почти одновременно, въ VIII—X вѣкахъ, съ одной стороны, норманновъ, съ другой—арабовъ. Объясненіе этому варьянту приходится искать въ мѣстныхъ, спеціальныхъ условіяхъ сѣверной Европы и передней Азіи: г. Довнаръ-Запольскому не приходится поэтому ставить въ вину, что онъ этого рода изысканіями не занимается, — напрасно даже онъ даетъ мимоходомъ такія, ничего не объясняющія объясненія, какъ «распаденіе халифата» и т. под. (стр. 111). Русскому историку остается принять появленіе скандинавовъ и арабовъ просто за фактъ, но уклониться отъ объясненій *послѣдствій* этого факта онъ не можетъ. А ближайшимъ послѣдствіемъ было возникновеніе на восточно-европейской равнинѣ цѣлаго ряда городовъ, полуторговыхъ центровъ, полуразбойничьихъ стоянокъ, откуда чрезвычайно энергично производилось «первоначальное добываніе» необходимаго южанамъ товара: главнымъ образомъ, рабовъ. Этотъ разбойничій характеръ первичной торговли совершенно стушевывается за массами серебра и золота, слѣпящими глазами нашему автору: тутъ опять ему оказался безполезнымъ Зомбартъ. А между тѣмъ тутъ ключъ ко всему процессу и къ его началу: этимъ объясняется, почему у насъ «политическими строителями» оказались норманны, всюду въ другихъ мѣстахъ выступающіе въ качествѣ морскихъ разбойниковъ, — и къ его концу: мало-мальски оперившись, населеніе должно было безъ оглядки убѣгать отъ «великихъ торговыхъ путей», въ мѣста хотя глухія и хмурыя, но куда зато трудно было добраться разбойничьимъ шайкамъ работорговцевъ. Но еще англичане XVIII вѣка хорошо знали, что ничто такъ не помогаетъ «собрать огромныя богатства», какъ торговля невольниками. За восемьсотъ лѣтъ было то же самое: работорговля приносила на Русь огромныя, по времени, количества драгоцѣнныхъ металловъ и предметовъ роскоши; только для массы населенія отъ этого было мало проку—городской капиталъ, проникая въ деревню, крѣпостилъ ея населеніе не только для продажи на вывозъ, но и для собственнаго потребленія. И это было для населенія лишнимъ поводомъ разбѣгаться.

Въ концѣ концовъ, временное запустѣніе кіевской Руси, какъ ни задержало оно процесса историческаго развитія, было объективно необходимо въ интересахъ этого послѣдняго: на перекресткѣ, гдѣ поминутно грабили, и прямо и косвенно, ничего прочнаго создать было нельзя: надо было отойти въ сторону и тамъ собраться съ силами.

Такъ рисуется процессъ намъ. Мы вовсе не думаемъ навязывать такого его пониманія г. Довнаръ-Запольскому: но любопытно было бы все-таки знать, какъ же онъ этотъ процессъ понимаетъ? Мы находимъ у него необычайно обширное и весьма, въ концѣ-концовъ, утомительное перечисленіе богатствъ, которыми располагала его «древняя Русь». Но какъ эти богатства были распредѣлены? Какое значеніе имѣлъ торговый капиталъ для страны? Всегда ли онъ имѣлъ одно и то же значеніе или, напримѣръ, кіевская и новгородская Русь представляли въ этомъ отношеніи два различныхъ типа? Онъ, правда, упоминаетъ, что на ряду съ богатыми были въ «древней Руси» и бѣдные; онъ обѣщаетъ даже посвятить вопросу о «богатыхъ и бѣдныхъ» цѣлую главу, XII-ю. Обѣщаніе остается неисполненнымъ: на самомъ дѣлѣ, всѣ главы посвящены «богатымъ», «бѣднымъ» досталось только послѣднихъ полторы страницы. Мы совсѣмъ не къ тому привели это, чтобы пожаловаться на автора,—вотъ де, бѣдняками пренебрегаетъ. Мы хотимъ только сказать, что *анализъ* у него совершенно отсутствуетъ.

М. Покровскій.

В. М. СОБОЛЕВСКІЙ.

В. М. Соболевскій.

(1846—1913).

I.

Память о В. М. Соболевскомъ навсегда сохранится какъ о редакторѣ «Русскихъ Вѣдомостей». Онъ былъ хорошимъ профессоромъ, но его преподавательская дѣятельность въ ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ была слишкомъ непродолжительна. Онъ былъ талантливымъ публицистомъ, но его статьи печатались въ газетѣ въ видѣ передовыхъ безъ подписи, и читатели «Русскихъ Вѣдомостей» не могли поэтому опредѣлить, что написано Соболевскимъ, а что принадлежитъ его товарищамъ по газетѣ. Да и эта писательская дѣятельность тоже не отличалась особой продолжительностью, потому что, вступивъ въ редакторскія обязанности, В. М. отдался имъ цѣликомъ и писалъ самъ статьи лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Профессурой онъ пожертвовалъ ради публицистики, а затѣмъ и публицистику принесъ въ жертву редакторству. И жертва эта оказалась не напрасна. Въ качествѣ редактора «Русскихъ Вѣдомостей» В. М. сыгралъ большую роль въ исторіи общественнаго развитія Россіи и обезпечилъ себѣ благодарную память потомства.

При предшественникѣ В. М., Н. С. Скворцовѣ, «Русскія Вѣдомости» были вполнѣ приличнымъ органомъ печати, опредѣленно прогрессивнаго направленія, но въ то же время онѣ были газетой безъ своей особой, ярко выраженной индивидуальности и ничѣмъ не выдѣлялись изъ общаго хора тогдашней либеральной печати. Конечно, программа «Русскихъ Вѣдомостей» и тогда отличалась отъ программы, напр., «Голоса» или какого-нибудь другого изданія, но въ типѣ этихъ газетъ тогда еще не было различій. Тѣ «Русскія Вѣдомости», которыя пріобрѣли себѣ такой авторитетъ и популярность уже въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія и которыя въ теченіе десятковъ лѣтъ были руководящимъ органомъ

русской интеллигенціи, были всецѣло созданы Соболевскимъ и его ближайшими сотрудниками, которыхъ онъ самъ же привлекъ къ газетѣ.

«Русскія Вѣдомости» нерѣдко упрекали въ излишнемъ догматизмѣ и правовѣріи, про нихъ иногда говорили, что достаточно знать заглавіе статьи, чтобы знать уже, что въ этой статьѣ написано. Можно ли видѣть недостатокъ въ такой преданности газеты своей программѣ или нѣтъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ общихъ требованій, предъявляемыхъ нами къ газетѣ. Но съ фактической стороны всѣ эти указанія на неуклонную вѣрность «Русскихъ Вѣдомостей» своему направленію, на ихъ послѣдовательность въ развитіи своей программы несомнѣнно вѣрны. Читатель этой газеты никогда бы не затруднился отвѣтить на вопросъ, какъ смотритъ она на тотъ или другой вопросъ, какъ она оцѣниваетъ то или другое явленіе. И въ то же время вѣрность редакціи своему направленію отнюдь не мѣшала тому, что въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» одновременно сотрудничали люди очень далекіе другъ отъ друга по своему политическому міровоззрѣнію. Такъ, напр., во второй половинѣ 80-хъ годовъ одновременно сотрудниками газеты (и притомъ сотрудниками не случайными) были, съ одной стороны, народоволецъ П. Л. Лавровъ, а съ другой — такой представитель архиумѣреннаго либерализма, какъ сенаторъ и придворный В. П. Безобразовъ. Сохраняя вѣрность своему направленію, «Русскія Вѣдомости» были въ то же время всегда газетой строго безпартійной, отличались широкой терпимостью, и благодаря этому на нихъ смотрѣли какъ на свою, близкую газету самые широкіе круги русской интеллигенціи. Именно такими ихъ и стремился сдѣлать В. М. Соболевскій.

Мало людей, которые предъявили бы къ печатному слову такія строгія требованія, какъ В. М. Для него литературная дѣятельность вообще и газетная работа въ частности была лишь одной изъ формъ общественнаго служенія. Газета, по его мнѣнію, должна была не просто информировать читателей, а воспитывать общество въ культурномъ и политическомъ отношеніи, и очевидно, что выполнять подобную функцію она могла бы лишь въ томъ случаѣ, если бы сама стояла на должной для роли воспитателя высотѣ. В. М. были чужды сдѣлки съ совѣстью, какіе-либо компромиссы въ области идей. Въ силу цензурныхъ условій его газета не всегда могла говорить все то, что хотѣла, но она никогда не говорила того, что противорѣчило ея убѣжденіямъ. Угодничество передъ властью было столь же чуждо В. М., какъ и готовность заискивать у толпы и добиваться внѣшняго успѣха газеты цѣною ея содержанія. В. М. не былъ политическимъ борцомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и «Русскія Вѣдомости» не были боевымъ органомъ печати, но происходило это отнюдь не по недостатку мужества. Въ минуту опасности В. М. не склонялъ головы, и недавно разсказанный В. Г. Короленкомъ случай, какъ В. М. сознательно рискнулъ самымъ существованіемъ газеты, не желая подчиниться требованіямъ администраціи, является не единственнымъ. Газета не разъ была близка къ закрытію, но это не заставило ея мѣнять свои позиціи. Равнымъ образомъ не уступалъ В. М. передъ опасностью и въ томъ случаѣ, когда эта опасность грозила ему лично. Ему однажды было предъявлено требованіе министра внутреннихъ дѣлъ выдать одного изъ сотрудниковъ и, хотя это требованіе подкрѣплялось угрозой высылки въ 24 часа, онъ всетаки отказался его исполнить и остался въ Москвѣ лишь благодаря тому, что тогдашній генералъ-губернаторъ кн. В. А. Долгоруковъ увидѣлъ во вмѣшательствѣ министра внутреннихъ дѣлъ умаленіе своихъ

прерогативъ и отвѣтилъ министру заявленіемъ, что онъ вышлетъ Соболевскаго тогда, когда *самъ* сочтетъ это нужнымъ.

Для В. М. не было въ газетѣ такихъ отдѣловъ, къ которымъ редакторъ могъ бы относиться спустя рукава. Иногда надъ какой-нибудь мелкой репортерской замѣткой онъ просиживалъ не меньше времени, чѣмъ надъ большой передовой статьей. Онъ не допускалъ въ своей газетѣ погони за сенсаціей, не допускалъ ничего, что задѣвало бы доброе имя или интимную жизнь частныхъ людей, не допускалъ никакихъ непровѣренныхъ сообщеній. Онъ и тутъ ни на минуту не забывалъ о святости печатнаго слова, не забывалъ о великой отвѣтственности газетнаго дѣла, и своимъ молодымъ сотрудникамъ онъ постоянно напоминалъ о томъ, какъ трудно бываетъ исправить вредъ, причиненный человѣку неосторожной фразой или недостаточно точнымъ сообщеніемъ. Терпимый къ людямъ въ личныхъ отношеніяхъ, онъ умѣлъ сохранить эту терпимость и въ газетной работѣ. Но и тутъ эта терпимость отнюдь не граничила съ безразличіемъ. Когда нужно было, В. М. умѣлъ быть рѣзкимъ и по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, и былъ случай, когда его полемика противъ Е. Львова-Кочетова (сотрудника «Московскихъ Вѣдомостей») едва не закончилась кровавымъ столкновеніемъ.

Глубокая убѣжденность, строгое безпристрастіе и доведенная до ригоризма чистоплотность газеты помогли В. М. привлечь къ «Русскимъ Вѣдомостямъ» самыя выдающіяся литературныя силы. Никакая другая издававшаяся въ Россіи газета на могла бы похвастаться такимъ подборомъ сотрудниковъ, какъ Левъ Толстой, Салтыковъ, Лавровъ, Михайловскій, Муромцевъ, Глѣбъ Успенскій, Короленко, Чеховъ и т. д. Газета, дѣйствительно, стала органомъ всей интеллигенціи, совершенно исключительнымъ по глубинѣ своего воздѣйствія на читателей. Просматривая теперь книжки «Былого» или «Минувшихъ годовъ» мы въ нихъ сплошь и рядомъ наталкиваемся на отмѣтки о томъ глубокомъ уваженіи, съ какимъ относилась къ «Русскимъ Вѣдомостямъ» интеллигенція 80-хъ и 90-хъ годовъ. Съ ними не всегда соглашались и тѣмъ не менѣе на нихъ воспитывались, воспитывались прежде всего въ благородномъ отношеніи къ жизни, въ идейномъ служеніи обществу.

Тридцать лѣтъ несъ В. М. трудныя редакторскія обязанности и несъ ихъ при исключительно тяжелыхъ условіяхъ. Вѣдь это было время, когда цензурныя ущемленія шли на ряду съ административными воздѣйствіями, когда власти обращали вниманіе не только на то, что написано въ газетѣ, но и кѣмъ написано, когда отъ редакторовъ отбирали подписки, что они не будутъ печатать статей такихъ-то и такихъ-то авторовъ. Сотрудничество въ газетѣ Лаврова и другихъ эмигрантовъ и даже вообще опальныхъ лицъ приходилось окружать строгой тайной, и въ то же время приходилось постоянно жить подъ угрозой, что случайно обнаружившееся такое сотрудничество повлечетъ за собой самыя тяжелыя послѣдствія какъ для газеты, такъ и лично для редактора. А чего стоило одно безправіе передъ администраціей? Съ В. М. былъ разъ такой случай. Ночью его экстренно вызываютъ къ генералъ-губернатору кн. В. А. Долгорукову, который принимаетъ его въ спальнѣ въ халатѣ и встрѣчаетъ гнѣвнымъ вопросомъ: «За что вы меня не любите, за что меня преслѣдуете?» Оказывается, что въ этотъ день въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена рецензія И. И. Иванюкова на книгу В. А. Гольцова «Законодательство и нравы», и въ этой рецензіи были приведены между прочимъ нѣкоторые факты, не лестные для одного изъ князей Долгоруковыхъ, жившаго въ XVIII в. и оказавшагося не то дѣдушкой, не то прадѣдушкой московскаго генералъ-губернатора.

Послѣдній увидѣлъ въ этой рецензіи и оглашеніи такихъ фактовъ личную обиду для себя и вотъ ночью вызвалъ къ себѣ редактора, чтобы выразить ему свое сугубое недовольство по этому поводу. А что значило это недовольство, легко понять, если вспомнить, что генералъ-губернаторъ имѣлъ право, разъ онъ это сочтетъ самъ нужнымъ, выслать редактора изъ Москвы въ 24 часа, и жаловаться на подобное распоряженіе было бы некуда. На этотъ разъ дѣло впрочемъ кончилось болѣе мирно. Свои ламентаціи по поводу нанесенной ему газетою обиды кн. Долгоруковъ закончилъ требованіемъ, что если въ какомъ-нибудь изданіи будетъ напечатано что-нибудь хорошее объ его обиженномъ дѣдушкѣ, то «Русскія Вѣдомости» перепечатаютъ ради безпристрастія и это хорошее.

Менѣе выносливый человѣкъ не вынесъ бы редакторской работы при такихъ условіяхъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а В. М. несъ ее въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Ему помогла въ этомъ глубокая вѣра въ правоту своего дѣла, вѣра въ конечное торжество правды и справедливости. Онъ сумѣлъ сохранить преданность идеаламъ и душевное благородство отъ юности до могилы, и они помогли ему выдержать принятое на себя тяжелое бремя. Пройдутъ годы, тѣ интересы, которыми жили «Русскія Вѣдомости» въ теченіе 30 лѣтъ, потеряютъ свою остроту, но навсегда сохранится въ нашей памяти яркій образъ редактора, мужественно стоящаго, какъ капитанъ корабля, на своемъ посту и несмотря ни на какія невзгоды не уклоняющагося отъ избраннаго курса.

А. Максимовъ.

II.

Впервые познакомился я съ незабвеннымъ Василіемъ Михайловичемъ въ 1887 году при самыхъ тяжелыхъ для меня обстоятельствахъ, что, несомнѣнно, способствовало особенному запечатлѣнію этого событія.

Возвратившись изъ ссылки, я, гонимый администраціей, не зная, куда дѣваться, случайно избралъ себѣ мѣстомъ жительства Орелъ. Здѣсь въ первое время меня только терпѣли, причиняя всевозможные тормоза для существованія. Не говоря уже о томъ, что я не имѣлъ возможности получить занятій, даже съ квартирами устраиваться было трудно: запуганные полиціею хозяева домовъ, сплошь и рядомъ отказывали мнѣ послѣ перваго посѣщенія городового. При такихъ условіяхъ единственное спасеніе было въ литературѣ, которая служила мнѣ средствомъ къ жизни въ Сибири и которой я занялся и тотчасъ по возвращеніи изъ ссылки, при чемъ, главнымъ образомъ, сталъ корреспондировать въ «Русскія Вѣдомости», лелѣя, казалось, неосуществимую мечту войти въ составъ сотрудниковъ знаменитой газеты. Неосуществимой рисовалась она потому, что въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» писалъ весь цвѣтъ русской науки и литературы, и редакторами состояли — какъ гласила молва — «12 профессоровъ».

Какъ вдругъ случилось нѣчто сказочное.

Въ одинъ лѣтній день 1887 года я нашелъ въ своей квартирѣ визитную карточку: «Василій Михайловичъ Соболевскій. Редакторъ газеты «Русскія Вѣдомости». А прислуга сообщила и адресъ, гдѣ онъ остановился: на Пушкарской улицѣ, въ домѣ матери. Я, конечно, тотчасъ же отправился туда, волнуясь по дорогѣ, какъ бы не сѣсть въ лужу съ такою литературною персоною. Возбужденность моя еще болѣе возросла, когда, войдя въ домъ матери Соболевскаго, я изъ прихожей увидалъ

осанистаго, безукоризненно одѣтаго, высокаго, плотнаго господина съ тщательно выбритымъ круглымъ лицомъ, большими глазами и коротко остриженными волосами на головѣ. Онъ недоумѣнно взглянулъ на меня, а потомъ на сидѣвшую въ креслѣ старуху-мать, какъ бы спрашивая послѣднюю,—кто это? Но какъ только я, переступивъ порогъ, произнесъ свою фамилію, лицо В. М. озарилось широкою и тонко-добродушною благожелательностью—сказалъ бы,—улыбкою, что весь его важный видъ куда-то моментально исчезъ. Предо мною стоялъ добрый, ласковый и такой простоты человѣкъ, что сразу уничтожилъ всякую натянутость.

Крѣпко пожавъ мою руку, онъ подвелъ меня къ матери и, продолжая улыбаться, отрекомендовалъ:

— Опасный революціонеръ, пріятель Кенана...

И вотъ, съ этого момента у меня съ В. М. сохранились самыя теплыя, самыя дружескія отошенія, что онъ констатировалъ слѣдующею надписью на подаренномъ мнѣ имъ въ 1903 году кабинетномъ портретѣ: «И. П. Бѣлоконскому въ память многолѣтнихъ взаимно и искренно добрыхъ и близкихъ отношеній».

Но я не являлся исключеніемъ,—съ такою же теплотою относился онъ и ко всѣмъ сотрудникамъ, слѣдствіемъ чего послѣдніе составляли какъ бы семью съ глубокимъ уваженіемъ относившейся къ своей главѣ.

Вслѣдъ за добротою и искренностью, второю характерною чертою В. М. были поразительная ясность и опредѣленность его взглядовъ, которые онъ проводилъ съ рѣдкою послѣдовательностью, не зная никакихъ компромиссовъ.

Въ этой области, обладая громаднымъ запасомъ знаній, и притомъ образованіемъ и художественнымъ чутьемъ, онъ являлся воспитателемъ молодыхъ писателей, воспитателемъ чрезвычайно строгимъ, не знавшимъ пощады.

Я самъ испыталъ на себѣ руку В. М.

Воспитывалъ онъ, если можно такъ выразиться, молча, безъ разговоровъ.

Все дѣло заключалось въ самой послѣдовательной «правкѣ».

Нерѣдко я бѣсился, выходилъ изъ себя, видя и чувствуя необыкновенно упорное и систематическое порабощеніе, какъ мнѣ казалось, моей индивидуальности.

Сплошь да рядомъ то, что мнѣ казалось наиболѣе блестящимъ, наиболѣе выразительнымъ, или получало иной видъ, или вовсе уничтожалось, а оставлялось то, что я считалъ менѣе удавшимся.

По этому поводу я нерѣдко писалъ очень рѣзкія письма, на которыя отвѣтовъ почти не получалъ, и, пріѣзжая въ Москву, шелъ прежде всего въ редакцію, чтобы выразить свое неудовольствіе.

Но въ этихъ случаяхъ В. М. моментально обезоруживалъ меня своимъ ласковымъ и въ то же время твердымъ и спокойнымъ авторитетомъ.

Припоминается мнѣ такой случай.

Какъ-то былъ я обозленъ полнымъ уничтоженіемъ окончаній въ двухъ или трехъ моихъ разсказахъ.

Пославъ предварительно полное жалобой посланіе, я скоро вслѣдъ за этимъ пріѣхалъ въ Москву.

Захожу въ кабинетъ В. М. Онъ радушно встрѣчаетъ меня, цѣлуется и, улыбаясь, говоритъ:

— Вотъ хорошо, что вы пріѣхали, а я уже собирался съ ходатайствомъ къ вамъ обратиться.

— «Съ ходатайствомъ»? Какимъ и почему?

— Да хотѣлъ умолять васъ, чтобы вы пощадили вашихъ героевъ: все вы ихъ рѣжете, вѣшаете, душите, стрѣляете, а сами же протестуете противъ смертной казни.

Я былъ убитъ и до растерянности сконфуженъ. В. М. въ юмористическомъ духѣ намекалъ на уничтоженныя имъ окончанія разсказовъ, вызвавшія мое негодованіе.

Мало-по-малу «воспитаніе» дѣлало свое дѣло, я приноровился къ неослабнымъ требованіямъ «*Русскихъ Вѣдомостей*», проникся ихъ, такъ сказать, духомъ, послѣ чего «правки» примѣнялись ко мнѣ все рѣже и рѣже, пока не сдѣлались исключеніемъ.

Работоспособность В. М. была поразительна.

Въ періодъ его редактированія онъ не зналъ, собственно говоря, ни отдыха ни срока.

Таковъ былъ тогда его умъ.

Вставалъ В. М. обыкновенно около часа дня, пилъ кофе, за которымъ нерѣдко читалъ новые газеты и журналы, и къ 3 часамъ шелъ въ редакцію, гдѣ тотчасъ же принимался за чтеніе рукописей и гранокъ, часовъ до 6 вечера. Въ 6 или 7 часовъ онъ обѣдалъ, послѣ котораго немного отдыхалъ, а въ 8—9 вечера былъ уже въ редакціи, гдѣ—во времена предварительныхъ цензуръ — оставался до 5—6—7 ч. утра. Невзирая на тщательное чтеніе гранокъ, В. М., когда выпускалъ №,— читалъ его буквально отъ доски до доски, начиная отъ оглавленія и кончая объявленіями. Онъ не допускалъ диссонансовъ не только ни въ одномъ отдѣлѣ, но ни въ одной строкѣ. Весь № долженъ былъ быть выдержанъ въ самомъ строгомъ стилѣ «*Р. Вѣд.*» И такъ изо дня въ день, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ! Онъ дозволялъ себѣ лишь самые краткіе отпуски, при чемъ лѣтомъ обязательно дежурилъ, чтобы дать возможность отдохнуть другимъ.

Я не помню, чтобы, за исключеніемъ заграничныхъ поѣздокъ, были у него въ Москвѣ какія-либо развлеченія. Въ свободное время В. М. обыкновенно читалъ, при чемъ особенно цѣнилъ произведенія, касающіяся художества. Онъ былъ большимъ знатокомъ послѣдняго и обладалъ громадною коллекціею художественныхъ шедевровъ.

Закончу свои краткія данныя нѣкоторыми свѣдѣніями объ оригинальной домашней жизни В. М.

Онъ жилъ всегда въ прекрасныхъ квартирахъ. Обстановка была у него европейская, какъ и самъ онъ былъ европеецъ съ ногъ до головы. Но въ то же время В. М. былъ и москвичъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Большой хлѣбосолъ, радушный хозяинъ, прекрасный и остроумный собесѣдникъ, В. М. любилъ принять у себя писателей и угостить ихъ обѣдомъ, который самъ заказывалъ, и закуску къ нему самъ покупалъ. Прислугою у него были двѣ самыя примитивныя «бабы», изъ которыхъ одна исполняла роль кухарки, а другая — горничной.

Послѣдняя была феноменально недалека. Она прослужила у В. М. болѣе 25 лѣтъ, не запомнивъ ни одной фамиліи изъ его постоянныхъ посѣтителей. Меня, напримѣръ, она называла: «Балаханцевъ отъ мамаши». Послѣдняя прибавка — «отъ мамаши» явилась слѣдствіемъ такого обстоятельства. Когда я жилъ еще въ Орлѣ, то, пріѣхавъ однажды въ Москву и впервые зайдя къ В. М., встрѣтилъ затрудненіе проникнуть къ нему, такъ какъ Пелагея, пріотворивъ дверь и не спуская крючка, не пустила меня, шепча, что «Василій Михайловичъ еще спятъ».

— Я подожду его пробужденія, — шепталъ я въ свою очередь Пелагеѣ. Но она не сдавалась. Тогда я сказалъ, — что привезъ для В. М.

поклонъ отъ матери. И это обстоятельство заставило Пелагею пустить меня. Съ тѣхъ поръ долгое время она, докладывая обо мнѣ, называла «ота мамаши». Когда же В. М. сказалъ ей, что у меня и фамилія есть и нѣсколько разъ произнесъ ее, Пелагея окрестила меня «Балаханцевымъ» и сдѣлала, для ясности, добавленіе: «ота мамаши». Чехова она называла, кажется, просто «Антономъ». Вотъ еще два эпизода о ней. Прослуживъ первыя пять лѣтъ, она ни разу не вышла изъ квартиры. Въ пятый же годъ заявила однажды, что кто-то — чуть ли не городовой какой-то — сообщилъ ей свѣдѣнія, что въ Москвѣ проживаетъ ея, Пелагеи, тетка, и попросила отпустить ее къ теткѣ. В. М., конечно, съ удовольствіемъ исполнилъ ея желаніе, удивившись, что она никуда и никогда не ходитъ. И что же? Пелагея возвратилась только на третьи сутки. Оказалось, что, уйдя отъ тетки, она «заблудилась», такъ какъ не знала ни улицы, ни № дома, ни ...фамиліи хозяина, а запомнила лишь, что «зовутъ его Василій Михайловичъ!» Другой эпизодъ. На одной изъ квартиръ устроилъ В. М. электрическое освѣщеніе. Случилось такъ, что поздним вечеромъ въ тотъ же день онъ уѣзжалъ за границу. Предъ самымъ отправленіемъ на вокзалъ В. М. сдѣлалъ опытъ, какъ горитъ электричество, погасилъ затѣмъ всѣ висящія лампочки, но позабылъ сдѣлать это съ лампочкою на столѣ съ густымъ зеленымъ абажуромъ. Возвращается, кажется, черезъ мѣсяцъ В. М. изъ-за границы и спрашиваетъ у Пелагеи:

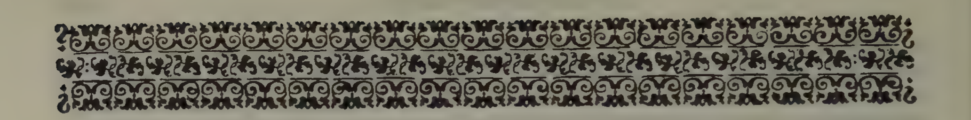
— Ну что, все благополучно? — Все, В. м., только лаппу не могла погасить. — Какую лампу? — Что у васъ на столѣ, ужъ я дула ее, дула и сверху, и снизу, и сбоку — горитъ да и только! Да и дыры-то нѣтъ!..

Такъ неприкрученая «лаппа» и прогорѣла около мѣсяца.

Незадолго до кончины, когда В. М., отстранясь отъ редакторства, пересталъ нанимать квартиру, онъ, разсчитавъ прислугу, назначилъ Пелагеѣ пенсію.

И. П. Бѣлоконскій.

ХРОНИКА.

† Л. А. Полонскій [1]).

(1833—1913).

Полякъ по происхожденію (Леливо-Полонскій), Леонидъ Александровичъ Полонскій принадлежалъ къ числу видныхъ русскихъ публицистовъ. Въ послѣдніе годы онъ уже не принималъ участія въ нашей литературной жизни, и его смерть прошла мало замѣченной. А между тѣмъ было время, когда Полонскій занималъ авторитетную позицію, какъ убѣжденный проповѣдникъ идеи конституціонализма. Въ печати онъ началъ выступать съ знаменитаго 1861 года, и расцвѣтъ его дѣятельности падаетъ на 70—80-ые годы, когда разыгрывалась героическая эпопея стараго народничества, и когда правительство различными репрессивными мѣрами стремилось подавить конституціонныя и революціонныя попытки русскаго общества. Полонскій не примыкалъ къ крайнему лѣвому теченію, терроръ вызывалъ съ его стороны осужденіе, зато онъ неизмѣнно былъ вѣренъ принципамъ конституціоннаго либерализма. Ихъ проводилъ онъ въ 70-хъ годахъ на страницахъ «Вѣстника Европы», и въ началѣ 80-хъ годовъ болѣе энергично въ своей газетѣ «Страна». Именно здѣсь послѣ событія 1 марта Полонскій смѣло высказалъ мысль о необходимости для Россіи перейти къ конституціонному режиму. Само собою разумѣется, подневольная русская печать была слишкомъ узкой ареной для того, кто требовалъ политической и гражданской свободы въ годы усиленной реакціи. «Страна» быстро прекратила свое существованіе (1880-1883), и Полонскій снова принужденъ былъ кочевать изъ одного органа въ другой, надѣвая привычную маску псевдонимовъ [1]). Силы талантливаго публициста не находили себѣ должнаго примѣненія, и энергія угасала. Л. А. Полонскій дожилъ до «обновленія» нашего государственнаго строя, и русское общество не можетъ не чувствовать признательности къ одному изъ раннихъ провозвѣстниковъ конституціонализма [2]).

[1]) Некрологи проф. С. В. Соловьева, С. М. Блеклова и С. Н. Шубинскаго будутъ помѣщены въ слѣдующемъ номерѣ.
Ред.

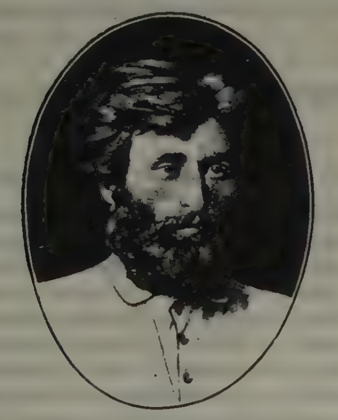
[1]) Л. А. Полонскій въ разное время писалъ подъ псевдонимами: Иванъ Любичъ, Л. Александровъ, Л. Прозоровъ и Л. Лукьяновъ.

[2]) Л. А. Полонскій писалъ и беллетристическія произведенія («Надо жить», «Сумасшедшій музыкантъ», «Оттепель», «Анна», «Денегъ нѣтъ» и др.). Большая ихъ часть вошла въ сборникъ «На досугѣ». Хотя въ свое время нѣкоторыя повѣсти Полонскаго и обратили на себя вниманіе литературной критики, но беллетристическому творчеству онъ дѣйствительно, отдавался только «на досугѣ».—Отмѣтимъ также, что Полонскій интересовался иностранной литературой, работалъ въ «Temps», въ «Revue Universelle», въ «Kraj» и, между прочимъ, написалъ статьи о Г. Гейне, Диккенсѣ, Ламартинѣ, В. Гюго и Ю. Словацкомъ.

† И. С. Джабадари.

Имя скончавшагося недавно И. С. Джабадари связано съ однимъ изъ яркихъ моментовъ революціоннаго народничества 70-хъ годовъ, съ процес-

сомъ 50-ти. Джабадари родился въ 1852 г., учился въ медико-хирургической академіи, но курса въ ней не кончилъ и уѣхалъ за границу. Тамъ кружокъ кавказцевъ, къ которому онъ принадлежалъ, соединился съ круж-

И. С. Джабадари.

комъ учащихся женщинъ, и вмѣстѣ они выработали планъ систематической пропаганды, для осуществленія котораго они вернулись въ Россію. Отъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ, пропагандистовъ 1873—1874 гг., соединенные кружки кавказцевъ и учащихся женщинъ отличались стремленіемъ создать правильную организацію и тѣмъ, что они вели пропаганду исключительно среди рабочихъ въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ и Тулѣ. Дѣятельность ихъ была, однако, очень непродолжительна и черезъ два-три мѣсяца работы уже послѣдовалъ первый «провалъ» въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1875 г. Въ числѣ жертвъ этого провала былъ и Джабадари. Въ обвинительномъ актѣ по процессу 50-ти его имя поставлено во главѣ списка подсудимыхъ, и это обстоятельство сдѣлало его имя чуть ли не наиболѣе популярнымъ среди участниковъ процесса. За двумя годами предварительнаго заключенія послѣдовалъ приговоръ къ 5 годамъ каторжныхъ работъ, и Джабадари былъ отправленъ для отбыванія каторги въ Новобѣлгородскую тюрьму, игравшую въ то время роль, которая впослѣдствіи была отведена Шлиссельбургу, и отличившуюся очень тяжелымъ режимомъ. Свое пребываніе въ этой тюрьмѣ Джабадари описалъ въ видѣ полубеллетристическихъ очерковъ «Въ неволѣ». Очерки эти (въ литературномъ отношеніи впрочемъ довольно слабые) были написаны въ 80-хъ годахъ, но увидѣли свѣтъ только въ 1906 г. на страницахъ «Былого». Въ этомъ же журналѣ за 1907 г. напечатаны его воспоминанія о процессѣ 50-ти. Изъ Новобѣлгородской тюрьмы Джабадари былъ отправленъ въ 1880 г. на Кару и въ 1883 г. вышелъ на поселеніе. Ему удалось очень скоро вернуться въ Европейскую Россію, причемъ онъ былъ возстановленъ во всѣхъ правахъ. Онъ сдалъ экзаменъ по юридическому факультету и занялся адвокатурой въ Тифлисѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и гласнымъ тифлисской городской думы. Въ 90-хъ годахъ онъ написалъ небольшую книжку противъ смертной казни.

† Лестеръ Уордъ.

Недавно умеръ самый видный изъ американскихъ соціологовъ—Лестеръ-Франкъ Уордъ, занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду міровыхъ представителей этой молодой науки.

Человѣкъ съ очень несложной біографіей и съ колоссальными знаніями: геологъ, палеонтологъ, ботаникъ, Уордъ какъ типъ ученаго, больше другихъ напоминаетъ Спенсера, преемникомъ котораго онъ былъ.

Родился онъ въ 1841 году въ Джолліэтъ (Иллинойсъ), когда учился, разразилась междоусобная война, въ которой онъ считалъ долгомъ принять участіе; храбро бился въ рядахъ сѣверянъ, а когда насталъ миръ, скромно вернулся къ своимъ растеніямъ и ископаемымъ. Степень получилъ въ Нью-Йоркскомъ Колумбійскомъ университетѣ. Тамъ же долго былъ профессоромъ ботаники.

Сначала Уордъ увлекался палеоботаникой и геологіей, интересъ къ которымъ не остылъ и позднѣе («A sketch of Paleobotany», 1885; The geographical distrilution of fossil Plants,

1888; The status of the Mesozoic Flora of the USA, 1905). Но имя въ наукѣ онъ оставилъ своими соціологическими работами: «Dynamie Sociology» (1883), Psychic factors of Ciuilization» (1897), «Outlines of Sociology» (1898), «Sociology and Economics» (1899); «Pure Sociology» (1903); «Textbook of Sociology» (1905 вмѣстѣ съ Dealy).

«Психическіе факторы цивилизаціи» и «Очеркъ соціологіи» переведены на русскій языкъ. Переведена была и «Динамическая соціологія», но она сожжена по постановленію цензуры. Нашимъ невѣжественнымъ опекунамъ печатнаго слова, которые не могли, очевидно, прочесть книгу, написанную чисто научно и безъ какихъ-либо экскуровъ въ область политики, показалось очень страннымъ заглавіе: динамическая соціологія, что-то такое, что соединяетъ въ себѣ динамитъ и вредныя ученія соціализма. Уордъ, вѣроятно, пережилъ много веселыхъ минутъ, если только онъ зналъ, какія вещи заподозрѣла въ его книгѣ русская цензура: онъ былъ очень далекъ отъ соціализма.

Основное значеніе его соціологической доктрины заключается въ томъ, что онъ развилъ и углубилъ спенсеровскія поправки къ ученію Огюста Конта. Спенсеръ, какъ извѣстно, внесъ въ контовскую классификацію капитальное дополненіе, вставивъ между біологіей и соціологіей еще и психологію. Но онъ не сдѣлалъ всѣхъ выводовъ изъ этого нововведенія. У Спенсера господствующимъ факторомъ является все-таки біологическій. Уордъ понялъ недостаточность этой точки зрѣнія и на мѣсто біологическаго фактора, дѣйствующаго пассивно, не экономно, безполезно растрачивающаго энергію, поставилъ эволюцію, направленную по линіи наименьшаго сопротивленія въ руководимую активными психическими силами. Прогрессъ получилъ у Уорда характеръ телеологическій.

Его послѣдователи, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаютъ Гиддингсъ и Дили, разрабатываютъ соціологію въ этомъ направленіи. Направленіе Уорда имѣетъ точки соприкосновенія и съ ученіями нашихъ субъективистовъ и съ доктриной нѣмецкой телеологической школы (Риккари и другіе). На русскомъ языкѣ первый соціологическій трудъ Уорда изложенъ П. Н. Николаевымъ («Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ»).

А. Дэк.

Выставка Исторической библіотеки города Парижа.

(Отъ нашего парижскаго корреспондента.)

25 мая въ помѣщеніи «Исторической библіотеки города Парижа», на улицѣ Севиньэ, открылась интересная выставка: *«Парижскіе прогулки и сады»* въ гравюрахъ и рисункахъ современниковъ, начиная съ XV и кончая XIX вѣкомъ (эпоха реставраціи). Экспонаты для выставки — организованной администраціей библіотеки и «Общества друзей библіотеки»— доставлены изъ парижскихъ и отчасти провинціальныхъ библіотекъ и коллекцій и занимаютъ нѣсколько десятковъ витринъ въ довольно обширномъ залѣ. Наиболѣе рѣдкими и цѣнными изъ нихъ являются старинныя репродукціи миніатюръ изъ книги герцога де Барри „*Les très Riches Heures*" нач. XV вѣка, воспроизводящіе сцены сельской жизни—покосъ и пашни —у самыхъ воротъ современнаго Лувра. Не менѣе интересенъ планъ Парижа, составленный въ 1530 году.

Богато иллюстрированы эпохи Великой Революціи, Имперіи и Реставраціи, при чемъ самой цѣнной для историка является бытовая сторона рисунковъ — костюмы, сцены уличной и общественной жизни, карикатуры. Встрѣчаются и интересные съ общественно бытовой точки зрѣнія документы, напр., указы Людовика XV, категорически воспрещающіе входъ въ Тюльерійскій садъ лакеямъ и лицамъ, находящимся въ услуженіи, хотя бы этого требовали отъ нихъ ихъ господа. Для насъ, русскихъ, интересны сцены изъ жизни русскихъ офицеровъ, солдатъ и казаковъ въ Парижѣ во время занятія его союзниками. Часть этихъ

рисунковъ впрочемъ уже воспроизведена въ юбилейномъ изданіи «Отечественная война» (изд. Истор. Ком. О. Р. Т. З.).

Выставка сопровождается серіей публичныхъ лекцій, дающихъ историческіе очерки Парижа—des Tuilleries, des Plantes, du Luxembourg, du Palais Royal, des Champs-Elysées, de Monceau и др. Лекціи, какъ и сама выставка, продолжатся до 1 октября.

И. Х.

К. А. Тимирязевъ.

Въ концѣ мая исполнилось семьдесятъ лѣтъ со дня рожденія К. А. Тимирязева. Состояніе здоровья знаменитаго ученаго не позволило его ученикамъ и почитателямъ отпраздновать этотъ день такъ, какъ они бы хотѣли, съ торжественностью и съ блескомъ, достойными дѣятельности юбиляра. Празднованія были скромны, но печать отмѣтила эту дату.

Для «Голоса Минувшаго» недоступна оцѣнка научныхъ трудовъ К. А. Тимирязева. Это сдѣлаютъ журналы, посвященные вопросамъ естествознанія. Для историческаго изданія К. А. Тимирязевъ—общественный дѣятель, юбилей котораго не можетъ быть обойденъ молчаніемъ.

Среди нашихъ ученыхъ немного людей, которые, двигая свою науку такъ, какъ К. А. Тимирязевъ умѣетъ это дѣлать, оставили бы во всѣхъ, проходившихъ черезъ его аудиторію, бодрящее воспоминаніе объ огромной гражданской стойкости, о полной неспособности итти на компромиссы тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о высшихъ интересахъ науки и объ идеалахъ демократіи.

Борьба за науку была для К. А. Тимирязева однимъ изъ способовъ, именно ему присущимъ способомъ, борьбы за демократію. Неразрывную связь между требованіями положительнаго знанія и требованіями широкой демократической программы, К. А. Тимирязевъ всегда подчеркивалъ съ особенной силой въ своихъ популярныхъ статьяхъ и съ трепетнымъ, зажигающимъ краснорѣчіемъ говорилъ о ней на своихъ лекціяхъ.

Его слушатели и читатели, не говоря уже о его ближайшихъ ученикахъ, всегда выносили изъ общенія съ нимъ крѣпкую вѣру въ конечное торжество науки и народныхъ идеаловъ и въ самыя мрачныя времена реакціи въ неугасимомъ огнѣ его воодушевленія искали и находили источникъ бодрости и здоровой, молодой надежды на будущее.

Въ анналахъ Московскаго университета есть факты, которые когда-нибудь будутъ разсказаны,—какъ защищалъ К. А. Тимирязевъ студентовъ, какъ охранялъ онъ достоинство науки. Бывали случаи, когда онъ *одинъ*, буквально одинъ, не боялся итти наперекоръ всему совѣту профессоровъ, который въ дни кризисовъ дѣлился обыкновенно на предателей, неустойчивыхъ и обманутыхъ. И если на комъ-нибудь изъ профессоровъ 80-хъ и 90-хъ годовъ не лежитъ отвѣтственность ни за попраніе науки ни за утѣсненіе студентовъ, то это прежде всего на К. А. Тимирязевѣ.

Больше бы намъ такихъ стариковъ...

А. Дж.

Диспутъ Ю. В. Готье.

19 мая состоялась защита диссертаціи, «Исторія областного управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II т. I», представленной Ю. В. Готье для соисканія ученой степени—доктора русской исторіи. Въ своемъ вступительномъ словѣ диспутантъ охарактеризовалъ тѣ цѣли, которыя онъ себѣ ставилъ при выполненіи задуманнаго труда. Тема имъ выбрана не случайно, а зависѣла отъ общаго состоянія исторической науки тѣхъ очередныхъ вопросовъ, которые въ ближайшемъ будущемъ подлежатъ научной разработкѣ. Къ такого рода очереднымъ вопросамъ принадлежитъ, по мнѣнію диспутанта, вопросъ объ областной реформѣ послѣ Петра. Областное дѣленіе Петровской эпохи прекрасно изучено рядомъ историковъ (Мрочекъ, Дроздовскій, Милюковъ), въ особенности М. Богословскимъ, авторомъ «Областной реформы 1719 года».

Поэтому очередная задача исторической науки — дальнѣйшая разработка тѣхъ же вопросовъ до новаго поворотнаго пункта реформы 1775 года. Исторія областного дѣленія, по мысли диспутанта, это механическіе центры, постепенно эволюціонирующіе, и тѣ лица, которыя приводятъ эти центры въ движеніе. Чтобы правильно изучить эти вопросы, надо неразрывно связать ихъ съ соціальнымъ строемъ, изучать ихъ въ связи съ обществомъ, когда и само общество находится въ переходномъ состояніи. Изучаемая эпоха—время реакціи для дворянства и тяглаго сословія, эпоха, въ которой выросло новое поколѣніе, изъ котораго вышли дѣятели Екатерининскаго царствованія. При изученіи областного дѣленія—необходимо коснуться его происхожденія, устройства областныхъ учрежденій и круга ихъ вѣдомствъ, положеній ихъ въ сферѣ общаго управленія и организаціи надзора, дальнѣйшей ихъ эволюціи, исчезновенія и смѣны ихъ новыми учрежденіями. Источниками работы служили архивные матеріалы, хранящіеся въ Арх. М. Ю., Государственномъ и Сенатскомъ архивѣ. Сенатъ, хотя въ это время находился въ состояніи упадка и униженія, однако все же стоялъ во главѣ управленія, а потому сенатскій архивъ даетъ много интереснаго матеріала. Отличительной чертой изученнаго матеріала—это подавляющее однообразіе его содержанія. Изученіе всего архива дало возможность прійти къ цѣлому ряду выводовъ, изложенныхъ диспутантомъ въ 10 тезисахъ. По его мнѣнію, областная реформа 1727 года была вызвана стремленіемъ упростить и удешевить мѣстное управленіе. Реформа въ общемъ была мало продумана и не была свободна отъ всякаго рода исключеній и изъятій, и являлась скорѣе возвращеніемъ къ древне-русскимъ началамъ патріархальности, чѣмъ развитіемъ началъ, внесенныхъ въ областное управленіе Петромъ. Впрочемъ, новыя учрежденія не совсѣмъ уничтожили петровскія законоположенія. Въ продолженіе всей эпохи нѣкоторыя изъ нихъ охраняютъ свое дѣйствіе и значеніе.

Проведеніе въ жизнь новаго областного строя дѣлалось безъ всякой системы. Не столько законъ, сколько практика поправляли первые шаги новыхъ учрежденій. Областная реформа установила въ областномъ управленіи довольно строгое іерархическое начало и возстановила дѣленіе на уѣзды, забытое Петромъ. Впослѣдствіи вносились нѣкоторыя частичныя поправки, имѣвшія цѣлью болѣе равномѣрное распредѣленіе губерній. Организація системы управленія основывалась на крайней централизаціи и регламентаціи, иногда доходившей до смѣшныхъ и уродливыхъ явленій, но сама организація службы была нестройна и неправильна. Впрочемъ, система регламентаціи встрѣчала нѣкоторое противодѣйствіе какъ со стороны бытового уклада службы, такъ и со стороны возраставшей связи мѣстнаго дворянства съ мѣстнымъ управленіемъ. Общій уровень администраціи былъ довольно низокъ, и ея составъ не могъ способствовать успѣху и популярности учрежденій 1727—1755 года. Вслѣдствіе общихъ историческихъ условій и сознательной политики правительства приказное сословіе обособлялось отъ другихъ группъ населенія. Правда, оно было не особенно многочисленно, но зато въ высшей степени некультурно. Административная дѣятельность областныхъ учрежденій съ внѣшней стороны заключалась въ элементарной политической дѣятельности, въ обязанностяхъ по сословному тяглу различныхъ группъ жителей имперіи—съ внутренней стороны она характеризуется полнымъ подчиненіемъ центральному правительству, полнымъ отсутствіемъ иниціативы. Въ финансовомъ отношеніи — областныя учрежденія собирали подати, контролировали сборъ податей, служили мѣстными казначействами и были агентами центральныхъ властей по казеннымъ подрядамъ. Отсутствіе единства подчиненія въ финансовомъ и судебномъ отношеніяхъ оказывало очень вредное вліяніе на судебныя и финансовыя функціи областныхъ учрежденій. Офиціальными оппонентами на диспутѣ выступили орд. проф.

М. К. Любавскій и М. М. Богословскій.

Первый изъ оппонентовъ привѣтствовалъ появленіе книги, которая по своему содержанію вполнѣ отвѣчаетъ очереднымъ задачамъ исторической науки и проливаетъ свѣтъ на темную до сихъ поръ область; однако принятая система изложенія, по его мнѣнію, значительно ослабляетъ впечатлѣніе, выносимое отъ чтенія книги. Эту манеру изложенія можно назвать протокольной, тогда какъ сама тема нуждается въ описательномъ изложеніи. Нельзя, изучая исторію областного управленія, упускать изъ виду историческую обстановку, которая одна только и можетъ объяснить неуспѣхъ этихъ учрежденій. Благодаря этому, вся книга распадается на нѣсколько отвлеченныхъ темъ. Помимо этого въ книгѣ есть немало подробностей, которыя можно было выпустить безъ ущерба для дѣла. Поэтому въ книгѣ нѣтъ единства; отдѣльныя ея части связаны другъ съ другомъ какими-то невидимыми путями. Немало также въ книгѣ общихъ и не особенно содержательныхъ разсужденій (стр. 193, 207, 212, 242, 327), которыя имѣютъ малое отношеніе къ темѣ. Необходимо было книгѣ придать внѣшнюю логичность и стройность, дать историческій разсказъ, внести нѣсколько бытовыхъ фактовъ, и тогда бы совершенно не понадобился второй томъ.

Затѣмъ проф. Любавскій перешелъ къ разсмотрѣнію историческихъ основъ реформы 1727 года. Не видя въ ней никакой идеализаціи XVII в, на что упираетъ авторъ книги, онъ не считаетъ реформу 1727 года рѣзкимъ разрывомъ съ Петровской эпохой. Многое осталось, но многое было упрощено. По мнѣнію оппонента—реформа 1727 года — это синтезъ старины и петровскихъ преобразованій. Невѣрно также, что уѣздное дѣленіе творцами реформы было заимствовано изъ XVII в. И въ Петровскую эпоху уѣздъ не умеръ. Были особые судебные округа—города съ уѣздомъ. И въ организаціи губернаторской власти много общаго съ Петровской эпохой. Сама инструкція 1727 года не является отказомъ отъ принциповъ Петра. Многіе изъ нихъ были въ нее включены. Да и генеральный регламентъ попрежнему имѣлъ силу. Поэтому реформа 1727 года—не возвращеніе къ старинѣ, а только упрощеніе, вызванное разнаго рода практическими соображеніями и денежными затрудненіями. Затѣмъ г. Любавскій указалъ на утрированную характеристику дѣятельности административныхъ властей (стр. 385). Такой «импрессіонизмъ» болѣе подходитъ къ лекціи, въ которой приходится кратко и сжато характеризовать то или другое явленіе, но въ научномъ трудѣ—ему не мѣсто. Не правъ авторъ работы, утверждая, что концу 1727 года чужда идея общаго блага. Государство послѣ Петра не было вотчиной. Администраціи того времени не была чужда идея общаго блага, поскольку она выражалась въ отстаиваніи національной независимости, въ обезпечиваніи и внутренней безопасности. Наконецъ г. Любавскій привѣтствовалъ приложеніе карты, но детальное знакомство съ ней его разочаровало. Она составлена не внимательно и можетъ ввести въ заблужденіе читателя. На карту занесены такіе города, которыхъ еще не было въ 1727 году и наименованіе которыхъ появляется только во второй половинѣ XVIII в. Любавскій насчиталъ немало.

Въ отвѣтъ на замѣчанія г. Любавскаго диспутантомъ было сказано, что принятая имъ система изложенія вытекала всецѣло изъ характера того матеріала, которымъ онъ пользовался и который нуждается въ описаніи. Онъ согласенъ, что въ его работѣ немало подробностей, но эти подробности, по его мнѣнію, должны были дать отчетливое представленіе объ изучаемой имъ старинѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по его мнѣнію, даже слѣдовало бы больше привести подробностей (такъ, ст. 437). Неправиленъ также упрекъ, по мнѣнію диспутанта, въ игнорированіи имъ предшествующихъ учрежденій. Наоборотъ, онъ постоянно о нихъ упоминаетъ и отъ нихъ отправляется въ своемъ изслѣдованіи. Что же касается задачи, преслѣдуемой имъ въ работѣ, то изученіемъ

областной реформы 1727 г. онъ хотѣлъ подойти къ учрежденіямъ 1775 г., вслѣдствіе чего въ его работѣ гибель и смерть реформы не нашла себѣ мѣсто. Диспутантъ также думаетъ, что между нимъ и г. Любавскимъ нѣтъ существенной разницы въ пониманіи и оцѣнкѣ реформы 1727 года. Компромиссъ, несомнѣнно, былъ, какъ и было замѣтно весьма отрицательное отношеніе къ Петру со стороны творцовъ реформы 1727 г. Дѣйствіе генеральнаго регламента ничего не измѣняетъ: онъ былъ страшенъ для мелкой приказной сошки, но не для генералитета. Если, можетъ-быть, творцы реформы и не идеализировали московскую старину XVII в., то, во всякомъ случаѣ, упрощеніе областныхъ учрежденій вышло на московскій ладъ. Наконецъ диспутанту пришлось согласиться со всѣми возраженіями г. Любавскаго по поводу недостатковъ приложеній имъ къ изслѣдованію карты.

М. М. Богословскій началъ свои возраженія съ общей характеристики представленнаго труда. Онъ считаетъ тему работы выбранной очень удачно. До появленія работы Готье, по мысли Богословскаго, въ этой области царила темнота, которая освѣщена работой диспутанта. Авторъ прекрасно поступилъ, доведя свое изслѣдованіе до реформы 1775 года, которая нуждается въ особенномъ изслѣдованіи, пожалуй, даже въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій. Погрузившись въ чрезвычайно обильный архивный матеріалъ, авторъ въ немъ не потонулъ, сумѣлъ въ немъ разобраться и пришелъ къ цѣннымъ выводамъ. Изучая реформу 1727 года, авторъ часто уклоняется въ сторону и даетъ попутно цѣлый рядъ отдѣльныхъ мелкихъ изслѣдованій, несомнѣнно, очень цѣнныхъ, но имѣющихъ весьма далекое отношеніе къ его основной задачѣ. Все это только увеличило безъ нужды объемъ книги, покрыло ее «злокачественными опухолями, которыя нужно было бы вырѣзать». Если бы авторъ далъ нѣсколько иной планъ, избѣжалъ бы различныхъ деталей и о многомъ умолчалъ бы, то отъ этого работа бы только выиграла. Даже въ принятомъ авторомъ планѣ нѣтъ никакой стройности. Образцомъ нестройности являются V и VI главы изслѣдованія, въ которыхъ говорится о вопросахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ главному содержанію главъ. Такъ, говоря о службѣ губернаторовъ и воеводъ, авторъ, неизвѣстно зачѣмъ, даетъ маленькое изслѣдованіе объ офицерахъ при подушномъ сборѣ, комендантахъ [1]) тѣмъ отводя имъ много мѣста, только увеличиваетъ объемъ книги, придя, въ концѣ-концовъ, къ тому же, съ чего началъ, напр., зачѣмъ всѣ эти длинныя разсужденія о подготовкѣ губернаторовъ, когда авторъ самъ заявляетъ, что собственно никакой подготовки не было. Что же касается VII главы—о губернскихъ воеводскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ, то оппонентъ считаетъ ее совершенно лишней, и самъ авторъ, вводя въ составъ своего изслѣдованія, едва избѣжалъ опасности потонуть въ этомъ провинціальномъ болотѣ. Переходя затѣмъ къ вопросу о связи областной реформы 1727 года съ учрежденіями XVII вѣка, Богословскій присоединился къ мнѣнію г. Любавскаго, и въ виду того, что диспутантъ продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи, счелъ нужнымъ опять вернуться

---

[1]) Дворцовыхъ управителяхъ и т. д. Въ главѣ, посвященной личному составу областныхъ правителей—попали и наблюденія автора надъ злоупотребленіями областныхъ властей, надъ указами противъ злоупотребленій лихоимствѣ и взяточничествѣ. Вообще работа Готье развивается неорганически, а механически, полна разнаго рода утвержденіями, которыя въ сущности не нуждаются ни въ какихъ доказательствахъ. Встрѣчаются также и афоризмы автора, не имѣющіе конкретнаго содержанія, какъ, напр., характеристика правительственной дѣятельности Екатерины II, утвержденіе, что Екатерина зажилась на свѣтѣ, тогда какъ, проживи она еще дольше, не было бы нелѣпаго царствованія Павла. Помимо этого, авторъ книги пытается разсматривать вопросы, которые очевидны сами по себѣ, а между

къ разсмотрѣнію ранѣе затронутаго вопроса. Между реформой 1727 г. и 1719 года, нѣтъ разрыва. Это только приспособленіе послѣдней въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ. Нельзя называть дѣятелей реформы убогими, разъ тутъ принимали участіе такіе видные государственные дѣятели, какъ Фикъ, Меншиковъ, Ягужинскій, въ Дм. Голицынъ. Указывая на разницу между областнымъ дѣленіемъ; 1726 и 1727 года, г. Богословскій формулировалъ свои мысли въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) новое областное дѣленіе рѣзкое отличается отъ таковогo въ XVII в.; 2) вырабатывается новое понятіе «учрежденія». Управляютъ страной не съ помощью лицъ, какъ было въ XVII в., а при содѣйствіи учрежденій; 3) устанавливается новый порядокъ назначенія на должности. Личныя просьбы при этомъ теряютъ всякое значеніе; 4) вырабатываются іерархическія начала, совершенно не напоминавшія установившуюся іерархическую подчиненность XVII в. И наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить единство «наказа» для губернаторовъ, тогда какъ въ XVII в. ни о какомъ единствѣ не можетъ быть и рѣчи. Нельзя называть убожествомъ губернаторовъ XVIII в. Самъ авторъ выдѣляетъ нѣсколькихъ. Къ его перечню можно прибавить Татищева, весьма энергично заботившагося о процвѣтаніи ввѣреннаго ему края, Сиверса о чрезвычайно разносторонняго административнаго дѣятеля Екат. эпохи. Онъ подаетъ Екат. разнаго рода проекты, устраиваетъ сельско-хозяйственныя общества, заботится о сохраненіи лѣсовъ, разрабатываетъ льняное дѣло, организуетъ кредитныя товарищества, подаетъ проекты объ облегченіи рекрутскихъ наборовъ, устраиваетъ дороги, почту и роетъ каналъ. Не правъ также авторъ, когда, говоря о «судѣ по формѣ», стремится опредѣлить его компетенцію путемъ сравненія съ компетенціей мировыхъ судовъ, тогда какъ между ихъ компетенціей существуетъ огромная разница. Затѣмъ, выражая автору благодарность за его отношеніе къ его работѣ, г. Богословскій, однако, думаетъ, что въ одномъ мѣстѣ своей работы диспутантъ нанесъ ему кровную обиду утвержденіемъ, что петровскіе ландраты были выбранными, при чемъ это замѣчаніе сопровождается ссылкой на работу г. Богословскаго, которая какъ разъ доказывала обратное, и это мнѣніе призналъ правильнымъ и В. О. Ключевскій, утверждая въ своемъ «Курсѣ», что ландраты никогда не были избранными. Указавъ еще рядъ стилистическихъ погрѣшностей (стр. 15, 16, 18, 19, 63 и т. д.), г. Богословскій кончилъ свои возраженія признаніемъ труда Готье огромнымъ вкладомъ въ современную исторіографію, несмотря на нѣкоторые существенные дефекты его книги. Съ большинствомъ возраженій г. Богословскаго диспутанту пришлось согласиться. Въ двухъ только случаяхъ онъ разошелся съ оппонентомъ. Онъ продолжалъ настаивать на правильности его характеристики дѣятельности губернаторовъ и считаетъ, что Екатерина послѣ 1789 года мало въ чемъ отличалась отъ Павла, такъ что едва ли приходится жалѣть, что она умерла. По окончаніи диспута—магистръ русской исторіи Ю. В. Готье былъ признанъ «докторомъ русской исторіи». Это признаніе было встрѣчено аплодисментами не особенно многочисленной публики.

Диспутъ Л. П. Карсавина.

12 мая въ актовомъ залѣ СПБ. университета приватъ-доцентъ Л. П. Карсавинъ публично защищалъ представленную имъ на соисканіе степени магистра всеобщей исторіи диссертацію подъ заглавіемъ: «Очерки религіозной жизни Италіи въ XII и XIII вв.».

Во вступительной рѣчи диссертантъ развилъ двѣ идеи, которыя отчасти выходили изъ рамокъ его книги и имѣютъ отношеніе къ дальнѣйшимъ работамъ автора: это идея мистики, проходящая черезъ церковный культъ. и идея церковности, въ смыслѣ огромной зависимости всѣхъ сторонъ жизни разсматриваемой эпохи отъ церкви. По мысли автора, не только ортодо-

ксальныя, но и еретическія движенія того времени связаны съ клюнійскимъ движеніемъ и процессомъ «евангелизаціи» внутри самой церкви [1]).

Первый изъ официальныхъ оппонентовъ, проф. *Н. И. Карѣевъ*, признавъ въ представленной диссертаціи цѣнный вкладъ въ науку и указавъ на громадный матеріалъ, который легъ въ основу его книги, остановился на нѣкоторыхъ дефектахъ въ общемъ построеніи книги: отсутствіи историческаго введенія, которое облегчило бы читателю оріентировку въ книгѣ и указало бы связь автора съ работами его предшественниковъ; въ книгѣ, какъ цѣломъ, отсутствуетъ объединяющее начало. Оппонентъ находитъ неяснымъ и самое понятіе народной религіи, изучаемой авторомъ, и терминъ «массы», съ которымъ онъ оперируетъ. 2) Отзывъ Н. И. Карѣевъ напечатанъ въ «Рус. Бог.» № 7.

Второй официальный оппонентъ, проф. *И. М. Гревсъ*, указалъ на несправедливо-полемическое отношеніе автора къ нѣкоторымъ изъ своихъ предшественниковъ и — въ основной его идеѣ— чрезмѣрную тенденцію реабилитировать церковь отъ упрековъ историковъ протестантскаго лагеря. Оппонентъ высказалъ принципіальное свое несогласіе съ пониманіемъ авторомъ отношеній религіозной жизни массъ къ религіознымъ идеямъ вождей.

Послѣдніе не только съ большей силой и яркостью переживаютъ то, что разсѣяно въ массахъ, но приносятъ и нѣчто новое, творческое, что перерабатывается массами. Поэтому представляется неправильнымъ методъ изученія на одинаковыхъ основаніяхъ религіи Франциска Ассизскаго и народныхъ массъ, чтобы искать въ нихъ общія черты. Въ сущности, религіозныя вѣрованія большинства даже и не затрогиваются авторомъ: носителемъ изучаемыхъ имъ религіозныхъ движеній является идеалистическое меньшинство.

Л. П. Карсавинъ, возражая, подчеркнулъ еще разъ свое убѣжденіе, что религіозныя идеи и ощущенія одновременно переживаются, хотя и не въ равной степени, множествомъ людей. Съ помощью нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ онъ доказывалъ, что религіознымъ движеніемъ было затронуто именно большинство.

Неофиціальными оппонентами, А. Г. *Вульфіусомъ* и *О. А. Добіашъ-Рождественской*, были затронуты нѣкоторые специальные вопросы.

Историко-филологическій факультетъ единогласно присудилъ диссертанту степень магистра исторіи.

(„Рус. Молва".)

Николай I и Пушкинъ.

Въ засѣданіи Литературнаго общества (въ Спб.) 10-го мая П. Е. Щеголевъ прочиталъ докладъ «О послѣднихъ дняхъ Пушкина и отношеніяхъ къ нему императора Николая I».

Докладчикъ остановился, главнымъ образомъ, на двухъ эпизодахъ, непосредственно слѣдовавшихъ за роковою дуэлью поэта; на извѣстной запискѣ, которую принесъ лейбъ-медикъ Арндтъ отъ императора Николая I Пушкину, когда послѣдній лежалъ на смертномъ одрѣ, и которая должна была утѣшить поэта монаршею милостью, и затѣмъ на распоряженіи императора, данномъ Жуковскому, о томъ, какъ поступить съ бумагами, оставшимися послѣ Пушкина.

П. Е. Щеголевъ, сдѣлавъ анализъ документовъ, принадлежащихъ непосредственнымъ свидѣтелямъ событій, приходитъ къ заключенію, что подлинность записки государя подлежитъ сомнѣнію, ибо ея никто изъ лицъ, окружавшихъ Пушкина въ послѣдніе минуты его жизни и присутствовавшихъ во время внезапнаго визита Арндта не видѣлъ, да ея не оказалось и среди всѣхъ бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ смерти Пушкина. Между тѣмъ, ссылаясь на эту записку, Жуковскій по-своему перетолковалъ отвѣтъ Пушкина, передавая его государю. П. Е. Щеголевъ

---

[1]) См. статью Л. П. Карсавина, которая будетъ напечатана въ № 7 «Голосъ Минувшаго».

доказываетъ, какъ Жуковскій, съ цѣлью сдѣлать Пушкина болѣе терпимымъ при дворѣ, по-своему передѣлывалъ всѣ его отвѣты, относившіеся къ дуэли. Необходимо было представить передъ лицомъ Европы, что у насъ умѣютъ цѣнить и покровительствовать національнымъ геніямъ.

Что касается посмертныхъ бумагъ Пушкина, среди которыхъ была масса писемъ частнаго характера, то первоначальное распоряженіе о томъ, чтобы Жуковскій самолично ихъ пересмотрѣлъ и уничтожилъ то, что могло скомпрометировать память великаго поэта или послужить во вредъ его близкимъ, было сейчасъ же нарушено вмѣшательствомъ шефа жандармовъ Бенкендорфа, который потребовалъ, чтобы всѣ бумаги были прочитаны, какъ того требуетъ «порядокъ въ государствѣ», его помощникомъ, гр. Дуббельтомъ. Это вмѣшательство было санкціонировано свыше, и не остались безъ оцѣнки даже письма жены Пушкина, которыхъ Жуковскій умолялъ не трогать.

Пушкинъ такимъ образомъ и послѣ смерти остался подъ подозрѣніемъ, и оцѣнка національнаго генія не шла дальше милостей, оказанныхъ его вдовѣ, которая была извѣстна двору.

(„Рѣчь“.)

Отъ Украинскаго научнаго общества.

Украинское научное общество въ Кіевѣ основываетъ спеціальный отдѣлъ всевозможныхъ вещей, связанныхъ съ памятью Т. Шевченка, куда желательно собирать различныя, даже самыя незначительныя, вещи, если только онѣ связаны съ именемъ поэта. Сюда относятся вещи самого Шевченка, затѣмъ печатные матеріалы: книги, журналы и газеты со статьями о немъ; афиши и программы шевченковскихъ празднествъ, объявленія и прочее; затѣмъ картины, кустарныя издѣлія и вообще все, что касается Шевченка. Поэтому общество обращается ко всѣмъ, кто чтитъ память поэта, съ просьбой помочь въ собираніи означенныхъ вещей, а печатныхъ—даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Имѣя въ виду систематическое расширеніе музея, общество проситъ своихъ будущихъ сотрудниковъ о постоянной помощи въ этомъ дѣлѣ.

Желательныя вещи просятъ присылать по адресу общества: Кіевъ, Большая Подвальная, 14.

Если за какія-нибудь вещи нужна плата, то объ этомъ необходимо заранѣе увѣдомлять общество.

Новый библіографическій журналъ.

Въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ будетъ издаваться подъ редакціей г. Бондарскаго, автора работъ и популярныхъ брошюръ о международной десятичной классификаціи, новый журналъ: «Библіографическія извѣстія». Такъ какъ журналъ издается «Русскимъ библіографическимъ обществомъ при Московск. университетѣ», то онъ прежде всего будетъ отмѣчать важнѣйшіе факты въ жизни этого общества; кромѣ того, въ журналѣ будутъ печататься спеціальныя работы по библіографіи, а затѣмъ здѣсь найдетъ мѣсто и хроника русской и заграничной библіографической жизни.

ПОЛОЖЕНІЕ О ПРЕМІИ имени
Антона Владиславовича Заремба
при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ

утверждено: Совѣтомъ въ засѣданіи 13 апрѣля 1912 г.
Общимъ Собраніемъ— 29 апрѣля 1912 г.

§ 1. Въ память общественной дѣятельности Антона Владиславовича Зарембы, при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ учреждается денежная премія за научныя сочиненія, посвященныя изученію польско-русскихъ культурныхъ и общественно-политическихъ отношеній со второй половины XVIII вѣка.

§ 2. Премія выдается черезъ каждыя пять лѣтъ въ размѣрѣ наросшихъ за этотъ періодъ процентовъ на спеціальный пожертвованный для этой цѣли капиталъ въ суммѣ 1600 рублей, каковой капиталъ въ случаѣ поступленія на эту цѣль новыхъ пожертвованій можетъ быть увеличенъ.

§ 3. Къ соисканію преміи допускаются появившіяся за соотвѣтствующій пятилѣтній періодъ сочиненія рукописныя и печатныя на русскомъ или польскомъ языкахъ, причемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ премированное сочиненіе должно быть переведено авторомъ на русскій языкъ.

§ 4. Сроки присужденія преміи назначаются Совѣтомъ Юридическаго Общества. Сочиненія должны быть представлены не позднѣе, какъ за шесть мѣсяцевъ до наступленія объявленнаго срока.

§ 5. За два года до наступленія срока присужденія общимъ собраніемъ Юридическаго Общества, по представленію его Совѣту, образуется особая комиссія, въ числѣ не менѣе трехъ лицъ, избираемыхъ какъ изъ членовъ Юридическаго Общества, такъ и изъ представителей польской научной литературы. Комиссія представляетъ Совѣту письменное мотивированное заключеніе.

§ 6. Премія присуждается общимъ собраніемъ Общества по представленію Совѣта.

§ 7. Премія, оставшаяся неприсужденной или неистребованная въ теченіе трехъ лѣтъ со дня ея присужденія, присоединяется къ спеціальному капиталу, изъ процентовъ съ котораго выдается настоящая премія.

§ 8. Въ случаѣ прекращенія дѣятельности Московскаго Юридическаго Общества, означенный спеціальный капиталъ, по постановленію окончательнаго общаго собранія членовъ Юридическаго Общества, передается въ другое соотвѣтствующее общество или учрежденіе для той же цѣли и на тѣхъ же, указан. въ настоящемъ полож. условіяхъ.

Вы говорите: «Я сама не боюсь, но маркизъ боленъ, и опасенія финансовыхъ катастрофъ угнетаютъ его, поэтому мнѣ и хотѣлось бы это выяснить». Я знаю, что ваша гордость не позволитъ вамъ поддаваться страху, но знаю также, что даже рискованныя спекуляціи Сентъ-Джемса не могутъ подвергнуть серьезной опасности колоссальныя богатства маркиза. Впрочемъ, въ данный моментъ все возбуждаетъ тревогу, такъ какъ отъ исхода войны зависитъ очень многое. Покамѣстъ мы еще не можемъ говорить ни о какихъ значительныхъ успѣхахъ Франціи, и лавровый вѣнокъ, врученный адмиралу Д'Эстенъ въ оперѣ въ сущности, принимая во вниманіе мѣсто, былъ только театральнымъ представленіемъ для народа. Со времени великаго короля мы уже такъ отвыкли отъ побѣдъ, что теперь склонны каждый маленькій успѣхъ возводить въ геройскій актъ. Король въ особенности обнаруживаетъ въ такихъ случаяхъ чрезмѣрную щедрость въ раздачѣ орденовъ и титуловъ, но ни то ни другое не можетъ придать эпигонамъ величія ихъ предковъ.

Вы спрашиваете о настроеніи двора? Я стараюсь держаться отъ него въ отдаленіи, насколько возможно, поэтому, на основаніи собственныхъ наблюденій, могу сообщить вамъ лишь очень мало. Если судить по количеству празднествъ и пріемовъ, то дворъ находится въ очень радужномъ настроеніи, но такъ какъ празднества тѣмъ менѣе могутъ служить выраженіемъ удовольствія, чѣмъ болѣе они входятъ въ ежедневный обиходъ, то, слѣдовательно, они и не могутъ являться мѣриломъ хорошаго настроенія у принцевъ.

Я встрѣтилъ королеву въ іюнѣ, въ Эрменонвиллѣ, куда я пріѣхалъ по приглашенію любезной M-me Жирарденъ. Какое божественное помѣстье. Самъ Руссо не могъ бы выбрать лучшаго мѣста для своего вѣчнаго успокоенія. У его могилы на островѣ тополей, гдѣ высокія деревья какъ будто пророчески указываютъ на небо своими свѣтло-зелеными верхушками, цвѣтъ которыхъ напоминаетъ о надеждѣ, гдѣ траурныя розы, словно плачущія женскія лица, прильнули къ памятнику, а возлѣ него тихо шепчутся между собой струйки воды въ рѣкѣ, словно онѣ боятся нарушить тишину этого мѣста, — тамъ все кругомъ какъ будто проповѣдуетъ блаженство возвращенія къ природѣ.

Королева была очень недовольна. Утромъ она узнала о намѣреніи еще сократить число ея придворныхъ слугъ и это послѣ того, какъ она была вынуждена, незадолго передъ этимъ, значительно ограничить свои желанія, касающіяся постройки театра въ Тріанонѣ! «Повидимому, придворный штатъ короля Франціи соразмѣряется теперь съ буржуазнымъ бюджетомъ Неккера», сказала она. Въ ея мягкихъ чертахъ, которыя до сихъ поръ я видѣлъ всегда освѣщенными улыбкой, появилось жестокое выраженіе, особенно присущее ея матери-императрицѣ. «Позволили бы вы, чтобы вашъ дворникъ назначалъ меню вашего стола?» спросила она меня. «Дворникъ, конечно, нѣтъ, — отвѣчалъ я,—но мой управляющій—да, потому что онъ несетъ на себѣ отвѣтственность за правильное веденіе хозяйства».

Обходя паркъ, мы прошли мимо могилы безсмертнаго философа. Королева бросила на памятникъ ледяной взглядъ, черезъ лорнетку, и, высокомѣрно задравъ голову — жестъ, присущій только дочери Маріи Терезы — замѣтила: «Траурныя розы цвѣтутъ въ Тріанонѣ гораздо роскошнѣе», и, приподнявъ платье, словно оно не должно было даже прикасаться къ этой землѣ, прошла мимо.

За ужиномъ я высказалъ графинѣ Полиньякъ похвалу изящнымъ туалетамъ дамъ. «Онѣ носятъ мягкія ботинки, безъ каблуковъ, большія соломенныя шляпы на свободно ниспадающихъ локонахъ, бѣлыя, простыя муслиновыя платья, — сказалъ я. — Не называется ли весь прелестный ансамбль такого туалета костюмомъ à la Руссо?» — «М-lle Бертенъ, создавшая этотъ туалетъ, назвала его платьемъ королевы», крикнула мнѣ черезъ столъ королева и затѣмъ рѣшила больше меня не замѣчать.

Спустя нѣсколько недѣль я былъ у графа Прованскаго, въ замкѣ Брюнуа. Тотъ, кто ничего другого не видѣлъ во Франціи, кромѣ этого дворца Креза, долженъ, конечно, воображать, что Франція утопаетъ въ золотѣ. На одинъ изъ излюбленныхъ господскихъ праздниковъ, устраиваемыхъ тамъ и обладающихъ особенной привлекательностью, благодаря пикантнымъ танцамъ нашихъ очаровательныхъ жрицъ Терпсихоры и еще болѣе пикантнымъ куплетамъ, ожидали прибытія короля. Въ ночь, передъ его пріѣздомъ, кавалеры импровизировали похищеніе сабинянокъ, и разсказы объ этой шуткѣ, закончившейся вакханаліей, забавляли короля гораздо больше, чѣмъ всѣ заранѣе заготовленныя представленія. Онъ, какъ вы знаете, добродѣтеленъ только поневолѣ!

Затѣмъ состоялась охота на оленей, тоже какъ будто обладающихъ придворными качествами. Повидимому, смерть отъ королевской пули они принимали за особенное отличіе.

Въ заключеніе король имѣлъ частное совѣщаніе съ графомъ и уѣхалъ очень довольный.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого улицы Версаля были полны пьяныхъ швейцарцевъ — просроченное жалованіе было имъ выплачено наличными деньгами — придворные конюшни снова наполнились англійскими лошадьми, а въ Тріанонѣ возобновилась прерванная постройка театра. «Заниматься денежными сдѣлками — это такъ пошло!» сказали вы мнѣ въ Спа, сопровождая эти слова неподражаемымъ, презрительнымъ жестомъ. Но короли все облагораживаютъ, не такъ ли, госпожа маркиза?

Я снова перечиталъ ваши строки, и мнѣ показалось внезапно, что въ нихъ сквозитъ скрытое желаніе опять вернуться въ Версаль. Я былъ бы безутѣшенъ, если бы я подавилъ его, вмѣсто того, чтобы раздуть сильнѣе. Но зачѣмъ вы всегда прячете свое внутреннее *я* за тысячами мерцающихъ покрововъ? Не оттого ли, что тайна скуки, какъ вы знаете, заключается именно въ томъ, чтобы все высказывать?

Кардиналъ-принцъ Луи Роганъ — Дельфинѣ.

Версаль, 30 августа 1780 г.

Уважаемая маркиза! Любезный пріемъ, оказанный мнѣ вами во Фробергѣ, и пріятное впечатлѣніе — вы разрѣшите это откровенное замѣчаніе священнику? — которое я вынесъ вслѣдствіе возобновленія дружескихъ отношеній между вами и маркизомъ, заставляетъ меня обратиться къ вамъ съ этимъ письмомъ.

Вы помните наши длинные разговоры по поводу удивительнаго сообщенія барона Вурмзера о графѣ Каліостро, о его исцѣленіяхъ и пророчествахъ. Вспоминая свой печальный опытъ съ Месмеромъ, вы, дорогая маркиза, заранѣе объявили обманомъ все то, о чемъ разсказывалъ баронъ Вурмзеръ. Я тоже отнесся скептически къ этому, хотя, какъ вѣрующій христіанинъ, я никогда не буду отрицать возможность новыхъ чудесъ, такъ какъ именно такія безпокойныя времена, преисполненныя надеждъ и всяческихъ ожиданій, особенно пригодны для проявленія божественной силы, скрывающейся въ отдѣльныхъ избранныхъ людяхъ.

Вы можете заключить изъ этого, что я не смущаясь сталъ искать знакомства съ таинственнымъ графомъ, находящимся въ данную минуту въ Парижѣ. Онъ превзошелъ мои самыя смѣлыя ожиданія. Я пришелъ къ нему въ поздній часъ въ гражданскомъ платьѣ и совершенно замаскированный. Но онъ, не колеблясь, встрѣтилъ меня глубокимъ поклономъ, какъ кардинала Рогана, еще раньше, чѣмъ я успѣлъ сказать слово и такъ подробно описалъ мнѣ мой характеръ, мои склонности и желанія и даже самыя сокровенныя событія изъ моего прошлаго, что я самъ, пожалуй, не рѣшился бы сдѣлать это. Такихъ доказательствъ его феноменальныхъ способностей, конечно, было бы вполнѣ достаточно, чтобы разсѣять мои сомнѣнія. Но то, что мнѣ пришлось испытать, превратило меня уже окончательно въ его послѣдователя. Я встрѣтилъ у него на слѣдующее утро графиню Бетюнъ и разговаривалъ съ нею такъ, какъ будто она никогда не была глухой. Я видѣлъ одного бѣднаго парализованнаго нищаго, который, по его повелѣнію, сталъ ходить съ легкостью юноши. Я видѣлъ одну слѣпую маленькую дѣвочку, которой онъ дуновеніемъ своего рта раскрылъ глаза. Когда же вечеромъ его покинула толпа больныхъ — ихъ горячая благодарность была единственной наградой, которую онъ принималъ, — то онъ удержалъ меня у себя.

При свѣтѣ только голубовато мерцающаго пламени, горѣвшаго безъ лампы и фитиля посреди его лабораторіи, наполненной склянками и пахучими эссенціями, у насъ произошла замѣчательная бесѣда о настоящемъ и будущемъ Франціи. То, что онъ сказалъ, должно остаться тайной между нами. Меня глубоко потрясло это и та роль, которую

онъ предназначалъ мнѣ въ грядущихъ событіяхъ, заставила меня преисполниться такой горячей благодарностью къ Богу, что я упалъ на колѣни и погрузился въ молитву.

Трескъ искръ вырвалъ меня изъ этого созерцательнаго настроенія. Вся комната была наполнена сіяніемъ. Я уже хотѣлъ броситься къ окну, чтобы позвать на помощь, какъ услышалъ голосъ, грозный, точно голосъ архангела, который удержалъ меня. Передо мною стоялъ графъ, и въ то же время это былъ не онъ. Только что передъ тѣмъ это былъ человѣкъ, едва достигшій 50-тилѣтняго возраста, теперь это былъ глубокій старикъ, возрастъ котораго никто не могъ бы опредѣлить. Коричневая кожа обтягивала его кости, глубоко въ глазныхъ впадинахъ блестѣли глаза, худыя руки ловили раскаленный воздухъ, окружающій насъ, и тамъ, гдѣ они схватывали его, воздухъ сгущался, превращаясь въ красноватое золото, въ сверкающіе драгоцѣнные каменья. Ужъ не дурачилъ ли меня выходецъ ада? Я сорвалъ крестъ съ моей груди и съ заклинаніемъ протянулъ его къ графу... Съ благоговѣйнымъ жестомъ онъ прижался къ нему губами!..

Вѣрьте мнѣ, маркиза. Въ моментъ самой величайшей нужды самъ Богъ послалъ Франціи спасителя!

Въ теченіе моего пребыванія я употребилъ всѣ усилія, чтобы привлечь сторонниковъ, которые раздѣляли бы мое убѣжденіе. Но, къ сожалѣнію, ядъ невѣрія распространился точно эпидемія и не пощадилъ даже первыхъ слугъ государства и церкви.

Какъ говорилъ мнѣ графъ Шеврёзъ, королева, повидимому, живо интересуется чудесами графа Каліостро. Когда же Шеврёзъ разсказалъ ей, по моему настоянію, о томъ, что дѣлаетъ графъ Каліостро, то она всплеснула руками, какъ радующійся ребенокъ, и вскрикнула съ блестящими глазами: «Онъ дѣлаетъ брильянты!..»

Къ сожалѣнію, мнѣ все еще не удалось добиться личной аудіенціи, отъ которой такъ много можетъ зависѣть. Вліяніе графини Полиньякъ сильнѣе чѣмъ когда-либо. Съ истинно-адской хитростью она умѣетъ извлекать выгоды изъ этого вліянія для себя и своей семьи, а это означаетъ, что она старается держать подальше всѣхъ Рогановъ и ихъ сторонниковъ. Я надѣялся, что буду имѣть возможность, во время праздника по случаю открытія маленькаго театра въ Тріанонѣ, тайкомъ представить королевѣ графа, но зоркіе глаза партіи Полиньякъ очень ловко помѣшали этому плану.

Какъ я жалѣлъ, прекрасная маркиза, что васъ не было съ нами въ этотъ волшебный вечеръ! Маленькій, весь залитый золотомъ театръ, снаружи похожій на храмъ, а внутри на будуаръ любви, безъ сомнѣнія, представляетъ наиболѣе подходящую рамку для граціозной игры нашей прелестной королевы. Она изображала субретку, и вполнѣ можно было повѣрить, что г. Водрейль, игравшій роль любовника съ неподдѣльнымъ жаромъ, могъ сойти съ ума отъ неудовлетворенной страсти. Пьеса г. Седэна «Король и крестьянинъ», правда, немного непри-

стойна и не очень остроумна, но очаровательная игра высокопоставленной актрисы заставляла прощать эти недостатки. Сіяя гордостью, королева принимала оваціи изысканной публики. Новые китайскіе фонарики распространяли магическій свѣтъ въ темномъ ночномъ паркѣ, и когда театръ открылъ свои двери, то всѣ высыпали въ паркъ, и тамъ искали въ темнотѣ другъ друга—и находили.

«А въ это время тамъ, на морѣ, ставятъ на карту человѣческую жизнь ради будущаго Франціи!» услышалъ я слова офицера, стоящаго возлѣ меня, — одного изъ многихъ, все болѣе и болѣе забывающихъ въ настоящее время, что вѣрность монарху заключается въ томъ, чтобы мы безъ всякой критики преклонялись передъ его мѣропріятіями, даже если они не правильны!

Вскорѣ послѣ того мнѣ пришлось наткнуться еще на одинъ примѣръ господствующаго теперь духа строптивости. Герцогъ Шартрскій давалъ въ честь своей остроумной пріятельницы M-me Жанлисъ ночной праздникъ въ паркѣ Монсо, который долженъ былъ закончиться поѣздкой на гондолахъ, украшенныхъ гирляндами. Но едва только элегантное общество заняло свои мѣста, какъ оказалось, что всѣ гребцы были пьяны. Конечно, общество перепугалось, и всѣ выскочили изъ гондолъ. Въ этотъ моментъ я слышу, какъ одинъ какой-то ничтожный капитанъ высказываетъ нашему благородному хозяину слѣдующее замѣчаніе: «Мы, французы, повидимому, всегда подвергаемся непріятнымъ испытаніямъ на водѣ». — «Однако, посмотрите, какія прекрасныя побѣды мы все-таки одерживаемъ!» возразилъ ему, смѣясь, герцогъ и указалъ на группу испуганныхъ дамъ, которыя, дрожа отъ страха, прижимались къ кавалерамъ, раскрывавшимъ имъ свои объятія. Неизбѣжный Лагарпъ не упустилъ, конечно, случая для поэтической импровизаціи, въ которой прославлялъ M-me Жанлисъ какъ Венеру, а герцога какъ Марса, ну, а себя — развѣ только изъ чрезмѣрной скромности! — онъ не представилъ Адонисомъ!

Черезъ нѣсколько дней я возвращаюсь въ Страсбургъ. Если графъ Каліостро уступитъ моимъ настоятельнымъ просьбамъ и поѣдетъ со мной, то я надѣюсь, не только для себя, но въ особенности для васъ, дорогая маркиза, что мы будемъ свидѣтелями въ высшей степени знаменательныхъ вещей.

Маркизъ Монжуа-Дельфинѣ.

Страсбургъ, 15 сентября 1780 г.

Моя милая Дельфина! Роганъ ничего не преувеличилъ. Я въ высшей степени пораженъ тѣмъ, что видѣлъ, и считаю поэтому возможнымъ питать очень большія надежды.

Мнѣ незачѣмъ увѣрять васъ, что мысль о томъ, что я могу вернуть свои физическія силы и если не увеличить, то, во всякомъ случаѣ, сохра-

нить свое богатство, такъ тѣсно связана у меня съ желаніемъ не быть вамъ въ тягость и окружить васъ тѣмъ блескомъ, для котораго вы созданы, что совершенно сливается съ нимъ. Со времени великой трагедіи нашего дома, когда вы упали точно подкошенная, я только и думаю о томъ, какъ бы увидать васъ снова веселой. Ничто не могло бы доставить мнѣ большей радости, какъ возможность исполнять всѣ ваши желанія, и ничто такъ не огорчаетъ меня теперь, какъ трудныя финансовыя обстоятельства, которыя лишаютъ меня этой возможности! Но отъ этой заботы избавляетъ меня графъ Каліостро. Остается другая, болѣе мучительная для меня: то что вы не имѣете никакихъ желаній! Я долженъ обращаться къ прошлому и искать въ немъ то, что тогда интересовало васъ. И вотъ я пригласилъ архитекторовъ и искусныхъ садовниковъ, чтобы усовершенствовать паркъ и павильонъ и надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что вы одобрите это.

Но у меня есть еще просьба къ вамъ. Я задалъ графу очень важный вопросъ, могу ли я еще надѣяться имѣть наслѣдника? Онъ утверждаетъ, что можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ только тогда, когда увидитъ васъ. Я прошу васъ исполнить это желаніе, первое, съ которымъ я къ вамъ обращаюсь послѣ столькихъ лѣтъ. Вы сами говорили, что я обращаюсь съ вами какъ другъ и отецъ. Докажите же мнѣ теперь свою благодарность, въ которой вы столько разъ увѣряли меня.

Кардиналъ - принцъ Роганъ — Дельфинѣ.

Страсбургъ, 26 сентября 1780 г.

Забота о васъ, дорогая маркиза, преслѣдуетъ меня даже въ моихъ сновидѣніяхъ. Дайте мнѣ знать поскорѣе, какъ вы перенесли этотъ ужасный (къ сожалѣнію, ужасный по вашей винѣ) вечеръ? Какъ могли вы такъ внезапно прервать то состояніе отрѣшенія отъ всего окружающаго, въ которомъ находился графъ, такъ что онъ свалился, какъ мертвый, на землю? Неужели мысль, что у васъ еще можетъ быть ребенокъ, такъ ужасна для васъ, что она вызвала этотъ возгласъ крайняго отчаянія? Или вы не хотите признавать больше супружескихъ обязанностей—обязанностей, которыя подъ вліяніемъ разлагающей антихристіанской морали тоже выброшены теперь въ мусорную кучу прошлаго?

Съ величественной улыбкой на устахъ, въ полномъ сознаніи своего превосходства графъ не сталъ останавливаться на этомъ волнующемъ эпизодѣ. Когда же онъ потомъ, при магическомъ свѣтѣ мерцающаго пламени, заставилъ падать камни жидкаго золота изъ вашего собственнаго кольца и сверкающіе драгоцѣнные замки изъ вашего собственнаго ожерелья, а мы съ маркизомъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ взирали на это чудо, то вы опять вскочили и схватили пламя, такъ что ваша бѣлая рука покрылась красными ожогами. И зачѣмъ же вы тогда бросили

слово: «обманщикъ!» въ лицо человѣку, который можетъ сдѣлаться нашимъ всеобщимъ благодѣтелемъ?!

Когда я сегодня утромъ поздоровался съ графомъ — его видъ убѣдилъ меня на этотъ разъ болѣе, чѣмъ его слова, что онъ достигъ возраста Моисея, — то онъ заговорилъ о васъ съ выраженіемъ самаго теплаго сочувствія. Мы всѣ желаемъ вамъ только добра, моя красавица, и я надѣюсь, что вы примете меня и графа, если мы явимся къ вамъ въ теченіе этого дня. Не забудьте, что вашъ отказъ лишитъ вашего супруга помощи человѣка, отъ котораго онъ ожидаетъ такъ много.

Графъ Каліостро—Дельфинѣ.

Госпожа маркиза! Вы не хотите меня принять? Повидимому вамъ неизвѣстно, что все, что относится ко мнѣ, не зависитъ отъ воли какого-нибудь смертнаго.

Маркизъ безъ меня разоренъ, а вы—его плѣнница на всю жизнь.

Въ замкѣ Фробергъ мы увидимся снова.

Графъ Гиберъ—Дельфинѣ.

Парижъ, 15 декабря 1780 г.

Дорогая маркиза! Ваше извѣстіе не заключаетъ для меня ничего новаго. Весь Парижъ наполненъ славой Каліостро, котораго одни считаютъ ловкимъ фокусникомъ, другіе же волшебникомъ. Что кардиналъ Роганъ подпалъ подъ его вліяніе, а маркизъ Монжуа устроилъ въ Страсбургѣ лабораторію, чтобы научиться у таинственнаго чужестранца искусству дѣлать золото, объ этомъ говорятъ теперь во всѣхъ салонахъ, и Каліостро можетъ быть увѣренъ, что при помощи этой славы, которая предшествуетъ ему, отъ завоюетъ Парижъ. Такое общество, которое устремляется къ М-me Бонтанъ, чтобы погадать на кофейной гущѣ, и предпочитаетъ умнымъ разговорамъ сеансы съ сомнамбулами, конечно вполнѣ созрѣло для подобнаго пророка. Стали ли бы наши философы такъ стараться разрушать вѣру, если бъ они знали, что такимъ путемъ они только расчищаютъ дорогу суевѣрію? Чѣмъ больше растетъ страхъ передъ дѣйствительностью, тѣмъ больше трусливыхъ людей убѣгаютъ въ царство фантастическихъ сновъ!

Вы, вѣроятно, читали уже о неуспѣхѣ моей трагедіи «Смерть Кая Гракха?» Серьезность испугала публику. Наша публика переноситъ насмѣшку, даже сатиру, сама смѣется надъ собой и надъ нашими политическими условіями, хотя бы эти насмѣшки и преподносились ей въ формѣ самыхъ ѣдкихъ карикатуръ, но она никогда не пойметъ, что комедія, въ сущности, не что иное, какъ трагедія.

Неккеръ, повидимому, истощилъ всѣ средства своей мудрости, но не желаетъ открыто признаться въ этомъ. Правда, Ленгэ, не перестающій въ своемъ журналѣ осмѣивать всѣ мѣропріятія генеральнаго контролера, теперь попалъ въ Бастилію, гдѣ ему дана возможность искупить свои литературные грѣхи. Но каждому извѣстно — и лучше всего это извѣстно самому мнѣ,—что при дворѣ съ большимъ удовольствіемъ читаютъ его ѣдкія сатиры. Я вовсе не сторонникъ Неккера, съ его деревянной неподвижностью, а еще менѣе сторонникъ Ленгэ, съ его полною безпринципностью, умѣющаго ослѣплять только такихъ людей, которые совершенно отвыкли отъ дневного свѣта, но я все-таки не могу не признать, что кто бы ни являлся преемникомъ Неккера, въ случаѣ его отставки, онъ, навѣрное, окажется еще менѣе способнымъ спасти Францію отъ разоренія.

Развѣ это не признаки серьезнаго упадка, что я пишу прелестнѣйшей изъ маркизъ, какъ будто бы она была старымъ дипломатомъ? Въ самомъ дѣлѣ, французъ въ своихъ клубахъ и кофейняхъ разучился разговаривать съ хорошенькими женщинами. Искусство разговора замѣняется теперь дурнымъ стилемъ газетъ или же грубымъ жаргономъ гризетокъ.

Служба заставляетъ меня отправиться въ Эльзасъ въ скоромъ времени. Вы будете имѣть право похваляться тѣмъ, что духовно спасли жизнь человѣка, если дадите мнѣ пріютъ на нѣсколько дней. Одна только надежда увидѣть васъ и почтительно поднести къ губамъ вашу маленькую ручку разгоняетъ мое унылое настроеніе. Забывать о настоящемъ, когда имъ наслаждаешься, это, въ концѣ-концовъ, лучшая философія.

Графъ Гиберъ—Дельфинѣ.

Парижъ, 20 марта 1781 г.

Дорогая Дельфина! Какъ я завидую Адаму! Правда, онъ, подобно мнѣ, былъ изгнанъ изъ рая, по прошествіи нѣкотораго времени, которое было *безвременнымъ* и потому было такимъ же долгимъ, какъ вѣчность, и такимъ же короткимъ, какъ мгновеніе ока! — но онъ все же вкусилъ запрещеннаго плода!

Развѣ я не служилъ вамъ вѣрно цѣлыя недѣли? Я даже постарался преодолѣть ужасъ, который внушалъ мнѣ вашъ страшный гость, чтобы помочь вамъ въ борьбѣ съ этимъ гигантскимъ паукомъ, который невидимо плететъ вокругъ васъ свою паутину?

Развѣ я не игралъ роль главнаго садовника при разбивкѣ аллей въ вашемъ новомъ паркѣ и роль архитектора при постройкѣ вашего павильона, при чемъ, конечно, я питалъ сладкую надежду, что эти гроты и бесѣдки, эта розовато-золотистая раковина Венеры доставятъ мнѣ нѣчто большее, чѣмъ простое художественное наслажденіе?

Наше столѣтіе представляетъ корабль, богато нагруженный самыми драгоцѣнными товарами, плывущій въ невѣдомую часть свѣта, чтобы тамъ подъ ударами урагана разбиться о ея скалы, но пусть погибнутъ всѣ богатства, лишь бы удалось спасти то, что расцвѣло у насъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ—искусство любви! А вы, прирожденная хранительница этого искусства, хотите уже теперь измѣнить ему? Развѣ это не значитъ предоставить будущее варварамъ? Не должны ли мы, дѣти умирающей эпохи, пользоваться каждою возможностью счастья, чтобы эта эпоха закатилась, окруженная яркимъ сіяніемъ вечерней зари, а не подъ холоднымъ дождемъ съ хмураго неба?

О, это, конечно, очень горько для графа Гибера, что онъ долженъ замѣнять любовь философствованіемъ о любви! Я бы совершенно отказался отъ этого, я бы ни за что не исполнилъ вашего желанія и не сталъ бы разговаривать съ вами о литературѣ и политикѣ, вмѣсто того, чтобы говорить о чувствахъ, если бъ ваши блестящіе глаза, пунцовыя губки, ваши маленькія бѣленькія ручки, весь вашъ очаровательный изящно кокетливый образъ не убѣдили бы меня, что вы ничего общаго не имѣете съ политиканствующими дамами Пале-Рояля. Такія вещи не могутъ быть жизненнымъ интересомъ для Дельфины Монжуа, онѣ служатъ ей только для того, чтобы развить ея умъ, углубить ея чувства, словомъ, служатъ для нея такимъ же украшеніемъ, какъ цвѣты и ленты, шелковыя ткани и драгоцѣнности, которыя усиливаютъ обаяніе ея наружности.

Только въ этомъ смыслѣ я и подчиняюсь своей роли простого хроникера.

Объ отчетѣ Неккера, который находится теперь въ рукахъ у всѣхъ, врядъ ли стоитъ вамъ говорить. Онъ таковъ, какъ и можно было ожидать отъ этого человѣка, обладающаго умомъ, но не величіемъ души. Это просто ловкое укрываніе фактовъ, отклоненіе недовольства за разстройство финансовъ, на головы немногихъ соучастниковъ. Впрочемъ, народъ или, вѣрнѣе, тѣ классы, которые любятъ себя называть народомъ теперь: адвокаты, газетные писаки, лавочники и аристократы, низвергнутые изъ своего класса, — ликуетъ, а парламентскіе совѣтники, интенданты и генеральные откупщики, которымъ Неккеръ высказываетъ нѣкоторую правду въ глаза, конечно, очень возмущены этимъ. Вѣроятно, еще разъ будетъ доказано, что въ политикѣ имѣетъ перевѣсъ, не мнѣніе большинства, а сила денегъ, тѣмъ болѣе, что королевѣ надоѣла экономія. Все это должно неминуемо вызвать паденіе Неккера, если только Каліостро не поторопится и не научитъ королеву дѣлать золото.

Замѣчаете, мои мысли, несмотря на мою волю, все же постоянно возвращаются къ этому «мастеру». Никто не можетъ относиться къ нему болѣе недовѣрчиво и враждебно, чѣмъ я, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ, что онъ превратилъ маркиза и кардинала въ простое орудіе своей воли, а васъ заставилъ такъ сильно страдать. Тѣмъ не менѣе все

же не могу такъ просто объявить его искуснымъ обманщикомъ: онъ разсказалъ мнѣ такія вещи изъ моего прошлаго, которыя извѣстны только мнѣ одному. Онъ сдѣлалъ такія пророческія предсказанія, которыя нельзя, не долго думая, зачислять въ рубрику словъ, сбывающихся въ дѣйствительности. Онъ затронулъ въ моей душѣ такія струны, которыя я считалъ раньше простыми остатками дѣтскаго духовнаго пониманія, и которыя, какъ мнѣ казалось, давно уже были разрушены Вольтеромъ и Гольбахомъ.

Помните, какъ въ послѣдній вечеръ моего пребыванія, у павильона, я пробовалъ шутить надъ этимъ «дѣлателемъ золота», чтобы прогнать вашъ страхъ. Сверкающее небо было совершенно безоблачно и пурпурный солнечный дискъ склонялся къ закату. Вдругъ длинная черная тѣнь упала на лугъ и потянулась къ пруду. Лебеди захлопали крыльями, вы, дрожа, закутали въ бѣлый платокъ свои плечи...

Каліостро прошелъ мимо!

Я хотѣлъ только предостеречь васъ въ Парижѣ, дорогая маркиза!

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 25 мая 1781 г.

Моя дорогая Дельфина! Не успѣлъ я пріѣхать сюда, какъ уже произошло событіе огромной важности, какъ разъ, какъ это предсказывалъ Каліостро—новое доказательство, которое не можетъ не произвести на васъ соотвѣтствующаго впечатлѣнія.

Неккеръ получилъ отставку, послѣ того, какъ весь міръ ожидалъ, что въ благодарность за свой изумительный трудъ, доставившій государственной казнѣ прибыль въ десять милліоновъ, онъ, по крайней мѣрѣ, получитъ повышеніе и будетъ назначенъ министромъ.

Вы знаете, что я всегда видѣлъ въ немъ женевскаго банкира, но тѣмъ не менѣе, я питалъ къ нему большое и — какъ теперь оказывается— вполнѣ основательное довѣріе. Къ сожалѣнію, онъ былъ слишкомъ уменъ для нашихъ финансистовъ и генеральныхъ откупщиковъ, которые тѣмъ больше пріобрѣтаютъ значенія, чѣмъ больше усвоиваютъ себѣ наше образованіе и присвоиваютъ себѣ наши помѣстья и наши богатства, стараясь этимъ ввести въ заблужденіе и самого короля. Въ дѣйствительности это они вызвали отставку Неккера. И какъ велико должно быть ихъ вліяніе, что имъ удалось добиться этого!

Я былъ въ городѣ въ воскресенье, когда распространилось это извѣстіе. Всѣ были чрезвычайно огорчены этимъ фактомъ. Бульвары, кафе наполнялись въ одинъ моментъ народомъ, но повсюду господствовала какая-то тревожная тишина. Бросали другъ на друга многозначительные взгляды и жали другъ другу руки, какъ будто угрожала всеобщая катастрофа. Тотчасъ же, въ слѣдующіе дни, произошло настоящее пересе-

леніе народовъ въ Сенъ-Канъ, куда немедленно удалился Неккеръ со своей семьей. Герцоги Орлеанскій и Шартрскій, Шуазёль и Ришелье, даже парижскій архіепископъ были въ числѣ посѣтителей Неккера, и всѣ увидѣли въ этомъ открытую демонстрацію противъ короля, которой массы любопытнаго народа горячо апплодировали.

Вечеромъ во Французской комедіи произошли бурныя сцены. Давалась пьеса: «Охота Генриха IV», и вотъ, при словахъ герцога Бельгарда: «Говорите съ уваженіемъ о такомъ великомъ министрѣ!» публика разразилась неистовыми криками браво, а когда Генрихъ IV воскликнулъ: «Жестокіе! Какъ могли они такъ обманывать меня относительно этого человѣка!..» то въ публикѣ раздались рыданія.

Въ оперѣ еще болѣе бурныя сцены были вызваны однимъ кавалеромъ, который слишкомъ громко высказалъ свое удовольствіе по поводу ухода Неккера. А Бурбулонъ, издавшій брошюру, въ которой обвиняетъ генеральнаго контролера въ подлогѣ, вслѣдствіе опубликованнаго имъ отчета, не можетъ теперь показаться на улицѣ безъ того, чтобы не подвергнуться оскорбленіямъ. «Теперь Франція погибла!» слышалъ я, какъ говорили другъ другу на улицахъ простые люди, со слезами на глазахъ.

Не могу отрицать, что и я бы чувствовалъ то же самое, если бы въ послѣднее время я не считалъ себя въ правѣ питать новыя надежды, которыя — о чемъ я глубоко сожалѣю!—вы не раздѣляли со мной. Сентъ-Джемсъ былъ немало изумленъ, когда я объявилъ, что беру часть своего капитала. Онъ предостерегалъ меня отъ обманщиковъ, изъ чего я заключилъ, что мои сношенія съ Каліостро не остались неизвѣстными. Но, вѣрный своему обѣщанію, я не намекнулъ ни однимъ словомъ на то, что уже много разъ видѣлъ собственными глазами, т.-е. что луидоръ, въ пламени таинственнаго огня, удваивается и утраивается! Во время моего посѣщенія Сентъ-Джемса я исполнилъ и ваше желаніе и вынулъ вашъ маленькій капиталъ изъ дѣла. Я надѣюсь, что вы превратите его въ пару серегъ для вашихъ розовыхъ ушекъ или въ цѣпочку для вашей бѣленькой шейки — иначе мнѣ былъ бы непонятенъ такой капризъ хорошенькой маркизы! Почти такую же сумму я уже истратилъ для васъ. Кружева, шелковыя матеріи, шляпки и чепчики для вашей очаровательной головки и прелестная маленькая мебель для вашего павильона,—который служитъ для васъ золотой рамкой — все это отправляется сегодня въ Фробергъ.

Подумаете ли вы когда-нибудь о томъ, чтобы нарядиться для меня, дорогая Дельфина? У васъ нѣтъ любовника, и хотя я только супругъ, но мнѣ кажется, что я могу утверждать это. Такъ не попробуете ли вы, ради опыта, полюбить меня? Я женился на васъ, потому что вы привели меня въ восторгъ, ваша юная красота льстила моему тщеславію. Но теперь, Дельфина, я добиваюсь васъ, потому что я васъ люблю! Я не могу играть роль сентиментальнаго поклонника. Я даже не могу стараться повліять на васъ трогательной исторіей моей супружеской вѣрности.

Вѣрность—это буржуазная добродѣтель, отзывающаяся барщиной. Но я сдѣлаю то, что не могъ сдѣлать никто другой—положу къ вашимъ ногамъ все великолѣпіе міра!

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 3 іюля 1781 г.

Моя дорогая! Извѣстіе о вашемъ отъѣздѣ въ Спа и ваше намѣреніе, по окончаніи пребыванія въ курортѣ, поѣхать на продолжительное время къ вашей подругѣ Клариссѣ — дружба, о которой вы только теперь почему-то захотѣли вспомнить!—все это служитъ вполнѣ яснымъ отвѣтомъ на мое послѣднее письмо.

Я могу ждать! Мой учитель сказалъ мнѣ, во время нашего послѣдняго сеанса: «Она придетъ опять!» Я вѣрю ему. Отдыхайте, выздоравливайте, веселитесь, и пусть мужчины томятся у вашихъ ногъ. Я ничего не имѣю противъ этого, потому что вы придете опять!

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Версаль, 18 іюля 1781 г.

Только что получилъ извѣстіе отъ моей сестры, что вы, дорогая маркиза, наконецъ-то согласились пріѣхать въ Шато-Ларизъ. Сестра моя въ восторгѣ, а я еще больше, и мое любопытство не знаетъ никакихъ границъ, такъ какъ маркиза Дельфина—загадка, заставляющая постоянно ломать голову такого человѣка, который полагалъ, что женщина уже не представляетъ для него никакой тайны.

«Маркиза Монжуа сдѣлалась монахиней», сообщила мнѣ годъ тому назадъ маленькая Ламбаль со своею небесной улыбкой. Я испугался. И моя фантазія тотчасъ же начала работать и нарисовала мнѣ восхитительную картину похищенія изъ монастыря.

«Прелестная Дельфина сдѣлалась послѣдовательницей графа Каліостро», разсказывалъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя баронъ Вурмзеръ съ удивленіемъ, какъ будто вамъ нужно было учиться волшебству, чтобы быть обворожительной. Я былъ возмущенъ и принялъ твердое рѣшеніе разоблачить этого колдуна и отнять у него его жертву.

«Знаете ли, кто единственный любовникъ маркизы Монжуа?—смѣялся Водрейль въ Страсбургѣ прошлой зимой. — Это маркизъ Монжуа!» Я пришелъ въ полное отчаяніе, потому что тогда вы были для меня окончательно потеряны.

А теперь я узнаю о вашемъ придворномъ штатѣ въ Спа, къ которому маркизъ не принадлежалъ, — я вижу его въ свитѣ Каліостро въ Парижѣ,—и о вашемъ предстоящемъ пріѣздѣ въ Ларозъ!

Въ Версалѣ все замерло съ тѣхъ поръ, какъ положеніе королевы вынуждаетъ насъ къ добродѣтели. Но даже если бы Версаль блисталъ, какъ прежде, даже если бы всѣ мраморныя богини въ его садахъ внезапно ожили, чтобы заключить меня въ свои объятія,—Ларозъ, гдѣ находится Дельфина, показался бы мнѣ раемъ на землѣ,—конечно, если онъ населенъ не архангелами и святыми, а гуріями и граціями.

Я незадолго до васъ пріѣду въ Ларозъ, не только для того, чтобы имѣть счастье вынести прелестную Дельфину изъ экипажа, но чтобы первому разсказать вамъ о новомъ общественномъ событіи въ Парижѣ—открытіи отеля «Дервіе», въ улицѣ Шантеренъ, представляющемъ мастерское произведеніе Белянже. Его хозяйкой будетъ самая молодая и самая прекрасная служительница Терпсихоры, благодаря милостямъ принца Субиза, и я горжусь тѣмъ, что открылъ ее. Что она красива—это вы мнѣ повѣрите, маркиза, такъ какъ развѣ можетъ тотъ, кто васъ знаетъ, имѣть другой масштабъ, кромѣ вашей красоты? Въ пользу ума этой малютки говоритъ слѣдующій анекдотъ: «Одинъ молодой человѣкъ добивался ея благосклонности. Она его отвергла. Онъ явился опять и, наконецъ, написалъ умоляющее письмо: «Подарите мнѣ вашу благосклонность, только какъ милостыню!» Она отвѣчала ему запиской на розовой бумагѣ: «Очень сожалѣю, милостивый государь, но у меня уже есть мои бѣдные»...

Согласитесь, прекрасная маркиза, что Гюи Шеврёзъ, благодаря тому, что онъ воспитанъ вашей красотой, не измѣнилъ своему хорошему вкусу.

Чѣмъ больше ломаютъ себѣ голову ученые надъ открытіемъ новыхъ чудесъ химіи и физики и въ жертву своему безсмертію приносятъ всѣ свои наслажденія смертныхъ людей, тѣмъ больше считаю я своимъ долгомъ открыть человѣчеству, сдѣлавшемуся вдругъ ужасно серьезнымъ, новые источники радостей, хотя бы благодарность мнѣ за это заключалась только въ jus primae noctis. Это латинскія слова, моя красавица, и ими исчерпываются всѣ мои познанія въ классическомъ языкѣ. Я узналъ ихъ отъ Бомарше—онъ пріѣдетъ въ Ларозъ и будетъ моимъ самымъ опаснымъ соперникомъ! — прошу васъ заставить его объяснить вамъ эту фразу.

Впрочемъ, въ числѣ гостей будетъ еще одна воспитанница аббатства О'Буа: принцесса Гененъ. Не будетъ, слѣдовательно, недостатка въ примѣрахъ, что вопреки Руссо и его послѣдовательницѣ M-me д'Эпинэ, проповѣдующихъ свободное воспитаніе дѣтей ближе къ природѣ, лучшимъ воспитаніемъ все-таки остается воспитаніе въ монастыряхъ. Оно дало намъ самыхъ очаровательныхъ, самыхъ свободныхъ отъ предразсудковъ и самыхъ достойныхъ любви женщинъ. Принцесса сумѣла съ безподобной граціей отнестись къ связи своего мужа съ M-me Арну. Когда одна добродѣтельная особа изъ салона Неккеръ вздумала было пожалѣть ее, то она сказала, пожимая плечами: «Что вы хотите? Мнѣ антипатичны мужчины, которые ничего не дѣлаютъ. По крайней мѣрѣ, теперь у принца есть занятіе». —«Развѣ у него нѣтъ другого занятія?» язвительно замѣтила добродѣтельная особа. «Во всякомъ случаѣ, не у меня!» возразила, смѣясь, принцесса.

Я хватаюсь поскорѣе за сургучъ и печать, такъ какъ боюсь, что израсходую все свое остроумiе еще до нашей встрѣчи. А мнѣ хотѣлось бы, прелестная маркиза, привезти его съ собой въЛарозъ хорошо упакованнымъ, какъ лучистый свертокъ, и предстать передъ вами, моя очаровательница, въ блестящемъ ореолѣ этихъ лучей.

Бомарше—Дельфинѣ.

Парижъ, 11 октября 1781 г.

Кто смѣняетъ Ларозъ на Парижъ, тотъ гораздо больше похожъ на колодника, чѣмъ если бъ даже онъ смѣнилъ свободу столицы на цѣпи Бастилiи. Я сижу передъ письменнымъ столомъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть передъ прекраснѣйшей женщиной Францiи. Я смотрю сквозь грязныя стекла на стѣны домовъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть сквозь зеленую листву на голубое небо и — величайшiй изъ всѣхъ ужасовъ! — я читаю проказы Фигаро горсти безмозглыхъ комедiантовъ, вмѣсто того, чтобы читать ихъ изысканному парижскому обществу. У меня еще звучитъ въ ушахъ вашъ жемчужный смѣхъ и какъ рѣзкiй диссонансъ врывается въ него критика высокоразвитыхъ коллегъ, которые сами не въ состоянiи ничего сдѣлать лучше, но убѣждены, что все знаютъ лучше!

Есть между ними люди—въ родѣ Демуана, сплетавшаго вѣнки добродѣтелямъ Дюбарри и такъ долго увѣрявшаго Людовика XVI, что онъ генiй, пока тотъ самъ не повѣрилъ этому,—которые, въ виду моихъ комедiй, дрожатъ за благополучiе государства и добрые нравы парижанъ. Но я утѣшаю себя; вѣдь всѣ, отточившiя свои перья, какъ мечъ, должны были переносить упрекъ въ томъ, что они создавали опасныя условiя, когда въ сущности они имѣли только мужество раскрывать то, что уже существовало. Тревожныя опасенiя литературныхъ карьеристовъ только подтверждаютъ мнѣ, что моя пьеса хороша, а горячее одобренiе, которое она встрѣтила у стараго канцлера Морепа, во время чтенiя ея въ обществѣ почтенныхъ князей церкви, заставило меня еще болѣе убѣдиться, что Фигаро совершенно правъ, ударяя по альмавивамъ плетью шута. Не думаете ли вы, что даже простой цырюльникъ самаго темнаго происхожденiя имѣетъ право презирать общество, которое находитъ только комичной проказу, разъѣдающую его?

Вы правы, умнѣйшая изъ всѣхъ маркизъ! Бомарше и Фигаро составляютъ одно и то же. «Здѣсь господинъ, а тамъ батракъ,—какъ повезетъ счастье». И я подразумѣваю всѣхъ такихъ Морепа — для которыхъ Францiя существуетъ только, чтобы они могли быть министрами, и всѣхъ Рогановъ,—которые запрещаютъ мнѣ изданiе сочиненiй Вольтера и думаютъ этимъ уничтожить Вольтера, — когда заставляю Фигаро говорить Альмавивѣ: «Вы думаете, что вы великiй генiй, оттого что вы важный госпо-

динъ? Аристократическое происхожденіе, богатство, рангъ и санъ,—все это дѣлаетъ гордымъ. Но что вы-то сами сдѣлали, чтобы заслужить такое великолѣпіе? Вы только потрудились родиться! Въ общемъ такой заурядный человѣкъ, какъ я, затерянный въ темныхъ массахъ только для того, чтобы пробиться, должны потратить больше ума и знаній, чѣмъ это нужно въ послѣднія сто лѣтъ, чтобы управлять государствомъ».

Но вы не правы, когда говорите: Фигаро никогда не попадетъ на сцену. Онъ попадетъ на нее, маркиза, попадетъ! Я уже подсунулъ въ руки M-me Кампанъ копію моей комедіи, и она прочла ее королю и королевѣ. «Это отвратительно. Ѳто неприлично!—повторялъ Людовикъ XVI.—Эта вещь не будетъ поставлена на сценѣ!» объявилъ онъ со всѣмъ авторитетомъ абсолютнаго монарха. Развѣ же это не колоссальный успѣхъ, не вѣрнѣйшая гарантія, что пьеса будетъ представлена? Король не хочетъ, чтобы была поставлена свадьба Фигаро, а я клянусь, что она будетъ поставлена, если бы даже пришлось играть ее на хорахъ въ Nontre-Dame!

Прихожая уже желаетъ перейти въ салонъ, маркиза, а Фигаро съ этой цѣлью распахиваетъ двери.

Вы мнѣ не вѣрите? Вы указываете мнѣ на то, какой восторгъ вызвало рожденіе дофина, какъ «народъ» кричалъ ура, и какъ этотъ «народъ» носитъ теперь инициалы новорожденнаго въ видѣ брошекъ и булавокъ. Но что же представляетъ этотъ «народъ»? Съ одной стороны, это горсть блаженныхъ дѣтей, живущихъ въ сказочномъ мірѣ и готовыхъ видѣть въ каждомъ маленькомъ принцѣ освободителя заколдованныхъ принцессъ, съ другой—это стадо кровожадныхъ хищныхъ звѣрей, которые съ такой же жадностью растерзаютъ голубя, какъ и дикую кошку.

Не желаете ли еще немного парижскаго рагу? Каліостро дѣлаетъ блестящія дѣла. Правда же, онъ великій воспитатель, потому что онъ доказываетъ, что надо обладать только наглостью, выдавая осколки стекла за драгоцѣнные каменья, чтобы заставить всѣхъ глупцовъ — т.-е. большинство — повѣрить, что это, дѣйствительно, драгоцѣнные каменья!

Открытіе китайскаго маскарада произошло въ присутствіи лучшаго общества. Это варьетэ, гдѣ поются пѣсни уличныхъ дѣвокъ, а разсказываются исторіи бродягъ, слѣдовательно, это—воспитательное заведеніе, которое должно будетъ занять мѣсто въ театрахъ для «народа». Пресыщенные, какъ извѣстно, всегда возвращаются къ свиному салу, какъ къ самому изысканному блюду.

Муза Ретифъ де ля Бретонна снова произвела на свѣтъ жалкій плодъ. Для семимѣсячнаго ребенка этотъ младенецъ обладаетъ чрезвычайно большой живостью и къ тому же такою естественностью!.. Если его старшіе братья и сестры являлись совершенно обнаженными, даже безъ фиговаго листка, то онъ, самый младшій, ужс не считаетъ нужнымъ скрывать даже своихъ самыхъ примитивныхъ отправленій! Успѣхъ его, само собою разумѣется, громаденъ. Не служитъ ли это доказательствомъ нашей дряхлости, въ концѣ-концовъ? Такого рода выставки дѣйствуютъ всегда только на людей, лишившихся способности къ дѣторожденію.

Впрочемъ, у Ретифа есть теперь опасный конкурентъ въ лицѣ шевалье де Лакло. Его «Liaisons dangereuses» изящная книжечка, и если Ретифъ— это Руссо сточныхъ канавъ, то Лакло будетъ Ретифомъ хорошаго общества.

Изъ старыхъ друзей почтенный Лагарпъ выступилъ съ полнымъ собраніемъ своихъ сочиненій. Прежде это предоставляли потомству, и если ужъ меня удивляло то, что Лагарпъ имѣетъ мужество такъ откровенно раскрыть всю свою карьеру — отъ восторженнаго сторонника Вольтера вплоть до друга Маріи-Антуанетты,—то еще болѣе я пораженъ тѣмъ, что онъ обладаетъ такимъ самомнѣніемъ и дѣлаетъ то, что, разумѣется, никто не подумаетъ сдѣлать послѣ его смерти. Шамфоръ язвительно сказалъ про него, что онъ именно такой человѣкъ, который пользуется своими ошибками, чтобы скрывать свои пороки.

Герцогъ Шартрскій приказалъ вырубить большую аллею Пале-Рояля, чтобы замѣнить ее аркадами. Съ тѣхъ поръ, какъ спекуляторы живутъ какъ принцы, нельзя пенять на принцевъ, что они становятся спекуляторами!

M-me Жанлисъ также рѣшилась взять въ свои руки реформу воспитанія,—разумѣется, только въ томъ смыслѣ, что она написала объ этомъ книгу. Развѣ не страшно трогательно такое рвеніе спасать дѣтей отъ дурного воспитанія, какъ разъ теперь, когда родителямъ ихъ ѣсть нечего?

Вы видите: какое изобиліе удивительныхъ событій! Пріѣзжайте же скорѣе, чтобы не пропустить слишкомъ многаго, а главное—не пропустить побѣды *Фигаро*.

Баронъ Фердинандъ Вурмзеръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 10 февраля 1782 г.

Уважаемая кузина! Если я только теперь, наконецъ, собрался написать вамъ, то вы должны это простить человѣку, который вернулся въ Парижъ послѣ десятилѣтняго отсутствія и думаетъ на каждомъ шагу, что все это онъ видитъ во снѣ.

Какое превращеніе! Я пораженъ до такой степени, что самъ не знаю, долженъ ли я радостно привѣтствовать его или съ ужасомъ отступать. Ошеломляющее впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ всего, я могу выразить въ двухъ словахъ: народъ объявился!

Оттого ли, что мы прежде, верхомъ или въ каретѣ, быстро проѣзжали по улицамъ мимо него, или же онъ, въ самомъ дѣлѣ, не рѣшался выходить изъ своихъ логовищъ—я не знаю,—но, во всякомъ случаѣ, мы только теперь видимъ народъ. Онъ ходитъ по тѣмъ же дорогамъ, по которымъ ходимъ и мы, и не уступаетъ намъ мѣста; онъ кричитъ и шумитъ въ общественныхъ мѣстахъ и громкимъ голосомъ говоритъ о свободѣ, демократіи и о республикѣ тамъ, гдѣ онъ прежде осмѣливался только

раскрывать ротъ, чтобы кричать: «Да здравствуетъ король!» Но самое удивительное пришлось мнѣ пережить вчера.

Распространился слухъ о прибытіи Лафайета. Въ Версали еще ничего не было извѣстно объ этомъ, какъ уже парижскіе уличные мальчишки кричали: «Да здравствуетъ Лафайетъ!» Я былъ съ самаго ранняго утра въ Пале-Роялѣ, гдѣ уже близится къ концу постройка аркадъ, которыми герцогъ замѣнилъ вырубленную большую аллею, и гдѣ, повидимому, будетъ сборный пунктъ умственной жизни Парижа. Кругомъ раздавались воодушевленные разговоры о прибытіи ожидаемыхъ героевъ, объ окончательномъ освобожденіи Америки и о рѣшительной побѣдѣ при Іорктаунѣ.

«Маякомъ свободы былъ пожаръ города!» крикнулъ какой-то человѣкъ, будто бы находившійся тамъ въ это время. «Скоро загорится и у насъ!» воскликнулъ другой. «И изъ феодальныхъ правъ и эдиктовъ о налогахъ воздвигнемъ мы костеръ монархіи!» радовался третій, горбатый человѣкъ съ изможденнымъ лицомъ Саванаролы. И всѣ аплодировали.

Крикъ: «Лафайетъ!», какъ будто раздавшійся сверху, покрылъ шумъ. На мгновеніе воцарилась глубокая тишина, и затѣмъ толпа ринулась ко входу, а черезъ минуту я уже увидалъ человѣка въ военной формѣ, котораго несли сильныя руки, высоко поднявъ надъ головами. Шапки взлетали на воздухъ, колыхались носовые платки, — все бѣлые флаги. Когда же, наконецъ, маркиза снова спустили на землю, то тысячи рукъ протянулись къ нему. И широкія грязныя лапы крѣпко пожимали его узкую, аристократическую руку.

Все возмутилось во мнѣ при видѣ этого прикосновенія. Я старался протискаться черезъ толпу, чтобы выйти. Тогда мой взоръ упалъ на другого человѣка въ военной формѣ, сидящаго рядомъ съ Лафайетомъ. Мнѣ былъ хорошо знакомъ этотъ рѣзко очерченный профиль, эти глаза стального цвѣта и свѣтлые, бѣлокурые волосы. Фридрихъ-Евгеній! Изумленіе исторгло у меня этотъ возгласъ. Но онъ не слышалъ его. Онъ разговаривалъ — почти дружески, какъ мнѣ это показалось — съ горбуномъ, и его загорѣлыя щеки окрасились легкимъ румянцемъ, а на тонкихъ губахъ появилась улыбка. Онъ радовался этой встрѣчѣ!..

Я не въ состояніи былъ привѣтствовать стараго друга и поэтому локтями проложилъ себѣ дорогу въ толпѣ, чтобы выйти изъ нея.

Когда я, послѣ того безцѣльно бѣгалъ по улицамъ, то случайность — или судьба? — привела меня къ дому Каліостро. Я невольно вздрогнулъ и взглянулъ наверхъ. Учитель стоялъ у открытаго окна. Какая-то дьявольская улыбка, которую я никогда раньше не замѣчалъ у него, искажала его черты. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ своей большой желтой рукой и позвалъ меня какимъ-то необыкновенно скрипучимъ голосомъ: «Сегодня очень рѣзкій воздухъ, не правда ли, г. баронъ? Отправляйтесь-ка вы домой, для нѣжной кожи это вредно!...» И, громко засмѣявшись, онъ съ шумомъ захлопнулъ окно.

Я стоялъ, точно прикованный къ мѣсту, и вдругъ увидалъ маркиза, вашего супруга, выходящаго изъ воротъ. Онъ шелъ медленно, сильно сгорбившись, и его плечи вздрагивали, какъ будто ему было холодно въ его толстомъ черномъ плащѣ. Встревоженный, я хотѣлъ заговорить съ нимъ. Но взглядъ его былъ устремленъ мимо меня, въ пустоту.

Это былъ очень скверный день, дорогая кузина, и всего пріятнѣе было бы для меня снова упаковать свои сундуки и какъ можно скорѣе вернуться назадъ. Россія представляется мнѣ теперь точно тихая, окруженная скалами бухта, въ темныхъ водахъ которой, правда, солнце никогда не отражается, но зато и буря никогда не вздымаетъ ихъ.

Но предстоящій пріѣздъ великаго князя удерживаетъ меня здѣсь, и я надѣюсь, что многочисленные празднества и пріемы, которыми будетъ сопровождаться его пребываніе здѣсь, разсѣютъ впечатлѣніе отъ дурныхъ сновъ.

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Версаль, 15 марта 1782 г.

Высокоуважаемая маркиза! По требованію моей высочайшей повелительницы, ея величества королевы, я имѣю честь почтительнѣйше изложить вамъ ея высочайшее желаніе.

Его императорское высочество, великій князь Павелъ и его супруга великая княгиня Марія Ѳеодоровна, урожденная принцесса Монбельяръ, предполагаютъ въ маѣ посѣтить французскій дворъ, и ея величество королева желаетъ употребить всѣ усилія, чтобы сдѣлать какъ можно болѣе пріятнымъ ихъ высочествамъ пребываніе въ Версалѣ. Поэтому она проситъ васъ, какъ подругу юности ея императорскаго высочества, пріѣхать въ будущемъ мѣсяцѣ въ Версаль и принять предлагаемое вамъ дружеское гостепріимство двора.

Эти строки, прекрасная Дельфина, написаны перомъ, повинующемся высшей волѣ, но теперь выступаетъ на сцену самъ Гюи Шеврёзъ, чтобы лично выразить свое удовольствіе по поводу того, что даже самая любезная просьба королевы является приказаніемъ, хотя бы для самой гордой изъ всѣхъ маркизъ, и у васъ, такимъ образомъ,—какъ я уже осторожно предупредилъ васъ — отнимается всякое основаніе къ непослушанію королевѣ. Я самъ убѣдился въ Ларозѣ, что вы вовсе не расположены надѣть покрывало монахини и вмѣсто четокъ, которыя перебираютъ руки благочестивой монахини, я видѣлъ на вашихъ ручкахъ нанизанныя мужскія сердца, которыми вы жестоко играете. И всегда, какъ только я начиналъ надѣяться, что вы удержите мое сердце, вы пропускали другое сквозь свои бѣленькіе пальчики. Я знаю также, что вы въ Страсбургѣ не находитесь на высотѣ новѣйшей моды и не соглашаетесь представлять супружескихъ голубковъ, знаю также, что вы не принадлежите къ приверженцамъ Каліостро, уже потому, что къ нимъ принадлежитъ маркизъ.

Я встрѣтилъ его вчера въ ложѣ гросмейстера, гдѣ самыя очаровательныя дамы и самые знатные кавалеры, дрожа отъ страха и восторга, ждутъ, когда этотъ новоявленный жрецъ Изиды откроетъ имъ свои тайны.

Что же заставило меня итти къ нему? Страсть игрока. Его плавильная печь—это игра въ кости и карты; она создаетъ и поглощаетъ цѣлыя состоянія. Затѣмъ—любопытство. Въ томъ мірѣ, которымъ мы, казалось, насладились до конца, оккультныя науки являются новой, неизвѣданной сенсаціей. Кромѣ того, жрецъ, который дѣлаетъ золото, можетъ обратить даже самыхъ отъявленныхъ еретиковъ, тѣмъ болѣе, что страсбургскій кардиналъ и самъ придворный духовникъ благословляютъ на это.

Можно было бы думать, что Каліостро тайный агентъ Кондорсе и Мирабо. Онъ одурманиваетъ своимъ колдовствомъ ихъ противниковъ, обвораживаетъ умъ, усыпляетъ недовѣріе и отвлекаетъ воображеніе отъ обыденныхъ фактовъ общественной жизни. Какъ вы думаете, нашелся ли бы кто-нибудь въ Парижѣ, чтобы волноваться по поводу осады Гибралтара, если бъ каждый мужчина могъ сдѣлать золото, а каждая женщина обладала бы элексиромъ вѣчной молодости?

Въ Тріанонѣ мы уже заняты приготовленіями къ очаровательнымъ представленіямъ, которыя будутъ даны въ честь высокихъ гостей. Калоннъ, унаслѣдовавшій вмѣстѣ съ финансами Франціи и угрюмость всѣхъ своихъ предшественниковъ — точно какой-нибудь франтъ, который теряетъ все свое остроуміе, когда начинаетъ подсчитывать свои долги — сказалъ недавно королевѣ съ мрачнымъ видомъ: «Вы танцуете на вулканѣ, ваше величество!»—«Если только на немъ можно танцовать и если паркетъ достаточно гладокъ,—отвѣчала она, со смѣхомъ, — что мнѣ за дѣло до того, что тамъ, внизу, скрывается!» И, напѣвая романсы Керубини, она пошла навстрѣчу къ королю, который всегда сердито нахмуриваетъ лобъ, какъ только слышитъ звуки запрещенной пѣсни.

Я же все еще думалъ, съ пріятной дрожью, о вулканѣ. Мнѣ представляется гораздо болѣе привлекательнымъ взлетѣть на воздухъ, вмѣстѣ съ фейерверкомъ, нежели боязливо оглядываясь сползать въ долину...

А что вы объ этомъ думаете, прекрасная женщина?

ПРИНЦЪ.

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Версаль, 12 апрѣля 1782 г.

Дорогая маркиза! Въ тотъ моментъ, когда я снова коснулся ногой почвы Франціи, и годы, отдѣлявшіе то, что было, отъ того, что есть, какъ будто исчезли совсѣмъ, мнѣ показалось, что я долженъ прежде всего встрѣтить васъ, и что новая жизнь можетъ начаться только

тогда, когда снова засіяетъ звѣзда, свѣтившая мнѣ въ моей ранней юности. Только когда добрякъ Гальяръ, который, правда, не видитъ васъ больше, но никогда не терялъ васъ изъ вида, разсказалъ мнѣ о васъ и вашемъ ребенкѣ, и когда я въ первый разъ увидѣлъ васъ въ версальскомъ замкѣ и вы поклонились мнѣ, какъ кланяетесь каждому постороннему, я понялъ, что не одни только годы, но и судьбы людей отдѣляютъ прошлое отъ настоящаго.

Если вы, привыкшая къ жизни большого свѣта, наполняющей душу шумомъ и развлеченіями, въ состояніи относиться ко мнѣ, какъ къ совершенно постороннему человѣку, во время предстоящихъ намъ по необходимости ежедневныхъ встрѣчъ, когда пріѣдетъ сюда моя сестра, то я, Дельфина, научившійся въ степяхъ и дѣвственныхъ лѣсахъ Америки больше думать, чѣмъ говорить, и больше чувствовать, чѣмъ разсуждать, я совершенно этого не могу!

Одно изъ двухъ: или мы позабудемъ то, что насъ раздѣляло, и протянемъ другъ другу руки, какъ взрослые люди, научившіеся смѣяться надъ дѣтскими глупостями, или я ухожу! Я тяжело оскорбилъ васъ, я это знаю! Но я такъ же тяжело и выстрадалъ изъ-за васъ. Поэтому простите меня, если я былъ не правъ, и я хочу вырвать изъ своего сердца острое жало, которое все еще терзаетъ меня.

Я не жду отъ васъ никакого письменнаго отвѣта. Вы не должны садиться за письменный столъ, побуждаемыя къ тому какими-нибудь внѣшними вліяніями. Я не хочу получать отъ васъ такую записку, изъ которой я не увижу, была ли она вызвана чувствомъ или только вѣжливостью. Сегодня мы увидимся въ академіи. Одинъ вашъ взглядъ скажетъ мнѣ больше, чѣмъ могли бы сказать слова

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Версаль, 13 апрѣля 1782 г.

То, что я не осмѣлился высказать вчера, потому что боялся, что такъ долго подавляемый потокъ моихъ чувствъ можетъ слишкомъ бурно прорваться наружу, я долженъ сказать вамъ сегодня! Благодарю васъ за вашъ взглядъ, за ваше пожатіе руки. Благодарю васъ за то, что вы живете, за то, что я смѣю васъ видѣть!

Когда Кондорсе началъ говорить, то я все еще былъ настолько взволнованъ вашей добротой, дорогая Дельфина, что долго не могъ слѣдить за рѣчью, несмотря на весь мой интересъ къ личности оратора. Я стоялъ въ оконной нишѣ и видѣлъ передъ собой только васъ! Слова долетали до моихъ ушей, но въ нихъ звучалъ только вашъ нѣжный голосъ!

Только постепенно пришелъ я въ себя и началъ слушать. Какъ часто тамъ, на чужбинѣ, я мечталъ о томъ, чтобы услышать одного изъ

передовыхъ умовъ Франціи! Теперь онъ стоялъ передо мной. Темой его рѣчи былъ восемнадцатый вѣкъ, и я думалъ, что онъ будетъ восхвалять свободу, ради которой мы тамъ проливали свою кровь.

«Молодой человѣкъ, выходящій изъ нашихъ школъ въ настоящее время, имѣетъ больше знаній, чѣмъ величайшіе геніи древности», сказалъ онъ. Ему аплодировали и въ особенности громко аплодировали молодые люди, точно восхваляя этимъ самихъ себя.

Въ тихой палаткѣ, у лагернаго огня, по ту сторону океана, нашимъ единственнымъ чтеніемъ, подкрѣпляющимъ насъ, какъ подкрѣпляетъ Библія добрыхъ христіанъ, былъ Плутархъ. Развѣ мы, дѣйствительно, превзошли силой и добродѣтелью героевъ древности, потому что мы знаемъ законы тяготѣнія, или потому, что мы знаемъ, что земля вертится вокругъ солнца? Я недодумалъ еще до конца эту мысль, когда услышалъ слова Кондорсе: «Каждый годъ, каждый мѣсяцъ, каждый день одинаково отмѣчаются новыми открытіями, новыми изобрѣтеніями». Однако я не нашелъ, чтобы это дѣлало Францію богаче и счастливѣе. Прядильная машина служитъ для привлеченія на фабрики бѣдныхъ женщинъ, гдѣ ихъ ожидаетъ тяжелый рабскій трудъ. Электричество служитъ для забавы праздныхъ людей, знаменитая летательная машина Бланшара нечто иное, какъ новое искусство плясать на канатѣ.

Съ паѳосомъ заключилъ свою рѣчь ораторъ, и голосъ его мелодически звучалъ, то усиливаясь, то затихая, какъ будто на трибунѣ стоялъ не Кондорсе, знаменитый ученый, а мимическій актеръ Ле-Кенъ. «Какъ свидѣтели послѣднихъ усилій невѣжества и заблужденія, — говорилъ онъ, — мы видимъ теперь, что разумъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой трудной и долгой борьбы, и, наконецъ, можемъ провозгласить: Истина побѣдила! Разумъ спасенъ!..»

«Каліостро!» крикнулъ кто-то въ отвѣтъ, и шпага, ударившаяся о полъ, громко зазвенѣла. Вы оглянулись съ испугомъ. Вы поняли, что только такой одичавшій человѣкъ, какъ я, могъ такъ неприлично вести себя!

Увѣряю васъ, что возмущеніе до сихъ поръ еще сдавливаетъ мнѣ горло. Послѣ трехъ лѣтъ отсутствія, я возвращаюсь и вижу: разореніе стоитъ у дверей Франціи, тревога за существованіе написана на лицѣ у каждаго. Одни въ безумномъ страхѣ бросаются въ руки чужеземнаго обманщика, а другіе свой гнѣвъ выражаютъ только въ рѣчахъ да въ газетныхъ статьяхъ. И въ довершеніе, я еще долженъ былъ испытать то, что одинъ изъ первыхъ людей въ странѣ объявляетъ у насъ разумъ спасеннымъ и истину побѣдительницей!

Ахъ, Дельфина, если бъ можно было бѣжать въ уединеніе, подальше отъ хаотическихъ голосовъ настоящаго! Я часто вспоминаю о бѣломъ маленькомъ замкѣ, между крытыми аллеями, о лебединомъ прудѣ передъ нимъ и о маленькомъ свѣтломъ храмѣ на зеленомъ лугу!

Но время теперь слишкомъ суровое, и мы не можемъ позволить себѣ быть сентиментальными. Мы даже не смѣемъ радоваться. Мнѣ было бы

совѣстно участвовать въ предстоящихъ празднествахъ, если бъ ваше присутствіе не извиняло все въ моихъ глазахъ. Только я бы не могъ заставить себя быть комедіантомъ, иными словами, забавлять общество, и меня огорчаетъ, что вы на это согласны. Не сердитесь на меня за мою откровенность! Скрываніе всѣхъ истинныхъ чувствъ до такой степени содѣйствовало развитію всеобщей лживости, что я предпочитаю быть грубымъ и прямымъ, какъ американцы.

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Версаль, 9 мая 1782 г.

Мы не можемъ допустить вашъ отказъ, прекрасная маркиза. Вы разрушаете весь нашъ ансамбль, художественное единство, главное лишаете нашихъ гостей удовольствія видѣть прелестнѣйшую изъ трехъ грацій. Плохое состояніе здоровья не можетъ служить предлогомъ въ Парижѣ, гдѣ есть Каліостро, и еще менѣе можетъ служить предлогомъ дурное настроеніе, которое не должно быть у маркизы Монжуа и на которое она не можетъ ссылаться передъ королевой.

Ея величество серьезно разсержена, и ничего нѣтъ удивительнаго, что она начнетъ приказывать тамъ, гдѣ она прежде обращалась съ тщетными просьбами. Не подвергайте же себя этому, очаровательная маркиза! Немилость имѣетъ горькій вкусъ. Вчера буря августѣйшаго негодованія донеслась даже до моихъ самыхъ отдаленныхъ комнатъ. Причина была достаточно серьезная. Ювелиръ Бемеръ былъ принятъ въ аудіенціи. Онъ принесъ брильянтовое ожерелье, которое своимъ великолѣпіемъ превосходитъ все, и графиня Полиньякъ надѣла его на королеву. Никакая сказочная принцесса, которую мать ея — солнце, украсила ожерельемъ изъ небесныхъ звѣздъ, не могла бы превзойти своимъ блескомъ королеву! Только радость, свѣтившаяся въ ея глазахъ, превращала ихъ въ еще болѣе блестящіе драгоцѣнные каменья.

Въ этомъ ожерельи она пошла къ королю. Прошло четверть часа, и еще, и еще... Лицо ювелира, попеременно, то краснѣло отъ раздраженія, то блѣднѣло отъ гнѣва. Затѣмъ мы услыхали столь знакомые предвѣстники королевскаго гнѣва, хлопаніе дверей, быстрые шаги... Ея величество королева явилась съ покраснѣвшими отъ гнѣва глазами и дрожащими губами! Въ рукѣ у нея было зажато ожерелье.

— Берите ваше театральное украшеніе! — крикнула она и съ такой силой швырнула его на мраморную доску стола, что оно зазвенѣло.— Камни фальшивые!..

— Ваше величество! — пролепеталъ пораженный ювелиръ. Но она, вмѣсто всякаго отвѣта, указала ему на дверь.

Герцогъ Бретейль, съ которымъ я говорилъ потомъ объ этомъ, открылъ мнѣ, что только чудовищная цѣна ожерелья — за него тре-

бовали не менѣе полутора милліона — заставила короля отказаться отъ покупки.

Раньше чѣмъ королева отпустила меня сегодня вечеромъ, я разсказалъ ей о Каліостро и его искусствѣ дѣлать золото. Она слушала меня и, развеселившись, обращалась съ насмѣшливыми замѣчаніями къ графинѣ Полиньякъ.

— И кардиналъ Роганъ,—говорите вы,—обладаетъ этой тайной?— спросила она, явно заинтересованная. Я молча наклонилъ голову, а она задумалась и, повидимому, даже забыла о моемъ присутствіи. Наконецъ она меня отпустила, разсѣянно сдѣлавъ жестъ рукой

Сегодня утромъ она снова была въ прекрасномъ настроеніи и все-таки ничего и слышать не хотѣла о вашемъ отказѣ. Графъ Артуа предложилъ старую герцогиню Монпансье какъ вашу замѣстительницу, — остроумная насмѣшка! Она проиграла недавно свои послѣдніе луидоры и теперь кокетничаетъ съ г. Ватле, милліонамъ котораго она готова была бы принести въ жертву даже свою герцогскую корону. Повидимому, онъ не совсѣмъ нечувствителенъ къ этому, вѣдь для буржуа никакая герцогиня не бываетъ старше тридцати лѣтъ!

Я слышалъ, что уже на будущей недѣлѣ васъ ждутъ, какъ гостью двора. Вы должны принять рѣшеніе до тѣхъ поръ.

Мы уже играли съ вами вмѣстѣ, прекрасная маркиза. Помните ли вы эту игру? Это была самая восхитительная игра въ моей жизни.

Бомарше—Дельфинѣ,

Парижъ, 18 Мая 1782 г.

Какъ нищій, просящій милостыню, стою я у вашихъ дверей, дорогая маркиза! Кто же, знающій васъ, можетъ являться къ вамъ иначе?

Я видѣлъ васъ вчера въ театрѣ, принцъ Монбельяръ сидѣлъ рядомъ съ вами. На сценѣ античные герои потрясали своими исполинскими мечами, вращали глазами и декламировали про свои добродѣтели. Я былъ почти готовъ предложить измученной публикѣ, которая не могла повѣрить въ подлинность греческаго міра, несмотря на изобиліе свѣтовыхъ эффектовъ, красныхъ, голубыхъ и зеленыхъ, обратить свое вниманіе на вашу ложу. Тамъ находились Марсъ и Венера собственной персоной.

Вы смѣялись въ то время, какъ герои драмы убивали другъ друга! Вы склоняли свое розовое ушко къ принцу, слушая его шопотъ, въ то время, какъ на сценѣ влюбленные навѣки прощались другъ съ другомъ! Короче говоря: эта поэзія васъ пріятно взволновала. Я не хотѣлъ мѣшать, но все же спѣшу воспользоваться настроеніемъ, которое, навѣрное, удержалось, благодаря теплому майскому дню.

Ея императорское высочество великая княгиня отвѣчала еще изъ Штутгарта согласіемъ на мою всеподданнѣйшую просьбу дозволить прочесть ей «Свадьбу Фигаро». Но такъ какъ я знаю по опыту, что люди бываютъ тѣмъ вѣжливѣе, чѣмъ они стоятъ выше на лѣстницѣ ранговъ,— вѣжливость вѣдь всегда является маской или тѣми духами, которые употребляетъ лучшее общество, съ тѣхъ поръ, какъ оно замѣтило свой естественный дурной запахъ, то я не могу быть твердо увѣренъ въ этомъ согласіи, пока мнѣ не будетъ назначенъ день и часъ. Это будетъ не легко, тѣмъ болѣе, что графиня дю Норъ, пожалуй, не сочтетъ для себя обязательнымъ исполнять обѣщанія русской великой княгини. Программа развлеченій не оставляетъ ни одного свободнаго часа въ теченіе дня въ ближайшія недѣли. Мнѣ нужна волшебница, которая помогла бы Фигаро проскользнуть туда. Кто же, кромѣ васъ, могъ бы быть такой волшебницей? Картина парижской жизни, которую развертываютъ передъ высокими гостями, въ самомъ дѣлѣ, была бы не полна, если бы мой цырюльникъ не стоялъ бы рядомъ съ Лагарпомъ, воскресившимъ Эврипида изъ мертвыхъ, съ M-me Бертенъ, изъ-за платьевъ которой не замѣчаютъ тѣхъ, кто ихъ носитъ, съ Мармонтелемъ, который утверждаетъ, что ему извѣстна тайна красиваго стиха Расина, и который въ то же время, менѣе чѣмъ кто-нибудь другой, умѣетъ хранить ее, и, наконецъ,—съ Глюкомъ и Пиччини, которые заботятся лишь о томъ, чтобы великіе умы Парижа не оставались праздными.

Вы знаете, я поклялся, что Фигаро завладѣетъ сценой. Вы слишкомъ добрая христіанка, дорогая маркиза, и поэтому не можете не помочь бѣдному грѣшнику исполнить свою клятву. Если русскій великій князь выразитъ одобреніе моей пьесѣ, то французскій король, изъ вѣжливости къ своему высокому гостю, не можетъ меня осудить.

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 20 мая 1782 г.

Моя милая! Вы переселились въ Версаль, и хотя ваша жизнь и до этого была постояннымъ бѣгствомъ отъ меня, но теперь я уже никогда не могу имѣть случая говорить съ вами наединѣ. Рано утромъ, съ появленіемъ парикмахера, начинается вашъ туалетъ, затѣмъ слѣдуютъ утреннія гулянья съ королевой, визиты и обѣды, поѣздки въ экипажахъ и верхомъ, послѣобѣденные чаи, балы, театры, ужины, — гдѣ же остается время для супруга, который, вслѣдствіе милостиво отведеннаго ему «отцовскаго» мѣста, привыкъ уважать также немногіе часы вашего ночного отдыха?

Я вынужденъ поэтому прибѣгать къ письменнымъ сношеніямъ съ вами, когда дѣло касается такихъ вопросовъ, которые не могутъ быть разрѣшены въ присутствіи слугъ или между двумя танцами.

Вы пользуетесь расположеніемъ королевы и, какъ добрая француженка, вы должны, въ это необыкновенно трудное время, которое мы переживаемъ, постараться употребить его для хорошей цѣли. Въ виду склонностей королевы, вамъ, конечно, было бы нетрудно устроить доступъ къ ней такому человѣку, какъ графъ Каліостро, который можетъ доставить ей возможность осуществить всѣ ея неудовлетворенныя желанія. Услуга, которую вы этимъ окажете Франціи, будетъ имѣть неоцѣнимое значеніе. Правда, графъ вамъ антипатиченъ — васъ отталкиваетъ отъ него страхъ передъ необъяснимымъ, — но вѣдь вы же собственными глазами видѣли его искусство добывать золото! И вотъ дѣло идетъ только объ этой способности, быть-можетъ, самой незначительной изъ тѣхъ, которыми онъ обладаетъ.

Въ послѣднее время онъ въ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждетъ того момента, когда онъ долженъ будетъ сдѣлаться спасителемъ Франціи. Поэтому его способность добывать золото теперь парализована. Другой былъ бы введенъ въ заблужденіе этимъ страннымъ явленіемъ, но я понимаю, что судьба отдѣльныхъ личностей должна отступить передъ судьбой цѣлой страны. Кромѣ того, я знаю, что съ достиженіемъ великой цѣли будутъ соблюдены и мои собственные интересы.

Еще два слова. Роганъ пускаетъ въ дѣйствіе всѣ пружины, чтобы Каліостро попалъ къ королевѣ только черезъ него и чтобы самому получить доступъ къ ней при его посредствѣ. Это было бы не желательно, тѣмъ болѣе, что я, какъ теперь вижу, заблуждался насчетъ честности намѣреній Рогана. Онъ добивается, какъ я опасаюсь, своей реабилитаціи при дворѣ, чтобы получить вакантный постъ канцлера, болѣе заботясь объ улучшеніи собственнаго финансоваго положенія, нежели о пользѣ Франціи.

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 21 мая 1782 г.

Вы отказываетесь, моя милая? «Какъ разъ именно потому, что королева питаетъ опасную склонность къ такого рода вещамъ, я не хочу толкать ее на это и быть виновницей ея несчастья», пишете вы. О, ослѣпленная! Вѣдь вы, быть-можетъ, губите свою собственную будущность! Но мы не такъ слабы, и наши вспомогательные источники не ограничиваются только вами, и вашъ отказъ не можетъ повергнуть насъ въ уныніе.

Кардиналъ-принцъ Луи Роганъ—Дельфинѣ.

Парижъ, 24 мая 1782 г.

Уважаемая маркиза! Я еще не оправился отъ изумленія, вызваннаго нашимъ короткимъ разговоромъ въ оперѣ. Вы отказываетесь замолвить доброе слово передъ королевой за стараго друга вашего дома,

какимъ я смѣю считать себя? Вы желаете избѣгать даже тѣни подозрѣнія, что вы принадлежите къ разряду тѣхъ интриганокъ, которыя смотрятъ на Францію какъ на свою дойную корову?! «Только прямыми путями достигаются великія цѣли!» сказали вы. Я бы просто посмѣялся надъ этой сентенціей, произнесенной вашими розовыми губками, еслибъ только взглядъ, брошенный мною на вашего знаменитаго сосѣда, сражавшагося въ качествѣ предводителя американскихъ бунтовщиковъ противъ священной особы его величества короля Англіи, не указалъ мнѣ какъ происхожденіе этой фразы, такъ и значеніе вашего настроенія.

Онъ другъ вашего дѣтства, какъ я слышалъ? Какъ трогательна такая вѣрность, если она могла пережить даже дружбу съ Карломъ фонъ-Пиршъ, Гюи Шеврёзомъ,. Гиберомъ и Бомарше!

Пораздумайте хорошенько, моя красавица. Роганъ—опасный врагъ, даже когда онъ находится въ немилости.

Бомарше—Дельфинъ.

Парижъ, 27 мая 1782 г.

Гдѣ найти слова, чтобы выразить то, что я хотѣлъ бы сказать вамъ? Вчерашній вечеръ въ моей жизни, столь богатой превратностями, былъ настоящимъ вступленіемъ въ разукрашенныя врата побѣды.

Декораціи были такъ же безподобны, какъ и актеры той пьесы, которая служила рамкой для моей комедіи. Красный салонъ, залитый мягкимъ свѣтомъ ароматныхъ свѣчей. Передъ бѣлымъ каминомъ, гдѣ весело потрескивалъ огонь, словно аккомпанируя моему чтенію, возсѣдала великая княгиня въ блестящемъ желтомъ атласномъ платьѣ, а на табуретѣ, у ея ногъ, сидѣлъ ея маленькій супругъ съ некрасивымъ славянскимъ лицомъ, но котораго приходится любить за его умъ. За нимъ, разукрашенный, какъ павлинъ, и надутый, какъ индѣйскій пѣтухъ, сидѣлъ Лагарпъ, на лицѣ котораго, желтѣвшемъ все болѣе и болѣе, я ясно читалъ степень моего успѣха. Рядомъ съ нимъ, благоразумно, какъ всегда, скрывая лицо въ тѣни, чтобы на немъ нельзя было ничего прочесть, сидѣлъ баронъ Гримъ, другъ всѣхъ безпокойныхъ умовъ и корреспондентъ всѣхъ властителей. А на другой сторонѣ сидѣла моя прелестная покровительница, въ небесно-голубомъ платьѣ изъ шелковаго муслина, окутывающаго ее мягкими прозрачными складками съ розами въ волосахъ и личикомъ, передъ свѣжестью котораго должны поблѣднѣть отъ стыда всѣ цвѣты міра!

Знаете ли, что въ теченіе цѣлаго вечера я боролся съ вашей красотой, какъ съ самымъ опаснымъ изъ соперниковъ? Эта красота вѣдь отвлекала вниманіе слушателей. Князь Юсуповъ не могъ оторвать своихъ черныхъ круглыхъ глазъ отъ вашихъ ослѣпительныхъ плечиковъ, и только очень ѣдкія остроты могли отвлечь на время его взоры

отъ этого зрѣлища. А графъ Куракинъ какъ будто занимался изученіемъ волнистыхъ линій вашихъ ножекъ, и только любовные вздохи Керубина отвлекли его. И все же я не могъ вполнѣ побѣдить васъ, очаровательная волшебница! Отъ принца Монбельяра я долженъ былъ отказаться, такъ какъ его загорѣлое лицо только тогда теряло свою неподвижность, когда его взоры погружались въ ваши глаза.

Сегодня утромъ я получилъ предложеніе послать свою комедію русской императрицѣ. А Францiя энциклопедистовъ, мнящая себя представительницей высшей культуры міра, запрещаетъ ея постановку! Въ то же время я узналъ, что сочиненія Вольтера освобождены во Франціи. Очевидно, они кажутся менѣе опасными, чѣмъ проказы Фигаро!

Еще года два борьбы, съ вами, какъ союзницей, прекрасная маркиза, — еще годика два финансоваго хозяйства Калонна и... Цырюльникъ побѣдитъ короля!

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинъ.

Версаль, 7 іюня 1782 г.

Дорогая маркиза, простите, что я нарушаю вашъ покой въ такой ранній часъ утра. Мы находимся въ сильнѣйшемъ волненіи и опасаемся скандала, послѣдствія котораго невозможно предвидѣть, если только вы не захотите безусловно стать на нашу сторону. Приближенные герцога Шуазеля—герцогъ Бриссакъ и маркизъ де ля Сюзъ, распространили ночью слухъ, что королева, во время вчерашняго праздника въ Тріанонѣ, имѣла тайное свиданіе съ кардиналомъ Рогановъ въ рыбачьей хижинѣ. Еще до разсвѣта они уже успѣли сообщить эту новость королю. И вотъ, во время вставанія короля произошла такая сцена, какой мнѣ еще не приходилось видѣть. Лакеи сбѣжались изъ всѣхъ угловъ, испуганные шумомъ! Королева отреклась отъ всего. Она ссылается на васъ, бывшую возлѣ нея, на меня, на графа Водрейля, на M-me Кампанъ и принцессу Ламбаль. И мы должны прійти ей на помощь — должны!

Хотятъ прогнать придворнаго капеллана, который, повидимому, впустилъ тайкомъ кардинала. А онъ грозитъ разоблаченіемъ всего дѣла. Если это случится, то при томъ настроеніи, которое существуетъ въ Парижѣ, у насъ завтра же будетъ революція на улицахъ.

Податель этой записки — надёжный человѣкъ. Передайте ему вашъ отвѣтъ и сообщите, можете ли вы принять меня приблизительно черезъ часъ.

Принцъ Фридрихъ - Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Версаль, 7 іюня 1782 г.

Любимая! Итакъ, руки коварной интриги касаются и нашей тайны! Она сурово оторвала насъ отъ сладкихъ грезъ этой ночи! Около меня могъ рушиться міръ, но я видѣлъ только васъ, васъ, которая всегда была предметомъ желаній всей моей жизни. Я слышалъ только вашъ голосъ, говорившій мнѣ то, что я не надѣялся услышать никогда! Быть-можетъ, наиболѣе завидною участью было бы умереть въ этотъ часъ упоенія величайшимъ блаженствомъ.

И вдругъ я почувствовалъ, что вы дрожите въ моихъ объятіяхъ. Я увидѣлъ, что ваши глаза, только что горѣвшіе любовью, широко раскрылись отъ ужаса, и прежде чѣмъ я успѣлъ оглянуться, вы шепнули мнѣ поблѣднѣвшими губами: «Кардиналъ».

Огненное колесо, на лугу бросавшее во всѣхъ направленіяхъ снопы пламени, позади бесѣдки, укрывавшей насъ, ярко освѣтило черную закутанную фигуру, красные чулки и каблуки внизу. А въ нѣсколькихъ шагахъ, бѣлая, тонкая фигура и — тихая рыбачья хижина!

Это была женщина, и мой рыцарскій долгъ повелѣваетъ мнѣ защитить ее. Но это была королева, и мой долгъ гражданина повелѣваетъ мнѣ принести ее въ жертву. Абсолютная монархія, благодаря которой эта бѣдная страна истекаетъ кровью, получила бы здѣсь такой ударъ, отъ котораго она не могла бы оправиться.

Если же я все-таки молчу—только молчу, потому что я не въ состояніи былъ бы показывать противное тому, что я видѣлъ, то тутъ я подчиняюсь тому могучему чувству, которое, какъ буря, сноситъ всѣ плотины, съ трудомъ построенныя разумомъ, разрушаетъ всѣ свѣточи, воздвигнутые долгомъ, чтобы указывать дорогу заблудившимся кораблямъ. Это чувство — любовь, Дельфина, любовь къ вамъ

Вы спасли королеву, спасли ложью! И у меня, моя возлюбленная, вы просите прощенія? О, какъ бы я хотѣлъ поцѣловать ваши нѣжныя губки ради этой лжи, которую онѣ произнесли! То, что для мужчины было бы позорнымъ униженіемъ, является для женщины трогательною добродѣтелью.

Будь я духовникомъ, къ которому бы вы обратились, то я бы, конечно, наложилъ на васъ покаяніе. А теперь я только прихожу къ вамъ съ просьбой ради нашей любви, моя Дельфина!

Она чиста, эта любовь, но ядовитое дыханіе здѣшняго общества грозитъ загрязнить ее. Она глубока, но развращенность кругомъ насъ не отступитъ ни передъ какими средствами, чтобы изслѣдовать ее до самаго дна. Она священна, но гнусное отродье царедворцевъ употребитъ всѣ усилія, чтобы заставить ее служить своимъ гнуснымъ цѣлямъ. Мы должны ее спасти. Въ данный моментъ, быть-можетъ, это лучшее, что есть въ мірѣ.

Тамъ, вблизи лѣсовъ, роскошнаго великолѣпія которыхъ еще не коснулась грубая рука человѣка, гдѣ природа сама преподноситъ жителямъ свои сокровища, любовь эта будетъ дышать свободно и достигнетъ изумительной красоты.

Я легко найду корабль, который отвезетъ насъ туда, и знаю, что сотни рукъ протянутся намъ навстрѣчу. Пусть же рѣшаетъ ваше сердце!

Принцъ Фридрихъ - Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 9 іюня 1782 г.

Только что я вернулся отъ васъ и еще ощущаю на своихъ устахъ ваше дыханіе, впервые пробудившее меня къ жизни, я не понимаю, какъ я могъ раньше жить, не ощущая его! — и вотъ мои мысли снова летятъ къ вамъ.

Даже раны, которыя вы наносите, Дельфина, доставляютъ наслажденіе. Я мысленно повторяю каждое ваше слово. Вы стоите передъ моими глазами, точно изваянная изъ мрамора. «Этого нельзя! — сказали вы мнѣ. — Это было бы смертью старика, чье имя я ношу. Я много страданій причинила ему, и онъ все перенесъ. Въ самыя трудныя времена онъ былъ для меня другомъ и покровителемъ, не напоминая мнѣ о томъ, что онъ также и мой супругъ. А когда онъ напомнилъ мнѣ объ этомъ, то все же не сталъ настаивать на своихъ правахъ, когда получилъ отпоръ, хотя могъ бы требовать покорности. Теперь онъ боленъ и опечаленъ. Я бы охотно выказала ему дружбу, если бъ не боялась, что онъ пойметъ это иначе. Только одно я могу сдѣлать для него — избавить его отъ скандала, котораго онъ опасается пуще всего».

И вотъ, когда вы почувствовали, какъ больно отозвался на мнѣ вашъ отказъ, то съ поцѣлуями и слезами вы спѣли мнѣ великій гимнъ любви, услышать который врядъ ли удавалось какому-нибудь смертному.

«Я не переставала стыдиться брака, — говорили вы. — Утвержденное документами право на любовь — это могила любви. Любовь должна оставаться великой тайной между двумя людьми, потому что она есть глубочайшая изъ всѣхъ тайнъ. На головокружительныхъ вершинахъ высокихъ горъ, куда могутъ сбираться только сильнѣйшіе въ тиши зеленыхъ лѣсовъ, къ которымъ находятъ дорогу только бѣгущіе изъ міра — вотъ гдѣ должны находиться ея храмы! И даже тамъ только немногіе проникаютъ въ ея святилище и получаютъ послѣднее посвященіе».

Не сердись на меня, моя обожаемая, что я рѣшаюсь повторять твои слова, которыя безъ звука твоего голоса такъ же нѣмы, какъ птицы.

Принцъ Фридрихъ - Евгенiй Монбельяръ—Дельфинѣ.

Версаль, 1 іюля 1782 г.

Еще одинъ привѣтъ — послѣдній передъ вашимъ отъѣздомъ въ горы! И я могъ годы оставаться въ разлукѣ съ вами, когда мнѣ даже двѣ недѣли кажутся вѣчностью!

Я послѣдую за вами въ Баррежъ-ле-Бенъ, какъ было условлено, лишь только дворъ покинетъ Версаль.

Когда я вчера вышелъ отъ васъ, то повстрѣчался съ маркизомъ. При тускломъ свѣтѣ масляной лампы онъ показался мнѣ очень блѣднымъ. Онъ поклонился мнѣ съ улыбкой, которая сжала мнѣ сердце, поэтому я всю ночь пробродилъ подъ вашими окнами. Но все было тихо, и ваша нѣжная записка, полученная мной сегодня утромъ, окончательно меня успокоила.

Я цѣлую вашъ бѣлый лобъ для того, чтобы подъ нимъ не скрывалось бы ни одной мысли, принадлежащей другому, а не мнѣ! Я цѣлую ваши нѣжныя руки, чтобы сковать ихъ цѣпями, пока я не освобожу ихъ, для того, чтобы онѣ могли обвиться вокругъ моей шеи! Я цѣлую ваши пунцовыя губки, для того, чтобы ни одно слово любви не могло сорваться съ нихъ, пока своими устами я не уничтожу чары, сковавшія ихъ!

Принцъ Фридрихъ - Евгенiй Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 25 сентября 1782 г.

Любимая моя! Снова вокругъ меня раздается уличный шумъ, и я въ толпѣ чувствую себя очень одинокимъ. Но хотя я думалъ, что послѣ нѣсколькихъ недѣль величайшаго счастья горе разлуки должно окончательно сразить меня, я вдругъ почувствовалъ, какимъ богатымъ, какимъ сильнымъ сдѣлала меня моя Дельфина! Даже тогда, когда она далека отъ меня, я чувствую, что обладаю ею, и это чувство даетъ мнѣ возможность перенести временную разлуку...

Прежде всего я отправился въ Пале-Рояль. Оттого ли, что я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ полномъ спокойствіи, но только мнѣ показалось, что лихорадочное возбужденіе, охватившее всѣхъ, дѣйствительно, возросло въ этотъ промежутокъ времени. Наше печальное пораженіе при Гибралтарѣ и условія, на которыхъ заключается теперь миръ съ Англіей, служитъ темой всѣхъ разговоровъ. Я слышалъ Гальяра, окруженнаго тѣсно сомкнувшейся группой слушателей, и его пламенная рѣчь одинаково была проникнута ненавистью къ правительству и любовью къ отечеству.

«Почему мы разбились о скалы Гибралтара?—восклицалъ онъ. — Потому, что наше войско питается только славой прошлаго, вмѣсто того

чтобы ежедневной работой подготовлять славу будущаго. Сотни тысячъ выброшены на постройку знаменитыхъ пловучихъ батарей Арсона, которыя въ нѣсколько часовъ сгорѣли отъ каленыхъ англійскихъ ядеръ, тогда какъ эти же сотни тысячъ могли быть употреблены на то, чтобы превратить голодающихъ безработныхъ въ хорошихъ, сильныхъ солдатъ. Никогда машины не замѣнятъ людей!... Почему мы, при заключеніи мира, фактически окажемся потерпѣвшими? Потому, что нашимъ противникомъ былъ народъ, не имѣющій холоповъ! Потому, что у насъ, вмѣсто отвѣтственныхъ министровъ—Питта или Фокса—страной управляютъ продажные царедворцы... И все же я восхваляю эту войну, которая въ самомъ началѣ воодушевляла насъ, восхваляю потому, что она явилась намъ въ яркомъ сіяніи американской борьбы за освобожденіе, хотя она и послужила для насъ такимъ тяжелымъ урокомъ! Гораздо более, чѣмъ всѣ книги философовъ, открыла намъ эта война, указавъ чего намъ не хватаетъ. И мы научились тому, чему должны научиться, если не хотимъ, чтобы наше отечество погибло. Мы научились проливать кровь за идеалы!»...

Этотъ некрасивый маленькій человѣкъ сталъ почти красавцемъ, когда произносилъ свою рѣчь. Я не могъ сдержаться и съ увлеченіемъ и благодарностью пожалъ ему руку, какъ товарищу. Но когда я осмотрѣлся кругомъ и увидалъ тѣхъ, кто сочувственно аплодировалъ ему, и услышалъ безграничныя комментаріи къ его словамъ, то—не хочу отрицать этого!—въ душѣ моей поднялось нѣчто въ родѣ враждебнаго чувства. Что если эти люди съ грубыми страстями, охваченные гораздо больше жаждою мести, нежели стремленіемъ къ политической свободѣ, вдругъ захватятъ власть въ свои руки? Не будетъ ли, въ концѣ-концовъ, тиранія массы гораздо страшнѣе тираніи отдѣльныхъ лицъ?

Когда же я вечеромъ, по приглашенію нашего новаго казначея флота г. Бутена, пріѣхалъ въ его великолѣпный загородный замокъ, гдѣ собралось самое изысканное общество, около ста человѣкъ, которымъ подавали на золотыхъ блюдахъ всевозможныя гастрономическія рѣдкости, то мнѣ стало стыдно этого чувства, испытаннаго мною утромъ, хотя и вполнѣ естественнаго у аристократа, но недостойнаго гражданина современной Франціи, у котораго это служило бы признакомъ жалкой трусости. Если даже народныя массы раздавятъ насъ, это все-таки будетъ побѣдой справедливости. Мы заслужили свою участь.

Пусть моя ненаглядная Дельфина проститъ мнѣ, что бываютъ такіе моменты, когда мои мысли отвлекаются отъ нея въ сторону. Но ты должна простить, потому что даже мои самыя отдаленныя мысли, въ концѣ-концовъ, я приношу къ твоимъ ногамъ, моя единственная возлюбленная!

Скоро ли я получу отъ тебя извѣстіе и узнаю, какъ ты перенесла путешествіе въ Страсбургъ? И когда, моя возлюбленная, — ахъ, когда!— я снова обниму тебя!!

Принцъ Фридрихъ - Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 8 октября 1782 г.

Какъ много счастья ты даешь мнѣ! Какъ каждое твое слово трогаетъ меня! О, если бъ я имѣлъ теперь крылья, которыя, по предсказанію Бланшара, будутъ у грядущаго человѣчества!

Не надо было твоей трогательной просьбы. Мое собственное пламенное желаніе неудержимо влечетъ меня къ тебѣ. Я проѣду черезъ Монбельяръ, гдѣ мое присутствіе необходимо — я не былъ тамъ со смерти моей дорогой матери, — и въ теченіе будущаго мѣсяца я уже буду въ Страсбургѣ. Дѣла, которыя находятся въ связи съ моими помѣстьями въ Эльзасѣ, вполнѣ оправдываютъ мое присутствіе въ этомъ городѣ.

Со времени моего послѣдняго письма мнѣ пришлось видѣться съ самыми различными людьми. Насчетъ того, что теперешнее положеніе вещей долго продержаться не можетъ, никто уже не сомнѣвается, за исключеніемъ версальскаго двора! Королева продолжаетъ танцовать и играть въ спектакляхъ, и даже ея благотворительность смахиваетъ на сентиментальную трогательную пьесу. — Король охотится и, чтобы показать свое пониманіе современнаго духа, изрѣдка принимаетъ какого-нибудь почтеннаго буржуа, котораго онъ весело похлопываетъ по плечу, и если буржуа достаточно богатъ, жалуетъ ему дворянство. И тогда мечтатели снова, въ теченіе нѣсколькихъ дней, говорятъ о добротѣ и простотѣ монарха!

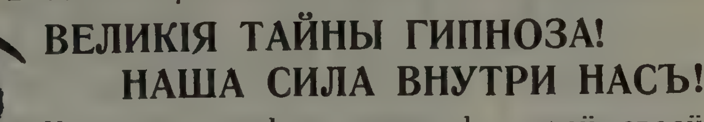
«Слабость, которая не можетъ препятствовать злу и не умѣетъ поощрять добро, только укрѣпляетъ тиранію», за эту фразу Дидро едва не попалъ въ Бастилію!

Я былъ также въ Сенъ-Канѣ у Неккера и вернулся оттуда разочарованный. Надо имѣть весьма скромныя требованія, чтобы считать его выдающимся. Теченіе событій увлекаетъ его за собой и бросаетъ изъ стороны въ сторону, и такимъ образомъ онъ, конечно, не въ состояніи направить это теченіе въ соотвѣтствующее русло. Поразительное явленіе представляетъ его дочь. Она похожа на своихъ родителей только тѣмъ, что наслѣдовала отъ нихъ часть женевской разсудительности. Ея великолѣпные глаза и прекрасная фигура примиряютъ меня съ ея некрасивымъ лицомъ. Ея замѣчательный умъ невольно вызываетъ удивленіе. И тѣмъ не менѣе, въ глубинѣ души, я чувствую къ ней антипатію. Если таковъ типъ будущей женщины, то я не могу не пожалѣть о мужчинахъ. Какъ счастливъ я, что могу назвать своей женщину, представляющую самое очаровательное воплощеніе XVIII вѣка!

Я встрѣтилъ у Неккера графа Гибера, и то, какъ, онъ держитъ себя въ его домѣ, позволяетъ заключить, что онъ принадлежитъ къ интимному кругу семьи, что меня немало удивляетъ въ виду его прежняго отношенія къ политикѣ Неккера. Очарованіе M-lle Неккеръ, очевидно, преодолѣваетъ всякія колебанія, основанныя на убѣжденіяхъ. Такіе мужчины-

ИМѢЙТЕ ДѢЛО СЪ САМИМЪ АВТОРОМЪ,

НО НЕ СЪ АЛЧУЩИМИ НАЖИВЫ ИЗДАТЕЛЯМИ.

Хотите ли вы подчинять людей своей волѣ, владѣя великой тайной силой?

Я, психо-френологъ, Х. М. ШИЛЛЕРЪ-ШКОЛЬНИКЪ, даю дѣйствительно полный курсъ гипнотизма, большой томъ, въ богатомъ, съ золотымъ тисненіемъ, переплетѣ

Вмѣсто 12 руб. только за 2 руб.

Мой курсъ заключаетъ въ себѣ много цѣннаго и новаго въ области гипнотизма. Мое произведеніе ведетъ къ самоусовершенствованію, учитъ вліять и дѣйствовать на окружающихъ посредст. внушенія въ состояніи бодрствованія.

Мой курсъ содержитъ въ себѣ 98 важнѣйшихъ главъ. Онъ учитъ вліять, дѣйствовать и внушать безъ усыпленія. Только въ моемъ курсѣ имѣется обширный отдѣлъ чтенія чужихъ мыслей.

Въ немъ широко разработаны отдѣлы: лѣченіе посредствомъ открытаго внушенія пьянства, куренія, азартной игры, онанизма, неврастеніи, головной боли, безсонницы, недержанія мочи, заиканія и проч.

Самовнушеніе. Быстрое предотвращеніе страха. Укрѣпленіе памяти и устраненіе разсѣянности.

Произведеніе это замѣчательно и рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ изданій этого рода своей общепонятностью и общедоступностью. По отзывамъ лицъ, пользующихся этимъ курсомъ гипнотизма, **онъ раскрываетъ новый невѣдомый міръ, поднимаетъ духъ и настроеніе, даетъ силу, мощь, ведетъ къ счастью и довольству.** Роскошное изданіе, со множествомъ рисунковъ, съ портретомъ автора и знаменитѣйшихъ медіумовъ. Для прохожденія моего курса не требуется никакихъ особенныхъ знаній. Онъ приноситъ неоцѣнимую пользу **мужчинамъ и женщинамъ, старымъ и молодымъ, богатымъ и бѣднымъ, сильнымъ и слабымъ, здоровымъ и больнымъ. Мой курсъ вышелъ новымъ, значительно увеличеннымъ, исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ.**

Въ курсѣ заключается слѣдующее содержаніе: 1) Введеніе. 2) Что такое гипнотизмъ. 3) Исторія гипнотизма. 4) Чѣмъ долженъ быть гипнотизеръ. 5) Качества гипнотизируемой личности. 6) Средства и методы гипнотизма. 7) Дѣйствіе гипнотизера на гипнотизируемую личность. 8) Гипнотическій сонъ. 9) Пробужденіе. 10) Что чувствуетъ и испытываетъ усыпленный посредствомъ гипнотизма. 11) Отгадываніе чужихъ мыслей. 12) Какъ развить способность чтенія мыслей. 13) Методъ и способы чтенія мыслей. 14) Что способствуетъ удачнымъ экспериментамъ. 15) Что мѣшаетъ удачнымъ опытамъ. 16) Какъ вліять, дѣйствовать и внушать безъ усыпленія въ состояніи бодрствованія. 17) Опыты открытаго внушенія. 18) Лѣченіе посредствомъ открытаго внушенія пьянства, куренія, азартной игры, онанизма, неврастеніи, головной боли, безсонницы, недержанія мочи, заиканія и проч. 19) Самовнушеніе. 20) Быстрое предотвращеніе страха. 21) Укрѣпленіе памяти и устраненіе разсѣянности. 22) Совѣты намѣревающимся публично демонстрировать опыты гипнотизма. 23) Побѣда мысли. 24) Пріемы и упражненія. 25) Путь къ счастью и довольству и пр. и пр. Прошу не сравнивать съ московскими и иными лубочными изданіями. Я даю за **2 р.** вполнѣ законченный курсъ: никакихъ добавочныхъ лекцій и расходовъ не требуется. Брошюра съ отзывами и благодарностями ученыхъ, высокопоставленныхъ и знатныхъ особъ прилагается при всякомъ заказѣ. Здѣсь за неимѣніемъ мѣста для убѣжденія приводятся лишь нѣкоторые.

ЧИТАЙТЕ:

Священникъ от. **Василій Спѣвачевскій**, почт. ст. Улановъ, Под. губ.: „Высокочтимый господинъ Х. М. Шиллеръ-Школьникъ. Книгу Вашу „**Гипнотизмъ**" получилъ, прочелъ и искренно благодарю. При чтеніи книги мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, открылась завѣса тайнъ человѣческаго существа, которыя до извѣстной границы могутъ быть постигнуты и подвластны человѣку. Я глубоко увѣренъ въ гуманности и добрыхъ намѣреніяхъ Вашей дѣятельности и поэтому остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ священникъ Василій Спѣвачевскій".

Василій Ѳедоровичъ Кремповскій, Новороссійскъ, контора инженера Щенсновича, пишетъ: „Присланнымъ Вами курсомъ гипнотизма очень интересуюсь, занимаюсь и благодарю Васъ, чувствуя себя гораздо лучше. Мой братъ также пользуется Вашимъ курсомъ и также очень доволенъ. Съ совершен. почт. Кремповскій".

В. В. Королевъ, Савино. „За курсъ гипнотизма ничего, кромѣ безграничной благодарности и сердечнаго „спасибо", сказать не могу и лучшей благодарности не придумаю. Книга поражаетъ ясностью изложенія и цѣнностью ея содержанія. При всемъ этомъ она значительно и роскошно иллюстрирована, въ богатомъ переплетѣ и такая минимальная цѣна, какъ 2 р., какую Вы назначили, свидѣтельствуетъ о Вашемъ благомъ намѣреніи широко распространить эти драгоцѣнныя для всякаго свѣдѣнія и совѣты среди интересующихся, въ чемъ отъ души желаю Вамъ полнаго успѣха. Пребываю съ высокимъ почтеніемъ къ Вамъ В. В. Королевъ".

Ермолай Алексѣевичъ Фроловъ, гор. Илекъ, Уральской обл., пишетъ: „Глубокоуважаемый г. Шиллеръ-Школьникъ. Вашъ курсъ гипнотизма осчастливилъ меня; я достигъ блестящихъ результатовъ по гипнотизму. Я вылѣчилъ многихъ отъ различныхъ болѣзней и дурныхъ привычекъ. Никакой кладъ и богатство не могутъ сравниться съ пріобрѣтенными мною отъ Васъ познаніями. Я остаюсь искренно благодарный и всегда готовый рекомендовать Вашъ курсъ, который можетъ принести большую пользу всѣмъ. Покорный слуга Фроловъ".

Если бы Вы захотѣли, для убѣжденія, обратиться къ кому-либо изъ вышепоименованныхъ лицъ, то приложите къ письму конвертъ съ Вашимъ адресомъ и наклеенной маркой. Восторженные отзывы и благодарности отъ частныхъ лицъ получаются ежедневно; у насъ ихъ множество, подлинники предъявляются во всякое время всѣмъ желающимъ—у насъ въ конторѣ. Но, кромѣ частныхъ отзывовъ и благодарностей, вотъ что пишетъ солидный с.-петербургскій оккультный журналъ „**ИЗИДА**", издаваемый извѣстнымъ ученымъ знатокомъ оккультизма **И. К. Антошевскимъ**, во второмъ номерѣ журнала за ноябрь 1910 г.: „Гипнотизмъ Х. М. Шиллеръ-Школьника, изящно изданная книга, знакомитъ читателя какъ съ теоріей, такъ и съ практическими пріемами гипнотизма. Среди множества сочиненій и лекцій по гипнотизму эта книга заслуживаетъ особаго вниманія, благодаря весьма популярному изложенію сущности гипнотизма. Несмотря на сравнительно невысокую цѣну, эта книга вполнѣ замѣн. дорого стоящія изданія америк. институтовъ"

Полный курсъ со всѣми приложеніями высылается за **2 р.** Деньги присылать переводомъ. Налож. плат. на 30 к. дороже. Писать свою фамилію и адресъ ясно и разборчиво.

Нашъ адресъ: **Варшава, Психо-френологу Х. М. ШИЛЛЕРЪ-ШКОЛЬНИКУ, Пенкная, 25. А.**

Содержаніе вышедшихъ книгъ „Голоса Минувшаго“:

№ 1. (январь.)

№ 2. (февраль).

№ 3. (Мартъ).

№ 4. (Апрѣль).

I. Статьи:

В. М. Фриче. „К. Гольдони“ (обществ. значеніе его комедій).

И. Н. Игнатовъ. „Театръ и зрители II. Послѣ Отечественной войны“.

Н. О. Лернеръ. „Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова“.

К. Н. Левинъ. „Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена“. (По неизданнымъ матеріаламъ).

В. И. Семевскій. „М. В, Буташевичъ-Петрашевскій. Пятницы Петрашевскаго въ 1845-48 гг.“.

II. Воспоминанія:

„Дневникъ Э. Дюмона. 1803 г.“ Сообщ. С. М. Горяиновъ.

Максимовъ. В. М. „Автобіографическія записки“. Съ предисловіемъ И. Е. Рѣпина.

Бѣлоконскій, И. П. „Отрывки изъ воспоминаній“.

III. Матеріалы:

„Матеріапы по исторіи цензуры въ Россіи“. Сообщ. В. И. Семевскій. „Къ біографіи Т. Н. Грановскаго“. Сообщ. Д. М. Щепкинъ. „Неизвѣстная сатира“. Сообщ. Н. П. Кашинъ.

IV. Критика и библіографія:

V. Обзоръ журналовъ:

С. П. Мельгуновъ. 1) „Изъ исторіи русскаго самосознанія. Защита Мережковскимъ Александра I. Новое о декабристахъ“. 2) Н. Л. Бродскій. „Новое о Пушкинѣ“. 3) И. В. Лучицкій. „О феодализмѣ при Людовикѣ XVI“. 4) А. М. Васютинскій. „Дж. Мадзини на защитѣ римской республики 1849 г. Новый варіантъ Мефистофеля. Фаустъ въ балаганѣ“.

VI. Рисунки:

Портреты (дуплексъ): Гольдони; Н. А. Спѣшнева и В. М. Максимова. Картина И. Е. Рѣпина. „Арестъ“ (въ краскахъ). Заставки изъ изданій Струйскаго XVIII в.

VII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма Маркизы“.

№ 5. (Май).

I. Статьи:

И. И. Шрейдеръ Джузеппе Мадзини о національномъ вопросѣ. R. „Валеріанъ Лукасинскій“.

Е. Колосовъ, М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

II. Воспоминанія:

В. М. Максимовъ. Автобіографическія замѣтки (продолженіе).

И. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминанія (оконч.).

Н. М. Іорданскій. Изъ недавняго прошлаго.

Проф. І. А. Артоболевскій. Воспоминанія о В. О. Ключевскомъ.

Н. Н. Степаненко. Воспоминанія о Засодимскомъ. Автобіографическая замѣтка П. В. Засодимскаго. Сообщ. Ч. Вѣтринскій.

III. Матеріалы:

С П. Мельгуновъ. Московскій университетъ въ 1894 г. (по поводу записокъ проф. Боголѣпова).

Черткова, А. К. Л. Н. Толстой и его знакомство съ духовно-православной литературой (по письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ о немъ).

Письма В О. Ключевскаго.

Гершензонъ, М. О. О способахъ распространенія „Колокола“.

(Письмо неизвѣстнаго къ А. И. Герцену). Гр. В. Н. Панинъ о Герценѣ.

IV. Обзоръ журналовъ:

1) Н. Л. Бродскій. Новое о Гаршинѣ.
2) А. М. Васютинскій и А. К. Дживелеговъ. М-ль Сталь, вел. кн. Екатерина Павловна и Наполеонъ.

V. Критика и библіографія.

VI. Рисунки.

Портретъ В. Лукасинскаго. Картины Максимова.

VII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма Маркизы“.